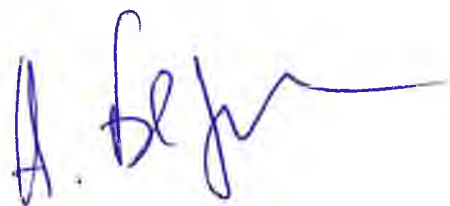

**Военная академия Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации
Научно-исследовательский институт (военной истории)**

БЕЗУГОЛЬНЫЙ Алексей Юрьевич

**ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(1922–1945 гг.)**

**Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук по специальности
07.00.02 – Отечественная история**

**Научный консультант –
доктор исторических наук,
профессор В.В. ИЗОНОВ**

Москва, 2019 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Историография, источниковая и методологическая база исследования	19
1.1. Отечественная историография.....	19
1.2. Зарубежная историография.....	50
1.3. Источниковая база исследования.....	79
1.4. Методология и понятийный аппарат исследования.....	115
Выводы по главе 1.....	130
Глава 2. Проблемы создания и развития национальных воинских формирований РККА	134
2.1. Национальная политика в строительстве Вооруженных Сил в 1920-х гг. и реализация пятилетней программы развития национальных формирований..	134
2.2. Развитие национальных формирований в условиях наращивания военной мощи СССР (конец 1920-х – 1930-е гг.).....	165
2.3. Национальные формирования в период Великой Отечественной войны.....	195
Выводы по главе 2.....	233
Глава 3. Особенности комплектования РККА представителями народов СССР	238
3.1. Комплектование РККА представителями народов СССР в 1920-х гг.	238
3.2. Особенности комплектования РККА в 1930-х – начале 1940-х гг. и переход к массовому призыву представителей народов СССР.....	260
3.3. Комплектование РККА представителями нерусских народов в годы Великой Отечественной войны.....	282
Выводы по главе 3.....	329

Глава 4. Подготовка и использование национальных военных кадров.....	332
4.1. Подготовка и комплектование частей РККА национальными кадрами командно-начальствующего состава в межвоенный период.....	332
4.2. Национальные кадры РККА в период Великой Отечественной войны.....	360
Выводы по главе 4.....	395
Глава 5. Особенности работы по укреплению политико-морального состояния и повышению боевой выучки военнослужащих нерусской национальности.....	398
5.1. Постановка партийно-политической работы с представителями народов СССР в 1920–1930-х гг.....	398
5.2. Проблемы языковой адаптации военнослужащих нерусской национальности (1920-е – 1941 г.).....	435
5.3. Особенности партийно-политической работы в условиях языкового и этнокультурного многообразия личного состава РККА в годы Великой Отечественной войны.....	456
Выводы по главе.....	500
Заключение.....	504
Список принятых сокращений.....	531
Источники и литература.....	533
Приложения.....	589

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Российская Федерация – страна с удивительным многообразием этносов, говорящих на 277 языках и диалектах. В государственной системе образования используется 105 языков, из них 24 – в качестве языка обучения, 81 – в качестве предмета изучения¹. Десятки российских этносов имеют собственную государственность. Все граждане вне зависимости от национальной принадлежности и вероисповедания должны, согласно п. 2 ст. 59 Конституции Российской Федерации, нести военную службу. В сфере организации военной службы граждан различных национальностей в нашей стране накоплен немалый исторический опыт, который, к сожалению, пока мало изучен и обобщен и недостаточно используется в современной практике строительства Вооруженных Сил Российской Федерации.

Современная целевая установка для органов государственного и военного управления, изложенная в действующей «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», требует «учета этнических и религиозных аспектов в работе с личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, органов внутренних дел Российской Федерации, мониторинг состояния межнациональных отношений в воинских коллективах и районах дислокации воинских частей»².

Между тем специфика контингентов военнообязанных из национальных регионов России (в современных условиях речь идет прежде всего о призывниках из республик Северного Кавказа), выражающаяся в сложности их социальной, культурной и языковой интеграции в инокультурный для них русскоязычный во-

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, в ред. от 6 декабря 2018 г.) // URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.8784510407862087#08089583742298276>. (Дата обращения: 25.12.2018).

² Там же. Пункт 21.1 Стратегии.

инский коллектив, постоянно ставит перед органами государственного и военного управления массу практических вопросов, которые приходится решать с каждым очередным призывом. Призывать ли молодежь коренных национальностей? Если да, то, конкретно, каких национальностей и в каком количестве? Как организовать прохождение ими военной службы: общим порядком в обычных воинских частях или особым – в составе национальных формирований? Как обеспечить их органичную интеграцию в воинский коллектив, избежав конфликтов и, напротив, обратив на пользу дела особенности их национального характера?

Опыт строительства Вооруженных Сил Российской Федерации последних десятилетий показывает, что устоявшихся взглядов в этой области, которые бы имели выражение в последовательной государственной политике при комплектовании войск представителями ряда народов России, до сих пор нет. Так, на территории Чеченской Республики последний полноценный призыв граждан в ряды Вооруженных Сил проводился в 1992 г., после чего он прекратился более чем на 20 лет. Лишь с 2015 г. чеченцы в незначительном числе призываются на службу в армию. В других республиках Северного Кавказа военный призыв формально не отменялся, однако путем введения квот руководство Минобороны России существенно сократило приток в войска молодежи коренных национальностей из этих регионов. Нет сейчас и единого взгляда на необходимость содержания в современных условиях национальных формирований. В 2000–2010-х гг. в структуре Минобороны России и Внутренних войск МВД РФ существовало четыре батальона³, укомплектованных чеченцами. В тот период это облегчило процесс легализации участников незаконных вооруженных формирований, многие из которых перешли на службу российской власти. Чеченский батальон МО РФ «Восток» принял участие в операции Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Южной Осетии против грузинских войск в 2008 г. Но постепенно все чеченские подразделения были расформированы. По поручению президента РФ в начале 2010-х гг. прорабатывалась возможность создания национального полка, одно-

³ Батальоны «Восток» и «Запад» 42-й гвардейской мотострелковой дивизии МО РФ и два мотострелковых батальона Внутренних войск МВД РФ: 248-й «Север» и 249-й «Юг».

го или двух батальонов из представителей народов Дагестана, однако не была реализована⁴. С декабря 2016 г. боевую службу на территории Сирийской Арабской Республики несут батальоны полиции, укомплектованные по национальному признаку чеченцами, ингушами, жителями Дагестана. Таким образом, определенный опыт национальных формирований в современной России есть. В целом вопросы комплектования войск уроженцами Северного Кавказа и формирования национальных частей решаются ситуативно, под влиянием политических обстоятельств.

Между тем существует богатая и разнообразная, но малоизученная историческая практика, связанная с комплектованием армии представителями различных народов России.

В интересах строительства современных Вооруженных Сил Российской Федерации данная диссертационная работа, построенная на современных методологических принципах исторической науки и широкой источниковой базе, нацелена на обобщение исторического опыта деятельности органов государственного и военного управления в области строительства национальных формирований РККА, организации воинского учета, призыва и мобилизации в национальных регионах СССР, подготовки национальных командных кадров, а также организации воспитательной работы с военнослужащими из числа представителей народов Советского Союза в 1922–1945 гг.

Именно в первые десятилетия существования советской власти, определившие хронологические рамки диссертации, работа по привлечению представителей народов СССР в ряды Вооруженных Сил носила *целенаправленный* и *систематический* характер. В этом ее историческая ценность. Она имела целью не только наращивание численности обученного резерва для комплектования РККА на случай общей мобилизации, но и являлась важнейшим политическим инструментом вовлечения национальных окраин в социалистическое строительство, одним из главных элементов которого было строительство Вооруженных Сил СССР. Иных подобных периодов в истории нашей страны не было. Таким образом, рассмотрение проблем, связанных с военной службой представителей народов СССР в ря-

⁴ Черновик. 2012. 30 ноября.

дах Красной армии, является актуальной научной проблемой, поскольку не только отвечает на острые вопросы, связанные с историей Советских Вооруженных Сил, но и проливает свет на особенности государственной национальной политики.

Итак, **актуальность темы диссертационного исследования** определяется следующими обстоятельствами:

– интересами исторической науки, в связи с существенным по сравнению с советской эпохой расширением источниковой базы и благодаря современной методологии исторической науки, позволяющей переосмыслить многие аспекты национального вопроса в строительстве Вооруженных Сил СССР, поставить и решить новые исследовательские задачи;

– отсутствием в отечественной и зарубежной историографии специального обобщающего исследования, посвященного национальному аспекту строительства Вооруженных Сил СССР в рассматриваемое время;

– необходимостью постоянного совершенствования, единства и согласованности военно-политической работы в современном многонациональном воинском коллективе ВС РФ;

– целесообразностью выработки рекомендаций органам государственного и военного управления по комплектованию Вооруженных Сил Российской Федерации представителями населяющих нашу страну этносов и организации прохождения ими военной службы с учетом их национально-религиозных особенностей.

Степень разработанности темы в диссертации исследуется в отдельных параграфах 1.1, 1.2, посвященных анализу отечественной и зарубежной историографии по теме. Целесообразно остановиться на узловых историографических аспектах.

Историографию по теме настоящего диссертационного исследования хронологически можно разделить на четыре этапа, определяемые развитием общественно-политической ситуации в стране: 1) 1920-е гг.; 2) 1930 – начало 1950-х гг., 3) начало 1950-х – 1991 г.; 4) 1991–2010-е гг. Отдельно проанализированы достижения зарубежной историографии. На каждом этапе были свои достижения.

На первом в атмосфере относительно свободной научно-практической дискуссии авторы преимущественно из военной среды в рабочем режиме обсуждали шаги по реализации программы строительства национальных формирований в РККА. Выделяются работы М. Захарова, А. Стеклова, А.Ф. Сиднева, А. Аршаруни, Л. Идельсона и др. На втором этапе, в обстановке ужесточения политического режима и усиления идеологического контроля за исторической наукой, возможности изучения национальной проблематики в военном деле значительно сузились. В свет вышло несколько небольших работ, содержащих первые обобщения опыта национального строительства в военной сфере (М. Рымшан, В. Катукон, Е. Плетнев и др.). На третьем этапе, характеризующиеся институционализацией советской исторической науки, в том числе национально-региональных школ, предприняты попытки с позиций марксистско-ленинской методологии истории осмыслить проблемы несения военной службы представителями народов СССР и участия их в войнах. Чрезмерное внимание, в ущерб другим вопросам, уделялось национальным воинским формированиям. Нестандартным подходом и глубоким анализом, хотя и в рамках марксистской парадигмы, отличаются: монография И.Б. Берхина, в которой рассмотрены национальные аспекты военной реформы 1920-х гг.; работа В.А. Мурадяна, посвященная особенностям партийно-политической работы с нерусскими воинами в годы Великой Отечественной войны; исследование А.П. Артемьева, в котором впервые (хотя и на неполном материале) проведен сравнительный количественный анализ участия народов СССР в вооруженной борьбе на различных этапах Великой Отечественной войны и отмечены существенные изменения этнического состава войск в зависимости от фронтовых обстоятельств. Четвертый этап относится к современному периоду развития исторической науки, связанному с падением идеологических оков, открытием архивов и в целом со свободным развитием исторической науки. Среди значимых современных исследований по теме, в которых предприняты попытки поиска концептуально новых подходов, следует отметить докторские диссертации Б.Г. Кадырова и В.Н. Подпряткова, кандидатские – В.Е. Иванова, Э.Б.-Р. Назиха, монографии и статьи А.Ю. Рожкова, Т.А. Дмитриева, А.Э. Ларионова,

У.Б. Очирова. В то же время во многих современных исследованиях, особенно издаваемых в российских регионах, ощущается инерция советской эпохи в изучении темы. Она выражается в механическом собирании многими авторами фактов об участии в войнах представителей того или иного народа и в их сосредоточенности лишь на истории национальных формирований. Это сужает и упрощает национальную проблематику в строительстве Вооруженных Сил. Не устоялся даже понятийный аппарат, ключевая терминология, связанная с военно-национальной проблематикой, что еще раз говорит в пользу научной актуальности выбранной для диссертационного исследования темы.

Зарубежная историография до недавних пор была вторична по отношению к отечественной ввиду труднодоступности первоисточников по теме, однако она интересна некоторыми оценками и концепциями, предлагаемыми западными авторами. Из последних исследований западных историков на тему национальной политики в СССР особенно следует выделить фундаментальную работу профессора Гарвардского университета Т. Мартина, посвященную национальной политике *коренизации* в СССР в 1920-х гг.

В бывшем Советском Союзе тематика военной службы местных этносов в рядах РККА стала либо глубоко периферийной (Украина, Грузия, Азербайджан, страны Балтии), либо же она разрабатывается в парадигме старого советского подхода с упором на освещение героических аспектов национальной военной истории и боевого пути сформированных в этих регионах национальных частей (Казахстан, Киргизия, Белоруссия, Армения). И тот и другой подходы малопродуктивны для научной разработки темы.

В целом диссертантом установлена недостаточная изученность национального аспекта строительства Вооруженных Сил в СССР в 1920-х – первой половине 1940-х гг. отечественной и зарубежной исторической наукой, фрагментарность и регионализация тематики исследований, а нередко – этнополитическая ангажированность авторов в освещении национальной проблематики в военной истории. Все это свидетельствует о научной актуальности и новизне выбранной соискателем темы.

Объектом исследования определена деятельность органов государственного и военного управления в области строительства Вооруженных Сил СССР в мирных и военных условиях в 1922–1945 гг.

Предметом исследования определены особенности реализации государственной национальной политики в строительстве Вооруженных Сил СССР в 1922–1945 гг.

Научной проблемой является противоречие между достигнутым уровнем знания о реализации государственной национальной политики в строительстве Вооруженных Сил СССР в 1922–1945 гг. и потребностью в развитии этих знаний на основе современной методологии исторического познания и источниковой базы заявленной темы исследования.

Цель работы – выявление, обобщение и оценка результатов осуществления органами государственного и военного управления национальной политики в строительстве Вооруженных Сил СССР в мирных и военных условиях в 1922–1945 гг. Достижение поставленной цели означает приращение объективного научного знания и позволяет на основе полученных результатов извлечь исторические уроки и сформулировать некоторые научно обоснованные рекомендации для органов государственного и военного управления в интересах обеспечения высокой боеготовности многонациональных ВС РФ.

Для решения научной проблемы и достижения сформулированной цели поставлены следующие **исследовательские задачи**:

1. Определить степень научной разработанности проблемы и источниковую базу исследования.
2. Выявить и обобщить мероприятия органов государственного и военного управления в области организации и развития национальных воинских частей и соединений РККА.
3. Оценить опыт деятельности органов государственного и военного управления в области комплектования Вооруженных Сил представителями народов СССР и подготовки национальных кадров командно-начальствующего (офицерского) состава.

4. Определить этапы развития, особенности и результаты деятельности органов государственного и военного управления по укреплению политико-морального состояния военнослужащих нерусских национальностей.

5. Извлечь исторические уроки и сформулировать рекомендации органам государственного и военного управления, которые могут быть использованы в комплектовании Вооруженных Сил Российской Федерации представителями народов России, уточнении порядка прохождения ими военной службы и ее морально-психологического обеспечения.

Методологическая база исследования и понятийный аппарат представлены в *параграфе 1.4 первой главы* диссертации.

Источниковая база исследования. В работе использованы несколько видов письменных источников, как опубликованных, так и неопубликованных, классифицированных на нормативные, делопроизводственные, личного происхождения и периодические издания. Подробно они охарактеризованы в *параграфе 1.3 первой главы* диссертации.

Хронологические рамки работы открываются 1922 г., т.е. временем образования Союза Советских Социалистических Республик, ознаменовавшимся в строительстве Вооруженных Сил переходом от случайного, ситуативного, инициативного опыта национальных воинских формирований к целенаправленной государственной политике в этой области, и охватывают межвоенный период 1920–1930-х гг. и годы Великой Отечественной войны, когда комплектование армии нерусскими контингентами и строительство национальных воинских формирований приобрели наибольший в истории отечественных Вооруженных Сил размах.

Географические рамки диссертации включают территории современных национальных субъектов РФ (республики и автономные округа), иных субъектов РФ, компактно населенных нерусскими народами, а также территории бывших союзных республик СССР⁵, ныне являющихся независимыми государствами.

⁵ В диссертации используются традиционные для изучаемого периода наименования крупных полиэтничных регионов, входивших в состав СССР: *Закавказье* (ныне в научной литературе встречается наименование *Южный Кавказ*); *Средняя Азия* (в настоящее время часто используется термин *Центральная Азия*).

Научную новизну исследования определяют следующие обстоятельства:

во-первых, проведена комплексная реконструкция и анализ всей нормативно-правовой базы органов государственного и военного управления, связанной с осуществлением национальной политики в строительстве Вооруженных Сил СССР в период с 1920-х до середины 1940-х гг., что позволило определить целеполагание, логику, этапы, темпы, методы и средства в решении государством национального вопроса в военном деле;

во-вторых, впервые исследование национальной проблематики в военном деле осуществлено с опорой на учетно-статистические материалы органов государственного и военного управления, выявленные и введенные в научный оборот соискателем. Статистический материал был положен в основу всей исследовательской конструкции, что придало сделанным по итогам работы выводам обоснованность, точность и объективность;

в-третьих, национальный аспект строительства Вооруженных Сил СССР рассмотрен в контексте эволюции государственной национальной политики в 1920 – первой половине 1940-х гг. Взаимосвязь и взаимозависимость этих двух исторических процессов еще никогда не становилась предметом специального исследования;

в-четвертых, впервые в историографии исследование национального аспекта строительства Вооруженных Сил СССР не замыкается рамками истории национальных воинских формирований, а охватывает комплекс вопросов, связанных с поэтапной и планомерной интеграцией всех советских народов в военную организацию страны: установление и совершенствование порядка и способов комплектования рядов РККА национальными контингентами и подготовки национальных военных кадров, организация прохождения ими военной службы, морально-психологическая подготовка и другие вопросы.

в-пятых, выявлены основные акторы (должностные лица и учреждения) и установлена их роль в определении курса и реализации национальной политики в строительстве отечественных Вооруженных Сил в 1920 – первой половине 1940-х гг.;

в-шестых, осуществлена реконструкция важных исторических событий, не нашедших должного отражения в отечественной и зарубежной историографии.

На основании результатов проведенного автором исследовани, **на защиту выносятся следующие положения**, раскрывающие:

– результаты проведенного соискателем анализа степени научной разработанности проблемы, источниковой и методологической базы исследования;

– обобщенный опыт органов государственного и военного управления в области развития национальных воинских формирований РККА;

– выводы и обобщения автора о деятельности органов государственного и военного управления по комплектованию РККА национальными контингентами в изучаемый период;

– результаты анализа деятельности органов военного управления по специальной подготовке и использованию кадров командно-начальствующего (офицерского) состава нерусской национальности;

– установленные соискателем формы и методы работы органов государственного и военного управления по укреплению политико-морального состояния и боевой выучки военнослужащих нерусской национальности в мирных и боевых условиях;

– исторические уроки из обобщенного опыта реализации национальной политики в строительстве Вооруженных Сил;

– рекомендации, которые могут быть использованы в современной практике комплектования Вооруженных Сил РФ представителями народов России и морально-психологическом обеспечении их военной службы.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные в ходе анализа и обобщения научные результаты дают приращение знаний в недостаточно изученной области отечественной истории, а именно: выявлена тесная и многогранная связь государственной национальной политики с процессом строительства Вооруженных Сил; установлена нелинейность этой взаимосвязи. Результаты комплексного изучения научной проблемы, полученные автором, дают возможность более полно и объективно оценить роль и эффективность деятельности ор-

ганов государственного и военного управления в решении национальных проблем в строительстве Вооруженных Сил. Положения и выводы диссертации раскрывают новые подходы и углубляют историографию и источниковую базу исследованной темы.

Практическая значимость исследования состоит во введении в научный оборот документов и материалов, позволяющих широкому кругу историков и военных специалистов конкретизировать представления о проблемах комплектования отечественных Вооруженных Сил представителями различных национальностей, адаптации их в многонациональном воинском коллективе, путях и способах формирования наиболее благоприятного морально-психологического климата в целях надлежащего выполнения военными служащими своего воинского долга, независимо от их национальности; востребованностью обобщенного исторического опыта для совершенствования теории и практики строительства и применения Вооруженных Сил в современных условиях; возможностью использования материалов диссертации в преподавании военно-исторических дисциплин в высших учебных заведениях и в ходе проведения исследований по истории строительства Вооруженных Сил СССР в 1920-х – первой половине 1940-х гг.

Степень достоверности полученных научных результатов. Выводы, сделанные в диссертации, опираются на методологические подходы, соответствующие поставленным задачам, на критический анализ историографии по теме, а также на широкий круг источников, впервые введенных в научный оборот. Степень достоверности обеспечивается и обосновывается применением соискателем апробированных общенаучных и специальных методов исследования.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась и была одобрена на заседании 13-го научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ. Различные аспекты и положения исследования отражены в докладах автора на международных и российских научных конференциях в Москве (2012, 2016, 2017, 2018 гг.), Омске (2014 г.), Ростове-на-Дону (2011, 2014 гг.), Волгограде (2014, 2015, 2016 гг.), Ставрополе (2013 г.), Магасе (2011 г.) и в дру-

гих городах⁶, в системе профессионально-должностной подготовки НИИ(ВИ) ВАГШ ВС РФ, в выступлениях на радио и телевидении⁷, публикациях на сайте Министерства обороны РФ⁸. Автором опубликовано 95 печатных работ, в том числе: 7 монографий (из них 3 в соавторстве) и 28 статей в рецензируемых научных журналах, допущенных ВАК для публикации результатов диссертационных исследований. Результаты диссертации изложены в 21 статье в рецензируемых журналах⁹, 4 монографиях (из них одна – в соавторстве)¹⁰. Материалы и выводы

⁶ Горцы Северного Кавказа как объект советской пропаганды в годы Великой Отечественной войны // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля Батал-хаджи Белхароева. Магас, 22–23 октября 2011 г. Магас, Санкт-Петербург, 2011. С. 186–199; Die Große Vaterländische Krieg im historischen Gedächtnis der Völker des Nordkaukasus Erinnerung an Diktatur und Krieg Brennpunkte des kulturellen Gedächtnisses zwischen Russland und Deutschland seit 1945. 2. Teil der deutsch-russischen Tandem-Konferenz 24–25. Mai 2012. Ed. by Wirsching, Andreas / Zarusky, Jürgen / Tschubarjan, Alexander / Ischtschenko, Viktor. Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte 107. Oldenbourg, 2015. S. 199–213; Горцы Северного Кавказа как ресурс для пополнения войск русской армии в годы Первой мировой войны // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г. Ростов-на-Дону, 2014; На дальних подступах к Сталинграду: национальные формирования в боях на Нижнем Дону летом 1942 года / Межнациональное боевое братство защитников Сталинграда и современность. Материалы Международного историко-культурного форума «Межнациональное боевое братство защитников Сталинграда и современность» (30–31 марта 2015 г.). Волгоград, 2015. С. 209–215; Проблема русского языка в РККА в предвоенные годы // Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием: материалы IV Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 19–20 октября 2016 г.). Ростов н/Д, 2016. С. 116–123; Попытки призыва в армию горцев Северного Кавказа в годы Первой мировой войны // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). Материалы международной конференции. Москва, ИВИ РАН. М., 2017. С. 110–117 и др.

⁷ Интервью радиостанции «Голос России», 31.10.2012 (<https://yandex.ru/video/search?filmId=15879930700518941900&text=%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9&reqid=1523993471091855-336483852701668250170614-man1-1396-V>, дата обращения: 19.01.2018); Интервью телеканалу «Звезда», 23.02.2018 (<https://tvzvezda.ru/schedule/filmsonline/content/201802221623-osf3.htm/>, дата обращения: 21.01.2018); Интервью телеканалу «Звезда» 08.04.2018 (<https://tvzvezda.ru/schedule/filmsonline/content/201804091321-a231.htm/>, дата обращения: 17.01.2018); Интервью радиостанции «Радио России», 28.09.2018 (http://www.radiorus.ru/brand/episode/id/63180/episode_id/1928071/, дата обращения: 11.11.2018) и др.

⁸ К 70-летию битвы за Кавказ // Сайт Министерства обороны РФ: URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11609470@cmsArticle> (Дата обращения: 19.01.2018).

⁹ Современная закавказская историография Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2011. № 1. С. 41–45; Опыт формирования и боевого применения горских кавалерийских частей в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал.

2012. № 2. С. 29–32; «Немец нигде не найдет приюта. Убежав от мести черкеса, он наткнется на кинжал чеченца, его сразит пуля ингуша...»: Горцы Северного Кавказа как объект советской пропаганды в период битвы за Кавказ 1942–1943 гг. // Военно-исторический журнал. 2012. № 7. С. 25–31; Призывное законодательство и комплектование РККА представителями нерусских национальностей в 1920-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 29–41; «Войска Северной группы какого-либо значительного успеха не добились...». Попытка Ставки ВГК скоординировать контрнаступление советских войск под Сталинградом с наступлением на Северном Кавказе в ноябре–декабре 1942 г. // Военно-исторический журнал. 2013. № 12. С. 14–17; Национальное военное строительство и Северо-Кавказская кавалерийская школа горских национальностей // Военно-исторический журнал. 2014. № 2. С. 34–38; Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). / Рук. авт. кол. В.А. Козлов. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 1094 с.: карты. – 1000 экз. (рецензия) // Отечественные архивы. 2012. № 4. С. 112–114; Национальные формирования в РККА в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 6. С. 16–21; Реализация программы национального военного строительства в Дагестане и в горских областях Северного Кавказа в межвоенный период (1920–1930-е гг.) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 55. С. 88–94; Образ Великой Отечественной войны в современной историографии и общественном сознании горских народов Северного Кавказа // Клио. 2015. № 2. С. 194–198; «Смешанный национальный состав дивизий создает огромные трудности...». Участие представителей народов Кавказа в боях за освобождение Крымского полуострова в декабре 1941 – мае 1942 года // Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 17–23; Битва за Кавказ и ее значение в истории Великой Отечественной войны // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1. С. 5–14 (в соавторстве с Е.Ф. Кринко); Горцы Северного Кавказа как ресурс для комплектования РККА в 1920–1930-е гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 6. С. 54–63; Людские ресурсы Северо-Кавказского военного округа в предвоенный период // Вестник Волгоградского государственного университета. 2015. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. С. 36–46; Национальные формирования РККА в 1930-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 27. № 5. С. 58–70; Идеология строительства национальных воинских формирований в СССР в 1920-е гг. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2017. № 1 (34). С. 35–42; Особенности призыва на военную службу представителей народов СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2017. № 12. С. 11–18; Проблема языковой адаптации военнослужащих РККА нерусских национальностей в межвоенный период (1920-е–1941 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 364–377; Этнонациональный аспект истории Красной армии 1920–1940-х гг. в современной российской историографии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2017. Т. 3 (69). № 4. С. 3–17; Военная история Украины XX века в современной украинской историографии (1990–2010-е гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2017. Т. 3 (71). № 2. С. 3–15. Военные комиссариаты: история создания и развития. 1918–2018 гг. // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 4–13 (в соавт. с Е.В. Бурдинским, П.В. Каменевым, В.О. Дайнесом).

¹⁰ Народы Кавказа в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны. – Stuttgart: Ibidem, 2005. – 267 с.; Народы Кавказа и Красная армия: 1918–1945 гг.: политические аспекты военной службы. – М.: Вече, 2007. – 528 с.; Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Проблемы истории, историографии, источниковедения. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2012. – 479 с. (в соавт. с Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.); «Источник дополнительной мощи Красной армии...»: Национальный вопрос в военном строительстве СССР 1922–1945. – М.: РОССПЭН, 2016. – 296 с.

диссертации используются в плановых научных трудах НИИ(ВИ) ВАГШ ВС РФ¹¹.

Структура диссертации. Материал диссертации структурирован по проблемному принципу и сгруппирован в пять глав, каждая из которых охватывает важнейшие аспекты выбранной темы за весь исследуемый период. Во введении определена актуальность выбранной темы, обозначены объект и предмет исследования, сформулированы цели и задачи работы. Первая глава посвящена анализу истории изучения проблемы, источниковедческой и методологической базы исследования. Во второй главе выявлен опыт организации национальных формирований в составе РККА. Третья глава посвящена проблемам комплектования РККА представителями нерусских народов СССР. В четвертой главе проанализирован опыт подготовки и использования национальных военных кадров. В пятой главе дана оценка опыту партийно-политической работы с воинами нерусских национальностей.

Диссертант считает необходимым пояснить выбранное построение материала, прежде всего последовательность глав 2 и 3. Как уже сказано, глава 2 посвящена строительству национальных воинских формирований в составе РККА, а глава 3 – особенностям комплектования войск представителями нерусских этносов и прежде всего – проблемам воинского учета и призыва на военную службу в национальных регионах. Оба процесса исторически развивались параллельно и были тесно взаимосвязаны друг с другом. Однако на начальном этапе истории РККА первый процесс (строительство нацформирований) совершенно определенно предшествовал второму, являлся моделью для поэтапного развертывания в

¹¹ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 тт. Том 11. Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР в годы войны. М., 2015 (соавтор раздела «Мобилизация общества на ведение войны»); Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Том III. Национальные формирования Красной армии. М., 2015 (в соавт. с *В.В. Изоновым* разделов: Предисловие, Кавказские и Северо-Кавказские национальные формирования Красной армии (с. 236–417); Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в 2 т. – М., 2015 (член авт. коллектива); История военных комиссариатов: к столетию со дня создания местных органов военного управления. М., 2018 (автор глав II и III); Горная подготовка войск: история и современность (готовится публикация; автор глав II и III).

национальных регионах воинского учета и обязательного военного призыва. Конечная цель мыслилась органами государственного и военного управления в постепенной замене национальных формирований, как специфической формы военной организации нерусских народов, их массовым призывом и комплектованием воинских частей на общих основаниях (без учета национальности). Иными словами, сама возможность развертывания массового призыва ставилась в зависимость от успеха формирования в национальных регионах, «сигнальных» национальных воинских частей. Переход к обязательному призыву понимался как *следующий этап* в решении национального вопроса в строительстве отечественных ВС. Когда же массовый призыв представителей местных национальностей давал сбой, то к национальным формированиям приходилось возвращаться вновь, как это случилось в годы Великой Отечественной войны. Проблемы призыва представителей нерусских народов и история нацформирований тесно переплетались, но, в то же время, в изучаемый период они всегда оставались самостоятельными процессами, требующими отдельного научного осмысления.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Отечественная историография

Первые десятилетия советской власти – относительно короткий, но чрезвычайно насыщенный судьбоносными для нашей страны событиями период времени, вобравший в себя две войны (Гражданскую и Великую Отечественную), радикальные политические и социально-экономические практики, обернувшиеся как многомиллионными людскими жертвами, так и невиданными достижениями человеческого мысли и духа, становлением мировой сверхдержавы, обладавшей сильнейшей в мире современной армией и одержавшей великую победу над нацизмом. Осмыслению этой эпохи посвящена огромная литература.

Представленное к защите исследование затрагивает вопросы как военного, так и национально-государственного строительства в СССР в 1920-х – первой половине 1940-х гг. Это потребовало анализа литературы не только в области истории строительства РККА, но и в области истории национальной политики Советского государства, тем более что отечественная и зарубежная наука, особенно в последние десятилетия, накопила в этой области большой опыт. Выбран *хронологический принцип* анализа литературы, поскольку в различные эпохи взгляды авторов по тематике национального аспекта строительства Вооруженных Сил существенно различались. Внутри основных хронологических страт литература при необходимости структурируется по *проблемному принципу*, позволившему выделить ключевые темы, находившиеся в центре внимания исследователей в тот или иной период развития историографии темы (такие, например, как строительство национальных формирований, партийно-политическая работа с бойцами нерусских национальностей, вклад отдельных республик и этносов в дело Победы в Великой Отечественной войне и т.п.). Отдельно проанализированы достижения зарубежной исторической науки в области изучения национального аспекта строительства Вооруженных Сил СССР.

Особое внимание в настоящем аналитическом обзоре уделено современному состоянию историографии, поскольку политическая либерализация и распад Советского Союза на национальные государства на рубеже 1980–1990-х гг. дали в последние десятилетия мощный толчок исследованию этнонациональной истории Советского Союза. Военный компонент занимает в современной тематике одно из видных мест.

Историография по теме настоящего диссертационного исследования хронологически делится на четыре этапа. *Первому* этапу (1920-е гг.) соответствует относительно свободное состояние общественно-политического и научного дискурса по теме исследования в постреволюционном обществе. Развитие историографии на *втором* этапе (1930-е – начало 1950-х гг.): возможности изучения национальной проблематики в военном деле в значительной мере сужались заданностью результатов исследований и жестким политико-идеологическим контролем со стороны представителей Коммунистической партии и государства. *Третий* этап (начало 1950-х – 1991 г.) характеризуется институционализацией советской исторической науки, в том числе национально-региональной, и фундаментальным осмыслением ею первых десятилетий советской власти и событий Великой Отечественной войны с позиций коммунистической идеологии. Для этого периода характерен догматический подход к ключевым аспектам ранней советской истории, и особенно таких острых ее аспектов, как национальной тематики. *Четвертый* этап (начало 1990-х – 2010-е гг.) относится к современному периоду развития исторической науки, связанному с падением идеологических оков, раскрытием архивов и в целом свободным развитием исторической науки. Отдельно рассмотрены достижения *зарубежной историографии* по теме исследования.

Первый этап. Первое десятилетие развития историографии по теме исследования (1920-е гг.) оказалось достаточно плодотворным, что объясняется общей относительно мягкой общественно-политической обстановкой в стране и допущением широкого плюрализма мнений, выразившимся в дискуссиях в прессе и специальных изданиях по национальному вопросу и, в частности, по национальному аспекту строительства Вооруженных Сил.

Особенно ценны работы М. Захарова, который подвел первые итоги реализации принятой в начале 1925 г. пятилетней программы строительства национальных формирований. В небольшой по объему монографии «Национальное строительство в Красной армии» М. Захаров представил подробный анализ проблемы выбора путей и определения этапов этого строительства, которые стояли перед руководством Наркомвоенмора и РВС СССР в середине 1920-х гг. Автор рассмотрел вопросы штатной организации и комплектования национальных частей, подготовки командно-начальствующего состава для нацчастей и определения дальнейших перспектив строительства нацчастей¹². Достаточной глубиной анализа и разнообразием привлеченных источников отличается большая статья А.Ф. Сиднева в журнале «Война и революция» в 1927 г. Автор особенно подробно остановился на анализе комплектования нерусским контингентом дореволюционной армии Российской империи. Захаров и Сиднев являлись сотрудниками Главного управления РККА, непосредственно занимавшегося вопросами постановки воинского учета в национальных регионах, призыва и организации национальных частей.

В брошюре М. Рымшана и К. Алексинского был дан сравнительный обзор национальных формирований в СССР и за рубежом. Авторы настаивали на их принципиальном различии, связанном с тем, что национальные формирования буржуазных стран считались продолжением реализации шовинистической политики метрополий по отношению к колониям, а национальные части РККА, напротив, несли недавно угнетенным народам освобождение, сами являлись символом и институтом этнокультурной эмансипации российских окраин¹³.

В небольшой монографии А. Стеклова, в свою очередь, приведена полезная статистика социальных параметров (грамотность, партийность и проч.) личного состава Азербайджанской стрелковой дивизии – в начале военной службы и к моменту увольнения красноармейца. Приводимые автором материалы подтвержда-

¹² Захаров М. Национальное строительство в Красной армии. М., 1927. С. 26–89.

¹³ Рымшан М., Алексинский К. Национальные формирования в буржуазных государствах и в СССР. М.; Л., 1928.

ют выдвинутый в данной диссертации тезис о том, что армия (особенно в мирный период 1920–1930-х гг.) становилась для воинов-«националов» школой всестороннего социального взросления, на деле «перековывала» неграмотных и невежественных жителей глухих аулов¹⁴.

Не менее ценна для исследования и популярная пропагандистская литература 1920-х гг., имевшая целью ознакомление широких народных масс, и прежде всего национальной допризывной молодежи, со службой в Красной армии, преимуществами и льготах красноармейцам и т.д.¹⁵ Формы и методы агитации нерусского населения за военную службу стали одним из предметов изучения в данной диссертации.

Анализ работ 1920-х гг. позволил в рамках данного диссертационного исследования уточнить важные особенности общественно-политического и военнаучного дискурса этого периода вокруг разворачивавшегося национального строительства в РККА, особенно в общем контексте обсуждения национального вопроса в СССР.

На *втором этапе* исследования по национальной проблематике стали чрезвычайно уязвимыми для критики со стороны властей, которыми проявления этнического самосознания нередко толковались как «националистические выпады». В силу этого возможности публичного научного дискурса кардинально сузились. Поэтому работы на тему национального вопроса в СССР теперь лишь в той или иной форме интерпретировали концепт о «нерушимой дружбе народов». Количество работ, посвященных национальной проблематике в военной сфере, в этот период существенно сократилось. Само по себе угасание столь популярной в 1920-х гг. темы не случайно и в контексте данного диссертационного исследования трактуется автором как один из признаков постепенного сворачивания института национальных формирований. Полностью сошли на нет работы, посвященные ор-

¹⁴ *Стеклов А.* Красная армия Азербайджана. Баку, 1928. С. 22–29.

¹⁵ *Львов В.* Терармейцы, допризывники, национальные части. М., 1925; *Дубинский И.* Что такое национальные войска. М.; Л., 1927; К призыву бурят-монгол в Красную армию. Верхнеудинск, 1925; *Атаев А.М.* Национальные формирования в Дагестане и зачем нужна обязательная военная служба. Махач-Кала, 1928 и др.

ганизации и комплектованию национальных частей, проблемам призыва, допризывной работы, вопросам национальных традиций и языка в строительстве нацчастей. С определенной периодичностью продолжали публиковаться лишь статьи по партийно-политической работе с нерусским контингентом военнослужащих¹⁶. Актуальность им придавала необходимость разъяснения идеологических установок государственной власти в области национальной политики.

В то же время в 1930-х гг. было опубликовано несколько небольших по объему работ, содержащих обобщение опыта национального строительства в военной сфере в предыдущее десятилетие¹⁷. Так, в брошюре В. Катукова проанализированы общие принципы национального аспекта строительства Вооруженных Сил СССР и его особенности в Казахстане, где, по словам автора, уже «достигнуты значительные успехи»¹⁸. В. Катукоев показал сложности и проблемы на пути реализации национальной программы строительства нацчастей в Казахстане, такие как отсутствие традиции несения воинской службы у местных народов, острый недостаток национальных командных кадров, сильные антисоветские настроения населения и т.д.¹⁹ Весьма точные наблюдения и оценки В. Катукоева оказались очень уместными при анализе в рамках данного диссертационного исследования хода и результатов реализации пятилетней программы национального строительства в РККА.

В научных работах, посвященных проблемам строительства современной армии, уделялось место и национальным вопросам при комплектовании войск. В частности, в работе бывшего начальника Мобилизационного отдела Главного управления Генштаба Русской императорской армии Д.В. Саттерупа, продолжавшего службу в РККА, рассматривался опыт современных армий, а также дорево-

¹⁶ *Сидоров И.* Партийно-политическая работа в национальных частях РККА // Военный вестник. 1932. № 17–18. С. 72–78; *Лукин Ф.* Очередной призыв и политработа // Военный вестник. 1937. С. 10–12; *Аликберов Г.А.* Германские захватчики и советские народы Востока. Махачкала, 1942; *Хасанов А.* Воспитание бойцов нерусской национальности // Партийно-политическая работа в Красной армии: Сборник статей. Вып. 6. М., 1946. С. 112–116.

¹⁷ *Катукоев В.* Национальное военное строительство в Казахстане. Алма-Ата, 1930; *Плетнев Е.* Узбекская дивизия // Литературный Узбекистан. Кн. 1. Ташкент, 1937.

¹⁸ *Катукоев В.* Указ. соч. С. 10.

¹⁹ Там же. С. 10–14.

люционный российский опыт по использованию в комплектовании войск разно-этнического контингента²⁰.

Третий этап развития историографии по теме диссертации (середина 1950-х – 1991 г.) связан с некоторым ослаблением идеологического пресса в исторических исследованиях, особенно в период «оттепели». В это время формируются и институционализируются историографические школы отдельных союзных и автономных республик, характерной особенностью которых было то, что стремление к этнокультурной идентификации региональных историков вполне уживалось с их коммунистическими взглядами, вненациональным этатизмом и сохранением полного организационного и идеологического контроля над ними со стороны союзного центра²¹.

Поскольку литература по теме диссертационного исследования, изданная в середине 1950-х – 1991 гг., весьма многочисленна и разнообразна, целесообразно разделить ее на два проблемно-тематических блока: работы, посвященные *межвоенной эпохе* (1920–1930-е гг.) и периоду *Великой Отечественной войны* (1941–1945 гг.).

С точки зрения диссертационного исследования полезнее работы (в том числе диссертационные) по узкой тематике, посвященные истории конкретных национальных формирований и отдельным аспектам национального строительства в армии, основанные на архивном материале. В частности, в работах Д.И. Яременко, П.Д. Рассказова, В.М. Кузьминой, К.А. Арутюняна и других рассматриваются первые шаги строительства национальных воинских частей в Кавказском и Среднеазиатском регионах СССР в 1920–1930-е гг.²² Эти работы инте-

²⁰ *Саттерун Д.* Комплектование сухопутных вооруженных сил. М.; Л., 1930. С. 85–92.

²¹ Подробнее см.: *Бордюгов Г., Бухараев В.* Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах: Сборник статей. М., 1999. С. 25.

²² *Кузьмина В.М.* Участие туркменского народа в создании и укреплении Вооруженных Сил Советского Союза (1917–1928 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ашхабад, 1969; *Она же.* Формирование национальных частей Красной армии в Туркменистане (1924–1928 гг.) // Изв. АН Туркменской ССР: Серия обществ. наук. Ашхабад, 1968. № 4. С. 11–17; *Рассказов П.Д.* Формирование национальных частей Красной армии в Средней Азии и Казахстане в 20-е годы // Науч. тр. Ташкентского гос. ун-та им. В.И. Ленина. Ташкент, 1971. Вып. 41. С. 109–116;

ресны для диссертанта содержащимся в них фактическим материалом по истории конкретных формирований, в том числе и из местных источников. Национальные воинские формирования РККА – несомненно, одно из наиболее зримых и очевидных достижений советской власти на пути решения национального вопроса в СССР. К.А. Арутюнян в своей диссертации приводит впечатляющие данные о том, что только 76-я (с 1942 г. – 51-я гвардейская) стрелковая дивизия, до 1938 г. носившая статус армянской национальной, явилась школой для военного обучения свыше 100 тыс. советских граждан, по большей части армянской национальности. В рядах дивизии выросло два маршала, 50 генералов, свыше 10 тыс. офицеров²³. История дивизии тесно связана с победой советской власти в Армении, с развитием и укреплением вооруженных сил страны. Очевидно, что другие национальные соединения оставили сопоставимый след в истории Советского государства. Можно согласиться с К.А. Арутюняном в том, что изучение истории нацформирований «имеет не узкое, локальное, а важное научное и политическое значение»²⁴.

Интересен вывод В.М. Кузьминой, которая, характеризуя процесс формирования национальных частей в Средней Азии в 1920-х гг., отмечала, что успеху этого процесса способствовало проходившее одновременно национально-государственное размежевание в регионе и формирование советских национальных республик. Укрепление национальной идентичности местных этносов сопро-

Боевое содружество: (История грузинских частей Красной армии). Тбилиси, 1972; *Курбанов О.* Правовые основы создания национальных частей Красной армии в Туркменистане (1924–1936 гг.) // Известия АН Туркменской ССР: Серия обществ. наук. Вып. 3. Ашхабад, 1972. С. 57–63; *Гуружанов А.Х.* Партийное руководство формированием национальных частей Красной армии и оборонно-массовой работой в Советской Бурятии (1923 – июнь 1941 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. С. 8–16; *Маркарян В.М.* Коммунистическая партия – организатор и руководитель национальных воинских формирований Красной армии в период мирного социалистического строительства (1922–1938): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1975; *Худойбердиев О.* Создание национальных частей Красной армии в Средней Азии и их участие в разгроме контрреволюции (1918–1924 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1978; *Арутюнян К.А.* 76-я (51-я гвардейская) стрелковая дивизия и ее роль в защите социалистического Отечества (1920–1945): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1979; *Аманжолов К.* Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917–1945): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987 и др.

²³ *Арутюнян К.А.* Указ. соч. С. 4.

²⁴ Там же. С. 4.

вождалось и поддерживалось появлением новых национальных символов, одним из которых были местные воинские формирования²⁵.

Однако на уровне обобщений историографы национальных формирований чаще всего оказывались в плену марксистско-ленинских догм и заранее сформулированных выводов. Так, ключевое в истории нацформирований событие, связанное с их первым упразднением в 1938 г.²⁶, толковалось совершенно однозначно: произошло «выравнивание экономического и культурного уровня народов нашей страны» (К.А. Арутюнян²⁷); задача «приобщить к военной службе в рядах Вооруженных Сил все советские нации и народности» решена; состоялось «установление фактического равенства всех народов в области воинской службы» (К. Аманжолов²⁸) и т.п. Но о том, что «выравнивание» было еще далеко от своего завершения, свидетельствует хотя бы тот факт, что уже в первые месяцы Великой Отечественной войны руководство страны вынуждено было вернуться к отдельному комплектованию частей Красной армии по национальностям и к национальным формированиям как раз из-за неодинакового культурного уровня и сохранявшегося языкового барьера между военнослужащими разных национальностей.

В силу отмеченного догматизма, исследовательские задачи, как правило, укладывались в прокрустово ложе изучения одних лишь *национальных формирований*; при этом вне поля зрения советских историков оставались целые пласты проблем, связанных с решением национального вопроса в военном деле в 1920–1930-х гг. Например, ни в одной из указанных работ не упоминается интереснейший и важнейший дискурс (как публичный, так и непубличный) 1920-х гг. о путях развития национальных частей, в котором участвовали военные и политические лидеры страны и национальных регионов. Совершенно не замеченной исследователями осталась практика так называемых *концентраций* – создания национальных подразделений и частей в составе обычных соединений для представите-

²⁵ Кузьмина В.М. Указ. соч. С. 21.

²⁶ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК о расформировании нацчастей от 7 марта 1938 г. см.: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 382–383.

²⁷ Арутюнян К.А. Указ. соч. С. 17.

²⁸ Аманжолов К. Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917–1945): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987. С. 31.

лей народов, не попавших в большие (т.н. пятилетние) программы национальных формирований.

Среди немногочисленных попыток взглянуть на проблему шире, чем только как на историю национальных формирований, выделяется изданная почти 60 лет назад фундаментальная монография И.Б. Берхина²⁹, которая и сейчас признается лучшей работой по истории военных реформ 1920-х гг.³⁰ Национальному строительству в РККА в этой книге посвящен большой раздел одной из глав³¹. Особое внимание автор справедливо уделяет вопросу подготовки национальных военных кадров, считая их нехватку главным сдерживающим фактором, вставшим на пути развертывания национальных формирований в 1920-х гг. И.Б. Берхин подробно рассмотрел основные решения советского политического и военного руководства в области реализации национальной политики в строительстве Вооруженных Сил в середине 1920-х гг., справедливо подчеркнув большую роль национальных формирований в деле укрепления многонационального Советского государства, общеобразовательной и общественно-политической подготовки кадров, прошедших армейскую службу в многонациональном коллективе³². В то же время материал построен так, что складывается впечатление о линейном поступательном развитии этого процесса, без внутреннего и открытого дискурса, без колебаний, экспериментов и отступлений. А именно это и составляло существо первых шагов реализации национальной политики в развитии РККА.

В целом же в 1950–1980-х гг. публикаций по межвоенному периоду было немного. Основное внимание исследователей национальной тематики было сосредоточено на осмыслении событий *Великой Отечественной войны* и месту в ней различных народов СССР. Генеральной линией работ по проблемам национальной политики в строительстве Вооруженных Сил в этот период стал курс на доказательство «братского боевого союза народов СССР» в годы войны. Как и в прежние годы, в центре внимания историков оставались национальные формиро-

²⁹ Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М., 1958.

³⁰ Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация: 1928–1933 гг. М., 2010. С. 13.

³¹ Берхин И.Б. Указ. соч. С. 116–145.

³² Там же. С. 139–141.

вания, понимаемые как воплощенные символы такого братства. В разные годы были изданы истории многих национальных соединений (правда, далеко не всех)³³. В их подготовке часто принимали участие ветераны дивизий, иногда – их командиры или начальники политотделов, что должно было придавать работам достоверность и глубину. Например, в числе авторов книги о 110-й калмыцкой кавалерийской дивизии – ее бывший военком А.С. Заярный; бывший командир 416-й азербайджанской стрелковой дивизии Д.М. Сызранов участвовал в подготовке книги о боевом пути соединения и т.д. Научное качество работ очень разнится; соответственно, неодинакова была степень привлечения их материалов к подготовке диссертационного исследования. Так, подробностью и достоверностью обстоятельств формирования, боевой подготовки и короткого, но драматичного боевого пути отличается история 110-й калмыцкой кавалерийской дивизии³⁴. В работе даже приведены цифровые данные о потерях дивизии в боях³⁵, что в литературе советского периода случалось крайне редко. Работа В.И. Савченко, посвященная истории 43-й гвардейской (бывшей 201-й) латышской стрелковой дивизии, отличается тем, что в ней подробно, на архивном материале рассмотрен боевой путь соединения, ставшего первым национальным соединением, созданным по распоряжению высшего руководства страны³⁶.

Несмотря на то что истории национальных соединений – несомненно, ценный источник, особенно содержащимися в них деталями, они, как правило, имеют один принципиальный недостаток, повторяющийся в большинстве работ. Стремясь показать историю соединения в лучшем свете, авторы сознательно упускали

³³ *Савченко В.И.* Гвардейская Латышская. Рига, 1961; *Сетт Ф.Т.* О боевом пути 41-го гвардейского эстонского Таллинского стрелкового корпуса. Таллин, 1967; *Микельсон В.Э.* 308-я Краснознаменная латышская стрелковая дивизия. Рига, 1969; *Шнопберг Г.Н.* Боевой путь 130-го латышского ордена Суворова стрелкового корпуса. Рига, 1969; *Арутюнян А.О.* 409-я армянская стрелковая в боях за освобождение Украины (1943–1944). Ереван, 1971; *Белан П.С.* 100-я казахская национальная бригада в боях за Родину. Алма-Ата, 1972; *Багиров Н.Т.* Симферопольская. Краткая история. Баку, 1974; *Агаев Б.А.* Боевой путь 87-й отдельной стрелковой бригады. Ашхабад, 1982; *Джанжугава В.С.* Боевой путь 414-й Краснознаменной. Тбилиси, 1983; *Бекоев М.А.* Туркменская стрелковая. Ашхабад, 1988 и др.

³⁴ В годы суровых испытаний. Боевой путь 110-й отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 1981. С. 13–172.

³⁵ Там же. С. 104.

³⁶ *Савченко В.И.* Гвардейская Латышская. С. 18–30.

или давали бегло многие «незнаменитые» боевые эпизоды. Вот характерный пример. В книге Р.Э. Зейналова и Л.С. Бородецкого «416-я Таганрогская» подробно рассказывается о боевом крещении дивизии на Северном Кавказе в декабре 1942 г., когда в составе войск 44-й армии она участвовала в наступлении на северном берегу реки Терек с целью взять вражеский узел обороны Ищерская и окружить крупную моздокско-малгобекскую группировку противника. Из текста книги создается твердое впечатление того, что наступление было успешным, а враг непрерывно отступал и нес большие потери³⁷. Между тем из многочисленных архивных документов диссертантом достоверно установлено, что декабрьские бои для 416-й дивизии, как и для ряда других национальных стрелковых соединений, участвовавших в операции (402, 409, 414-я), стали крайне неуспешными. Советские войска топтались на месте и в лобовых атаках несли тяжелые потери. К концу месяца национальные дивизии были признаны небоеспособными и выведены во второй эшелон; предлагалось их даже расформировать. Ищерская взята не была, пока противник сам не отвел войска. Некритическое воспроизведение подобных материалов чревато грубым искажением исторической действительности. Можно согласиться с мнением современного историка М.М. Ибрагимова о том, что советская традиция военно-исторических исследований успешно позволяла «растворять» сложные вопросы истории войны³⁸.

В 1960 – начале 1990-х гг. был издан ряд обобщающих работ о национальных формированиях, объединенных по этническому или региональному признаку (например, азербайджанских, казахских, закавказских)³⁹, или о представителях

³⁷ Зейналов Р.Э., Бородецкий Л.С. 416-я Таганрогская (Военно-исторический очерк). Баку, 1969. С. 19–44.

³⁸ Ибрагимов М.М. Власть и общество в период Великой Отечественной войны: (на примере северокавказских республик). М., 1999. С. 67.

³⁹ Бурназян Г.С. Участие национальных соединений закавказских республик в битве за Кавказ и последующих операциях Красной армии в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 1967; Савченко В.И. Латышские формирования Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Рига, 1975; Буниятов З.М., Зейналов Р.Э. От Кавказа до Берлина. Баку, 1990; Аманжолов К.Р. Под боевым знаменем: О мужестве и выполнении воинского долга соединениями Красной армии Казахстана (1918–1945 гг.). Алма-Ата, 1991.

различных этносов на фронтах Великой Отечественной войны⁴⁰. Весьма достойной работой, оказавшейся полезной при разработке темы диссертации, является обстоятельная монография З.М. Буниятова и Р.Э. Зейналова, посвященная азербайджанским национальным соединениям в Великой Отечественной войне. В книге поэтапно представлена история формирования и боевого пути всех соединений, сформированных в АзССР; достаточно объективно, хотя и кратко приведены трагические эпизоды, такие как, например, разгром немецкими танками 402-й азербайджанской стрелковой дивизии, за несколько дней потерявшей две трети своего состава и частично плененной. Авторами проанализированы причины произошедшего⁴¹.

Нельзя не отметить, что советская историческая наука так и не пришла к единому мнению по поводу атрибутирования воинских частей (соединений) как национальных. Критериями для отнесения того или иного формирования к национальным служили не только прямые распоряжения государственных или военных властей о формировании национальной части, но и место формирования (национально-государственный регион), преобладание военнослужащих одной национальности среди личного состава и иные факторы. Безусловно, в данном вопросе путаницы добавили первоисточники, поскольку в годы войны республиканские власти охотно объявляли «своими», национальными едва ли не любую воинскую часть, формировавшуюся на их территории. Именно поэтому перечень национальных соединений у разных авторов существенно отличается в зависимости от того, какие критерии они брали за основу. К числу национальных относили, например, 61, 216, 242, 261, 276, 296, 301, 314, 349-ю и другие стрелковые⁴², 61-ю и 81-ю кавалерийские дивизии⁴³ и другие соединения, никогда официально таким статусом не обладавшие. Издавались даже монографии, вводившие читате-

⁴⁰ *Бабалашвили И.П.* Воины-грузины в боях за Украину в годы Великой Отечественной войны. Тбилиси, 1969.

⁴¹ *Буниятов З.М., Зейналов Р.Э.* Указ. соч. С. 126–133. Кратко этот эпизод был рассмотрен еще в 1967 г. в монографии министра обороны СССР *А.А. Гречко* «Битва за Кавказ» (с. 189).

⁴² *Бурназян Г.С.* Указ. соч. С. 190–191; *Курсанов Н.А.* Указ. соч. С. 72–73; *Аманжолов К.* Указ. соч. С. 43–44.

⁴³ *Сухарь М.Я.* От Ашхабада до Эльбы. Ашхабад, 1963. С. 13.

ля в заблуждение по поводу принадлежности описываемых соединений к национальным⁴⁴. Больше того, отсутствие однозначной, обоснованной и принимаемой всеми дефиниции, создавало для историков труднопреодолимый соблазн «генерировать» национальные соединения как бы второго порядка, которые к национальным относили с теми или иными оговорками. Так, в докторской диссертации Г.С. Бурназяна заявлены научно безосновательные определения: «чисто национальные» дивизии (применительно к дивизиям, официально носившим этнические названия) и «национальные дивизии закавказских республик» (применительно к дивизиям со смешанным составом, сформированным в Закавказье и укомплектованным представителями местных национальностей в 1941 г., такие как 224, 386, 388, 390-я)⁴⁵. В монографии С.Н. Покровского и диссертации А. Мухаметжонова⁴⁶ объект исследования – «казахстанские дивизии». Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что рассматриваются не национальные, а вообще все соединения, сформированные на территории Казахстана и укомплектованные разными национальностями⁴⁷. Указанное противоречие в работах предшественников побудило соискателя обратить особое внимание на обоснование и формулировку объективной дефиниции «национальное воинское формирование РККА» с тем, чтобы положить конец продолжающимся много лет заблуждениям и сознательному искажению фактов.

Еще одной общей проблемой рассматриваемой категории работ является то, что все национальные соединения, единожды созданные, априори считаются таковыми до самого конца войны, вне зависимости от почти неизбежных переформирований и частых во фронтовой обстановке изменений численности личного состава титульной национальности. Диссертационное исследование, проведенное соискателем, убедительно показало, что многие национальные соединения в течение войны утратили и фактический, и формальный национальный статус, если

⁴⁴ *Белан П.С.* Из истории боевых действий 301-й, 314-й стрелковых казахских дивизий в районе Ленинграда (1941–1944). Алма-Ата, 1953.

⁴⁵ *Бурназян Г.С.* Национальные соединения Красной армии. С. 19, 29–32.

⁴⁶ *Мухаметжонов А.* Участие казахских воинских соединений и частей в битве под Москвой (сентябрь 1941 – март 1942 г.): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Алма-Ата, 1968. С. 4.

⁴⁷ *Покровский С.Н.* Казахстанские соединения в битве на Курской дуге. Алма-Ата, 1973. С. 7.

только для поддержания такового не прилагалось специальных усилий. Игнорирование этого факта существенно упрощает и искажает историю национальных формирований РККА, особенно на завершающем этапе войны.

В связи с отмеченными недостатками работ по истории отдельных национальных дивизий логично было бы ожидать недостающих обобщений и широты охвата материала от работ, посвященных национальным формированиям в целом. К таковым, прежде всего, относятся монографии Н.А. Кирсанова⁴⁸, И.З. Захарова⁴⁹, докторская диссертация К. Аманжолова⁵⁰. Однако на деле в таких работах содержательная часть представляет собой краткий пересказ боевого пути национальных частей и описание подвигов героев различных национальностей, а заключительная их часть еще более догматична и неконкретна, чем истории отдельных соединений. Например, К. Аманжолов и Н.А. Кирсанов в своих работах подробно рассказывают о процессе формирования национальных кавалерийских и стрелковых соединений в Средней Азии в конце 1941 – начале 1942 г.⁵¹ В то же время авторы ни словом не обмолвились о причинах расформирования практически всех их еще до отправки на фронт.

В целом анализ литературы показал, что советскими учеными, занимавшимися историей национальных формирований в годы Великой Отечественной войны, проделана большая работа. Опубликованные ими данные об обстоятельствах их формирования, боевой подготовке и боевом пути, безусловно, не потеряли своей актуальности и стали большим подспорьем в разработке соискателем темы диссертации. Можно признать, что в целом советской историографией была успешно осуществлена реконструкция боевого пути большинства национальных формирований. Поэтому очередное возвращение реконструкции боевых эпизодов, по нашему мнению, не может быть продуктивным, поскольку не принесет принципиально нового знания.

⁴⁸ Кирсанов Н.А. В боевом строю... С. 48–246.

⁴⁹ Захаров И.З. Дружба, закаленная в боях. М., 1970. С. 46–102.

⁵⁰ Аманжолов К. Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917–1945): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987.

⁵¹ Там же. С. 50–51; Кирсанов Н.А. В боевом строю... С. 60–69.

В то же время ряд исследований советских историков по тем или иным аспектам строительства Вооруженных Сил выделяется передовыми подходами и они актуальны по сей день. Качественное исследование проблем партийно-политической работы с военнослужащими нерусских национальностей представлено в монографии В.А. Мурадяна, изданной в 1969 г.⁵² Книга посвящена опыту деятельности военно-политических органов и партийных организаций по укреплению боевого содружества народов СССР и интернациональному сплочению многонационального личного состава Советских Вооруженных Сил в ходе Великой Отечественной войны. Автор проанализировал основные директивные документы Коммунистической партии, Главного политуправления РККА, политуправлений фронтов, политотделов объединений и соединений. Особо выделены серьезные проблемы в постановке воспитательной работы в начале войны, когда происходил массовый приток в войска пополнений из союзных республик. Алгоритм исследования партийно-политической работы с национальными контингентами в годы войны В.А. Мурадяна был полезен при подготовке данного диссертационного исследования. В то же время работе присущ ряд существенных недостатков, связанных со слабым вниманием к освещению организационной и руководящей роли высшего армейского политического органа – Главного политуправления, а также выявлению проблем социально-бытовой и языковой адаптации нерусских бойцов в войсках вопросам межнационального общения и ряду других.

Не менее интересна изданная в 1975 г. монография А.П. Артемьева⁵³. С точки зрения темы диссертационного исследования важно подчеркнуть, что это небольшое исследование – одна из немногих в советской историографии попыток взглянуть на национальную проблематику строительства Вооруженных Сил СССР в целом, а не только на ее отдельные аспекты (такие как национальные формирования, партийно-политическая работа с нерусскими военнослужащими, помощь фронту республик и т.п.). Одной из новаторских черт этой работы явля-

⁵² *Мурадян В.А.* Братство, скрепленное кровью. М., 1969.

⁵³ *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1975.

ется то, что здесь впервые в отечественной науке предпринята попытка сравнительно-статистического анализа участия народов СССР в войне на разных ее этапах. Проанализировав доступный материал по личному составу около двухсот стрелковых соединений, автор пришел к заключению, что национальный состав РККА в годы войны значительно колебался, что было связано с объективными изменениями фронтовой обстановки: потерей, а затем освобождением от врага огромных территорий страны, являвшихся источником для пополнения армии людскими ресурсами. Свои выводы А.П. Артемьев подтверждает богатым документальным материалом, демонстрирующим динамику национального состава в РККА в течение войны. Несмотря на новаторскую для своего времени методологию и тщательность исследования, нельзя не отметить несовершенства источниковой базы, сказавшейся на результатах. Автор мог пользоваться только несекретными документами уровня соединений, не имея доступа к обобщающим материалам высших руководящих органов Красной армии. Хотя общие тенденции этнического представительства в РККА в книге А.П. Артемьева отражены верно, но разнородность и фрагментарность материала стали причиной искаженного характера статистики по целому ряду этносов. Кроме того, само обращение только лишь к материалам стрелковых соединений дает заведомо неточную, одностороннюю картину общего представительства ряда этносов, поскольку, как установлено диссертантом, при комплектовании родов войск, а также частей действующей армии и внутренних округов этнический фактор, как правило, учитывался. Кроме того, автор не упомянул о практиках приостановок призыва в армию десятков народов, отзыва с фронта военнослужащих ряда этносов, выселенных с исторической родины. Эти решения правительства также существенно влияли на удельный вес представителей того или иного этноса в войсках. Введенные А.П. Артемьевым статистические методы исследования, как наиболее наглядные и убедительные в компаративистском изучении многонационального воинского коллектива, дополнены и развиты в данном диссертационном исследовании, но на значительно более обширном и разнообразном материале.

Проблемам мобилизации, призыва и формирования воинских частей в национальных регионах посвящена подготовленная в 1981 г. докторская диссертация М.Я. Сухаря, полезная своей методологией, основанной на строгом статистическом исследовании военно-учетной документации штаба округа и республиканских военкоматов Среднеазиатского военного округа (САВО)⁵⁴. Автор выявил и проанализировал характерные особенности контингентов военнообязанных из союзных республик Среднеазиатского региона – их недостаточный образовательный уровень, слабое владение русским языком, катастрофическую нехватку командных кадров. Диссертация М.Я. Сухаря насыщена статистическими выкладками и в то же время не перегружена обычной для работ этого периода марксистско-ленинской риторикой. Однако и в этой, весьма сильной работе не обошлось без умолчаний, вызванных идеологическими причинами. Так, например, значительная часть работы посвящена созданию национальных частей в САВО, однако о том, что подавляющая часть была расформирована, так и не попав на фронт, – автор умалчивает⁵⁵. Также, подробно рассказывая о формировании рабочих колонн, М.Я. Сухарь тщательно обходит вопрос их состава, не упоминая того, что на их комплектование направлялся как раз национальный контингент.

Если же говорить в целом о диссертационных исследованиях советского периода по национальной тематике строительства Вооруженных Сил СССР в годы Великой Отечественной войны, то, хотя они и были довольно многочисленны⁵⁶, в них авторы, пожалуй, наиболее строго и последовательно вынуждены были вы-

⁵⁴ *Сухарь М.Я.* Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дисс. ... д-ра ист. наук. Ашхабад, 1981.

⁵⁵ Там же. С. 207.

⁵⁶ *Владимиров В.Н.* Партийно-политическая работа по воспитанию личного состава действующей армии в духе дружбы народов СССР в годы Великой Отечественной войны: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979; *Григорян Г.А.* Вклад Армянской ССР в победу советского народа в Сталинградской битве: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1979; *Арутюнян К.А.* Указ. соч.; *Бельков О.А.* Интернациональное и национальное в военной политике социалистического государства: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983; *Бузяков З.С.* Дружба народов как важный фактор победы в Великой Отечественной войне: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987; *Степанян В.Г.* Разрешение национального вопроса как фактор укрепления оборонной мощи СССР: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1989 и др.

держивать идеологический курс, из-за чего научная ценность таких исследований, за исключением ряда эмпирических находок, сейчас невысока.

На самом излете существования СССР, на рубеже 1980–1990-х гг., когда социалистический строй дал глубокую трещину и общество встало перед точкой бифуркации, вопрос о национальных формированиях вновь, как и в далекие 1920-х гг., попал на страницы периодической печати в качестве темы, актуальной не только в академической среде, но и в общественно-политическом дискурсе. О национальных формированиях и возврату к территориальному комплектованию войск, практиковавшемуся в 1920–1930-х гг., заговорили лидеры оппозиционных советской власти национальных движений (народных фронтов) в Латвии, Эстонии, Литве, Грузии⁵⁷. Этот вопрос обсуждался на страницах военной, национальной партийной прессы, круглых столах⁵⁸. Вопрос о национальных формированиях неожиданно приобрел яркую политическую окраску.

Следует отметить, что к концу 1980-х гг. национальных формирований в составе Советской армии не существовало уже много лет. Но на рубеже 1980–1990-х гг., когда в полный рост встала перспектива распада Советского Союза и погружение страны в гражданскую междоусобицу, национальные формирования многим представлялись мрачным символом и предзнаменованием гражданской войны. Исторический опыт национального строительства оказался на повестке

⁵⁷ *Варенников В.И.* Из истории создания и подготовки национальных воинских формирований // Военная мысль. 1990. № 2. С. 12.

⁵⁸ *Эйдининкас И.* Национальные воинские формирования: исторические аспекты и современность // Коммунист (Вильнюс). 1989. № 10. С. 41–46; Национальные военные формирования: вчера... сегодня? Завтра? [Материалы обсуждения за круглым столом, проведенного редакцией «Военно-исторического журнала»] // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 47–51; *Варенников В.И.* Из истории создания и подготовки национальных воинских формирований // Военная мысль. 1990. № 2. С. 3–13; *Громак В.* «У нас будет собственная армия», – заявляют в Литве. Но армия, собственно, же создана // Красная звезда. 1990. 23 апреля; *Емелин А.* Войска союзной республики? [О национальных формированиях республик после Октябрьской революции] // Красная звезда. 1990. 17 августа; *Щелканов А.* Республикам невыгодно на этом этапе заводить свои армии // Красная звезда. 1991. 6 ноября; *Иванов Л.Г.* Амбиции и логика жизни. Кто и зачем возрождает идею национальных воинских формирований // Красная звезда. 1991. 2 февраля; *Петровский В.* Прибалтика [К созданию национальных вооруженных сил] // Правительственный вестник. 1991. № 49. С. 6–7; Национальная армия. Полковник *Мэлз Бекбосынов* отвечает на вопросы *Виля Дорофеева* // Диалог. № 15–18. С. 52–57; и др.

дня, как только пошатнулось национальное единство страны. И в этом многим авторам виделся деструктивный сигнал со стороны националистических сепаратистских сил. В большинстве публикаций, изданных в центральной печати, признавалась невозможность применения исторического опыта строительства национальных воинских частей в современных условиях.

Нельзя не признать, что на сломе эпох национальные формирования потенциально могут стать орудием в руках сепаратистски настроенных политических сил и течений. Поэтому историческую оценку этому институту необходимо давать с учетом конкретно-исторических условий его существования, военно-политических задач государства и интересов всех народов, входящих в него.

Четвертый этап. Современная историческая наука совершила мощный рывок в изучении национальной и военной проблематики в истории нашей страны. С развалом Советского Союза и утратой коммунистической идеологии с «ее мегаконцептами, утверждавшими братство и единение советских народов»⁵⁹, не только существенно расширилась тематика исследований, но и возросло их научное качество. Это связано с рассекречиванием архивов и многократным приумножением источниковой базы, деидеологизацией исторической науки, модернизацией методологической базы исследований, возможностью для ученых свободного обмена научной информацией по всему миру. Значительно продвинулось изучение национального аспекта строительства Вооруженных Сил Советского Союза; правда, качество современных работ не всегда высоко. За последние 25 лет защищено более десятка диссертаций, вышел ряд монографий по этнонациональным проблемам в строительстве Вооруженных Сил, а также большое количество журнальных статей (за исключением монографий и статей автора данной диссертации), в основном касающихся частных вопросов истории национальных формирований в том или ином регионе. Анализ всего комплекса современных исследований по национальному вопросу в строительстве Вооруженных Сил СССР представлен ниже.

⁵⁹ Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). М., 2009. С. 14–15.

Первое в современной России исследование по истории национальных формирований РККА было опубликовано в 1995 г. В.Е. Ивановым. В МГУ им. М.В. Ломоносова он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность партийных и государственных органов по строительству и боевому применению национальных воинских частей в СССР (1917–1946 гг.)»⁶⁰. В 1996 г. диссертация была опубликована в форме монографии⁶¹. В работе рассмотрена история национальных формирований, прослежен их боевой путь в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны. Показаны особенности партийно-политической работы в национальных частях. Правда, источниковая база работы довольно узка для осуществления глубоких обобщений – в основном использованы архивные фонды дивизий и армий. Отдельный параграф посвящен ментальности бойцов-«националов», где обращено внимание на трудности воинского воспитания, их повышенную восприимчивость к пропаганде противника. Автором справедливо подчеркнута изначально двойственная природа национальных формирований: помимо собственно военных, они самим своим существованием выполняли важную пропагандистскую функцию, демонстрируя советский интернационализм в действии.

Весьма содержательные работы вышли в 1990–2000-х гг. по истории северокавказских национальных формирований – 115-й кабардино-балкарской кавалерийской дивизии⁶² и 255-го чечено-ингушского кавалерийского полка⁶³. Они носят историко-публицистический характер, не являются научными текстами в прямом смысле этого слова. Особенно интересна последняя работа о чечено-ингушском полку, для которой ее автор-краевед Х.Д. Ошаев собирал материал не-

⁶⁰ *Иванов В.Е.* Деятельность партийных и государственных органов по строительству и боевому применению национальных воинских частей в СССР (1917–1946 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995.

⁶¹ *Иванов В.Е.* Национальные воинские части в СССР: опыт строительства и применения. Екатеринбург, 1996.

⁶² В огне закаленные. О боевых делах воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1995; *Катанчиев Т.М.* Правда о дивизии: К истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик, 1999.

⁶³ *Ошаев Х.Д.* Слово о полку чечено-ингушском. Сборник документально-художественных произведений. Нальчик, 2004.

сколько десятилетий, налаживая для этого прямые контакты с фронтовиками и их семьями. Данная национальная часть просуществовала очень короткий срок, и документальный материал, отложившийся в Центральном архиве Министерства обороны, как показали изыскания диссертанта, крайне скуден и фрагментарен, поэтому работа Х.Д. Ошаева явилась незаменимым источником при анализе истории северокавказских национальных формирований.

Редкий пример тщательного исторического исследования проблем военно-мобилизационной работы в рамках одного национального региона представляет статья калмыцкого автора У.Б. Очирова, посвященная вопросам военных призывов и мобилизаций в Калмыкии в 1920-х – первой половине 1940-х гг.⁶⁴ В статье на большом документальном материале рассмотрены как нормативная база для военных призывов применительно к калмыцкому народу, так и статистические данные о результатах этих мобилизаций. Подробный цифровой материал о результатах призывов, мобилизационных ресурсах и остатках военнообязанных, как это сделано У.Б. Очировым, вообще является чрезвычайной редкостью в исторических исследованиях региональных авторов. Другая журнальная статья У.Б. Очирова представляет собой конкретный анализ эффективности применения национальных кавалерийских дивизий и вообще конницы в период Великой Отечественной войны⁶⁵. На большом архивном и ином документальном материале автор квалифицированно анализирует преимущества и недостатки кавалерии в условиях «войны моторов» и варианты ее боевого применения. Исследования У.Б. Очирова стали подспорьем при анализе отдельных аспектов научных проблем, рассмотренных в диссертации.

Определенную пользу для данного диссертационного исследования имело обращение к довольно многочисленным журнальным публикациям региональных авторов, разрабатывающих частные аспекты национальной политики в строитель-

⁶⁴ Очиров У.Б. Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г. Ростов н/Д, 2013. С. 53–60.

⁶⁵ Очиров У.Б. Эффективность применения национальных кавалерийских дивизий в Великой Отечественной войне: мифы и реалии // Magna adsurgit: historia studiorum. 2016. № 2. С. 8–23.

стве Вооруженных Сил в своих областях и республиках в межвоенный период⁶⁶ и во время Великой Отечественной войны⁶⁷. Предпринимаются попытки извлечь конкретный исторический опыт для современной российской армии из воспитательной практики 1920-х гг.⁶⁸ Журнальные статьи интересны своим региональным аспектом, нередко хорошо обеспечены местным архивным материалом, однако имеют небольшой временной и пространственный горизонт, что не позволяет авторам рассмотреть вопрос в общем контексте военного и национального строительства в нашей стране.

Немногочисленные попытки обобщить в рамках журнальной статьи тему национального аспекта строительства Вооруженных Сил СССР пока вязнут в эмпиризме авторов, стремящихся упомянуть все национальные формирования в ущерб обобщениям и выводам. К тому же объемы этих статей слишком невелики, чтобы охватить столь сложную и многогранную тему⁶⁹. Из журнальных статей

⁶⁶ *Подустов Ф.Н.* Национальные воинские формирования Красной армии в Сибири и на Дальнем Востоке (1919–1938 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. № 288. С. 165–169.

⁶⁷ *Панин Е.Н.* Участие латышских формирований Красной армии в битве за Москву в декабре 1941 г. // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 1. С. 5–13; *Белоусов С.С.* История формирования и боевые действия 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии на Нижнем Дону в воспоминаниях военнослужащих // Вестник Калмыцкого ин-та гум. иссл. РАН. 2010. № 1. С. 22–31; *Смирнов А.* От червонных старшин к красным лейтенантам // Родина. 2015. № 1. С. 81–83; *Емельянов Ю.В.* Участие прибалтийских национальных воинских формирований в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 218–219; *Сон Ж.Г.* Проблемы национальных меньшинств в Красной армии 1930-х годов (на примере корейцев в особой Краснознаменной дальневосточной армии). Российская история. 2009. № 2. С. 107–114; *Вагабов М.В.* Формирование и боевой путь Дагестанского Добровольческого кавалерийского эскадрона // 65-летие Победы в Великой Отечественной войне: дагестанцы на фронте и в тылу: материалы респ. науч. конф. 4 мая 2010 г. Махачкала, 2010; *Бикмеев М.А.* «Громить врага до полного его уничтожения»: Национальные воинские формирования башкирского народа периода Великой Отечественной войны. Специальный выпуск: «Башкортостан в составе России». М., 2010. С. 89–96; *Убушаев В.Б., Шаратова Е.П.* О создании национальных дивизий в составе Красной армии в союзных и автономных республиках СССР в декабре 1941 г. // Вестник института истории, археологии и этнографии (Махачкала). 2016. № 1. С. 62–67; и др.

⁶⁸ *Бобкова Е.Ю.* Концепция политического воспитания военнослужащих РККА в первой половине 1920-х годов в работах В.И. Ленина и И.В. Сталина // Интеллектуальные инновации и инвестиции. 2010. № 3. С. 132–136; *Варсонофьев В.В.* Этноконфессиональные воинские формирования как важнейший механизм формирования национальной идеологии: исторический опыт и перспективы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2. С. 93–106.

⁶⁹ *Кирсанов Н.А.* Национальные формирования Красной армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 116–126; *Жарков В.В.* Значение наци-

достаточно часто цитируются две работы В.В. Градосельского в «Военно-историческом журнале», в которых автор попытался обобщить все данные о национальных формированиях РККА, представив их в удобной табличной форме⁷⁰. Однако, не определив единого основания для отнесения воинского формирования к национальным, автор приписал к таковым не менее десяти «лишних» соединений. Неудачной представляется попытка других авторов, Н.А. Кирсанова и С.И. Дробязко совместить в рамках одного исследования национальные формирования РККА и коллаборационистские формирования вермахта лишь на том основании, что и в тех и в других состояли лица одной национальности⁷¹.

После работы А.П. Артемьева, проанализированной выше, не было принято удовлетворительной попытки оценить этнонациональные процессы в РККА со статистическим инструментарием. Лишь в статистическом труде об участии России и СССР в войнах под редакцией Г.В. Кривошеева приводились расчетные данные по потерям РККА в Великой Отечественной войне по национальностям. Они были получены составителями при помощи коэффициентов пропорциональности на основе донесений о списочной численности военнослужащих РККА, причем только за период с 1943 по 1945 г.⁷² В основу расчета положено предположение, что советские этносы несли потери пропорционально их представительству в РККА. Однако, как доказано в представленной диссертации, именно в расчете потерь такие коэффициенты непригодны, поскольку военнослужащие различных национальностей использовались в войсках дифференцировано и

ональных воинских формирований в развитии Вооруженных Сил в 30-е гг. XX века // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. Ярославль, 2014. № 4. Т. 1. С. 27–31.

⁷⁰ Градосельский В.В. Национальные воинские формирования в Красной армии (1918–1938 гг.) // Военно-исторический журнал. 2001. № 10. С. 2–6; *Он же*. Национальные воинские формирования в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 2002. № 1. С. 18–24; Жарков В.В. Значение национальных воинских формирований в развитии Вооруженных Сил в 30-е гг. XX века // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. Ярославль, 2014. № 4. Т. 1. С. 27–31.

⁷¹ Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–75.

⁷² Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. Табл. 121.

несли потери различной степени интенсивности. Это же относится и к наградной политике.

Достаточно плодотворный обобщающий анализ государственных решений в области национального вопроса в военном строительстве предложен в статьях Т.А. Дмитриева⁷³. Автор правильно показал курс на развертывание национальных воинских формирований в контексте политики выращивания национальных кадров и культурно-языковой политики с точки зрения национально-государственного строительства и перехода на территориально-милиционную систему комплектования войск. Правильно определен общий контекст реформ – исключительно тяжелое материальное положение страны и содержание армии на «голодном пайке». Общий объективный настрой автора портит слабость источниковой базы (не использовался архивный материал), вследствие чего ряд острых углов сглаживается, делаются необоснованные выводы, остается место для домыслов.

Как представляется, наиболее отчетливо о научно-теоретической актуальности выбранной темы в современной исторической науке свидетельствует большое количество диссертационных исследований по общим и частным национальным проблемам в дореволюционной армии, армиях воюющих лагерей периода Гражданской войны в России, а также Красной армии 1920-х – первой половины 1940-х гг. По подсчетам соискателя, этой тематике на сегодняшний момент посвящено не менее 14 диссертаций (включая кандидатскую диссертацию автора данной работы⁷⁴), в том числе три докторских⁷⁵. По имеющейся статистике, за пе-

⁷³ *Дмитриев Т.А.* «Не возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов»: Национальное военное строительство в СССР в 1920–1930-е годы и его проверка «огнем и мечом» в годы Великой Отечественной войны // Вопросы национализма. 2013. № 2. С. 60–88; *Он же.* «Это не армия»: Национальное военное строительство в СССР в контексте советской культурно-национальной политики (1920–1930-е годы) // Время, вперед! Культурная политика в СССР. М., 2013. С. 108–132.

⁷⁴ *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны: Дисс. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004.

⁷⁵ *Докторские диссертации: Кадыров Б.Г.* Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика: Дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2002; *Панин Е.Н.* Деятельность латышских национальных формирований на территории СССР в годы Великой Отечественной войны: июнь 1941 г. – май 1945 г.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М.,

риод с 2000 по 2011 г. в нашей стране было защищено 77 докторских диссертаций по военной истории России, из которых 35 были посвящены советскому периоду⁷⁶. На этом фоне три докторские диссертации, посвященные национальному аспекту в военном строительстве, составляют достаточно солидную долю (8,5 %) в общем числе защищенных по военно-исторической тематике диссертаций.

Исследователей привлекает новизна темы, возможность вести работу на стыке нескольких дисциплин, простор для концептуального поиска. В ряде диссертаций предложены оригинальные концептуальные подходы (правда, не всегда успешно реализованные), позволяющие по-новому осветить проблему национального вопроса в военном строительстве.

Оригинальным, хотя не бесспорным подходом отличается докторская диссертация Н.В. Подпрятова, защищенная в г. Ижевске в 2012 г. Самой формулировкой темы автор утверждает временной континуум, в котором, по его мнению, национальные формирования поступательно, вне зависимости от смен государственного строя, развивались от начала регулярной русской армии до триумфальной победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Некоторая преемственность действительно просматривается. Каждая новая эпоха в той или иной степени учитывала опыт предыдущей. Даже большевистское правительство ис-

2009; *Подпрятов В.Н.* Национальные вооруженные формирования народов России и СССР в XVIII – первой половине XX вв.: Дисс. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2012; *кандидатские диссертации: Намнанов Д.Д.* Национальные формирования Красной армии в Бурятии в 1924–1939 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997; *Шульга И.И.* Военная служба поволжских немцев и ее влияние на формирование их патриотического сознания, 1874–1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001; *Сиджах Х.И.* Военские и ополченческие формирования Адыгеи в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дисс. в виде научного доклада ... канд. ист. наук. Майкоп, 2001; *Фадеев М.К.* Военное строительство в Калмыкии в период гражданской войны: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2004; *Шилова С.Г.* Военные формирования народов Северного Кавказа в белых армиях Юга России: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007; *Багаутдинов Р.О.* Участие башкир в белом движении: 1917–1920 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2007; *Джесюпов Э.С.* Национальные воинские формирования русской армии в начале XIX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Назих Э.-Б.Р.* Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923–1939 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.

⁷⁶ *Акульшин П., Гребенкин И.* Военная история: направления поиска, методы, проблемы // Исторические исследования в России – III: Пятнадцать лет спустя. М., 2011. С. 401–402.

пользовало наработки и знания, накопленные в этой области Русской императорской армией.

Объективным представляется и тезис Н.В. Подпрятова о многофункциональности национальных формирований, которых во все эпохи имело в виду государство: «Они использовались и для защиты государства, и как карательная сила, и как “социальный лифт” для национальных кадров», являлись «средством адаптации представителей разных народов к военной службе, переходной формой от добровольности служения государству отдельных индивидуумов до полной и беспрекословной обязательности выполнения воинской повинности всем мужским населением страны», – делает вывод автор⁷⁷.

Однако диссертации Н.В. Подпрятова присущ и ряд серьезных недостатков. Так, историографический анализ представляется весьма поверхностным, а оценки работ предшественников упрощенными. Источниковая база работы явно недостаточна. Автор пользуется в основном готовыми публикациями, в том числе очень часто – диссертацией Б.Г. Кадырова, о которой речь пойдет ниже. Из архивных источников чаще всего упоминается Госархив Пермской области (ныне – Пермского края; родины автора), который по объективным причинам не может считаться средоточием материалов по истории национальных формирований. Рассматривая период Великой Отечественной войны, Н.В. Подпрятков пошел по давно проторенному малопродуктивному пути краткого пересказа истории создания и боевого пути каждого национального формирования, причем делает это с нарушением хронологии событий.

Более глубокой и качественной по замыслу работой следует признать докторскую диссертацию по политологии казанского исследователя Б.Г. Кадырова «Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика». Целью диссертации автор определил проведение комплексного анализа теории и способов реализации национальной политики Советского государства в армии в 1921–1941 гг.⁷⁸

⁷⁷ Подпрятков В.Н. Указ. соч. С. 13–14.

⁷⁸ Кадыров Б.Г. Национальная политика Советского государства в армии... С. 7.

Представляется справедливым утверждение о том, что «исследование проблемы осуществления национальной политики государства в армии находится на стыке двух относительно самостоятельных разделов обществознания: теории национально-государственного строительства и теории строительства Вооруженных Сил»⁷⁹. Поэтому изучение поставленной проблемы требует «интегративного исследования... как внутренних причин... закономерностей национальных отношений, национальной политики в целом, так и специфики ее реализации в ходе строительства Вооруженных Сил»⁸⁰. По этой же причине требуется изучение экономических, социальных, политических и духовных процессов становления нового общественного строя, поскольку они оказывали непосредственное влияние на интеграцию нерусских народов в новый для них военный социум.

Однако в интересной и концептуально гармоничной работе автор, что называется, «тонет» в архивном материале, которого он изучил немало. Правильно поставленные задачи фактически не решены. Текст производит впечатление рваного, непоследовательного повествования. Важные аспекты проблемы часто растворены во второстепенных фактах так, что трудно бывает ухватить суть. Например, во второй главе, посвященной решению национального вопроса в армии в межвоенный период, повествование от пятилетнего плана национального строительства в РККА неожиданно переходит к описанию национальных формирований в белоэмигрантских организациях и иностранных армиях, от них – к распространению военных знаний среди гражданского населения СССР, затем – к введению в действие закона 1925 г. о всеобщей воинской обязанности в национальных окраинах, затем – к крестьянским выступлениям против коллективизации на рубеже 1920–1930-х гг. и т.д. И все это – в пределах нескольких страниц диссертации!⁸¹ Правильно заявленную тему национального вопроса в армии следует признать раскрытой лишь частично.

⁷⁹ *Кадыров Б.Г.* Указ. соч. С. 3.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. С. 122–129.

Попытка дать обобщающую картину национального аспекта строительства Вооруженных Сил СССР предпринята также в кандидатской диссертации Э.-Б.Р. Назиха «Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923–1939 гг.)», защищенной в Москве в 2011 г. Здесь достаточно последовательно и полно, на архивном материале, проанализирован ход мероприятий по развитию национальных формирований в РККА, предпринята периодизация, с которой в целом можно согласиться. Безусловно, сильной стороной диссертации является раздел, посвященный подготовке командных и политических кадров для национальных формирований, а также особенностям боевой подготовки национальных частей.

Вместе с тем развитие национальных формирований подано линейно, упрощенно, вне контекста развития национальной политики в стране, которая, безусловно, являлась родовым процессом для национального строительства в военной сфере. Вызывает сомнения определение автором верхней хронологической границы исследования сентябрем 1939 г., когда, по его мнению, с принятием закона «О всеобщей воинской обязанности» (название которого в диссертации приведено неверно) «завершилось реформирование национальных воинских частей в общесоюзные воинские части»⁸² (на деле они были реформированы еще летом 1938 г.).

Бросается в глаза нечеткость формулировок глав и параграфов. Например, в параграфе «Военная реформа 1920-х гг. и ее влияние на развитие национальных воинских формирований Красной армии» сами национальные формирования ни разу не упомянуты! Допущен совершенно чрезмерный дисбаланс в организации материала. В первой главе «Исторические условия развития национальных воинских формирований в 1920–1930-е гг.» периоду 1920-х гг. посвящено 53 страницы, а 1930-м – всего одна!⁸³ Вторая глава так же, хотя и не с такой кричащей разницей, посвящена преимущественно 1920-м гг. Напрашивается вопрос: почему автор не сузил рамки диссертации одним десятилетием, тем более что параметры

⁸² Назих Э.-Б.Р. Деятельность государственных и военных органов СССР... С. 4.

⁸³ Там же. С. 14–67.

кандидатской квалификационной работы это вполне позволяют? Кроме того, что историографический обзор в диссертации занял чуть больше двух страниц, что неприемлемо даже для кандидатского исследования.

Таким образом, оригинальные, хотя и не бесспорные концепции в рассмотренных диссертациях реализованы неполно и часто неряшливо. Важно отметить, что во всех рассмотренных диссертациях Н.В. Подпрятова, Б.Г. Кадырова, Э.-Б.Р. Назиха исследованию вновь подлежат в основном лишь национальные формирования, на самом деле являвшиеся для советской власти только ближайшей целью, промежуточным пунктом в многоэтапном процессе вовлечения масс нерусских народов в дело вооруженной защиты общего Советского государства на основе всеобщей воинской обязанности и регулярного массового призыва. Эти проблемы лишь вскользь отмечаются диссертантами. За пределами их внимания осталась большая кропотливая работа органов государственной власти и военного управления по налаживанию военно-учетной работы на местах, допризывной подготовке нерусских контингентов допризывников, особенности обязательных призывов и добровольных вербовок мирного времени, мобилизаций военного времени и т.д.

Общим вопросам трансформации национальной политики в межвоенный период и во время Великой Отечественной войны посвящены работы Н.Ф. Бугая, В.П. Булдакова, Н.И. Хмары, П.М. Поляна, Ф.Л. Синицына и др.⁸⁴

⁸⁴ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М., 2011; Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45; Хмара Н.И. Из опыта национального строительства в СССР (1920-е–1930-е годы) // Отечественная история. 2006. № 3. С. 246; Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: мифы и реалии // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. № 1. С. 17–20; № 2. С. 12–13; Синицын Ф.Л. Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009; Он же. Национальная политика СССР в предвоенный период (1938–1941 гг.) // Вестник РУДН. Серия: История России. 2014. № 1. С. 25–34; Он же. Разделяй и властвуй: Нацистская оккупационная политика. М., 2015; Он же. Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. М., 2018; Савочкин А.А. Массовые репрессии 30–40-х гг. XX в. на Северном Кавказе как способ утверждения и поддержания исключительной самостоятельности государства: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Владимир, 2008 и др.

Одной из основных тем, которые оказались в центре внимания современных историков, стал интереснейший опыт государственной политики *коренизации*, активно проводившейся с первой половины 1920-х и в начале 1930-х гг. *Коренизация*, объявленная XII съездом РКП(б) в 1923 г., заключалась в комплексных политических, социальных, культурных преференциях местному *коренному* населению (отсюда специфические неологизмы – *украинизация*, *белорусизация*, *тюркизация* и т.п.) перед этносами, считавшимися пришлыми, некоренными, как правило, русскими. В подавляющем большинстве работ по национальным проблемам строительства Вооруженных Сил *коренизация* даже не упоминается. Редким исключением можно считать монографию о феномене *украинизации* в 1920–1930-е гг. Е.Ю. Борисенок, которая в одном из разделов справедливо рассматривает военные вопросы в общем контексте политики *коренизации* в УССР. Однако опора лишь на узкую базу уже опубликованной литературы приводит автора к ошибочным выводам о провале программы национальных воинских формирований на Украине⁸⁵.

Безусловный интерес для разработки раздела диссертации по проблемам партийно-политической работы с воинами нерусской национальности представляли исследования в области популярной в последние годы дисциплины «военная антропология», изучающей индивида в воинском коллективе и на войне во всей его социальной, психологической и бытовой повседневности. Тему взаимной адаптации индивида и армейского коллектива в 1920-х гг. на большом эмпирическом материале (прежде всего документах ВЧК-ОГПУ и политорганов РККА) изучил в своей докторской диссертации А.Ю. Рожков (результаты исследования опубликованы в большой монографии⁸⁶). В разделе, посвященном межнациональным и межконфессиональным отношениям внутри армейского коллектива, автор, как представляется, оказался в плену выстроенной им схемы. В частности, он утверждает, что «паттерны межнационального общения, декларируемые коммунистической пропагандой, не имели ничего общего с повседневными практиками

⁸⁵ Борисенок Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. С. 200–203.

⁸⁶ Борисенок Е.Ю. Указ. соч. С. 202–203.

и межэтническим дискурсом красноармейцев»⁸⁷. По его мнению, «в повседневной жизни красной казармы, основанной на нормах обычного права, существовал культ нетерпимости по отношению к «чужим», особенно идентифицируемым по конфессиональному и этническому признакам... Замкнутый, тотальный мир казармы усиливал и этническую интолерантность»⁸⁸. Автор этой в целом весьма убедительной и интересной работы вообще склонен демонизировать советские армейские институты как инструменты подавления и трансформации личности, не оставляя за ними никаких позитивных функций, в частности, форсированной социализации и культурного развития красноармейцев нерусской национальности. Многочисленный архивный материал, использованный для подготовки данной диссертации, не подтверждает столь мрачный взгляд на атмосферу межнационального общения в войсках. Хотя, безусловно, шовинизм и национализм имели место, но ни в коем случае они не господствовали и, тем более, не составляли сущность государственной политики.

Определенное внимание вопросам межнационального общения уделяет в своей монографии «Фронтальная повседневность Великой Отечественной войны» А.Э. Ларионов⁸⁹. По его мнению, война внесла существенные коррективы в идеологические установки и практику национальной политики. Справедливо отмечено, что становым хребтом Красной армии в годы Великой Отечественной войны стали русские, а представители среднеазиатских и северокавказских народов первое время уступали им по уровню боевой выучки, что становилось причиной негативного отношения к ним со стороны русских бойцов и командиров. Автор на примерах показывает, что постепенная взаимная адаптация, которой способствовала работа политорганов, постепенно сглаживала межнациональные различия.

Выводы по параграфу 1.1

Проведенный анализ достижений отечественной исторической науки по теме диссертации показал, что в советский период в фокусе внимания историков была

⁸⁷ Там же. С. 22.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Ларионов А.Э. Фронтальная повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь в РККА 1941–1945 гг. М., 2015. С. 49–65.

тема национальных формирований. Остальные аспекты истории, связанные с комплектованием войск представителями народов СССР, особенностями их боевой подготовки и политико-морального обеспечения, разработаны слабо. К тому же литература по национальной тематике оказалась предельно идеологизированной и догматичной, что снижает ее научную ценность.

Анализ отечественной литературы постсоветского периода позволяет сделать вывод о том, что историками сделан большой шаг вперед по сравнению с предыдущей эпохой. В ряде работ предприняты попытки поиска концептуально новых подходов в изучении национального аспекта строительства Вооруженных Сил в 1920-х – первой половине 1940-х гг.

Несмотря на попытки в ряде диссертаций предложить цельный взгляд на вопросы национальной политики в военном строительстве, удовлетворительного решения проблемы до сих пор не найдено. Не предложены выдерживающие научной критики методологические подходы, слабым остается охват документальных источников и их анализ; почти не привлекаются статистические методы исследования, совершенно необходимые при изучении представительства этнических групп в войсках во времени и пространстве. Сильной остается инерция советской эпохи – как с точки зрения методологии исследования, так и с точки зрения научных оценок. Особенно это выражается в ставшем для многих исследователей самоцелью механическом накоплении фактов по истории национальных формирований и реконструкции их боевого пути. В тоже время современной литературе не устоялся даже понятийный аппарат, связанный с национально-военной проблематикой, что лишний раз говорит в пользу научной актуальности выбранной темы.

1.2. Зарубежная историография

Зарубежная историография по теме данной диссертации касается, во-первых, вопросов государственной национальной политики и межнациональных отношений в СССР и, во-вторых, истории строительства Вооруженных Сил Советского Союза в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны и

социальной истории Красной армии. В освоении первоисточников по теме исследования западная литература до недавних пор была вторична; долгие годы из-за закрытости советских архивов и вообще страны зарубежные исследователи были вынуждены довольствоваться в качестве источников советскими публикациями. Склонность к позитивистскому освоению темы удовлетворялась подчас экзотическими и научно совсем не бесспорными способами. Например, при анализе национального состава советского генералитета, изучались отчества и фамилии советских военачальников⁹⁰. С точки зрения данного диссертационного исследования интересна была не фактическая сторона, а оригинальные оценки и обобщения советской национальной политики в военном строительстве, предлагаемые западными авторами.

До Второй мировой войны исследованием советской политической системы и ее военных институтов занимались в основном российские эмигранты, посвятившие этим вопросам ряд работ. Нередко они признавали успехи большевиков в области военного строительства. Активное привлечение к военной службе жителей бывших имперских национальных окраин оценивалось как, безусловно, прогрессивное явление⁹¹. Так, в изданной в 1926 г. в Берлине работе о принципах и методах комплектования Красной армии авторы хвалили демократизм современной призывной системы в Советской России, подчеркивали, что создатели РККА пошли гораздо дальше царского правительства, упорно отстаивавшего архаичный призывной закон 1874 г., сохранявший множество ограничений по призыву для многих категорий подданных⁹². По той же оценке, дореволюционная русская армия теряла на ограничениях по национальному признаку до 10 % людских ресурсов⁹³. «Разумно и правильно», с точки зрения эмигрантских авторов, было привлекать нерусские народы для службы вначале в составе небольших националь-

⁹⁰ *Karrer d'Ankoss Э.* Расколота империя: Национальный бунт в СССР. Лондон, 1982. С. 201–202.

⁹¹ Комплектование Красной армии. Берлин, 1926. С. 46; см. также: *Иванович Ст. (В.И. Талин).* Красная армия. Париж, 1931; *Пятницкий Н.В.* Устройство войск Красной армии и ее доктрина. Париж, 1933.

⁹² Комплектование Красной армии... С. 35–36.

⁹³ Там же. 39–41.

ных подразделений; курс на полную отмену льгот по национальному признаку оценивался ими как «единственно правильный» и «не подлежащий никакому сомнению»⁹⁴.

В изданной в 1952 г. работе одного из представителей так называемой мюнхенской советологической школы А. Авторханова впервые был поднят вопрос ограничений призыва в РККА чеченцев и ингушей в годы Великой Отечественной войны, которые автор трактовал как одну из репрессивных мер в цепочке прочих подобных мероприятий. В небольшом очерке об участии чеченцев и ингушей в войне, не снабженном, впрочем, ни единой ссылкой, много путаницы и домыслов, однако с выводом автора нельзя не согласиться. Говоря о быстром разгроме «чечено-ингушской дивизии» (на самом деле – полка) летом 1942 г., Авторханов заключает, что он послужил «плохой аттестацией для всего чечено-ингушского народа»⁹⁵ и повлиял на последовавшее в начале 1944 г. решение советского правительства о выселении чеченцев и ингушей с исторической родины.

В 1970–1980-х гг. тема национальных меньшинств в Советских Вооруженных Силах развивалась в монографиях и статьях известного советолога Т. Раковски-Хармстоун⁹⁶, монографиях Дж.Х. Лобинжера⁹⁷, В. Янга⁹⁸, Э. Каррер д'Анкосс⁹⁹. Работа последнего автора «Расколота империя: Национальный бунт в СССР» заслуживает особого внимания, поскольку в ней поставлен принципиальный вопрос: являлась ли Красная армия «орудием интеграции» советских этносов? Автор приходит к выводу о том, в различных составах военнослужащих (рядовом, офицерском) одни и те же национальности представлены

⁹⁴ Там же. С. 46.

⁹⁵ Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа... С. 56.

⁹⁶ *Rakowska-Harmstone T. Red Army as an Instrument of National Integration. Carlisle Barracks: US Army War College, 1978; Rakowska-Harmstone T. "Brotherhood in Arms": The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces // Ethnic Armies: Polyethnic Armed Forces from the Time of the Habsburgs to the Age of the Superpowers. Waterloo, 1990. P. 123–157; Rawkowska-Harmstone T. Nationalities and the Soviet Military // The Nationalities Factor in Soviet Politics and Society. Boulder, 1990. P. 72–94.*

⁹⁷ *Lobinger J.H. Minority Nationalities in the Soviet Armed Forces. Oklahoma-city, 1973.*

⁹⁸ *Young W. Minorities and the Military. A Cross-National Study in World Perspective. Westport, 1982.*

⁹⁹ *Каррер д'Анкосс Э. Указ. соч.*

по-разному, при явном доминировании русского этноса. Представительство не-славянских народов соответствует степени их адаптации к русскоязычной культурной среде и встроенности в традиционное русское общество. Поэтому «советская армия отражает не общество, а власть и степень ассимиляции национальных групп или их сотрудничества с властями»¹⁰⁰. Факт этнического дисбаланса в советском офицерском корпусе в пользу славян подчеркивался и в монографии Э. Джонс «Красная армия и общество»¹⁰¹.

В 1980-х гг. этническая проблематика в строительстве Советских Вооруженных Сил изучалась в рамках проекта RAND Corporation Research Study, курируемого Армией США. В 1982 г. вышел доклад С.Л. Карран и Д. Прокофьева «Использование этнического фактора в Русской и Советской армиях»¹⁰². В последующие годы был издан ряд докладов, подготовленных в рамках проекта¹⁰³. Так, в 1988 г. вышла монография Р. Алексеева и С. Уимбуша «Этнические меньшинства в Красной армии: богатство или обуза?»¹⁰⁴. В условиях глобального противостояния большинство перечисленных работ, изданных, прежде всего, в США в 1970–1980-х гг., носили прикладной характер и были призваны помочь стратегическому военно-политическому руководству США и НАТО выявить сильные и слабые стороны многонациональной Советской Армии.

В постсоветский период вышли монографии М. фон Хагена, Р. Риза, Дж.А. Сэнберна¹⁰⁵, ряд статей¹⁰⁶ в журналах и сборниках, посвященных социаль-

¹⁰⁰ *Karper d'Ankoss Э.* Указ. соч. С. 202.

¹⁰¹ *Jones E.* *Red Army and Society. A Sociology of the Soviet Military.* Boston, 1985. P. 202.

¹⁰² *Curran S.L., Ponomareff D.* *Managing the Ethnic Factor in the Russian and the Soviet Armed forces: An Historical Overview.* Santa Monica: RAND, July 1982.

¹⁰³ *Alexiev A., Wimbush S.E.* *The Ethnic Factor in the Soviet Armed forces. Historical Experience, Current Practices, and Implications for the Future.* Santa Monica: Rand, August 1983; *Szayna Th.,* *The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces. The Muslim Dimension.* Santa Monica: RAND, 1991.

¹⁰⁴ *Alexiev R., Wimbush S.* *Ethnic Minorities in the Red Army. Asset or Liability? (Rand Corporation Research Study).* Boulder and London, 1988.

¹⁰⁵ *Hagen M.* *Soldiers in the Proletarian Dictatorship. The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930.* Ithaca, 1990; *Reese R.R.* *Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army, 1925–1941.* Lawrence, 1996; *Sanborn J.A.* *Drafting the Russian nation. Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925.* Northern Illinois University Press, 2003.

¹⁰⁶ *Daugherty III L.J.* *Ethnic minorities in soviet armed: The plight of central Asians in a Russian-dominated military // The Journal of Slavic Military Studies. Vol. 7. 1994. Issue 2. P. 155–197;*

ной истории Красной армии, в том числе и ее национальному составу. Источниковая база ряда исследований значительно расширилась. В частности, в работах Дж.А. Санборна, М. Меридейл¹⁰⁷ используются материалы российских архивов: РГВА, ЦАМО, РГАСПИ и др.

Перечисленные исследования, затрагивающие национальные аспекты истории строительства Советских Вооруженных Сил, объединяет ряд общих черт. Западных авторов искренне интересует уникальный опыт строительства полиэтничной Красной армии, который всегда рассматривался в контексте общеполитических процессов в СССР и развития Вооруженных Сил Советского государства. Пользуясь в основном советскими и российскими изданиями как первоисточниками, они ищут прежде всего программные документы, связанные с решением национального вопроса в строительстве Советских Вооруженных Сил и статистические данные, иллюстрирующие эти решения. Западных историков особенно интересуют социальный и политический аспекты взаимодействия этнических меньшинств с доминирующим русским этносом в рамках воинского коллектива и количественное измерение этого взаимодействия: численность и соотношение меньшинств в воинских рядах на разных этапах истории Советского Союза и факторы, влиявшие на изменения этой численности. Не случайно большой популярностью среди зарубежных исследователей по сию пору пользуется проанализированная выше работа А.П. Артемьева – один из немногих трудов, содержащий богатый сравнительно-цифровой материал по теме национального представительства в РККА в годы войны. Из современной историографии упоминаются статистические работы под редакцией Г.Ф. Кривошеева, иллюстрирующие усилия России в войнах и содержащие некоторую этническую статистику¹⁰⁸.

Если представить национальный аспект развития советских Вооруженных Сил в виде взаимодействия двух мощных факторов – национальной политики

Blauvelt T.K. Military Mobilisation and National Identity In the Soviet Union // *War & Society*. May 2003. Vol. 21. № 1. P. 41–62.

¹⁰⁷ *Merridale C.* Ivan's War. The Red Army 1939–1945. London, 2005.

¹⁰⁸ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001.

государства и процесса строительства Вооруженных Сил, то западная историография безусловно отдает предпочтение первому фактору, нередко демонизируя и гипертрофируя деятельность советского руководства в этой области, представляя дело в том ключе, что оно будто бы находилось в плену национальных предрассудков и комплексов и руководствовалось ими, принимая государственные решения. Между тем, подход политических и военных руководителей к национальному вопросу в армии чаще всего был трезвым и прагматичным и чтобы оценить их адекватно, требуется принимать во внимание не только особенности национальной политики, но и текущие задачи строительства Вооруженных Сил в изучаемую эпоху. Это требует глубокого погружения в архивный материал, чего западные исследования, как правило, лишены. Даже такой авторитетный знаток истории Красной армии как Д. Гланц высказывает совершенно необоснованные суждения о том, что, якобы, до начала войны «в силу обычая политические и военные руководители Советского Союза... резко ограничивали включение в ряды своих вооруженных сил этнических меньшинств...»; что Сталин, «подобно своим предшественникам царской эпохи сомневался в надежности национальных соединений...». И лишь в начале войны, согласно Д. Гланцу пришлось «отказаться от многих существовавших ограничений на призыв в армию неславянских нацменьшинств»¹⁰⁹.

Как и в отечественной историографии, в фокусе внимания западных коллег всегда была тема национальных частей. Однако зарубежные историки всегда старались охватить тему целиком, взглянуть на национальные формирования как на особый институт Красной армии и инструмент государственной национальной политики государства, а не рассматривать отдельные национальные соединения через призму узких этнополитических интересов и предпочтений. В то же время всегда отмечалось стремление дифференцировать между собой большие этнокультурные группы военнослужащих, не смешивая между собой мусульман, «западные» народы, нерусских восточных славян (украинцев, белорусов) и т.д.

¹⁰⁹ Glanz D.M. Colossus Reborn. The Red Army at War, 1941–1943. Lawrence, 2005. P. 547–551.

Из исследований последних десятилетий (изданных после распада СССР) на тему советской национальной политики особенно следует выделить фундаментальную работу профессора Гарвардского университета Т. Мартина, посвященную политике *коренизации национальных кадров* в 1920-х гг., «Империя “положительной деятельности”»¹¹⁰. Книга, построенная на архивном материале, получила широкую известность и признание в российской научной среде. Понятие «империя “положительной деятельности”» в последние годы повсеместно употребляется как синоним советского политического курса 1920-х гг. в национальной сфере. Т. Мартин впервые в историографии дал многосторонний анализ явлению *коренизации*, предложил теоретические обоснования этой политики, показал ее региональные и отраслевые различия, а также предложил свое объяснение причинам ее постепенного сворачивания в 1930-х гг. К недостаткам этой большой по объему работы следует отнести то, что процесс *коренизации* в военной сфере совершенно упущен автором и даже ни разу не упоминается. Впервые национальная политика *коренизации* была соотнесена с проблемами строительства РККА еще Т. Раковской-Хармстоун в конце 1970-х гг., однако автор тогда призналась, что о результатах ее реализации в военном строительстве судить не может за неимением документальной базы¹¹¹.

В последнее время в западной исторической науке наметилась коррекция в оценке идеологических трендов 1920-х – первой половины 1940-х гг., оказывавших определяющее влияние на общественное сознание советских граждан и в том числе – на конкретные формы и методы партийно-политической работы с личным составом нерусской национальности в войсках. Интересны статьи П.Э. Блитстейна¹¹², Д.Л. Бранденбергера¹¹³, Р.Г. Суни¹¹⁴, в которых авторы уточняют ставший

¹¹⁰ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР: 1923–1939. М., 2011.

¹¹¹ *Rakowska-Harmstone T.* Red Army... P. 5.

¹¹² *Блитстейн П.Э.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах: 1938–1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011 (перевод английского издания: *A State of Nation. Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin.* Oxford, 2001). С. 310–335.

общим местом в последние десятилетия тезис о мощном развороте от интернационализма к русскому державному патриотизму в 1930 – начале 1940-х гг. Они показывают нелинейность и противоречивость процесса становления новой советской нации на основе русского концепта, доказывают долгое существование СССР как бы в двух ипостасях – государства-империи и государства-нации. По мнению Р.Г. Суни, в рамках сложного диалектического процесса в 1930-х гг. «нация и политическая интеграция сосуществовали с новым акцентом на русские национальные темы и непрерывным стимулированием национальности нерусских народов»¹¹⁵. «Наднациональный, но русифицированный патриотизм был трансплантирован в ленинский интернационализм, заменивший классовый элемент... прошлым России»¹¹⁶. В области пропаганды, по мнению Д.Л. Бранденбергера, популистский курс возрождения русских национальных героев, мифов и иконографии, взятый на вооружение в 1930-х гг., поддерживал изначально принятые Советским государством магистральные этатистские и марксистско-ленинские воззрения. Русификаторство в этом смысле можно назвать «поиском полезного прошлого»¹¹⁷. В образовательной сфере, как показывает П.Э. Блитстейн, сдерживающим фактором пришедшему на смену *коренизации* русификаторству послужили как противоречия внутри сталинской элиты, так и исключительная сложность, неповоротливость и дороговизна образовательной отрасли (подготовка кадров, перестройка учебных программ и учебного процесса, подготовка и массовое издание учебников). Все это задержало намеченный еще во второй половине 1930-х гг. русификаторский курс фактически до второй половины 1950-х гг., когда были сделаны реальные шаги по переводу русского языка из языка изучения в язык преподавания в нерусской школе¹¹⁸. Выводы Д.Л. Бранденбергера и

¹¹³ Бранденбергер Д.Л. «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма»: Споры в сталинских идеологических кругах: 1941–1945 гг. // Государство наций... С. 336–365.

¹¹⁴ Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 17–40.

¹¹⁵ Суни Р.Г. Указ. соч. С. 27.

¹¹⁶ Там же. С. 31.

¹¹⁷ Бранденбергер Д.Л. Указ. соч. С. 337.

¹¹⁸ Блитстейн П.Э. Указ. соч. С. 312–328.

П.Э. Блитстейна весьма полезны в контексте настоящего диссертационного исследования, учитывая оказавшиеся труднопреодолимыми сложности в культурно-языковой адаптации нерусских военнослужащих РККА, проанализированные в главе об особенностях воспитательной работы с ними.

В интересной монографии Дж.А. Сэнберна «Создание российской нации: Военный призыв, тотальная война и массовая политика. 1905–1925» рассмотрен непрерывный на взгляд автора (несмотря на смену в России государственного строя) исторический процесс конструирования политической нации, в котором царское, а затем и советское военные ведомства приняли самое активное участие, будучи заинтересованным в формировании единого мобилизованного общества, в многоэтничной и многонациональной стране. Идеологическим инструментом этого конструкта стала риторика боевой *семьи* и *братства*. Последнее недвусмысленно указывало на горизонтальность связей между военнослужащими, их равенство между собой. Не случайно риторика братства особенно популярна была в первое послереволюционное десятилетия, когда Красная армия строилась в основном на действительно равных для всех военнослужащих основаниях¹¹⁹.

Национальный вопрос в советском военном строительстве обсуждается и в *бывших советских республиках*. В странах, входивших прежде в состав Советского Союза, тематика исследований в области военной истории новейшего времени часто диктуется актуальными политическими задачами. Как отмечает один из ведущих отечественных этнологов академик В.А. Тишков, в данном случае «конструирование прошлого», создание «версии прошлой жизни, которая ведет к современности... на основании выборочной организации прошлых событий» является важнейшим фактором современной этнической и национальной самоидентификации¹²⁰.

Отношение к своему военному прошлому в рамках единого Советского государства в значительной степени обуславливается как сегодняшним внутриволи-

¹¹⁹ Sanborn J.A. Op.cit. P. 63–95.

¹²⁰ Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 498–499.

тическим положением в этих странах, так и их взаимоотношениями с Российской Федерацией как правопреемницей Советского Союза. За редкими исключениями научная проблематика в военно-исторической сфере существенно отличается от российской, и эта трансформация в осмыслении совместной военной истории продолжается под воздействием политических потрясений новейшей истории, таких, например, как «цветные революции» в ряде бывших союзных республик и трагические события 2014–2015 гг. на Украине. Переоценке подлежит еще совсем недавнее в историческом масштабе прошлое, актуализированное в бесчисленном нарративе уходящих поколений фронтовиков об их общем боевом прошлом. Историки постсоветского пространства увлечены поисками своих корней *вне* российского/советского имперского контекста. Как правило, самую плодотворную почву в этом плане дает краткий период независимости между распадом Российской империи и становлением единого Советского государства на рубеже 1910–1920-х гг. Из советского прошлого интерес вызывает опыт строительства национальных частей на территориях союзных республик, широко развернутый в 1920–1930-х гг., а также участие народов СССР в событиях Великой Отечественной войны. Последнее событие вообще служит своего рода камертоном настроений национальных исторических сообществ. В ряде стран это отношение почти не изменилось или даже осталось по-советски догматичным (Белоруссия, а также в значительной степени – Армения, Казахстан, Киргизия), в других же, напротив, переосмысливается в том смысле, что государствообразующий этнос стал жертвой злодеяний сразу двух тоталитарных режимов – и нацистского, и советского (Украина, Грузия, страны Прибалтики). Участие представителей титульного этноса в вооруженной борьбе против нацистов в рядах Красной армии во втором случае трактуется как результат принуждения одной из деспотий¹²¹. Позиция жертвы большой игры великих держав оправдывает и всевозможные коллаборации «малого» этноса с разными сторонами конфликта, трактуемые как морально прием-

¹²¹ Шевченко В. Шевченко В. До питання про характер боротьби українського народу проти фашистських агресорів (1939–1945 рр.) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. 2008. Вип. 11. С. 50.

лемые стратегии выживания нации в условиях тоталитарного гнета. Такому подходу присущ страдательный настрой и пристальное внимание к человеческой и материальной цене победы, которую пришлось заплатить представителям данного этноса за участие в войне. Сама война на большей части постсоветского пространства понимается как чужая, навязанная. Особенно сильны такие настроения на Украине.

Эта страна, пострадавшая от нацизма не меньше, чем Россия, напряженно рефлексировала на тему войны. Как и российское общество, украинское ищет и находит в ее истории важные вехи своей идентичности. Украинская академическая историография разделяет второй из описанных модусов отношения к войне (как жертвы двух тоталитарных режимов), стараясь примирить в рамках единой историографической традиции всех украинцев, участвовавших в вооруженной борьбе (красноармейцев, красных партизан, участников Организации украинских националистов (ОУН) и его вооруженного крыла – Украинской повстанческой армии (УПА)). До недавних пор в академических публикациях достаточно традиционный взгляд на историю Великой Отечественной войны сосуществовал с изучением «национально-освободительного движения», т.е. движения западноукраинских националистов. В последние годы в связи с известными событиями, повлекшими полный политический и культурно-ментальный разрыв с Россией, многократно усилилось стремление оформить «развод» совместного исторического пути. Тема участия миллионов украинцев в совместной с русскими и другими народами в рядах РККА в борьбе с нацизмом все более маргинализуется и нередко целые монографии, посвященные истории вооруженных сил Украины XX в., обходятся даже без упоминания этого факта¹²². Термин «Великая Отечественная

¹²² Например, в большом издании «История украинского войска», подготовленном сотрудниками исторического факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко в 2016 г. повествование неожиданно обрывается 1921 г., а возобновляется вновь только событиями, связанными с формированием войск Карпатской Украины в конце 1930-х гг., а затем – националистической организации ОУН в период Второй мировой войны. В тех же работах, где боевые действия на территории Украины в 1941 и 1943–1944 гг. все же рассматриваются, это делается подчеркнуто отстраненно: две огромные армии схлестнулись в сражении за богатую украинскую землю (Воєнна історія України від давнини до сьогодні. Харків, 2016). Аналогичным образом построены другие работы о вооруженных силах Украины: *Патікян А. Збройні*

война» вовсе выведен из официального и научного оборота, и это, очевидно, означает, что, по крайней мере на современном историческом этапе, полный отрыв от некогда единой с российской историографией традиции изучения событий 1939–1945 гг. завершен.

С точки зрения конкретной тематики диссертационного исследования, то среди проблем истории Великой Отечественной войны, получивших освещение в современной украинской историографии, полезен анализ вопросов, связанных с мобилизациями украинцев в 1943–1944 гг. и резким ростом удельного веса украинцев в частях Красной армии в этот период. Так, в кандидатской диссертации В.А. Гриневича справедливо отмечается перманентная изменчивость национального состава действующей армии в связи с изменениями потоков пополнений в них из различных республик. Можно согласиться с утверждением о том, что с начала 1944 г. пополнения из Западной Украины стали большой проблемой для комплектуемых органов РККА, причем сложность представляли как сама мобилизация, так и дальнейшее использование этой категории военнослужащих в бою¹²³. В коллективной монографии, посвященной военному строительству на Украине, сделаны интересные наблюдения об изменениях численности военнослужащих в последний период Великой Отечественной войны в 1944–1945 гг., на что прежде редко обращалось внимание историков. По подсчетам авторов, в ряде армий 1, 2, 3-го Украинских фронтов число украинцев в это время значительно превышало число русских и достигало 50–80 %¹²⁴. Например, в 4-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта к весне 1944 г. насчитывалось 57 % украинцев, 35 % русских, 0,8 % белорусов, 1,3 % татар, 1,5 % евреев, 1,4 % представителей республик Закавказья, 1,7 % представителей Средней Азии и 1,3 % представите-

Сили України двадцятого століття. Львів, 1999; Історія українського війська. Харків, 2016; Поле битви – Україна. Від «володарів степу» до «кіборгів». Харків, 2016; *Литвин В.* Історія України: підручник. К., 2013. С. 658–700; и др.

¹²³ *Гриневич В.А.* Національні проблеми в Червоній армії в період визволення України від німецько-фашистських загарбників (грудень 1942 – жовтень 1944 рр.): Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 1994. С. 10–11.

¹²⁴ Військове будівництво в Україні у ХХ столітті: Історичний нарис, події, портрети. Київ, 2001. С. 196.

лей других народов¹²⁵. Отмечается, что к концу войны, по мере того, как иссякали мобилизационные возможности освобождаемых территорий УССР, удельный вес украинцев в частях действующей армии вновь упал и не превышал 20–25 %¹²⁶. Хотя выводы о динамике численности украинцев в рядах РККА, сделанные украинскими учеными в целом подтверждаются диссертационным исследованием соискателя, их существенными недостатками являются: политизированность выводов, узкая источниковая база, фрагментарный охват и нередко случайный характер материала, привлекаемого для статистических обобщений. Иногда ссылки на документы и вовсе отсутствуют. Например, в монографии доктора исторических наук М.В. Ковалю сообщается, что численность украинцев во многих соединениях достигла 50–70 %, однако не приводит ссылок на документы¹²⁷. Таким образом, украинские исследования в области сравнительно-статистического изучения участия украинцев в рядах РККА можно считать лишь введением в тему.

В последние годы в украинской историографии активно исследуется проблематика советских войсковых мобилизаций на недавно освобожденных территориях республики в 1943–1944 гг.¹²⁸ В кандидатской диссертации¹²⁹ и статьях¹³⁰ Л. Рыбченко (ныне – заместитель директора Национального музея Украины), ста-

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Історія українського війська (1917–1995). Львів, 1996. С. 345.

¹²⁷ Коваль М.В. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.). Київ, 1999. С. 117.

¹²⁸ Гриневич В.А. Національні проблеми в Червоній армії в період визволення України від німецько-фашистських загарбників (грудень 1942 – жовтень 1944 рр.): Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 1994.

¹²⁹ Рыбченко Л.В. Радянські військові мобілізації 1943 р. на території Лівобережної України: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. К., 2010.

¹³⁰ Рыбченко Л.В. Радянські військові мобілізації 1943 року (Київська область, Обухівський район) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. К., 2009. Вип. 12. С. 103–112; *Она же*. Персональний облік людських військових втрат Червоної армії у Великій Вітчизняній війні // Київські адреси сповіщень про загибель: дослідження, документи, свідчення. К., 2013. С. 77; *Она же*. Документальний фонд з обліку людських втрат Національного музею історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 років як джерело з вивчення проблеми радянських військових мобілізацій 1943–1944 років // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 19 (2). К., 2009. С. 129–139.

тнях О.Е. Лисенко¹³¹, Л. Легасовой, Н. Шевченко¹³² представлены результаты анализа специфического типа источников, аналог которых в России еще не изучен. В 2000-х гг. распоряжением правительства Украины в Национальный музей Украины из областных военкоматов были переданы все дела (свыше 9 тыс. единиц хранения¹³³) военкоматов с уведомлениями граждан из воинских частей о безвозвратных потерях (в просторечье – похоронках). Записи о похоронках, содержащие сведения о дате и месте призыва гражданина, а также дате и месте гибели и захоронения вносились в специальные книги, которые и стали сейчас предметом исследования. Проведя содержательный и количественный анализ документов одного из районов Киевской области (Обуховского), автор делает ряд существенных наблюдений о масштабах и методах местных мобилизаций, степени военной выучки мобилизованных украинцев, сроках отправки их на фронт. В частности, она приходит к выводу о том, что нередко «только что мобилизованные жители освобожденных украинских сел сразу попадали в бой». Часть из них гибла в первом же бою недалеко от родных мест и даже хоронились родственниками по месту жительства. Выяснилось также, что подавляющая часть мобилизованных местных жителей не успевала оформляться по правилам воинского учета¹³⁴. В то же время автор соглашается с тем, что такая практика, судя по всему, была повсеместной в годы войны, а не велась целенаправленно только в отношении украинского населения, поскольку она осуществлялась в порядке выполнения приказа Ставки ВГК № 089 изданной еще 9 февраля 1942 г.¹³⁵, задолго до освобождения Украины. Данная директива разрешала военным советам армий в ходе наступления пополнять свои ряды в упрощенном порядке, вне установленной процедуры призыва военкоматами.

¹³¹ Лисенко О.Є. Важкий шлях до миру: українське суспільство та влада у середині 1940 – на початку 1950-х рр. // Український історичний журнал. 2015. № 5. С. 19–42.

¹³² Легасова Л., Шевченко Н. Друга світова війна і Україна. Музейний аспект теми // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. 2008. Вип. 11. С. 20–31.

¹³³ Лисенко О.Є. Указ. соч. С. 20.

¹³⁴ Рибченко Л. Документальний фонд... С. 133.

¹³⁵ Экземпляр № 1 приказа Верховного главнокомандующего хранится в подшивке приказов НКО за 1942 г. в ЦАМО (Ф. 2. Оп. 920266. Д. 3. Л. 150).

Проблема войсковых мобилизаций – интересная и плодотворная тема; проанализированные работы дополняют и подкрепляют сделанные соискателем на большом архивном материале выводы о резком росте численности украинцев и других «западных» народов СССР среди рядового состава РККА со второй половины 1943 г. и изменении соотношения в этническом составе войск между основными его категориями – офицерском, сержантском и рядовом составах.

Для разработки темы представленного к защите диссертационного исследования представляют интерес оценки украинской историографии строительства национальных воинских частей в довоенный период (1920–1930-е гг.). В украинской академической литературе политике *коренизації* на Украине (частью которой являлось развитие национальных формирований) дается в целом положительная оценка. Как отмечалось в одной из обобщающих работ по истории Украины, «если в других национальных республиках *коренизация* так и осталась аппаратной кампанией, то в Украине она приобрела многие признаки мощного национального возрождения»¹³⁶. В работе Института истории Национальной академии наук Украины «Украинизация 1920–30-х гг.: Предпосылки, достижения, уроки» отмечается, что «за десять лет “украинизации” (1923–1933 гг.) украинцы превратились в структурно полноценную, дружную и консолидированную нацию, то есть обрели все те характеристики, которых им так не хватало во время революции 1917–1920 гг.»¹³⁷.

В обобщающей работе «История украинского войска» рассмотрены вопросы *украинизации* воинских частей Украинского военного округа (УВО) в середине 1920-х гг., особенности языковой политики и партийно-политической работы в войсках, подлежавших *украинизации*¹³⁸. Авторы справедливо рассматривают *украинизацию* частей РККА в УССР в контексте политических процессов на Украине, когда апологеты *коренизації* в регионе (прежде всего нарком юстиции и генеральный прокурор УССР Н.А. Скрипник) пытались использовать их для ре-

¹³⁶ Литвин В. Указ. соч. С. 606.

¹³⁷ «Українізація» 1920 – 30-х років: Передумови, здобутки, уроки. К., 2003. С. 188.

¹³⁸ Історія українського війска (1917–1995). Львів, 1996. С. 230–282.

ализации модели украинского «национал-коммунизма»¹³⁹. История украинских частей РККА показана на фоне общей картины публичной и негласной политической борьбы между сторонниками углубления *украинизации* и т.н. «великодержавниками», чьи позиции с конца 1920-х гг. неуклонно усиливались¹⁴⁰.

Отмечаются и негативные аспекты военного национального строительства, связанные с межнациональной напряженностью в ходе *украинизации* частей Красной армии в 1920-х гг.¹⁴¹ Принятый пятилетней программой национальных формирований объем украинских частей не охватывал значительной части призывного контингента с Украины¹⁴². Последовавшее в 1930-х гг. расформирование всех без исключения национальных частей РККА (в случае с Украиной оно произошло уже в начале 1930-х гг.) трактуется в узко-конспирологическом контексте: Сталин-де «хорошо осознавал, что существование республиканских военных формирований будет постоянно питать национальную идею, поддерживать веру и стремление народа к реальной независимости»¹⁴³. Более широко на проблему смотрят авторы труда об *украинизации*: сворачивание национальных формирований на Украине, начавшееся фактически уже в 1931 г., объясняется общим осложнением политической обстановки в республике в связи с форсированием колхозного строительства и голодомором, значительно ухудшившими морально-политический климат в республике и вызвавшими брожение в воинских коллективах украинских частей¹⁴⁴.

По теме *украинизации* воинских частей в межвоенный период защищено несколько диссертаций¹⁴⁵. В работе Л.В. Гриневич отмечается положительный аспект *украинизации* в военном деле, связанный с повышением статуса националь-

¹³⁹ Історія українського війська. С. 318–331.

¹⁴⁰ Там же. С. 331.

¹⁴¹ Там же. С. 299–305.

¹⁴² Там же. С. 154.

¹⁴³ Папікян А. До історії народного комісаріату оборони... С. 113.

¹⁴⁴ «Українізація»... С. 163.

¹⁴⁵ Гриневич Л.В. Військове будівництво в Україні у 20-ті – на початку 30-х рр. ХХ ст.: національний аспект: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Львів, 1995; Бондарь А.Н. Украинизация и национальные формирования в войсках Украинского военного округа в 1922–1935 годах: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Одесса, 1997.

ного языка и позитивным влиянием на формирование национальной идентичности украинцев¹⁴⁶. В то же время автор чрезмерно демонизирует высшее руководство страны, которое якобы всячески ограничивало развитие национального сегмента РККА¹⁴⁷, что не подтверждается документальным материалом. Как показали исследования автора представленной к защите диссертации, многочисленные задержки в развитии нацформирований, действительно имевшие место, были вызваны не политическими причинами, а нехваткой материальных средств, национальных командных кадров и неподготовленностью воинского учета населения в национальных регионах СССР¹⁴⁸.

В противоположность Украине, в *Белоруссии* советские традиции изучения военной истории оказались наиболее сильными на всем постсоветском пространстве; каноны военной героики догматизированы и неуклонно соблюдаются. Особенно это очевидно по содержанию научно-практических конференций по вопросам истории Великой Отечественной войны, активно проводящихся в этой стране¹⁴⁹. Белоруссия – фактически единственное государство, чья концепция и ключевые оценки истории Великой Отечественной войны совпадают с современной российской, что дает плодотворную почву для научной кооперации военно-исторических сообществ двух стран. Многие научные форумы, а также обобща-

¹⁴⁶ Гриневич. Л.В. Указ. соч. С. 23.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ См.: Безугольный А.Ю. Идеология строительства национальных воинских формирований в СССР в 1920-е гг. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2017. № 1 (34). С. 35–42; Он же. Национальные формирования РККА в 1930-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 27. № 5 (27). С. 58–70.

¹⁴⁹ Беларусь в годы Великой Отечественной войны: уроки истории и современность: Материалы междунар. научн. конф. (Минск, 29–30 июня 2004 г.). Минск, 2004; Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 25–26 июня 2009 г.). Минск, 2009; Актуальные проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн (к 65-летию Великой Победы): материалы V материалы международной летней школы молодых историков стран СНГ (Минск 14–23 июня 2010 г.). Минск, 2010; Победа – одна на всех: материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 24 апреля 2014 г. Витебск, 2014; Беларусь: памятное лето 1944 года: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию освобождения Беларуси от нем.-фашист. захватчиков (Минск, 19–20 июня 2014 г.). Минск, 2015; Вторая мировая война в истории человечества. 1939–1945 гг.: Научный сборник. Материалы международной научной конференции. М., 2015; Этот день мы приближали, как могли...: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и окончания Второй мировой войны (Минск, 7–8 мая 2015 г.). В 2 ч. Ч. 1. Минск, 2016.

ющие труды проводятся совместно с российскими историками¹⁵⁰. В центре внимания: вопросы истории партизанского движения¹⁵¹, оккупация Белоруссии в целом¹⁵² и ее отдельных регионов¹⁵³.

В белорусской историографии появляются и публикации, претендующие на сенсационность, но требующие дальнейших подтверждений архивным материалом. Так, белорусский историк-архивист И. Курков обнаружил в фондах Национального архива Республики Беларусь дело на 110 листах из бывшего партархива ЦК КП Белоруссии, посвященное проекту создания летом–осенью 1942 г. национальной Белорусской армии численностью свыше 150 тыс. чел. Укомплектование армии планировалось за счет граждан белорусской национальности из частей РККА, а также из числа эвакуированных и заключенных белорусов. Инициатором идеи выступил первый секретарь ЦК КП(б) БССР П.К. Пономаренко. Были разработаны штаты нового армейского управления и входивших в него частей, соединений и учреждений, составлен проект постановления Государственного Комитета обороны, однако осенью 1942 г. проект был отложен¹⁵⁴. Находка белорусского историка, безусловно, требует дальнейшего уточнения по материалам российских федеральных архивов и Центрального архива Министерства обороны РФ. По опыту, накопленному автором данной диссертации, такая инициатива вполне могла иметь место и укладывалась в логику строительства национальных формирований в годы Великой Отечественной войны.

В историографии *Среднеазиатского (Центральноазиатского) региона* этнонациональная тематика в военном строительстве и участии этносов в Великой

¹⁵⁰ Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Минск, 2005; Освобождение Беларуси. 1943–1944. Минск, 2014; *Третьяк С.А.* Трудный путь к Победе. Минск, 2015; Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне. Минск, 2016.

¹⁵¹ Республика-партизанка. К 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. М., 2014; Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны: Зб. навук. арт. Мінск, 2015.

¹⁵² Разняволеная памяць. Прымусовая праца беларускіх грамадзян на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941–1944 гг.): Зб. навук. артыкулаў. Мінск, 2010; *Кривошей Д.А.* Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944 г.). Минск, 2017.

¹⁵³ Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны: Зб. навук. арт. Мінск, 2015.

¹⁵⁴ *Кративин С.* Армия мстителей-белорусов // Белорусская военная газета «Во славу Родины». 2012. 8 августа; *Он же.* Армия БССР. Нереализованный проект // Военно-исторический архив. 2013. № 7. С. 152–159.

Отечественной войне в целом изучается в русле догматов советской эпохи. В *Казахстане* национальному вопросу в строительстве вооруженных сил и национальным формированиям в период 1920-х – середины 1940-х гг. также уделяется определенное внимание. В монографии А. Тасбулатова и К. Аманжолова «Военная история Казахстана» казахским формированиям в межвоенный период в период Великой Отечественной войны посвящено два раздела¹⁵⁵. В работе подробно анализируются вопросы комплектования и боевой подготовки личного состава казахских национальных частей, приводится их состав, анализируются особенности боевой подготовки.

Взгляды историков Казахстана на события Великой Отечественной войны в постсоветскую эпоху в целом не претерпели кардинальных изменений и продолжают, по существу, советскую пафосную подачу материала в духе «нерушимой дружбы советских народов»¹⁵⁶. Изданы работы, посвященные участию казахстанцев в войне в целом¹⁵⁷ и в отдельных сражениях Великой Отечественной войны¹⁵⁸, вкладу в победу отдельных регионов Казахстана¹⁵⁹, биографиям героев-казахов, среди которых особое место занимают знаменитый комбат панфиловской дивизии Б. Момыш-улы¹⁶⁰ и снайпер А.Н. Молдагулова¹⁶¹. Анализируются вопросы комплектования и боевой подготовки национальных частей, формировавшихся в го-

¹⁵⁵ Тасбулатов А., Аманжолов А. Военная история Казахстана. Алматы, 1998. С. 78–126.

¹⁵⁶ Исмаилов А.И. Война и Победа (из истории Казахстана в 1941–1945 годах). Шымкент, 2010; История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001. С. 306–316. Аналогичным образом построены и другие работы, изданные в Казахстане. См., например: Григорьев В.К. Панфиловцы: 60 дней подвига, ставших легендой. Алматы, 2013.

¹⁵⁷ Кульбаев Т.С. Все для фронта, все для победы. Алматы, 2015.

¹⁵⁸ Жұмағалиев Б. Қазақтар Ленинград майданында. Астана, 2005; Қалиев Ы., Айдосов А. Ұлы жеңістің 60 жылдығы – ерлік пен елдігіміздің мерекесі. Қызылорда, 2005; Жеңіс сарбаздары. Қазақстан Ұлы Отан соғысы жылдарында 1941–1945. [б.о.ж.], 2015; Кульбаев Т. Все для фронта, все для Победы! Алматы, 2015.

¹⁵⁹ Павлодарцы в годы Великой Отечественной. 1941–1945: Сборник документов. Павлодар, 2005; Хазыров Б.М. Чтобы помнили. Павлодар, 2004; Қалиев Ы. Ұлы жеңістің 60 жылдығы – ерлік пен елдігіміздің мерекесі. Қызылорда, 2010.

¹⁶⁰ Муханбетғалиев Х.С. Баурджан Момыш-улы в истории казахского народа. Кокшетау, 2006; *его же*. Боевой путь и военно-теоретическое наследие Баурджана Момышулы: исторический анализ: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Уральск, 2009.

¹⁶¹ Life Long Feat / Galymzhan Bayderbes, Kauys U. Aktobe, 2010; Девушки, ставшие легендой. [Б. м.], [2003].

ды войны в Казахстане, в том числе деятельность военных комиссариатов по их комплектованию¹⁶². К юбилейным датам в Казахстане проводятся военно-исторические конференции¹⁶³. В то же время публикаций и докладов, подготовленных по правилам научного исследования среди них почти не встречается.

С точки зрения подготовки диссертационного исследования историографический интерес имело ознакомление с работами по истории отдельных воинских соединений, сформированных в годы войны в Казахстане, однако научное качество их также невысоко. Монография, посвященная 100-й и 101-й казахским стрелковым бригадам¹⁶⁴, представляет собой 500-страничный сборник материалов из казахстанской прессы и собственных изысканий составителя в государственных и семейных архивах, воссоставляющих боевой путь соединений и судьбы отдельных ее бойцов и командиров. Также изданы аналогичным образом построенные работы по истории формировавшихся в Семипалатинске двух стрелковых дивизий¹⁶⁵. Продолжается отмеченная выше для советской историографии союзных республик тенденция «присваивания» и «национализации» воинских формирований, формировавшихся на территории Казахстана. К таковым относят 29, 38, 196, 292, 316-ю (8-ю гвардейскую) стрелковые дивизии, 100, 106, 102-ю стрелковые бригады и ряд других¹⁶⁶. Наибольшим почетом в Казахстане пользуется 8-я гвардейская (бывшая 316-я) – знаменитая «панфиловская» стрелковая дивизия, фор-

¹⁶² *Макитов А.С.* Деятельность военных комиссариатов на территории Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Шучинск, 2009.

¹⁶³ Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Сборник докл. и выступлений на Междунар. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы над фашист. Германией, Алматы, 21 апреля 2000 г. Алматы, 2000; Итоги и уроки Великой Победы над фашистской Германией: Международная научно-практическая конференция. Семей, 2005 и др.

¹⁶⁴ *Өшпес данк: Қазақтың 100- және 101- ұлттық атқыштар бригадалары / Келбаев, Тілеу Сәдуақасұлы.* Алматы, 2013.

¹⁶⁵ Семипалатинские дивизии. Семей, 2010.

¹⁶⁶ *Сулейменов А.* Реабилитация военнопленных // http://e-history.kz/ru/project/view/21?type=publicationproject&material_id=3689#scontent (дата обращения: 15.10.2017); *Игсатова Д.* Сталинградский след 106-й кавалерийской дивизии // http://e-history.kz/ru/project/view/21?type=publicationproject&material_id=3776#scontent (дата обращения: 15.10.2017); *Адерихин С.В., Адерихина И.В.* Участие воинских соединений Красной Армии, сформированных в Казахстане, в битве за Сталинград // *SCI-ARTICLE.RU. Электронный периодический рецензируемый научный журнал.* 2017. № 49. С. 40–47 // <http://sci-article.ru/stat.php?i=1502773310/> (дата обращения: 23.12.2018).

мировавшаяся из алмаатинцев всех национальностей¹⁶⁷. Командиром одного из батальонов дивизии был знаменитый казах Б. Момыш-улы, впоследствии комдив и Герой Советского Союза. К 70-летию Победы в Алматы был воздвигнут памятник И.В. Панфилову¹⁶⁸.

Интересный историографический феномен и редкий пример «непарадной» истории войны представляют собой публикации о 106-й казахской кавалерийской дивизии. Особенность ее истории в том, что дивизия еще до отправки на фронт весной 1942 г. была расформирована и обращена на доукомплектование других кавалерийских соединений. Тем не менее, в полном составе она была отправлена на Юго-Западный фронт, где в считанные дни погибла в харьковском окружении. Большинство военнослужащих-казахов оказались в плену, часть из которых затем выбрала службу в Туркестанском легионе вермахта, а руководители – в Туркестанском национальном комитете. Теперь установлением их судеб занимается много историков и журналистов¹⁶⁹. В Казахстане военнопленные Великой Отечественной войны до сих пор не реабилитированы государством. Поэтому в стране есть общественное мнение в поддержку «тех парней, попавших в плен и прошедших все круги ада... Ведь они пошли сражаться с фашизмом за наше будущее, за наш независимый Казахстан...»¹⁷⁰.

Весьма пристальное внимание участию в событиях войны представителей киргизского народа уделяется в современной *Киргизии*. Об этом можно судить по обилию юбилейных конференций последних лет¹⁷¹, сборников статей и моногра-

¹⁶⁷ Сухарь М.Я. Указ. соч. С. 229.

¹⁶⁸ Подвиг Панфилова // http://e-history.kz/ru/project/view/21?type=publicationproject&material_id=3691#scontent (дата обращения: 15.10.2017).

¹⁶⁹ Игсатова Д. Младший лейтенант госбезопасности // http://e-history.kz/ru/project/view/21?type=publicationproject&material_id=3801#scontent (дата обращения: 28.11.2017).

¹⁷⁰ Игсатова Д. Достучаться до правды // http://e-history.kz/ru/project/view/21?type=publicationproject&material_id=3796#scontent (дата обращения: 27.11.2017).

¹⁷¹ Битва техник – битва духа (Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию битвы на Курской дуге. 22–23 августа 2003 г.). Бишкек, 2003; Отечественная война: память истории и память сердца (Материалы научно-практической конференции. 23–24 декабря 2003 г.). Бишкек, 2004; Отечественная война: великое не умирает (Материалы научно-

фических публикаций¹⁷², статей в научной периодике¹⁷³, защищенных диссертаций¹⁷⁴. Однако взгляды и подходы местных исследователей остались практически неизменными с советских времен. Автор одной из докторских диссертаций, защищенных в Киргизии, прямо признает, что его выводы «в принципе совпадают с уже известными значительными оценками Великой Отечественной войны», имея в виду достижения советской науки о Великой Отечественной войне¹⁷⁵. Поэтому все без исключения изданные в современной Киргизии работы об участии представителей местных народов в войне – предельно выхолощенные парадные очерки о героях. Так, изданная в Бишкеке в 2015 г. обобщающая работа¹⁷⁶, которую предваряет вступительное слово президента страны, выдержана в стиле «высокого» патриотического пафоса, содержит калейдоскопически разбросанные по всей книге сведения о призванных на территории Киргизской ССР гражданах, формировании воинских частей, однако остается далекой от всякого рода обобщений или осмысления опыта войны для киргизского народа.

Аналогичным образом события Великой Отечественной войны оцениваются в *Таджикистане*. «Население Таджикистана, как и жители Хатлонской области, – говорится в заключении одной из диссертаций, – совершали невероятные подвиги ради приближения скорой победы. С первых дней войны хатлонцы давали ре-

практической конференции, посвященной 60-летию полного освобождения территории Советского Союза от фашистских захватчиков. 15–16 июня 2004 г.). Бишкек, 2004 и др.

¹⁷² *Тунтеев Н.С.* Красные кавалеристы Кыргызстана. Бишкек, 1994; *Сагынбаев О.* Посланцы Кыргызстана на фронтах Великой Отечественной войны. Бишкек, 1995; Всемирно-историческое значение победы в Великой Отечественной войне: Сборник статей. Бишкек, 1995; Отечественная война: их славу годы не сотрут. Бишкек, 2005; *Жоробеков Т.Ж.* Вклад кыргызстанцев в Великую победу (на материалах южных регионов Кыргызской Республики). Бишкек, 2005; *Шафир А.Л.* 70 лет Великой Победы. Величайший подвиг во имя Родины. Бишкек, 2015 и др.

¹⁷³ *Старусева Т.И.* Великая Отечественная война: фронтовые дороги воинов-кыргызстанцев (к 65-летию Великой Победы) // Кыргызстан тарыхынын маселелери (Вопросы истории Кыргызстана). 2010. № 3. С. 3–10; *Утрекеева Дж.А.* Историография Великой Отечественной войны в трудах кыргызских ученых периода независимости // Кыргызстан тарыхынын маселелери (Вопросы истории Кыргызстана). 2010. № 1. С. 71–76.

¹⁷⁴ *Сагынбаев О.* Посланцы Кыргызстана на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Опыт и уроки: преодоление стереотипов: Автореф. дисс. ... доктора исторических наук. Бишкек, 1997; *Исеналинов А.Р.* Вклад кыргызстанцев и казахстанцев в оборону Ленинграда (1941–1944 гг.): Автореф. дисс. ... доктора философии по истории. Бишкек, 2015 и др.

¹⁷⁵ *Сагынбаев О.* Указ. соч. С. 2.

¹⁷⁶ Подвиги кыргызстанцев в годы Великой Отечественной войны. Бишкек, 2015.

шительный отпор врагу. Активно вели мобилизационные, оборонно-массовые работы среди населения. Бойцы из Хатлона мужественно дрались во всех сражениях Великой Отечественной войны, проявляли подвиги. Их подвиги вдохновляли население тыла на героические победы на трудовом фронте»¹⁷⁷. В аналогичном ключе выдержаны другие современные работы, изданные в Таджикистане¹⁷⁸. Редкие попытки привнести новое в традиционную интерпретацию места Таджикистана в Великой Отечественной войне наталкиваются на слишком узкую источниковую базу исследований, ограниченных, главным образом, национальными архивами. Так, автор одной из диссертаций правильно обратил внимание на приостановки призывов среди местных жителей, однако не разобрался ни в их причинах, ни в масштабах этого явления, предложив невероятную версию о том, что людские ресурсы экономились для возможного отражения агрессии... Афганистана¹⁷⁹.

Что касается *Узбекистана* и *Туркменистана*, то в этих странах государственная политика не направлена на поощрение памяти о совместном военном прошлом советских народов. Термин «Великая Отечественная война» выведен из официального оборота. Сохранение памяти о войне – удел энтузиастов-любителей, публикующих свои компилятивные очерки в сети Интернет. На государственном уровне научного переосмысления проблем и постановки новых исследовательских задач по истории Великой Отечественной войны и военной истории своих народов в советский период не ведется.

¹⁷⁷ *Алимов Д.Х.* Хатлонская область Республики Таджикистан в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2012. С. 17.

¹⁷⁸ *Абдуллоев Р.* Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. Душанбе, 1994; Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. Душанбе, 2000; Таджикистан в годы Великой Отечественной войны. Душанбе, 2000; Сборник материалов Республиканской конференции посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Душанбе, 2005 и др.

¹⁷⁹ *Саидасанов Ю.Ш.* Горно-Бадахшанская автономная область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Хорог, 2010. С. 19.

Столь же традиционен взгляд на события Великой Отечественной войны в странах Закавказья – *Азербайджане*¹⁸⁰ и особенно в *Армении*, где степень патриотической экзальтации историков напоминает киргизских коллег.

Армения. Из всех постсоветских государств Закавказья Армения наиболее сильно политически и культурно ориентирована на Россию, что обеспечивает в целом позитивный в отношении советского прошлого настрой исторических исследований. Россия как правопреемник СССР рассматривается в Армении в качестве исторического союзника в борьбе за выживание армянской нации перед лицом тюркско-мусульманской угрозы. Это способствует тому, что историческое видение событий Великой Отечественной войны в Армении претерпело наименьшую ломку. По словам директора Института истории Национальной академии наук (НАН) Республики Армения доктора исторических наук, профессора А.А. Мелконяна, сказанным им на представительной международной научно-практической конференции в Москве 8 апреля 2010 г., в Армении сейчас «мало кто сомневается, что эта война для армянского народа была отечественной. Не случайно, что и в советский период, и после обретения независимости в армянской историографии вопрос о сущности этой войны как отечественной никогда не подвергался и не подвергается сомнению». В рамках академической науки сохранился подход, основанный на концепции советского патриотизма, дружбы народов, интернациональном вкладе народов СССР в дело Победы. Яркий пример такого подхода – работы К.А. Арутюняна, изданные под эгидой Института истории НАН Республики Армения¹⁸¹. Другой пример – рекомендованная Министерством образования и науки Республики Армения как учебное пособие для соотечественников, живущих вне республики, работа А.Э. Хачикяна «История Армении (краткий очерк)» (Ереван, 2009). Рассказ об участии жителей республики в войне вы-

¹⁸⁰ Азербайджанцы сражались за Родину. Баку, 2005; *Грищенко А.А.* Героизм сынов и дочерей Азербайджана. Баку, 2009.

¹⁸¹ *Арутюнян К.А.* Участие армянского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945). Ереван, 2004; *Он же.* Участие воинов-армян в Сталинградской битве (17 июля 1942 – 2 февраля 1943 гг.). Ереван, 2007; *Он же.* Участие воинов-армян Нагорного Карабаха и Северного Арцаха в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945). Ереван, 2009.

держан вполне в рамках советского подхода: приведены данные о призванных в армию, о работе тыла, о результатах работы в различных областях промышленности, указано число награжденных; особо выделено количество Героев Советского Союза – армян. В таком же стиле выдержаны и некоторые другие работы о Великой Отечественной войне¹⁸².

Азербайджан. Историография Великой Отечественной войны в Азербайджане также в основном представляет собой интерпретации достижений советской исторической науки¹⁸³. Широко используются цифровые данные, добытые еще советской наукой, о числе призванных в армию мужчин и женщин, отправленных на фронт предметах снабжения, сформированных в республике дивизиях. Подчеркивается значительное число национальных азербайджанских дивизий (однако их боевые качества не обсуждаются). Отмечается, что на полях сражений пали и пропали без вести 400 тыс. азербайджанцев, что 121 чел. стал Героем Советского Союза, а 176 тыс. чел. награждены орденами и медалями и т.д.¹⁸⁴ Следует отметить, что для азербайджанских историков, так же как и для армянских, принципиально важным является тезис об отечественном характере войны для своего народа.

Доктор исторических наук Э.Р. Исмаилов в своих «Очерках по истории Азербайджана» поднимает болезненную для азербайджанской историографии тему истории азербайджанских национальных дивизий, чьи боевые качества стали предметом острой политической дискуссии в первые годы Великой Отечественной войны, едва не обернувшейся обвинениями в саботаже и предательстве в адрес военнослужащих азербайджанской национальности. Э.Р. Исмаилов также по-

¹⁸² *Акопян А.М.* От Кавказских предгорий до Берлина – Эльбы: Боевой путь трижды орденосной 89-й Таманской армейской стрелковой дивизии. Ереван, 1991; *Григорян Г.* Участие армян Арцаха в Великой Отечественной войне (1941–1945): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 2004; *Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998. С. 33, 34.

¹⁸³ *Мамедов Р.Г.* Азербайджанцы сражались за Родину. Баку, 2005; *Тагиев Ф.С.* Азербайджанцы в боях за Беларусь: Очерк. Минск, 2000; *Бабаева С.К.* Участие азербайджанского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Единство фронта и тыла в Великой Отечественной войне (1941–1945): Материалы Всерос. науч.-практ. конфер., 21–22 апреля 2005 г. Б. м., 2005. С. 690–698.

¹⁸⁴ *Гаффаров Т.* Азербайджан тарихи 1920–1991. Баку, 1999. (На азерб. языке). С. 132.

пытался объяснить причины коллаборационизма некоторых военнослужащих-азербайджанцев огромным количеством военнопленных в первый период войны¹⁸⁵ и нечеловеческими условиями их содержания. В такой ситуации многие пленные поддавались вражеской агитации и рассматривали сотрудничество с противником как единственный способ физически уцелеть¹⁸⁶.

Грузия. В этой стране историография Великой Отечественной войны претерпела коренную трансформацию, как и на Украине. В одних трудах события Великой Отечественной войны полностью игнорируются, в других они переосмысливаются самым невероятным образом. В грузинской историографии это получило следующее объяснение: «Освободившаяся от идеологического пресса, современная грузинская историческая наука отвергла советскую интерпретацию войны 1941–1945 гг. и постаралась заново осмыслить ее историю»¹⁸⁷.

В работе М. Вачнадзе, В. Гурули и М. Бахтадзе «История Грузии (с древнейших времен до наших дней)»¹⁸⁸ утверждается, что только часть грузин, «воспитанных в коммунистическом духе», воспринимала войну с нацистской Германией как войну отечественную, справедливую. Но «другая часть грузинского народа прекрасно сознавала, что в данном случае Грузия является завоеванной и зависимой страной, что именно Россия лишила грузин государственной независимости, и Грузия оказалась насильственно объединенной в Советский Союз. И теперь ей предстояло воевать в интересах завоевавшей ее Советской империи, жертвовать ради нее жизнью...»¹⁸⁹. Об участии жителей республики в вооруженной борьбе авторы книги сообщают: «Костями грузин была усеяна огромная тер-

¹⁸⁵ Согласно общепринятой в исторической науке периодизации Великой Отечественной войны, ее первый период приходится на 22.6.1941–18.11.1942 гг. (Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 36).

¹⁸⁶ *Исмаилов Э.* Очерки по истории Азербайджана. М., 2010. С. 325–337; см. также: *Ягублу Н.* Азербайджанские легионеры. Баку, 2003. (На азерб. языке).

¹⁸⁷ *Джанелидзе О., Сиамшвили Т.* По следам «белых пятен» истории Грузии // Национальные истории на постсоветском пространстве. Десять лет спустя. М., 2010. С. 253.

¹⁸⁸ Авторы – сотрудники кафедры истории Тбилисского государственного университета, двое из которых – профессора и доктора исторических наук.

¹⁸⁹ История Грузии. XX век. Тбилиси, 2003 (На груз. языке). Ссылки даются на публикацию книги на рус. яз. в Интернете: http://www.lcrotov.info/lib_sec/04_g/ruz/ia_kr (дата обращения: 16.2.2018).

ритория Советского Союза от его западных границ до подступов Москвы». В то же время им льстит, что немалое число грузин стали Героями Советского Союза, что в годы войны выросла целая плеяда генералов-грузин, а также что именно грузин Мелитон Кантария водружал Знамя Победы над Рейхстагом. Здесь же в подчеркнуто отстраненном тоне авторы рассказывают о том, как грузины воевали на стороне вермахта. В разделе «Национальное движение в годы войны» под национальным движением подразумевается антисоветское подполье, которому «успешное наступление немецких войск весной–осенью 1941 года вселяло надежду... на поражение Советского Союза в войне и освобождение Грузии от советского господства». Общий итог войны для грузин: «непоправимый вред» демографии, психике людей, экономике и ресурсам республики, стимулирование переселения в Грузию русских и других не грузин и проч.

Еще один пример инверсии исторического сознания в Грузии – монография Г. Мамулиа «Грузинский легион в боях за свободу и независимость Грузии в годы Второй мировой войны» (Тбилиси, 2003). В книге показан боевой путь Грузинского легиона в составе вермахта, который, по мысли автора, далеко за пределами «оккупированной» русскими Грузии отстаивал ее интересы. В аналогичном духе выдержана и монография В. Рцхиладзе¹⁹⁰.

Грузинские авторы М. Натмеладзе, А. Даушвили, в целом критически относящиеся к советскому наследию, в своих работах¹⁹¹ полемизируют с распространенным в Грузии мнением о том, что «для Грузии Великая Отечественная война» якобы не являлась «отечественной». «Но ведь она была нацелена на защиту территории Грузии от военного пожара, – продолжают авторы, – особенно сражение по обороне Кавказа. Борющимися против фашизма народами война была воспринята и осмыслена как борьба за собственное отечество и защита от советской оккупации. В рядах этих народов стоял и грузинский народ». С точки зрения факто-

¹⁹⁰ Рцхиладзе В. Грузины под немецкими знаменами во Второй мировой войне. Тбилиси, 1994.

¹⁹¹ Натмеладзе М., Даушвили А. Новейшая история Грузии. Тбилиси, 2010. С. 176–214; Натмеладзе М. К вопросу участия Грузии в битве за Кавказ в 1941–1943 годах в русской историографии // Некоторые вопросы грузино-русских взаимоотношений в современной историографии. Тбилиси, 2011. С. 141–153.

логической базы данная работа не привносит ничего нового. Авторы продолжили ведущуюся еще с советских времен традицию «присвоения» национальных дивизий. Они безо всяких на то оснований называют 242, 386, 349, 351-ю и даже не имевшую к Кавказу никакого отношения 296-ю стрелковую дивизию – грузинскими¹⁹².

Радикальный пересмотр истории войны и участия в ней местного населения произошел и в *прибалтийских странах*. Так, в коллективной монографии «История Литвы» все действия советской армии на территории Литвы в 1940 г. называются оккупацией, а возвращение Красной армии в 1944 г. – «реоккупацией», «повторной оккупацией». Между нацистским и советским режимами однозначно ставится знак равенства. Мобилизацию литовских граждан в ряды РККА авторы называют «насильственной мобилизацией» в «оккупационную армию», а массовое уклонение от призыва местных жителей, уход военнообязанных в леса и вооруженное сопротивление советским властям – правомерным действием, соответствующим Гаагской конвенции о законах и обычаях войны 1907 г., согласно которой оккупационная армия не имеет права набирать в свои ряды местное население. По данным авторов, за последний год войны с территории Литвы в РККА было призвано 108 тыс. чел. и «тысячи из них сложили свои головы» на чужой для них войне¹⁹³.

Аналогичным образом оценивают участие в войне латышей на стороне советских войск и латышские историки. Утверждается, что в 1940 г. при переформировании латышской армии в 24-й территориальный корпус РККА все офицеры были отчислены из войск и высланы в советские лагеря¹⁹⁴. В 1944 г. в ряды РККА было мобилизовано 57470 чел., причем «в целом мобилизация была воспринята

¹⁹² *Натмеладзе М., Даушвили А.* Указ. соч. С. 176–178; *Натмеладзе М.* Указ. соч. С. 148–149.

¹⁹³ *Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М.* История Литвы. Вильнюс: Eugrimas, 2013. 235–236; СССР и Литва в годы Второй мировой войны: Сборник документов. Т. 1: СССР и Литовская Республика (март 1939 – август 1940 гг.). Вильнюс, 2006.

¹⁹⁴ *The Three Occupations of Latvia 1940–1991. Soviet and Nazi take-overs and their Consequences.* Occupation Rēga: Museum Foundation, 2005. S. 32.

негативно». Всего же, по данным латышских историков на стороне РККА воевало 70–75 тыс. латышей¹⁹⁵.

Выводы по параграфу 1.2

Анализ зарубежной литературы показал, что иностранными авторами, особенно в последние десятилетия, был выдвинут ряд плодотворных идей о связи государственной национальной политики со строительством Вооруженных Сил СССР, однако ими рассмотрены лишь отдельные региональные аспекты темы; к тому же в большинстве случаев зарубежные работы существенно уступают отечественным по степени обеспеченности первоисточниками. Нередко исследователями, берущимися за изучение национальных проблем в РККА, за основу исторического анализа принимаются случайные, разнородные, нерелевантные документы, что приводит к необъективным и необоснованным выводам. Поэтому в большинстве случаев речь идет не о новых знаниях в области военной истории бывших советских этносов, а о более или менее обоснованных интерпретациях и оценках этой истории.

Как и в отечественной историографии, в фокусе внимания зарубежных исследователей находятся национальные формирования; другие вопросы, связанные с несением военной службы народами СССР, остаются на периферии их внимания. Некоторое исключение представляет современная украинская историография, где опубликовано несколько интересных работ, посвященных реализации политики *коренизации* в армии, а также динамике численности украинцев в действующих войсках в годы Великой Отечественной войны. Однако и здесь, в отсутствие должной обеспеченности исследований источниками, решение этих проблем лишь намечено.

Важной характеристикой зарубежной литературы, выявленной в ходе анализа, является ее этнополитическая ангажированность, прежде всего в оценках участия своих народов в событиях Великой Отечественной войны. В ряде стран бывшего советского пространства (Украина, Грузия, страны Прибалтики) востор-

¹⁹⁵ Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Странга А., Фелдманис И. История Латвии. Рига, 2005. С. 309–310.

жествовала концепция «чужой войны», в которой малые народы оказались жертвами столкновения между собой тоталитарных держав. Участие многих тысяч уроженцев бывших союзных республик в рядах Красной армии, в том числе и в национальных формированиях РККА, трактуется как действие вынужденное, недобровольное. Характерно, что в этих странах термин «Великая Отечественная война» выведен из научного и общественно-политического дискурса и заменен термином «Вторая мировая война». В то же время догматический советский по своей сути, подход в изучении событий войны, сохранившийся в других странах (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения, Азербайджан), также не привносит в изучение темы нового знания. Рассмотренный историографический материал убедительно показывает, что историческое прошлое нередко ставится на службу современным политическим задачам и из него выбирается то, что для их решения наиболее подходит.

1.3. Источниковая база исследования

Наиболее продуктивной представляется классификация положенных в основу диссертационного исследования источников по их *содержанию*, представляющемуся главным видовым признаком письменного источника как носителя социальной информации. Принятая соискателем классификация источников по теме диссертационного исследования соответствует современным подходам отечественного источниковедения в изучении истории советской эпохи¹⁹⁶.

На сегодняшний момент источниковая база по теме весьма обширна: значительная часть архивных документов рассекречена и доступна исследователям; изданы десятки документальных и статистических сборников по национально-государственному строительству и строительству Вооруженных Сил СССР в 1920-х – первой половине 1940-х гг. Однако работа по систематизации и критике источников по национальному вопросу в советском военном строительстве в ука-

¹⁹⁶ Русина Ю.А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург, 2015; Георгиева Н.Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник РУДН. Серия: История России. 2016. № 1. С. 7–19.

занную эпоху по существу до сих пор не начата. Особенность источниковой базы темы диссертации определяет то обстоятельство, что в структуре РККА на протяжении всего изучаемого периода так и не сложился руководящий орган, на который государством была бы возложена ответственность за работу с нерусскими национальностями в армии и формирование национальных частей. Еще современники испытывали массу неудобств, сталкиваясь с необходимостью аккумулировать и обобщить материал, отражающий опыт развития национальных формирований РККА. Например, когда в 1928 г. старшему инспектору Политуправления РККА Шапошникову¹⁹⁷ было поручено подготовить обобщающий доклад о национальном строительстве в РККА, он столкнулся с «необычайными затруднениями», а именно, с «в высшей степени распыленностью материалов», их устарелостью, полным отсутствием обобщающих справок по большинству национальностей, в связи с чем «предварительное намерение дать исчерпывающую картину национального военного строительства в ходе работы пришлось отменить за явной невыполнимостью...»¹⁹⁸.

Распутывание этого клубка ложится на плечи историка, взявшегося за анализ национального аспекта военного строительства в СССР. Современная источниковая база не менее сложна: профильного архивного фонда, где бы сосредоточились материалы по теме, нет; напротив, они отложились в самых различных, подчас неожиданных фондах нескольких архивов. Их поиск, систематизация и анализ потребовали от диссертанта многолетней кропотливой исследовательской работы. Всего в ходе подготовки докторской диссертации *изучено свыше 1200 архивных дел в 91 фонде двух федеральных и одного ведомственного архива.*

Основу источниковой базы диссертационного исследования составили четыре категории документов, как опубликованных, так и неопубликованных (находящихся на архивном хранении):

¹⁹⁷ Инициалы не установлены.

¹⁹⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 169.

1) нормативно-правовая база¹⁹⁹, определявшая национальную политику государства в военном строительстве, – конституционные акты, законы и подзаконные акты²⁰⁰ (к последним отнесены указы высших органов представительной власти, постановления правительства и программные решения руководящих органов Коммунистической партии, а также акты военного ведомства: положения, наставления, инструкции, руководства и т.п.);

2) многообразная делопроизводственная документация, состоящая из правоприменительных ненормативных актов – приказов, циркуляров, директив, приказаний, предписаний и отчетных материалов исполнителей – докладов, рапортов, донесений, отчетов, информационно-статистических материалов и т.п.²⁰¹;

3) личное мемуарное и эпистолярное наследие участников событий 1922–1945 гг.;

4) материалы периодической печати за этот же период.

Подчеркнем, что значение этих четырех категорий документальных источников в данном диссертационном исследовании неодинаково: в основу работы легли источники первых двух категорий, в то время как материалы двух последних категорий играли вспомогательную роль, хотя в некоторых разделах диссертации (в частности, в главе о партийно-политической работе) они оказались важны.

¹⁹⁹ Под *нормативным правовым актом* понимается письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм. В свою очередь, под *правовой нормой* понимается общеобязательное государственное предписание (правило поведения) постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение (см.: Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.01.2007 № 12547/06; от 14.11.2006 № 11253/06).

²⁰⁰ Под *подзаконным актом* российская правовая наука понимает нормативный акт, издаваемый в соответствии с законом компетентным органом, направленный на исполнение и развитие законодательных положений и регулирующий отдельные конкретные аспекты общественных отношений. Следует оговориться, что на подзаконном уровне акты могут носить смешанный характер, т.е. содержать положения как нормативного, так и ненормативного характера. Среди положений ненормативного характера можно выделить положения организационно-распорядительного характера (однократного применения, адресованные конкретным лицам или группе лиц), положения рекомендательного характера (не подразумевающие возможности применения мер государственного принуждения).

²⁰¹ Сложная иерархия служебной документации РККА, сложившаяся на рубеже 1920–1930-х гг. подробно проанализирована в докторской диссертации и монографии Н.С. Тарховой (см.: *Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация: 1928–1933 гг.* М., 2010. С. 48–56).

Как справедливо отмечается в современных источниковедческих публикациях, «сам исторический источник многообразен и многогранен по своему содержанию и выполняемым функциям»²⁰², обладая свойством *полифункциональности*. К тому же любая документальная публикация или архивный фонд часто содержит в себе документы нескольких, а порой и всех четырех перечисленных категорий. Поэтому в представленном ниже анализе отнесение источника к той или иной категории может носить условный характер.

Первую категорию источников составляют конституционные акты 1918, 1924, 1936 гг. и основанные на них кодексы, законы, указы, постановления, положения по военным вопросам высших советских законодательных органов власти: Всероссийских и Всесоюзных съездов Советов и Центрального Исполнительного Комитета СССР (до 1938 г.), Верховного Совета СССР (с 1938 г.) и его Президиума²⁰³; а также являвшиеся императивными для развития всей страны решения высших органов КПСС: резолюции и постановления съездов РКП(б) (с 1925 г. – ВКП(б)), пленумов ЦК РКП(б) – ЦК ВКП(б) и заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ЦК ВКП(б)²⁰⁴. Совместные постановления ЦК ВКП(б) и правительства с 1932 г. официально носили характер подзаконного нормативного акта; остальные перечисленные решения руководящих органов Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) в силу фактического сращивания государственного и партийного аппаратов также были общеобязательными и их нормативный характер признается источниковедческой наукой²⁰⁵.

Большинство документов, отнесенных к первой группе, в силу своей природы (необходимости доведения нормы до широкого круга исполнителей) опубли-

²⁰² Георгиева Н.Г. Классификация... С. 16.

²⁰³ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик: 1917–1936: Сборник документов. Т. 3: Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик. 1922–1936. М., 1960; Сборник Законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР 1938–1946 гг. М., 1946.

²⁰⁴ ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). М., 1928; КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы 1917–1981. М., 1981; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1: 1898–1925; Ч. 2: 1925–1953. М., 1953.

²⁰⁵ Русина Ю.А. Указ. соч. С. 15–16.

кованы в различных официальных сборниках нормативных актов и академических сборниках документов.

В настоящем диссертационном исследовании проанализированы: положения советских Конституций в части нормирования воинской обязанности для различных категорий граждан; основанные на конституционных положениях законодательные акты в области призыва и прохождения военной службы гражданами РСФСР и СССР различных национальностей в период с 1922 по 1945 г.²⁰⁶ Особое внимание уделено анализу призывных законов 1925, 1930 и 1939 гг. и их редакций, проблемам подготовки и практической реализации этих законов в контексте расширения мобилизационной базы Вооруженных Сил СССР за счет нерусских народов. Поскольку механизм реализации законов вырабатывается в специальных нормативных подзаконных актах, потребовалось изучение всего комплекса руководящих документов, издававшихся военным ведомством во исполнение призывных законов. Сюда диссертантом отнесены нормативные приказы, уставы, наставления и инструкции Наркомата по военным и морским делам (с 1934 г. – Наркомата обороны) СССР, его ключевых структурных подразделений (Штаба (с 1935 г. Генерального штаба) РККА, Главного управления РККА (до 1940 г.), Политуправления РККА (с 1941 г. – Главного политуправления РККА)), Главного управления кадров, Главного управления формирования и комплектования Красной армии (Главупраформа) и других высших органов военного управления по организации воинского учета, призыва, подготовке кадров, организации партийно-политической работы с нерусскими военнослужащими и т.д.

Изучение нормативной базы 1920-х – середины 1940-х гг. в рамках диссертационного исследования имело ключевое значение в выявлении тенденций, тем-

²⁰⁶ Декреты Советской власти. Т. 1–11. М., 1957–1997; Сборник декретов, приказов и распоряжений правительства по призывам в Красную армию. М., 1918; Закон об обязательной военной службе в новой редакции с 1 августа 1928 г. М.–Л., 1929; Закон об обязательной военной службе в редакции 15 августа 1930 г. М., 1931; Закон о всеобщей воинской обязанности. М., 1939; Сборник законов, постановлений и приказов НКО о всеобщей воинской обязанности и прохождении службы начальствующим составом Красной армии. М., 1942; Законы о военной службе. Вып. 1. М., 2000.

пов и способов комплектования представителями народов СССР частей РККА и организации их военной службы.

В диссертации проанализирован целый ряд основополагающих документов партийных и государственных органов, определявших направление и содержание государственной национальной политики в военном строительстве. Они оформлялись резолюциями, декретами, законами, постановлениями высших органов государственной власти и руководства Коммунистической партии. Как правило, партийные решения предшествовали решениям представительных и исполнительных органов государственной власти и определяли содержание последних. Наиболее важными среди них являются: носившая программный характер резолюция «По национальному вопросу», принятая XII съездом РКП(б), проходившим 17–25 апреля 1923 г.²⁰⁷, а также резолюция проходившего вскоре после XII съезда партии IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (9–12 июня 1923 г.), содержащая перечень практических первоочередных мероприятий по проведению в жизнь резолюции съезда по национальному вопросу в военном деле²⁰⁸. Разработанная на этой основе пятилетняя программа национальных формирований в РККА была утверждена III съездом Советов СССР в мае 1925 г.²⁰⁹, а выполнение ее было возложено съездом на ЦИК и СНК СССР²¹⁰.

В исследовании также задействованы рабочие материалы различных ведомств по подготовке законов и подзаконных актов, их практической реализации в национальных регионах СССР, что помогло установить основных акторов, их интересы и мотивы, а также механизмы принятия тех или иных решений.

Ко второй категории документов, наиболее обширной и важной для принятого в диссертационном исследовании анализа, относится массив *делопроизводственной документации*, связанной с обеспечением текущей управленче-

²⁰⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... Ч. 1. С. 709–718.

²⁰⁸ Там же. С. 761–767.

²⁰⁹ Фрунзе М.В. Собр. соч. Т. 3. С. 231.

²¹⁰ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик... С. 92–93.

ской деятельности советских, партийных и военных органов. Основную часть делопроизводственных документов, использованных в данном диссертационном исследовании, составляют материалы центральных и местных органов военного управления, воинских частей, соединений и объединений, советских органов власти и Коммунистической партии, хранящиеся в фондах двух федеральных и одного ведомственного архива – Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ); а также опубликованные в научных документальных сборниках.

Условно их можно разделить на несколько типов документов: 1) *руководящая документация* (постановления, директивы, приказы); 2) *деловая переписка и информационно-отчетные документы* (официальные обращения, отношения, донесения, сводки, сообщения, справки, доклады, отчеты); 3) *повестки дня, протоколы и стенограммы*; 4) *учетно-статистические материалы*.

К основополагающим *руководящим документам* отнесены прежде всего материалы руководства военного ведомства (Реввоенсовет Республики/СССР, народный комиссар обороны и его заместители), а также чрезвычайных органов руководства страной и вооруженными силами в период Великой Отечественной войны (Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования).

Из всего массива *приказов наркома обороны* в диссертации использованы несекретные (для публичного оглашения), секретные и совершенно секретные приказы, объявлявшие ежегодные призывы в ряды вооруженных сил; приказы, регулировавшие использование русского языка в армии и нормы владения им, приказы, объявлявшие формирование или переформирование национальных воинских частей, и др.

Особенно важен комплекс секретных и совершенно секретных приказов НКО (ныне рассекреченных) с объявлением очередных и внеочередных (мобилизационных) призывов. Часто они содержали конкретные требования к этничности

призываемых и определяли возможность использования той или иной национальности в строевых частях. Отдельные приказы и директивы НКО объявляли этнические чистки рядов РККА. Такова, например, директива НКО № 200/ш от 24 июня 1938 г., требовавшая уволить из состава частей приграничных военных округов комначсостав следующих национальностей: немцы, поляки, латыши, эстонцы, корейцы, финны, литовцы, турки, румыны, венгры и болгары, а также (если имеются компрометирующие материалы) передать командиров этих национальностей органам НКВД. В годы Великой Отечественной войны приказы НКО с объявлениями призыва, как правило, не содержали этнических ограничений по призыву, однако они конкретизировались в разъясняющих их специальных директивах заместителя наркома обороны – начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформа).

В годы Великой Отечественной войны исключительно велика была роль Государственного Комитета Оборона СССР – высшего чрезвычайного органа власти, в руках которого в годы Великой Отечественной войны была сосредоточена вся полнота власти и решения которого имели силу закона. В контексте данной диссертационной работы наиболее важны постановления первого периода войны, связанные с учреждением национальных соединений, определением их штатных параметров и условий формирования (постановления № 383сс, 894сс, 1141сс, 1142сс²¹¹, 2100сс, 4322сс, 5026сс, 5460сс²¹² и ряд других). Так, постановлением ГКО № 894сс от 13 ноября 1941 г. «О национальных войсковых соединениях» было объявлено формирование сразу 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 отдельных стрелковых бригад из представителей народов Средней Азии, Северного Кавказа и Приуралья. Это решение определило судьбу большинства национальных формирований, созданных в годы Великой Отечественной войны.

²¹¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 182; Д. 16. Л. 120–121; Д. 220. Л. 225; Оп. 2. Д. 25. Л. 103–104.

²¹² Горьков Ю.А. Государственный Комитет Оборона постановляет (1941–1945): Цифры, документы. М., 2002. С. 514–516.; Русский архив. Т. 17 (6). С. 263.

Впервые в отечественной историографии в целях изучения национальной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны проведен анализ значительного массива постановлений ГКО²¹³, приказов наркома обороны²¹⁴, директив начальника Главупраформа²¹⁵ с объявлениями очередных и внеочередных (мобилизационных) призывов военнообязанных запаса и призывной молодежи и определением порядка их проведения. Наличие (равно как и их отсутствие) в содержании этих документов ограничений по признаку национальности позволили соискателю определить тенденции развития призывной политики государства и сделать вывод о том, что в течение 1941–1943 гг. был издан и действовал до конца войны комплекс совершенно секретных постановлений ГКО и директив НКО, регламентировавших особый порядок призыва, комплектования и несения военной службы для представителей значительного числа народов СССР.

Для определения механизмов и движущих сил принятия тех или иных решений по национальной проблематике в военном строительстве также использовались архивные материалы гражданских партийных органов, сосредоточенные в РГАСПИ. Среди них личные фонды вождей Коммунистической партии и Красной армии, в разные годы имевших отношение к строительству Вооруженных Сил, а именно: фонды И.В. Сталина (фонд 558), В.М. Молотова (фонд 82), К.Е. Ворошилова (фонд 74), Г.К. Орджоникидзе (фонд 85), Л.М. Кагановича (фонд 81) и др. Особенно полезны для исследования документы фонда Ворошилова, который сталкивался с национальным вопросом в армии сначала, будучи в должности командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, а затем – в должности наркомвоенмора (с 1934 г. – наркома обороны).

Основным источником для изучения партийно-политической работы является документация *армейских политических органов*. Для изучения культурно-

²¹³ Постановления ГКО № 2100сс от 26 июля 1942 г. (*Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 514–516); № 4322 от 13 октября 1943 г., № 5026 от 25 января 1944 г. (*Русский архив*. Т. 17(6). С. 263); № 5460 от 23 марта 1944 г.

²¹⁴ Приказы НКО № 0585 от 30 июля 1942 г.; № 0974 от 21 декабря 1942 г.

²¹⁵ Директива № М/1/1493 от 9 октября 1943 г. (ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 332. Л. 142).

ментальных особенностей военнослужащих нерусской национальности, межнациональных отношений в войсках и государственной национальной политики в армии документы военных политорганов оказались незаменимыми. Их отличает живость, эмоциональная окраска в описании повседневной жизни, боевой учебы и боевой деятельности воинского коллектива, его успехов и неудач.

Руководящим органом партийно-политической работы в армии на протяжении всего изучаемого периода являлось Политуправление (в годы Великой Отечественной войны – Главное политическое управление) РККА, которое на правах военного отдела ЦК ВКП(б) осуществляло непосредственное руководство партийными организациями и политической работой в войсках. Вопросы политического и воинского воспитания, просвещения и досуга бойцов нерусской национальности были возложены на армейские политорганы в армейском, дивизионном, полковом звене. Фонды политорганов рассредоточены в двух военных архивах – РГВА и ЦАМО. В РГВА материалы Политуправления РККА (фонд 9) за 1920–1930-е гг. рассекречены и доступны исследователям. В ЦАМО аналогичные документы за период Великой Отечественной войны в значительной степени засекречены по сей день.

Большим подспорьем в проведении исследования стало то, что значительный комплекс руководящих материалов политорганов, касающихся национальной тематики, давно опубликован в специальных сборниках документов; публикация продолжается и в настоящее время. Большинство из документальных изданий на эту тему вышло еще в советский период²¹⁶. Особо следует выделить: сборник «КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы. 1917–1981»²¹⁷, фундаментальное четырехтомное издание Института военной истории МО СССР «Партийно-политическая работа в Красной армии», охватившее период с 1918 по 1941 гг.²¹⁸, а также большой сборник, подготовленный этим же институтом «Рус-

²¹⁶ Военные вопросы в документах КПСС и Советского государства: аннотир. биогр. указатель. М., 1980.

²¹⁷ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы 1917–1981. М., 1981.

²¹⁸ Партийно-политическая работа в Красной армии: апрель 1918 – февраль 1919: Документы. М., 1961; Партийно-политическая работа в Красной армии: март 1919–1920. М., 1964;

ский архив: Великая Отечественная. Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы»²¹⁹. В перечисленных трудах опубликован огромный массив нормативных и ненормативных руководящих документов Политуправления (Главного политуправления) РККА. Во всех перечисленных сборниках документов содержатся материалы по национальному вопросу в военной сфере, позволившие в ходе диссертационного исследования определить эволюцию взглядов и методов работы армейских политорганов в этой области. В числе использованных в работе опубликованных документов ГлавПУ следует выделить основополагающие директивы № 012-1942 г. и № 01-1943 г.²²⁰, а также ряд иных руководящих документов, регулировавших работу с военнослужащими нерусской национальности. Анализ содержания опубликованных и неопубликованных документов армейских политорганов как единого тематического комплекса управленческих решений в контексте обстоятельств их принятия и реализации проведен впервые в отечественной историографии.

Большую помощь при подготовке диссертации оказал опубликованный в 2015 г. в рамках фундаментальной документальной серии «Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы», изданной под общей редакцией министра обороны Российской Федерации С.Г. Шойгу, большой тематический сборник документов, специально посвященный национальным формированиям РККА в годы войны²²¹. Это фактически первое в отечественной историографии подобное издание, охватывающее проблему в целом. В книге опубликовано 115 объемных документов, большинство из которых впервые введены в научный оборот. Сборник разделен на несколько тематических разделов, каждому из которых предшествует авторское предисловие, а сами документы добротнo проком-

Партийно-политическая работа в Красной армии: 1920–1929. М., 1981; Партийно-политическая работа в Красной армии: июль 1929 – май 1941. М., 1985.

²¹⁹ Русский архив: Великая Отечественная: Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 17 (6). М., 1996.

²²⁰ Там же. С. 173–175; 206–207.

²²¹ Великая Отечественная война: 1941–1945: Документы и материалы. Т. III: Национальные формирования Красной армии. М., 2015.

ментированы. Многие материалы относятся к центральным управлениям Наркомата обороны СССР (Главному политуправлению, Главному управлению формирования и комплектования войск и др.), фонды которых в ЦАМО по настоящее время не полностью рассекречены. Особенно важны руководящие документы Главного политуправления первого периода войны, позволившие существенно уточнить деятельность этого ведомства по координации развития нацформирований. Следует подчеркнуть, что документы опубликованы без изъятий, часто содержат «непарадную» сторону истории нацформирований: сведения о проблемах формирования, укомплектования командным и политическим составом, дисциплине и обучении красноармейцев нерусской национальности.

Ко второй группе делопроизводственной документации отнесены деловая переписка и информационно-отчетные документы (официальные обращения, отношения, донесения, сводки, сообщения, справки, доклады, отчеты) различных заинтересованных управлений военного ведомства, связанных с комплектованием, боевой и политической подготовкой, боевым применением военнослужащих национальных и обычных (*номерных*) частей РККА, а также органов контрразведки (особые отделы ОГПУ-НКВД, в годы войны – также органы СМЕРШ).

Особое значение в исследовании имел проведенный впервые в отечественной историографии комплексный анализ материалов организационно-мобилизационных органов РККА, наиболее отчетливо отразивших национальную политику Советского государства в армии. В исследовании межвоенного периода первостепенное значение имели фонды Главного управления (ГУ) РККА (1924–1934 гг., 1939–1940 гг.) и Административно-мобилизационного управления (АМУ) (1934–1939 гг.). Материалы этих, эволюционно сменявших друг друга, органов рассредоточены в нескольких местах (РГВА, фонды 54, 40442; ЦАМО, фонд 7). ГУ/АМУ РККА – это высший административно-организационный орган, выделенный из состава Штаба РККА в ходе военной реформы в первой половине 1920-х гг. В его компетенции находились вопросы организации войск, подготовки кадров, комплектования, боевой и мобилизационной подготовки – словом, все проблемы строительства вооруженных сил, в том числе и национальных частей.

ГУ/АМУ РККА воплощали в жизнь политические решения высших государственных органов власти в части мобилизационного планирования, воинского учета и комплектования армии представителями различных народов СССР. В фондах ГУ/АМУ РККА подчерпнуты материалы по ежегодным призывам граждан в ряды РККА, документы о подготовке и проведении призывов среди представителей нерусской национальности, переписка с центральными и национальными органами власти по поводу призывов в той или иной местности, перечни призываемых и непризываемых народов СССР, анализ правоприменительной практики призывного законодательства в отношении нерусских народов, совершенствования законодательства в этой области, материалы военных переписей и прочая статистика, отражающая динамику национального состава РККА и т.д.²²²

Следует отметить, что значительную часть довоенного периода дублирующие Главное управление РККА организационно-мобилизационные и учетные органы содержались и в составе Штаба (с 1935 г. – Генерального штаба) РККА. Периодически они меняли названия и структуру²²³. Это историческое обстоятельство потребовало изучения соответствующей документации Штаба (Генерального штаба) РККА (РГВА, фонд 7, описи 7, 10, 14). Более того, в фонде 40442 РГВА и фонде 7 ЦАМО (описи 24, 25, 26) материалы ГУ/АМУ РККА и Организационного управления Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба РККА и вовсе слиты воедино. Среди документов оргмоборганов Генштаба соискателем выявлены и проанализированы материалы, относящиеся к 1930-м гг., связанные с анализом специалистами управления результатов и эффективности формирования воинских частей по национальному признаку, планами их мобразвертывания на случай войны и изучением перспектив боевого применения в условиях современной крупномасштабной войны²²⁴. Их выводы спо-

²²² РГВА. Ф. 54. Оп. 1. 52, 97а, 103, 1037, 1039, 1047, 1053, 1088, 1101, 1236, 1238; Оп. 3. Д. 28, 39, 41, 54, 78, 79, 81, 121 и др.

²²³ С 1924 г. – Организационно-мобилизационное управление; с 1926 – 2-е управление; с 1931 г. – 2-е и 9-е управления (соотв. Организационное и Войсковой мобилизации); затем – Организационно-мобилизационный отдел (затем – управление) Штаба (с 1935 г. – Генерального штаба) РККА.

²²⁴ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769; Оп. 2а. Д. 75, 121.

способствовали принятию весной 1938 г. совместного решения СНК СССР и ЦК ВКП(б) об упразднении национальных формирований.

Органы мобилизационного планирования, учета и комплектования были слиты воедино только накануне войны – в 1940 г. и вошли в структуру Генерального штаба. В годы Великой Отечественной войны действовал единый оргмоборган – Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформ РККА), основными подразделениями которого были: Управление мобилизации и укомплектования армии²²⁵, Управление формирования, Управление маршевых пополнений фронта, Организационно-штатное управление²²⁶. Фонд Главупраформа (ЦАМО, фонд 56, описи 12214, 12216, 12234, 12236, 12238) содержит большой массив материалов, связанных с вопросами призыва, мобилизации и укомплектования войск личным составом, формированием национальных и смешанных воинских частей, их боевой подготовки и инспектирования, подготовки и отправки на фронт маршевых пополнений.

В апреле 1942 г. часть функций Главупраформа была вновь возвращена в Генштаб. Так, было сформировано Организационное управление, переформированное в мае 1943 г. в Главное организационное управление ГШ РККА; в этот же период из Главупраформа в Генштаб было передано Организационно-штатное управление, переименованное в Организационно-учетное управление (занималось вопросами оргмероприятий, штатно-списочной численностью частей, общим учетом потерь и др.)²²⁷. Все эти организационные изменения учитывались диссертантом при отборе и анализе документальной базы.

Материалы Главупраформа и Генерального штаба позволили диссертанту дать оценку особенностям комплектования рядов РККА представителями народов СССР в годы войны, объяснить причины возврата в 1941–1942 гг. в строительстве

²²⁵ Сформировано в августе 1941 г. и возглавлялось: с 9 августа 1941 г. генерал-майором Н.Л. Никитиным, а с 14 октября 1942 г. – генерал-майором А.И. Бариновым (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 108. Л. 136, 138).

²²⁶ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 190–192.

²²⁷ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 275. Л. 220.

Вооруженных Сил к национальным формированиям²²⁸. Анализ мобилизаций и очередных призывов в годы Великой Отечественной войны позволил впервые в историографии сделать обоснованные комплексные выводы о дифференцированном подходе к приему в ряды РККА представителей различных народов на разных этапах войны в зависимости от оценок социально-политического и демографического положения в республиках СССР и РСФСР.

Масса информации извлечена в фондах полевых управлений фронтов и военных округов, которые массово комплектовались гражданами нерусской национальности: Закавказский фронт²²⁹ (ЦАМО, фонд 209), Закавказский военный округ (ЦАМО, фонд 126), Северо-Кавказский военный округ (ЦАМО, фонд 144), Среднеазиатский военный округ (ЦАМО, фонд 158), Кавказский фронт (ЦАМО, фонд 216), Крымский фронт (ЦАМО, фонд 215), Южный фронт (ЦАМО, фонд 228), Северо-Кавказский фронт 1-го и 2-го формирований (ЦАМО, фонды 224 и 276), Северная группа войск Закавказского фронта (ЦАМО, фонд 273), Отдельная Приморская армия (ЦАМО, фонд 288), 1, 2, 3-й и 4-й Украинские фронты (ЦАМО, фонды 243 и 244) и др.

Кроме того, в исследовании использованы десятки хранящихся в ЦАМО фондов армий, корпусов, дивизий и бригад, в составе которых сражались воины нерусской национальности, в том числе национальных соединений и частей, а также запасных дивизий, бригад, полков, в которых готовились пополнения, мобилизованные в национальных регионах. Эти материалы отражают процессы формирования, боевой путь частей и соединений, значимые характеристики личного состава – боечисленный и национальный составы, состояние дисциплины и морально-боевых качеств, особенности боевой и политической подготовки личного состава. С сожалением следует отметить, что нередко материалы войсковых единиц тактического звена – полков, бригад, нередко и дивизий – сохранились лишь фрагментарно; нередко фонды содержат лишь по несколько исторически

²²⁸ Там же. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 1, 2, 3, 5, 8, 9, 48; Оп. 12234. Д. 152, 194, 199.

²²⁹ Закавказский фронт с августа 1942 г. по январь 1943 г. нес основную нагрузку по обороне территории Северного Кавказа.

малозначимых дел (лучше всего сохраняются приказы по личному составу, финансовые документы и материалы партийных организаций). Особенно это относится к большинству национальных частей и соединений, боевой путь которых был короток, а немалая часть которых вовсе была расформирована не попав на фронт. Например, из всего массива национальных соединений, сформированных в 1941–1942 гг. в Среднеазиатском военном округе (15 стрелковых бригад и 14 кавалерийских дивизий) более или менее информативные документальные фонды в ЦАМО только у 94-й узбекской стрелковой бригады (фонд 1907), 97-й туркменской (фонд 3608) и 107-й киргизской (фонд 3618) кавалерийских дивизий.

Важным с точки зрения политической оценки участия представителей нерусских народов в военных действиях стало обнаружение соискателем и введение в научный оборот материалов дискуссии между высшим командным составом и представителями высших органов власти и властей закавказских союзных республик по поводу боевых качеств национальных формирований, относящихся к осени и зиме 1942 г.²³⁰ Именно тогда эти формирования использовались в оборонительных и наступательных операциях наиболее массово за все время войны. Выявленный по архивным документам и проанализированный в диссертации конфликт между военным советом Закавказского фронта и поддержавшими его политическими элитами и военным советом Северной группы войск Закавказского фронта, опиравшимся на поддержку по линии руководства НКВД, показал стремление части высшего командного состава переложить ответственность за неудачный ход военных действий на национальные части, которые объявлялись «неустойчивыми» и «небоеспособными» именно в силу своей этнической специфики. Материалы дискуссии, в которую пришлось вмешаться Верховному главнокомандующему И.В. Сталину, показывают, как легко оценки военных получали негативную политическую окраску и могли трагически отразиться на судьбе целых народов.

²³⁰ ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 1. Л. 161–165; Ф. 209. Оп. 1063. Д. 166. Л. 29; Ф. 399. Оп. 9385. Д. 20. Л. 353; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: документы и материалы: 1943. Т. 16 (5–3). М., 1999. С. 466.

К третьей группе делопроизводственных документов отнесены повестки дня, протоколы и стенограммы заседаний, совещаний органов государственного и военного управления, а также партийных съездов, пленумов, совещаний. Исследование протокольных материалов позволило сделать ряд важных выводов. Так, изучением протоколов и повесток дня заседаний высших партийных и военных органов управления установлено, что в 1920-х гг. на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) (с 1925 г. – ВКП(б)) вопросы национальных воинских формирований специально рассматривались трижды (два раза – в 1923 г. и один раз – в 1925 г.); на заседаниях Реввоенсовета Республики (СССР) – 14 раз (четыре раза – в 1923 г., девять – в 1924 г., один раз – в 1927 г.)²³¹. В дальнейшем, напротив, согласно ежегодным тематическим справочникам к протоколам заседаний РВС СССР за 1928–1934 гг. вопросы национального строительства ни разу не выносились на рассмотрение высшего коллегиального органа военного управления страны²³². Это подтвердило выводы диссертанта о том, что пик интереса высших государственных органов к национальному вопросу в РККА пришелся на первую половину 1920-х гг., в дальнейшем же он быстро угасает.

Большое значение в исследовании имело изучение протоколов заседаний бюро и пленумов горкомов, обкомов, крайкомов и республиканских комитетов ВКП(б) (РГАСПИ, фонд 17, описи 21, 22, 43), отражающие тесные и многоплановые связи партийных органов республик с армией, подшефными национальными частями, а также материальную, пропагандистскую и просветительскую помощь советских и партийных властей войскам и социально-политическую ситуацию в регионах.

В диссертационной работе использованы стенографические отчеты ряда съездов РКП(б)–ВКП(б) и иных крупных партийных форумов; заседаний и совещаний руководящих или отраслевых работников военного ведомства. Особенно полезен такой тип источников в отношении первого десятилетия советской вла-

²³¹ Подсчитано автором по: РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 25. Л. 28 об; Д. 26. Л. 13; Реформа в Красной армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 2. М.; СПб., 2006. Т. 2. С. 344–418.

²³² РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 27–33.

сти, когда все решения по национальному вопросу давались непросто, часто – в результате оживленных дискуссий. Поэтому не только резолюции, но и стенограммы заседаний съездов, пленумов, совещаний дают массу полезного материала для осмысления проходившего общественно-политического дискурса вокруг этого вопроса. Так, например, стенографические материалы IV совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей, проходившего в Москве 9–12 июня 1923 г.²³³, дают интереснейший срез мнений представителей союзного правительства и местных работников по вопросам выбора путей национального строительства в стране. На совещании активно обсуждался военный вопрос, изучение которого особенно важно, поскольку совещание проводилось в преддверии развертывания национальных формирований в РККА.

Мнения высшего командного состава в отношении национальных формирований в 1930-е гг. диссертант использовал в публикациях стенограмм ежегодных заседаний Военного совета при наркомате обороны СССР, на которых рассматривались текущие проблемы строительства и боевой подготовки РККА²³⁴.

В сборнике документов всеармейских совещаний политработников, созывавшихся на нерегулярной основе с 1918 по 1940 г., проанализированы материалы обсуждения и резолюции по проблемам совершенствования партийно-политической и просветительской работы с военнослужащими нерусской национальности²³⁵.

К четвертой группе делопроизводственных документов отнесены учетно-статистические материалы.

²³³ Тайны национальной политики ЦК РКП(б): Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г.: Стенографический отчет. М., 1992.

²³⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1): Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА от 23–31 декабря 1940 г. М., 1993; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 12 (2–1). 1937 – 21 июня 1941 г. М., 1994; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М., 2006; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: 1938, 1940 гг.: Документы и материалы. М., 2006; Великая Отечественная: Государственный Комитет Обороны (июнь – декабрь 1941 г.): Постановления и распоряжения. М., 2015 и др.

²³⁵ Всеармейские совещания политработников: 1918–1940: Резолюции. М., 1984.

Значение этого вида источников в представленном к защите диссертационном исследовании трудно переоценить. Выявленные и проанализированные в диссертации статистические материалы и массовые источники²³⁶, послужившие основой для статистических обобщений, динамически отражают процесс привлечения нерусских народов к военной службе, развитие их социально-демографических характеристик, которые к тому же соотнесены с аналогичными данными русских военнослужащих – доминирующей этнической группой в РККА, принятой за эталон. Подавляющее число статистических материалов по национальному составу РККА в 1920-х – первой половине 1940-х гг., проанализированные в данной диссертации, никогда прежде не публиковались и впервые использованы в военно-историческом исследовании.

Как уже отмечалось в историографическом обзоре, до сих пор первая и последняя в отечественной историографии попытка взглянуть на перечисленные проблемы сквозь призму статистического материала была предпринята А.П. Артемьевым почти 40 лет назад²³⁷. Однако тогда исследователь обладал лишь малой толикой необходимых документальных данных и вынужден был по крупицам собирать данные этнического состава отдельных соединений.

Проблема максимально возможно полного *выявления* статистического материала, отражающего национальный состав РККА, его строго научной *систематизации* и *анализа*, является главным препятствием на пути исследования национального аспекта истории РККА, причиной того, почему до сего дня этот вопрос разработан исследователями неудовлетворительно и даже исследовательские задачи должным образом не сформулированы. Анализу зачастую подвергаются случайные цифры из разнородных источников, с опорой на которые делаются столь же необоснованные, нерепрезентативные выводы и суждения. Неадекватность статистического материала является самой благоприятной средой для до-

²³⁶ Под массовыми источниками понимаются учетные документы, имеющие унифицированный формуляр или допускающие применение авторского формуляра при их научной обработке (Профессионализм историка... С. 293–294).

²³⁷ Артемьев А.П. Указ. соч. Подробнее об этой работе: см. раздел по историографии.

мыслов и спекуляций о масштабах участия того или иного народа в той или иной войне, его вкладе в дело победы, дисциплинарной и наградной практике, воинских подвигах и преступлениях представителей того или иного этноса и т.д.

Некоторый объем полезной для диссертационного исследования статистики содержится в опубликованных сборниках. В 1920-х гг. тематические статистические публикации по различным аспектам развития Вооруженных Сил готовились Главным управлением РККА. Наиболее интересны для анализа тенденций развития национального сегмента РККА публикации материалов по ежегодным военным призывам, содержавшие многообразную социально-демографическую информацию о призываемых контингентах²³⁸. С начала 1930-х гг. такие публикации были практически прекращены, что отражало общую тенденцию засекречивания статистики и многократного сокращения статистических публикаций в СССР²³⁹. Тем не менее статистика военного ведомства хотя и исчезла из публичного поля и стала недоступной даже массе командно-начальствующего состава РККА (а для открытых публикаций предоставлялся лишь наиболее выхолощенный статистический материал), однако она все равно широко использовалась в деловом документообороте как незаменимый инструмент при принятии управленческих решений.

²³⁸ Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2: Итоги переписи Красной армии и флота 28 августа 1920 г.: Сер. 1. Вып. 1 [работ отдела военной статистики ЦСУ]. М., 1921; Отчет народного комиссариата по военным делам за 1921 г. М., 1922; Штатное и списочное состояние войск Красной армии на 1 января 1922 г. М., 1922; Отчет о допризыве граждан, родившихся в 1901 г. осенью 1922 г. М., 1923; Отчет о призыве на действительную военную службу в 1924 г. граждан рождения 1902 г. М., 1925; Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/1923 гг. М., 1925; Отчет о призыве на действительную военную службу в 1926 г. граждан рождения 1904 г. М., 1927; Предварительные итоги переписи РККА 1926 г., изданной Главным управлением РККА. М., 1927; Призывные контингенты (1902–1905 гг. рождения). М., 1928; 10 лет РККА: 1918–1928: альбом диаграмм. М., 1928; Призыв граждан 1908 года рождения. М., 1930. Характеристика контингента призыва 1928 г. (1906 г. р.) / Сост. Статист. отдел ГУ РККА. М., 1929; Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии (социально-демографическая). Кн. 3. М., 1931; Призыв 1908 года: Методические пособия для докладчиков и групп агитаторов. М., 1930; Итоги изъятия красноармейцев и младшего начсостава из РККА, проведенного в период с 1 ноября 1929 г. по 1 июня 1930 г. в порядке ст. 243 и 39 закона «Об обязательной военной службе» / сост. ГУ РККА. М., 1930 г.; Политико-моральное состояние РККА: (Состояние дисциплины, самоубийства, чрезвычайные происшествия): 1929/30 гг.: стат. ежегодник. Изд. ГУ РККА. М., 1931 и др.

²³⁹ Профессионализм историка... С. 292.

Сейчас они находятся на архивном хранении РГВА и ЦАМО и в полной мере использованы в настоящем диссертационном исследовании.

Основной массив статистических данных о национальном составе РККА и его динамике за исследуемый период, проанализированный в данной диссертации, выявлен соискателем в трех типах источников: 1) в материалах пяти *переписей РККА (военным переписям)*, состоявшихся в августе 1920 г., марте 1923 г., декабре 1926 г., январе 1937 г. и январе 1939 г. (РГВА, фонды 54, 40442; ЦАМО, фонд 7); 2) в периодических сводных социально-демографических отчетах, которые в 1920-х – первой половине 1940-х гг. вели Отдел учета и статистики Административно-Организационного управления Главного управления РККА, а затем его правопреемник – 8-й отдел Организационного управления Генерального штаба РККА. Отчеты оформлялись в форме объемных *альбомов списочной численности личного состава Красной армии* (ЦАМО, фонд 7); 3) в объемных материалах фонда Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии НКО, в котором сосредоточены данные по призывам, мобилизации, учету военнообязанных, а также формированию национальных воинских частей (ЦАМО, фонд 56); 4) в фондах Управления военно-учебных заведений РККА (ЦАМО, фонд 54), а также Главного управления кадров (ЦАМО, фонд 33) и управлений кадров ряда фронтов и округов собрана статистика подготовки кадров командно-начальствующего (офицерского) состава по национальностям, а также о специальной подготовке кадров для национальных соединений.

Данные военных переписей 1920 и 1926 гг. содержатся в РГВА на общем хранении²⁴⁰; по переписям 1937 и 1939 г. в этом архиве имеются только организационные материалы²⁴¹. Остальные материалы с итогами переписей 1937 и 1939 гг., так же как и периодические социально-демографические статистические материалы до последнего времени были засекречены и лишь в середине 2017 г. переданы на общее хранение в фонд Главного организационно-мобилизационного

²⁴⁰ Соотв.: перепись РККА 1920 г. – РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 27; перепись РККА 1926 г. – РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 3. Л. 31–32.

²⁴¹ Соотв.: РГВА. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 7, 15.

управления (ГОМУ) Генерального штаба РККА Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО, фонд 7²⁴²). Опубликованы к настоящему моменту некоторые обобщенные данные только переписи РККА 1923 г.²⁴³

Довоенные статистические материалы, отражающие строительство РККА, сосредоточены в документах 4-го отдела (учета и статистики) ГУ РККА данного фонда (ЦАМО, фонд 7, опись 24; РГВА, фонд 54, опись 6)²⁴⁴, в фонде Организационного управления Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба РККА (РГВА, фонд 40442), а за период войны – в документах Управления учета и контроля численности ВС ГОМУ ГШ (ЦАМО, фонд 7, опись 26)²⁴⁵ и Управления мобилизации Главного организационного управления ГШ (ЦАМО, фонд 7, опись 881806)²⁴⁶. По линии 4-х отделов штабов округов и 4-го отдела (учета и статистики) ГУ/АМУ РККА сосредотачивалась вся социально-демографическая статистика личного состава РККА, которая для наркома обороны сводилась воедино в специальных альбомах, готовившихся с периодичностью в полгода в единственном экземпляре²⁴⁷.

Сводные альбомы списочной численности личного состава Красной армии как обобщающий документ особой важности исполнялись в единственном экземпляре и предназначались для работы представителями высшего военного и политического руководства страны. Соискателем обнаружены и проанализированы такие альбомы по состоянию на: 1 января 1927 г., 1 января 1931 г., 1 января 1936 г., 1 февраля 1938 г., 1 января 1940 г., 1 июля 1940 г., 1 января 1941 г. За годы Великой Отечественной войны проанализированы материалы национального состава

²⁴² Перепись РККА 1937 г.: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 109. Л. 2, 21–20; перепись РККА 1939 г.: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 135. Л. 1, 5–93.

²⁴³ Красная армия в 1920-е годы: Документы и материалы. М., 2007. С. 43–50.

²⁴⁴ Материалы по учету численности и состава РККА: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3, 6, 8, 14, 15, 17, 20, 25, 60, 87, 92, 102, 105, 106, 109, 114, 125, 134, 135, 167, 170.

²⁴⁵ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 28, 29, 123, 164, 181, 234, 317, 319, 366.

²⁴⁶ Там же. Оп. 881806. Д. 205, 207, 208, 212.

²⁴⁷ Следует отметить, что в годы Великой Отечественной войны указанные статистические материалы для высшего руководства страны и РККА готовил К.А. Маланьин – в будущем известный историк, сотрудник Института военной истории МО СССР, защитивший в Институте диссертацию на тему «История русской военной статистики (XIX – начало XX вв.)», являющуюся первой обобщающей работой по истории отечественной военной статистики.

РККА по состоянию на 1 июля 1942 г., 1 января 1943 г., 1 июля 1943 г., 1 января 1944 г., 1 июля 1944 г., 1 января 1945 г. Эти данные хранятся в упомянутых выше описях 24 и 26 фонда 7 ЦАМО. Все перечисленные материалы фонда 7 ЦАМО были рассекречены лишь в середине 2017 г. и до сих пор не были известны историческому сообществу.

Составной частью указанных альбомов за период Великой Отечественной войны являются статистические данные, отражающие этнонациональное представительство в действующих войсках, в недействующих фронтах и округах, а также количество и удельный вес раненых и больных, находившихся на излечении в госпиталях. Это дало дополнительный инструмент для оценки интенсивности использования представителей различных народов непосредственно на фронте. Ранее с помощью обобщающего статистического материала отечественная этноистория в этом ракурсе не исследовалась. Особенно следует подчеркнуть, что соискателю удалось хотя бы частично пролить свет на проблему потерь – одну из самых сложных и дискуссионных в историографии Великой Отечественной войны. Проанализированы особенности *санитарных потерь* по национальностям в соотношении с этническим составом РККА и другими статистическими показателями. К сожалению, самый важный аспект проблемы – оценка *безвозвратных потерь* по национальностям – судя по всему, останется неразрешимой задачей, поскольку в период войны в руководящих документах по учету таких потерь²⁴⁸ графа «национальность» не предусматривалась.

Большой массив отчетного и статистического материала, включая статистику национального учета военнослужащих, изучен также в материалах Мобилизационно-планового управления РККА (РГВА, фонд 33994). Кроме того, важная мобилизационная статистика, связанная с военным призывом в республиках СССР и национальными формированиями и подготовкой национальных полити-

²⁴⁸ «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время» (введено приказом НКО № 138 от 15 марта 1941 г.) и «Наставление по учету личного состава Красной Армии (в военное время)» (введено в действие 1 мая 1944 года приказом НКО № 023 от 4 февраля 1944 г.). (Русский архив: Великая Отечественная: приказы народного комиссара обороны СССР: 1937–1941 гг. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 258–261).

ческих кадров, аккумулировалась 8-м отделом (мобилизационной подготовки) Политуправления РККА (РГВА, фонд 9, опись 33). В частности, диссертантом обнаружен, сведен воедино и проанализирован статистический материал по предвоенным призывам в ряды РККА, начиная с 1936 г. с указанием национальности призванных. Последние предвоенные годы характеризовались радикальным ростом военного призыва в национальных регионах СССР. Эта тенденция выявлена и проанализирована диссертантом.

Особое внимание уделено анализу динамики численности командно-начальствующего и политического состава из представителей народов СССР. Кадровая проблема являлась краеугольным камнем на пути широкого использования национальных контингентов военнообязанных в рядах РККА в 1920-х – первой половине 1940-х гг. Проанализированы данные национального состава командно-начальствующего состава по отраслям военного руководства (командный, политический, административный, технический и т.д.) по состоянию на 1 января 1930 г., 1 августа 1936 г. и 1 января 1939 г. Динамика подготовки командно-начальствующего состава отдельно в военно-учебных заведениях и военных академиях по национальностям в предвоенный период проанализирована по состоянию на 1 января 1931 г., 1 января 1936 г., 1 февраля 1938 г., 1 января 1939 г. и 1 января 1940 г., 1 июля 1940 г. и 1 января 1941 г., а за годы Великой Отечественной войны – за 1 июля 1942 г., 1 июля 1943 г., 1 января 1945 г. Эти материалы позволили оценить динамику и степень вовлеченности советских этносов в процесс подготовки командных кадров. Богатый статистический материал по вопросам подготовки национальных кадров выявлен также в фондах Управления военно-учебных заведений РККА (РГВА, фонд 62; ЦАМО, фонд 54), а также Главного управления кадров (ЦАМО, фонд 33) и отделов кадров ряда фронтов и округов (прежде всего, Среднеазиатского, Закавказского, Северо-Кавказского военных округов и Закавказского фронта).

Все это, наряду с анализом нормативной и делопроизводственной документальной базы, дало диссертанту мощный инструментарий для анализа национальной политики Советского государства в Вооруженных Силах СССР в межво-

енный период и в годы Великой Отечественной войны, которым не располагали предшествующие исследователи. Опираясь на статистические материалы, диссертант проанализировал конкретные проблемы истории РККА, связанные с этничностью его личного состава. К таковым относятся: динамика численности нерусских народов в составе РККА в 1920–1930-х гг. и корреляция ее с мерами правительства СССР по постепенному введению обязательного призыва в союзных республиках; проблема сосредоточения коренных уроженцев Средней Азии и Кавказа в западных военных округах накануне войны, динамика изменения численности среднеазиатских, закавказских, северокавказских и ряда других народов в войсках в годы Великой Отечественной войны в связи с изменениями государственной политики в области призыва этих народов в РККА и репрессий в отношении отдельных народов; особенности изменения численности представителей народов Прибалтики в частях РККА до и во время Великой Отечественной войны; динамика численности украинцев, белорусов и молдаван во втором и третьем периодах Великой Отечественной войны²⁴⁹ в связи с освобождением от врага европейской части страны и массовым военным призывом на освобожденных территориях, а также особенности этих призывов; формирование и развитие так называемых «иностранных» армий, формировавшихся на территории СССР (польской, чехословацкой и проч.), участвовавших на заключительном этапе Великой Отечественной войны в боях за освобождение своих стран совместно с РККА и другие проблемы.

К *третьей категории* источников отнесена мемуарная литература, а также эпистолярное наследие участников событий.

На хронологической оси объем мемуарного наследия распределен неравномерно. Межвоенный период обеспечен воспоминаниями весьма слабо, в то время как по периоду Великой Отечественной войны изданы десятки наименований книг, в которых, так или иначе, затрагиваются интересующие нас вопросы.

²⁴⁹ Согласно общепринятой в исторической науке периодизации Великой Отечественной войны, ее второй период приходится на 19.11.1942 – конец 1943 гг., третий – на январь 1944 – 9.5.1945 гг. (Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 40, 42).

По межвоенному периоду в последние десятилетия вышло несколько весьма информативных воспоминаний бывших партийных и советских работников союзных и автономных республик, в силу должностных обязанностей повседневно вовлеченных в жизнь и быт модернизируемого советского общества. Авторы имели непосредственный опыт военной службы в частях Красной армии (в том числе национальных), были участниками или же являлись свидетелями мероприятий, связанных с призывом и отправкой представителей нерусских народов на военную службу, прохождения такой службы соплеменниками. Интересны воспоминания о службе в Северо-Кавказской кавалерийской школе горских национальностей Северного Кавказа, а затем в Северо-Кавказском кавалерийском полку горских национальностей Северного Кавказа, которые оставил известный в послевоенный период дагестанский ученый-историк Г.-А.Д. Даниялов. В откровенных мемуарах подробно описан повседневный быт многонациональной воинской части, в которой Даниялов служил с 1933 г., показаны проблемы межнациональных отношений²⁵⁰.

Очень интересна изданная на Украине рукопись, найденная в одном из церковных приходов в США. Их автор, Д. Гойченко, человек образованный и склонный к рефлексии, в годы НЭПа, будучи убежденным клерикалом и антибольшевиком, попал на военную службу на территории УССР и не без удивления наблюдал собственную метаморфозу, вызванную тотальной пропагандой «большевистского плавильного котла – Красной армии». Постепенно он сначала понял, а затем и искренне принял большевистскую доктрину. Такую же «перековку» переживали и его сослуживцы – вчерашние религиозные и малограмотные украинские крестьяне²⁵¹.

По периоду Великой Отечественной войны в советское время был издан целый ряд воспоминаний ветеранов национальных соединений²⁵². Они содержат не-

²⁵⁰ Даниялов Г.-А.Д. Век моей судьбы. Махачкала, 2003. С. 101–120.

²⁵¹ Гойченко Д. Красный апокалипсис: сквозь раскулачивание и голодомор. Мемуары свидетеля. Киев, 2013. С. 33–35.

²⁵² Касумов А.А. Дела и люди одной дивизии. Баку, 1944; Курчавов И.Л. Гвардия Эстонии. Таллин, 1946; Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Воспомина-

мало интересных фактов, но полны и умолчаний, связанных с цензурными соображениями. Так, в работах Героя Советского Союза казаха Б. Момыш-улы, командовавшего батальоном в знаменитой панфиловской 316-й (8-й гвардейской) стрелковой дивизии, подробно рассказано о проблемах адаптации воинов-казахов к трудностям фронтовой обстановки. Особое внимание уделено психологии бойца-«национала», природе мужества, сомнения, страха и других чувств, обостряющихся во фронтовой обстановке. Об этом Момыш-улы, ставший после войны военным педагогом и ученым, впервые написал еще в начале 1942 г., обратившись к художникам, писателям, композиторам и другим деятелям искусства, которым принадлежит «большая роль в воспитании масс». Он предостерегал их от снабжения не владеющих русским языком воинов-казахов некачественной переводной литературой, не затрагивающей душевных струн бойцов: «Я считаю преступлением, когда казахи-бойцы на фронте не получают самого элементарного скудного пайка из арсенала родного языка, родной литературы, родной музыки»²⁵³.

Особого внимания заслуживают опубликованные уже в постсоветскую эпоху в России или за рубежом воспоминания офицеров младшего и среднего звена, нередко высокообразованных молодых людей, отправившихся на фронт со студенческой скамьи, – С.И. Липкина²⁵⁴, Б.А. Слуцкого²⁵⁵, Б.Г. Тартаковского²⁵⁶, В.И. Стеженского²⁵⁷ и др. В последние десятилетия этот жанр воспоминаний о войне получил обобщающее название «лейтенантская проза» за непосредственную «окопную», солдатскую правду о фронтовых буднях. Неся службу в обычных стрелковых частях (например, Липкин – в 110-й калмыцкой кавалерийской дивизи-

ния участников: В 2 кн. Махачкала, 1960; *Мальцев Е.Е.* Боевой путь войск Туркестанского военного округа. М., 1959; *Дубицкий А.Ф.* На грозном ветру. Алма-Ата, 1970; *Пэрн Л.А.* В вихре военных лет. Таллинн, 1976; *Репсон А.Г.* Золотыми буквами по белому мрамору. Таллинн, 1982; *Сыгель Э.Я.* Сквозь призму личных впечатлений. Таллинн, 1985; В боях за Родину: Сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны 1941–1945. Ашхабад, 1987; *Таваткиладзе Н.Т.* Грозные дни. Тбилиси, 1988; *Муратов В.В.* В боях за Кавказ. М., 1982; *Момыш-улы Б.* За нами Москва. Записки офицера. Алма-Ата, 1962; *Он же.* Психология войны. Книга-хроника. Алма-Ата, 1990 и др.

²⁵³ *Момыш-улы Б.* Психология войны... С. 23–36.

²⁵⁴ URL: <http://ouc.ru/lipkin/tehnik-intendant.html> (дата обращения: 14.10.2016).

²⁵⁵ *Слуцкий Б.А.* О других и о себе. М., 2005.

²⁵⁶ *Тартаковский Б.Г.* Из дневников военных лет. М., 2005.

²⁵⁷ *Стеженский В.И.* Солдатский дневник. М., 2005.

зии, Тартаковский – в 7-й отдельной гвардейской стрелковой бригаде, Стеженский – в 383-й стрелковой дивизии; в последних двух соединениях служило много азербайджанцев), они оставили живые и непосредственные воспоминания от контактов с нерусскими бойцами, с которыми им приходилось иметь дело на фронте. Некоторым пришлось в полной мере разделить горечь поражений с сослуживцами-«националами». В 1962 г. известный поэт и переводчик С.И. Липкин написал трагическую поэму в прозе «Техник-лейтенант», изложив личные переживания о том, как после крика «Танки!» «начинается кавалерийской дивизии дикое бегство» и в одно мгновение стоящая в обороне воинская часть, за исключением единиц, тех, кому «стыдно за нас, за себя, за свое племя», превращается в хаос бегущих, куда глаза глядят людей, руководимых исключительно инстинктом самосохранения («Исчезает солдат, и рождается житель,/ И житель бежит, чтобы жить»). Но затем наступает расплата: «Весь улус, и все калмыцкое племя / Увезут на машинах, а потом в теплушках в Сибирь»²⁵⁸.

Бывший работник политотдела 7-й гвардейской стрелковой бригады 10-го гвардейского стрелкового корпуса Северной группы войск Закавказского фронта Б.Г. Тартаковский отмечал отчуждение азербайджанцев из нового пополнения и раздражение русских бойцов их поведением: «Их считали в солдатской среде не только плохими вояками, не приспособленными к здешним климатическим условиям, но и людьми, сознательно старавшимися любыми путями увильнуть, хоть на время, от тяжелой доли пехотинца на передовой. Мне самому приходилось не раз видеть, как целая группа совершенно здоровых бойцов, человек 5–6, сопровождала в тыл... своего раненого... соплеменника, громко голоса при этом, как бабы на деревенских похоронах. Такие сцены не могли не вызывать раздражения у солдат, мокнувших и мерзших в своих окопах»²⁵⁹.

Склонные к рефлексии капитаны и лейтенанты с блестящим гуманитарным образованием после войны пытались понять и объяснить движущие силы и мотивы

²⁵⁸ URL: <http://ouc.ru/lipkin/tehnik-intendant.html> (дата обращения: 14.10.2016); Липкин С.И. Сталинград Василия Гросмана. Ann Harbor, 1986. С. 8.

²⁵⁹ Тартаковский Б.Г. Указ. соч. С. 112.

вы межнациональных отношений между конкретными «маленькими» людьми на фронте. С точки зрения интересов данного исследования такое человеческое измерение «лейтенантской прозы» особенно ценно. Знаменитый советский поэт Б.А. Слуцкий, будучи обладателем высшего юридического образования, служил сначала в военном трибунале, а затем (уже как обладатель высшего литературного образования) переведен в армейский политотдел²⁶⁰. Он многократно наблюдал нерусских военнослужащих в разных ситуациях и в своих воспоминаниях о войне дал развернутую оценку как мотивации поведения таких военнослужащих на фронте, так и развитию воспитательной работы с ними армейских политорганов. По наблюдению Слуцкого, чрезвычайно разбалансированная в первый период войны система межнациональных отношений и работы с нерусскими национальностями в воинском коллективе «привела к объективному и субъективному разматыванию клубочка национализма». Однако, подчеркивает поэт, постепенно, «с кровавым опытом войны» их взаимоотношения приходят в определенную гармонию – с одной стороны, «самые невоенные нации научились воевать» и заслужили уважение русских товарищей по оружию, а с другой – подтянулась работа политорганов: к концу войны «наша пропаганда дошла до национальных фронтовых газет, массовой засылки на фронт литературы на национальных языках, наконец, до внештатных инструкторов по работе среди нацменьшинств»²⁶¹.

История некоторых мемуарных находок последних лет, использованных в данной диссертации, имеет почти кинематографический сюжет. Так, разрозненные записки первого председателя КГБ СССР И.А. Серова были обнаружены в стене гаража его бывшей дачи. Записки опубликованы под эгидой Российского военно-исторического общества, а их подлинность подтверждена авторитетными историками, в частности биографом Серова доктором исторических наук Н.Д. Петровым. Записки Серова полезны тем, что их автор, будучи в 1942 г. заместителем наркома внутренних дел Л.П. Берия, много месяцев работал в Крыму и на Кавказе с особыми заданиями. В силу служебных обязанностей он лично

²⁶⁰ *Елисеев Н.* Борис Слуцкий и война // Нева. 2010. № 5. С. 34–42.

²⁶¹ *Слуцкий Б.А.* О других и о себе. С. 120.

наблюдал в бою национальные части, дав им свои характеристики, по большей части нелюбезные²⁶².

Полезные для разработки диссертации мемуары опубликованы в Казахстане. В частности, Герой Советского Союза и первый министр обороны независимого Казахстана генерал армии С. Нурмагамбетов начал войну весной 1943 г. лейтенантом и закончил майором, командиром батальона. Служил не в национальных, а обычных частях РККА²⁶³.

Одной из ценных находок последних лет следует считать подготовку и публикацию фронтовых записок и послевоенных очерков и рукописи «Из опыта политико-воспитательной работы среди бойцов нерусской национальности в годы Великой Отечественной войны» известного казахского лингвиста-тюрколога С.А. Аманжолова, в годы войны занимавшего должности политработника в казахских национальных частях, а в конце войны работавшего в должности агитатора Главного политуправления РККА, специализировавшегося на работе с тюркоязычными воинами²⁶⁴. Автор, который по должности беседовал с самым широким кругом командиров и бойцов, собрал богатый практический материал о работе с воинами нерусской национальности и сделал обоснованные выводы об особенностях воспитательной работы с ними: подборе агитаторов и заботе об их профессиональном росте, формах и методах агитационной работы, встрече нового пополнения, привитии дружбы и взаимовыручки бойцов разных национальностей. Обобщения и методические рекомендации С.А. Аманжолова – человека неравнодушного и увлеченного порученным ему делом – отличаются от массы изученных диссертантом политдонесений на тему работы нерусским контингентом, как правило шаблонных и однотипных.

Крайне редкой архивной находкой являются неопубликованные фронтовые дневники двух начальников штабов – подполковника М.С. Эхохина (115-я кабар-

²⁶² Серов И.А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016. С. 121–126, 136–137, 156–159.

²⁶³ Нурмагамбетов С. От огненных лет до суверенной армии: Сборник мемуарных произведений. Алматы, 2005.

²⁶⁴ Аманжолов С. Опыт политико-воспитательной работы в действующей армии. Усть-Каменогорск, 2010.

дино-балкарская кавдивизия) и капитана Емельянова (255-й чечено-ингушский кавполк). Особенно интересен объемный дневник М.С. Эхохина, составленный им, очевидно, по собственной инициативе как основа будущей книги в период расформирования дивизии в ноябре 1942 г. (сам автор погиб в бою в августе 1943 г.)²⁶⁵. Непосредственно наблюдая в бою горских кавалеристов, офицеры оставили о них важные замечания. Оба оператора подчеркивали, что их части вынужденно использовались не по назначению – или в обороне, или для борьбы с танками, занимая при этом огромные участки обороны. Часто они использовались в пешем строю, а чечено-ингушский полк к тому же ни разу не вводился в бой для решения тактических задач в полном составе. В хаосе отступления горские части не получали четких задач, часто переподчинялись другим соединениям. Оба начальника штаба высказывались в том смысле, что при более благоприятных условиях и грамотном использовании конницы северокавказские соединения могли проявить себя лучше: «Хорошо с чеченцами быть в наступлении. Здесь они дерутся храбро» (Емельянов)²⁶⁶.

В последние годы неформальной площадкой для размещения «солдатской прозы» рядовых участников Великой Отечественной войны стала сеть Интернет. На множестве сайтов военно-патриотической направленности, а также в региональных электронных СМИ особенно накануне праздничных дат, связанных с Великой Отечественной войной, нередко можно встретить любопытные тексты, которые выкладываются в сеть родственниками ветеранов, а иногда и самими ветеранами, освоившими электронное виртуальное пространство. Как правило, небольшие по объему воспоминания, у которых мало шансов быть опубликованными в традиционном бумажном виде, теперь становятся доступными самой широкой публике²⁶⁷. Для целей данного исследования большой интерес представляют

²⁶⁵ ЦАМО. Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–92.

²⁶⁶ Там же. Ф. 255-го кавалерийского полка. Оп. 915461. Д. 3. Л. 1–7.

²⁶⁷ См., например: *Гусейнаев А.* Мой путь на фронт. URL: <http://dagens.narod.ru/boock/book/abachara.html> (дата обращения: 9.4.2016); *Солдаты Победы // Новое дело (Махачкала).* 2013. 8 мая. URL: <http://arhiv.ndelo.ru/news/novosti/?page=81> (дата обращения: 9.4.2016); *Маллаев К.* Фронтовые треугольники // *Дагестанская правда.* 2011. 27 апр.; *Закаленный в двух войнах // Там же.* 2011. 11 мая. URL:

впечатления авторов от армейской службы: обстоятельства призыва и военного обучения, взаимоотношения с другими военнослужащими, участие в боях и т.д. В воспоминаниях коренного грозненца Владимира Хангельдиева «Чечня глазами очевидца», опубликованными в сети Интернет²⁶⁸, содержатся ценные наблюдения об обстоятельствах формирования 114-й чечено-ингушской кавалерийской дивизии и настроениях среди чеченского населения в связи с приближением фронта и мобилизациями в РККА. В. Хангельдиев свидетельствует, что чечено-ингушские эскадроны отправлялись на фронт без вооружения, что подтверждается архивными документами, обнаруженными диссертантом²⁶⁹.

К четвертой категории источников отнесена периодическая печать. Ее значение в просветительской и агитационно-пропагандистской работе с командным и рядовым составом нерусских национальностей весь изучаемый период было очень высоко. Информативность средств массовой информации о военных делах советской власти в разные периоды истории была крайне неодинакова. Первые журнальные и газетные публикации, посвященные национальным аспектам строительства Вооруженных Сил Советской России, появились уже в начале 1920-х гг. на фоне активного публичного обсуждения национального вопроса на политических трибунах²⁷⁰. Периодика 1920-х гг. в целом открыто писала о проблемах, стоявших перед Советским государством в области обустройства национальных меньшинств, публично обсуждала их. Выходил ряд специализированных изданий, в которых в числе прочего поднимались вопросы национального строи-

<http://www.dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/16427/> (дата обращения: 15.4.2016); Мой дед, мой ветеран... // Там же. 10 мая 2011. URL: <http://www.dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/16426/> (дата обращения: 15.4.2016); Участник Парада Победы // Там же. 10 мая. 2011. URL: <http://www.dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/16424/> (дата обращения: 15.4.2016).

²⁶⁸ URL: <http://grozny-vh.moy.su/blog/2009-05-03-16> (дата обращения: 3.3.2018).

²⁶⁹ ЦАМО. Ф. 255-го кавалерийского полка. Оп. 915461. Д. 3. Л. 1 об.

²⁷⁰ Мусульманская беднота и Красная армия // Жизнь национальностей. 1920. 17 октября; К вопросу о призыве «инородцев» в Красную армию // Жизнь национальностей. 1920. 10 октября; Центральное военное управление восточных республик и областей // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1921. 2 февраля; Военная служба туземного населения восточных окраин // Известия Народного комиссариата по военным делам. 1921. 17 февраля; Зувев Д. Горная пехота // Военное дело в Средней Азии: Сборник статей. Ташкент, 1922. № 1. С. 5–25 и др.

тельства в военной сфере (газета, позднее журнал «Жизнь национальностей», журналы «Революция и национальности», «Революционный Восток» и др.).

Среди работ середины 1920-х выделяются публикации М. Захарова, А. Стеклова, А.Ф. Сиднева, А. Аршаруни, Л. Идельсона и др.²⁷¹ Все публикации этого периода носили сугубо прикладной характер: авторы в рабочем режиме обсуждали текущие проблемы национального строительства в войсках. Являясь сотрудниками центральных и местных органов военного управления, командирами и политработниками национальных частей, они делились собственным опытом в решении этих проблем, спорили с коллегами, обсуждая практические вопросы текущего военного строительства, такие как организация воинского учета граждан в национальных регионах, постановка допризывной подготовки, проблемы языка обучения и языка командования, перевода уставов, наставлений и военных пособий на языки народов СССР и т.д.

Особенно полезен при разработке темы настоящего исследования оказался издававшийся военным ведомством с 1923 г. в еженедельном режиме журнал «Военный вестник», ставший дискуссионной трибуной как для вождей Красной армии, так и для простых командиров и политработников. Проблемы строительства нацчастей, постановки политработы в них также заняли здесь свое заметное место. За период с 1925 по 1932 г. в «Военном вестнике» было опубликовано 17 статей по прикладной военно-национальной тематике. В диссертационном исследовании использованы статьи, касающиеся вопросов допризывной подготовки, комплектования, языковой проблема, национальной военной печати, подготовки командных кадров и т.д.²⁷² Подавляющее большинство публикаций на нацио-

²⁷¹ *Захаров М.* Национальное строительство в Красной армии. М., 1927; *Он же.* Третий Съезд Советов СССР о национальном строительстве в Красной армии // *Военный вестник.* 1925. № 39. С. 5–7; *Он же.* Особенности обучения и быта в национальных частях // *Военный вестник.* 1925. № 22. С. 9–12; *Стеков А.* Красная армия Азербайджана. Баку, 1928; *Аршаруни А.* Политработа в нацчастях: (к совещанию пуокров) // *Военный вестник.* 1924. № 41. С. 8–9; *Михно М.* Национальные части в Казахстане // *Красная звезда.* 1926. 20 августа; *Сиднев [А.Ф.].* Призыв национальностей // *Война и революция.* 1927. № 5. С. 80–83; *Идельсон Л.* О национальном военном строительстве в Казахстане. Кзыл-Орда, 1928 и др.

²⁷² *Аршаруни А.* Указ. соч.; *Захаров М.* Национальные формирования и их организация // *Военный вестник.* 1925. № 19. С. 5–8; *Он же.* Особенности обучения и быта в национальных частях. С. 9–12; *Он же.* Царское правительство и военная служба горцев и народов Средней

нальную тематику пришлось на период 1925–1927 гг., когда активно реализовывалась первая пятилетняя программа национальных формирований. С точки зрения диссертационного исследования интересен отпечаток живой военной мысли, современной и созвучной эпохе дискуссии между непосредственными участниками событий.

С 1930-х гг. военная тематика все более засекречивалась, а освещение актуальных вопросов военного строительства в СМИ стало выхолощенным и догматичным. За период Великой Отечественной войны использованы материалы как центральных газет («Правда», «Известия», «Красная Звезда»), так и основных региональных газет – органов республиканских комитетов и обкомов партии. В газетах этого периода цензурный пресс был уже столь силен, что из них непросто или даже вовсе невозможно извлечь конкретную информацию о том или ином событии или воинской части. Однако использование этого рода источника в диссертационном исследовании оказалось отнюдь не бесполезным, поскольку и сами умолчания, и эзопов язык советских газет весьма красноречиво иллюстрируют многочисленные идеологические, пропагандистские кампании, нередко связанные с боевой деятельностью национальных частей или проблемами вовлечения нерусских граждан в вооруженную борьбу.

Использование газет было незаменимым для анализа особенностей политико-пропагандистской работы с нерусскими народами для их моральной мобилизации на борьбу с врагом. Газетный материал являлся главным инструментом и информационной площадкой для ведения пропагандистских кампаний в отноше-

Азии // Военный вестник. 1925. № 20. С. 8–11; *Он же*. Горные национальные части // Военный вестник. 1925. № 9. С. 53; *Кувшинов В.* О языке в нацчастях среднеазиатских республик // Военный вестник. 1925. № 6. С. 62; *Мирошников С.Н.* Вопросы национальных вуз // Военный вестник. 1925. № 14. С. 14–16; *Митяев Д.* Красноармейская печать: (К 3-му Всесоюзному совещанию работников красноармейской печати) // Военный вестник. 1925. № 38. С. 18–21; *Царицын А.* Работа среди отсталых народностей // Военный вестник. 1927. № 22. С. 49; *Давыдов В.* Как изменяется лицо новобранца // Военный вестник. 1927. № 13. С. 40–42; *Черкис Н.* Опыт проведения допризподготовки в Казакстане // Военный вестник. 1927. № 6. С. 58–59; *Левичев В.* Задачи очередной вербовки в военные школы // Военный вестник. 1928. № 17. С. 2–4; *Сидоров И.* Партийно-политическая работа в национальных частях РККА // Военный вестник. 1932. № 17–18. С. 72–78; *Лукин Ф.* Очередной призыв и политработа // Военный вестник. 1937. № 31. С. 10–12; и др.

нии тех или иных этносов. Вот характерный пример. Пропагандистская кампания, развернутая в издававшихся в северокавказских республиках газетах в августе 1942 г., в самом начале оборонительных боев на Северном Кавказе, адресовалась специально горцам, ориентируя их прежде всего на партизанскую борьбу, оборону гор – «своего края», – но не на вступление в ряды Красной армии²⁷³. В ответ на известие о зверской расправе фашистов над жителями кабардинского селения Кызбурун-І газета своеобразно взывала к мести: «Вдвое, втрое напряженнее работать, чем вчера и сегодня»²⁷⁴. Объяснение этому своеобразному выражению патриотизма, предлагаемого газетами, следует искать в том, что большинство северокавказских народов к этому времени не призывалось в армию, чеченцы и ингуши и вовсе были уволены в запас.

Газетный материал подтверждает установленную и доказанную диссертантом по архивным источникам практику обращения в пропагандистских целях к мусульманской религиозности кавказских и среднеазиатских народов. Например, в период обороны Кавказа 1942 г. тема газавата (священной войны мусульман) за Советскую родину получила официальную поддержку и неоднократно озвучивалась мусульманским духовенством и с газетных страниц. Орган Дагестанского обкома ВКП(б) «Дагестанская правда» использовал синтетический термин «мюриды революции», в котором переплелись начала суфийского течения в суннитском исламе и большевизма²⁷⁵.

Критический анализ газетного материала показал, что публикации периода Великой Отечественной войны нередко преследовали пропагандистскую, а не информационную цель. Дистанция между газетными лозунгами и реальной ситуацией порой была очень велика. Например, в ходе кровопролитных наступательных боев в декабре 1942 г. 416-я азербайджанская дивизия ни разу не прорвала немецкой обороны и потеряла до 80 % личного состава. Между тем в газете «Бакинский рабочий» об этих боях сообщалось, что «дивизия успешно выполняла

²⁷³ Дагестанская правда. 1942. 20 августа.

²⁷⁴ Там же. 19 сентября.

²⁷⁵ Дагестанская правда. 1942. 16 сентября.

одно боевое задание за другим» и в конце концов «оборона противника была окончательно сломлена»²⁷⁶. Автором статьи был командир дивизии полковник Д.М. Сызранов, безусловно осведомленный в подлинном положении дел, но по тем или иным причинам вовлеченный в мифотворчество.

Выводы по параграфу 1.3

Анализ показал, что накопленная соискателем источниковая база позволяет провести полное и всестороннее исследование национальных процессов в строительстве Вооруженных Сил СССР в период 1922–1945 гг. Принципиально новым в подходе к источникам в данном диссертационном исследовании являются:

– опора автора на обширный комплекс впервые выявленных им и введенных в научный оборот архивных материалов, в том числе рассекреченных в самое последнее время;

– проведенная по различным опубликованным и неопубликованным источникам реконструкция нормативно-правовой базы, положенной в основу строительства национального сегмента Вооруженных Сил СССР в 1920 – середине 1940-х гг. и позволившая определить направление, логику, темпы решения национального вопроса в военном строительстве;

– впервые в историографии исследование национального вопроса в военном деле опирается на комплекс статистических материалов, позволивших прийти к обоснованным и объективным выводам. Материалы по национальному составу РККА в 1920-х – первой половине 1940-х гг., проанализированные в данной диссертации, никогда прежде не публиковались и впервые использованы в военно-историческом исследовании;

– широкое привлечение воспоминаний, дневников, иных документов личного происхождения, отражающих государственную национальную политику в армии и проблемы межнациональных отношений в изучаемый период. Эти материалы позволили яркими, убедительными примерами и суждениями очевидцев дополнить анализ нормативно-правовой и делопроизводственной документации;

²⁷⁶ Бакинский рабочий. 1943. 5 октября.

– анализ материалов периодической печати, особая ценность которой состоит в возможности оценить хронологические рамки, содержание и трансформацию пропагандистских кампаний в национальном вопросе.

1.4. Методология и понятийный аппарат исследования

Методология исследования основана на диалектическом подходе, требующем изучения всех сторон и связей процессов и явлений во временной динамике. Он позволил рассмотреть зависимость количественных и качественных изменений национального состава РККА от общего курса национальной политики Советского государства и особенностей строительства Вооруженных Сил в хронологических рамках заявленной темы диссертации. Исследование построено на принципах диалектического подхода – *историзма, объективности, всесторонности, системности, конкретности, противоречия*. Принцип *историзма* позволил рассмотреть национальный аспект строительства Вооруженных Сил СССР на общеисторическом фоне, в динамике, во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими социальными и политическими процессами и событиями отечественной истории, с учетом конкретно-исторических условий и их изменчивости во времени. Реализация принципа *объективности*, требующего рассмотрения явления во всей его многогранности и противоречивости, обусловила непредвзятый подход к анализу национальной политики в строительстве Вооруженных Сил, изучению различных проявлений национального вопроса в военной сфере, в том числе негативных. Это позволило освободиться от сложившихся в историографии стереотипов и многих устоявшихся представлений, касающихся этнополитического аспекта истории РККА. Выводы, сделанные в диссертации, опираются на результаты изучения совокупности всех достоверных данных, выявленных при изучении заявленной темы. Принцип *всесторонности* в данной диссертации проявился в виде комплексного подхода к объекту познания, в учете множественности свойств, сторон, отношений изучаемого объекта. Применение этого принципа основано на глубоком анализе максимально возможного массива документальных источников органов государственного и военного управления всех уровней, участвовавших в

процессе реализации национальной политики Советского государства в строительстве Вооруженных Сил. Принцип *системности*, требующий раскрытия целостности объекта познания через изучение его внутренних связей, реализован в комплексном анализе эволюции национальной политики Советского государства и строительства Вооруженных Сил в целом, а также изменений внешне- и внутривнутриполитического положения СССР и отдельных его регионов. В соответствии с принципом *конкретности*, требующим изучения предмета исторического исследования с учетом уникальности его содержания, определенности места и времени его развития, оценка национального аспекта строительства Вооруженных Сил дана диссертантом, принимая во внимание все конкретно-исторические обстоятельства, в которых оно разворачивалось: внутривнутриполитическое и внешнеполитическое положение СССР, социально-экономические возможности государства, состояние демографических ресурсов советских этносов, социально-культурный уровень населения национальных регионов, особенности образовательной и языковой политики в них и т.д. Соблюдение принципа *противоречия* в данной диссертационной работе было связано с выявлением и анализом несоответствия заявленных политических целей по решению национального вопроса в военном деле реальному процессу строительства Вооруженных Сил. Разрешение национальных противоречий в армии представлено в диссертации как непрерывная коррекция реализации национальной политики в армии в соответствии с постоянно меняющимися конкретно-историческими условиями развития Советского государства в изучаемую эпоху.

При разработке темы использовались общенаучные и специальные научно-исторические методы познания. К универсальным общенаучным методам относятся: анализ, синтез, исторический, системный, количественный методы. Методы *анализа* и *синтеза* позволили выделить и изучить отдельные аспекты строительства Вооруженных Сил СССР в их этнонациональном измерении – вопросы комплектования РККА представителями народов СССР, подготовки национальных кадров, организации национальных воинских частей, политико-моральной подготовки личного состава. Рассмотрение отдельных аспектов научной проблемы дало

возможность синтезировать новое знание об объекте исследования. *Исторический* метод позволил изучить предмет исследования с точки зрения его развития от первых лет существования советской власти к периоду, когда Советское государство выдержало тяжелейшее испытание Великой Отечественной войной. Решение научной проблемы осуществлено строго в контексте исторического развития Советского государства, его национальной политики, социально-экономических и этнодемографических процессов в обществе, протекавших в 1920-х – первой половине 1940-х гг. *Системный* метод способствовал рассмотрению проблем национального представительства в армии в непосредственной связи с политическими, демографическими, географическими, социально-экономическими, военно-техническими и прочими факторами, влиявшими на развитие армии и комплектование его красноармейским и командно-начальствующим составом. Системный анализ определил понимание истории становления Вооруженных Сил Советского Союза как сложного нелинейного процесса; он позволил оценить реальное соотношение событий и явлений, специфику политических, социально-культурных и военных преобразований в межвоенную эпоху и в период Великой Отечественной войны. *Количественный* метод позволил изучить объект исследования в статистическом отношении. Диссертант исходил из диалектического понимания неразрывной связи количественной стороны массовых общественных явлений с их качественной стороной, того, что статистика дает цифровое и содержательное освещение изучаемых явлений и процессов, служит самым надежным способом оценки действительности. Соискателем выявлена обширная источниковая база, содержащая массовые данные о личном составе РККА, охватывающие весь изучаемый в диссертации период. Анализ их как статистических совокупностей, объединенных качественной основой (этничность, язык, воинское звание, должность и т.д.), позволило провести сравнительно-статистическое исследование абсолютных и относительных количественных показателей, характеризующих этнические аспекты комплектования, подготовки кадров, организации войск, политико-морального обеспечения в отношении десятков основных этносов, населявших СССР в изучаемую эпоху.

Использование инструментария статистической науки указывает на *междисциплинарный подход* в решении поставленной в диссертации научной проблемы. Междисциплинарность – одна из характерных черт современного исторического знания, залог объективности и всесторонности в решении исследовательских задач. Кроме применения статистических методов исследования, в рамках междисциплинарного подхода автор использовал достижения и методы других социальных дисциплин – этнологии и религиоведения (в изучении отражения и влияния этнокультурных и религиозных черт разных народов СССР на их военной службе в рядах РККА), демографии (при рассмотрении проблем комплектования Вооруженных Сил представителями различных советских этносов). При анализе особенностей поведения людей различных национальностей в экстремальных условиях военной службы, их взаимоотношений между собой и представителями иных национальностей, психологии и ценностей человека на войне, военной социализации носителей различных этнокультурных кодов, применены исследовательские подходы новой перспективной научной дисциплины – военная антропология.

В исследовании также применены специальные научно-исторические методы: *историко-типологический, историко-сравнительный, историко-генетический*. *Историко-типологический* метод способствовал выделению единичного, общего и особенного при изучении государственных решений в области национального вопроса в военном деле в заявленный период и проведению на этой основе типологизации, классификации и систематизации исторических явлений. *Историко-сравнительный* метод позволил проанализировать и обобщить национальный аспект строительства Вооруженных Сил СССР по сходству или различию его свойств и признаков, а также сопоставить их проявления во времени и пространстве, в конкретных социально-экономических и политических условиях. Все существенные социально-демографические и профессиональные характеристики нерусских контингентов военнослужащих РККА соотносились с аналогичными показателями русских военнослужащих, принятых за эталон. *Историко-генетический* метод, нацеленный на изучение происхождения и этапов развития конкретных исторических явлений, а также причинности происходящих в них из-

менений, способствовал раскрытию свойств, функций национальных формирований в процессе их исторического развития.

Понятийный аппарат исследования. В диссертационном исследовании, выполненном в междисциплинарном ключе, используется научная терминология, принятая не только в военно-исторических, но и в этносоциальных и социально-демографических дисциплинах гуманитарной области знания. Основные дефиниции даются в современной трактовке в соответствии с законодательством Российской Федерации в области национальной политики²⁷⁷ и военной службы²⁷⁸ и академической научно-справочной литературой в указанных областях гуманитарного знания²⁷⁹. Правописание основополагающих исторических терминов (*Красная армия, Советские Вооруженные Силы, Советское государство, советская власть* и т.д.) сверено по современным академическим орфографическим и специализированным словарям²⁸⁰.

Часть используемых в диссертации определений, широко применявшихся в нормативно-правовых актах и делопроизводственном обороте 1920-х – первой половине 1940-х гг. (например, *коренизация, концентрация, украинизация, бело-*

²⁷⁷ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909) // URL: <http://base.garant.ru/70284810/#friends> (дата обращения: 14.01.2017); Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/ (дата обращения: 14.01.2017).

²⁷⁸ Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «О воинской обязанности и военной службе» // URL: <http://legalacts.ru/doc/FZ-o-voinskoj-objazannosti-i-voennoj-sluzhbe/razdel-i/statja-1/> (дата обращения: 14.01.2017); Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (с изменениями и дополнениями) // URL: <http://base.garant.ru/135907/#ixzz53DNot9CR> (дата обращения: 15.01.2017).

²⁷⁹ Военный энциклопедический словарь: 2 т. М., 2001; *Мигачев Ю.А., Тихомиров С.В.* Военная служба: Поступление, призыв, прохождение, увольнение: Справочное пособие. М., 1999; Основы обороны государства и воинской обязанности граждан. Н. Новгород, 1998; Воинская обязанность граждан Российской Федерации: Учеб. пособие по разделу «Основы военной службы». М., 2011; Призыв на военную службу: Защита Отечества – конституционная обязанность гражданина Российской Федерации. М., 2012 и др.

²⁸⁰ *Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К.* Орфографический словарь русского языка. М., 2008; Новый орфографический словарь русского языка. М., 2010; *Лопатин В.В., Нечаева И.В., Чельцова Л.К.* Строчная или прописная? Орфографический словарь. М., 2007; *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Слитно, отдельно или через дефис? Орфографический словарь. М., 2007; Словарь социолингвистических терминов. М., 2006; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998 и др.

русизация, культурничество, вневойсковик, номерная воинская часть и т.д.), архаизировалась и ныне полностью вышла из употребления. Их использование в данном исследовании полностью аутентично источнику. Содержание такого рода терминов раскрывается непосредственно в диссертации. В тексте они приводятся без кавычек, *курсивом*.

Другая часть терминологии, связанная с военной и этнонациональной проблематикой исследуемого периода (1920-е – середина 1940-х гг.), присутствует в современном нормативно-правовом и научном обороте, но их смысловое наполнение претерпело серьезные изменения. Употребление этих терминов нуждается в специальных пояснениях, которые приведены ниже.

Тема диссертации и ее структура связаны с одним из основополагающих устойчивых понятий военной теории и практики – *строительством вооруженных сил*, под которым понимается система взаимосвязанных мероприятий, осуществляемых высшими органами государственного и военного управления, направленных на создание, развитие, оснащение, содержание и подготовку вооруженных сил к выполнению возложенных на них задач мирного и военного времени²⁸¹. Строительство вооруженных сил – сложный и многофакторный процесс. В диссертации рассмотрены те его аспекты, которые имеют этнонациональное измерение и в которых в конкретно-исторических условиях советского общества 1920-х – первой половины 1940-х гг. проявлялась и реализовывалась национальная политика государства в отношении своих граждан, а именно: вопросы организации войск, их комплектования на основе обязательного призыва и добровольного набора, организация подготовки и прохождения службы военных кадров, накопление военнообученных резервов и мобилизационная работа, политико-моральная подготовка личного состава.

Поскольку в отечественной традиции устоялось именно словосочетание *строительство вооруженных сил*, но не *строительство армии*, следует пояснить употребление в диссертационном исследовании термина *вооруженные силы*. Современная военно-энциклопедическая литература допускает и широкое его толко-

²⁸¹ Военная энциклопедия. Т. 7. М., 2003. С. 693–694.

вание – в смысле совокупности всех видов и родов войск, в том числе военно-морских и военно-воздушных сил, и узкое – в значении *армии*²⁸². В изученный в диссертации период этот термин также не имел устоявшегося однозначного толкования. Изначально, в 1920-е гг. между понятиями «вооруженные силы» и «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» не существовало четкого разграничения. Как показало изучение нормативной базы и делопроизводственных документов, нередко первый термин трактовался как родовой и более широкий по содержанию (включающий военно-воздушные силы и флот), но часто в основополагающих документах они использовались как равные по смысловому значению синонимы. Именно так они употреблялись в законе «Об обязательной военной службе» от 18 сентября 1925 г. Законом был определен состав Вооруженных Сил СССР, которые получили наименование «вооруженные силы трудящихся». В ст. 2 закона давалась широкая трактовка термина «Красная армия» («РККА»): «Организация вооруженных сил трудящихся есть Рабоче-Крестьянская Красная Армия Союза Советских Социалистических Республик (здесь и далее курсив мой. – Авт.). Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) разделяется на сухопутные, морские и воздушные силы. В состав Красной Армии входят также войска специального назначения: войска Объединенного Государственного Политического Управления и конвойная стража Союза ССР». Эта же формулировка повторялась в аналогичных призывных законах от 8 августа 1928 г. и 13 августа 1930 г. Ассоциация Красной армии со всеми вооруженными силами неоднократно встречается не только в нормативных актах, но и в разного рода руководящих документах²⁸³, и в заявлениях и высказываниях руководителей органов военного управления²⁸⁴. Та-

²⁸² Там же. Т. 1. М., 1997. С. 239; Т. 2. М., 1994. С. 269.

²⁸³ Так, в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июля 1929 г. констатируется, что «оценка состояния вооруженных сил СССР и перспективы развития, данные предыдущим постановлением (май 1927 г.), были совершенно правильны, что нашло свое выражение в непрерывном росте боеспособности Красной Армии за истекшие два года» (Красная армия в 1920-е годы. С. 235).

²⁸⁴ Например, 2 октября 1926 г., обсуждая бюджет Наркомвоенмора, нарком К.Е. Ворошилов заявил: «Если мы в ближайший год не улучшим материальных и бытовых условий Красной Армии, это будет угрозой для морального состояния наших вооруженных сил...» (Красная армия в 1920-е годы. С. 141).

ким образом, термины «РККА» («Красная армия») и «Вооруженные Силы СССР» использовались в этот период как синонимы. Хотя нередко под РККА разумелись и только сухопутные силы.

В Конституции СССР 1936 г. упоминались и Красная армия и Вооруженные Силы СССР, причем содержание и соотношение между собой этих терминов не были определены. Наконец, 1 сентября 1939 г. в новом законе о всеобщей воинской обязанности термины «РККА» и «Вооруженные Силы» были определены в противоположном прежнему толкованию (законов 1925, 1928 и 1930 гг.) смысле. В ст. 4 говорилось: «Вооруженные силы СССР состоят из Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск...». Два равнозначных термина: «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» и «Красная Армия», становятся уже составной частью Вооруженных Сил СССР. Вооруженные Силы СССР в составе, определенном законом «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 г., принимали участие в Великой Отечественной войне. Таким образом, с 1939 г. термин «Вооруженные Силы» стал родовым для термина «РККА».

Итак, в течение большего периода времени, исследованного в диссертационной работе (1920-е – 1939 гг.) термин *Вооруженные Силы СССР, Красная армия, РККА* часто употреблялись как синонимы и лишь в 1939–1945 гг. были разведены в основополагающих нормативных документах, получив конкретные дефиниции. Исходя из рассмотренной исторической традиции трактовки этих терминов, в данном исследовании они также используются как синонимы.

Под *органами государственного и военного управления* понимаются органы законодательной и исполнительной власти общесоюзного и республиканского уровней и органы центрального и местного военного управления. Однако при подготовке диссертации автор ясно отдавал себе отчет и учитывал при анализе, что главное значение в принятии всех важнейших управленческих решений в изученный в диссертации период имели руководящие органы Коммунистической партии. Место РКП(б)/ВКП(б) в механизме управления государством конституционно не было четко оформлено, а в первых двух Конституциях страны (1918 и

1924 г.) Компартия не упоминалась вовсе. В Конституции 1936 г. уже указывалось, что ВКП(б) является «передовым отрядом трудящихся» и «руководящим ядром всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (ст. 126). Решения партийных органов дублировались органами власти или оформлялись как совместные постановления партии и правительства. В диссертации подробно проанализированы механизмы принятия государственных решений в области национального вопроса и место в них партийных органов.

Национальная политика. На современном этапе термин «национальный» имеет двойственное толкование: в узком (этническом) и широком (общегосударственном) значениях, причем последнее сейчас очевидным образом доминирует (национальная оборона, национальный проект, национальная спортивная команда и т.п.). Сложилась двоякая ситуация. В действующих нормативно-правовых актах РФ термин «национальная политика» еще используется в своем традиционном понимании, т.е. как государственная политика в отношении населяющих страну этнических общностей. Это следует, в частности, из утвержденных в 1996 и 2012 гг. президентами РФ «Концепции государственной национальной политики РФ» и «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.», а также утвержденной постановлением Правительства РФ в 2016 г. Госпрограммы РФ «Реализация государственной национальной политики» и других документов²⁸⁵.

²⁸⁵ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909) // URL: <http://base.garant.ru/70284810/#friends> (дата обращения: 16.01.2017); Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666, в ред. от 6 декабря 2018 г.) // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=312941&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.8784510407862087#08089583742298276>. (дата обращения: 25.12.2018); Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (утв. Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532) // URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/455/original/%D0%93%D0%9F_%D0%9D%D0%B0%D1%86_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0.pdf?1484721859. (дата обращения: 18.01.2017).

Аналогично образуются названия учреждений, например: Московский дом национальностей (функционирует с 1998 г.), Федеральное агентство по делам национальностей (утверждено Указом Президента РФ в 2015 г.) (Указ Президента Российской Федерации № 168 от 31 марта 2015 г. «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // URL:

В то же время государственные органы управления и научная среда сейчас берут на вооружение термин «*этнонациональный*», семантически соответствующий традиционному термину «*национальный*». Это отмечено в специальном приказе Министерства образования РФ от 3 августа 2006 г. № 201 «О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации». Здесь, в частности, отмечается, что термин «*этнонациональный*» возник «в современной отечественной научной среде с целью выхода из терминологического тупика, вызванного возникшей двойкой семантикой понятия "национальный". Раскрывается [этот термин] как "национальный" в его прежнем значении, т.е. относящийся к народу, этносу»²⁸⁶. Минобрнауки РФ предпочитает именно этот термин в своем нормотворчестве. В последней редакции утвержденной указом Президента РФ «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» (ред. от 8 декабря 2018 г.) парные термины «межнациональный» и «межэтнический»; «национальность» и «этническая принадлежность»; «национально-культурный» и «этнокультурный» используются как полные синонимы и определены так в разделе об основных понятиях Стратегии (пункт 4.2).

В представленной к защите диссертации термин «национальная политика» употребляется в традиционном значении – как государственная политика в отношении населявших СССР народов (этносов). Под национальной политикой диссертант понимает деятельность органов государственной власти, партий или общественных групп по регулированию экономических, правовых, идеологических, культурных и языковых отношений между нациями, народностями и этническими группами²⁸⁷.

Термины «национальный» и «этнонациональный» употребляются автором как синонимы.

<http://base.garant.ru/70928316/> (дата обращения: 17.01.2017). Такое словоупотребление прямо отсылает к советской традиции (например: Народный комиссариат по делам национальностей).

²⁸⁶ Приказ Министерства образования и науки РФ от 3 августа 2006 г. № 201 «О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации» // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90016/#ixzz53CvW0vp5> (дата обращения: 17.01.2017).

²⁸⁷ Определение дано по: Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 141.

Под *национальным вопросом в строительстве Вооруженных Сил СССР* в 1920-х – первой половине 1940-х гг. автор понимает комплекс проблем, стоявших перед органами государственного и военного управления в связи с военной отсталостью и неравноправием ряда народов СССР в военной организации страны, а также неопределенностью правового содержания и организационных форм несения ими военной службы в рядах Красной армии²⁸⁸.

Под *национальным аспектом строительства Вооруженных Сил* понимается политика Советского государства в сфере решения *национального вопроса в строительстве Вооруженных Сил*, а именно: поиск и определение оптимальных правовых и организационных форм комплектования и прохождения военной службы для представителей народов СССР с учетом их языковых, культурно-религиозных, образовательных особенностей; формирование национальных (т.е. этнически однородных) воинских частей; подготовка национальных (т.е. из представителей нерусских этносов) военных кадров; определение форм и методов партийно-политической работы с национальным контингентом военнослужащих и совершенствование межнациональных отношений в армии. В источниках (как в нормативной, так и в делопроизводственной документации органов государственной власти и военного ведомства, особенно в 1920-х гг.) в этом же значении повсеместно употребляется термин *национальное военное строительство*. Однако

²⁸⁸ Диссертант опирается на трактовку национального вопроса, принятую в начале 1920-х гг., т.е. в тот период, когда оформлялись основные черты концепции национального сегмента РККА. Выступая на X съезде РКП(б) (8–16 марта 1921 г.), нарком по делам национальностей И.В. Сталин подчеркивал, что сущность национального вопроса на современном этапе состоит в том, чтобы «уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях» (Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 36). «Практическое разрешение национального вопроса в Красной армии» молодая советская власть видела в коммунистическом воспитании нерусских народов через национальные формирования и усиление смычки между преимущественно русским пролетариатом и преимущественно нерусским крестьянством. Армия представлялась наилучшим местом осуществления такой смычки (Всеармейские совещания политработников. 1918–1940: (Резолюции). М., 1984. С. 86–87). Современная трактовка национального вопроса смещена в сферу межнационального общения. Российская социолингвистическая наука понимает под ним проблемы взаимодействия этносов, населяющих единое многонациональное государство в социально-экономической, политической, культурно-языковой сферах (Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 147–148).

его использование в исследовании диссертант посчитал нежелательным, из-за принципиального различия современных терминов «военное строительство» и «строительство вооруженных сил».

Национальные воинские формирования РККА – подразделения, части и соединения, укомплектованные преимущественно представителями одного народа, чей этноним выносился в их название. Такие формирования создавались в рамках строительства Вооруженных Сил СССР с 1922 по 1945 г. по решению высшего органа государственной власти СССР (съезда Советов; Центрального Исполнительного Комитета; с 1936 г. – Верховного Совета), правительства СССР (Совета Народных Комиссаров), военного ведомства (Народного комиссариата по военным и морским делам; с 1934 г. – Народного комиссариата обороны), а также высших чрезвычайных государственных органов власти и военного управления в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Государственного Комитета Обороны СССР и Ставки Верховного Главнокомандования).

Военнообязанные, призывники, допризывники – термины, выведенные из современных нормативных актов РФ, регламентирующих военную службу граждан, но по-прежнему имеющие широкое употребление, в том числе в специальной военно-энциклопедической литературе²⁸⁹. В диссертации эти термины употребляются в соответствии с законодательными нормами изучаемого периода. Закон о всеобщей воинской обязанности 1939 г. выделял две категории граждан, обязанных несением военной службы: лиц 17–18 лет, уже приписанных к призывным участкам, но не прошедших процедуру призыва в РККА (*призывников*), и лиц, зачисленных в запас (как прошедших действительную военную службу, так и не прошедших) и состоящих на воинском учете в местных органах военного управления – *военнообязанных*²⁹⁰. В более раннем аналогичном законе 1925 г. используется также термин *допризывник*, совпадающий по содержанию с термином *призывник* закона 1939 г. Также здесь выделена категория *военнообязанных запаса*²⁹¹.

²⁸⁹ Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 177–178; Т. 6. М., 2002. С. 606.

²⁹⁰ Ст. 14–17, гл. II; ст. 58–59, гл. VI закона «О всеобщей воинской обязанности» 1939 г.

²⁹¹ Ст. 4–5, разд. I; ст. 66, разд. V закона «Об обязательной военной службе» 1925 г.

Несмотря на некоторые терминологические различия, оба закона четко выделяют две категории советских граждан, обязанных государству несением военной службы: молодежь, не прошедшую процедуры призыва и действительной военной службы и лиц старших возрастов, зачисленных в запас с присвоением военно-учетной специальности (ВУС). В контексте данного диссертационного исследования это разделение важно, поскольку качественные и количественные характеристики *призывников* и *военнообязанных* в национальных регионах, в исследуемую эпоху существенно различались.

Нерусский народ (национальность) – термин, повсеместно употреблявшийся в делопроизводственной документации государственных органов власти и органов военного управления в 1920-х – первой половине 1940-х гг. Обозначает все советские этносы, кроме русского, с которым их социально-демографические характеристики соотносились как с эталоном. Ныне этот термин также нередко используется в этнографической, этнолингвистической и исторической научной литературе, в том числе и в диссертациях²⁹², хотя и вышел из официального оборота государственных органов из-за возможных негативных коннотаций.

Национальные регионы РСФСР и СССР – термин, имевший широкое хождение в делопроизводстве изучаемого периода. Под национальными регионами имелись в виду союзные и автономные республики, автономные области и округа, т.е. все административные территории Советского Союза, где признавался политический приоритет титульного нерусского этноса (или нескольких этносов), за-

²⁹² См., например: Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск, 2011. С. 100, 132, 449; *Данилко Е.С.* Общие особенности распространения старообрядчества в нерусской среде на территории Урало-Поволжья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2007; *Зайцев А.В.* Христианизация нерусских народов Среднего Поволжья в отечественной историографии: вторая половина XIX – начало XX в.: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Чебоксары, 2008; *Таймасов Л.А.* Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: Автореф. ... дисс. докт. ист. наук. Чебоксары, 2004; *Анохина И.А.* Просвещение нерусских народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Пенза, 2009; *Кадырметова Н.Н.* Этноконфессиональная политика российского правительства в XIX веке по отношению к нерусским народам Среднего Поволжья: историко-политический анализ: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Казань, 2004; *Ряузова О.Ю.* Обучение студентов нерусской национальности устным видам речевой деятельности на русском языке: Естественно-технический профиль: Автореф. ... дисс. канд. пед. наук. М., 2003 и др.

креплявшийся в этническом наименовании региона. В качестве исключения под национальными понимаются полиэтничные регионы с преимущественно нерусским населением, но носившие исторические или искусственные наименования (например, Дагестанская АССР, Горская АССР и ряд других).

Начальствующий, командно-начальствующий (офицерский) состав. Термин *командный состав* введен в РККА в начале 1920-х гг. До 1935 г. командный состав являлся составной категорией *начальствующего состава*, куда кроме командиров также включались лица политического, административного, военно-технического, военно-юридического и др. руководящего состава РККА. С 1935 г. командный состав был выделен в отдельную категорию и получил распространение обобщающий термин *командный и начальствующий состав* или *командно-начальствующий состав*. А с 1943 г. термины «начальствующий» и «командный» состав официально заменены на *офицерский состав*, хотя продолжали широко употребляться в делопроизводстве и в настоящее время распространены в военно-исторической и энциклопедической литературе²⁹³. В диссертации эти синонимичные термины употребляются в соответствии с их исторической эволюцией.

Партийно-политическая работа. Для определения специфической деятельности армейских партийно-политических органов в отношении военнослужащих нерусской национальности, равно как с допризывниками и контингентом военно-обязанных, имевшей целью политическое воспитание и поддержание в них высокого морального духа (в терминологии изучаемого периода – «политико-морального состояния»), а значит, и боеспособности всей армии²⁹⁴, диссертантом используется понятие *партийно-политической работы*. Этот термин чаще всего использовался как обобщающий по отношению к работе армейских политорганов в изучаемый период. В узком смысле он также мог означать двуединство деятельности Коммунистической партии в Красной армии: как функционирование армейских партийных организаций и работа политорганов по политическому воспи-

²⁹³ Военная энциклопедия. Т. 5. М., 2001. С. 440

²⁹⁴ Петухов И. Партийная организация и партийно-политическая работа в РККА. М.-Л., 1930. С. 149.

танию личного состава. В диссертационной работе не рассматриваются вопросы партийных (и комсомольских) организаций в армии, поскольку они не имели национальной специфики. Понятие *партийно-политическая работа* (*партиполит-работа*) трактуется широко – как обеспечение всестороннего политического воздействия Коммунистической партии на жизнь и боевую деятельность советских воинов, нацеленного на воспитание в них стойкости и преданности Советской родине.

Анализом директив и приказов Политуправления (Главного политуправления) РККА о постановке работы с нерусскими военнослужащими соискателем установлено, что в официальных документах в качестве синонимов использовались и другие термины: *воспитательная работа, политическая работа, политико-воспитательная работа, политическое воспитание и др.*²⁹⁵ Эти термины нередко встречаются в цитируемых в диссертации документах и иногда употребляются соискателем во избежание частых повторов как синоним понятия *партийно-политическая работа*.

Выводы по параграфу 1.4

Анализ показал, что автором выбраны оптимальные и эффективные научные подходы и методы для изучения проблем строительства Вооруженных Сил СССР в 1920 – середине 1940-х гг. Сформулированы принципы работы, охарактеризованы общенаучные и специальные научно-исторические методы исследова-

²⁹⁵ Именно в таком значении были выдержаны требования директивы ГлавПУ РККА № 012 от 17 сентября 1942 г. о работе с красноармейцами нерусской национальности, подписанной его начальником генерал-лейтенантом А.С. Щербаковым: «*Вся политико-воспитательная работа с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности должна быть направлена на укрепление железной воинской дисциплины, боеспособности и боевой готовности частей, на укрепление нерушимой дружбы народов Советского Союза*» (Русский архив. Великая Отечественная: Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: док. и материалы. Т. 17 (6). М., 1996. С. 173–174). В другой аналогичной директиве начальника ГлавПУ от 24 января 1943 г. содержалось требование «*покончить с недооценкой политической работы среди красноармейцев нерусской национальности... Всю воспитательную работу среди красноармейцев нерусской национальности строить с учетом их национальных особенностей, бытового уклада, привычек и обычаев...*» (Русский архив. Т. 17 (6). С. 207–208) и т.д.

В современной военно-энциклопедической литературе термин «воспитательная работа» также употребляется как синоним «партийно-политической работы» (см.: Военная энциклопедия. Т. 6. М., 2002. С. 118–119).

ния, определены рамки междисциплинарного взаимодействия со смежными социальными науками. Методология исследования соответствует современным требованиям отечественной исторической науки. Уточнен и разъяснен понятийный аппарат диссертации.

Выводы по главе 1

Анализ **исследований** по теме выявил большое разнообразие работ по национальной проблематике в строительстве Вооруженных Сил СССР в 1920-х – первой половине 1940-х гг. Установлено, что достаточно полно разработаны лишь отдельные аспекты темы, а именно история национальных формирований, некоторые вопросы, связанные с партийно-политической работой. Попытки разработки обобщающих трудов в советской историографии страдали марксистским догматизмом и заданностью выводов, а современные историки разобщены границами и обострившимся международным и межэтническим противоборством. Диссертантом установлена фрагментарность и регионализация современной историографии по теме, а нередко – этнополитическая ангажированность в освещении национальных аспектов истории Красной армии в 1920-х – первой половине 1940-х гг. К тому же, несмотря на открытость архивов и доступность большинства источников по теме, объем документов, введенных в научный оборот, существенно не вырос, что свидетельствует о недостаточной глубине современных исследований.

По существу, историками до сих пор не раскрыта корреляция между такими основополагающими факторами строительства Вооруженных Сил СССР в 1920-х – первой половине 1940-х гг., как:

- государственная национальная политика;
- социально-политическая, культурно-образовательная и языковая ситуация в национальных регионах;
- условия комплектования войсковых частей представителями народов СССР и прохождения ими военной службы.

Большинство выявленных работ по теме посвящено истории национальных формирований. Чаще всего они представляют собой шаблонные реконструкции

боевого пути соединения и его героев. Сосредоточенность на истории национальных формирований сужает и упрощает тематику национального строительства в военной сфере, акцентируя внимание лишь на одном его сегменте. Редкие попытки обобщения истории национальных формирований вязнут в эмпиризме авторов. Кроме того, почти неизбежная политическая заостренность этнонациональной тематики нередко порождает псевдонаучную полемику с оппонентами, воспринимаемыми не научными, а политическими противниками. Национальные воинские формирования вовлечены в современные «войны памяти» между политическими элитами некогда единого советского народа, препятствующие полному, объективному и беспристрастному изучению национального вопроса в военном строительстве в СССР в указанный период.

В области комплектования войск представителями народов СССР накопленные знания исчерпываются разрозненными, часто неточными и тенденциозно истолкованными цифровыми данными об участии в Великой Отечественной войне отдельных этносов. Попыток обобщить этнополитические аспекты в развитии системы комплектования РККА людскими ресурсами в 1920-х – первой половине 1940-х гг., объяснить механизмы принятия решений в этой области органами государственного и военного управления не предпринималось.

Исследованию подготовки национальных военных кадров как особому сегменту системы военного образования в литературе почти не уделялось внимания, а имеющиеся работы не предлагают общего взгляда на этот вопрос.

В области партийно-политической работы с личным составом большинство авторов ограничиваются шаблонным описанием деятельности армейских партийно-политических органов, не уделяя внимания особенностям человеческого «материала» – военнотружущим конкретных национальностей и не выделяя специфику партполитработы именно с ними.

Анализ опыта изучения национального аспекта строительства Вооруженных Сил СССР в 1922–1945 гг. показал, что эту тему нельзя считать изученной и раскрытой отечественной и зарубежной исторической наукой. Недостаточная изученность этой проблемы и отсутствие по ней специальных разработок послужили

тем фактором, который predeterminedил выбор соискателем данной темы диссертационного исследования.

Работой по выявлению и анализу **источников** по теме установлено, что проблематика исследования хорошо обеспечена разнообразным архивным материалом и опубликованными источниками, которые классифицированы диссертантом по их функциональному назначению на четыре категории: нормативная правовая база, делопроизводственная документация, источники личного происхождения и периодическая печать.

Принципиально новым в подходе к источникам в данном диссертационном исследовании являются:

- проведенные по опубликованным и неопубликованным документам реконструкция и анализ нормативно-правовой базы национальной политики, реализованной в строительстве Вооруженных Сил СССР в 1920 – середине 1940-х гг. Это позволило определить целеполагание, логику, темпы, способы решения национального вопроса в военном деле органами государственного и военного управления;

- опора на впервые вводимый в научный оборот обширный массив делопроизводственной документации, позволившей реконструировать организационную и управленческую деятельность органов государственного и военного управления в области решения национальных проблем в строительстве Вооруженных Сил;

- использование широкого круга учетно-статистических материалов государственных и военных органов управления, позволивших сформулировать обоснованные, объективные, насколько это возможно, точные выводы о национальных процессах в строительстве Вооруженных Сил СССР в 1920 – середине 1940-х гг.;

- широкое привлечение воспоминаний, дневников, иных документов личного происхождения, отражающих межнациональные отношения и национальную политику в армии в изученный период. Эти материалы позволили яркими, убедительными

тельными примерами и суждениями очевидцев дополнить анализ нормативно-правовой и делопроизводственной документации;

– анализ материалов периодической печати для анализа особенностей политико-пропагандистской работы в национальной тематике, определения хронологических рамок, содержания и трансформации пропагандистских кампаний, нацеленных на укрепление политико-морального состояния военнослужащих и военнообязанных нерусской национальности.

Накопленная источниковая база позволила провести полный и всесторонний анализ национальных процессов в строительстве Вооруженных Сил СССР в период 1922–1945 гг., дать оценку национальной политике Советского государства в строительстве Вооруженных Сил в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны.

Избранная диссертантом методологическая основа исследования позволила последовательно и полно рассмотреть содержание предмета исследования, выявить сущность и причинно-следственные связи событий, связанных с этнонациональным аспектом в строительстве Вооруженных Сил СССР, обеспечить решение научной проблемы.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ РККА

2.1. Национальная политика в строительстве Вооруженных Сил в 1920-х гг. и реализация пятилетней программы развития национальных формирований

В годы Гражданской войны 1918–1922 гг. национальные воинские формирования в составе РККА, так же как и многочисленные партизанские отряды, укомплектованные представителями различных национальностей, сыграли важную роль в отстаивании советской власти на окраинах бывшей Российской империи. По подсчетам советского историка К. Аманжолова, только на территории РСФСР в 1918–1921 гг. было создано более 50 национальных формирований различного формата – от рот и эскадронов до кавалерийских дивизий²⁹⁶. По окончании гражданского противостояния большинство местных национальных формирований были расформированы в рамках общего многократного сокращения Вооруженных Сил. Однако вопрос о национальных формированиях вовсе не был снят с повестки дня, а, напротив, вышел на качественно новый уровень, приобрел особый политический смысл.

После окончания Гражданской войны решение национального вопроса, понимавшееся в необходимости общественно-политического и этнокультурного обустройства национальных окраин бывшей Российской империи, оказавших доверие советской власти, было краеугольным камнем развития молодого Советского государства. Окончание Гражданской войны ускорило объединительные тенденции, завершившиеся провозглашением в декабре 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик. Обсуждение *modus vivendi* нового государства, в том числе его военной организации, происходило на XII съезде РКП(б) (17–25 апреля 1923 г.). Главной повесткой дня съезда стал национальный вопрос.

²⁹⁶ Аманжолов К. Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917–1945): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987. С. 33–35.

Изучение материалов XII съезда позволяет утверждать, что данный партийный форум фактически положил начало курсу государственной политики, получившей название *коренизация*, суть которой заключалась в том, что национальные кадры во всех сферах общественной жизни получали приоритет перед славянскими, считавшимися в национальных регионах некоренными. Одновременно резко повышался статус местных языков. Строительство армии на новых началах на ближайшие годы стало одним из важнейших аспектов воплощения в жизнь новой национальной политики *коренизации*.

В резолюции XII съезда РКП(б) «По национальному вопросу» был подтвержден ленинский курс на добровольное и равноправное участие советских республик в государственном и культурном строительстве новой державы. Достижение этой цели было возможно лишь в результате преодоления «наследия царизма» – великорусского шовинизма и местного национализма. Этим явлениям в резолюции было уделено основное внимание. Причем первое из них считалось главным злом, а второе – производным от первого, «своеобразной формой обороны» нерусских народов, их реакцией на великорусские настроения со стороны в начале царских, а теперь и советских чиновников²⁹⁷.

Касаясь военного дела, резолюция съезда по национальному вопросу содержала положение о том, чтобы была «усилена воспитательная работа в Красной армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза и были предприняты практические мероприятия по организации национальных войсковых частей с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик»²⁹⁸.

Решения XII съезда РКП(б) по национальному вопросу требовали перехода от законодательного, декларируемого равенства национальностей к его практической реализации. Военные вопросы, сформулированные в резолюции весьма общо, были развиты и конкретизированы на ближайших совещаниях руководя-

²⁹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... Ч. 1. М., 1953. С. 435, 437.

²⁹⁸ Там же. С. 441.

щих партийных и военных работников. Так, в резолюции IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, проходившем вскоре после окончания XII съезда РКП(б), в июне 1923 г., содержался раздел «О практических мерах по организации войсковых частей». В резолюции отмечалась «первостепенная» политическая функция нацформирований как для обороны страны, так и для возможного выступления против соседних государств. Среди приоритетных мер по организации нацформирований назывались подготовка и накопление национальных военных кадров комсостава²⁹⁹.

Первая программа действий по решению национального вопроса в военном деле, основанная на установках XII съезда РКП(б), была принята III Всесоюзным совещанием политработников Красной армии и Красного флота, проходившем 21–26 октября 1923 г. Резолюция «Национальный вопрос и Красная армия» основывалась на констатации общего роста «всего советского строительства» в национальных регионах СССР. Красной армии в этом процессе отводилась ключевая роль по обеспечению идейной смычки (в рамках армейского коллектива) преимущественно русского пролетариата и преимущественно нерусского крестьянства. 25 пунктов, составивших резолюцию, были сгруппированы в несколько разделов, освещавших необходимые организационные мероприятия (подбор руководящих работников, знающих местные языки и соответствующий пересмотр руководящих аппаратов воинских частей на местах, сосредоточение бойцов нерусских национальностей в едином подразделении, части), постановку воспитательной работы с населением, с рядовым, курсантским и командным составом (обязательное изучение истории, культуры, быта и языков местного нерусского населения, упрощение и адаптация содержания политико-пропагандистской работы в соответствии с культурно-образовательным уровнем нерусских военнослужащих и населения, развертывание антирелигиозной пропаганды); работу с нерусским красноармейским составом (снабжение уставной и учебной литературой на родных языках, обучение грамоте на родном языке, обеспечение национальных культурно-бытовых условий несения службы, введение особой формы одежды), раз-

²⁹⁹ КПСС в резолюциях... Ч. 1. С. 765–766.

витие национальных частей (организация сети национальных военных школ, организация материально-финансового обеспечения национальных формирований, выработка условий и форм несения нерусскими народами военной службы)³⁰⁰.

В этот период многие советские и партийные работники в национальных регионах склонны были толковать формирование национальных частей как свое имманентное право и одновременно – обязанность союзных властей. Уже спустя три месяца после окончания съезда начальник Политуправления РВС СССР В.А. Антонов-Овсеенко вынужден был разослать в округа циркулярное письмо, в котором указывал, что «местные гражданские работники, часто не сознавая всей сложности этого вопроса, выдвигали перед командованием и Политуправлением совершенно неосуществимые в данный момент *требования* (о формировании национальных частей. – *Авт.*), которые, в конечном счете, могли бы не только подорвать обороноспособность Республики, но и скомпрометировать само дело национальных формирований»³⁰¹.

Кроме того, руководство страны опасалось, что национальные формирования могут послужить благодатной почвой для вызревания местного сепаратизма. Так, по данным М.В. Фрунзе, «у некоторых товарищей на местах» уже «имеются тенденции к превращению национальных формирований в ядро национальных армий»³⁰².

Эти опасения имели под собой почву. Изучение документов показало, что среди мотивов, стимулировавших национальные регионы к развитию национальных формирований в первой половине 1920-х гг., важное место занимало престижное соперничество между советскими и партийными национальными элитами, особенно соседними. Наличие собственных национальных войск представлялось им атрибутом социальной и государственной состоятельности представляемых ими этносов, а их отсутствие, напротив, признаком отсталости, политической незрелости. В этот период давление на органы военного управления со стороны

³⁰⁰ Всеармейские совещания политработников: 1918–1940: (Резолюции). М., 1984. С. 86–90.

³⁰¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 324. Л. 89–90.

³⁰² Фрунзе М.В. Собр. соч. Т. 2: 1924 г. М., 1926. С. 191.

руководства национальных регионов было очень значительным. Об этом, как о факторе, стимулировавшем национальное строительство, прямо говорил наркомвоенмор М.В. Фрунзе³⁰³. В. Катуков, участник создания национальных частей в Казахстане в 1920-х гг., свидетельствовал о желании местных ответственных работников «как можно скорее и как можно больше насоздать казахских частей, не отстать от прочих национальных республик...»³⁰⁴. В Чечне, в свою очередь, формирование в 1925 г. Чеченского кавалерийского взвода трактовалось как создание ядра чеченской национальной армии. В Ленинском уголке в расположении взвода висел свидетельствующий об этом плакат, полученный от Чеченского ЦИКа: «Национальная Красная армия – залог становления Чечни»³⁰⁵. Подобные примеры соискатель выявил и в других национальных регионах – Калмыкии, Дагестане, Узбекистане и т.д. Оценивая явление национальных армий на заре существования Советского государства, французский историк Э. Каррер д'Анкокс справедливо отмечала: «В слабо развитых странах, не имеющих пролетариата, кадры должна поставлять армия, причем армия сильная, иерархическая, политизированная – армия, которая воплощает еще смутное национальное самосознание и служит питомником для национальных кадров»³⁰⁶. Именно этот, неконтролируемый рост местных кадров, воспринимался руководителями партии и государства как политическая опасность.

Однако в целом руководство страны в начале 1920-х гг. было позитивно настроено в отношении перспектив национальных формирований. 29 августа 1923 г. Реввоенсовет Республики был преобразован в Реввоенсовет СССР. Состав Реввоенсовета существенно расширился (с 6 до 13 членов) за счет представителей вошедших в состав нового государства союзных республик. С конца августа 1923 г. в состав РВС СССР входили: Л.Д. Троцкий (председатель), Э.М. Склянский (заместитель председателя), С.С. Каменев, В.А. Антонов-Овсеенко, С.С. Данилов, С.М. Буденный, В.А. Богучкий, И.С. Уншлихт,

³⁰³ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 14.

³⁰⁴ Катуков В. Национальное военное строительство в Казахстане. Алма-Ата, 1930. С. 14.

³⁰⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 237. Л. 84 об.

³⁰⁶ Каррер д'Анкокс Э. Расколота империя: Национальный бунт в СССР. Лондон, 1982. С. 194.

А.П. Розенгольц, И. Хыдыралиев, Ш.З. Элиава, А.Ф. Мясников и Г.С. Везиров. Четверо последних представляли Среднюю Азию, Грузию, Армению и Азербайджан соответственно. 5 марта 1924 г. решением Военной комиссии Пленума ЦК РКП(б) Г.С. Везиров был заменен К. Караевым, а представителем от Северного Кавказа был назначен Г.К. Орджоникидзе³⁰⁷. Таким образом, крупнейшие национальные регионы страны получили свое представительство в РВС СССР и имели возможность напрямую участвовать в дальнейшем планировании и реализации программы строительства национальных частей в составе Красной армии.

Анализ документальных источников показал, что с 1923 г. и до конца 1927 г. проблемы национальных воинских формирований неоднократно обсуждались на заседаниях высших партийных и военных органов. На заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) (с 1925 г. – ЦК ВКП(б)) вопросы национальных формирований специально рассматривались трижды (два раза – в 1923 г. и один раз – в 1925 г.); на заседаниях Реввоенсовета Республики (СССР) – 19 раз (пять раз – в 1923 г., тринадцать – в 1924 г., один раз – в 1927 г.)³⁰⁸. Приказами РВСР (РВС СССР) 1924–1928 гг. в основном утверждались штаты национальных частей, соединений и военно-учебных заведений (в 1924 г. – три приказа, в 1925 г. – семь, в 1926 г. – пять, в 1927 и 1928 гг. – по одному). В дальнейшем, напротив, согласно ежегодным тематическим справочникам к протоколам заседаний РВС СССР за 1928–1934 гг. вопросы национального строительства ни разу не выносились на рассмотрение высшего коллегиального органа военного управления³⁰⁹. Анализ убеждает в том, что пик интереса руководства страны к национальному аспекту строительства Вооруженных Сил пришелся на первую половину и середину 1920-х гг., в дальнейшем же он быстро угасает, причины чего рассмотрены ниже.

В ходе исследования диссертантом установлены *персональные позиции* лидеров Коммунистической партии, государства и Вооруженных Сил по отношению к национальному вопросу в строительстве Вооруженных Сил. От их мнений в

³⁰⁷ Красная армия в 1920-е годы. С. 102.

³⁰⁸ Подсчитано автором по: Реформа в Красной армии. Т. 2. С. 344–418; РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 25. Л. 28 об; Д. 26. Л. 13.

³⁰⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 27–33.

начале 1920-х гг. в значительной мере зависели направление, содержание и интенсивность мероприятий в этой сфере. Наркомвоенмор и председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий в первые годы после окончания войны не раз высказывал озабоченность взаимоотношениями частей Красной армии, стоявшими гарнизонами на окраинах страны с местным населением, «не забывшим старых обид» и воспринимающим Красную армию как армию русскую³¹⁰. То есть, прежде всего, Троцкого заботил вопрос о позиционировании РККА в регионах, населенных нерусскими народами. Красная армия не должна была, по мысли Троцкого, уподобиться армии колониальной, как это было в дореволюционный период. Для этого необходимо было лучше узнать местное население, его историю, проникнуться идеями подлинного равенства и братства³¹¹. Стратегической целью такого сотрудничества (когда «должна исчезнуть и тень противоречия между нашей национальной программой и нашей практикой») будет ситуация, «когда великорусский пролетариат делает все, что может, для того чтобы помочь более отсталым национальным элементам Союза принять сознательное и самостоятельное участие в строительстве Красной Армии, – дабы они могли защищать себя, прежде всего, собственными силами»³¹².

Исходя из такого посыла, Л.Д. Троцкий выступал за «постепенность» в вопросе вовлечения нерусского населения в военное строительство. По итогам XII съезда партии 9 мая 1923 г. он разослал членам РВСР и начальнику Политуправления РВС СССР В.А. Антонову-Овсеенко письмо, в котором изложил свои соображения о национальных формированиях. Он считал, что в дальнейшем «этот вопрос будет играть все возрастающую роль». Однако, по его мнению, здесь была возможна ошибка: «Забежать вперед, т.е. попытаться наспех импровизировать национальные части, не имея для этого необходимых личных и импровизационных предпосылок»³¹³. Троцкий обоснованно склонялся к принципу посте-

³¹⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 40. Также см. статью: *Троцкий Л.Д.* Воспитание молодежи и национальный вопрос // Правда. 1923. 1 мая.

³¹¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 40.

³¹² Правда. 1923. 1 мая.

³¹³ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 197. Л. 1.

пенности, считая, что в разных частях Советского Союза этот вопрос должен решаться по-разному – в зависимости от массы существенных обстоятельств: состояния вооруженных сил в данной республике, наличия военных кадров, отношения населения к военной повинности в прошлом, степени его советизации, уровня образования и культуры и т.д.³¹⁴

Более решительно высказывался политический оппонент Троцкого И.В. Сталин, занимавший в начале 1920-х гг. важнейшие партийные посты члена Политбюро ЦК РКП(б), Генерального секретаря ЦК РКП(б), должность наркома по делам национальностей в Совете народных комиссаров (до 1923 г.) и ряд других позиций. Непосредственно участвуя в решении вопросов, связанных с национальной политикой, Сталин принципиально поддерживал строительство национальных воинских формирований. В частности, в июне 1923 г. он заявлял, что «начать это дело и двигать его дальше абсолютно необходимо»³¹⁵. В его понимании армии отводилась важная роль «сборного пункта рабочих и крестьян» разных «губерний и культур», которые, сходясь вместе в армейской казарме, «выковывают свою политическую мысль»³¹⁶. В этом контексте армия представлялась Сталину одним из институтов коммунистического воспитания для масс нерусского населения: «Для того, чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятной для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт нерусских национальностей»³¹⁷.

Исследование показало, что мощный теоретический толчок и конкретное воплощение программа строительства национальных частей получила с выдвижением на первые роли в военном ведомстве М.В. Фрунзе, хотя определенные шаги в этом направлении были сделаны при наркомвоенморе Л.Д. Троцком. С начала 1924 г. и особенно после XIII съезда РКП(б) (май 1924 г.) Л.Д. Троцкий стал

³¹⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 197. Л. 1.

³¹⁵ Тайны национальной политики ЦК РКП(б)... С. 103.

³¹⁶ ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б)... С. 329.

³¹⁷ *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. М., 1947. С. 240–241.

быстро терять политические и аппаратные позиции. В свою очередь, с марта 1924 г. М.В. Фрунзе занимал пост заместителя председателя РВС СССР и заместителя наркомвоенмора, с апреля 1924 г. – также начальника штаба РККА, а с января 1925 г. – председателя РВС СССР и наркомвоенмора. Фрунзе высказывал убеждение в том, что «все нации нашего Союза, все интересы этих национальностей... должны быть учтены в деле военного строительства; все национальности нашего Союза в деле обороны совершенно равноправны»³¹⁸. Вплоть до своей безвременной кончины 31 октября 1925 г. Фрунзе формулировал и наполнял конкретным содержанием замыслы о национальных формированиях и развертывании призыва среди народов СССР.

М.В. Фрунзе касался национального вопроса во многих своих выступлениях этого периода. 17 ноября 1924 г. на совещании начпувроков, начпуфлотов, военкомдивов и начподивов Фрунзе определил место национальных формирований в структуре Красной армии, каким он его видел в обозримом будущем: «Национальные контингенты займут в Красной армии очень видное место и будут заметно влиять на ее общую боеспособность... Национальные формирования для нас – не пустая забава, не игра для удовлетворения национального самолюбия отдельных народов Союза. Это – серьезная задача, вытекающая из всего характера нашего государства... Строить армию иначе мы не можем»³¹⁹. Многочисленные в перспективе контингенты военнообязанных нерусской национальности он расценивал как «источник дополнительной мощи» Красной армии. Выступая перед слушателями Военной академии РККА 20 декабря 1924 г., Фрунзе определял национальные формирования как своего рода материальное олицетворение национальной политики государства и мост между народами (не только советскими), способный «связать теснейшим образом эти бывшие колониальные народы царской империи с нами, а через них – связать судьбу колониальных народов других стран с судьбой Советского Союза»³²⁰.

³¹⁸ РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 112. Л. 20.

³¹⁹ Фрунзе М.В. Собр. соч. Т. 2. С. 140.

³²⁰ Там же. С. 190.

Ввиду перспектив дальнейшего развития *мировой революции*, в том виде, как их в первой половине 1920-х гг. оценивало советское руководство, Фрунзе считал необходимым «центр тяжести в деле национального военного строительства перенести на Туркестан»³²¹. Среднеазиатский регион, в котором Фрунзе много лет работал и жил, по его мнению, был важен как территория, лежавшая на перекрестке путей между Европой, Индией и Китаем. Поэтому «Туркестан будет иметь колоссальное значение с точки зрения закрепления всех позиций: и советско-союзной и наших позиций на Востоке»³²².

Анализ статей и речей М.В. Фрунзе позволяет сделать вывод о том, что, обосновывая необходимость того или иного национального воинского формирования, он исходил как из соображений дальнейшей борьбы Советского Союза за выживание в недружественном окружении, так и из оценки перспектив новой волны советизации сопредельных Советскому Союзу стран. Например, в Армении, которая являлась приграничным регионом СССР и которой предстояло в случае войны с Турцией «выдержать первый напор врага», несмотря на относительно незначительные мобилизационные ресурсы армянского народа, он предлагал содержать одну дивизию в составе двух кадровых и одного территориального полка вместо одного кадрового и двух территориальных, уже существовавших на тот момент. В Бурят-Монгольской АССР, также «небольшой по своему населению», но имевшей «колоссальное значение» в связи с близостью родственной ей по языку и «полукрасной» по политическим настроениям Монголии, Фрунзе полагал необходимым содержать кавалерийскую бригаду, желательно кадровую, и т.п. Не случайно, ратуя за первоочередное создание нацформирований на окраинах страны, М.В. Фрунзе в то же время не находил «той важности этой работы» в отношении «внутренних» и политически лояльных советской власти народов, например для поволжских татар³²³.

Важно подчеркнуть, что политическая целесообразность содержания

³²¹ Под Туркестаном в тот период понимались Узбекская ССР с Таджикской автономной областью, Туркменская ССР, Кара-Киргизская и Кара-Калпакская автономные области.

³²² Фрунзе М.В. Собр. соч. Т. 2. С. 190.

³²³ Там же. С. 191.

нацформирований в том или ином регионе отодвигала на второй план вопросы, связанные с возможными трудностями их комплектования командным и рядовым составом, организации их боевой подготовки и применения в бою, доукомплектования национальным контингентом в боевой обстановке и т.д. Допускалась возможность временного «ущерба для обороноспособности Советского Союза»³²⁴ в связи с более низкой на первых порах боеспособностью нацформирований по сравнению с *номерными* (т.е. обычными, имевшими номер вместо этнонима) частями РККА. Однако их целевое предназначение в тот период виделось иным. 29 декабря 1924 г. М.В. Фрунзе замечал: «Переброска... на театр военных действий национальных дивизий, расположенных на окраинах, противоречила бы упомянутому выше их *предназначению* (курсив мой. – *Авт.*). Кроме того, оперативное использование этих дивизий, как вполне заменяющих *номерные* части, представляется мыслимым лишь по истечении довольно длительного промежутка времени, когда идея обязательной военной службы и необходимость защиты СССР в целом будут надлежащим образом восприняты населением, в армии никогда не служившим»³²⁵.

Анализ источников показал, что политические планы в отношении нацформирований, продвигаемые Фрунзе, в первой половине 1920-х гг. витали в воздухе и считались многим партийным и военным лидерам страны очевидными. Так, в резолюции IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. содержалось положение о национальных частях как «в смысле обороны со стороны Турции, Афганистана, Польши и т.д.», так «и в смысле возможного *вынужденного выступления Союза [Советских Социалистических] Республик против соседних государств* (выделено мной. – *Авт.*)»³²⁶. В рамках господствовавших в среде советского руководства в тот период надежд на скорую мировую революцию национальным формированиям отводилась важная роль застрельщиков и проводников международного коммунисти-

³²⁴ ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б)... С. 320.

³²⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 27 об.

³²⁶ Тайны национальной политики ЦК РКП(б)... С. 279.

ческого движения.

Нельзя не отметить, что в 1920-х гг. вся армия была поставлена на алтарь считавшейся близкой мировой революции. Молодое Советское государство не только готовилось к обороне едва ли не по всему периметру своих границ, но и могло, если бы на то была политическая воля руководства страны, вооруженной силой поддержать революционные выступления в других странах. Например, вполне реальным представлялось выступление советских войск в поддержку германского пролетариата осенью 1923 г. Боеспособность Красной армии учитывалась тогда в последнюю очередь. По образному выражению И.В. Сталина, вспоминавшему позднее тот период, «если бы бог нам не помог... и нам пришлось бы впутаться в войну, нас распушили бы в пух и прах»³²⁷.

В этом контексте заостренность внешнеполитической функции нацформирований в первой половине 1920-х гг. не является их уникальной чертой. К мировой революции готовилась вся РККА, а ее национальный сегмент считался удобным инструментом на тех направлениях борьбы, где этнический состав советских войск и сопредельных народов, намеченных к советизации, был бы близок. Попытки сформировать красные национальные армии для содействия революционному движению в сопредельных странах, в частности, в Персии в Польше, предпринимались в 1920–1921 гг.³²⁸

Для объяснения дальнейшей эволюции национальных формирований соискатель считает важным подчеркнуть то обстоятельство, что в межвоенный период в структуре РККА так и не сложилось специального органа руководства развитием национальных формирований. В период Гражданской войны эту работу, но только в тюркоязычной мусульманской среде, координировала Центральная мусульманская военная комиссия, преобразованная в 1921 г. в Восточный отдел при Политуправлении РККА, вскоре, однако, расформированный. После XII съезда РКП(б), когда развитие нацформирований получило новый политический толчок,

³²⁷ Красная армия в 1920-е годы. С. 80.

³²⁸ Генис В.Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне: 1920–1921: Док. хроника. М., 2000. С. 157–171.

основную роль в их планировании играл Штаб РККА. На 1924 г. пришлось наиболее интенсивное обсуждение различных аспектов программы нацформирования на заседаниях Реввоенсовета СССР. С докладами и сообщениями по этому вопросу четырежды выступал начальник Штаба РККА П.П. Лебедев и дважды – начальник Организационно-мобилизационного управления Штаба РККА С.И. Венцов. В 1923–1924 гг. в Штабе РККА существовала штатная должность помощника начальника Организационного управления по национальным формированиям. Первоначально ее занимал откомандированный слушатель Военной академии РККА татарский большевик Х.Б. Мавлютов, который в одной из аттестаций характеризовался «знатоком Среднего Востока», имевшим «склонность к научно-исследовательской работе»³²⁹. После приема Мавлютова на Восточное отделение Военной академии его сменил М. Захаров, автор первого обобщающего труда по национальным формированиям в РККА. В дальнейшем, с образованием в 1925 г. Главного управления РККА³³⁰, в ведении которого сосредоточились все нити повседневной жизни армии, организационные и мобилизационные вопросы, забота о нацформированиях легла и на его плечи. Незрелость аппарата Наркомвоенмора в 1920–1930-х гг., синкретизм и дублирование функций центральных органов военного управления, постоянное их перераспределение отражались и на нацформированиях. Конкуренция и параллелизм в работе Штаба РККА и Главного управления РККА усложняли процесс согласований, вносили в работу ненужный параллелизм, соперничество и противоречивые команды на места, размывали ответственность за результаты деятельности³³¹. В числе центральных управлений, занимавшихся организационным развитием нацформирований, следует назвать и Политуправление РВС СССР (с 1924 г. – Политуправление РККА). Оно неоднократно выступало с инициативами по организационно-штатным вопросам строительства нацформирований. Особенно часто это происходило в 1920-х гг. Это об-

³²⁹ Гришин Я., Сайфутдин М. «Волевой командир с твердым характером» (Х.Б. Мавлютов) // Эхо веков. 2011. № 3/4. С. 35.

³³⁰ В ноябре 1934 г. ГУ РККА переформировано в Административно-мобилизационное управление (АМУ) РККА; в октябре 1939 г. АМУ РККА вновь переформировано в ГУ РККА; в июле 1940 г. ГУ РККА расформировано, а его функции переданы Генеральному штабу РККА.

³³¹ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 32–36.

стоятельство отражало особый статус нацформирований, являвшихся не только военным, но и *политическим* институтом, инструментом укрепления советской власти в национальных регионах. Эта ситуация сохранялась в течение всего межвоенного периода.

О «крайних неудобствах» современной организации военного аппарата, первым среди которых было «отсутствие войскового штаба, объединяющего деятельность национальных частей», весной 1925 г. начальнику Штаба РККА С.С. Каменеву сообщал председатель СНК Узбекской ССР Ф.Г. Ходжаев³³². При Реввоенсовете Туркестанского фронта в инициативном порядке был создан и в середине 1920-х гг. функционировал отдел нацформирований, штат которого насчитывал 10 работников³³³.

Но, как установлено исследованием, полноценного центрального руководящего органа по планированию, координации и контролю строительства национальных частей так и не было создано. С преждевременной смертью большого энтузиаста нацформирований М.В. Фрунзе процесс их институционализации был прерван. Национальный сегмент РККА продолжал развиваться в русле общегосударственного курса на *коренизацию*. Сама *коренизация*, охватившая широкие массы во всех национальных окраинах, также не получила общего руководящего органа, а элементы управления коренизационной политикой были распределены между несколькими центральными ведомствами³³⁴, что роднит ее с нацформированиями. Национальные формирования до момента их упразднения в 1938 г. так и остались в промежуточном, «беспризорном» состоянии.

Решения XII съезда РКП(б) дали толчок не только дискуссиям вокруг национальных воинских формирований, но и непосредственному созданию или реформированию национальных частей из *номерных*, еще до утверждения официальной программы нацформирований. В июне и июле 1923 г. Реввоенсоветом Республики были приняты решения о развертывании нацформирований в Турке-

³³² РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 118. Л. 155.

³³³ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1039. Л. 10.

³³⁴ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР: 1923–1939. М., 2011. С. 192.

стане, Дагестане, развитии нацформирований в ЗСФСР³³⁵. *Украинизация* войск на территории Украины была запущена в августе 1923 г.³³⁶ В течение 1924 г. различные конкретные вопросы национальных формирований еще 13 раз рассматривались на заседаниях РВС СССР. К окончанию 1924 г. национальные воинские части имелись в Закавказье, на Украине, в Белоруссии, Дагестане, Якутии, Крыму, Хорезме и Бухаре³³⁷. Наибольшее развитие они получили в Закавказье, на Украине и в Белоруссии. Часть из них (как, например, закавказские стрелковые дивизии) существовали еще со времен Гражданской войны. В духе разворачивавшейся *коренизации* представлялось, что развертывание национальных формирований может и должно охватить все Вооруженные Силы, где только встречаются нерусские военнослужащие. Например, в декабре 1923 г. на Политбюро ЦК РКП(б) обсуждался вопрос об увеличении ассигнований военно-морскому ведомству для организации нацчастей³³⁸.

Однако первоначально формирование нацчастей велось без общего плана. Как справедливо отмечал М.В. Фрунзе, вплоть до конца 1924 г. работа по национальным формированиям «производилась от случая к случаю, в зависимости от давления с мест, не имея ни твердых основ, ни явно выраженного перспективного плана»³³⁹. По его словам, «создание национальных формирований шло, главным образом, по инициативе низов (командования округов и правительств отдельных национальных республик)»³⁴⁰. По мнению Фрунзе, первые шаги, сделанные в области национального военного строительства, не решали вопроса подготовки резервов из национальных кадров: «Эти национальные формирования охватывают

³³⁵ Реформа в Красной Армии. Кн. 2. С. 367.

³³⁶ Мартин Т. Указ. соч. С. 116.

³³⁷ ЗСФСР: 1-я и 2-я грузинские, Азербайджанская, Армянская стрелковые дивизии; Бухарская ССР: Отдельный стрелковый батальон, Отдельный кавалерийский дивизион, Отдельная вьючно-конно-горная батарея; Хорезмская ССР: Отдельный эскадрон, Отдельная стрелковая рота; Украинская ССР: четыре территориальные дивизии; Белорусская ССР: 2-я белорусская территориальная дивизия; Дагестанская АССР: Отдельный эскадрон; Якутская АССР: отдельная стрелковая рота и кавалерийский взвод при ней; Крымская АССР: Отдельная стрелковая рота (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 276).

³³⁸ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 349.

³³⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 14.

³⁴⁰ Там же. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 112. Л. 20.

далеко не все республики, а в пределах отдельных республик – не все могущее быть привлеченным к военной службе население»³⁴¹.

Поворотным в судьбе национальных формирований стал Пленум РВС СССР, проходивший в конце ноября – начале декабря 1924 г. 28 ноября на Пленуме был заслушан большой доклад заместителя наркомвоенмора М.В. Фрунзе «О национальных формированиях», подготовленный на основе проекта Политического управления РККА, уже обсужденного на III Всесоюзном совещании политработников РККА и РККФ в октябре 1923 г.³⁴² 3 марта 1924 г. проект программы был рассмотрен на заседании РВС СССР. Столь длительное согласование программы было связано с необходимостью дополнительных ассигнований военному ведомству, согласование которых в связи с тяжелым финансовым положением государства происходило с трудом. В основу предложенной Фрунзе на Пленуме концепции легли тезисы о полном равноправии народов СССР, учете интересов всех этносов в деле строительства национальных формирований и постепенном переносе центра тяжести в комплектовании войск на неславянские контингенты граждан³⁴³.

В целях сохранения общего единообразия РККА, М.В. Фрунзе в своем докладе высказался против особых форм организации воинских частей для народов СССР, ведь новые национальные формирования должны «обслуживать» не только свои республики³⁴⁴. В то же время он не поддержал идеи всеобщего обязательного призыва в восточных и кавказских республиках, высказавшись за постепенное привлечение окраинных народов в армию через добровольчество, которое, к тому же, необходимо было материально стимулировать. «Другого пути у нас нет», – заключил Фрунзе. На особом положении были Украинская и Белорусская ССР: здесь уже шла постепенная и довольно безболезненная национализация расположенных на территории этих республик частей³⁴⁵.

³⁴¹ РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 112. Л. 20.

³⁴² Там же. Л. 269.

³⁴³ Там же. Д. 531. Л. 82 об–83.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Там же. Л. 84 об–85.

Фрунзе призывал к каждому народу подходить индивидуально, по возможности учитывая их языковые и культурно-бытовые особенности в питании, одежде, организации быта и досуга, духовной жизни³⁴⁶.

Вскоре после Пленума РВС СССР под руководством Фрунзе совместно Политуправлением и Штабом РККА³⁴⁷ была выработана *пятилетняя программа формирования национальных частей*³⁴⁸. 5 февраля 1925 г. она была утверждена совместным решением Политбюро ЦК РКП(б) и СНК СССР³⁴⁹. А в мае 1925 г. III съезд Советов в своей резолюции по докладу М.В. Фрунзе о Красной армии³⁵⁰ поручил ЦИК и СНК обеспечить ее выполнение³⁵¹. В резолюции съезда, в частности, говорилось: «Съезд с особым удовлетворением отмечает создание национальных формирований на Востоке, являющееся фактором национального и культурного роста угнетенных в прошлом народов и соответствующее установлению межнационального мира». В то же время съезд призывал военное руководство к «строгой постепенности», воспитанию командных кадров и формированию у нерусских народов привычки к военной службе, «дабы вновь создаваемые части по своей боеспособности не отставали от существующих частей РККА»³⁵².

Пятилетняя программа нацформирований должна была придать строительству нацчастей систематичность, единообразие и целеустремленность, чего не наблюдалось донныне. Применительно к каждому конкретному народу программа, по определению начальника Управления устройства и службы войск ГУ РККА Я.Я. Алксниса, строилась на пяти принципиальных положениях:

- на соответствии плана экономическим возможностям государства (прежде всего, бюджета военного ведомства);
- учете численности населения того или иного национального региона, намеченного к проведению национальных формирований;

³⁴⁶ РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 54. Л. 281.

³⁴⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 269.

³⁴⁸ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 696. Прим. 102.

³⁴⁹ Там же. Кн. 2. С. 352.

³⁵⁰ Фрунзе М.В. Собр. соч. Т. 3. 1925 г. М.; Л., 1927. С. 231.

³⁵¹ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 7.

³⁵² Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик... С. 92–93.

- наличии национальных кадров командного состава;
- учете «природных качеств и способностей каждой национальности» (например, традиционная любовь к коню, условия жизни в горной местности);
- историческом опыте (или отсутствии такового) призыва в армию у того или иного народа³⁵³. Последнее качество представлялось военному руководству самым важным.

В пятилетней программе все национальности были разделены на те, которые раньше проходили военную службу в Русской императорской армии и в РККА (украинцы, белорусы, татары, башкиры, чувашаи, народы Закавказья) и таковой никогда не проходившие (узбеки, туркмены, буряты, киргизы, народы Северного Кавказа). Вне категорий стояли «наиболее развитые народы», как правило глубоко интегрированные в русскоязычную культурную среду и общественную жизнь (народы Прибалтики, поляки, евреи, немцы), которыми намечалось комплектовать воинские части на общих основаниях, не выделяя их в отдельные национальные группы.

В дальнейшем, уже в ходе реализации программы в 1925 г., нацчасти были условно разбиты на три подгруппы: «А», «Б» и «В». Подгруппа «А» – это части, формировавшиеся за счет «дополнительных отпусков» (т.е. дополнительных бюджетных ассигнований) на национальные формирования (грузинские, армянские, азербайджанские). В подгруппу «Б» были включены части, формировавшиеся в счет общей нормы численности Красной армии путем преобразования из существующих *номерных* частей (украинские, белорусские, татарские). Национальные части из подгрупп «А» и «Б» комплектовались на общих для всей Красной армии основаниях. В отношении категории воинских частей, отнесенной к группе «В» (среднеазиатские, северокавказские), напротив, требовалась «наибольшая постепенность»: тщательная допризывная подготовка, организация воинского учета местными органами военного управления и широкая агитационно-разъяснительная работа с населением. Для таких народов на первых порах считалось достаточным иметь небольшую «показательную часть», укомплекто-

³⁵³ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1.

ванную добровольцами³⁵⁴. Срок службы таким народам предлагалось увеличить до трех-четырех лет. В основном прием в армию в этих местностях происходил впервые и иногда вызывал резкое противодействие среди населения, как, например, в Узбекской ССР, где отмечалось массовое уклонение от военной службы.

Согласно пятилетней программе, рассчитанной до 1929/1930 бюджетного года (т.е., до 1 октября 1929 г.), должны были быть созданы следующие войсковые национальные формирования:

- в Узбекской ССР (вместе с Таджикской АССР) – корпус в составе одной стрелковой и одной кавалерийской кадровых дивизий;
- в Туркменской ССР – одна кадровая кавалерийская дивизия;
- в ЗСФСР – доведение до штатной нормы уже существовавших дивизий: двух грузинских стрелковых (одна кадровая с кавалерийским полком, одна территориальная), армянской стрелковой (кадровая, с кавалерийским полком), азербайджанской стрелковой (территориальная);
- на Северном Кавказе – один территориальный кавалерийский полк из горских национальностей;
- в Киргизской АССР – одна территориальная кавалерийская дивизия;
- в Башкирской АССР – одна территориальная стрелковая дивизия с кавалерийским полком;
- в Татарской АССР – одна территориальная стрелковая дивизия с кавалерийским полком;
- в Карельской АССР – один егерский батальон;
- в Бурят-Монгольской АССР – один территориальный кавалерийский полк;
- в Якутской АССР – один территориальный стрелковый батальон с кавалерийским эскадроном³⁵⁵.

Кроме того, еще до принятия программы формировались четыре украинские (общий штат – 9528 чел.) и одна белорусская (штат – 3505 чел.) территори-

³⁵⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 270 об.

³⁵⁵ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 306.

альные стрелковые дивизии³⁵⁶.

С реализацией пятилетней программы, согласно первоначальному замыслу, численность национальных формирований должна была достичь 46 314 чел.³⁵⁷.

Принятие пятилетней программы национальных формирований коррелировало с реализацией более масштабной программы перевода РККА на *территориальные начала*. Изданный 8 августа 1923 г. декрет ЦИК и СНК СССР «Об организации территориальных частей и проведении военной подготовки трудящихся»³⁵⁸ определил новые параметры комплектования и организации частей РККА, при которых лишь ядро (кадр) войсковой единицы, прежде всего штабы и органы обеспечения, содержалось на казарменном положении в местах постоянной дислокации, а остальной личный состав части (*переменный состав*, или *переменники*) представлял собой милицию из местных жителей, которые в течение пяти лет состояния на действительной службе собирались лишь на ежегодные лагерные сборы сроком от 1 до 3 месяцев³⁵⁹. Это позволяло не отрывать военнослужащих на длительное время от дома и народного хозяйства и охватывать военной подготовкой значительно больший круг призывного состава. Если в кадровой дивизии военную подготовку получали 4,4 тыс. чел. за 2 года, то в территориальной – 12 тыс. чел. за 8 мес., что значительно повышало возможности государства в накоплении мобилизационных ресурсов, хотя качество военного обучения, безусловно, было ниже, чем в кадровых частях. В силу экономической выгоды и возможности более широкого охвата призывного контингента территориальные формирования получили в 1920-е гг. большой размах. К осени 1925 г. количество территориальных соединений составило уже 50 %³⁶⁰. В конце 1920-х гг. число территориальных ди-

³⁵⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 69.

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 33–38. Объявлен приказом № 1742 РВСР от 11 августа 1923 г.

³⁵⁹ В первый год службы – на 3 месяца; в последующие четыре – не более 2 месяцев в год. Для стрелковых и артиллерийских терчастей общий срок сборов не должен был превышать 8 месяцев, для кавалерийских – 11, для специальных терчастей – 9. Все остальное время переменный состав считался состоящим в отпуске (*Бакланов Ф.П.* Призыв на Действительную военную службу: пособие для ведения справочной работы в частях РККА. М., 1927. С. 8).

³⁶⁰ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 274–275.

визий в пехоте значительно превзошло число кадровых (41 против 26), а в общей численности войск на долю территориальных частей приходилось 48 %: в пехоте – 60 %, в артиллерии – 57 %, в кавалерии – 26 %³⁶¹.

Большая часть намеченных пятилетней программой национальных формирований создавалась именно как территориальные. Сама их суть состояла в *территориальности* – т.е. прохождении гражданами военной службы на территории своих республик. В 1920-е гг. сочетание территориальности (*землячества*) и мононациональности воинского коллектива представлялось оптимальным для успешного боевого слаживания части: «Чем однороднее по национальному составу часть, чем более соблюден при укомплектовании принцип землячества, чем легче комполитсоставу воспитывать своих подчиненных, тем скорее люди, составляющие часть, сживаются между собой...»³⁶²

Изучением документальной базы установлено, что в течение 1925–1926 гг. программа существенно уточнялась. Это обуславливалось как необходимостью «ужатий» в связи с экономией бюджетных средств, так и первым опытом существования национальных формирований в тех или иных местностях. Амплитуда решений колебалась очень сильно: от существенного расширения строительства нацчастей в том или ином регионе до полного его сворачивания, прекращения призыва и сокращения местного аппарата военного управления. В частности, в отношении кавказских формирований было принято решение: Армянскую и Азербайджанскую дивизии содержать в смешанном составе (в первой – два кадровых полка и один территориальный, а во второй – два территориальных и один кадровый). Формирование Киргизской кавалерийской дивизии (кадровой) было отменено, а вместо нее в составе Узбекской кадровой кавалерийской дивизии формировался один киргизский кадровый полк. В то же время формировалась Казакская (Казахская) кадровая кавалерийская дивизия. Якутский территориальный батальон разворачивался в территориальный полк, однако вскоре было решено

³⁶¹ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 274–275.

³⁶² *Редкин*. Укомплектование частей и его влияние на воспитание и обучение // Военный вестник. 1925. № 22. С. 50.

отказаться от формирования якутских частей вообще, поскольку существующий поток добровольцев не обеспечивал регулярного пополнения, а к принудительному призыву население относилось резко отрицательно. В Калмыкии создавался Калмыцкий территориальный кавалерийский дивизион, однако его формирование через некоторое время также было свернуто³⁶³. Наконец, было решено значительно расширить программу национальных формирований для Северного Кавказа: на базе территориального кавалерийского полка северокавказских национальностей (в составе Дагестанского дивизиона, Северо-Осетинского, Чеченского, Ингушского, Карачаево-Черкесского, Кабардино-Балкарского, Адыге-Черкесского отдельных кавалерийских взводов) планировалось развернуть территориальную кавалерийскую дивизию³⁶⁴. В Башкирии местные власти требовали расширения национальных частей (с территориального полка до запланированной в пятилетней программе территориальной стрелковой дивизии), однако казарменный фонд не позволял содержать на территории области такое большое соединение, и от формирования дивизии также пришлось отказаться.

С учетом изменений к 1926 г. общая штатная численность 15 национальных дивизий (кадровых и территориальных) по пятилетней программе (без учета национальных военно-учебных заведений) должна была составить 56 971 чел. (без украинских и белорусских частей – 43 338 чел.)³⁶⁵. Это составило бы около 10 % от предельной численности всей Красной армии. Штатной нормы к исходу второго года реализации пятилетней программы нацформирований (к 1 октября 1926 г.) достигли четыре территориальные украинские стрелковые дивизии и одна территориальная белорусская, а также азербайджанская территориальная стрелковая дивизия. Близки к штатной норме были и остальные закавказские соединения. Списочная численность национальных частей на этот момент составляла 31 945 чел., а без украинских и белорусских частей – 18 912 чел.³⁶⁶

Исследованием установлено, что в дополнение к *плановым* национальным

³⁶³ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 69.

³⁶⁴ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 64; РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 23.

³⁶⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 64.

³⁶⁶ Там же. Л. 66–66 об.

формированиям по пятилетней программе уже в 1924 г. появилась и получила быстрое распространение особая форма *внеплановой* организации национальных контингентов – так называемые *концентрации*. Они заключались в сведении представителей одного этноса в особых подразделениях в составе *номерных* частей. Представителей тех народов, для которых не предусматривалось создания отдельных нацформирований или штатная емкость которых была недостаточной, старались сосредоточить в одном соединении в составе отдельных взводов, рот, эскадронов, иногда – батальонов. Это происходило вследствие того, что если молодое пополнение из числа «националов» распределялось не в национальную воинскую часть, а в обычную, *номерную*, т.е. в преимущественно славянскую по составу, то командиры, не располагая возможностями организовать их обучение русскому языку, определяли таких военнослужащих на хозяйственные работы. Парадокс заключался в том, что в таком дискриминированном положении чаще всего оказывались представители тех народов, которые имели богатую историческую традицию военной службы еще в Русской императорской армии: прежде всего, народы Поволжья (мордвины, марийцы, удмурты, чуваша, поволжские татары) и башкиры. В первой половине 1920-х гг. они призывались в Красную армию в достаточно значительных количествах на общих основаниях³⁶⁷ и часто направлялись для прохождения службы в *номерные* части, где оказывались в числе отстающих из-за недостаточного знания русского языка и трудностей адаптации в инокультурной среде. В связи с этим они «назначаются в частях в большинстве случаев в хозяйственные команды, ездвые, конюхи, вестовые»³⁶⁸. На одном из совещаний заместитель начальника ПУ РККА И.Е. Славин отмечал, что желательно не использовать националов («*всех их*») на хозработах, «как это *обычно водится*» (здесь и далее курсив мой. – Авт.)³⁶⁹. Эта же мысль прозвучала в августе 1924 г. на совещании начальников агитпропотделов политуправлений воен-

³⁶⁷ Например, по данным военной переписи, проведенной в декабре 1926 г., в РККА числилось 11 575 татар (2 % общей списочной численности РККА), 4 022 чуваша (0,7 %) и т.д. (РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 3. Л. 3).

³⁶⁸ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1039. Л. 9.

³⁶⁹ Там же. Оп. 3. Д. 41. Л. 46.

ных округов в ПУ РККА: «Как общее явление наблюдается, что красноармейцы из нацмен в частях со смешанным национальным составом почти не подвергаются политобработке, и замечена тенденция использовать под различными предложениями некоторые группы красноармейцев из нацмен (татары, мордва, черемисы³⁷⁰ и др.) в хозкомандах»³⁷¹. Очевидно, что такой способ использования национальных контингентов не нес пользы ни армии, ни бойцу-«националу» и, главное, в корне противоречил политическому курсу на выравнивание формально-правового и реального положения всех национальностей в Красной армии.

В этом видится одна из основных причин идеи сведения такого рода контингентов в рамках одного подразделения. Очевидно, что самой заинтересованной стороной здесь были политорганы. Впервые призыв к сосредоточению «националов» в рамках отдельных подразделений прозвучал в циркуляре Политуправления РККА от 10 мая 1924 г. № 62, где рекомендовалось «концентрировать» новобранцев по 30–50 человек в одной роте или батальоне, поскольку только таким образом, по мнению подписавшего циркуляр заместителя начальника ПУ М.М. Ланды, можно было добиться постановки эффективной политпросветительской работы и одновременно решить проблему дефицита соответствующих кадров командиров и политработников, знающих язык красноармейцев, а также литературы и пособий на местных языках³⁷².

25 июня 1924 г. приказом РВС СССР № 843 комсоставу было предписано сводить новобранцев из национальных республик в отделения, взводы и т.д. (в зависимости от их численности) для прохождения строевой и политической подготовки³⁷³. После этого тема *концентраций* несколько раз подробно обсуждалась на всесоюзных совещаниях политработников в августе и ноябре 1924 г.³⁷⁴ При определении необходимости *концентраций* во главу угла ставились владение той или

³⁷⁰ Черемисы – устаревшее наименование марийцев.

³⁷¹ Всеармейские совещания политработников... С. 141.

³⁷² Партийно-политическая работа в Красной армии: 1920–1929 гг. М., 1981. С. 207.

³⁷³ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2167. Л. 770.

³⁷⁴ Всесоюзное совещание начпуокров, начпуфлотов, военкомкоров, военкомдивов и начподивов 17–22 ноября 1924 г.: Стеногр. отчет. М., 1924. С. 209–215; Всеармейские совещания политработников... С. 141–142.

иной группой военнослужащих русским языком и близость к русской культурной среде. Чем менее выраженными были эти показатели, тем очевиднее считалась нужда в *концентрации* представителей этнических меньшинств в рамках отдельных подразделений.

В 1924 г., с прибытием пополнения первого общесоюзного призыва молодежи 1902 г. рождения, во всех округах татары, немцы, чувашаи стали сводиться (*концентрировались*) во взводы и роты в составе обычных (*номерных*) частей³⁷⁵. Уже в этом году *концентрации* достигли значительных масштабов: прибывшие в войска татары (в том числе крымские), немцы, чувашаи и молдаване были объединены в 35 рот и 26 взводов³⁷⁶. Все перечисленные народы призывались в Красную армию обычным порядком и имели дореволюционную традицию военной службы, однако не были обеспечены необходимым числом командного состава (за исключением немцев и чувашей³⁷⁷).

В дальнейшем практика *концентраций* расширялась, причем чаще всего стихийно, явочным порядком. Такая форма «сведения нацмен в подразделениях в *номерных частях*»³⁷⁸ получила распространение во всех военных кругах. Так, в Западном военном округе поляки сосредоточивались в 3-й стрелковой дивизии, татары – в 3, 15-й и 24-й, немцы – в 45-й, молдаване – в 51-й и т.д.³⁷⁹ В СКВО с молодым пополнением в 1925 г. татар прибыло так много, что в 28-й Горской стрелковой дивизии они были сведены сразу в девять национальных рот³⁸⁰.

В 1925 г. численность подразделений четырех наиболее многочисленных национальностей (татар, немцев, чувашей, молдаван) достигла 94 рот и 19 взводов. В том же году *концентрация* затронула и другие национальности срочнотружеников 1903 г. рождения, не охваченных национальным военным строительством: башкир, вотяков³⁸¹, коми-зырян, коми-пермяков, черемисов, мордвин и корейцев.

³⁷⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249 об.

³⁷⁶ Там же. Д. 501. Л. 40.

³⁷⁷ Там же. Д. 476. Л. 37.

³⁷⁸ Там же. Оп. 28. Д. 54. Л. 1.

³⁷⁹ Там же. Д. 476. Л. 249 об.

³⁸⁰ Там же. Л. 251 об.

³⁸¹ Вотяки – устаревшее наименование удмуртов.

К концу 1925 г. общая численность не отдельных национальных подразделений составила 132 роты и 55 взводов. *Концентрацией* было охвачено 75 % нерусского призывного контингента, что было признано руководством РККА «большим достижением»³⁸², а сама практика *концентраций* наряду с национальными формированиями была объявлена «одним из двух основных русел» в национальном военном строительстве³⁸³. В процесс *концентраций* в середине 1920-х гг. были вовлечены десятки тысяч военнослужащих нерусской национальности. В мае 1926 г. начальник Управления военно-учебных заведений (УВУЗ) РККА В.К. Путьна говорил уже как о повсеместном явлении о «тех частях, которые не считаются национальными формально, но имеют преобладающий национальный состав»³⁸⁴.

В 1925 г. в докладе Политуправления РВСР отмечалось, что по результатам призыва молодежи 1903 г. рождения удельный вес «нацменьшинств» в РККА достиг 8 %, и это, что важно, без учета украинцев, белорусов, а также «национальностей, обеспеченных нацформированиями, – грузин, армян и тюрков»³⁸⁵. Столь многочисленное пополнение «националов» не могли принять только что созданные в плановом порядке национальные формирования. Значительную их массу приняли подразделения, созданные в порядке *концентраций*. Эта мера, как считалось, себя оправдала «в смысле большей успеваемости в учебе и, особенно, в политическом их развитии»³⁸⁶.

Уже начиная с 1926 г. «националов», в целом владевших русским языком (такowymi считались мордвины, чуваша, вотяки), распределяли в так называемых «всесоюзных» (или *номерных*) частях, не создавая для них отдельных строевых единиц³⁸⁷. Причем среди представителей этих народов не было единого мнения о наиболее удобной для них форме прохождения службы. Например, в 1925 г. отмечалось недовольство призывников-мордвин, которые в большинстве своем об-

³⁸² РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 40.

³⁸³ Захаров М. Третий Съезд Советов СССР о национальном строительстве в Красной армии... С. 5.

³⁸⁴ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 573.

³⁸⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 804. Л. 1 об.

³⁸⁶ Там же. Д. 501. Л. 40.

³⁸⁷ Там же. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 46.

русели и хорошо владели русским языком, тем, что «их выделяют в отдельные строевые единицы»³⁸⁸. Однако нередко были и прямо противоположные случаи. Так, в 1929 г. с пополнением призыва 1907 г. рождения в части Московского военного округа прибыло около 350 марийцев, 500 мордвин и 300 поляков. Из-за отсутствия необходимых национальных командных кадров было решено распределить их равными частями по пяти стрелковым дивизиям (по 12 чел. на стрелковый полк). В результате «за шесть месяцев значительное их число ушло из армии в результате опротестования по болезни и другим признакам». Заместитель начальника Политуправления округа Хрулев признавал, что, если бы «националы» изначально были объединены в национальные подразделения, этой «крупнейшей ошибки» удалось бы избежать³⁸⁹. Также неправильной считалась переброска контингентов «националов» из одного округа в другой. Например, значительная часть татар, призванных на территории ПриВО, направлялась для прохождения службы в САВО и СКВО³⁹⁰.

Для «культурно наиболее развитых и русским языком в большинстве владеющих, к тому же распыленных по всей территории СССР» народов, таких как латыши, эстонцы (проживавшие не в Прибалтике), евреи, поляки, *концентрация* также признавалась излишней³⁹¹. В случае с поляками принималось во внимание также политическое недоверие со стороны советской власти в связи с недавней войной и напряженными отношениями Советского Союза с Польшей³⁹².

Соискатель понимает практику *концентраций* в Красной армии как кальку с повсеместно реализуемого в тот же период курса на *коренизацию* – организацию национальных административно-культурных автономий, даже самых мелких. В этот период были организованы тысячи автономий национальных меньшинств (*нацмен*), которые могли охватывать от целых республик до нескольких населен-

³⁸⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 68. Л. 30.

³⁸⁹ Там же. Оп. 28. Д. 610. Л. 26.

³⁹⁰ Там же. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 91.

³⁹¹ Всесоюзное совещание начпуокров... С. 210.

³⁹² РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 68. Л. 20.

ных пунктов или даже одного села³⁹³. В совместном циркулярном письме от 19 марта 1925 г. заместителя начальника Политического управления РККА М.М. Ланды и начальника Главного управления РККА В.Н. Левичева прямо указывалось на то, что «основное условие развития и углубления работы среди нацменьшинств – *индивидуализация* руководства работы в отношении каждой национальности в отдельности, *как бы малочисленно она ни была представлена в частях Красной армии* (выделено мной. – Авт.)»³⁹⁴. В связи с этим считалось вполне нормальным сводить, например, осетин в грузинских дивизиях в отдельные роты, взводы и даже отделения, если в подразделении их насчитывалось хотя бы несколько человек³⁹⁵.

Во второй половине 1920-х гг. наиболее успешно по причине незначительного культурно-языкового барьера развивались украинские и белорусские части. В белорусских формированиях языковой барьер (прежде всего между красноармейцами и командным составом) фактически отсутствовал, поскольку большинство военнослужащих общались на русском языке. В 1927 г. Главное управление РККА считало возможным без существенных дополнительных затрат *украинизировать* и *белорусизировать* практически все территориальные соединения, дислоцированные в этих республиках (только на Украине таковых насчитывалось 11³⁹⁶).

Однако в республиках с сильным, относительно самостоятельным политическим руководством, каковой являлась УССР, союзный центр опасался утратить контроль над этим процессом. На Украине имел место целенаправленный лоббизм республиканскими властями политики *коренизации* во всех сферах общественной жизни, в том числе и в военной³⁹⁷. Характеризуя ее, в апреле 1927 г. заместитель начальника Штаба РККА С.А. Пугачев отмечал: «В настоящее время в УССР имеется тенденция *украинизировать все войска, дислоцированные на тер-*

³⁹³ Мартин Т. Указ. соч. С. 60–61.

³⁹⁴ РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 1665. Л. 5.

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 41 об.

³⁹⁷ Історія українського війська (1917–1995). Львів, 1996. С. 318–331.

ритории республики (выделено мной. – *Авт.*), независимо от того, из каких национальностей они комплектуются. Такая национализация носит насильственный характер и по целому ряду соображений не может быть признана полезной для дела»³⁹⁸. Неудивительно, что, когда в 1928 г. от командующего войсками Украинского военного округа И.Э. Якира поступило предложение *украинизировать* еще две дивизии (25-ю и 95-ю), выяснилось, что удельный вес украинцев в них уже составлял 82 % и 86 % соответственно, что было даже выше, чем в некоторых национальных дивизиях³⁹⁹. Кроме потенциальных политических осложнений с украинским руководством, чрезмерная *коренизация* воинских частей на Украине могла нарушить планы комплектования РККА в других регионах (УВО наряду с МВО и ПриВО являлся основным источником людских пополнений). Поэтому, следуя мнению Штаба РККА, советское руководство не пошло дальше *украинизации* шести территориальных дивизий, и то с тем условием, что «остальных, расположенных на территории УВО войск, *украинизация* не коснется ни в какой мере»⁴⁰⁰. Таким образом, стихийная национализация войск УВО сдерживалась искусственно.

Активность политических элит в союзных республиках, привлекавших к тому же на свою сторону военно-окружные реввоенсоветы, в конце 1920-х гг. уже заметно раздражала руководство Наркомвоенмора. Как отмечалось в специальном циркулярном письме наркома и председателя Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилова, разосланном 27 июня 1927 г., «революционные военные советы округов нередко возбуждают ходатайства о расширениях плана национальных формирований или же поддерживают такого рода ходатайства со стороны правительств местных республик. В качестве основных мотивов этих ходатайств приводятся заявления, что план национальных формирований не охватывает всех автономных республик, а в пределах отдельных республик захватывает только незначительную часть призывного контингента»⁴⁰¹. Мысль о хаотичности и бескон-

³⁹⁸ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 51.

³⁹⁹ Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 54. Л. 22.

⁴⁰⁰ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 53.

⁴⁰¹ Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 45–46.

трольности развития национальных формирований высказывал в это же время и Л.Д. Троцкий, хотя в целом он выступал оппонентом Ворошилову: «Плохо руководимые, а подчас и без всякого направления развивающиеся национальные формирования... не обеспеченные достаточно выдержанным и прочным партийным влиянием, способны стать очагами неблагоприятных для пролетарской революции течений»⁴⁰². Между тем значительная часть формирований из среднеазиатских, поволжских, северокавказских и сибирских народов находилась на стадии формирования и в оперативные расчеты пока не включалась.

В целом, согласно справке начальника Управления устройства и службы войск ГУ РККА А.М. Вольпе от 18 июня 1927 г. при запланированном в действовавшей на тот момент редакции плана 56 043 чел. личного состава национальных формирований налицо имелось лишь 29 489 чел., значительную долю которых составили украинские, белорусские и закавказские части⁴⁰³. Штаб РККА внес их в общие оперативные планы РККА и в мобилизационное расписание. Эти дивизии формировались по общему штату, а их личный состав проходил единый с *номерными* частями курс обучения⁴⁰⁴. Темпы же формирования национальных частей в САВО, СКВО, ПриВО отставали от запланированного графика.

Кроме того, специфические проблемы возникли при развертывании национальных кавалерийских частей, где дефицит качественных людских ресурсов усугублялся недостатком кавалерийского конского состава в связи с сокращением его поголовья⁴⁰⁵ и дороговизной содержания этого рода войск. В марте 1927 г. заместитель начальника ГУ РККА В.Н. Левичев и начальник Управления устройства и службы войск ГУ РККА А.М. Вольпе сообщали в Штаб РККА, что строительство национальных кавалерийских частей придется строго увязывать не только с пятилетней программой национального строительства, но и с трехлетним планом РВС СССР развития стратегической конницы (принят в 1925 г.).

⁴⁰² Красная армия в 1920-е годы. С. 173.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 49 об.

⁴⁰⁵ Например, только по Северо-Кавказскому краю к 1926 г. сокращение конского поголовья составило 60,2 % по сравнению с 1913 г. и 37,5 % – по сравнению с 1916 г. (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 591. Л. 206 об).

Под стратегической конницей в этот период понимались, по определению инспектора кавалерии РККА С.М. Буденного, «крупные соединения конницы, усиленные мехсоединениями и авиацией, действующие в оперативном взаимодействии с армиями фронта, самостоятельной авиацией, воздушными десантами»⁴⁰⁶. По состоянию на декабрь 1925 г. этот род войск состоял из девяти кадровых, двух территориальных кавалерийских дивизий и восьми отдельных кавалерийских бригад⁴⁰⁷. Некомплект верховых лошадей составлял на этот момент 60 %. В связи с приоритетностью плана развития стратегической конницы национальные кавалерийские формирования были обречены на отставание и укомплектование по остаточному принципу⁴⁰⁸. Программа национальных кавалерийских частей в том виде, в котором она была утверждена в 1925 г., уже в 1927 г. была признана «по своему объему невыполнимой»⁴⁰⁹.

Выводы по параграфу 2.1

Исследование показало, что курс на формирование национальных воинских частей в составе РККА в начале 1920-х гг. был вызван мощным политическим давлением с мест и в немалой степени являл собой уступку союзного центра эмансипировавшимся в период Гражданской войны национальным окраинам страны, поддерживавшим советскую власть и требовавшим наделения их действительными инструментами национальной государственности, каковыми стали политика *коренизации* и программа национальных воинских формирований. С другой стороны, строительство национальных воинских частей отвечало и идеологическим интересам советского правительства, поскольку национальные части были органично вплетены в концепт мировой революции, в осуществлении которой им отводилась роль застрельщиков, передового отряда на случай развертывания революционной экспансии за пределы Советского Союза. На внутренней арене национальным формированиям отводилась роль культуртрегерского института и двигателя социалистического строительства у «отсталых» народов. Внешнеполи-

⁴⁰⁶ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1568.

⁴⁰⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 178. Л. 86.

⁴⁰⁸ Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 42.

⁴⁰⁹ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 63–64.

тическая и внутривнутриполитическая функции национальных формирований в политике руководства СССР в 1920-х гг. не противоречили друг другу, а напротив, составляли синкретическое функциональное единство.

Исследование показало, что, несмотря на важное идеологическое и политическое значение, которое придавалось нацформированиям, в структуре центрального аппарата РККА так и не сложилось специального органа для руководства и координации их строительством, хотя попытки к этому предпринимались. Это обстоятельство можно считать одним из ключевых факторов, помешавших последовательной институционализации национальных формирований и сделавших их уязвимыми перед конъюнктурными реорганизациями и импровизациями. Примером тому служат *концентрации* – явление хотя и легальное, но не контролируемое, инициативное, приведшее к повсеместному внеплановому возникновению суррогатных национальных формирований.

Установлено, что в связи с различным культурным уровнем советских этносов и традициями военной службы темпы и качество формирования и боевой подготовки национальных формирований существенно отличались: части, укомплектованные славянами и представителями закавказских, поволжских народов, уже во второй половине 1920-х гг. по уровню боевой подготовки встали вровень с прочими *номерными* частями и были включены в мобилизационный план, в то время как части, комплектовавшиеся представителями народов Северного Кавказа, Казахстана и Средней Азии, требовали еще значительной работы. Главными причинами задержек являлись нехватка национальных командно-начальствующих кадров, а также материальные сложности. Уже в конце 1920-х гг. программа нацформирований требовала балансировки и уточнения.

2.2. Развитие национальных формирований в условиях наращивания военной мощи СССР (конец 1920-х – 1930-е гг.)

30 апреля 1927 г. были подведены первые итоги развития национального сегмента РККА. В докладе заместителя начальника Штаба РККА С.А. Пугачева в РВС СССР «О национальном строительстве РККА» отмечалось, что собственны-

ми национальными формированиями к этому времени располагали семь союзных и семь автономных республик РСФСР, а также все автономные области РСФСР Северного Кавказа. Кроме того, полностью был сформирован Карельский кадровый егерский батальон. Наряду с этим *концентрацией* были охвачены большинство народов, для которых не создавалось отдельных национальных частей или соединений. Окончательно сформированными считались девять стрелковых дивизий: четыре украинские, белорусская, две грузинские и в основном армянская и азербайджанская. В докладе подчеркивалось, что эти воинские формирования построены «на общих для РККА основаниях», имели одинаковую с обычными соединениями организацию, проходили общую программу обучения, в связи с чем С.А. Пугачев делал вывод, что такие дивизии «можно считать по своей боеспособности равноценными *номерным* дивизиям Красной армии»⁴¹⁰. Эти национальные формирования учитывались в оперативных расчетах Штаба РККА наравне с прочими соединениями РККА⁴¹¹.

В то же время, говорилось в докладе, «некоторые национальности, до сего времени не привлекавшийся [к военной службе], не могут быть призваны и сейчас» и «далеко еще не все существующие национальные части достаточно окрепли и в этих условиях не могут являться прочными кадрами для дальнейшего развертывания»⁴¹². Причиной этого следует считать: дороговизну содержания воинских частей, нехватку казарменного фонда на окраинах страны, слабую постановку военно-учетной работы на местах, неразвитость местных органов военного управления и, особенно, нехватку национального командного состава, первые выпуски которого из военных школ пришлось только на 1928 г.

В докладе С.А. Пугачева были сделаны предположения о возможном оперативном использовании национальных формирований. Если оставить за рамками украинские и белорусские формирования, которые были организованы по единым штатам со всеми частями РККА, проходили единую программу боевой подготов-

⁴¹⁰ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 65.

⁴¹¹ Там же.

⁴¹² РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 9.

ки, то национальные части, формировавшиеся на Кавказе и в восточных регионах страны, имели «особое значение для наших восточных театров, где условия климата и горной местности диктуют формирование войск из местных контингентов, более приспособленных для службы на этих театрах...». Они рассматривались как «костяк для стратегического развертывания на этих театрах», при сохранении возможности использования их на любом другом театре «в качестве составной части РККА». Прозвучала мысль, которая уже неоднократно высказывалась военными специалистами: «Учитывая необходимость использования национальных войск в специфических условиях местности, признается целесообразным придать им организацию, которая бы отвечала требованиям подвижности, легкости, приспособленности к действиям в горах»⁴¹³.

Кадровые и материальные проблемы стали причиной коррекции пятилетней программы нацформирований в 1927 г. 5 мая обновленная программа была одобрена Политбюро ЦК ВКП(б), а 11 мая утверждена РВС СССР⁴¹⁴. Фактически речь можно вести о принятии нового плана национальных формирований, поскольку отныне начало реализации скорректированной программы отсчитывалось с 1927 г., а окончание ее реализации было намечено на 1933 г.

Основные положения программы состояли в необходимости увязки плана нацформирований с планом подготовки национального комполитсостава, обеспечения реальной боеспособности национальных частей, установления правильного соответствия между штатами нацформирований, величиной национального региона и численностью его населения, а также утверждения единого командного языка (русского) во всей Красной армии⁴¹⁵. Новая программа составлялась «в общем соответствии с общим планом военного строительства СССР, с экономическими ресурсами Военвезда, с действительными возможностями отдельных национальных республик и областей»⁴¹⁶.

Политическая значимость национальных формирований по-прежнему объ-

⁴¹³ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 66.

⁴¹⁴ Там же. С. 474. Прим. 8.

⁴¹⁵ Красная армия в 1920-е годы... С. 168.

⁴¹⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 162.

являлась приоритетной: само их существование, утверждалось в обновленной программе, «служит логическим завершением национальной политики (выделено мной. – Авт.) Советского Союза»⁴¹⁷. Как отмечал в 1927 г. журнал «Война и революция», несмотря на все трудности, «принципиальная необходимость национальных формирований вообще» несомненна, поскольку является политической задачей, «особенно в сравнении с периодом Российской империи, когда военное министерство так и не смогло всерьез подступиться к вопросу о призыве на окраинах империи»⁴¹⁸.

Обновленная программа фиксировала и новую политическую расстановку сил между центром и национальными политическими элитами. В подписанном 27 июня 1927 г. наркомом К.Е. Ворошиловым циркуляре РВС СССР об окончательном утверждении плана национальных формирований отмечалось, что охватить все республики «нет ни возможности, ни необходимости». Он категорически требовал придерживаться утвержденного плана нацформирований: «отказаться от новых его исправлений и изменений и в соответствии с этим прекратить ходатайства такого характера и содержания»⁴¹⁹. Таким образом, если еще несколько лет национальные регионы без особых усилий добивались решений союзных властей о «своих» нацформированиях, то в 1927 г. на все возможные просьбы был дан категорический отказ. Как показал анализ документов, принятый план выдерживался в части сворачивания переговоров военного ведомства с национальными партийными и государственными элитами по поводу новых воинских формирований. Однако создание новых частей не прекратилось и продолжилось в рамках *концентраций* – внепланового сосредоточения красноармейцев-«националов» в рамках одного подразделения в *номерных* соединениях.

В июле 1927 г. по распоряжению наркомвоенмора К.Е. Ворошилова обновленный план нацформирований был разослан в военные округа. Он предусматривал три этапа: 1927–1929, 1929–1931 и 1931–1933 гг. Как следует из *таблицы 1*,

⁴¹⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 313. Л. 31.

⁴¹⁸ Сиднев [А.Ф.]. Призыв национальностей... С. 80–83.

⁴¹⁹ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 94–95.

для украинских, белорусских и закавказских частей уже не предусматривалось значительных организационных изменений. Для всех прочих, напротив, планировалось завершить формирование соединений. Наиболее сложная часть организационных мероприятий (формирование штабов, развертывание существующих частей и формирование новых) предусматривалось на последнем этапе – 1931–1933 гг. Из плана была исключена якутская часть, но зато были включены татарские и башкирские, уже фактически сформированные в рамках *концентраций*. Среднеазиатские формирования должны были объединиться в бригады смешанного состава. Численность закавказских и северокавказских формирований оставалась неизменной, но в отношении последних срок окончания формирования откладывался по сравнению с прежней программой на три года – до 1932–1933 гг., когда Северо-Кавказская кавалерийская школа горских национальностей смогла бы выпустить необходимое количество командиров из числа представителей горских народов⁴²⁰. Обсуждаемая перестройка нацформирований по типу горных войск на этот раз была воплощена лишь частично, однако на деле все национальные части и соединения ККА и САВО, вне зависимости от организации, активно занимались горной подготовкой как одной из приоритетных направлений боевой подготовки.

Общая численность национальных формирований по обновленному плану составила 45 210 чел., или 8 % от общей штатной численности Красной армии⁴²¹. Таким образом, целевая установка сократилась на 2 % по сравнению с первым пятилетним планом, утвержденным в начале 1925 г. Доля вновь формируемых частей (из среднеазиатских, северокавказских, поволжских, забайкальских народов) составляла теперь всего 12 280 против 27 462 по плану 1925 г. (*таблица 1*).

На рубеж 1920–1930-х гг. пришелся численный и качественный рост национальных формирований РККА. В 1931 г. в статистическом сборнике ГУ РККА «Социально-демографический состав РККА», подготовленном Отделом статистики ГУ РККА, отмечалось, что «качественный состав и степень боевой подготовки

⁴²⁰ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 10.

⁴²¹ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 69.

нацчастей можно считать значительно укрепившимися, сравнительно с прежними годами»⁴²².

Таблица 1. Организация и штатная численность нацформирований по планам 1925 и 1927 гг.⁴²³

Наименование союзной (автономной) республики	Организация и штатная численность нацформирований по состоянию на 1927 г. (по плану 1925 г.), чел.	Организация и штатная численность нацформирований (по плану 1927 г.), чел.
Украинская ССР	4 территориальные стрелковые дивизии – всего 8600	6 территориальных стрелковых дивизий – всего 12 900
Белорусская ССР	Смешанная стрелковая дивизия – 3505	Смешанная стрелковая дивизия – 3505; территориальная стрелковая дивизия – 2150
Грузинская ССР	Кадровая стрелковая дивизия – 5017; территориальная стрелковая дивизия – 1957	Кадровая горная стрелковая дивизия – 5017; территориальная горная стрелковая дивизия – 1957
Армянская ССР	Смешанная стрелковая дивизия – 3761	Смешанная горная стрелковая дивизия – 3761
Азербайджанская ССР	Смешанная стрелковая дивизия – 2858	Смешанная горная стрелковая дивизия – 2858
Узбекская ССР с Таджикской АССР и Киргизской АССР	Узбекский стрелковый батальон – 701; таджикский стрелковый батальон – 350; узбекская отдельная стрелковая рота – 139; отдельная вьючно-горная батарея – 128; узбекский кавалерийский полк – 743; киргизский кавалерийский эскадрон – 168; киргизская школа младшего комсостава кавалерии – 94	Отдельная кадровая горная бригада – 3000; отдельная кадровая кавалерийская бригада – 2500
Туркменская ССР	Кавалерийский полк – 490	Отдельная кадровая кавалерийская бригада – 2500
Казакская АССР	Школа младшего комсостава – 111	Кадровый кавалерийский полк – 609
Карельская АССР	Егерский батальон – 728	Егерский батальон – 728
Горские национальности Северного Кавказа	Дагестанский кавалерийский эскадрон – 275; шесть отдельных кавалерийских взводов – 243	Территориальная кавалерийская дивизия – 2241
Бурят-Монгольская АССР	Отдельный кавалерийский эскадрон и школа подготовки младшего командного состава – 262	Отдельный кавалерийский дивизион – 300
Якутская АССР	Школа младшего комсостава – 87	–
Татарская АССР	–	Один стрелковый полк – 522; один кавалерийский эскадрон – 43 (из состава одной из дивизий ПриВО)
Башкирская АССР	–	Один стрелковый полк – 522; один кавалерийский эскадрон – 43 (из состава одной из дивизий ПриВО)

Национальные части характеризовались достаточно высокой выучкой командного состава, насыщенностью партийно-комсомольскими кадрами. По мнению старшего инспектора ПУ РККА Шапошникова, подготовившего в 1928 г. до-

⁴²² РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 91–91 об.

⁴²³ Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 568. Л. 5–5 об.

клад о развитии нацформирований, последние уже «заняли видное место в РККА и заметно влияют на степень ее общей боеспособности»⁴²⁴. В отчетном докладе наркомвоенмора в Политбюро ЦК ВКП(б) в июне 1929 г. сообщалось, что «в отношении боевой подготовки армянские, азербайджанские, грузинские, украинские и белорусские части мало чем отличаются от номерных частей Красной армии»⁴²⁵. И хотя отмечалось, что «про остальные этого сказать пока нельзя», другие национальные части, прежде всего, среднеазиатские, также подтягивали уровень боевой подготовки. Так, в декабре 1928 г. в резолюции Казакского (Казахского) ЦИКа отмечалось, что «темп и линия в национальном военном строительстве, которые в последние три-четыре года проводились на основе большой подготовительной работы, по строго рассчитанным и последовательно продуманным планам, в точном соответствии с экономическим и культурным ростом КАССР... являются единственно правильными и создали реальную осуществимость национальных формирований»⁴²⁶.

По-прежнему признавалось важное политическое значение национального сегмента РККА: «Национальные формирования Красной армии являются практическим осуществлением ленинских принципов национальной политики партии в строительстве Вооруженных Сил Советского Союза», – подчеркивалось в методическом материале для агитаторов и пропагандистов в журнале «Военный вестник» в августе 1930 г.⁴²⁷

На рубеже 1920–1930-х гг. ряд национальных частей получил боевое крещение, будучи использованным во внутренних и внешних вооруженных конфликтах. Так, Отдельный кавалерийский полк горских национальностей Северного Кавказа совместно с курсантами Кавалерийской школы горских национальностей участвовал в многочисленных операциях по разоружению горского населения и в борьбе с повстанчеством в горах Северного Кавказа. Бурят-Монгольский

⁴²⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 568Л. 161 об.

⁴²⁵ Красная армия в 1920-е годы. С. 178.

⁴²⁶ Цит. по: *Катуков В.* Указ. соч. С. 12–13.

⁴²⁷ XVI съезд партии о борьбе с уклонами в национальном вопросе // *Военный вестник.* 1930. 25 августа. С. 60.

кавалерийский дивизион в 1929 г. хорошо зарекомендовал себя в боях во время советско-китайского вооруженного конфликта на КВЖД⁴²⁸. В 1932 г. этот же дивизион рассматривался руководством страны в качестве передовой советской воинской части для ввода на территорию Монголии в связи с крупным антисоветским восстанием, разгоревшимся в мае 1932 г., однако в этот раз политического решения о военном вмешательстве принято не было⁴²⁹.

К началу 1930 г. перечень национальных частей и соединений выглядел следующим образом:

- Ленинградский военный округ: Отдельный карельский егерский батальон;
- Белорусский военный округ: 2-я и 33-я белорусские стрелковые дивизии;
- Украинский военный округ: 45, 96, 99, 100-я украинские стрелковые дивизии;
- Северо-Кавказский военный округ: Национальный кавалерийский полк горских национальностей Северного Кавказа;
- Краснознаменная Кавказская армия: 1-я и 2-я грузинские, Армянская, Азербайджанская стрелковые дивизии;
- Среднеазиатский военный округ: Отдельная (Сводная) узбекская бригада, Отдельная туркменская кавалерийская бригада, Отдельный таджикский горнострелковый батальон, Отдельный киргизский кавалерийский дивизион; Отдельный казакский (казахский) дивизион;
- Приволжский военный округ: 100-й татаро-башкирский стрелковый полк, кавэскадрон 34-й стрелковой дивизии, Татаро-Башкирский полк, Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион;
- Казакский (Казахский) край: Отдельный казакский кавалерийский эскадрон⁴³⁰.

⁴²⁸ *Гуружатов А.Х.* Партийное руководство формированием национальных частей Красной армии и оборонно-массовой работой в Советской Бурятии (1923 – июнь 1941 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. С. 11.

⁴²⁹ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 174.

⁴³⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 87. В изданном в 1931 г. статистическом сборнике «Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии (социально-демографическая)» изменения в перечне национальных формирований были минимальными. Они коснулись в ос-

По данным отдела статистики ГУ РККА на 1 января 1930 г. в национальных частях числилось 2826 лиц комначсостава, 6725 младших командиров и начальников и 25 388 рядовых красноармейцев, а всего – 34 939 чел.⁴³¹ Известно, что в это время списочная численность РККА составляла 628 472 чел.⁴³² Таким образом, списочная численность национальных частей составляла лишь 5,6 % вместо заявленных во второй пятилетней программе 8 %.

Несмотря на определенные успехи в реализации программы нацформирования, на рубеже 1920–1930-х гг. наметилось принципиальное отставание программы от перспективного плана развития РККА, и более того – ее реализация в силу своей затратности мешала развитию других родов войск. Уже в марте 1927 г. Главное управление РККА высказывало мнение о том, что осуществление программы национальных формирований требует увеличения бюджетной нормы РККА, либо перераспределения средств за счет других родов войск, в том числе технических – авиации, артиллерии, бронетанковых частей⁴³³. На технические рода войск в развитии РККА делался главный упор. В 1929 г. постановлением ЦК ВКП(б) от 15 июля «О состоянии обороны СССР», был намечен пятилетний курс развития Красной армии, направленный на ее «качественное усиление» вместо «количественного расширения». Особый акцент делался на планируемое многократное наращивание и усовершенствование военной техники и вооружений и развитие технических родов войск⁴³⁴. На этом фоне, как отмечалось в подготовленном в середине 1929 г. для Политбюро ЦК ВКП(б) отчетном докладе РВС СССР за период с мая 1927 по июнь 1929 гг., «нацформирования на данном этапе вступили в противоречие с *технизацией* армии», поскольку необходимого числа подготовленных в техническом отношении кадров воспитать пока не удавалось⁴³⁵. В докладе отмечалось, что в рамках существующего лимита численности

новном татарских и башкирских частей, которые всегда отличались неоднородностью национального состава (РГВА. Ф. 54. Оп. 4. Д. 73. Л. 77–78).

⁴³¹ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 14. Л. 155–175.

⁴³² Там же. Л. 11.

⁴³³ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 43.

⁴³⁴ Красная армия в 1920-е годы. С. 228, 234, 236.

⁴³⁵ Там же. С. 177.

Красной армии без сокращения других войск завершить плановое строительство национальных частей не удастся. Поэтому РВС СССР фактически предлагал остановиться на достигнутой к середине 1929 г. численности национальных частей (34 054 чел.), настаивая на том, что «дальнейшее развертывание плана нацформирований в данный момент ни в какой мере нельзя форсировать»⁴³⁶.

Таким образом, уже на рубеже 1920–1930-х гг. национальные формирования постепенно утрачивают перспективу занять важное место в структуре РККА и начинают восприниматься обузой. Однако они еще не в полной мере утратили своего политического значения. К тому же они были незаменимы в качестве института, позволявшего обучить военной специальности массы военнообязанных нерусской национальности, что было важно с точки зрения накопления военно-обученного запаса.

Именно этим обстоятельством соискатель объясняет не только продолжение развития нацформирований по пятилетней программе, но и продолжение практики *концентраций*, само существование которой подчеркивало несовершенство и несбалансированность системы национального строительства в РККА. *Концентрации* продолжались, даже несмотря на требования наркома по военным и морским делам придерживаться утвержденного в 1927 г. обновленного плана строительства нацформирований. К *концентрациям* прибегали вынужденно, в связи с языковым барьером у новобранцев из национальных регионов, поэтому серьезной борьбы с ними не велось. Более того, тщательное изучение источников позволяет утверждать, что благодаря тому, что с 1928 г. обязательный призыв, хотя и в ограниченном масштабе, был распространен на все народы СССР, с рубежа 1920–1930-х гг. практика *концентраций* получила новый толчок. Поток нерусских новобранцев в армию существенно возрос. Штаты национальных частей уже не удовлетворяли масштабам этого потока. Например, в СКВО в 1932 г. по результатам призыва молодежи 1910 года рождения в единственную в округе национальную часть – кавполк горских национальностей Северного Кавказа было зачислено 309 представителей горских национальностей Северного Кавказа и еще 155 – в

⁴³⁶ Красная армия в 1920-е годы. С. 178.

национальную кавшкору. В то же время еще 638 горцев отправились служить в самые различные части округа – как в мелких национальных подразделениях, так и в обычных *номерных* частях. В отчете ПУ СКВО о призыве 1932 г. отмечалось как «обыкновенная» практика, что «обрусевшие горцы, жители городов и русских районов, которые хорошо знают русский язык, привыкли к условиям быта русских населенных пунктов... направлялись в части военкоматами наравне с прочими призывниками»⁴³⁷.

Следовательно, в начале 1930-х гг. комплектование частей РККА новобранцами нерусской национальности, чей приток в войска возрос, проходило по трем направлениям:

- национальные части;
- смешанное комплектование без учета национальности;
- не отдельные национальные подразделения, созданные в порядке *концентраций*.

По состоянию на 1930 г. в составе РККА, только по неполным данным⁴³⁸, в составе «обычных» войсковых частей имелось: 3 роты и 1 взвод удмуртов; 1 полк⁴³⁹, 1 эскадрон и 1 рота немцев; 1 взвод белорусов; 1 рота украинцев; 1 полк⁴⁴⁰, 1 батальон, 1 эскадрон, 14 рот татар; 7 эскадронов башкир; 3 роты и 1 батарея чувашей; 1 эскадрон казахов; 1 эскадрон горцев Северного Кавказа⁴⁴¹; 1 рота поляков⁴⁴². Таким образом, в порядке *концентраций* на тот момент было укомплектовано национальным контингентом как минимум 2 стрелковых полка, 1 батальон, 20 рот, 11 эскадронов, 1 батарея. Установить списочную численность этих частей и подразделений не представляется возможным, поскольку неизвестно, какие из них относились к кадровым частям, а какие – к территориальным, какие имели сокращенный состав, а какие – нормальный или усиленный. Однако, так или иначе, *концентрации* продолжали занимать заметное место в структуре

⁴³⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 90. Л. 18.

⁴³⁸ Данные по ЛВО, ОДКВА, ККА не обнаружены.

⁴³⁹ 96-й стрелковый полк 32-й стрелковой дивизии ПриВО.

⁴⁴⁰ 1-й стрелковый полк 1-й стрелковой дивизии ПриВО.

⁴⁴¹ В 26-м кавалерийском полку СКВО.

⁴⁴² РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 90.

национального сегмента РККА. Обращает на себя внимание наличие целых полков (татарского и немецкого), укомплектованных по национальному принципу, но официально не имевших национального статуса. Являясь изначально побочным, внеплановым, вынужденным мероприятием, *концентрации* не давали такого права. Однако в изданном в 1931 г. статистическом сборнике ГУ РККА «Характеристика личного состава РККА» это обстоятельство названо «упущением» и указанные формирования предлагалось «перевести на права настоящих нацчастей» с организацией политработы в таких формированиях на национальных языках⁴⁴³.

Исследованием установлено, что фактически такой перевод состоялся в течение последующих нескольких лет. Так, в действовавшем в 1933 г. мобилизационном расписании МР-15 предусматривалось развертывание значительного числа национальных подразделений, частей и соединений: стрелковых дивизий – 3, кавалерийских полков – 11, егерских бригад – 2, стрелковых полков – 3, запасных стрелковых полков – 3, отдельных и не отдельных стрелковых батальонов – 7, запасных стрелковых батальонов, эскадронов – 15, стрелковых рот – 10, национальных военных школ – 6⁴⁴⁴. Среди них появилось немало национальных частей, не предусмотренных ранее программами 1925 и 1927 гг., а сформированных в порядке *концентраций*. В пояснительной записке к введенному в 1934 г. мобилизационному расписанию МП-6 *национальными* воинские формирования теперь именовались не только по *формальному статусу*, но и «*по фактической насыщенности*» представителями того или иного этноса. По состоянию на июль 1934 г. национальные части и военно-учебные заведения представляли собой следующую картину:

– Украинский военный округ: украинскими «*по фактической насыщенности*» украинцами являлись 7, 23, 25, 75, 58-я стрелковые дивизии, школа Червонных старшин, Полтавские военно-политические курсы (украинское отделение на 300 чел.); один молдавский батальон 482-го стрелкового полка 161-й стрелковой дивизии; две немецкие батареи 47-го артиллерийского полка; три еврейские роты

⁴⁴³ РГВА. Ф. 37837 Оп. 11. Д. 2. Л. 91.

⁴⁴⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 33. Д. 77. Л. 72–75.

в 45-м и 141-м стрелковых полках; один татарский батальон в 9-м стрелковом полку; одна греческая рота в 238-м стрелковом полку;

– Северо-Кавказский военный округ: Отдельный кавалерийский полк горских национальностей Северного Кавказа; один батальон адыго-черкесов в 222-м стрелковом полку; один эскадрон черкесов в 78-м кавалерийском полку; одна рота чеченцев и ингушей в 82-м стрелковом полку; одна рота кумыков в 83-м стрелковом полку; одна рота осетин в 84-м стрелковом полку; одна рота аварцев в 85-м стрелковом полку; один эскадрон кабардинцев в 77-м кавалерийском полку;

– Краснознаменная Кавказская армия: Армянская, Азербайджанская, 1-я и 2-я грузинские стрелковые дивизии, Грузинский и Армянский кавалерийские полки. Для их питания людскими ресурсами при мобилизации развертывались запасный грузинский полк, запасный армянский батальон, Закавказские пехотные и военно-политические курсы;

– Среднеазиатский военный округ: 4-я туркменская горная кавалерийская дивизия с Таджикским полком и 6-я узбекская горная кавалерийская дивизия с Киргизским полком и в 15-м горнострелковом полку – таджикская, а в 1-м стрелковом полку – туркменская роты. 13-й запасный кавалерийский полк был развернут для питания узбекских, туркменских и таджикских частей, а в 14-м запасном кавалерийском полку сформировано по одному казахскому и киргизскому эскадрону;

– Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия: Отдельный национальный бурят-монгольский полк и до 3 тыс. бурят-монголов в 1-й колхозной дивизии; Немецкий батальон в 77-м стрелковом полку и Карельский в 76-м стрелковом полку 26-й стрелковой дивизии;

– Приволжский военный округ: 1-й татарский стрелковый полк и Отдельный татарский эскадрон 1-й стрелковой дивизии; 157-й Энгельсский немецкий стрелковый полк; 4-й отдельный стрелковый башкирский полк. С объявлением мобилизации в округе разворачивался 16-й запасный стрелковый полк для питания татарских частей;

– Ленинградский военный округ: 1-я карельская егерская бригада⁴⁴⁵.

Последним случаем национализации целого соединения «*по фактической насыщенности*» следует признать в сентябре 1935 г. переименование 7-й туркестанской горнокавалерийской дивизии, имевшей в своем составе 72 % таджиков, в 7-ю таджикскую горнокавалерийскую дивизию. Переименование произошло с личной санкции И.В. Сталина по ходатайству ЦК КП(б) Таджикистана⁴⁴⁶.

Анализ показывает, что к середине 1930-х гг. состав национальных формирований вышел далеко за рамки перечней, утвержденных в двух пятилетних программах (1925 и 1927 гг.). Об углублении протекавшей бесконтрольно эволюции национальных формирований свидетельствует установленный диссертантом факт того, что в первой половине 1930-х гг. в целом ряде национальных соединений появились национальные подразделения как бы второго порядка, состоявшие из нетитульных для данного соединения национальностей, например курдские роты – в Армянской стрелковой дивизии, талышские – в Азербайджанской, осетинские, тюркские (азербайджанские), абхазские, русские роты, батареи, взводы – в 1-й и 2-й грузинских стрелковых дивизиях. Встречались даже смешанные тюркско-армянские роты⁴⁴⁷. Нередки были случаи, когда соединения с этническим наименованием (например, 4-я туркменская горно-кавалерийская дивизия, Отдельная карельская егерская бригада) на деле имели смешанный национальный (нерусский) состав. В то же время части, имевшие топонимические или цифровые наименования (1-я Казанская стрелковая дивизия, 4-й отдельный территориальный стрелковый полк), были почти полностью укомплектованы лицами одной национальности⁴⁴⁸.

Все это было следствием того, что дело строительства национальных частей фактически было пущено на самотек, передано в руки окружного командования, которое национализировало войска, согласуясь с текущими условиями комплектованиями и политическими интересами местных национальных элит.

⁴⁴⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 19. Л. 41–42.

⁴⁴⁶ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 139.

⁴⁴⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 43. Л. 8, 13.

⁴⁴⁸ Там же. Д. 19. Л. 41–42.

Многие новые формирования создавались по решению окружных командований. Поэтому центральные органы военного управления уже не владели в полной мере информацией о численности и составе национальных частей. В связи с этим потребовались меры по их упорядочению и оптимизации. Летом 1934 г. 2-е управление ГУ РККА затребовало у округов представить до 15 сентября 1934 г. сведения о наличных национальных частях. Из полученных к началу осени сведений оказалось, что не все национальные формирования были учтены в мобрасписании МП-6. Национальным военным строительством к этому моменту было охвачено уже без малого *37 народов СССР*⁴⁴⁹, а список национальных формирований численностью от взвода до дивизии далеко перевалил за сотню. При этом численность не отдельных формирований (от взвода до полка), созданных путем *концентраций* вне программы национальных воинских формирований, достигло 105 единиц⁴⁵⁰.

По итогам анализа затребованных у округов сведений о национальных частях, в 1934 г. Политуправлением РККА был составлен сводный перечень таковых. Перечень был разослан в заинтересованные управления РККА для заключения «о необходимости содержания всех перечисленных частей и подразделений РККА»⁴⁵¹. Окончательный список после всех согласований утвердил лично нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов⁴⁵². Особенности нового перечня национальных формирований отражали серьезные перемены в их номенклатуре и структуре. Во-первых, продолжился процесс укрупнения национальных формирований. В частности, в дивизии были сведены татарские стрелковые и закавказские горнокавалерийские части. Во-вторых, в 1934 г. статус национальных утратили славянские соединения, укомплектованные украинцами и белорусами. Процесс искус-

⁴⁴⁹ Диссертантом установлены следующие этносы, располагавшие национальными формированиями: карелы, татары, удмурты, украинцы, немцы, осетины, белорусы, евреи, калмыки, казаки (казахи), башкиры, аварцы, кумыки, лезгины, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, черкесы, адыгейцы, армяне, узбеки, туркмены, таджики, киргизы, тюрки (азербайджанцы), армяне, грузины, тальши, курды, абхазы, якуты, буряты, корейцы, монголы (РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 139–146).

⁴⁵⁰ Подсчитано автором по: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 139–146.

⁴⁵¹ Там же. Л. 77.

⁴⁵² Там же.

ственного сдерживания украинизации, проявившийся еще в конце 1920-х гг., в начале 1930-х гг. перешел в фактическую денационализацию украинских частей, путем лишения их национального статуса. Например, уже в начале 1931 г. в годовом статистическом отчете ГУ РККА по Украинскому военному округу не было показано ни одного украинского соединения, хотя фактически 10 из 14 стрелковых дивизий округа были укомплектованы украинцами более чем на 70 %⁴⁵³. В мобилизационном расписании МР-15, действовавшем в 1933 г., в специальном разделе «Справка о национальных частях РККА, развертывающихся по мобилизации»⁴⁵⁴, представлявшей собой исчерпывающий перечень национальных частей РККА, существовавших на тот момент, украинские и белорусские части вообще не упомянуты. Разъяснение этого казуса содержится в обобщающей справке ПУ РККА по национальному составу РККА от 7 июля 1934 г. Здесь, после перечисления частей УВО, была сделана карандашная ремарка: «Украинские части, также как и белорусские, поскольку в них работа ведется на государственном языке (т.е. на русском. – *Авт.*), как национальные не должны выделяться» (выделено мной. – *Авт.*)⁴⁵⁵. Так, совершенно «бесшумно» украинские и белорусские национальные формирования были упразднены. Будучи изначально очень близкими по боевым качествам к обычным *номерным* частям, в конечном итоге они слились с ними в единое целое. С другой стороны, в эти годы политика *коренизації* на Украине и в Белоруссии в связи с массовым голодом и ростом социальных протестов в этих республиках была свернута. Отмечалось нарастающее напряжение в красноармейской среде в частях Украинского военного округа⁴⁵⁶. «Исчезновение» украинских и белорусских национальных соединений отражало политическую ситуацию значительного ослабления позиций республиканских элит, уже не способных, как в 1920-х гг., твердо отстаивать свои интересы.

В течение 1930-х гг. украинские и белорусские соединения, формально упраздненные и уже не проходившие по линии учета нацформирований, тем не

⁴⁵³ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 77–98.

⁴⁵⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 77. Л. 72–74.

⁴⁵⁵ Там же. Д. 19. Л. 44.

⁴⁵⁶ «Українізація» 1920 – 30-х років: Передумови, здобутки, уроки. К., 2003. С. 163.

менее продолжали существовать «*по фактической насыщенности*», т.е. оставались укомплектованными преимущественно местным этническим элементом. Об этом свидетельствует тот факт, что в начале марта 1938 г., когда было принято решение о переформировании национальных соединений в т.н. «общесоюзные» с экстерриториальным комплектованием, дивизии, дислоцированные на Украине (7, 15, 58, 100-я) и в Белоруссии (33-я), также готовились к перераспределению личного состава, хотя уже носили статус *номерных*, а не национальных. В них насчитывалось от 51,7 до 75,6 % военнослужащих украинской или белорусской национальности⁴⁵⁷. Здесь можно говорить о процессе денационализации, обратном тому, что был описан выше, когда сформированные в порядке *концентрации* части признавались сначала национальными «*по фактической насыщенности*», а затем получали формальный статус национальных.

В целом в середине 1930-х гг. национальные формирования продолжали оставаться объектом приоритетного внимания органов военного управления. В Политуправлении РККА считалось, что «успех достигнут» и следует «полностью сохранить и в дальнейшем укреплять» нацформирования⁴⁵⁸. По итогам учений национальные части оценивались удовлетворительно. Например, о среднеазиатских частях на заседании Военного совета при народном комиссаре обороны СССР в октябре 1936 г. говорилось: «Национальные кавдивизии подготовлены неплохо, хорошо маневрируют, лошади отлично втянуты, войска научены вести пеший и конный бой»⁴⁵⁹. Об успехах национальных формирований в 1930-х гг. свидетельствует и то, что целый ряд их был награжден орденами и получил право носить имена вождей Советского государства и Красной армии. Например, Армянская стрелковая дивизия в 1935 г. получила имя наркома обороны маршала СССР К.Е. Ворошилова, а в 1936 г. была награждена орденом Красного Знамени. 1-й и 2-й грузинским стрелковым дивизиям были присвоены имена И.В. Сталина и М.В. Фрунзе соответственно. Азербайджанская стрелковая дивизия в 1930 г.

⁴⁵⁷ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 37.

⁴⁵⁸ Там же. Ф. 9. Оп. 33. Д. 19. Л. 44.

⁴⁵⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 131.

получила имя Серго Орджоникидзе, а в 1935 г. была награждена орденом Красного Знамени. 7-я таджикская горнокавалерийская дивизия в 1931 г. была награждена орденом Красного Знамени, а в 1935 г. – орденом Ленина. 6-я узбекская горнокавалерийская дивизия в 1936 г. также была награждена орденом Ленина.

С середины 1930-х гг. командно-начальствующий и рядовой состав национальных соединений ЗакВО и САВО, большинство которых переводились на штаты горнострелковых и горнокавалерийских дивизий, принимали самое активное участие в горных и альпинистских походах, осваивали специализированную горную подготовку. В сентябре–октябре 1935 г., завершая учебный год, все национальные соединения ЗакВО совершили многодневные горные походы. О сложности организации и осуществления таких походов могут свидетельствовать такие факты: во время марша, совершенного с 1 по 12 октября 1935 г. частями Азербайджанской стрелковой дивизии по маршруту с Худат–Баку (всего 420 км), крутизна маршрута на перевале Мичиха (2675 м) доходила до 35–40 градусов; а только одну из горных рек пришлось преодолевать свыше 60 раз. Тогда же, в октябре 1935 г. сводный батальон 2-й грузинской стрелковой им. М.В. Фрунзе дивизии совершил восхождение на гору Казбек. В батальоне намеренно было сведено три обычных штатных стрелковых роты «с целью проверить выносливость, втянутость и готовность частей дивизии к трудным походам и действиям в высокогорных районах»⁴⁶⁰. Непосредственное восхождение на вершину (с высоты 4000 до высоты 5034 м) сопровождалось большими трудностями: крутизна скатов доходила до 50–60 градусов, происходили камнепады⁴⁶¹.

Можно утверждать, что во второй половине 1930-х гг., после упразднения украинских и белорусских стрелковых дивизий, определилась *специализация оставшихся национальных соединений как горных*. 21 мая 1936 г. в целях упорядочения нумерации стрелковых и кавалерийских дивизий приказом наркома обороны № 072 всем национальным соединениям была присвоена новая нумерация:

⁴⁶⁰ РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 2084. Л. 164.

⁴⁶¹ Там же. Л. 165.

Армянской горнострелковой – № 76, 1-й грузинской стрелковой – № 47⁴⁶², 2-й грузинской стрелковой – № 63⁴⁶³, Азербайджанской горнострелковой – № 77, 4-й туркменской горнокавалерийской дивизии – № 18, 6-й узбекской горнокавалерийской – № 19, 7-й таджикской горнокавалерийской – № 20. Также сквозную нумерацию получали не отдельные национальные кавалерийские полки в ЗакВО и САВО (всего – 9 полков)⁴⁶⁴.

По состоянию на начало 1938 г. в РККА числилось: 4 горнострелковых дивизии (две грузинские, азербайджанская, армянская), 3 горнокавалерийских дивизии (узбекская, туркменская, таджикская), 2 отдельные кавалерийские бригады (горских национальностей Северного Кавказа и бурят-монгольская) и 5 кавалерийских не отдельных полков в составе других соединений (грузинский, армянский, казахский, хорезмский, киргизский). В Закавказье до 1938 г. национальные грузинские, армянские и азербайджанские дивизии, а также соединения, не имевшие статуса национальных, но укомплектованные в значительной степени местными национальностями (17-я кавалерийская, 20, 47, 63, 76 и 77-я горнострелковые), составляли ядро войск Закавказского военного округа. То же можно сказать и о Среднеазиатском военном округе.

Горная специализация национальных соединений происходила на фоне набравшей темп в 1930-х гг. *технизации* и перестройки Вооруженных Сил СССР на современный лад, которые уже стали причиной замедления развития национальных формирований на рубеже 1920–1930-х гг. Главной задачей военного строительства была техническая реконструкция РККА и РККФ и достижение превосходства над армиями капиталистических стран. Становление советского военно-промышленного комплекса к середине 1930-х гг. обеспечило массовое поступление в войска сложной военной техники новейших образцов – танков, самолетов, артиллерийских систем, стрелкового оружия. По отдельным видам вооружений

⁴⁶² В приказе НКО № 072 названа стрелковой, однако с 1931 г. содержалась по штатам горнострелковой дивизии.

⁴⁶³ В приказе НКО № 072 названа стрелковой, однако с 1931 г. содержалась по штатам горнострелковой дивизии.

⁴⁶⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3301. Л. 36–36 об.

рост был поистине громадным. Например, численность пулеметов возросла в 5,5 раза, самолетов – в 6,5, артиллерии – в 7, танков – в 43 раза, мелкокалиберной противотанковой артиллерии – в 70 раз!⁴⁶⁵ Резко возросшая техническая оснащенность Вооруженных Сил оказала значительное влияние на их структуру, перечень и соотношение военных специальностей. Быстро развивались новые рода войск. Значительная масса молодого пополнения направлялась для прохождения службы в артиллерию, мотомеханизированные и танковые войска, авиацию. Например, численность военно-воздушных сил и артиллерии по штатам военного времени по мобилизационным планам с 1930 по 1938 г. в 2,7 раза, ПВО – в 3,3, железнодорожных войск и органов ВОСО – в 7,3, бронетанковых войск – в 16 раз⁴⁶⁶. Быстро росла численность армии. 31 августа 1939 г. нарком обороны Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов публично заявил, что численность РККА и РКМФ за девять лет выросла втрое⁴⁶⁷. Так, если на 1 января списочный состав РККА насчитывал 607,6 тыс. чел., то на 1 января 1940 г. – 2032,8 тыс. чел.⁴⁶⁸

Одновременно велась организационная перестройка частей РККА. С 1935 г. быстро сокращалось число территориальных дивизий в пользу кадровых формирований, поскольку освоение на краткосрочных сборах военнослужащими переменного состава сложных видов военной техники и вооружений в рамках территориальной организации военной службы было невозможно. К 1938 г. этот процесс был завершен. Перевод к полностью кадровой организации войск сопровождался в 1938–1939 гг. переходом на экстерриториальную систему комплектования, при которой граждане проходили военную службу вне регионов своего проживания. Этот принцип позволял пополнять воинские части личным составом и создавать группировки войск вне зависимости от плотности населения в той или иной местности, а также сглаживал проблемы, связанные с огромной территорией страны и слабо развитой транспортной сетью. Для призывников из национальных

⁴⁶⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3301. Л. 6–7.

⁴⁶⁶ Там же. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 75. Л. 230.

⁴⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 163. Л. 4.

⁴⁶⁸ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2; Д. 234. Л. 27.

регионов это означало длительный непрерывный срок службы (вместо прежних периодических лагерных сборов) вне своей республики, в ходе которой они быстрее адаптировались в русскоязычном воинском коллективе и, по точному определению командующего войсками Закавказского военного округа комкора И.В. Тюленева, приобщались «к общей культуре единого многонационального народа»⁴⁶⁹.

Историю национальных частей в этот период нельзя рассматривать вне контекста описанных реформ. *Технизация* объективно вставала на пути дальнейшей возможности экстенсивного расширения национальных формирований, потому что «технические войска (воздушные, химические, танковые и др.) пока невозможно формировать по национальному признаку», – отмечалось в отчетном докладе наркомвоенмора в Политбюро ЦК ВКП(б) в июне 1929 г.⁴⁷⁰ Кадровый дефицит не позволял в ближайшем будущем надеяться на создание национальных формирований в технически сложных родах войск, что ставило их вне магистрального пути развития Красной армии. Для них оставалась ниша горных войск и кавалерии, в меньшей степени затронутых технической перестройкой.

Анализ документов показал, что абсолютный, и особенно относительный (в масштабах всей Красной армии), прирост списочной численности нацформирований во второй половине 1930-х гг. действительно замедлялся, что отражало их упадок на фоне бурного развития технических родов войск. В начале 1938 г., после фактического упразднения национального статуса украинских и белорусских частей, общая списочная численность таких национальных формирований мирного времени составляла 27 239 чел при штате 25 378 чел., причем численность представителей титульных национальностей в них составляла лишь 69 % (18 695 чел.). При мобилизационном развертывании национальные формирования должны были достигать численности 138 739 чел.⁴⁷¹ Для сравнения: общая списочная численность РККА мирного времени на 1 января 1938 г. составляла

⁴⁶⁹ РГВА. Ф. 21873. Оп. 1. Д. 128. Л. 60.

⁴⁷⁰ Красная армия в 1920-е годы. С. 177.

⁴⁷¹ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 75–78.

1 215 601 чел.⁴⁷² На военное время по мобплану 1937 г. МП-6 она разворачивалась до численности 4830,8 тыс. чел.⁴⁷³ Таким образом, численность нацформирований по штату *мирного времени* составляла к этому моменту лишь 2,24 % от списочной численности РККА вместо 10 % по первоначальному плану 1925 г., а по штату *военного времени* несколько больше – 2,87 %.

Быстрое наращивание численности армии и переход к экстерриториальному распределению пополнений делали штатную емкость национальных формирований недостаточной для приема возраставшего потока пополнений, а значит, и для формирования существенного мобилизационного резерва из представителей нерусских этносов. А в *военное время* необходимость доукомплектовывать национальные формирования представителями определенной национальности создавала бы дополнительные сложности. В подготовленной 23 февраля 1938 г. наркомом обороны справке временно исполнявшего должность начальника Административно-мобилизационного управления (АМУ) РККА комдива А.И. Барина «О национальных частях и соединениях РККА» докладчик подчеркивал, что «по военному времени комплектование национальных частей встретит большие трудности, так как источники комплектования чрезвычайно удалены от театра военных действий. Это вызовет необходимость в периоды напряженных операций укомплектовывать национальные части, не считаясь с национальным признаком из близ расположенных запасных частей. В конечном счете, национальные части через очень короткий промежуток превратятся в смешанные с преобладанием русского и украинского элементов»⁴⁷⁴.

Комдив Баринев довольно точно предсказал сложности с укомплектованием многих нацформирований, проявившиеся в годы Великой Отечественной войны, если только их состав целенаправленно не поддерживался национальными пополнениями, что происходило далеко не всегда. Нельзя не отметить, что в 1938 г. необходимость поддержания национального баланса таких формирований уже

⁴⁷² РГВА. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 121. Л. 82.

⁴⁷³ Там же. Д. 75. Л. 225.

⁴⁷⁴ Там же. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 78.

понималась как ненужное бремя, в то время как полтора десятилетия назад, в начале 1920-х гг., в интересах политической интеграции национальных окраин эти издержки считались неизбежными даже в ущерб боеспособности Красной армии и очевидная мысль о сложности пополнений в военной обстановки никем всерьез не обсуждалась.

Анализ истории национальных формирований в 1930-х гг., будет неполным без общего контекста развития национальной политики в СССР в этот период. На первую половину десятилетия пришлось постепенное сворачивание политики *коренизации*, которая с середины 1920-х гг. интенсивно, нередко под сильным административным нажимом, насаждалась по всей стране. С одной стороны, сказались общие методологические ошибки при реализации этой программы, связанные с оказавшейся нереализуемой в короткие сроки ставкой на выдвижение национальных кадров и обеспечение гегемонии национальных языков. С другой стороны, произошел фактический отказ от идеи мировой революции (водоразделом считается XVII съезд ВКП(б), проходивший в начале 1934 г.) как ближайшей стратегической цели и замены ее на национальное государство, где цементирующим государствообразующим элементом новой этнополитической общности – советской нации – выступал русский народ. Концепт «русского народа – старшего брата в семье советских народов» нес в себе прямо противоположный *коренизации* идеологический заряд, выдвигая на первое место русский язык, русскую историю, русскую культуру. Национальные воинские формирования на фоне отказа от политики *коренизации* выглядели анахронизмом, хотя и просуществовали несколько дольше – до конца 1930-х гг.

Репрессии, охватившие Красную армию и особенно высший и старший командный состав в 1937–1938 гг., безусловно, стали еще одним фактором, повлиявшим на судьбу национальных формирований. В гнетущей атмосфере массовых репрессий жупел борьбы со шпионажем и военными заговорами в армии не мог обойти стороной национальные части. При желании они могли теперь квалифицироваться как эпицентры местного национализма и проводники этнического шпионажа в пользу соседних государств. Во время создания нацформирований в

1920-х гг. этническая близость личного состава нацформирований РККА населению соседних стран считалась их преимуществом, поскольку должна была облегчить продвижение революции за пределы Советского Союза. Теперь же, напротив, это вызывало подозрения. Например, высказывались мнения о том, что финские шпионы проникали в Красную армию через карельские национальные части, иранские – через азербайджанские, турецкие – через грузинские, японские – через бурятские⁴⁷⁵ и т.д. Говоря о национальных частях, первый замкомвойсками ОКДВА Я.К. Берзин предостерегал коллег: «Наш сосед этих частей не забывает и среди них есть люди, работающие не на нас, а на чужих»⁴⁷⁶. В октябре 1937 г., после разгрома «антисоветских организаций» в недрах партийного руководства среднеазиатских союзных республик, секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев предложил И.В. Сталину перевести узбекские и таджикские национальные формирования в европейскую часть СССР, поскольку разоблаченное руководство республик «ставило серьезную ставку на эти национальные воинские части; будут попытки и впредь из Афганистана, Ирана и Турции вести в них враждебную работу»⁴⁷⁷. На документе имеется положительная резолюция Сталина с указанием «предварительно почистить» национальные части⁴⁷⁸.

Национальные части легко подвергались в немудреные, даже самые фантастические схемы «националистических заговоров». Во множестве они выявлялись в республиках СССР, давая повод под корень рубить местные национальные элиты. Как отмечал один из ораторов на Военном совете при НКО в ноябре 1937 г., подводя итог чисткам в национальных частях, «нам необходимо было самым тщательным образом присмотреться, чтобы не дать возможность враждебным элементам, *прикрываясь национальностью* (курсив мой. – Авт.), остаться

⁴⁷⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 157–160; также см.: *Намнанов Д.Д.* Национальные формирования Красной армии в Бурятии в 1924–1939 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. С. 21.

⁴⁷⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 640.

⁴⁷⁷ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 296.

⁴⁷⁸ Там же.

в нашей армии. Отсюда у нас такое большое количество уволенных»⁴⁷⁹. Ожидаемым результатом тщательного просева военнослужащих стало выявление «большой засоренности» командно-начальствующего состава людьми, теми или иными путями связанными с близлежащими иностранными государствами (прежде всего, через родственные связи). Многие национальные соединения были обезглавлены. Так, в Закавказском военном округе в 1937 г. были репрессированы все командиры дивизий: командир 9-й Кавказской горнострелковой дивизии комбриг П.Г. Кевлишвили, командир 20-й Кавказской горнострелковой дивизии полковник В.Ф. Мыздриков, командир 47-й грузинской горнострелковой дивизии комбриг Л.М. Агладзе, командир 63-й грузинской горнострелковой дивизии комдив Ф.М. Буачидзе, командир 76-й армянской горнострелковой дивизии комдив А.Т. Атоян, командир 77-й азербайджанской горнострелковой дивизии комдив Г.М. Везиров, а также почти все командиры полков, входивших в эти дивизии и многие другие старшие командиры и начальники⁴⁸⁰. Больше всего начсостава было уволено в 77-й горнострелковой дивизии (Азербайджанской) – не менее 107 чел., что составляло 26,5% от списочного начсостава дивизии по состоянию на 1937 г. Они были обвинены в участии в «Азербайджанской национальной партии». Другие дивизии ЗакВО потеряли в результате увольнений в 1937–1938 гг. от 56 до 70 командиров (начальников), т.е. от 14 до 19% своего списочного состава на 1937 г. Большинство из них были расстреляны или умерли в местах заключения⁴⁸¹.

Вследствие репрессий в отношении командного состава уровень боевой подготовки частей РККА резко упал. Например, 76-й армянской стрелковой дивизией командовал капитан, который прежде не командовал ни полком, ни батальоном, а лишь батареей. Азербайджанской дивизией командовал майор, вообще не имевший командной практики – прежде он служил преподавателем военного училища. Все их усердие разбивалось об отсутствие опыта и знаний. «Откуда может

⁴⁷⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 101.

⁴⁸⁰ Ларькин В.В. Политические репрессии командно-начальствующего состава Закавказского военного округа в 1937–1938 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2016. С. 173.

⁴⁸¹ Там же. С. 173–174.

быть хорошим командир грузинской дивизии Дзабахидзе, который до этого в течение двух лет командовал только ротой и больше никакого стажа командира не имеет», – восклицал на Военном совете при НКО в ноябре 1937 г. командующий округом комкор Н.В. Куйбышев⁴⁸². В итоге получалось, что «уровень подготовки командного состава настолько низок, что приходится для оказания помощи прикомандировывать к ним опытных старших командиров»⁴⁸³.

Все вышесказанное предопределило решение о переформировании национальных частей в обычные части РККА. 21 февраля 1938 г. ЦК ВКП(б) направил в центральные комитеты компартий союзных республик, а также автономных республик РСФСР телеграммы, обязывавшие первых секретарей ЦК нацкомпартий и обкомов (всего 10 первых секретарей ЦК нацкомпартий и 14 первых секретарей обкомов) прибыть на совещание с подготовленными материалами по вопросам преподавания русского языка в нерусских школах и о национальных формированиях⁴⁸⁴. 7 марта 1938 г. на совещании при ЦК ВКП(б) при формальном соблюдении демократической процедуры было принято решение, оформленное совместным постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА». В постановлении отдавалось должное их историческим заслугам перед Советским государством: «Национальные части и формирования, возникшие в годы Гражданской войны и борьбы за национальную независимость, сыграли в то время свою положительную роль в борьбе с контрреволюционными националистическими буржуазными правительствами и иностранными интервентами. Они являлись одной из основных форм вовлечения народностей в армии ранее вовсе не служивших (узбеков, туркмен, бурят-монголов, киргизов, части народов Северного Кавказа и т.д.) в дело обороны государства. Национальные части построены по принципу территориальности, что ранее соответствовало принципу строительства всей РККА»⁴⁸⁵. Однако в настоящий момент, констатировалось в постановлении, они «не могут оправдать своего предназначения». По-

⁴⁸² ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 74.

⁴⁸³ Там же.

⁴⁸⁴ Там же. С. 382–383.

⁴⁸⁵ Там же. С. 382.

сколько Вооруженные Силы СССР «призваны защищать государство в целом», то они должны быть организованы единообразно, строиться на основе всеобщей воинской повинности и экстерриториальности комплектования воинских частей. С переходом от территориальной системы к комплектуемым экстерриториально кадровым формированиям национальные части оказались в противоречии с общегосударственным принципом строительства Красной армии. Кроме этого общего противоречия указывалось на ряд частных проблем: консервацию национально-культурных различий личного состава национальных частей, замкнутость программы обучения национальных контингентов, неприспособленность их к иным природно-климатическим и бытовым условиям, отсутствие перспектив служебного роста для командно-политического состава⁴⁸⁶.

В связи с изложенным ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили:

«1. Национальные части, соединения, военные училища и школы РККА преформировать в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием, изменив соответственно дислокацию частей и соединений.

2. Граждан национальных республик и областей призывать к выполнению воинской службы на общих со всеми национальностями СССР основаниях»⁴⁸⁷.

Постановление партии и правительства было конкретизировано в приказе НКО от 6 апреля 1938 г. № 4/1/33791. В первоначальном проекте приказа предусматривалось сохранение за преформированными национальными частями их названий, содержащих этноним или название республики, но без оставления самого национального состава. В проекте также предусматривалась возможность досрочного увольнения военнослужащих из национальных частей, не желавших переводиться в другие округа. Однако из окончательной редакции приказа эти положения были вычеркнуты лично наркомом обороны К.Е. Ворошиловым⁴⁸⁸. Таким образом, национальные формирования были одномоментно упразднены, без какого-либо переходного периода. К этому следует добавить, что реализация

⁴⁸⁶ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 383.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 12–15.

постановления проходила в условиях секретности. Красноармейскому составу нацсоединений разъяснили содержание мероприятия только накануне погрузки в эшелоны⁴⁸⁹. Командно-начальствующий состав был уведомлен заранее, но под подписку о неразглашении. Таким образом, эволюция национальных формирований в течение 1920–1930-х гг. прошла путь от всенародно обсуждаемой программы до их негласного упразднения.

Ключевой особенностью реформирования национальных частей было то, что изменения их организационно-штатной структуры не предусматривалось, надлежало лишь заменить личный состав по национальному признаку. Рядовой и младший командно-начальствующий состав нацчастей переводился двумя очередями в другие округа в соответствии с их воинскими специальностями и сроками службы⁴⁹⁰. Командный, политический и начальствующий состав переводился для продолжения службы за пределы своих республик. Часть командного состава, решением специальной комиссии по кадрам признанная непригодной для продолжения службы в *номерных* частях, увольнялась с военной службы. Кроме профессиональных причин, причинами массовых увольнений являлись политические чистки. Процесс расформирования давал повод к новому витку репрессий, поскольку любое проявление недовольства командного состава национальных частей неожиданным и вынужденным переездом и сменой места службы, просьбы об оставлении на прежнем месте службы или попытки увольнения с нее трактовались как «контрреволюционные выпады». Особенно сильное нежелание «ехать в Россию» отмечалось в Закавказском военном округе, где национальный командный состав представлял собой крепкое спаянное ядро⁴⁹¹.

Расформирование национальных соединений в основном завершилось к лету 1938 г. В конце июня 1938 г. командующие войсками округов докладывали маршалу Ворошилову о результатах замены личного состава различных национальностей. Так, командующий войсками Московского округа Маршал Советско-

⁴⁸⁹ РГВА Ф. 25873. Оп. 1. Д. 127. Л. 42.

⁴⁹⁰ Там же. Л. 11.

⁴⁹¹ Там же. Л. 111–112, 228.

го Союза С.М. Буденный доносил, что округ выделил из своих частей 650 чел. и столько же принял из других округов. «Каждое соединение для встречи прибывавших из нацчастей выделяло ответственных командиров и политработников, – сообщал Буденный. – Всему составу рядового и младшего комсостава оказана товарищеская теплая, дружественная встреча»⁴⁹². На деле, как правило, обе стороны были недовольны прибывавшим пополнением: *номерные* части РККА получали сотни плохо говоривших по-русски бойцов⁴⁹³, а бывшие национальные дивизии комплектовались контингентами, присылаемыми изо всех округов, причем последние стремились избавиться от самых нерадивых бойцов и командиров⁴⁹⁴. В связи с этим уровень боевой подготовки и тех и других соединений неизбежно упал⁴⁹⁵.

В ноябре 1938 г. на Военном совете при наркоме обороны заместитель Наркома, начальник ГлавПУ армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис сообщил, что «ликвидация национальных формирований прошла хорошо»⁴⁹⁶. Правда, еще к этому времени в ряде дивизий имелись и национальные подразделения, и остатки кадрового состава нацчастей. «Много работников бывших нацчастей сидит в округе, – докладывал Л.З. Мехлису один из ответственных работников Пуокра ЗакВО. – Все они на должностях... Но все-таки считаю, что дело освежения кадров надо довести до конца. Нехорошо, когда человек родился, вырос и всю службу проводит на одном месте»⁴⁹⁷.

Выводы по параграфу 2.2

Исследованием установлено, что во второй половине 1920-х гг. реализация пятилетней программы национальных формирований столкнулась с проблемами материального и кадрового характера, что стало причиной коррекции плана национальных формирований. Особенностью принятого в июне 1927 г. обновленного пятилетнего плана нацформирований стал акцент на уже готовые славянские и за-

⁴⁹² РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 127. Л. 79.

⁴⁹³ Там же. Л. 140.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 115–122, 173, 228.

⁴⁹⁵ Там же. Л. 115–122.

⁴⁹⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2030. Л. 2–6.

⁴⁹⁷ Там же. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 145. Л. 270.

кавказские соединения, доформирование остальных нацформирований и доведение их до среднего по РККА уровня боеспособности и прекращение приема ходатайств из национальных регионов о новых формированиях.

Доказано, что с развертыванием в 1930-х гг. форсированного перевооружения, организационной перестройкой, многократным ростом численности войск переходом к массовому призыву и экстерриториальному комплектованию войск, выявилось несоответствие национальных формирований современным требованиям. Низкая штатная емкость не позволяла выполнять задачу подготовки массового обученного резерва в национальных регионах страны, а комплектование нацчастей в условиях ширококомасштабной войны представлялось все более сложной задачей.

В 1930-х гг. изменились идеологические и политические условия, прежде благоприятствовавшие развитию этого сегмента РККА: затухание надежд на скорую мировую революцию лишило национальные формирования их внешнеполитической актуальности, а поворот идеологического курса страны к строительству автономного социалистического государства и сворачивание политики *коренизации* национальных кадров деактуализировало их внутривнутриполитическую функцию. Развернувшиеся во второй половине 1930-х гг. политические репрессии, прямо и целенаправленно коснувшиеся целого ряда этнических групп в СССР, дискредитация национальных коммунистических элит коснулись и самих национальных воинских формирований как «рассадников местного национализма».

На этом фоне удельный вес нацформирований в структуре РККА становился все меньше (без учета *концентраций* он сократился с 5,6 % в 1930 г. до 2,2 % в 1938 г.), а их развитие – все более децентрализованным и хаотичным за счет *концентраций*, масштаб которых к середине 1930-х гг. с трудом могло оценить даже военное ведомство. Часть формирований, созданных в порядке *концентраций*, получили национальный статус, в то время как славянские (украинские и белорусские) формирования их, напротив, лишились. Определенной нишей, которую в середине 1930-х гг. заняли национальные формирования, прежде всего в САВО и ЗакВО, стал их перевод на *горную* организацию, позволявшую в полной мере

использовать культурно-бытовые особенности контингентов, которыми они комплектовались.

Соискатель пришел к выводу о том, что утрата особой политической субъективности нацформирований и отсутствие у руководства военного ведомства твердого взгляда на их место в рядах Красной армии, готовившейся к большой войне, фактическое выравнивание уровня боеспособности многих нацформирований с *номерными* частями РККА в конце 1930-х гг. привели руководство страны и Вооруженных Сил к убеждению в избыточности их дальнейшего содержания и преформированию в обычные соединения.

Несмотря на издержки, национальные формирования РККА в межвоенный период сыграли свою положительную историческую роль, подготовив сотни тысяч обученных военнообязанных и послужив школой для тысяч командиров нерусской национальности. Опыт в комплектовании войск нерусским личным составом, полученный в межвоенный период, в полной мере был применен в годы Великой Отечественной войны.

2.3. Национальные формирования в период Великой Отечественной войны

В первые месяцы Великой Отечественной войны части и соединения всех родов войск РККА комплектовались личным составом без учета национальности бойцов и командиров. На это указывают изученные диссертантом отчетные документы о формировании и комплектовании новых воинских частей военных округов, располагавшихся на территориях национальных регионов (СКВО, ЗакВО, САВО) и Главного управления формирований РККА за период с августа по ноябрь 1941 г.⁴⁹⁸ Утвердившийся в предвоенные годы экстерриториальный принцип комплектования воинских частей без изменений реализовывался и в первые меся-

⁴⁹⁸ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 108. Л. 1–237; Д. 133в. Л. 1–189; Ф. 144. Оп. 13189. Д. 54. Л. 1–14.

цы войны. Так, Закавказский военный округ⁴⁹⁹ из своих ресурсов формировал 13 новых стрелковых дивизий (директивы НКО № орг/2/539001 – орг/2/539013 от 11 августа 1941 г.)⁵⁰⁰; еще 5 дивизий были сформированы отдельными директивами НКО⁵⁰¹. Комплектование новых дивизий личным составом велось на общих основаниях, вследствие чего контингенты основных национальностей (русские, украинцы, армяне, грузины, азербайджанцы) относительно равномерно распределялись по соединениям. Этот порядок был предписан специальным постановлением Военного совета округа от 15 августа и соответствовал довоенному экстерриториальному принципу укомплектования войск⁵⁰². Между тем уже с первых недель войны в войска поступали мобилизованные военнообязанные старших возрастов из союзных и автономных республик, многие из которых не прошли в мирное время срочной службы, имели низкий уровень общего образования и слабо владели русским языком. Это снижало эффективность военного обучения.

С объявлением мобилизации эти люди одновременно оказались в формируемых частях и соединениях. Так, в сформированной в начале августа 1941 г. 390-й стрелковой дивизии Закавказского военного округа из 10 252 военнослужащих 8979 чел. никогда не держали в руках оружия, в 392-й дивизии того же округа – из 10 447 рядовых таковых было 9194 чел. и т.д. Огромная масса красноармейцев не знала русского языка. В 392-й дивизии 4204 чел. не говорили по-русски, а 2415 чел. владели русским языком плохо. В некоторых соединениях ситуация была еще хуже⁵⁰³. Как отмечалось в одном из постановлений Военного совета Закавказского военного округа, «округ не учитывал особенностей местных условий мобилизации по национальному... признаку»⁵⁰⁴. Аналогичное положение отмечалось и в других округах, особенно в Среднеазиатском. 67 % контингентов военнообязан-

⁴⁹⁹ Закавказский военный округ в конце августа 1941 г. преобразован в Закавказский фронт, в январе 1942 г. – снова в Закавказский округ (II формирования), в апреле 1942 г. – в Закавказский фронт (II формирования).

⁵⁰⁰ 402-я и 408-я – к 15 сентября, 398, 400, 404, 406-я – к 15 октября, 409, 390, 392, 394, 396-я – к 15 ноября, 386-я и 388-я дивизии – к 15 декабря 1941 г.

⁵⁰¹ 61, 89, 151, 223-я и 224-я.

⁵⁰² ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1085. Д. 1. Л. 185.

⁵⁰³ Там же. Оп. 1091. Д. 145. Л. 31, 73, 115, 124, 189, 320–329.

⁵⁰⁴ Там же. Оп. 1085. Д. 1. Л. 218.

ных запаса в САВО не были обучены военному делу, и значительное их количество не владело русским языком⁵⁰⁵.

На повестку дня встала проблема низкой боеспособности воинских формирований, укомплектованных представителями нерусской национальности. В боевой обстановке это выливалось в случаи «отрицательных явлений» среди бойцов нерусской национальности, диапазон которых колебался от обособления внутри подразделения и возникновения земляческих сообществ до тяжких воинских преступлений – членовредительств, дезертирств, случаев добровольной сдачи в плен и измены Родине⁵⁰⁶.

Значительные по численности пополнения уроженцами Кавказа и Средней Азии получали с первых месяцев войны войска, защищавшие Москву и, особенно, фронты, сражавшиеся на южном крыле советско-германского фронта. Наиболее выпукло слабые стороны соединений, укомплектованных смешанным неславянским составом, проявились в конце 1941 – начале 1942 г. во время операции по освобождению Крыма. Здесь в бою массово использовались военнослужащие неславянских национальностей. По состоянию на февраль 1942 г. в составе 12 сформированных в Закавказье стрелковых дивизий⁵⁰⁷ Крымского фронта числилось около 48 тыс. воинов закавказских национальностей (35 % от всего личного состава фронта)⁵⁰⁸. Тяжелые природно-климатические условия, базирование тыловых служб фронта на Таманский полуостров и связанное с этим недостаточное снабжение продовольствием и боеприпасами войск, действовавших на полуострове, способствовали быстрой дезорганизации частей под воздействием ударов противника, что приводило к чрезмерно высоким потерям⁵⁰⁹. Большинство закавказских дивизий, действовавших в Крыму (224, 227, 396, 398, 400, 404-я), были

⁵⁰⁵ Сухарь М.Я. Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дисс. ... д-ра ист. наук. Ашхабад, 1981. С. 94.

⁵⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 55–66.

⁵⁰⁷ 63, 77, 138-я горнострелковые, 224, 227, 386, 388, 390, 396, 398, 400, 404-я стрелковые дивизии.

⁵⁰⁸ Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 18. Л. 8.

⁵⁰⁹ Там же. Д. 44. Л. 528–530.

полностью разгромлены, прекратили свое существование и более не переформировывались.

Таким образом, уже в первые месяцы войны возникла острая необходимость в изменении подхода в комплектовании действующей армии представителями нерусских народов, поднятия их боевой выучки и политико-морального состояния до общего уровня военнослужащих Красной армии. Анализ документов позволяет утверждать, что руководство страны рассматривало два варианта решения этой проблемы. *Первый* – радикально изменить организацию их военной службы, с тем, чтобы ускорить адаптацию представителей нерусских народов к армейской повседневности, поднять их боевую выучку и политико-моральное состояние до общего уровня военнослужащих Красной армии. На практике это означало возврат к упраздненному за несколько лет до начала войны мононациональному комплектованию частей и соединений. *Второй* способ – вернуться к проверенной, в прямом смысле слова, веками практике этнического квотирования при комплектовании воинских частей, в том числе ограничений или отмены приема в армию по этническому признаку, возложив в конечном итоге основное бремя войны на славян и иные, исторически интегрированные в российскую культуру народы. Оба варианта, в той или иной степени, были реализованы в годы Великой Отечественной войны и проанализированы в данном диссертационном исследовании⁵¹⁰.

Возвращаясь к практике национальных воинских формирований, советское политическое и военное руководство рассчитывало на то, что однородная языковая и культурно-ментальная среда в них будет способствовать ускорению боевой подготовки бойцов нерусской национальности, повышению ее качества, укреплению дисциплины в подразделениях и стойкости личного состава, особенно, устранению языкового барьера. Бывший командующий войсками Закавказского фронта генерал армии И.В. Тюленев отмечал вставшую в полный рост в начале

⁵¹⁰ Первому из них посвящен данный параграф, а второму – параграф 3.3.

войны языковую проблему как главную в принятии руководством страны решения о воссоздании национальных частей⁵¹¹.

Хронологически первыми национальными формированиями периода Великой Отечественной войны стали соединения не из уроженцев Кавказа или Средней Азии, а укомплектованные жителями Прибалтики. Решения о национальных формированиях РККА в прибалтийских республиках принимались советским правительством вне связи с формированием несколько позднее кавказских, среднеазиатских и иных национальных частей.

Основой для формирования прибалтийских национальных частей послужили двухдивизионные территориальные стрелковые корпуса⁵¹², созданные в сентябре 1940 г. на основе «народных армий», сформированных, в свою очередь, из армий независимых прибалтийских государств после их присоединения к СССР 21–22 июля 1940 г. Фактически это были уже готовые соединения численностью около 6 тыс. чел. на дивизию, укомплектованные профессиональным командным и обученным рядовым составом местных национальностей⁵¹³. Командование РККА предпринимало усилия по чистке командного состава от нелояльных советской власти кадров⁵¹⁴ и организации в частях партполитаппарата⁵¹⁵. С началом войны штабы всех трех прибалтийских корпусов были расформированы, а входившие в их состав дивизии были переформированы в так называемые общесоюзные, т.е. обычные стрелковые соединения⁵¹⁶.

Но уже 3 августа 1941 г. по предложению ЦК КП(б) Латвии Государственный Комитет Оборона постановлением № 383сс разрешил сформировать латышскую стрелковую дивизию (впоследствии получившую номер 201), на укомплек-

⁵¹¹ Тюленев И.В. Через три войны. М., 1972. С. 123.

⁵¹² 29-й – в Литве, 24-й – в Латвии и 22-й – в Эстонии.

⁵¹³ Ларин П.А. Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945 гг.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Таллин, 1972. С. 37.

⁵¹⁴ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

⁵¹⁵ Манг К.Х. Создание народной армии в ходе социалистической революции 1940 года в Эстонии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Таллин, 1971. С. 18.

⁵¹⁶ Подпрятков В.Н. Национальные воинские формирования в СССР и в фашистской Германии в годы Второй мировой войны. Пермь, 2006. С. 46.

тование которой следовало обратить «социально близкий» советскому строю контингент: «бойцов бывшей рабочей гвардии, милиции, партийно-советских работников и других граждан Латвийской ССР, эвакуированных на территории РСФСР»⁵¹⁷. Формирование дивизии было поручено ЦК КП(б) Латвии и СНК Латвийской ССР совместно со штабом Северо-Западного фронта. Фактически на формирование латышской дивизии были обращены остатки 24-го стрелкового корпуса, контингенты военнообязанных, выведенных из республики, а также выпуск Рижского пехотного училища, эвакуированного в город Стерлитамак.

Поскольку в оригинале постановления ГКО не раскрывались мотивы руководства страны, решившего сформировать первой именно *латышскую* дивизию, исходя из анализа фактов, можно предположить, что оно принималось ситуативно, под влиянием ряда частных факторов и субъективных суждений, например: под впечатлением относительно активного (на фоне других населяющих Прибалтийский регион народов) участия латышей в первых боях против немецко-фашистских войск⁵¹⁸; наличие готового кадра комсостава и обученного рядового состава; инициативность и высокие организаторские способности местных органов власти; исторический опыт латышских частей, одними из первых оказавших вооруженную поддержку советской власти в период ее становления в начале 1918 г.⁵¹⁹ Возможно, принимался во внимание достаточно успешный исторический опыт службы латышей в Русской императорской армии и самый низкий среди христианских народов империи низкий удельный вес уклонений от призыва⁵²⁰.

⁵¹⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 182.

⁵¹⁸ В первые недели войны были сформированы и участвовали в ожесточенных оборонительных боях в составе 8-й армии несколько рабочих батальонов, переформированных позднее в два латышских стрелковых полка (*Савченко В.И.* Гвардейская Латышская. Рига, 1961. С. 18–30).

⁵¹⁹ Уже 13 апреля 1918 г. объединенных в Латышскую стрелковую советскую дивизию, ставшую одним из старейших соединений Красной армии), активно участвовавшую в Гражданской войне (Сводка инструкций, положений и проектов по формированию резервных частей. М., 1918. С. 212; РГВА. Ф. 33087. Оп. 1. Д. 5. Л. 32).

⁵²⁰ *Антонович А.* Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 274.

Особенностью 201-й латышской дивизии была низкая гомогенность национального состава (только 51 % были этническими латышами), поскольку при ее комплектовании учитывалась прежде всего его гражданская, а не национальная принадлежность. В ее частях значительную массу личного состава составили русские, евреи, украинцы из числа уроженцев Латвии⁵²¹. Уже в декабре 1941 г. 201-я латышская дивизия первой из национальных формирований РККА приняла участие в боевых действиях. В составе 33-й армии она участвовала в контрнаступлении советских войск на клинском направлении под Москвой. В тяжелых боях у села Елагино и разъезда «75-й километр» части дивизии потеряли до 55 % личного состава, и уже в январе 1942 г. соединение было выведено на доукомплектование.

Вслед за латвийскими властями уже 28 августа 1941 г. с аналогичной просьбой в Государственный Комитет Оборона обратились секретарь ЦК КП(б) Литовской ССР А. Снечук и Уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Литовской ССР Н.Г. Поздняков, предложив сформировать добровольческую стрелковую дивизию из коммунистов, сотрудников НКВД, остатков частей Литовского территориального стрелкового корпуса. Важно подчеркнуть, что основным мотив, выдвинутый Снечуком и Поздняковым, была возможность использовать дивизию «в основном для действий на подступах к Литве и на территории Литвы». Очевидно, имелись в виду казавшееся еще возможными в эти дни контрнаступление Красной армии и разгром агрессора. Впрочем, допускалось, что «если военная обстановка сложится иначе, то дивизию можно использовать на любом участке фронта»⁵²². На бланке письма литовских руководителей И.В. Сталин оставил визу: «Т[оварищ] Берия, погов[орите] с т[оварищем] Щаденко»⁵²³. Нельзя исключать, что этот же мотив – возможность перехода в контрнаступление и возвращения на территорию Латвии сыграл свою роль в срочном формировании 201-й латвийской дивизии.

⁵²¹ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рига, 1970. С. 171.

⁵²² ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 7. Л. 33.

⁵²³ Там же.

Однако по мере ухудшения обстановки на фронте надежды на скорое контрнаступление и использование литовцев для освобождения родины быстро таяли. Поэтому, в отличие от латвийской дивизии, решение о формировании литовского соединения затянулось. В начале октября заместителем наркома обороны и начальником Главупраформа Е.А. Щаденко на имя члена ГКО Г.М. Маленкова был направлен проект постановления Государственного Комитета Оборона о формировании Литовской стрелковой дивизии из числа эвакуированных из Литовской ССР партийных, советских, комсомольских, профсоюзных работников (добровольцев), курсантов-литовцев школы НКВД и Вильнюсской школы политруков, а также командиров, политработников и красноармейцев 29-го стрелкового корпуса, владевших литовским языком⁵²⁴. Однако соответствующее постановление ГКО было издано только 18 декабря 1941 г.: в этот день решения о создании национальных дивизий были приняты по ходатайствам ЦК компартий не только Литвы, но и Эстонии (постановления ГКО № 1141сс и 1142сс соответственно)⁵²⁵. В первом случае формированием занимался штаб Московского военного округа (16-я литовская стрелковая дивизия), во втором – Уральского военного округа (7-я эстонская стрелковая дивизия). Каждой дивизии был определен штат в 10 647 чел. Декабрьские решения во многом повторяли текст постановления ГКО от 3 августа 1941 г. о формировании 201-й латышской дивизии, но в отношении 7-й эстонской дивизии он был дополнен существенным положением о том, что при подборе личного состава, особенно командно-начальствующего, надлежало не допустить «просачивания политически неустойчивых, классово чуждых и морально разложившихся элементов»⁵²⁶. Для укомплектования прибалтийских соединений также активно пересматривались контингенты трудпоселенцев и рабочих колонн, укомплектованных бывшими военными прибалтийских национальных армий, выселенных в отдаленные районы СССР в 1940–1941 гг. (таковых насчитывалось несколько десятков тысяч человек).

⁵²⁴ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 108. Л. 217.

⁵²⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 16. Л. 120–121.

⁵²⁶ Там же.

Формирование эстонского соединения опиралось на многочисленных рабочих-эстонцев, а также военнослужащих, находившихся в частях Красной армии (для аккумуляции людских ресурсов в штабы всех фронтов и округов были разосланы специальные циркуляры)⁵²⁷. К апрелю 1942 г. было выявлено и отправлено в Свердловскую область – район формирования дивизии – 29,5 тыс. лиц эстонской национальности⁵²⁸. Скоро стало ясно, что сосредотачиваемый в месте формирования (город Чебаркуль Челябинской области) контингент военнообязанных и командиров эстонской национальности намного превосходит штатную потребность одной стрелковой дивизии. 10 февраля 1942 г. приказом замнаркома обороны в была сформирована еще одна эстонская дивизия – 423-я эстонская, получившая в марте 1942 г. номер 249⁵²⁹. В сентябре 1942 г. обсуждался вопрос о формировании третьей эстонской дивизии, однако он не был решен положительно. Вместо нее 25 сентября 1942 г. был сформирован 8-й эстонский стрелковый корпус, объединивший 7-ю и 249-ю дивизии, а также запасный полк.

В новых соединениях был достигнут высокий уровень представительства военнослужащих титульных национальностей. В частности, в 7-й эстонской дивизии числился 8651 эстонец (85,8 %), а в 249-й эстонской – 9422 эстонца (91,2 %). Чуть более 2 тыс. чел. на две дивизии являлись участниками боев⁵³⁰.

Вслед за прибалтийскими соединениями в конце 1941 г. развернулось широкое строительство нацчастей в других регионах СССР. Основная их масса была сформирована в короткий период с ноября 1941 по февраль 1942 г. Их создание было санкционировано несколькими постановлениями Государственного Комитета Обороны и приказами наркома обороны.

В постановлении ГКО от 13 ноября 1941 г. № 894сс «О национальных войсковых соединениях» было объявлено о формировании в СКВО, САВО УрВО, ЗакВО сразу 20 национальных кавалерийских дивизий (со штатной численностью

⁵²⁷ Великая Отечественная война 1941–1945. Документы и материалы. Т. III. Национальные формирования Красной армии. М., 2015. С. 130.

⁵²⁸ Ларин П.А. Указ. соч. С. 40.

⁵²⁹ Петренко А.И. Прибалтийские дивизии Сталина. М., 2010. С. 25.

⁵³⁰ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12214. Д. 648. Л. 54–57 об.

4403 чел.) и 15 отдельных стрелковых бригад (со штатной численностью 4333 чел.) из представителей народов Средней Азии, Северного Кавказа и Приуралья. Были сформированы: 96, 105, 106-я казахские; 97-я и 98-я туркменские; 99, 100, 101, 102, 103-я узбекские; 104-я таджикская; 107, 108, 109-я киргизские; 110-я и 111-я калмыцкие; 112 и 113-я башкирские; 114-я чечено-ингушская; 115-я кабардино-балкарская кавалерийские дивизии; 87-я и 88-я отдельные туркменские; 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97-я отдельные узбекские; 98-я и 99-я отдельные таджикские; 100-я и 101-я отдельные казахские стрелковые бригады.

В постановлении были сформулированы общие требования к национальным соединениям:

- укомплектовать здоровым и крепким личным составом местных национальностей возрастом не старше 40 лет, причем за счет внеплановых призывов;
- командно-начальствующий состав обеспечить по возможности также из местных национальностей, а недостающих пополнить русскими;
- обмундирование, людское и конское снаряжение, седла, продфуражное довольствие, конский состав, холодное и частично огнестрельное оружие обеспечить за счет ресурсов союзных и автономных республик;
- обязать военные советы военных округов провести формирование, обучение и сколачивание кавалерийских дивизий и отдельных стрелковых бригад, создаваемых на территории этих округов;
- приемку соединений для доформирования и обеспечения недостающим вооружением и снаряжением проводить только после проверки специальными комиссиями округов⁵³¹.

На этом создание новых национальных соединений не остановилось. В начале 1942 г. к формированию приступили Закавказский военный округ и Крымский фронт, образованные 28 января 1942 г. в результате разделения войск Кавказского фронта. На этот раз формирование национальных соединений было санкционировано не постановлением Государственного Комитета Обороны, а

⁵³¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 25. Л. 103–104.

приказом наркома обороны от 3 февраля 1942 г.⁵³² Предписывалось путем перегруппировки личного состава переформировать уже готовые дивизии Закавказского военного округа, следующим образом: 392-ю и 406-ю стрелковые дивизии – в грузинские; 408-ю и 409-ю – в армянские; 402-ю и 223-ю – в азербайджанские. Одновременно переформировывались три дивизии Крымского фронта, прибывшие незадолго до этого из Закавказья: 224-я – в грузинскую; 388-я – в армянскую; 396-я – в азербайджанскую. Наконец, по национальному признаку укомплектовывались вновь создаваемые в ЗакВО стрелковые дивизии: 414-я и 418-я – как грузинские; 89-я и 419-я – как армянские и 416-я – как азербайджанская. Новые соединения были охарактеризованы как «национальные по содержанию и интернациональные по духу»⁵³³.

Непосредственно вопросами формирования занимались специально создаваемые республиканские, областные, районные и городские комиссии в составе секретарей, заведующих отделами пропаганды и агитации, заведующих военными отделами, председателей исполкомов советов различных уровней – и военные комиссары. Все они работали по плану и под контролем штабов округов.

Анализ документов позволяет сделать вывод о том, что, кроме 201-й латышской дивизии, сформированной первой, в августе 1941 г., и другой латышской дивизии – 308-й, сформированной последней, в июне 1944 г., основная масса государственных решений о формировании всех остальных национальных соединений (53 стрелковые и кавалерийские дивизии и стрелковые бригады) была принята в узком временном коридоре с 13 ноября 1941 г. по 10 февраля 1942 г. Это позволяет сделать вывод о вполне определенной государственной политике в области использования контингентов военнослужащих нерусской национальности, направленной на сосредоточение представителей одного этноса в рамках отдельных соединений. За пределами этого временного диапазона до самого конца войны лишь одно соединение Красной армии (308-я стрелковая дивизия) официально получило статус национального, хотя де-факто немало формировавшихся в

⁵³² ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 16. Л. 92–104.

⁵³³ Там же. Л. 95.

союзных республиках СССР соединений были укомплектованы в значительной мере представителями одного этноса и идентифицировались местным руководством как национальные.

Исследованием установлено, что к началу весны 1942 г., когда формирование новых национальных соединений достигло пика, в 12 союзных республиках (РСФСР, Латвийской, Литовской, Эстонской, Армянской, Азербайджанской, Грузинской, Казахской, Узбекской, Киргизской, Таджикской, Туркменской) и четырех автономных республиках РСФСР (Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Башкирской) формировалось 18 национальных стрелковых дивизий, 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 национальных стрелковых бригад – всего 53 соединения. Общая штатная численность формируемых национальных соединений по действующим на тот период времени штатам⁵³⁴ составляла 357,4 тыс. чел. Наибольшую нагрузку нес *Закавказский фронт*⁵³⁵, формировавший 14 национальных стрелковых дивизий штатной численностью 156,7 тыс. чел.⁵³⁶. Для сравнения можно отметить, что по состоянию на 1 марта 1942 г. в составе действующих войск Красной армии насчитывалось 283 стрелковые дивизии, 90 стрелковых бригад и 43 кавалерийские дивизии⁵³⁷. Таким образом, формируемые национальные соединения по отношению к действующей армии составили: 6,7 % – по стрелковым дивизиям, 16,7 % – по стрелковым бригадам и 34,9 % – по кавалерийским дивизиям.

Однако, как показал детальный анализ документов, проведенный диссертантом, далеко не все национальные соединения оказались на фронтах и приняли

⁵³⁴ Для стрелковой дивизии – штат 04/750 (командно-начальствующего состава – 963 чел., младшего начальствующего состава – 1811 чел., рядового состава – 8420 чел.); для стрелковой бригады – штат 04/330 (командно-начальствующего состава – 407 чел., младшего начальствующего состава – 845 чел., рядового состава – 3138 чел.); для кавалерийской дивизии – штат 06/230 (командно-начальствующего состава – 406 чел., младшего начальствующего состава – 704 чел., рядового состава – 3347 чел.).

⁵³⁵ Закавказский фронт 2-го формирования образован 15 мая 1942 г. на базе войск Закавказского военного округа и просуществовал до конца Великой Отечественной войны.

⁵³⁶ Расчет штатной численности национальных стрелковых дивизий носит условный характер, поскольку многие соединения уже в процессе формирования по несколько раз переводились на новые штаты.

⁵³⁷ Боевой состав Советской армии. Ч. II (янв.–дек. 1942 г.). М., 1966. С. 50.

участие в вооруженной борьбе с врагом. В процессе укомплектования личным составом, боевой учебы и сколачивания подразделений выявился ряд специфических проблем. Зачастую изначально принимались завышенные планы формирования, не обеспеченные людскими, конскими и материальными ресурсами, неосуществимые в установленные сроки. Выяснилось, например, что в САВО две трети контингентов военнообязанных запаса не были обучены военному делу⁵³⁸. Особенно сложной была ситуация с изысканием потребного числа национального командного состава. Воинские части без особых проблем укомплектовывались рядовым и политическим составом (последний подбирался в гражданских партийных организациях), однако имели большой некомплект младшего, среднего и старшего командно-начальствующего состава из числа местных национальностей. Некомплект покрывался за счет командиров-славян. Аналогичная ситуация наблюдалась в ЗакВО и СКВО. Подразделения, в которых рядовой и командный состав были разных национальностей, неизбежно отставали в боевой учебе из-за возникавшего языкового барьера. Квалификация командного состава из числа местных национальностей также была невысока, поскольку большинство командиров призывалось из запаса. В свою очередь, рядовой состав в своей массе не владел русским языком и имел крайне низкий образовательный ценз. Например, в 94-й узбекской стрелковой бригаде на 4476 чел. личного состава 791 чел. (17,5 %), в т.ч. 65 младших командиров, были совсем неграмотными, а 1201 чел. (26,5 %), в т.ч. 215 младших командиров, – малограмотными⁵³⁹. При таком качестве личного состава трудно было рассчитывать на быстрое освоение бойцами тактики современного боя и сложных типов вооружения.

В результате сроки боевого слаживания подразделений в национальных дивизиях и бригадах значительно затягивались по сравнению с преимущественно славянскими по составу формированиями. Как свидетельствовал в своем дневнике начальник штаба 115-й кабардино-балкарской кавалерийской дивизии подполковник М.С. Эхохин, «период формирования дивизии длился около пяти месяцев,

⁵³⁸ Сухарь М.Я. Указ. соч. С. 94.

⁵³⁹ ЦАМО. Ф. 1907. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

так как около 90 % рядового состава призванные в дивизию не служили ранее в армии. Кроме того значительная часть командного состава из коренного населения не служили в коннице. Все это требовало времени на подготовку личного состава дивизии. Отсутствие командиров-кавалеристов, а также частая смена командиров дивизии и не укомплектованность штабов – все это задерживало ход боевой подготовки»⁵⁴⁰.

Не менее сложной была ситуация с материальным обеспечением национальных соединений. Поскольку оно в основном возлагалось на местные органы власти, то темпы формирования были неодинаковыми и зависели от возможностей регионов. Например, к началу 1942 г. Башкирского обкома партии и СНК не только укомплектовали, одели и обули свои две кавдивизии, но даже частично вооружили их за счет ресурсов республики, в то время как в Калмыкии формирование двух кавдивизий задерживалось из-за нехватки людей, верхового конского состава, конской амуниции и материальных средств⁵⁴¹.

25 марта 1942 г. командующий войсками Закавказского военного округа генерал армии И.В. Тюленев получил телеграмму заместителя начальника Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта А.М. Василевского, который отмечал: «Опыт использования на фронтах национальных дивизий показал, что указанные дивизии недостаточно подготовлены, [не] сколочены и не отвечают всем требованиям современного сложного боя»⁵⁴². Проведенные позднее, в сентябре 1942 г., комиссией под руководством маршала К.Е. Ворошилова комплексные проверки боеготовности некоторых стрелковых бригад, сформированных в Средней Азии, показали, что даже восьмимесячного срока оказалось недостаточно, чтобы привести бригады, укомплектованные казахами и узбеками, в боеспособное состояние. По многим показателям уровень их подготовки оценивался не-

⁵⁴⁰ ЦАМО. Ф. 3624. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁵⁴¹ *Очиров У.Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: события, люди, история. (Сборник научных статей). Элиста, 2001. С. 49.

⁵⁴² Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: док. и материалы: 1942 г. Т. 23 (12–2). М., 1999. С. 65.

удовлетворительно⁵⁴³. Длительное пребывание в тылу оказывало разлагающее влияние на личный состав. Например, состоявшаяся 4 мая 1942 г. проверка частей 97-й туркменской дивизии выявила крайне низкий уровень дисциплины: бойцы и даже средние командиры бродили по расположению дивизию и по рынку, спали в поле; занятия по боевой подготовке «проходили неорганизованно, бесцельно, материально не были обеспечены»⁵⁴⁴. В связи с изложенным Генштаб потребовал «наладить максимально напряженную работу в боевой подготовке войск, проводя ее в условиях, приближенных к боевым, поставив себе задачу в кратчайшие сроки создать из новых дивизий вполне подготовленные боевые единицы»⁵⁴⁵.

В отдельных случаях объективные сложности в процессе формирования национальных частей усугублялись опасным противодействием властям со стороны определенной части местного населения, понимавшего практиковавшееся до этого десятилетиями освобождение от призывов по национальному признаку как своеобразную государственную льготу. Это оборачивалось уклонением от получения повесток, неявками на призывные пункты, дезертирством из мест расположения воинских частей. Особенно распространенным это явление было в Чечено-Ингушетии, в меньшей степени – в Кабардино-Балкарии⁵⁴⁶.

Перечисленные обстоятельства стали причиной поэтапного упразднения значительной части национальных формирований, создававшихся в Средней Азии, Закавказье, на Северном Кавказе, в Калмыкии и Башкирии. Три директивами Ставки ВГК: от 3 марта 1942 г. № 0043, от 16 марта 1942 г. № 0051 и 0054 расформировывались 12 кавалерийских дивизий и 10 стрелковых бригад (96-я и 106-я казахские, 98-я туркменская, 108-я и 109-я киргизская, 111-я калмыцкая, 113-я башкирская, 114-я чечено-ингушская, 100, 101, 103-я узбекские кавалерийские дивизии; 89, 91, 92, 93, 95, 96, 97-я узбекские, 98-я и 99-я таджикские, 88-я

⁵⁴³ Русский архив. Т. 23 (12–2). С. 330–331.

⁵⁴⁴ ЦАМО. Ф. 3601. Оп. 1. Д. 3. Л. 116.

⁵⁴⁵ Русский архив. Т. 23 (12–2). С. 330–331.

⁵⁴⁶ ЦАМО. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

туркменские отдельные стрелковые бригады)⁵⁴⁷. В первой половине 1942 г. также были расформированы две закавказские стрелковые дивизии – 418-я грузинская и 419-я армянская.

Людской и конский состав, материальная часть и вооружение расформированных соединений обращались на доукомплектование оставшихся национальных соединений (97-й туркменской, 99-й узбекской, 105-й казахской, 104-й таджикской, 107-й киргизской, 110-й калмыцкой, 112-й башкирской, 115-й кабардино-балкарской кавалерийских дивизий, 87-й туркменской, 90-й и 94-й узбекских, 100-й и 101-й казахских отдельных стрелковых бригад) либо отправлялись в запасные полки для последующего укомплектования маршевых подразделений и других (не национальных) формирующихся частей⁵⁴⁸.

Одновременно с расформированием части соединений были сформированы национальные запасные полки, батальоны и дивизионы, принявшие в свой состав массу красноармейцев и командиров нерусской национальности. Формирование национальных запасных частей потребовалось для среднеазиатских кавалерийских дивизий и стрелковых бригад и 112-й и 113-й башкирских кавалерийских дивизий, а также прибалтийских стрелковых соединений. 3 марта 1942 г. в САВО были сформированы три национальных запасных кавполка (12-й узбекский, 13-й казахский и 14-й туркмено-таджикский), каждый со штатной численностью людей – 4196, лошадей – 3829⁵⁴⁹. 16 марта 1942 г. приказом Ставки ВГК для подготовки пополнений в среднеазиатские стрелковые бригады были сформированы: 1-й отдельный запасный казахский стрелковый полк, 2-й отдельный запасный узбекский стрелковый полк, 1-й отдельный запасный туркменский батальон⁵⁵⁰. 26 марта 1942 г. был сформирован Отдельный запасный чечено-ингушский кавалерийский дивизион. Кроме того, два запасных кавалерийских полка, не получив статус национальных, приняли в свой состав основную массу расформированных

⁵⁴⁷ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: док. и материалы: 1942 г. Т. 16 (5–2). М., 1996. С. 116–117, 130–132.

⁵⁴⁸ Русский архив. Т. 16 (5–2). С. 116–117, 130–132.

⁵⁴⁹ ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11547. Д. 9. Л. 123.

⁵⁵⁰ Русский архив. Т. 16 (5–2). С. 130.

национальных соединений и в дальнейшем готовили пополнения для оставшихся соединений: в ЮжУрВО – 9-й запасный кавалерийский полк, принявший остатки 113-й башкирской кавдивизии и готовивший пополнения для 112-й башкирской кавдивизии и 15-й запасный кавалерийский полк СКВО, принявший военнотружущих-калмыков из расформированной 111-й калмыцкой кавдивизии и в последующем отправлявший пополнения в оставшуюся 110-ю калмыцкую кавдивизию. Развитие сети запасных частей, впрочем, не точно повторяло географию национальных формирований. Исследование показало, что национальные запасные части не создавались в тех регионах, где призыв местных национальностей был столь массовым, что обычные запасные части естественным образом заполнялись ими (Закавказье). К тому же все перечисленные запасные части комплектовались не мобилизованным контингентом, а военнотружущими расформированных национальных частей. В Закавказье не происходило столько массового расформирования национальных соединений.

В первой половине 1942 г. приказом заместителя наркома обороны А.Е. Щаденко также были сформированы прибалтийские запасные батальоны, вскоре переформированные в полки (14 февраля – эстонский, 19 февраля – латвийский, 23 мая – литовский)⁵⁵¹ со штатной численностью переменного состава 6000 чел. Прибалтийские запасные части выполняли не только свою прямую функцию подготовки маршевых рот для своих национальных дивизий, но, прежде всего, являлись сборными пунктами для сосредоточения национальных контингентов, рассеянных по всей стране.

Во второй половине 1942 г. и в начале 1943 г. были расформированы, не попав в состав действующей армии, оставшиеся пять среднеазиатских кавалерийских дивизий: 97-я туркменская, 99-я узбекская, 104-я таджикская, 105-я казахская, 107-я киргизская⁵⁵². Все перечисленные соединения были полностью уком-

⁵⁵¹ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12236. Д. 86. Л. 149, 181; Ф. 1-го отдельного латвийского запасного стрелкового полка. Оп. 597946. Д. 2. Л. 6.

⁵⁵² См.: Перечень № 6 кавалерийских, танковых, воздушно-десантных дивизий и управлений артиллерийских, зенитно-артиллерийских, минометных, авиационных и истребительных дивизи-

плектованы личным составом, вооружением и техникой, прошли полный курс обучения. Например, командир 107-й кавалерийской дивизии 7 августа 1942 г. характеризовал свое соединение как «организационно сколоченное. Боевая и политическая подготовка – удовлетворительны. По степени обученности требуется доработка взаимодействия со средствами усиления, авиацией и мотомехчастями»⁵⁵³. Из САВО кавалерийские дивизии в полном составе направлялись на фронт или в другой округ и уже там распределялись готовыми частями и подразделениями среди боевых соединений. Так произошло со 106-й казахской кавалерийской дивизией, обращенной на пополнение частей 6-го кавалерийского корпуса⁵⁵⁴. Аналогичным образом сформированная 99-я кавалерийская дивизия в августе 1942 г. была отправлена в ЮжУрВО и там распределена между пятью формируемыми стрелковыми дивизиями⁵⁵⁵. Полностью укомплектованная личным и конским составом, вооружением и транспортом 97-я кавалерийская дивизия была переправлена через Каспийское море и, прибыв в район Сталинграда, передана на доукомплектование частей 4-го кавалерийского корпуса⁵⁵⁶. Только 107-я кавалерийская дивизия была расформирована в САВО и затем частями распределена в различные округа⁵⁵⁷. Среднеазиатские запасные части и подразделения, сформированные в марте 1942 г., за ненадобностью расформировывались одновременно с расформированием национальных боевых частей.

В отдельных случаях, когда реформируемое национальное соединение являлось уникальным для данной национальности, по запросу республиканских властей разрешалось создавать на их основе более мелкие войсковые единицы.

зий, входивших в состав Действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1956. С. 19.

⁵⁵³ ЦАМО. Ф. 3618. Оп. 1. Д. 7. Л. 3

⁵⁵⁴ Сулейменов А. Реабилитация военнопленных // http://e-history.kz/ru/project/view/21?type=publicationproject&material_id=3689#scontent (дата обращения: 31.10.2017); Игсатова Д. Сталинградский след 106-й кавалерийской дивизии // http://e-history.kz/ru/project/view/21?type=publicationproject&material_id=3776#scontent (дата обращения: 21.11.2017); Она же. Младший лейтенант госбезопасности // http://e-history.kz/ru/project/view/21?type=publicationproject&material_id=3801#scontent (дата обращения: 28.11.2017).

⁵⁵⁵ ЦАМО. Ф. 159. Оп. 13075. Д. 64. Л. 215–216.

⁵⁵⁶ Там же. Ф. 3608. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–103.

⁵⁵⁷ Там же. Ф. 3618. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

Так, после расформирования 114-й чечено-ингушской кавалерийской дивизии, по настоятельной просьбе Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) из оставшегося личного состава были созданы 255-й отдельный чечено-ингушский полк и Отдельный чечено-ингушский запасный дивизион⁵⁵⁸.

Во всех директивах Ставки причины расформирования объяснялись одинаково – большим некомплектом людей, лошадей и материальных средств, необходимостью повышения качества остающихся национальных соединений, поднятием их материального уровня и созданием резерва для своевременного маршевого пополнения существующих частей.

При анализе организационных изменений в национальных соединениях нельзя не учитывать того, что на их судьбе сказывались не только неурядицы, связанные с их формированием, укомплектованием и боевой подготовкой, но и общие изменения в организации родов войск. Особенно это касалось кавалерии, поскольку этот род войск с большим трудом адаптировался к реалиям современной «войны моторов», и 1941–1943 гг. стали периодом перманентной реорганизации конницы, ее организационно-штатного и тактического приспособления к требованиям дня. В этом процессе национальные формирования были только безгласными участниками. Так, в ноябре 1941 г. все 20 национальных кавалерийских дивизий сформировали по штатам так называемых «легких» дивизий – без артиллерии, с минимумом средств усиления, облегченным тылом и т.д. (всего в 1941 г. было создано 78 кавалерийских дивизий «легкого» типа). Однако с учетом боевого опыта в начале 1942 г. они были переформированы в «линейные» кавалерийские дивизии, более усиленного состава, произошло их организационно-штатное укрепление и объединение в корпуса. На рубеже 1942–1943 гг. последовала очередная реорганизация, в результате которой конница была усилена танками, артиллерией, в том числе зенитной и реактивной и т.д. Реорганизации сопровождались сокращениями числа кавалерийских дивизий и обращением их на покрытие некомплекта оставшихся, поскольку и конский, и людской кавалерийский состав был в остром дефиците, восполнялся с трудом, но нес в боях большие потери.

⁵⁵⁸ ЦАМО. Ф. 225-го стрелкового полка. Оп. 915461. Д. 3. Л. 1 об.

Большинство решений о расформировании национальных кавалерийских соединений принималось в ряду общих решений о реорганизации и сокращении конницы. Например, в течение 1942 г. было расформировано 57 кавалерийских дивизий, из которых 17 были национальными⁵⁵⁹. Хотя, безусловно, при расформировании или оставлении того или иного конкретного соединения учитывались его организационное состояние и боевые качества.

В результате анализа установлено, что большая часть (55,4 %) созданных на рубеже 1941–1942 гг. национальных соединений была расформирована, не успев принять участия в бою. Сравнение соотношения расформированных и оставшихся соединений по регионам формирования показывает, что из среднеазиатских соединений были расформированы 86,2 % соединений (25 из 29); 50 % – из числа сформированных на территории РСФСР (3 из 6); 14,3 % – из числа сформированных в Закавказье (2 из 14). Число прибалтийских соединений (5) сохранялось неизменным до конца войны.

Исходя из особенностей боевого пути национальных формирований, *принявших участие в боевых действиях*, диссертант разделил их на *три группы*. *Первые*, оказавшись на фронте в суровом 1942 г. и пробыв на передовой от двух до шести месяцев, понесли тяжелые потери, потеряли боеспособность, были *расформированы* и более не восстанавливались. К таковым относятся: три закавказские национальные дивизии Крымского фронта (224, 388-я и 396-я), разбитые вместе с остальными частями фронта в мае 1942 г. и в дальнейшем в качестве национальных не восстанавливавшиеся; 225-й чечено-ингушский кавалерийский полк и 115-я кабардино-балкарская кавалерийские дивизии, принявшие бой на донском рубеже обороны в самом начале оборонительного сражения на кавказском и сталинградском направлениях; 408-я армянская стрелковая дивизия, действовавшая осенью 1942 г. на туапсинском направлении; 90-я и 94-я отдельные узбекские стрелковые бригады, принявшие участие в операциях 3-й армии Брянского фронта в ноябре 1942 г. – январе 1943 г., после чего были расформированы

⁵⁵⁹ ЦАМО. Ф. 43. Оп. 11547. Д. 9. Л. 127.

в один день – 26 января 1943 г.⁵⁶⁰; 110-я калмыцкая кавалерийская дивизия, действовавшая с июля 1942 г. на Дону, а затем – на Северном Кавказе и расформированная в январе 1943 г.; а также 87-я отдельная туркменская стрелковая бригада, с конца ноября 1942 г. воевавшая в составе 27-й армии Северо-Западного фронта в районе Рамушево, в конце апреля 1943 г. была переформирована в 76-ю стрелковую дивизию.

Ко второй группе диссертант относит большинство закавказских национальных соединений, 112-ю башкирскую кавалерийскую дивизию, а также 100-ю и 101-ю казахские стрелковые бригады; к третьей – все прибалтийские национальные соединения. Вторую и третью группы объединяет то принципиально важное обстоятельство, что, в отличие от национальных соединений, отнесенных к первой группе, они прошли длительный боевой путь, часть из них – до Дня Победы в Великой Отечественной войне. В то же время отношение органов государственного и военного управления к национальному статусу этих соединений, укомплектованию их представителями титульного этноса было различным, что и потребовало их разделения.

Закавказские национальные стрелковые дивизии в 1942 г. по боевым качествам стояли незначительно выше среднеазиатских; их формирование и боевое слаживание также сильно затянулись, а качество боевой подготовки вызывало острую критику высшего командования⁵⁶¹. Будучи в 1941 г. и в первой половине 1942 г. недействующим фронтом, Закавказский фронт (до марта 1942 г. – Закавказский военный округ) выступал донором действующих войск, в том числе по-

⁵⁶⁰ Перечень № 7 управлений бригад всех родов войск, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1956. С. 19–21.

⁵⁶¹ Так, проверка представителями командования 44-й армии Северной группы войск Закавказского фронта оборонительного участка 1037-го стрелкового полка 223-й азербайджанской стрелковой дивизии, проведенная в октябре 1942 г., выявила вопиющую картину развала воинского коллектива: «Вся территория расположения захлавлена, засорена, отдельные сооружения развалились, рассыпались, окопы превращены в уборные... Бойцами окопы не заняты. В день поверки в 13.00 бойцы находились в ближайшем тылу, около своих палаток – кипятили чай, варили кушанье... Никаких занятий в батальоне не велось... Поднятые по тревоге красноармейцы 4-й роты 2-го батальона 1037 СП очень медленно заняли свои места в обороне, при этом многие красноармейцы оставили в палатках патроны, гранаты, противогазы, лопаты и другие предметы...» (ЦАМО. Ф. 273. Оп. 875. Д. 2. Л. 108–108 об.). См. также: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 3. Л. 46.

терпевшего катастрофу в мае 1942 г. Крымского фронта. По этой причине к лету 1942 г. Закавказский фронт располагал лишь незначительным количеством готовых соединений (20 стрелковых дивизий и бригад, 3 кавалерийские дивизии 3 танковые бригады), прикрывавших по периметру все Закавказье, а также выделял из своих сил контингент советских войск в Иране⁵⁶². Поэтому, несмотря на очевидные недостатки, Генеральный штаб считал национальные соединения Закавказского фронта «*основным костяком*» (выделено мной. – *Авт.*) его войск⁵⁶³. А в период стремительного наступления немецко-фашистских войск на Кавказ летом и осенью 1942 г. командованию Закавказского фронта, отрезанного врагом от центральной части страны, приходилось рассчитывать в основном на собственные силы.

Приведенные аргументы позволяют сделать вывод о том, что именно экстремально тяжелое положение на фронте в ходе весенне-летних сражений на южном крыле советско-германского фронта стало главным фактором сохранения закавказских национальных соединений как боевых единиц в составе действующих войск. Эти стрелковые дивизии (392, 406, 414-я грузинские, 89, 408, 409-я армянские, 223, 402, 416-я азербайджанские) не только не были расформированы, но приняли самое активное участие в событиях битвы за Кавказ (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.). Некоторые объединения (например, 44 и 58-я армии Северной группы войск Закавказского фронта) и вовсе в значительной мере были укомплектованы уроженцами Кавказа. По данным советского историка Э. Мамукелашвили, удельный вес представителей нерусских народов в войсках Северной группы (по составу она приближалась к фронтовому объединению войск⁵⁶⁴) достигало 42,5 %⁵⁶⁵. В контрнаступлении войск Северной группы на северном берегу реки Терек в направлении Моздока, начавшемся 11 декабря 1942 г., одновременно принимало участие шесть национальных дивизий (223, 402, 416-я азербайджан-

⁵⁶² Русский архив. Т. 16 (5–2). С. 69–70.

⁵⁶³ Там же. Т. 23 (12–2). С. 65.

⁵⁶⁴ В ноябре–декабре 1942 г. в состав Северной группы войск Закавказского фронта входило четыре общевойсковых армии (9, 37, 44, 58-я), одна воздушная (4-я), два отдельных гвардейских кавалерийских корпуса и другие части и соединения.

⁵⁶⁵ Мамукелашвили Э. Военно-организаторская и идеологическая деятельность КПСС в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). Тбилиси, 1982. С. 88.

ские, 89, 409-я армянские, 414-я грузинская), не считая целого ряда соединений с преимущественно нерусским составом, но не имевших официального статуса национальных (151, 271, 320-я стрелковые дивизии, 9-й стрелковый корпус и др.).

В тяжелых условиях оборонительных боев не все национальные формирования проявили высокие боевые качества. Особенности менталитета бойцов, трудности фронтовой обстановки, недостатки в управлении и материально-бытовом обеспечении стали причиной более низкой боеспособности национальных соединений по сравнению с соединениями, преимущественно славянскими по составу. Много раз на протяжении декабря 1942 г., по свидетельству германских историков, немецкая группировка на северном берегу Терека находилась на грани катастрофы⁵⁶⁶. Однако наступление вновь не имело успеха. Стрелковые части несли тяжелейшие потери, большинство из них к 1 января 1943 г. лишились 50–70 % своего личного состава. Так, в частях 9-го стрелкового корпуса, в значительной мере укомплектованных азербайджанцами, на 26 декабря 1942 г. оставалось лишь 246 активных штыков – 130 в одной бригаде и 116 в другой⁵⁶⁷. Некоторые дивизии (402-я и 320-я) попали в окружение и были смяты немецкими танками. Стрелковые подразделения легко поддавались пресловутой «танкобоязни». Потери частей 44-й армии оказались самыми высокими в декабре среди всех армий Закавказского фронта. Согласно донесению командарма-44 генерал-майора В.А. Хоменко к концу месяца армия была фактически небоеспособной⁵⁶⁸.

Часть высшего командного состава была склонна возлагать ответственность за неудачи на фронте именно на нерусский состав, придавая обвинениям политический оттенок. Так, командование Северной группы войск (СГВ) Закавказского фронта дважды напрямую обращалось к Верховному главнокомандующему И.В. Сталину, настойчиво предлагая расформировать ряд армянских и азербайджанских национальных стрелковых дивизий как «неустойчивые» и «небоеспособные» или же переформировать их в стрелковые бригады сокращенного штата

⁵⁶⁶ Geschichte der 3. Panzer-Division. Berlin-Brandenburg 1935–1945. Berlin, 1967. S. 350.

⁵⁶⁷ ЦАМО. Ф. 827. Оп. 1. Д. 5. Л. 147.

⁵⁶⁸ Там же. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 432. Л. 157.

(по 4356 чел. в каждой), предварительно отсеяв из них «неустойчивый элемент»⁵⁶⁹. В донесении Военному совету фронта и начальнику Генерального штаба 23 декабря 1942 г. командующий группой войск генерал-лейтенант И.И. Масленников охарактеризовал 416, 402, 223-ю азербайджанские и 409-ю армянскую стрелковые дивизии как «слабоманевренные, не стойкие и не способные к наступательным действиям»⁵⁷⁰. По его словам, «целые подразделения дивизий ложатся перед первым разрывом мины или снаряда. Поднять такие подразделения... тяжело», даже несмотря на массовые репрессии⁵⁷¹. Далее Масленников недвусмысленно намекал на распространение воинских преступлений в национальных дивизиях, заявив, что «до 60% ранений падает на ранения в левую руку»⁵⁷². По свидетельству занимавшего в тот период должность председателя СНК ДАССР А.Д. Даниялова, подобное мнение было широко распространено среди комсостава и в беседах с ним «военные товарищи» часто «упорно доказывали неспособность к войне национальных формирований из народностей Кавказа и азербайджанцев»⁵⁷³.

Такая точка зрения имела под собой определенные основания. Немецкие источники часто отмечают, что перебежчиками в этих боях становились в основном уроженцы Кавказа⁵⁷⁴. В дневнике командира одного из подразделений 111-й немецкой пехотной дивизии, действовавшего на северном берегу реки Терек, отмечалось, что в его распоряжение «при каждой возможности приходят перебежчики, главным образом, представители кавказских народов, не говорящие по-русски»⁵⁷⁵. Части Красной армии, укомплектованные кавказцами, немцы считали «явно неустойчивыми»⁵⁷⁶, «имеющими невысокую боевую ценность по сравне-

⁵⁶⁹ ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 1. Л. 161–165; Ф. 209. Оп. 1063. Д. 166. Л. 29.

⁵⁷⁰ Там же. Д. 5. Л. 509–513.

⁵⁷¹ Там же.

⁵⁷² Там же. Л. 509–513.

⁵⁷³ Там же. Ф. 209. Оп. 989. Д. 8. Л. 356–360.

⁵⁷⁴ Tiede W. Der Kaukasus und das Öl: Der deutsch-sowjetische Krieg in Kaukasien 1942/43. Osnabrück, 1967. S. 200.

⁵⁷⁵ Muskulus F. Geschichte der 111. Infanterie Division 1940–1944. Hamburg, 1980. S. 160.

⁵⁷⁶ Geschichte der 3. Panzer-Division. S. 344.

нию с «русскими» частями⁵⁷⁷. В специальной справке германского генерального штаба кавказские соединения не признавались «полноценными войсками» ни в плане материального оснащения, ни по качественным характеристикам личного состава⁵⁷⁸.

В то же время анализ обстоятельств боевых действий и методов руководства ими позволяет отчасти объяснить поведение части бойцов кавказских национальностей спешкой и шаблонностью в организации и осуществлении атак, недостаточной подготовке и обеспечением боя, оборачивавшихся большими и ненужными потерями⁵⁷⁹. Так, в переговорах с командармом-44 генерал-майором В.А. Хоменко, командующий группой войск генерал-лейтенант И.И. Масленников, непрерывно гнал войска вперед, требуя наступать, «не оглядываясь на свой фланг и на тыл»; «любыми средствами, не останавливаясь ни перед чем в репрессивных мерах заставить войска наступать...»⁵⁸⁰. Бои на левом берегу Терека осенью и зимой 1942 г. их участники, прошедшие затем всю войну, вспоминали как «символ кровопролитнейших боев, бессмысленных ночных атак и тяжелейших потерь», «олицетворением самой сущности войны со всеми ее ужасами и бесчеловечностью»⁵⁸¹. В то же время даже в штабе СГВ Закавказья признавали, что на национальную пехоту выпало очень тяжелое испытание: «Пехота у нас золотая и все беды терпит она, – отмечал в одном из докладов начальник штаба Северной группы генерал-майор А.А. Забалуев. – Пехотинцы азербайджанской национальности смело шли вперед и не отступали перед танковыми атаками, но зачастую, без поддержки огня бронебойщиков, не умея должным образом применять противотанковые гранаты и бутылки, несли большие потери»⁵⁸².

⁵⁷⁷ Geschichte der 3. Panzer-Division. S. 344. S. 340.

⁵⁷⁸ Boog H., Rahn W., Stumpp R., Wegner B. Der Globale Kriege. Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Weckel der Initiatiwe 1941–1943. Stuttgart, 1990. S. 934–935.

⁵⁷⁹ Например, 409-я армянская стрелковая дивизия, которая была введена в бой 15 декабря 1942 г., уже к 20 декабря потеряла половину своего состава: из 10 146 чел. выбыло 5216 бойцов и командиров (542 чел. убитыми, 3186 – ранеными, 488 – пропавшими без вести) (ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 29. Л. 17–18).

⁵⁸⁰ ЦАМО. Ф. 399. Оп. 9385. Д. 20. Л. 353.

⁵⁸¹ Тартаковский Б.Г. Из дневников военных лет. М., 2005. С. 54–97, 99.

⁵⁸² ЦАМО. Ф. 273. Оп. 879. Д. 39. Л. 34.

Оценивая позицию Военного совета Северной группы войск, Военный совет Закавказского фронта (командующий – генерал армии И.В. Тюленев, члены Военного совета – Л.М. Каганович, П.И. Ефимов), в состав которого также входили все руководители ЦК компартий закавказских союзных республик (Г.А. Арутюнов, К.П. Чарквиани, М.-Д.А. Багиров), квалифицировал ее как «грубую политическую ошибку»⁵⁸³ и «по сути фашистскую»⁵⁸⁴. И.В. Сталин в конце концов встал на сторону Военного совета Закавказского фронта, в резкой форме потребовав от Масленникова: «Прекратите пререкания с Тюленевым и выполняйте его директивы»⁵⁸⁵.

Участие в тяжелых боях не прошло для бойцов кавказских национальностей бесследно. С приобретением ими боевого опыта их политико-моральное состояние становилось более устойчивым. Оставшиеся в строю бойцы-«националы», прошедшие суровую школу оборонительных боев 1942 г., постепенно возмужали, освоили русский язык и могли сражаться на равных с красноармейцами-славянами⁵⁸⁶. Документы фиксируют положительные качественные изменения личного состава национальных формирований. По выражению командира 276-й стрелковой дивизии генерал-майора И.А. Севастьянова, укомплектованной в основном грузинами, его люди «посуровели»⁵⁸⁷. После коренного перелома в Великой Отечественной войне сохранившиеся закавказские национальные соединения и по национальному составу, и по боевым характеристикам фактически стали в один ряд с прочими соединениями Красной армии. С середины 1943 г., когда кавказские национальные дивизии интенсивно пополнялись личным составом, документы нередко отмечали ситуацию, обратную той, которая наблюдалась в 1941–1942 гг. Бойцы кавказских национальностей в положении ветеранов своих подразделений теперь становились авторитетами для нового пополнения разных

⁵⁸³ ЦАМО. Ф. 399. Оп. 9385. Д. 27. Л. 8–10.

⁵⁸⁴ Там же. Ф. 209. Оп. 989. Д. 8. Л. 358.

⁵⁸⁵ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: док. и материалы: 1943. Т. 16 (5–3). М., 1999. С. 466.

⁵⁸⁶ *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 43.

⁵⁸⁷ ЦАМО. Ф. 1572. Оп. 1. Д. 8. Л. 31.

национальностей, являлись кадровым ядром подразделений⁵⁸⁸. Они уже редко бывали нарушителями дисциплины. Сами национальные соединения приобрели богатый боевой опыт и использовались на важных участках фронта. Так 223-я азербайджанская стрелковая дивизия в 1943 г. участвовала в прорыве вражеской обороны под Харьковом, захвате плацдарма в районе Аулы при форсировании Днепра. Весной 1944 г. дивизия участвовала в тяжелых боях за плацдарм на правом берегу реки Днестр, а в августе – в знаменитой операции по уничтожению Яско-Кишиневской группировки врага, в ходе которой пленила 3327 немецких солдат и офицеров⁵⁸⁹.

Вместе с тем уже в начале 1943 г. угроза оккупации Кавказского региона миновала, положение на фронтах улучшилось. Отпала необходимость в поддержании идеологемы о защите своего дома, своего народа. Трудоемкое и затратное поддержание этнического баланса национальных соединений перестало быть актуальным, и постепенно, по мере новых пополнений, состав национальных соединений размывается представителями других национальностей.

Схожая боевая судьба постигла две остававшиеся в строю действующей армии две казахские стрелковые бригады (100-я и 101-я). Они оказались на фронте в конце октября 1942 г. и находились в составе действующей армии дольше всех других национальных соединений, сформированных САВО. В ноябре–декабре 1942 г. в составе 39-й армии Калининского фронта они приняли участие во 2-й Ржевско-Сычевской наступательной операции (операция «Марс»), понеся в ней тяжелые потери, и после доукомплектования в значительной мере утратили свой национальный статус. В дальнейшем при пополнениях удельный вес титульной национальности неизменно падал (*таблица 2*). 100-я бригада была обращена на комплектование 1-й стрелковой дивизии 9 декабря 1943 г., а 101-я бригада расформирована 5 июля 1944 г.

⁵⁸⁸ ЦАМО. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 6. Л. 51.

⁵⁸⁹ Там же. Д. 4. Л. 1–4.

Таблица 2. Динамика удельного веса представителей титульных национальностей в закавказских и среднеазиатских национальных стрелковых соединениях, принявших участие в боях, в 1943–1945 гг. (в процентах ко всему личному составу)⁵⁹⁰

Наименование соединения	01.01.1943	01.07.1943	01.01.1944	01.07.1944	01.01.1945
77-я азербайджанская сд	55,6	40,3	22,9	6,9	–
89-я армянская сд	–	–	–	62,7	57,7
223-я азербайджанская сд	86,1	24,6	19,4	11,2	–
394-я грузинская сд	64,0	–	3,6	–	–
409-я армянская сд	–	21,4	29,1	17,4	16,8
414-я грузинская сд	84,9	85,6 ⁵⁹¹	75,5	78,8	56,9
416-я азербайджанская сд	–	40,8	49,7	21,4	–
100-я казахская сбр ⁵⁹²	51,4	18,4	–	–	–
101-я казахская сбр ⁵⁹³	63,5	21,5	18,0	–	–

Несколько особняком во второй группе национальных соединений занимает 112-я башкирская кавалерийская дивизия, которая за выдающиеся боевые заслуги и успешный рейд по тылам противника в районе Ворошиловграда в составе всего 8-го кавалерийского корпуса 14 февраля 1943 г. была преобразована в 16-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию 7-го гвардейского кавалерийского корпуса. В составе корпуса дивизия дошла до Дня Победы, став соединением-рекордсменом в РККА по числу героев Советского Союза – 78 чел. Строго говоря, 16-я гвардейская кавалерийская дивизия не являлась национальной (в приказе НКО № 78 от 14 февраля 1943 г. о преобразовании 8-го кавалерийского корпуса в гвардейский упоминание этнонима отсутствует⁵⁹⁴). Однако сохранившиеся фрагментарно архивные материалы свидетельствуют о том, что дивизия продолжала пополняться коренными народами Башкирской АССР – башкирами и татарами, хотя уже не

⁵⁹⁰ Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 2. Л. 51–55 об; Д. 94. Л. 21, 81–83; Ф. 1495. Оп. 1. Д. 1. Л. 34; Ф. 1720. Оп. 1. Д. 99. Л. 6; Ф. 1733. Оп. 1. Д. 2. Л. 250; Д. 4. Л. 38–41 об; Ф. 1736. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об, 12; Д. 36. Л. 34, 35, 78, 90; Ф. 1738. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–13 об; Ф. 1918. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4; Ф. 1919. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

⁵⁹¹ По состоянию на 1 апреля 1943 г.

⁵⁹² В действующей армии с 26.10.1942 по 9.12.1943. Переформирована в 1-й стрелковую дивизию II формирования. (Перечень № 7 управлений бригад всех родов войск, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1956. С. 19–21).

⁵⁹³ В действующей армии с 23.10.1942 по 5.7.1944. Расформирована (Перечень № 7... С. 19–21).

⁵⁹⁴ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 6. Л. 191.

достигала высокой этнической гомогенности, как при формировании. Так, если по окончании формирования в декабре 1941 г. 81,4 % личного состава являлась башкирами, а 14,5 % – татарами, то в конце июня 1943 г. – лишь 16,6 % башкир и 12,9 % татар⁵⁹⁵.

С 1943 г. сохранение этнически однородного состава в национальных соединениях стало в основном инициативной заботой ЦК компартий союзных республик. Процесс начинался, как правило, с того, что комдивы и начальники политотделов дивизий сигнализировали об ослаблении национального ядра своих соединений в два адреса: вышестоящему командованию и в центральные комитеты партии своих республик. После этого первые секретари национальных компартий использовали официальные и личные связи с руководством страны и Наркомата обороны, вплоть до И.В. Сталина для адресной отправки маршевого пополнения в «свои» национальные соединения. Нередко советские и партийные элиты союзных республик обращались напрямую к заместителю наркома обороны – начальнику Главного управления формирования и укомплектования РККА генерал-полковнику Е.А. Щаденко, прося его перенаправить имевшиеся в их республиках людские ресурсы в национальные дивизии. В случае с закавказскими национальными соединениями возможны были только неформальные механизмы принятия решений, поскольку, как отмечалось выше, для закавказских соединений специальных запасных частей не создавалось и они пополнялись общим порядком, в одном ряду с прочими соединениями своих армий и фронтов.

Для национальных элит идеологическая составляющая существования национальных формирований имела исключительно важное значение. Как было сказано об одной из азербайджанских дивизий, она есть *«еще одно неопровержимое доказательство»* (курсив мой. – Авт.) верности азербайджанцев советскому народу и И.В. Сталину⁵⁹⁶. То есть национальная дивизия понималась как зримое, материальное воплощение национального вклада в дело вооруженной борьбы с оккупантами.

⁵⁹⁵ ЦАМО. Ф. 3552. Оп. 1. Д. 2. Л. 4; Д. 80. Л. 90.

⁵⁹⁶ Бакинский рабочий. 1943. 5 октября.

Как следует из анализа документов, инициатива республиканских властей приводила к тому, что в первой половине 1943 г. наблюдалось даже возрождение старых национальных дивизий, ведущих свою историю со времен Гражданской войны, но в ходе военной реформы конца 1930-х гг. утеревших национальный статус. Так, 77-я стрелковая дивизия после переформирования в конце 1942 г. была пополнена большим количеством красноармейцев, командиров и политработников азербайджанской национальности и неформально вновь стала именоваться национальной, хотя с 1938 г., после упразднения национальных формирований, таковой не считалась. В 1943–1945 гг. 77-й дивизии отдавался явный приоритет перед другими соединениями, даже теми, которые официально формировались как азербайджанские национальные.

В этом отношении типологически близко стремление властей Казахстана поддерживать высокий удельный вес воинов казахской национальности в знаменитой на всю страну 8-й гвардейской стрелковой дивизии, которая под командованием бывшего военкома КССР генерал-майора И.В. Панфилова отличилась в оборонительном сражении под Москвой. Дивизия формировалась в Казахстане и насчитывала в своем составе относительно немного казахов (после формирования – 14,4 %) ⁵⁹⁷. В боях она несла тяжелые потери (с 19 августа 1941 г. по 1 июля 1942 г. только безвозвратные потери составили 11 754 чел. ⁵⁹⁸). Дивизия никогда официально не считалась национальной. Тем не менее по ходатайствам советских и партийных властей республики она несколько раз пополнялась тысячами казахов, в том числе за счет формируемых в Казахстане национальных соединений. Так, 100-я казахская стрелковая бригада выделяла маршевое пополнение казахами для 8-й гвардейской стрелковой дивизии как минимум трижды: 4 декабря 1941 г. – 1700 бойцов и младших командиров, 23 декабря 1941 г. – 1460 чел. ⁵⁹⁹, 18 апреля 1942 г. – еще 594 чел. ⁶⁰⁰. Из 101-й бригады 23 декабря 1941 г. было отправлено

⁵⁹⁷ Сухарь М.Я. Указ. соч. С. 229.

⁵⁹⁸ ЦАМО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 17. Л. 58.

⁵⁹⁹ Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана, 1941–1945 гг. Сборник документов. Алматы, 2010. С. 160.

⁶⁰⁰ ЦАМО. Ф. 1918. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

600 чел.⁶⁰¹. Еще 540 казахов было призвано из запаса. В июле 1943 г. из состава 3-й и 32-й запасных бригад было выделено 2500 обученных казахов и киргизов⁶⁰². Все эти меры способствовали поддержанию в дивизии определенного удельного веса казахов и киргизов. Эти факты широко тиражировались в республиканском публичном пространстве. Налицо стремление республиканских властей «национализировать» прославленное на всю страну соединение.

Рассмотрев источниковую базу, диссертант пришел к выводу, что явочная национализация воинских соединений происходила в 1943–1944 гг. и в других республиках. Например, неофициально стала считаться национальной грузинской 296-я стрелковая дивизия 45-й армии Закавказского фронта. Как отмечалось в историческом формуляре соединения, «личный состав дивизии на 70 % состоял из грузин, дивизия в целом являлась национально-грузинской»⁶⁰³. 261-я дивизия той же армии, не принимавшая участия в боях с середины 1942 г., с 1943 г. носила неофициальное наименование «армянская» и т.д.

В общем массиве национальных формирований особое место занимают *прибалтийские национальные соединения*, чей национальный статус оставался незыблемым до конца войны. Прибалтийские стрелковые дивизии прошли и самый долгий и насыщенный боевой путь. Исследование документальной базы требует искать причину этого в политико-идеологической сфере: на последнем этапе войны одним лишь прибалтийским национальным соединениям еще *предстояло* освободить родной край. Для прочих национальных формирований эта задача давно не являлась актуальной. Идеологический концепт *защиты* или же *освобождения родного дома* следует понимать как важный фактор поддержания национального статуса воинских формирований в годы Великой Отечественной войны. Защищая свой край, воины-«националы» самым убедительным и наглядным образом опровергали нацистскую пропаганду, пытавшуюся вбить клин в единство советских народов и иногда имевшую определенный успех на этом по-

⁶⁰¹ Рассекреченная война... С. 160.

⁶⁰² Там же. С. 436–438.

⁶⁰³ Великая Отечественная война: документы и материалы. Т. III: Национальные формирования Красной армии... С. 354.

прище. Если в случае с прибалтийскими национальными воинскими формированиями сохранение национального статуса было актуально для власти фактически до конца войны, то для кавказских он потерял важность сразу после окончания оборонительного сражения на Северном Кавказе (т.е. к началу 1943 г.), а для башкирской кавдивизии и среднеазиатских формирований этот фактор и вовсе не актуализировался никогда. В связи с этим не возникало политической необходимости поддерживать существование таких соединений в качестве национальных ценной усложнения логистики комплектования их людскими ресурсами. В случае потери боеспособности они без лишних колебаний расформировывались или перестраивались в обычные воинские части.

Как отмечалось выше, роль республиканских властей в поддержании этнического баланса национальных формирований была высока. Предпринятое диссертантом изучение документальной базы, позволяет утверждать, что прибалтийские правительства и коммунистическая партийная элита оказались и здесь в особом положении. Ситуация «правительств в изгнании» избавляла их от повседневных забот о хозяйственной и социальной жизни подведомственных территорий и позволяла сосредоточиться на проблемах национальных воинских формирований. Например, первые секретари прибалтийских компартий, активно вмешивались в этот процесс, вплоть до отстаивания интересов и прав отдельных курсантов. Постоянное местопребывание в Москве предоставляло прибалтийским властям оперативный доступ к государственному и военному руководству страны.

Усилиями руководства Наркомата обороны был предпринят комплекс мер для регулярного комплектования прибалтийских национальных формирований маршевыми пополнениями. Развивалась сеть запасных частей, особенностью которых было то, что в них готовили бойцов и командиров по широкому перечню специальностей, являясь своеобразными комплексными учебными центрами, комплектуемыми личным составом по национальному принципу. Так, сформированный в феврале 1942 г. 1-й отдельный латвийский запасный стрелковый полк состоял из семи батальонов: учебного (готовил младший командный состав), четырех стрелковых, пулеметного и минометного, а также трех отдельных спецрот

(автоматчиков, саперов и связистов), артиллерийского дивизиона, отдельной батареи 45-мм пушек, курсов младших лейтенантов, взвода выздоравливающих. С 1944 г. при полку также содержалась группа резерва Латвийского штаба партизанского движения (150 чел.)⁶⁰⁴. Аналогичную многопрофильную структуру имели и другие прибалтийские запасные части. Наиболее подготовленные и перспективные офицеры полка направлялись на курсы усовершенствования командного состава «Выстрел» для подготовки на должности командиров рот и батальонов. Для подготовки офицеров-специалистов (инженеров, связистов, артиллеристов и др.) в военных училищах Московского военного округа выделялись квоты.

Мобилизуемые и призываемые в РККА эстонцы передавались в 1-й отдельный запасный эстонский стрелковый полк, а затем на укомплектование 8-го эстонского стрелкового корпуса. Латыши направлялись в 1-й отдельный латвийский запасный стрелковый полк, а после его расформирования в июле 1944 г. (в связи с обращением большей части его личного состава на формирование новой 308-й латышской стрелковой дивизии) – во вновь сформированный Латышский запасный стрелковый батальон 359-го запасного стрелкового полка 14-й запасной стрелковой дивизии. В связи со вступлением советских войск на территорию прибалтийских советских республик и развертывания там военного призыва формировались целые запасные соединения. В июле 1944 г. советские войска вступили на территорию Литвы; 13 июля 1944 г. первой из прибалтийских столиц взят Вильнюс. Уже 23 июля 1944 г. для обучения литовских контингентов в Белорусском военном округе директивой Генерального штаба РККА № орг/2/614 была сформирована 50-я запасная литовская стрелковая дивизия в составе четырех запасных стрелковых полков и одного запасного артиллерийского полка⁶⁰⁵. К 20 сентября 1944 г. в составе дивизии насчитывалось 22,5 тыс. чел., из которых 17,1 тыс. чел. были литовцами⁶⁰⁶. Если не удавалось набрать контингент нужной национальности, его заменяли славянами, евреями и иными национальностями, однако стара-

⁶⁰⁴ ЦАМО. Ф. 1-го отдельного латышского запасного стрелкового полка. Оп. 597942. Д. 3. Л. 185, 206.

⁶⁰⁵ Там же. Ф. 8259. Оп. 116526. Д. 3. Л. 1–2.

⁶⁰⁶ Там же. Д. 4. Л. 21–22.

лись подбирать лиц, связанных происхождением с прибалтийскими республиками.

Кроме национальных запасных частей, было определено, что раненые и больные бойцы и командиры лечились в специально отведенных для них госпиталях, с тем, чтобы затем возвращаться в свои части. Так, для эстонцев в начале 1943 г. был выделен эвакогоспиталь № 1079 в городе Иваново⁶⁰⁷. Здесь же располагалось Подольское пехотное училище, с 1942 г. готовившее средний командный состав для всех прибалтийских частей. Другие национальные соединения не имели в годы войны прикрепленных к ним запасных частей, госпиталей и военно-учебных заведений, и поэтому все они неизбежно теряли ядро национального состава.

Если другие национальные соединения неуклонно отдалялись от своих республик, нередко – за тысячи километров, то прибалтийские, напротив, приближались к родным краям. Во второй половине 1944 г. они вступили на территорию Прибалтики и получили возможность пополняться непосредственно в родных местах, чем активно пользовались, поддерживая национальный состав в стабильном состоянии⁶⁰⁸. Более того, с приближением к территории Прибалтики, напротив, произошло организационное укрепление прибалтийских частей, что лишний раз подтверждает выдвинутый тезис о политической значимости национальных частей в связи с защитой родного края. В июне 1944 г. был сформирован 130-й стрелковый латышский корпус (в составе 43-й гвардейской и 308-я латышских стрелковых дивизий). 308-я стрелковая дивизия формировалась одновременно с корпусом и стала последней национальной дивизией, созданной в годы войны. 18 июля 1944 г. войска корпуса вступили на землю Латвии; бойцы корпуса одни-

⁶⁰⁷ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 199. Л. 70–76.

⁶⁰⁸ Так, в 8-м эстонском стрелковом корпусе в августе 1944 г. числилось 79,5% эстонцев; в 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизии к сентябрю 1944 г. латыши составляли 45% личного состава; в 16-й литовской стрелковой дивизии к 1 октября 1944 г. литовцы составляли 50% личного состава, причем их представительство по отношению к июлю 1944 г. возросло более чем в 2,5 раза. (Подсчитано автором по: Великая Отечественная война. 1941–1945: Документы и материалы. Т. III. Национальные формирования Красной армии. С. 101, 104–109, 133, 173.)

ми из первых перешагнули административную границу республики⁶⁰⁹. В составе 2-го Прибалтийского фронта латышской дивизии участвовали в Режицко-Двинской (10–27 июля 1944 г.), Лубанско-Мадонской (1–28 августа 1944 г.), Рижской (14 сентября – 16 октября 1944 г.) и других фронтовых наступательных операциях⁶¹⁰.

Из латышей была сформирована единственная за годы войны национальная авиационная часть – сначала 24-я отдельная латышская авиаэскадрилья, а затем, на ее базе – 1-й латышский бомбардировочный авиационный полк. Он был сформирован 3 июля 1943 г. и укомплектован летчиками и техническим персоналом, эвакуированным еще с территории Латвийской ССР в 1941 г., и латышами из других авиационных частей Красной армии. Полк летал на так называемых «ночных бомбардировщиках» У-2 и принял активное участие в освобождении территории Латвии, поддерживая наземные войска⁶¹¹.

Части 8-го эстонского стрелкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта Л.А. Пэрна принимали активное участие в операциях по освобождению Эстонии, участвуя с 17 по 26 сентября 1944 г. в Таллинской наступательной операции Ленинградского фронта, в результате которой была освобождена вся материковая часть Эстонии. Затем эстонские дивизии участвовали в десантных операциях на острова Моонзундского архипелага. На момент начала боев 90 % личного состава 7-й и 249-й стрелковых дивизий составляли эстонцы, из которых 81 % были уроженцами Эстонии⁶¹². Партийно-комсомольская прослойка в 8-м эстонском корпусе составляла 40,2 %⁶¹³. 28 июня 1945 г. приказом наркома обороны за проявленные героизм и отвагу, стойкость и мужество, дисциплину, организованность и умелое выполнение заданий командования в боях с фашистскими захватчиками корпус был преобразован в 41-й гвардейский стрелковый эстонский

⁶⁰⁹ История Латвийской ССР. Т. 3... С. 572.

⁶¹⁰ Савченко В.И. Гвардейская Латышская. Рига, 1961. С. 339–340.

⁶¹¹ Райнс А., Рейзин В., Эльвих П. В воздухе Латышский Режицкий...: Латышские летчики в Великой Отечественной войне. Рига, 1965. С. 5–67.

⁶¹² ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 598. Л. 291–297.

⁶¹³ Мяги А.А. Партийно-политическая работа в войсках Советской Армии в ходе освобождения Эстонской ССР от немецко-фашистских захватчиков: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1970. С. 11.

Таллинский корпус, 7-я дивизия – в 118-ю гвардейскую стрелковую эстонскую Таллинскую Краснознаменную дивизию, 249-я дивизия – в 122-ю гвардейскую стрелковую эстонскую Краснознаменную дивизию⁶¹⁴.

В боях за свою родину также участвовала 16-я литовская стрелковая дивизия, вступившая на территорию Литвы одним из первых соединений Красной армии – 12 июля 1944 г. До конца войны дивизии пришлось вести тяжелые бои, отбивая контрнаступление немцев в районе города Шауляй, а затем – с окруженными группировками противника сначала в Курляндии и в районе города Клайпеда.

Хотя анализ обстоятельств формирования на территории Советского Союза *иностранных* войск не входит в задачи данного диссертационного исследования, однако их быстрое развитие в последний период войны напрямую продолжало тенденции развития национальных формирований РККА, поскольку также было связано с реализацией политической цели *освобождения родного края титульным этносом*. Такие воинские формирования (польские, чехословацкие и др.) предназначались для совместного с частями Красной армии вступления на территорию своих стран, придания этому событию *освободительного* характера, легитимации зарубежного похода Красной армии в глазах европейского общественного мнения. Поэтому в конце Великой Отечественной войны основные усилия советского руководства были направлены на формирование союзных иностранных воинских частей. Так, к началу декабря 1944 г. созданные в СССР польские части, насчитывали 10 пехотных дивизий, 5 танковых бригад, 1 авиадивизию и 3 авиабригады, 1 артиллерийскую дивизию и 12 артиллерийских, зенитных и минометных бригад, много других частей и соединений. Они были объединены в две полевые армии Войска Польского и насчитывали по штату до 300 тыс. чел. К концу войны штатная численность польских частей достигла огромного значения – 446,2 тыс. чел.⁶¹⁵, а списочная – 304 тыс. чел.⁶¹⁶ Для укомплектования польских частей за 1944 г. военными округами и фронтами было призвано или выделено из

⁶¹⁴ Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945. Т. 1. Таллин, 1973. С. 636.

⁶¹⁵ ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 1917. Д. 7. Л. 1–95.

⁶¹⁶ Там же. Ф. 7. Оп. 26. Д. 357. Л. 132–134.

воинских частей РККА и отправлено на укомплектование польских частей 156 770 лиц польской национальности (граждан СССР и бывших граждан Польши)⁶¹⁷. Кроме польских, на территории СССР формировались чехословацкие, югославские, румынские, французские части, правда, значительно более малочисленные, чем польские. На укомплектование чехословацких частей в 1944 г. было отобрано 6378 лиц чешской и словацкой национальностей; остальные иностранные формирования были еще меньше⁶¹⁸.

Столь пристальное внимание советского военно-политического руководства в конце Великой Отечественной войны иностранным союзным формированиям, прибалтийским частям РККА и одновременная утрата интереса со стороны государственных и военных органов управления к прочим национальным частям Красной армии подчеркивают выдвинутый диссертантом тезис о важной политико-идеологической функции национальных формирований, не присущей иным воинским частям РККА. Эта функция заключалась в символическом олицетворении обороны или освобождения родного края представителями титульного этноса.

Выводы по параграфу 2.3

Проведенный анализ показал, что возврат в первые месяцы Великой Отечественной войны к практике мононационального комплектования воинских формирований был обусловлен культурно-языковыми особенностями контингентов военнообязанных, мобилизованных в национальных регионах Советского Союза, прежде всего из Средней Азии и Кавказа. Слабое владение русским языком, низкая грамотность, слабая военная подготовка красноармейцев, недостаток национальных командных кадров существенно замедляли и затрудняли боевое слаживание подразделений и последующее их использование в боевой обстановке.

Доказано, что в ответ на сложившуюся ситуацию в период с ноября 1941 г. по февраль 1942 г. руководством страны был реализован комплекс решений, включавший в себя создание новых национальных частей и соединений и пере-

⁶¹⁷ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881805. Д. 208. Л. 115.

⁶¹⁸ Там же.

группировку личного состава по национальному признаку в уже готовых соединениях. Всего в Закавказье, на Северном Кавказе, в Средней Азии, на Южном Урале и в Прибалтике было сформировано 54 стрелковых и кавалерийских соединения. Однородная языковая и культурная среда в таких воинских частях способствовала ускорению боевой подготовки бойцов нерусских национальностей, повышению ее качества, укреплению дисциплины в подразделениях и моральной стойкости личного состава.

Анализ последующего опыта боевой подготовки и боевого применения национальных частей в годы войны показал, что они сыграли положительную роль в общем укреплении боевой мощи Советских Вооруженных Сил и внесли свой вклад в общее дело Победы над немецким фашизмом. В отдельных операциях и сражениях национальные соединения использовались массово (бои за Крым в 1942 г., битва за Кавказ 1942–1943 гг., освобождение Прибалтики в 1944 г.). Однако в целом их боевые качества оказались ниже, чем у воинских частей с преимущественно славянским личным составом. Более того, вследствие низкой боеспособности большая часть национальных соединений была расформирована еще до отправки на фронт.

Установлено, что в период Великой Отечественной войны вновь, как и в 1920-х гг. ярко проявилась *политическая функция* национальных формирований, состоявшая в их использовании для *защиты* или *освобождения своего родного края*. Участие национальных частей в боях за малую родину носило характер политической демонстрации и имело большое моральное значение, как для военнослужащих, так и для местного населения. Именно это обстоятельство способствовало сохранению части национальных формирований (прежде всего прибалтийских) и целенаправленному поддержанию их национального состава до конца войны. И, напротив, с исчерпанием идеологического концепта защиты родного края утрачивался интерес к ним со стороны органов государственного и военного управления именно как к национальным частям (в случае с закавказскими соединениями). Неизбежная энтропия национального состава в ходе пополнений и преформирований вела к утрате ими национальной идентичности, а с ней – и фор-

мального статуса. Те формирования, для которых концепт защиты родного края вовсе не актуализировался (среднеазиатские), имели самую короткую историю. В отдельных случаях инициативу поддержания положительного баланса титульного этноса в национальных дивизиях брали на себя республиканские власти, заинтересованные в продлении их идеологической функции.

Выводы по главе 2

Оценивая историческое место и значение института национальных формирований, целесообразно выделить несколько его измерений или функций.

С точки зрения интересов *строительства Вооруженных Сил* конечной целью развития национальных формирований являлись: постепенный переход к обязательному военному призыву всех народов СССР (особенно тех, которые не призывались в армию при прежнем государственном строе), привитие советским этносам, особенно считавшимся «отсталыми», устойчивой традиции несения военной службы и формирование в национальных республиках обученного запаса на случай мобилизации. Установлено, что важнейшим шагом на пути к целенаправленной, планомерной интеграции национальных регионов населения в военную организацию Советского государства стало принятие в начале 1925 г. пятилетней программы национальных формирований РККА. Возникшая одновременно и широко распространившаяся в войсках практика *концентраций* национальных контингентов в составе *номерных* соединений выполняла корректирующую в отношении пятилетней программы функцию, поскольку многие, относительно небольшие народы ею учтены не были.

С точки зрения интересов *внутренней политики* программа национальных формирований являлась безусловным продолжением национальной политики Советского государства в строительстве Вооруженных Сил и повторяла общие ее тенденции. В первой половине 1920-х гг. национальные формирования РККА развивались на волне политической эмансипации национальных регионов СССР. Для самих национальных регионов СССР и РСФСР воинские формирования, укомплектованные местным населением, представлялись важнейшим символом госу-

дарственного суверенитета, их этнокультурной идентичности и залогом сохранения и развития их как политического субъекта. Национальные формирования развивались в контексте массового внедрения политики *коренизации* местных кадров в национальных регионах. С *коренизацией* помимо прочего программу национальных формирований роднило отсутствие руководящего органа, ответственного за его реализацию, что стало причиной хаотизации в ее реализации, особенно проявившейся в 1930-х гг.

С *внешнеполитической* точки зрения национальные формирования были призваны способствовать революционной экспансии Советского государства в сопредельные страны; они виделись в буквальном смысле передовым отрядом, застрельщиками мировой революции, особенно на ее восточном направлении. Хотя внешнеполитическая функция нацформирований не была реализована, однако сам потенциал придал мощный толчок на раннем этапе их развития в первой половине 1920-х гг.

Установлено, что в середине 1920-х гг. безраздельно господствовали вторая и третья ипостаси нацформирований, понимавшихся государственными и военными органами управления, прежде всего как важный *политический* инструмент для решения внутренних и внешних задач молодого социалистического государства. Но политические акценты не оставались неизменными. В конце 1920-х гг. популярная в первые годы советской власти риторика мировой революции сменилась внутривнутриполитическими мотивами, хотя уже на иной, нежели в начале 1920-х гг., платформе: теперь речь шла не о немедленном удовлетворении политических амбиций национальных регионов СССР, которым центральные власти уже успешно противостояли, а скорее о вовлечении нацформирований в планомерное политическое и культурное строительство единого многонационального государства, в котором национальным формированиям отводилась роль культуртрегерского института и кузницы кадров в социалистическом строительстве «отсталых» народов.

С 1930-х гг. и до конца изучаемого периода заметно доминировала первая из описанных тенденций (строительства Вооруженных Сил), в основе которого

лежали практические задачи повышения обороноспособности страны и рационального использования нерусских контингентов военнообязанных граждан в комплектовании Красной армии. С политической точки зрения выдвижение чисто военной ипостаси нацформирований на первый план было связано с целым рядом причин: угасанием надежд на мировую революцию и идеологическим разворотом Советского Союза к строительству социализма в отдельно взятой стране, утверждением жесткой вертикали власти.

Исследованием выявлена корреляция между развертыванием нацформирований и масштабным переводом комплектования частей РККА на территориальный принцип комплектования. Проведенный анализ источников позволяет утверждать, что национальные формирования были плоть от плоти территориальной системы, поскольку последняя воплощала в себе принципы постепенности вовлечения гражданина в военный быт и обеспечивала минимальный его отрыв от родного дома и места работы. Развитие территориальных и национальных формирований в 1920–1930-х гг. шло бок о бок, большинство национальных частей комплектовались именно как территориальные. В то же время между нацформированиями и территориальными частями существовало и глубокое различие, а именно: если первые несли особую политическую миссию и призваны были способствовать решению национального вопроса в молодой Советской стране, то вторые своим появлением были обязаны исключительно тяжелому экономическому положению страны и призваны были экономить бюджет военного ведомства.

Анализ источников по теме диссертации позволил прийти к выводу о том, что к середине 1930-х гг. национальные формирования оказались в парадоксальном положении: с одной стороны, большинство из них по боевым качествам встали в один ряд с обычными (*номерными*) частями РККА, а призыв в армию для прохождения службы в своей национальной части вошел в быт местных этносов и, стало быть, сформировалась искомая традиция (хотя и неглубокая) несения военной службы у народов, прежде никогда к ней не привлекавшихся. С другой стороны, интеграционная миссия национальных формирований не только не была, но и не могла быть выполнена, поскольку строилась на платформе языкового

плюрализма и равноправия местных государственных языков с русским. Она не предполагала ликвидации языкового барьера, а, напротив, допускала политическое и военное *соразвитие* советских этносов в единой «семье народов». Второй проблемой стало то, что в силу своей малой штатной емкости национальные формирования не обеспечили и объективно не могли обеспечить в национальных регионах накопления значительного запаса военнообученных граждан местных национальностей. А дальнейшему развертыванию штатов национальных частей РККА советское военно-политическое руководство предпочло развитие перспективных технических родов войск.

Отказ в 1930-х гг. от политики *коренизации*, фактическая централизация государственной системы и, как следствие, резкий рост значения русского языка в государственном и военном строительстве отбросили национальные формирования в разряд аутсайдеров. Ожидание большой войны требовало не культурно-языкового разнообразия в Красной армии, а скорейшей адаптации нерусских военнослужащих в русскоязычной среде.

Изучение источников позволяет утверждать, что в предвоенные годы проект национальных формирований успешно выполнял свою политическую функцию, приобщая «националов» к военной службе и воспитывая их в социалистическом духе, но не соответствовал требованиям массовой подготовки в республиках СССР резервов военнообязанных на случай мобилизации. Поэтому в 1938 г. в контексте реформы системы комплектования Красной армии национальные формирования безо всякого обсуждения были переформированы в обычные соединения.

Однако уже в первые месяцы Великой Отечественной войны национальные формирования были возрождены и получили широкое распространение. Сам факт этого расценивается диссертантом как доказательство недостаточной вовлеченности нерусских народов в обязательную службу по призыву. Незначительность довоенного запаса обученных военнообязанных и командного состава нерусской национальности обусловила приток в войска масс военнослужащих, слабо владевших русским языком, слабо обученных военному делу или необученных вовсе.

В силу этого обстоятельства решение о возвращении к мононациональному комплектованию частей и соединений стало единственно возможным способом использования уроженцев Кавказа, Средней Азии и других национальных регионов в экстремальных, катастрофических условиях первых месяцев войны.

Во время войны ярко проявились по крайней мере две из трех сформулированных выше, функций нацформирований – собственно *военная* и *внутриполитическая*. С точки зрения интересов строительства Вооруженных Сил национальные формирования позволили органам государственного и военного управления привлечь к вооруженной борьбе с агрессором тысячи представителей народов СССР, не владевших русским языком. Хотя в силу военной обстановки военная функция превалировала, политические мотивы также были весьма сильны и именно они, как было доказано в диссертации, способствовали сохранению части нацформирований до самого конца войны. Диссертантом определена главная политическая функция нацформирований, состоявшая в *обороне* или *освобождении родного края*. Поддержание моноэтничного состава национальных формирований было актуально, пока на повестке дня стояла задача сражения за малую родину. С устранением этой угрозы у органов государственного и военного управления утрачивался специфический интерес к политической функции нацформирований, после чего они быстро теряли национальную идентичность в ходе доукомплектования личным составом. Исключение составили прибалтийские соединения, которым освободительная миссия выпала только в самом конце войны.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ РККА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НАРОДОВ СССР

3.1. Комплектование РККА представителями народов СССР в 1920-х гг.

Этническая проблематика с самого начала 1920-х гг. присутствовала в дискурсе вокруг комплектования Красной армии личным составом. Эту тему актуализировал опыт последних войн нашего государства, свидетельствовавший, что русские военнослужащие (и шире – восточные славяне) резко преобладали в армейских рядах, значительно превышая их удельный вес среди населения страны. Этнический дисбаланс в комплектовании армии сложился давно. Весь XIX в. бремя военной службы в основном несли русские (под ними в тот период понимались великороссы, малороссы и белорусы). Удельный вес русского православного мужского населения по данным Первой Всеобщей переписи 1897 г. составлял 68,7 %⁶¹⁹. Еще в 1875 г. Генерального штаба полковник А.Ф. Риттих в специальном исследовании, посвященном этническому составу Русской армии, подводя итог истории рекрутской системы, заключал, что до сих пор комплектование армии «исполнялось, и притом довольно удачно по той причине... что в состав войска входило до 90% однородного русского элемента»⁶²⁰. С введением в 1874 г. всеобщей воинской повинности пропорция несколько сдвинулась в пользу нерусских контингентов, однако принципиально картина не изменилась.

В начале XX в. в армию на общих основаниях призывалось около 40 народов Российской империи, включая восточных и западных славян, литовцев, латышей, многочисленных представителей финно-угорских национальностей (финны, эстонцы, мордвины, черемисы, вотяки, карелы и др.), немцев, армян, грузин, осетин, молдаван, цыган, евреев, греков, чувашей и ряд других. Из мусульман-

⁶¹⁹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. *Н.А. Тройницкого*. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Таблица XII. Распределение населения по вероисповеданиям.

⁶²⁰ *Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875. С. 5.

ских народов призывались только поволжские татары и башкиры⁶²¹. Остальное многомиллионное мусульманское население страны принимались в армию только на добровольной основе. От обязательного призыва также были освобождены народы Сибири и Крайнего Севера, русские переселенцы на окраинах империи и др. Армия продолжала оставаться в основе своей русско-славянской, причем с расширением масштабов призыва проявлялась тенденция к росту удельного веса восточнославянского (русского) элемента. Так, если в 1903 г. было принято на службу 314,8 тыс. новобранцев, среди которых удельный вес восточных славян составил 72,3 % (44,2 % – русских, 21,2 % – малороссов, 7,0 % – белорусов), то в 1907 г. было принято на службу 440,5 тыс. чел., а удельный вес восточных славян достиг 75,3 %⁶²². В 1910 г. – последнем предвоенном году, когда публиковалась призывная статистика по национальностям, число принятых на службу составило 432,4 тыс. чел., а удельный вес восточных славян составил 74,4 %⁶²³.

До тех пор, пока Россия вела локальные войны, такая ситуация считалась удовлетворительной, хотя военное ведомство всегда осознавало «вредность» льготы нерусским народам потому, что такое положение вещей «приучает эту народность к мысли о незыблемости такой льготы»⁶²⁴, в то время как демографическую перегрузку испытывали славяне. До начала Первой мировой войны правительство и Военное министерство несколько раз безуспешно обсуждали вопрос расширения призыва в армию на нерусское, прежде всего мусульманское население империи⁶²⁵.

До самого момента падения монархии многомиллионные массы населения военнообязанных возрастов, населявшие окраины империи, не состояли на воинском учете, не подлежали мобилизации и призыву. В годы Первой мировой войны

⁶²¹ Антонович А. Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 248.

⁶²² Там же.

⁶²³ Военно-статистический ежегодник Армии за 1911 г. СПб., 1913. С. 142.

⁶²⁴ О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени. Доклад военного министра в Государственную думу. Ноябрь 1915 г. [Пг., 1915]. С. 2.

⁶²⁵ Антонович А. Указ. соч. С. 241–274; Байдаров С.В. Проблемы комплектования армии в России в конце XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 20–24.

правительство решилось только на создание ряда национальных формирований из добровольцев, но так и не развернуло обязательный призыв в местностях, где он никогда не проводился (хотя этот вопрос обсуждался в Государственной думе в конце 1915 г.). Резонно ожидалось недовольство местного населения; к тому же во многих местах отсутствовал воинский учет и сами органы учета – местные воинские присутствия. Одна только попытка «реквизиции инородцев» – трудовой мобилизации коренного населения Средней Азии в 1916 г. привела к крупномасштабному восстанию во всем регионе⁶²⁶.

В годы Гражданской войны удельный вес славян и, особенно, русских в рядах РККА был еще выше, чем в Русской императорской армии. Согласно переписи РККА, проводившейся в августе 1920 г., русские (великороссы) в РККА составляли 79,58 %, украинцы – 5,87 %, белорусы – 2,19 %, а всего – 87,62 %⁶²⁷. На остальные народы приходилось 12,38 % военнослужащих. По мере того как советская власть укреплялась в национальных окраинах страны, проявлялась тенденция сокращения в войсках удельного веса русских, за счет представителей других национальностей, особенно украинцев, среди которых активно проводились мобилизации в РККА. Так, на 30 апреля 1921 г. на 446,4 тыс. военнослужащих, чья национальность была известна (общая численность РККА составляла 913,4 тыс. чел.), русских числилось 77,6 %, украинцев – 13,7 %. По состоянию на 1 августа 1921 г. на 928,9 тыс. личного состава (установлена была национальность 859 тыс. чел.) приходилось 80,3% русских, 10,3 украинцев, 2,3% татар, 1,8% поляков, 1,3% евреев, 0,8% латышей, 0,5% немцев, 0,4% башкир и 3,1% представителей прочих народов⁶²⁸. Следует учитывать, что к этому времени нерусское население сократилось за счет отколовшихся от Советской России Финляндии, Польши и прибалтийских стран; их удельный вес в армейских рядах, особенно поляков, жителей Прибалтики, немцев резко сократилось⁶²⁹. Например, удельный

⁶²⁶ Подробнее: Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: Сборник документов и материалов. М., 2016. С. 198–218.

⁶²⁷ РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 25 об – 26.

⁶²⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 5. Д. 7. Л. 2, 16.

⁶²⁹ Там же. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432. Л. 25 об – 27.

вес поляков упал более чем в 5 раз: с 6,8 % в 1907 г. до 1,3 % в 1920 г.⁶³⁰

Как показал анализ статистических данных, ни коренное изменение государственного строя, ни окончание изнурившего страну цикла войн и революций принципиально не повлияли на этнический состав армии: она была и оставалась русско-славянской в своей основе. Две последних больших войны (Первая мировая и Гражданская) показали перенапряжение людских ресурсов западных и центральных регионов страны, населенных восточными славянами. В то время как, по словам специалиста в области комплектования РККА Н.Н. Мовчина, «значительная часть территории с большими [людскими] ресурсами находилась вне фактической возможности для высшего командования использовать эти ресурсы»⁶³¹. Исходя из интересов комплектования Красной армии, а также из идеологического постулата о равенстве всех народов, молодое Советское государство должно было расширить круг призываемых в армию национальностей.

В Советской России законодательно вопрос о привлечении на военную службу представителей народов, ранее не служивших в армии, впервые был решен постановлением Совета Труда и Оборона (СТО) от 10 мая 1920 г. «О призыве в ряды Красной армии граждан нерусской национальности Сибири, Туркестана и других окраин», подписанным В.И. Лениным. В первом пункте постановления указывалось, что нерусские граждане «подлежат призыву в ряды Красной армии на одинаковых основаниях с остальными гражданами РСФСР». Однако уже второй пункт постановления СТО предусматривал возможность временного освобождения от действительной военной службы для представителей некоторых народов. Право освобождения от призыва было предоставлено местным органам власти по согласованию с губернскими военными комиссарами и Всероссийским главным штабом (Всероглавштабом). При этом освобождение той или иной национальности от военной службы надлежало каждый раз утверждать в СТО с мотивированным объяснением необходимости этой меры. Все освобождаемые этносы подлежали привлечению к государственной трудовой повинности с учетом мест-

⁶³⁰ Антонович А. Указ. соч. С. 248; РГВА. Ф. 4. Оп. 5. Д. 7. Л. 2, 16.

⁶³¹ Мовчин Н.Н. Комплектование Красной армии. (Исторический очерк). М., 1926. С. 120.

ных бытовых и хозяйственно-экономических условий⁶³².

28 сентября 1922 г. был издан совместный декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об обязательной воинской повинности для всех граждан РСФСР мужского пола». Декрет провозглашал обязательность военной службы для всех граждан мужского пола, однако содержал норму о «временной отсрочке» «тем из населяющих РСФСР народностей, которые по своим культурным и бытовым особенностям еще не могут... дать вполне годных воинов» (п. 2)⁶³³.

С образованием в конце 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик численность населения страны составила около 131,3 млн чел., из которых только 68,6 млн чел. (52,6 %) являлись русскими. По расчетным данным современного российского историка Б.Г. Кадырова, к этому моменту воинская повинность распространялась только на 92,5 млн советских граждан (73,3%)⁶³⁴. Остальные граждане – а это представители десятков народов – к военной службе не привлекались и на военный учет не ставились. Потенциально они составляли многомиллионный мобилизационный резерв Красной армии.

На пути к практическому решению национального вопроса в строительстве Вооруженных Сил стоял целый ряд проблем, которые в свое время не смогло решить царское правительство. Наиболее сложные из них – налаживание воинского учета и регулярного военного призыва. Особенно остро эта проблема стояла в отношении народов, прежде, в досоветский период, в армию не принимавшихся и не имевших исторического опыта несения обязательной военной службы.

Вопрос расширения призыва в армию наталкивался на тяжелейшее материальное положение Советских Вооруженных Сил. Все 1920-е гг. Красная армия содержалась на «голодном пайке». К 1 октября 1924 г. штатная численность РККА была доведена до 537,5 тыс. чел.⁶³⁵, сократившись по сравнению с периодом Гражданской войны в 10 раз. Списочная же численность армии в этот период

⁶³² Декреты Советской власти. Т. VIII. М., 1976. С. 175–176.

⁶³³ Собрание узаконений РСФСР. 1922. Ст. 786.

⁶³⁴ Кадыров Б.Г. Национальная политика Советского государства в армии... С. 113.

⁶³⁵ Там же. С. 265.

была еще ниже, на 1 сентября 1924 г. она составляла 478,5 тыс. чел.⁶³⁶ В таком составе многими руководителями РККА армия признавалась небоеспособной⁶³⁷, однако в условиях разрухи указанный лимит пришлось выдерживать (с некоторыми коррективами) до начала 1930-х гг.

До весны 1924 г., из соображений экономии бюджетных средств, красноармейский состав Красной армии фактически не обновлялся: плановые всеобщие призывы не проводились. Первый всесоюзный призыв молодежи 1902 г. рождения удалось организовать лишь весной 1924 г.⁶³⁸ До этого времени приходилось задерживать демобилизацию красноармейцев, многие из которых служили четвертый – пятый год подряд. В 1924 г. состоялось два призыва – весной и осенью. В дальнейшем весь изучаемый период призывы проводились единожды в год осенью – в течение сентября (с конца 1920-х гг. на призыв отводилось два месяца – сентябрь и октябрь).

Изучение материалов первого всесоюзного призыва 1924 г. показало, что в армию, кроме русских, были призваны украинцы, белорусы, грузины, армяне, турки (азербайджанцы), евреи, башкиры, ряд поволжских тюркских (татары, чувашаи), финно-угорских народов (мордвины, марийцы) и ряд других. Все эти этносы, за исключением азербайджанских тюрков, в общем порядке призывались в армейские ряды и в дореволюционный период, т.е. историческая традиция несения военной службы у этих народов имела.

В 1924 г. призыв национальностей, освобожденных от службы в армии еще в дореволюционный период, не осуществлялся. Слишком незначительная штатная емкость частей РККА позволяла пренебречь «проблемным» контингентом, их комплектование с избытком покрывалось имевшимся контингентом призывников. Первоначально, за неимением собственного перечня непризываемых народов, советское военное ведомство пользовалось списком освобожденных от военной службы народов, внесенным в Устав о воинской повинности Российской империи

⁶³⁶ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 267.

⁶³⁷ Красная армия в 1920-е годы. С. 84.

⁶³⁸ РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 28. Л. 16.

в редакции 1913 г.⁶³⁹ Тем самым, вопреки декларациям о равенстве народов, советская власть вынуждена была буквальным образом воспроизводить практику царского правительства по ограничению доступа десятков этносов в армию.

Благодаря принципу *территориальности* при комплектовании воинских частей новобранцами межокружные и даже межгубернские (в рамках одного военного округа) перевозки призывников сводились к минимуму, что давало экономии бюджету. В итоге очень быстро военные округа стали приобретать специфическую национальную окраску, повторявшую этнический фон занимаемых ими территорий. Так, например, уже после первого призыва молодежи рождения 1902 г. в 1924 г., с весенним пополнением, в войска Западного военного округа влилось 22,7 % белорусов, а с осенним – 36,6 %. Украинский военный округ был укомплектован в 1925 г. на 74,2 % украинцами, зато Московский – на 94 % русскими⁶⁴⁰. При дальнейших призывах ситуация повторялась. В 1926 г. с призывом молодежи 1904 г. рождения в УВО численность украинцев достигала 70 %, в БВО численность белорусов – 31,4 %, в Краснознаменной Кавказской армии численность кавказских народов превысила 35 %⁶⁴¹. В то же время в Среднеазиатском

⁶³⁹ В этнических и административных номинациях начала 1920-х гг. это: самоеды, киргизы, сарты, узбеки, каракалпаки, таджики и другие тюркские народы Туркестанского края, татары из числа коренных жителей Турккрая, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, Бакинской, Елизаветпольской, Тифлисской и Эриванской губерний, бухарцы, дунгане и таранчи, кипчаки, курама, кашкарлыки, персы, туземные евреи (проживавшие в Средней Азии), уйгуры, джемшиды, белуджи, арабы, афганцы, зыряне, остяки, вогулы, ногайцы, тунгусы, якуты, буряты, татаро-бухарцы, все малые народы Севера (гиляки, орочи, тазы, ноны, остяки, чукчи, коряки, юкагиры, камчадалы, алеуты, эскимосы, айны и прочие народности, обитавшие в Туруханском и Бугучанском отделениях Енисейской губернии, Сахалинской, Камчатской, Приморской и Приамурской областях, Верхоянском, Средне-Колымском и Вилуйском округах Якутской области, Тогурском отделении Томского уезда, Сургутском и Березовском уездах Тобольской губернии), монголы, калмыки, киргизы, казаки (казахи), туркмены, ингилойцы-мусульмане, абхазцы, курды, иезиды, каракалпаки, турки, аджарцы (лазы), народности Дагестана (аварцы, кумыки, лезгины и пр.), чеченцы, ингуши, горцы Терской, Кубанской и Черноморской областей (адыгэ, черкесы, абадзехи, натухайцы, осетины-мусульмане, кабардинцы, балкарцы и пр.) (составлено автором по: РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 464. Л. 42, 216; Д. 464. Л. 111; Д. 510. Л. 5). В документации мобилизационных органов встречаются и более общие перечни непризываемых народностей, в которых, как правило, достаточно произвольно (лишь с учетом географического ареала обитания) этнические группы были объединены в суперобщности, например горцы Северного Кавказа, татары из различных местностей, малые народы Севера и некоторые др. (составлено автором по: РГВА. Ф. 54. Оп. 5. Д. 3. Л. 4).

⁶⁴⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249.

⁶⁴¹ Там же. Оп. 26. Д. 261. Л. 90 об.

военном округе, где обязательный призыв местных национальностей в тот год еще не объявлялся, их удельный вес по итогам переписи РККА 1926 г. составлял всего 6,3 %⁶⁴².

В середине 1920-х гг. ситуация с призывом в армию граждан различных национальностей была неодинаковой. Например, в РККА без ограничений принимались советские граждане финской, немецкой, румынской, польской национальностей, т.е. представители народов, чьи соплеменники совсем недавно воевали против Российской империи или Советской России. Также в армию принимались представители иных национальностей, относимых к категории «иностранцев» и «буржуазных» – чехи, сербы, корейцы и проч. Все они в тот период квалифицировались прежде всего как представители пролетариата и прочих трудовых слоев от своих народов, а не носителями специфической этничности, чуждой Советскому Союзу. Более того, удельный вес представителей «заграничных буржуазно-националистических стран» был достаточно высоким в самой важной социальной группе военнослужащих – среди коммунистов. Например, в 1924 г. «иностранцами» оказались 1033 коммуниста, или 4,3 % всех членов РКП(б), состоявших на службе в РККА⁶⁴³.

В первые годы после революции, когда надежда на дальнейшую революционную экспансию у руководства страны еще была сильна, мотива политического доверия или недоверия военнослужащим РККА по признаку их национальности вообще не существовало. Ограничивающим фактором в тот период была способность нерусских военнослужащих к культурно-языковой адаптации в русскоязычной армейской среде. Как правило, представители так называемых «европейских» национальностей (таких, как поляки, латыши, эстонцы, немцы) были достаточно образованны, обрусели и хорошо владели русским языком, в связи с чем, культурно-языковой барьер был незначительным или отсутствовал вовсе. Они могли служить в обычных *номерных* частях.

Иная ситуация была с десятками народов, которые в дореволюционный пе-

⁶⁴² РГВА. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 4. Л. 33.

⁶⁴³ Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 770. Л. 335 об.

риод не призывались в силу своих культурно-языковых особенностей или политической нелояльности царизму, что нередко совпадало. В ранний советский период эта категория этносов получила официальный статус *культурно отсталых народов*, дававший их представителям определенные льготы в государственном и культурном строительстве. Сюда относили большинство народов Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, а также малые народности Крайнего Севера – всего около ста этносов. Проведенное в 1927 г. Главным управлением РККА исследование социально-культурных характеристик призывной молодежи 1902–1905 годов рождения, ставшее возможным с введением в 1924 г. «личных карт призываемого на военную службу», показало более низкий по сравнению со славянами, евреями, представителями европейских национальностей уровень грамотности у народов Поволжья и Закавказья (представители среднеазиатских народов не обследовались). Среди них было меньше городских жителей и представителей рабочего класса. В лучшую сторону выделялись армяне и грузины⁶⁴⁴. В 1920–1930-х гг. номенклатура таких народов являлась величиной более или менее постоянной. Во всяком случае, еще в 1932 г. в утвержденном Наркомпросом перечне *культурно отсталых народностей*, имевших льготы для поступления в вузы, перечислялось 97 этносов⁶⁴⁵. Для наиболее социально и культурно развитых из них создавались национальные части, комплектуемые на первых порах добровольцами.

Анализ документальной базы показывает, что инициаторами призывов в местностях, где ранее таковые не проводились, в большинстве случаев выступали местные власти, трактовавшие факт развертывания призыва, наряду с формированием национальных частей в качестве факта, подтверждавшего их государственного суверенитета. В этом стремлении местные большевики нередко шли вразрез мнению военных специалистов, считавших, что общеобразовательный и социальный уровень местных призывников еще не соответствует требованиям службы в РККА. Так, 27 февраля 1924 г. ЦИК Узбекской ССР издал постановление об обя-

⁶⁴⁴ Призывные контингенты (1902–1905 гг. рождения). М., 1928. С. 78–80.

⁶⁴⁵ Мартин Т. Указ. соч. С. 179, 236–237.

зательном военном призыве в трех областях республики для формирующихся нацчастей в связи с тем, что добровольный набор не дал необходимого числа желающих служить в армии. Призыв был объявлен, несмотря на отрицательное заключение РВС ТуркВО, считавшего, что призывать узбеков еще рано из-за отсутствия воинского учета населения и отрицательного отношения местных жителей к военной службе. После жалоб призываемых лиц узбекской национальности Верховным судом СССР было вынесено представление о неконституционности постановления ЦИК УзССР. Однако позднее, 8 октября 1924 г., секретариат ЦИК СССР все же утвердил решение ЦИК УзССР в виде исключения, поскольку призыв фактически уже был осуществлен⁶⁴⁶. Аналогичный запрос в Президиум ВЦИК осенью 1924 г. поступил и из Киргизского ЦИК⁶⁴⁷. В следующем, 1925 г., «во исполнение воли трудящихся» был проведен пробный призыв среди карелов, якутов, узбеков, казахов, калмыков и бурят-монголов. Призыв был оформлен совместными постановлениями ЦИК и СНК СССР от 21 и 28 августа 1925 г.⁶⁴⁸

Пробные призывы проводились именно после настойчивых запросов местных центральных исполнительных комитетов. Например, ЦИК Калмыцкой автономной области принял резолюцию, в которой утверждал, что «калмыцкий народ вполне пригоден к военной службе в кавалерии, а по боеспособности и выносливости ничем не отличается от военнослужащих других национальностей». В связи с этим «устранение калмыков от священного долга службы в армии» предлагалось считать «унижением калмыцкого народа, выделяющим его из общей семьи народов СССР»⁶⁴⁹. Служба в армии представлялась местным властям важнейшим социальным лифтом, способным вырвать калмыцкий народ из темноты бескультурья и безграмотности. «Условием первостепенного значения [для] увеличения культурности населения, ликвидации азбучной, правовой и политической малограмотности и создания недостающего кадра сознательных, дисциплинирован-

⁶⁴⁶ РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 11.

⁶⁴⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2259. Л. 7.

⁶⁴⁸ Там же. Д. 37. Л. 6 об.

⁶⁴⁹ Там же. Ф. 54. Оп. 6. Д. 318. Л. 3.

ных, подготовленных и честных общественных работников, признать прохождение калмыками военной службы в Красной армии, дающей все эти качества», – утверждалось в постановлении Калмыцкого ЦИК⁶⁵⁰.

В целом же, если руководство того или иного национального региона не проявляло особой активности по части призыва среди своих сограждан, высшее руководство РККА предпочитало отсрочивать их прием в армию. Как отмечал в своей докладной записке начальник Управления по войсковой мобилизации и укомплектованию ГУ РККА Я.Я. Алкснис, в 1924–1925 гг. при допризыве граждан 1901 г. рождения, а также в призывах граждан 1902 и 1903 годов рождения «вопрос о призыве национальных меньшинств *решался в смысле не призыва тех национальностей, которые не призывались при ранее бывших призывах, в том числе и при призыве в старую армию*» (выделено мной. – Авт.)⁶⁵¹. В то же время следует подчеркнуть, что для представителей непризываемых народов «никакими узаконениями не возбранялось вступать в ряды армии *по своему желанию*» (выделено мной. – Авт.)⁶⁵². Как и в Русской императорской армии, фактически любой желающий гражданин, если он отвечал определенным требованиям, мог в независимости от своей национальности поступить на военную службу.

31 июля 1925 г. РВС СССР внес в СНК СССР подготовленный Главным управлением РККА проект постановления ВЦИК и СНК «Об освобождении от призыва в ряды РККА народностей Кавказа, Туркестана, Казакской (Казахской) АССР, Поволжья и северных окраин СССР» «впредь до особого распоряжения» с точным перечислением тех местностей и национальностей, «в отношении которых признается необходимым в настоящее время воздержаться от призыва *в обязательном порядке*» (здесь и далее курсив мой. – Авт.)⁶⁵³. Законопроект ссылался на цитированное выше постановление СНК от 6 сентября 1922 г., а также отказ многим народам во время призыва в 1924 г.

Всего в документе было перечислено *98 народов*, хотя на самом деле их пе-

⁶⁵⁰ РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 318. Л. 3.

⁶⁵¹ Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 5.

⁶⁵² Там же. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2259. Л. 2–2 об.

⁶⁵³ Там же.

речень был шире, поскольку упоминание каждой региональной группы этносов завершалось фразой: «а также прочие народности, не призывавшиеся при ранее бывших призывах, в том числе и [при] *призыве в старую армию*»⁶⁵⁴. Таким образом, формировалась определенная нормативная традиция, связанная с ограничением призыва в Вооруженные Силы по национальному признаку, по форме и содержанию продолжавшая аналогичную дореволюционную традицию. В качестве компенсации в законопроекте предусматривался призыв этих же этносов в национальные части или же с частичный призыв, что, по замыслу РВС СССР, могло способствовать более «равномерному распределению тягот военной службы между народностями СССР»⁶⁵⁵.

Этот законопроект находился на рассмотрении правительства в течение нескольких месяцев, в него вносились многочисленные правки (диссертантом обнаружено около десяти его рабочих вариантов). Однако его принятие было отложено в связи с утверждением 18 сентября 1925 г. ЦИК СССР и СНК СССР закона «Об обязательной военной службе», предложившего более мягкую формулировку, вместо прямого отказа в призыве нерусских народов. Новый закон регулировал все аспекты организации военной службы граждан Советского государства. Здесь не делалось исключений ни для отдельных граждан, ни для целых народов, но содержалось классовое ограничение – призыву не подлежали «нетрудовые» классы. В то же время в законе не было императивного требования о *массовом, поголовном* призыве в национальных республиках. В ст. 16 предусматривался *особый порядок* прохождения обязательной военной службы для народов СССР, перечень которых еще предстояло согласовать с республиканскими ЦИК. *Особый порядок* предусматривал освобождение от военной службы в кадровом и переменном составе. Действительная военная служба могла быть пройдена *вневойско-*

⁶⁵⁴ РГВА. Ф. 54. Оп. 5. Д. 9. Л. 38. Наличие такой оговорки оставляло место для решения частных вопросов, неизменно возникавших уже в ходе самих призывов: почему от призыва освободили один народ, но не освободили соседний, схожий с ним по языку, культуре и уровню социально-экономического развития? Например, после освобождения от призыва малой народности лопарей, проживавших в Мурманской области, возник вопрос о призыве близкородственной им народности ижемцев и т.д. (Там же. Л. 28).

⁶⁵⁵ Там же. Л. 37.

вым порядком, т.е. фактически без отрыва от дома и рабочего места. Разумеется, речь в данном случае могла идти лишь о формальном и поверхностном знакомстве с азами военных дисциплин. На практике нередко *вневоинсковики* вовсе освобождались от всякой военной подготовки, поскольку средств в бюджете военного ведомства на эту категорию военнослужащих практически не закладывалось⁶⁵⁶.

Новый закон с его казуистическим толкованием понятия военной службы ожидаемо вызвал разночтения на местах. Фундаментальное положение о *всеобщем* характере воинской повинности в СССР для трудовых слоев населения в возрасте от 19 до 40 лет, закрепленном в ст. 1 и ст. 3 закона, многие республиканские власти предпочитали понимать буквально – как императивное требование о призыве титульных национальностей в своих республиках и автономных областях. В одной из докладных записок заместителя начальника ГУ РККА в РВС СССР сообщалось, что при практическом воплощении в жизнь нового закона «у наркомвоенмора получились разногласия» с некоторыми ЦИК союзных и автономных республик. Ряд республик настаивали на немедленном призыве коренных народов в общем порядке, «не считаясь с наличием общей подготовки, другие же республики протестуют против призыва даже и в том случае, когда проведение такого уже возможно»⁶⁵⁷.

Чтобы пресечь возникшую путаницу, в апреле 1926 г. на рассмотрение РВС СССР вновь был внесен отложенный ранее законопроект 1925 г. об освобождении от службы нескольких десятков народов. Однако ввиду явного его противоречия духу и букве нового призывного закона он был снят с обсуждения⁶⁵⁸. Вместо него получило развитие понятие «особый порядок» прохождения службы, прописанный в ст. 16 закона «Об обязательной военной службе»⁶⁵⁹.

В целом в первые годы после принятия призывного закона для большинства нерусских национальностей призыв фактически так и не начался. В преддверии призыва 1926 г. с ходатайствами о начале призыва выступили ЦИК Калмыцкой

⁶⁵⁶ Красная армия в 1920-е годы. С. 132.

⁶⁵⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 5.

⁶⁵⁸ Там же. Ф. 54. Оп. 5. Д. 9. Л. 47–48.

⁶⁵⁹ Там же. Л. 49.

АО, Казакской (Казахской) и Якутской АССР⁶⁶⁰. Однако всем перечисленным регионам было отказано в призыве под предлогом их большой территории, слабой транспортной сети, невозможности провести допризывную подготовку молодежи, ее учет и приписку к призывным участкам. Лишь Калмыцкой АО было разрешено на вербовать в добровольном порядке 100 чел.⁶⁶¹

Как и прежде, в отдельных случаях республиканские элиты брали на себя инициативу решения о начале призыва. Например, «в Туркестане с призывом сложилось довольно-таки нелепо: туркестанские власти объявили призыв на основании [закона о все]общей воинской повинности. Они там по этому поводу проделали кампанию, после чего, разумеется, призыв продолжает производиться». После замечания из Москвы призыв был отменен «и кажется теперь незаконным»⁶⁶².

15 июля 1927 г. потребовались специальные разъяснения порядка правоприменения ст. 16 призывного закона. В военные округа было разослано циркулярное письмо народного комиссара по военным и морским делам К.Е. Ворошилова, в котором подчеркивалось, что «ряд военных округов до настоящего времени входят с представлениями, как в Реввоенсовет ССР, так и в ЦИК республик о распространении Закона об обязательной военной службе на ту или иную национальность, что является совершенно неправильным»⁶⁶³. В циркуляре предлагалось: во-первых, издать и широко распространить закон среди трудящихся на языках народов СССР; во-вторых, оповестить ранее не призывавшихся в соответствии с утвержденным Наркомвоенмором планом призыва о предстоящем призыве и порядке привлечения их к обязательной военной службе⁶⁶⁴.

Для того чтобы разрешить коллизии, возникшие в ходе практической реализации закона «Об обязательной военной службе», в 1927 г. была создана комиссия Главного управления Красной армии под руководством начальника управления

⁶⁶⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 15.

⁶⁶¹ Отчет о призыве на действительную службу в 1926 г. граждан рождения 1904 г. М., 1927. С. 12–13.

⁶⁶² РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 84.

⁶⁶³ Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 45–46.

⁶⁶⁴ Там же. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 57–59.

Н.Н. Петина⁶⁶⁵. После длительных дискуссий статья об особом порядке прохождения службы для представителей нерусских народов с двумя существенными изменениями по сравнению с законом 1925 г. вошла в новую редакцию Закона «Об обязательной военной службе» от 1 августа 1928 г. (в статье под номером 17). Во-первых, согласовывать возможность призыва в той или иной республике военному ведомству теперь предстояло не с ЦИКаами этих республик, а с СНК. Таким образом, это право передавалось от представительных органов власти к исполнительным. Кроме того, «в качестве временной меры» допускалось «вовсе не привлекать этих граждан (имелись в виду отдельные народы и социальные группы граждан. – *Авт.*) к отбыванию обязательной военной службы в силу бытовых или местных условий»⁶⁶⁶. Этим из закона исключалась норма, допускавшая многозначные толкования понятия военной службы.

С некоторыми стилистическими, но не существенными отличиями эта норма была повторена и в следующей редакции закона «Об обязательной военной службе», утвержденной ЦИК Союза СССР и СНК Союза СССР 13 августа 1930 г. (ст. 24).

Незначительные масштабы национального строительства в Вооруженных Силах СССР длительное время позволяли покрывать потребность в личном составе для национальных частей в значительной мере за счет *добровольчества* (за исключением Украины, Белоруссии и закавказских республик, где изначально действовал обязательный призыв). Однако уже в 1927 г. рамки добровольчества представлялись руководству РККА узкими. Как отмечал в одном из своих докладов в СНК СССР наркомвоенмор К.Е. Ворошилов, добровольчество в современных условиях изжило себя: слабые партийно-комсомольские организации в национальных регионах не могли обеспечить *качественный* приток добровольцев, «а среди остальной части добровольцев часто попадаются элементы политически неустойчивые, безработные, рассчитывающие найти в армии приют, пищу и т.д. ... Кроме того, добровольный порядок не всегда дает необходимое число по-

⁶⁶⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 603.

⁶⁶⁶ Там же. Л. 115 об; Собрание законодательства СССР. 1928. № 51. Ст. 449.

полнений. Все это вызывает необходимость перейти к комплектованию нацчастей в *обязательном порядке*» (выделено мной. – *Авт.*)⁶⁶⁷. В то же время, по мнению Ворошилова, национальные части в их текущем масштабе не обладали достаточной емкостью для использования всех ресурсов национальных регионов, которые «окажутся для них чрезмерно большими... Это приведет к тому, – считал нарком, – что во-первых, в национальных республиках и областях фактически будет привлекаться в войска весьма незначительный процент от призывного контингента, и во-вторых, несмотря на установление обязательной военной службы, особенно на первое время, в некоторых отдельных районах, наиболее отдаленных и наименее советизированных, вовсе не проводится призыва»⁶⁶⁸.

Выход наркомвоенмору виделся в организации *массового призыва* контингентов из национальных республик для укомплектования как национальных, так и *номерных* частей. В своем докладе в ЦИК и СНК СССР в марте 1928 г. он сообщал, что, «несмотря на все изложенное, РВС СССР считает все же возможным и необходимым, начиная с осени 1928 г., приступить к *обязательному призыву* народностей: среднеазиатских республик, Киргизской АССР, Казакской (т.е. Казахской. – *Авт.*) АССР, Дагестанской АССР и горцев Северного Кавказа» (выделено мной. – *Авт.*). Отмечалось «важное политическое значение» грядущего мероприятия: этим, по замыслу Ворошилова, не только достигалась ускоренная адаптация «националов», но и одновременно были бы удовлетворены «настойчивые ходатайства о привлечении коренного населения [к службе]... в *обязательном порядке*»⁶⁶⁹.

«Настойчивые ходатайства» с мест действительно продолжали поступать. Так, 30 января 1928 г. в Секретариат НКВМ поступил объемный (на 38 листах) материал Дагестанского обкома ВКП(б) по вопросу о начале призыва горцев Северного Кавказа и, в частности, уроженцев Дагестана⁶⁷⁰. В марте 1928 г. аналогичный материал был направлен из Туркменистана, чьи власти также активно

⁶⁶⁷ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 81. Л. 25 об.

⁶⁶⁸ Там же. Д. 97а. Л. 26.

⁶⁶⁹ Там же.

⁶⁷⁰ Там же. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 109. Л. 51.

настаивали на призыве местной молодежи⁶⁷¹. А СНК и Президиум ЦИК Казахской (Казахской) АССР, даже не дожидаясь решения центральных властей, уже 18 января 1928 г. принял постановление о начале регулярных призывов в республике «на точном основании закона об обязательной военной службе» (выделено мной. – Авт.). Соответствующие поручения были даны республиканскому комиссариату⁶⁷².

Летом 1928 г. РВС СССР официально направил в ЦИК СССР и СНК СССР предложение осенью 1928 г. приступить к обязательному призыву «народностей среднеазиатских республик, Киргизской АССР, Казахской АССР, Дагестанской АССР и горцев Северного Кавказа». Предложение касалось молодежи 1906 года рождения, а также лиц, начиная с 1901 года рождения, имевших среднее и высшее образование⁶⁷³. Против этого выступил начальник Политуправления РККА А.С. Бубнов: «Подъем по призыву в обязательном порядке нацмен (национальных меньшинств. – Авт.), не призываемых ранее, при весьма ограниченных возможностях их использования в текущем году, должен быть дополнительно доработан и согласован с советскими и партийными организациями нацреспублик». В итоге ГУ РККА пришло к компромиссной формулировке: «Призывников-нацмен, – сообщалось в докладе председателю РВС СССР, – которые ранее не призывались и принимались на укомплектование национальных частей в добровольном порядке, начиная с призыва текущего года привлекать в общеобязательном порядке *по мере потребности этих национальных частей*, (выделено мной. – Авт.)»⁶⁷⁴. Масштаб призыва должен был соответствовать штатной емкости национальных частей⁶⁷⁵.

Разворачивание регулярного обязательного призыва среди нерусских народов требовало тщательного изучения допризывников и подготовки их к службе в армии. Уже с весны 1928 г. для национальной молодежи проводились допризыв-

⁶⁷¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 109. Л. 52–54.

⁶⁷² Катухов В. Указ. соч. С. 24.

⁶⁷³ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 81. Л. 21, 24, 26.

⁶⁷⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 792. Л. 39.

⁶⁷⁵ Там же. Л. 15.

ные сборы, на которых молодые люди знакомились с оружием, уставами, проходили политучебу. Одновременно изучались их социальные характеристики, уровень грамотности, физического здоровья, выявлялись проблемные места, требовавшие срочного вмешательства до начала призыва⁶⁷⁶.

Для организации призывных мероприятий непосредственно на места в первой декаде августа 1928 г. во все районы комплектования выезжали командиры из национальных частей, политические и ветеринарные работники. В ходе призыва они вели большую работу по отбору людей и лошадей, доставке их в районные сборные пункты, предварительной пропагандистской работе с ними в пути. Особое внимание уделялось тому факту, что призывники будут направляться для прохождения службы только в национальную часть. Для убедительности в ходе агиткампании национальные части объезжали местные села⁶⁷⁷. Местных жителей, никогда раньше не отдававших своих сыновей в солдаты, еще нужно было убедить в том, что именно эта власть достойна того, чтобы защищать ее с оружием в руках. Ведь советская идентичность у его граждан едва только начинала формироваться. Особенно это было важно в тех регионах, где продолжалась вооруженная борьба с силами контрреволюции и уголовными бандами, например в Средней Азии, на Северном Кавказе. Вот как пояснял общественный настрой в отношении военной службы в 1930 г. автор брошюры о национальных формированиях в Казахстане В. Катуков: «Казахский народ не имел ни опыта, ни навыков, ни традиций в деле отбывания военной службы и *механическое распространение* (здесь и далее курсив мой. – Авт.) на него призывов в Красную армию... привел бы к колоссальным ошибкам и большим недоразумениям. Русская национальность... веками привлекалась к отбыванию военной службы, она считала это вполне *закономерным*, и во всяком случае *неизбежным* и с малых лет психологически к отбыванию службы в армии готовилась... И психологическая готовность бесспорно облегчала проведение призывов в царскую армию. Для казахского населения такой форсированный призыв в армию, – в армию уже иную, защища-

⁶⁷⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 491. Л. 148.

⁶⁷⁷ Там же. Л. 402.

ющую интересы трудящихся... – явился бы, по меньшей мере, *неожиданным*. Казахи могли бы его просто не понять или отождествлять с призывами в царскую армию и даже со... знаменитой реквизицией⁶⁷⁸ 1916 года»⁶⁷⁹.

Непосредственно призывные мероприятия делились на три этапа: подготовительный период; сосредоточение призывников в сборных пунктах и отправка их в воинские части. Призывную кампанию 1928 г. в целом по СССР прошло 1 379 362 граждан 1906 года рождения⁶⁸⁰. Из числа не призывавшихся прежде этносов, мероприятия охватили казахов, туркмен, узбеков, таджиков и горские народы Северного Кавказа – всего 46 524 чел. из числа этих народов, или 3,4 % от всего призывного контингента⁶⁸¹. Большинство призванных было направлено для прохождения службы в свои национальные части. В то же время, некоторая часть призывников, владевшая русским языком, как правило, на добровольных началах, отправлялась служить в так называемые *номерные* или «европейские» воинские части РККА. Мотивом для них служили карьерные соображения и желание «просто попасть в хорошие города»⁶⁸². Но в целом, в воинские части была зачислена лишь незначительная часть «националов», прошедших процедуру призыва – 2740 чел. или 0,58 % от всех призванных по стране. Это было связано, прежде всего, с малой штатной емкостью национальных частей, многие из которых еще находились на стадии формирования.

Результаты первых пяти призывов молодежи 1902–1906 годов рождения, состоявшиеся в 1924–1928 гг., сведены в *таблице 3*.

Обращают на себя внимание показатели нижней части таблицы за 1927 и 1928 гг. Они отражают результаты первых, пока еще очень ограниченных пробных призывов среди горцев Северного Кавказа и народов Средней Азии.

⁶⁷⁸ Имеется в виду объявленная высочайшим повелением в июне 1916 г. реквизиция «инородческого» населения, не обязанного несением натуральной воинской службы на тыловые работы, вызвавшего массовые беспорядки и саботаж по всей стране.

⁶⁷⁹ Катюков В. Указ. соч. С. 11.

⁶⁸⁰ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 14. Д. 2. Л. 3.

⁶⁸¹ Там же.

⁶⁸² Катюков А. Указ. соч. С. 28.

Таблица 3. Результаты военных призывов в РККА по национальностям в 1924–1928 гг.⁶⁸³

Год призыва	1924	В %	1925	В %	1926	В %	1927	В %	1928	В %
Год рождения	1902		1903		1904		1905		1906	
Русских	349436	63,4	309749	63,79	276409	65,07	312452	63,97	279966	64,32
Украинцев	123386	22,4	106181	21,8	90448	21,04	112531	21,69	96115	20,98
Белорусов	23368	4,2	19087	3,94	18465	4,41	21098	4,2	20422	4,62
Татар	9170	1,7	8788	1,84	6243	1,5	9899	2,08	6797	1,61
Чувашей	3253	0,6	2846	0,6	583	0,14	2778	0,58	1036	0,24
Немцев	4131	0,7	4403	0,9	4049	0,94	3679	0,71	3232	0,74
Поляков	1508	0,3	1794	0,39	2317	0,57	2158	0,43	2127	0,48
Мордвин	3671	0,7	4149	0,86	2141	0,51	2543	0,51	2695	0,62
Эстонцев	350	0,1	491	0,1	476	0,11	557	0,11	514	0,12
Латышпей	326	0,1	430	0,09	453	0,11	439	0,09	429	0,1
Евреев	7395	1,3	7913	1,68	6161	1,55	6770	1,42	6693	1,66
Зырян	1298	0,2	1012	0,21	504	0,12	609	0,13	525	0,12
Молдаван	807	0,1	939	0,19	502	0,11	666	0,12	640	0,14
Вотяков	2094	0,4	-	-	496	0,12	-	-	463	0,1
Корейцев	68	0,03	-	-	100	0,02	206	0,04	124	0,03
Армян	4207	0,8	3312	0,71	4300	1,01	4425	0,89	3911	0,94
Грузин	8148	1,4	4901	0,97	4919	1,11	5066	1,03	4732	1,16
Карелов (финнов)	496	0,1	1209	0,22	1277	0,3	1240	0,25	1236	0,27
Литовцев	56	0,02	98	0,02	133	0,03	93	0,02	132	0,03
Греков	475	0,1	890	0,18	378	0,08	-	-	-	-
Калмыков	14	0,01	-	-	-	-	206	0,04	83	0,02
Туркмен	16	0,01	8	0,01	-	-	-	-	-	-
Осетин	270	0,07	287	0,06	398	0,09	469	0,09	482	0,09
Болгар	185	0,05	-	-	-	-	-	-	-	-
Башкир	1478	0,3	1300	0,25	933	0,22	1259	0,26	877	0,2
Тюрок	3169	0,6	2197	0,46	1724	0,47	1577	0,39	1708	0,43
Черемисов (марийцев)	1026	0,2	890	0,17	-	-	529	0,11	396	0,1
Бурятов	-	-	-	-	129	0,03	93	0,02	129	0,03
Туркмен	-	-	-	-	-	-	622	0,11	582	0,12
Узбеков	-	-	-	-	-	-	899	0,16	760	0,16
Таджиков	-	-	-	-	-	-	284	0,05	159	0,03
Киргизов	-	-	-	-	-	-	63	0,03	124	0,03
Ингушей	-	-	-	-	-	-	-	-	26	0,01
Чеченцев	-	-	-	-	-	-	-	-	21	0,01
Народности Дагестана	-	-	-	-	-	-	-	-	229	0,05
Кабардинцев и карачаевцев	-	-	-	-	-	-	-	-	33	0,01
Казачков (казахов)	-	-	-	-	-	-	-	-	292	0,06
Черкесов	-	-	-	-	-	-	-	-	32	0,01
Прочих	1451	0,3	1529	0,32	1401	0,33	1501	0,3	1592	0,36
Всего	551252	100	484457	100	424939	100	494711	100	439314	100

⁶⁸³ Составлено автором по: РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 7. Л. 9 об – 11; 29 об – 31, 50 об – 52, 108 об – 110, 141 об – 142 об.

В отдельных регионах, где раньше всего были сформированы крупные национальные воинские соединения, среди призывников преобладали представители местных национальностей. Например, в 1926 г. в Закавказье до 82 % призывного контингента составляли грузины, армяне и тюрки (азербайджанцы)⁶⁸⁴. Отмеченная тенденция является отражением активно реализуемой в середине 1920-х гг. программы развития национальных формирований, однако в этот период являлась скорее исключением из правила.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что в середине и во второй половине 1920-х гг. молодое пополнение Красной армии обеспечивалось, главным образом, за счет восточных славян, чей удельный вес среди призывников колебался с очень незначительной амплитудой – от 89,53 % до 90,52 %.

Общий удельный вес представителей различных народов непосредственно в рядах РККА зафиксирован военной переписью, состоявшейся 17 декабря 1926 г. В аналитическом отчете по итогам военной переписи также подчеркивался «значительный рост удельного веса... грузин, армян, тюрков», а также народов, названных «более малочисленными» – зырян, карелов, туркмен, узбеков⁶⁸⁵.

По военной переписи удельный вес восточных славян в рядах РККА составил 86,6 % (русские – 64,5 %, украинцы – 18,0 %, белорусы – 4,1 %) ⁶⁸⁶. И среди призывного контингента, и среди всех военнослужащих РККА удельный вес восточных славян был значительно выше аналогичного дореволюционного показателя (72–75 %). При этом по итогам Всесоюзной переписи населения, состоявшейся в этот же день, 17 декабря 1926 г., удельный вес трех славянских народов среди населения Советского Союза составлял лишь 77,3 % (русские – 52,9 %, украинцы – 21,2 %, белорусы – 3,2 %) ⁶⁸⁷. Напомним, что в дореволюционный период этот показатель составлял 66,1 %.

Анализ статистического материала показывает, что удельный вес славян

⁶⁸⁴ Призывные контингенты (1902–1905 гг. рождения). М., 1928. С. 49–51.

⁶⁸⁵ РГВА. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 4. Л. 10 об – 11.

⁶⁸⁶ Там же. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.

⁶⁸⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–1929. Т. 17. С. 8–25. Табл. VI. «Население по полу, народности».

среди личного состава Красной армии по сравнению с периодом Гражданской войны несколько сократился. При этом в самой группе славянских этносов заметно уменьшилось число русских, хотя оно по-прежнему значительно превышало удельный вес русского мужского населения по Всесоюзной переписи 1926 г. Одновременно вырос удельный вес украинцев и белорусов. Так, удельный вес украинцев в войсках с августа 1920 г. с 5,8 % вырос до 18,9 % к началу 1925 г. и держался в диапазоне 18–20 % вплоть до начала Великой Отечественной войны. Удельный вес белорусов в 1920-х гг. держался в диапазоне 4–5 %. Потеря многонаселенных западных территорий бывшей Российской империи, дававших значительный контингент новобранцев (поляки, жители Прибалтики, немцы, евреи), была пропорционально компенсирована славянами, удельный вес которых в составе РККА еще более возрос по сравнению с аналогичным показателем Русской императорской армии. Несущей конструкцией вооруженных сил государства продолжала оставаться русская нация, опорой которой составляли другие восточнославянские народы – украинцы и белорусы.

Выводы по параграфу 3.1

Проведенный анализ источников показал, что с первых лет существования советской власти значительная часть советских этносов так или иначе была вовлечена в процесс несения военной службы. На 1920-е гг. пришелся начальный этап деятельности государственных органов власти и органов военного управления, направленной на привлечение населения национальных окраин к делу обороны молодого Советского государства и последовательное расширение мобилизационного людского ресурса государства за счет представителей, не призывавшихся прежде в ряды войск (т.е. в Русскую императорскую армию). Этот процесс коррелировал с развитием призывного законодательства и реализацией программы национальных формирований.

Несмотря на смену государственного строя, практика несения военной службы не могла быть изменена одномоментно, поскольку требовала комплекса подготовительных мероприятий в области организации воинского учета и призыва, определения форм прохождения военной службы различными этносами в со-

ответствии с их национально-культурными особенностями. Поэтому нормативная база в области военного призыва в 1920-х гг. предусматривала большую гибкость. Для этносов, имевших дореволюционную традицию несения военной службы в Русской императорской армии, действовали общие нормы обязательного призыва, в то время как не имевшим такого опыта предлагался набор возможностей – от полного освобождения от строевой службы до добровольной вербовки в ряды Красной армии. И призванные граждане, и добровольцы направлялись для прохождения службы преимущественно в национальные части.

Опыт всесоюзного призыва в РККА 1928 г. можно считать революционным, поскольку он впервые в истории был распространен на территории всей страны, в том числе и в тех регионах (Средняя Азия, Северный Кавказ и ряд других), где не проводился никогда. Призыв 1928 г. сломил многовековую традицию отказа от приема на комплектование войск десятков окраинных народов нашего государства.

Анализ источников показал, что призыву предшествовала большая работа военных, советских и партийных органов по учету, изучению, допризывной подготовке молодежи, а также широкая агитационно-пропагандистская работа, направленная на формирование позитивного отношения к службе в Красной армии не только у самих призывников, но и у членов их семей, этносов в целом.

3.2. Особенности комплектования РККА в 1930-х – начале 1940-х гг. и переход к массовому призыву представителей народов СССР

В 1930-х гг. в советском военном строительстве произошли кардинальные перемены, вызванные изменениями международной обстановки, внешней и внутренней политики СССР. В условиях нарастания угрозы новой мировой войны правительство Советского Союза взяло курс на наращивание численности войск и ускоренную модернизацию РККА.

Толчком послужили частичная денонсация Германией Версальского договора и ее форсированная милитаризация. «Воззвание германского правительства к немецкому народу о введении обязательной военной службы» от 16 марта 1935 г.

объявило принятый в тот же день закон о создании вооруженных сил, которым в Германии была введена всеобщая воинская повинность и предусмотрено создание вермахта из 12 корпусов, 36 дивизий⁶⁸⁸.

Советское руководство ясно осознавало неизбежность большой войны в ближайшем будущем⁶⁸⁹. В марте 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло ряд решений, которые явились «отправным пунктом стремительного пересмотра планов строительства РККА и ее мобилизационного развертывания»⁶⁹⁰. С 1935 до 1938 г. численность Красной армии была увеличена с 930 тыс. до 1,5 млн чел. в начале 1939 г. доведена до 1,9 млн чел.⁶⁹¹, затем к началу Великой Отечественной войны еще почти в 3 раза – до 5,7 млн чел.⁶⁹² (см. *диаграмму 1*). Быстро росли масштабы призывов в армию и определявшаяся мобилизационными планами штатная численность РККА военного времени – с 3237,3 тыс. чел. в 1930 г. до 6530,3 тыс. чел. в 1939 г.⁶⁹³

Одним из важнейших элементов преобразований в военной области во второй половине 1930-х гг. стало совершенствование призывного законодательства, направленное на увеличение обученного резерва на случай мобилизации. Принятая 5 декабря 1936 г. Конституция СССР статьями 132 и 133 установила, что всеобщая воинская обязанность является законом, служба в РККА – почетной обязанностью и священным долгом граждан СССР⁶⁹⁴. В 1936 г. призывной возраст был снижен с 21 до 19 лет.

Во второй половине 1930-х гг. была проведена коренная реорганизация местных органов военного управления, в 3,5 раза расширена сеть военкоматов.

⁶⁸⁸ Gesetz für den Aufbau der Wehrmacht. Vom 16. März 1935 // DocumentArchiv.de. URL: http://www.documentarchiv.de/ns/1935/wehrmacht_ges.html (Дата обращения: 6.5.2016).

⁶⁸⁹ Кен О.В. Мобилизационное планирование и политические решения: (Конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М., 2008. С. 370–372.

⁶⁹⁰ Там же. С. 377.

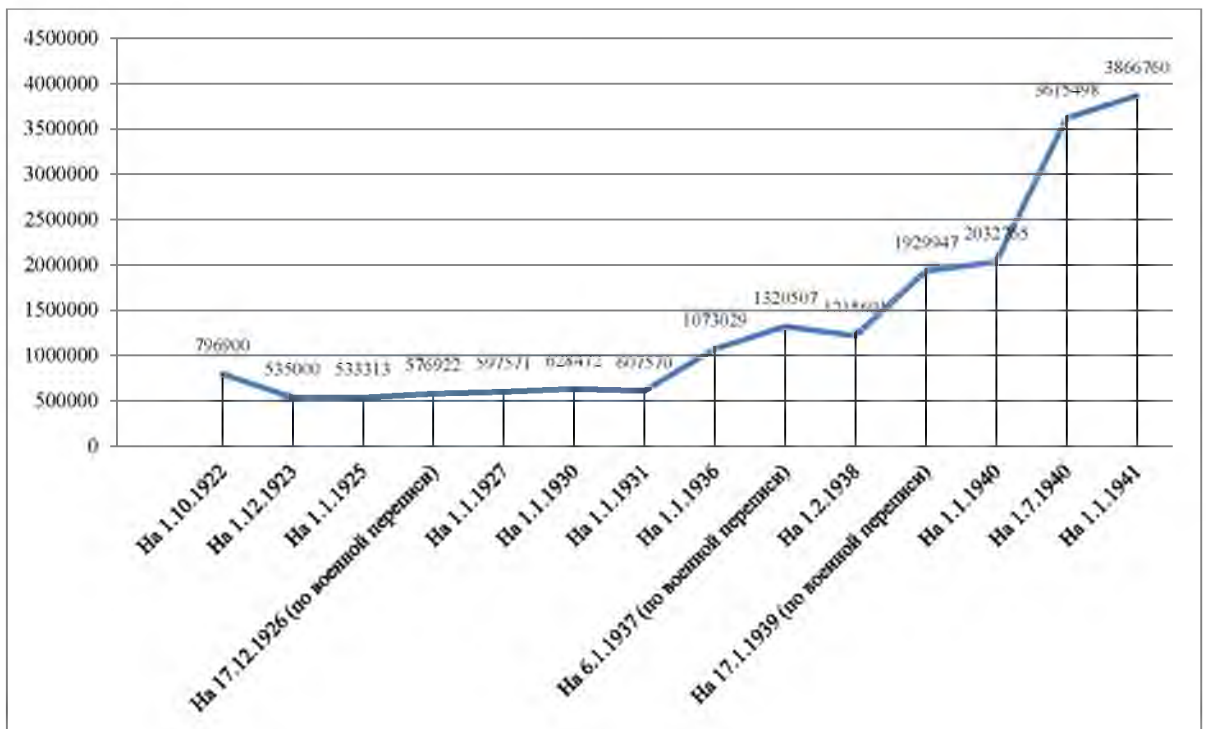
⁶⁹¹ Советские Вооруженные Силы. История строительства. М., 1978. С. 195.

⁶⁹² Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 35.

⁶⁹³ РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 21. Л. 225.

⁶⁹⁴ Конституция Союза Советских Социалистических Республик. М., 1940. С. 20.

Диаграмма 1. Рост списочной численности РККА с 1922 по 1941 г.⁶⁹⁵

Первичный персональный учет военнообязанных и призывников, их образования, технических и других специальных знаний, моральных и физических качеств был сосредоточен в военно-учетных столах при отделениях милиции, в сельских и поселковых Советах. На районные военные комиссариаты возлагался числовой учет по сельским Советам, а также учет командного состава запаса. Облвоенкоматы, 4-е отделы штабов округов и 4-й отдел Генерального штаба РККА вели числовой учет по ведомостям нижестоящих военно-учетных инстанций⁶⁹⁶.

На основе новой Конституции был разработан и 1 сентября 1939 г. принят Верховным Советом СССР закон СССР «О всеобщей воинской обязанности»⁶⁹⁷. Закон отменил классовое ограничение на прием в армию⁶⁹⁸. 30 июня 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были определены более строгие меры к военнообязанным за нарушение правил воинского учета.

⁶⁹⁵ Составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 7–117; Д. 109. Л. 2, 21–120; Д. 135. Л. 1, 5–93; Д. 167. Л. 2, 5; Д. 114. Л. 2; Д. 87. Л. 1–39; Д. 3. Л. 3; Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; РГВА. Ф. 40442. Оп. 3. Д. 3. Л. 3.

⁶⁹⁶ Военные комиссариаты: История создания и развития (1918–2018 гг.). М., 2018. С. 143–144.

⁶⁹⁷ Закон о всеобщей воинской обязанности. М., 1939.

⁶⁹⁸ Там же. С. 1.

Определение роли и места национальных контингентов в системе комплектования РККА в предвоенный период потребовало специального анализа особенностей призывов в РККА и состояния людских ресурсов в 1930-х гг. и на рубеже 1930–1940-х гг. Прежде всего следует отметить, что ежегодный и неуклонный прирост численности Красной армии пришелся на период «демографической ямы», когда в активную социальную жизнь вступали малочисленные поколения, рожденные в эпоху Первой мировой и Гражданской войн. На комплектовании армии негативно сказывались и современные демографические кризисы, связанные с крупномасштабными социально-экономическими преобразованиями в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. В частности, в результате голодомора на Украине Всесоюзная перепись 1937 г. зафиксировала существенную убыль украинского населения по сравнению с данными переписи 1926 г. – минус 4,77 млн чел.⁶⁹⁹ По этой же причине на 1 млн чел. сократилась численность казахов (минус 27,9 % к переписи 1926 г.)⁷⁰⁰.

Первые признаки напряжения в деле комплектования войск призывным контингентом были отмечены еще в начале 1930-х гг. 26–30 июня 1931 г. в ГУ РККА состоялось совещание с представителями штабов округов, корпусов и центральных управлений Наркомвоенмора по итогам призыва 1930 г. и в преддверии призывной кампании осени 1931 г. Совещание открывалось докладом начальника Управления по укомплектованию и службе войск М.Е. Симонова⁷⁰¹. На совещании отмечалось, что призыв 1930 г. впервые показал сокращение численности призывников, а призывной контингент 1931 г. был меньше, чем в 1930 г., сразу на 11 %⁷⁰². Также впервые после окончания Гражданской войны наряд на пополнение РККА был выполнен с напряжением.

В последующие годы отчеты Главного управления РККА о прошедших призывах носили все более тревожный характер. В 1932 г., по итогам призыва мо-

⁶⁹⁹ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. М., 2007. С. 110.

⁷⁰⁰ Там же.

⁷⁰¹ РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 21. Л. 443.

⁷⁰² Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 129. Л. 487.

лодежи 1910 года рождения, отмечалось, что «общий наряд на призывников... был дан крайне тяжелый... За вычетом отсеянных по политико-моральному состоянию, а также излишка призывников нацменьшинств, не могущих быть зачисленными в кадры, весь годный контингент нужно было полностью обратить на укомплектование РККА»⁷⁰³. В следующем, 1933 г. ГУ РККА констатировало: «Призыв проходил в чрезвычайно напряженной обстановке... Общий наряд превышал ресурсы годных призывников: ожидалось годных 850 тыс. чел., а требовалось призвать в кадры и пер[еменный] состав 861 502 чел.». Специалисты ГУ РККА по мобработе высказывали обоснованное предположение о том, что во второй половине 1930-х гг. численность призывного контингента будет неуклонно снижаться и достигнет своего минимума в 1939 г., сократившись по отношению к 1936 г. сразу на 56 % (до 1120 тыс. чел.)⁷⁰⁴.

Верность этого прогноза иллюстрирует статистика призывов первой половины 1930-х гг. (таблица 4).

Таблица 4. Численные показатели призыва 1931–1935 гг.⁷⁰⁵

Год призыва/ Призываемый возраст	Подлежало при- зыву по припис- ке, чел.	Зачислено, чел.		
		В кадр РККА, РККФ, вой- ска НКВД	В переменный состав террито- риальных частей РККА	Во вневойско- вики
1931/1909	1724750	301229	232282	713509
1932/1910	1760636	480800	588730	301339
1933/1911	1648100	472300	290900	530969
1934/1912	1587031	470286	263084	377674
1935/1913	1455272	535128	499303	69267

Как видно из таблицы, годовой призывной ресурс неизменно сокращался, по мере приближения к кризисному в истории страны периоду, отрицательно сказавшимся на демографической ситуации. Частично проблема решалась за счет пе-

⁷⁰³ Там же. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 7. Л. 211.

⁷⁰⁴ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 7–117.

⁷⁰⁵ Составлено автором по: РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 7. Л. 155–174, 196–198, 251–262, 276–291, 292–304.

пераспределения ресурсов из категорий *вневоисковиков* и переменного состава территориальных частей в пользу кадрового состава.

Однако в дальнейшем прогнозировалось продолжение снижения численности призывников 1914–1920 годов рождения в связи с негативным действием фактора Первой мировой и Гражданской войн. По расчетным данным советского демографа А.Я. Боярского, резкое замедление прироста населения (соотношение рожденных к умершим на 1 тыс. жителей) пришлось на 1915–1916 гг. А в четырехлетие – с 1917 по 1920 г. – прирост и вовсе был отрицательным, причем своего минимума он достиг в 1919 г. (минус 15,0, т.е. 31,7 рождения и 46,7 смерти на 1 тыс. жителей)⁷⁰⁶. Демографические потери страны, не связанные с непосредственными военными потерями (т.е. дефицит рождений и преждевременные смерти), за период с 1915 по 1923 г., когда довоенный темп демографического прироста восстановился, оцениваются в 20 млн чел.⁷⁰⁷ К этому следует добавить негативные социальные явления: ужесточение классового отбора среди призывников в условиях развертывания коллективизации (отсев «социально чуждых» нередко достигал 10–15 %, что серьезно сказывалось на возможности выполнения военкоматами наряда на призыв), раскулачивания и массовых волнений на селе⁷⁰⁸.

⁷⁰⁶ Боярский А.Я. Население и методы его изучения: Сборник научных трудов. М., 1975. С. 226.

⁷⁰⁷ Там же.

⁷⁰⁸ Классовый признак подчеркивался как основополагающий фактор при комплектовании войск и предшествовал всякой другой учетно-мобилизационной работе с призывным контингентом. В «Руководстве по очередным призывам в РККА» (1934 г.) подчеркивалось: «Тщательное изучение и классовый отбор каждого призывника является основной задачей всей работы по подготовке и проведению призыва» (с. 7). «Классово чуждый элемент, какого бы он ни был физического состояния, ни при каких обстоятельствах не может быть допущен в ряды РККА, в то время как пролетарские контингенты, даже при наличии у них некоторых отклонений в состоянии здоровья, фактически допускающих возможность службы в РККА, могут и должны быть приняты в армию», – говорилось в докладе председателя Центральной военно-врачебной комиссии при ВСУ РККА Н.А. Молодцова на совещании по итогам призыва 1930 г. в ГУ РККА (РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 129. Л. 428). За первую половину 1930-х гг. отсеянных по социально-классовым признакам насчитывалось 655,7 тыс. чел. Из них не было принято в армию «по причинам политической и моральной неполноценности» (дети лишенцев и кулаков, служителей культа, бывших купцов, дворян, белогвардейцев, осужденные на срок свыше одного года, лодыри и «летуны», морально разложившиеся лица, пьяницы и хулиганы) – 509,5 тыс. чел.; отсеяно и зачислено в тыловое ополчение (в основном лишенцев) – 146,2 тыс. чел. Пик отсева пришелся на 1931–1933 гг., когда ежегодно в армию не принималось по указанным причинам от 120 до 130 тыс. призывников (РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 176. Л. 32).

В связи со складывавшейся неблагоприятной обстановкой с комплектованием РККА в числе мер по увеличению контингента призывников специалистами ГУ РККА отмечалась необходимость «расширения приема РККА национальностей, не втянутых еще в военную службу»⁷⁰⁹.

Положение с призывом нерусской молодежи было непростым. Как показало исследование документальной базы, с конца 1920-х гг. молодежь призывного возраста из союзных и автономных республик СССР и РСФСР в обязательном порядке проходила процедуры приписки к призывным участкам и военного призыва. Однако армейская инфраструктура не была готова принять всю массу призывников-«националов». Значительная часть призывного контингента союзных и автономных республик оказывалась невостребованной и сразу после призыва зачислялась во *вневойсковики*. Например, в 1932 г. по Казахской АССР явились на призыв 24,6 тыс. представителей европейских национальностей и 24,3 тыс. казахов. Между тем в итоге в кадр было зачислено 8446 европейцев и только 1502 казах⁷¹⁰. Аналогичным образом, в СКВО в ходе приписки, проходившей в январе – феврале 1932 г., к призывным участкам было приписано 112 131 чел., в том числе 16 672 горцев (14,9% от общего числа приписанных допризывников). Призвано было около половины от числа первоначально приписанных граждан – 57 709 чел., в том числе лишь 1654 горца (2,9% от числа всех призванных)⁷¹¹. Как отмечалось в отчете штаба СКВО о призыве 1930 г., «округ должен с каждым годом все больше и больше считаться с нетерпимостью того факта, что *призыв горцев фактически проходит вхолостую вследствие малого процента приема их в кадровые части* (выделено мной. – Авт.)»⁷¹².

Будучи неспособными пропустить через свои ряды массы военнообязанных ни в мирное, ни в военное время, национальные формирования на этом этапе развития РККА стали своего рода «бутылочным горлом». Поэтому органы военного управления не могли полностью рассчитывать на мобилизационный ресурс кав-

⁷⁰⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 129. Л. 487.

⁷¹⁰ Там же. Оп. 33. Д. 90. Л. 81, 92.

⁷¹¹ Подсчитано автором по: РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 90. Л. 17.

⁷¹² Там же. Оп. 29. Д. 129. Л. 76.

казских и среднеазиатских регионов, который не прошел военной подготовки в мирное время. Так, в мае 1933 г. в аналитической записке начальника Организационного отдела ПУ РККА Ф.Л. Блументаля отмечалось, что при мобилизации «Краснознаменная Кавказская армия, САВО и Казахская АССР, имеющие в остатке ресурсов в общей сложности до 650 000 чел. и политбойцов 45 000 чел., в силу местных особенностей (незнания русского языка, необученности и распыленности) могут быть использованы в очень ограниченном количестве»⁷¹³.

Положение с привлечением в войска молодого пополнения нерусской национальности резко изменилось лишь в 1938–1940 гг. Важной особенностью последних предвоенных призывов, начиная с 1938 г., было то, что пополнение распределялось по войскам строго экстерриториально, т.е. за пределами административных регионов (чаще всего – и военных округов), в которых они призывались. Из национальных республик молодое пополнение направлялось в западные приграничные и центральные военные округа. В ноябре 1938 г. в своем докладе наркому обороны К.Е. Ворошилову исполняющий должность начальника Административно-мобилизационного управления РККА бригадный комиссар Ф.С. Юдин подчеркивал: «За последние 15 лет призывники коренного населения национальных республик и областей Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, владеющие и не владеющие русским языком, впервые были обращены на укомплектование частей РККА военных округов европейской части СССР»⁷¹⁴.

Всего в 1938 г. из 31 785 таких призывников 18 520 (58,3%) направили в западные военные округа – Киевский особый, Белорусский особый и Ленинградский (таблица 5). В эти же округа направили основную массу (8393 чел. из 11 тыс. чел.) красноармейцев и младших командиров срочной службы национальностей коренных народов Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии, высвободившихся в результате упразднения и реформирования национальных частей⁷¹⁵. Например, в КОВО удельный вес пополнения с Кавказа и из Средней

⁷¹³ РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 77. Л. 4.

⁷¹⁴ Там же. Д. 11. Л. 146.

⁷¹⁵ Там же. Оп. 29. Д. 441. Л. 210.

Азии составил 22,4 %, а стрелковые части округа были укомплектованы ими на 41%. В БОВО эти показатели составили соответственно 17,7% и 31,4 %⁷¹⁶. Ряд частей приграничных округов оказались насыщенными новобранцами, не владевшими русским языком. Например, в 497-м стрелковом полку 135-й стрелковой дивизии Киевского особого военного округа из 2947 новобранцев 2233 были не-славянских национальностей⁷¹⁷.

Таблица 5. Количество уроженцев республик Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии, призванных в РККА в 1938 г.⁷¹⁸

Регионы призыва	Количество военнослужащих, направленных в военные округа										
	ЛВО	БОВО	КОВО	ХВО	МВО	УрВО	ПриВО	СКВО	САВО	СибВО	Всего
Закавказье	1740	2000	2670	665	1350	200	300	500	905	180	10510
Северный Кавказ	785	1400	865	–	400	–	–	–	–	–	3450
Средняя Азия	2905	2655	3500	1315	2300	870	1200	700	1800	580	17825
ИТОГО	5430	6055	7035	1980	4050	1070	1500	1200	2705	760	31785

Призыв, проведенный с 15 сентября по 15 октября 1939 г., стал наиболее массовым за всю предыдущую историю Красной армии. Если в 1938 г. РККА, РККФ и войска Наркомата внутренних дел (НКВД) пополнили 832 542 новобранца, то в 1939-м – 1 831 099 чел.⁷¹⁹. Войска и силы флота пополнила не только молодежь, рожденная в 1919 г. и во второй половине 1918 г., не призванная в предыдущем году (до снижения возраста призыва по новому закону), но и лица старшего возраста, по разным причинам не попавшие в армейские ряды ранее (их оказалось около 40 %). Количество пополнивших РККА призывников в 1936, 1937, 1939 и 1940 гг. (полные данные за 1938 г. не обнаружены) по национальному составу сведены соискателем в *таблице 6*.

Представленные в *таблице 6* данные отражают основные тенденции призывной практики предвоенного пятилетия.

⁷¹⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 11. Л. 229.

⁷¹⁷ Там же. Л. 230.

⁷¹⁸ Составлено автором по: там же. Д. 441. Л. 208–210.

⁷¹⁹ РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 11. Л. 156, 214.

Таблица 6. Национальный состав граждан, призванных в РККА
в 1936, 1937, 1939 и 1940 гг.⁷²⁰

Национальности		Годы призыва			
		1936	1937	1939	1940
		Годы рождения призванных			
		1914 – первая половина 1915	Вторая половина 1915 – 1916	Вторая половина 1918, 1919 и 1920, 1921 гг. (со средним образованием)	1920, 1.1 - 21.8.1921 и 1921 – 1922 гг. (со средним образованием)
Русские	Чел.	621951	722937	1020867	929789
	%	63,40	66,71	54,41	56,07
Украинцы	Чел.	207068	209284	336146	364307
Белорусы	Чел.	37903	33713	64877	83898
Всего славян	Чел.	866922	965934	1421890	1377994
	%	88,37	89,13	75,77	83,11
Татары	Чел.	18098	14874	45727	35607
Чуваши	Чел.	5490	9314	17422	12159
Удмурты	Чел.	2571	3613	5963	6332
Марийцы	Чел.	1674	554	5380	4237
Мордвины	Чел.	7270	5816	7002	12588
Башкиры	Чел.	4264	5242	7002	6629
Карелы	Чел.	564	1275	3466	2612
Коми (Зыряне)	Чел.	1452	3252	4782	3778
Буряты	Чел.	1040	337*	3361	2500
Осетины	Чел.	1600	1429	4955	2871
Народы Дагестана	Чел.	655	838	10509	6323
Кабардинцы, балкарцы, карачаевцы	Чел.	507	1105	3969	2538
Чеченцы, ингуши	Чел.	111	Нет данных	3804	1989
Адыгейцы, черкесы	Чел.	253	120	Нет данных	Нет данных
Молдаване	Чел.	1542	698	3519	3049
Калмыки	Чел.	536	Нет данных	1899	909
Всего национальностей из автономий РСФСР	Чел.	47627	48467	128760	104121
	%	4,85	4,47	6,86	6,28
Армяне	Чел.	6636	6018	24490	16060
Грузины	Чел.	6142	6030	33993	20430
Азербайджанцы	Чел.	2673	5466	36327	17602
Всего из народов Закавказья	Чел.	15451	17514	94810	54092
	%	1,57	1,62	5,05	3,26
Казахи	Чел.	1995	4803	53848	23186
Узбеки	Чел.	867	1724	74006	39432
Киргизы	Чел.	246	479	13661	7521
Таджики	Чел.	418	692	15310	9522
Туркмены	Чел.	664	1118	9622	6410
Всего из народов Средней Азии	Чел.	4190	8816	166447	86071
	%	0,43	0,81	8,87	5,19
Евреи	Чел.	12755	12459	25926	33554
	%	1,30	1,15	1,38	2,02
Другие	Чел.	34122	30565	38709	2339
	%	3,48	2,82	2,06	0,14
Всего	Чел.	981067	1083755	1876542	1658171

⁷²⁰ Составлено автором по: РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 11. Л. 3–15, 71–74, 91–95 об, 336–345; Д. 13. Л. 52, 77.

Число призываемых с 1936 по 1940 г. выросло почти на три четверти (73,3 %), причем наиболее значительно – среди неславянских народов: закавказских – от 2,4 до 6,6 раза; среднеазиатских – еще больше: казахов – почти в 11,6 раза, таджиков – в 22,8 раза, узбеков – в 45,5 раза. В тоже время число новобранцев-славян выросло лишь в 1,6 раза, в том числе русских – примерно в полтора раза (на 49,5 %), украинцев – на 76 %, белорусов – в 2,2 раза. Их удельный вес в общем количестве призванных сократился с 93,4 до 85,7 %, в том числе русских – с 67,0 до 57,8 %.

Однако в абсолютных величинах восточнославянские народы по-прежнему многократно преобладали в армии. В 1936 г. славян призвали в 14 раз больше (в том числе русских – в 10 раз больше), чем граждан всех неславянских национальностей, а в 1940 г. – почти в 6 раз больше (русских – в 4 раза больше).

До февраля 1940 г. в военные округа для прохождения срочной службы было направлено 1252,4 тыс. чел., призванных осенью 1939 г., из которых 243,9 тыс. чел.⁷²¹ (19,4 %) являлись представителями коренных национальностей, призванных в САВО, ЗакВО и СКВО. Вновь, как и в прошедшем году, «целые подразделения и части приобрели национальную окраску»⁷²².

Особенности военного призыва второй половины 1930-х – начала 1940-х гг. прямо отразились на этническом балансе всего личного состава РККА. Выявленный диссертантом статистический материал, отражающий динамику численности славян и других народов в рядах Красной армии, сведен в *таблицу 7* (см. **приложение 1**).

Из *таблицы 7* видно, что максимальный удельный вес восточных славян в РККА был достигнут в период с 1936 по 1939 г. и колебался в этот период в диапазоне от 86 до 89 %. Это был период быстрого наращивания численности личного состава РККА, которое велось в основном за счет славянских и особенно русских новобранцев. Между тем удельный вес народов союзных республик Закавказья и Средней Азии за три года (с 1938 по 1941 г.) вырос более чем в 3 раза. Выше

⁷²¹ РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 21. Л. 16, 17.

⁷²² Там же. Д. 12. Л. 93.

было показано, что в абсолютных величинах рост по отдельным этносам выражался в двукратных величинах. По результатам призывов осени 1939 и 1940 гг. их численность к началу 1941 г. достигла максимума за весь изучаемый период и составила 8,96 % от всего списочного состава РККА. Прирост призыва представителей этих народов происходил на фоне относительного сокращения призыва среди русских, мобилизационные ресурсы которых к 1941 г. оказались перенапряжены. Удельный вес русских в этот момент в первый и последний раз за весь исследуемый в диссертации период опустился ниже удельной численности русских в общей массе населения СССР по Всесоюзной переписи 1939 г., сократившись до показателя порядка 56 % (таблица 8).

Таблица 8. Изменение численности и удельного веса русских военнослужащих РККА в 1930 – начале 1940-х гг.⁷²³

Дата	Абсолютное значение, чел.	Относит. значение, проц.
На 1.1.1931	392286	64,55
На 1.1.1936	710361	66,16
Всего русского населения по Всесоюзной переписи 6.1.1937	93933065	58,0
В РККА на 6.1.1937 (по военной переписи)	874520	66,22
На 1.2.1938	803746	66,14
Всего русского населения по Всесоюзной переписи 17.1.1939	99591520	58,39
В РККА на 17.1.1939 (по военной переписи)	1268698	65,73
На 1.1.1940	1300414	63,98
На 1.7.1940	2204471	60,97
На 1.1.1941	2033819	56,39

Остальные народы, имевшие давнюю традицию военной службы и издавна призывавшиеся в армию без ограничений, в предвоенные годы в абсолютном выражении втрое увеличили свое представительство в армейских рядах, однако их относительные показатели остались практически без изменений. Среди наиболее многочисленных народов РСФСР – татары (в 1938 г. – 25,2 тыс. чел. или

⁷²³ Составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3. Л. 3; Д. 87. Л. 1–39; Д. 114. Л. 2; Д. 167. Л. 2; Оп. 26. Д. 11. Л. 229; Д. 123. Л. 2, 21; *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996. С. 86; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 57; Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Труды ЦСУ. Т. 1. Вып. 3. М., 1921. С. 1–19.

2,08 %; в 1941 г. – 71,7 тыс. чел. или 1,99 %); евреи (в 1938 г. – 22,5 тыс. чел. или 1,85 %; в 1941 г. – 66,3 тыс. чел. или 1,84 %); мордвины (в 1938 г. – 8,9 тыс. чел. или 0,73 %; в 1941 г. – 25,3 тыс. чел. или 0,70 %); чувашаи (в 1938 г. – 8,8 тыс. чел. или 0,72 %; в 1941 г. – 28,9 тыс. чел. или 0,80 %) ⁷²⁴. Таким образом, рост представительства перечисленных этносов шел в полном соответствии с ростом численности всей Красной армии.

Резкий рост численности «националов» в войсках имел следствием большой наплыв красноармейцев, не владевших или плохо владевших русским языком, к чему военное ведомство оказалось не готовым, поскольку языковая проблема при первом массовом призыве 1938 г. совершенно не принималась во внимание. Однако уже после первого же опыта экстерриториального распределения молодого пополнения в конце 1938 г. в военном ведомстве признали, что была «допущена большая ошибка в распределении по некоторым частям Киевского и Белорусского военных округов призывников-уроженцев Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа, не владеющих русским языком» ⁷²⁵. В 1939 г., когда призыв нерусских новобранцев многократно вырос, ситуация лишь усугубилась. Поэтому на призывную кампанию 1940 г. нарком обороны поставил задачу «учесть ошибки укомплектования» ⁷²⁶. В этом году, по оценке заместителя наркома обороны, начальника Генерального штаба РККА Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова, планировалось призвать из Средней Азии 154,5 тыс. чел., из Закавказья и с Северного Кавказа – около 110 тыс., т.е. всего свыше 250 тыс. чел. ⁷²⁷.

В августе 1940 г., намечая мероприятия по очередному призыву, Б.М. Шапошников обратился к народному комиссару обороны Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко с предложением ограничить призыв неславянской молодежи из этих регионов 20 % от общего количества годных к воинской служ-

⁷²⁴ Подсчитано автором по: ЦАМО Ф. 7. Оп. 24. Д. 114. Л. 2; там же. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21.

⁷²⁵ РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 11. Л. 229.

⁷²⁶ Там же.

⁷²⁷ Там же.

бе⁷²⁸. Пренебречь ими⁷²⁹ позволял излишек призывных ресурсов (приблизительно четверть общей потребности в пополнении армии мирного времени⁷³⁰).

Приказом заместителя народного комиссара обороны Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова от 3 сентября 1940 г. № 182738сс был объявлен общесоюзный призыв молодых людей, родившихся в 1920 г., а также родившихся с 1 января по 31 августа 1921 г. и лиц 1921–1922 годов рождения, имевших оконченное среднее образование⁷³¹. Этим же приказом из Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа призывались только молодые люди, рожденные в 1920 г. и 1921–1922 гг. рождения с полным средним образованием, а уроженцам этих регионов, родившимся в 1921 г., была предоставлена отсрочка, чтобы они могли пройти оздоровительные и общеобразовательные мероприятия⁷³². Их оказалось 90,2 тыс. чел. Их призыв намечался на осень 1941 г. одновременно со славянской молодежью 1922 года рождения. Предписывалось обеспечить равномерное распределение по войсковым частям пополнения из национальных регионов, чтобы «красноармейцы нерусских национальностей и не владеющие русским языком» не направлялись «компактными массами в одну часть»⁷³³. В итоге удалось добиться относительно равномерного распределения новобранцев коренных национальностей Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья по военным округам – от 3,3 до 13,0 % от общего количества призывников. Средняя насыщенность воинских частей новобранцами неславянских национальностей не превысила 6,0%, а в западных округах (Западный особый, Киевский особый, Одесский, Ленинградский, Прибалтийский особый) достигла 8,6%⁷³⁴. Однако с учетом уже находившихся в войсках военнослужащих-«националов» их численность и удельный вес

⁷²⁸ РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 12. Л. 55–56; Главный военный совет РККА: 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004. С. 456.

⁷²⁹ Излишки призывников отсеивали и ранее. Например, в 1938 г. в Закавказском военном округе подлежали явке на призывные участки 69 147 призывников, состоявших на учете. А наряд на пополнение частей РККА, РККФ и НКВД составил лишь 26 261 чел. Округ его выполнил.

⁷³⁰ Главный военный совет РККА... С. 456.

⁷³¹ РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 21. Л. 245–248.

⁷³² Там же. Л. 246.

⁷³³ Там же. Л. 93, 94.

⁷³⁴ Подсчитано автором по: РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 13. Л. 64.

оказались значительно выше. На 1 января 1941 г. при общей численности личного состава войск пяти западных военных округов 1868,7 тыс. чел., численность уроженцев Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа в них достигала 234,1 тыс. чел. или 12,52 %⁷³⁵.

По итогам призывной кампании 1940 г. была издана директива заместителя начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина от 3 января 1941 г. № У/1/571630сс, в которой отмечалось, что, вследствие недостаточно качественно проведенной приписки в округах с большим количеством национальных контингентов призывников (СКВО, ЗакВО, САВО, ПриВО и СибВО) «не все призывники были выявлены, а неграмотные, малограмотные и не знающие русского языка полностью не охвачены обучением»⁷³⁶.

В 1941 г. при проведении в марте допризыва в порядке выполнения директивы заместителя наркома обороны № орг/1/521094 от 20 февраля 1941 г. молодежь местных национальностей 1921 года рождения также не призывалась⁷³⁷. В связи с объявлением 4 мая 1941 г. постановлением СНК СССР за № 1210-499сс и директивой Генерального штаба № У/1/313 досрочного призыва граждан, родившихся в первом квартале 1922 года, было предписано призвать также и граждан нерусской национальности 1921 года рождения, но только из числа владевших русским языком⁷³⁸. Такие лица без ограничений направлялись на комплектование воинских частей, дислоцировавшихся в западных военных округах. 3 апреля 1941 г. органам местного военного управления было дано циркулярное указание по реализации действующего мобилизационного плана МП-41, аналогичное предписанию о распределении молодого пополнения после осеннего призыва 1940 г. Предписывалось при проведении приписки к частям граждан нерусской национальности, не допускать комплектования частей и подразделений военно-обязанными одной национальности одновременно добиваясь удельного веса рус-

⁷³⁵ Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 22–30.

⁷³⁶ Там же. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 137.

⁷³⁷ Там же. Л. 170.

⁷³⁸ Там же. Л. 184.

ских не менее 50 %⁷³⁹. Таким образом, обострение национального вопроса в рядах РККА в предвоенный период вызвало комплекс мер по административному регулированию притока нерусских пополнений в войска и распределения призванного контингента среди воинских частей.

Кроме проблем, связанных с языковым барьером, массовые призывы и экстерриториальное распределение молодого пополнения выявили и физиологическую неготовность части призывников из южных республик к службе в суровых климатических условиях европейской части СССР. Как отмечал в июле 1940 г. в докладе заместителю наркома обороны армейскому комиссару 1-го ранга Л.З. Мехлису начальник Главного военно-санитарного управления РККА бригадный врач Е.И. Смирнов, у молодого пополнения, прибывшего в зимнее время в Орловский и Киевский особый военные округа, наблюдались тяжелые простудные заболевания, в том числе крупозная пневмония, нередко приводившая к смерти. Военврач отметил, что, помимо климата, на здоровье красноармейцев влиял не налаженный в связи с быстрым развертыванием новых частей быт (приходилось умываться на улице, подолгу на морозе ждать очереди в столовую и т.д.), а также упущения в обмундировании призывников («пополнение прибывало из южных районов зимой в летней одежде, подчас в тапочках на босую ногу»)⁷⁴⁰. Предлагалось комплектование пополнением из южных республик проводить не зимой, а в начале осени, «чтобы бойцы могли привыкнуть к климатическим условиям места службы»⁷⁴¹.

Ознакомившись с докладом Смирнова, Мехлис поручил начальнику Главного управления РККА генерал-майору М.Г. Снегову учесть негативный опыт призыва 1939 г. и представить проект распределения призывников будущего призыва осени 1940 г.⁷⁴²

Следует отметить, что если выше речь шла о призывниках, то контингент военнообязанных-«националов» старших возрастов в предвоенные годы оказался

⁷³⁹ ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 50. Л. 33.

⁷⁴⁰ Там же. Л. 341.

⁷⁴¹ Там же. Л. 342.

⁷⁴² Там же.

в массе своей не только не охваченным военным обучением, но и почти не изученным военными и государственными органами как мобилизационный ресурс. Армейская реформа конца 1930-х гг. также почти не коснулась больших масс военнообязанных; многие из них вообще не прошли военной службы. Бывший председатель СНК ДАССР А.Д. Даниялов вспоминал, в частности, о дагестанцах: «К 1941 г. взрослое население гор мало владело русским языком. Исторически сложившийся уклад жизни, когда горцы без крайней нужды не выходили дальше своего аула, в лучшем случае района, являлся громадной трудностью при мобилизации горцев в действующую армию... Беда состояла в том, что кроме тех, кто прошел службу в армии до войны, горцы не умели обращаться даже с винтовкой. Что касается автомата, пулемета, миномета или гранаты, то они их просто не видели»⁷⁴³.

В предвоенные годы широкое распространение получил другой вид ограничений в комплектовании армии нерусскими призывниками – по так называемым *политико-моральным соображениям*. Во второй половине 1930-х гг. был определен ряд национальностей, для которых вводились ограничения на службу в армии, вызванные политическим недоверием к ним со стороны государства. В приказах наркома обороны о призывах последних предвоенных лет приводились перечни национальностей, призыв представителей которых приостанавливался, либо ограничивалось их использование в войсках. В конце 1930-х гг. к таковым относили граждан СССР по национальности: немцев, поляков, финнов, латышей, эстонцев, турок, греков и ряд других этносов. В мобилизационной документации предвоенных лет они отмечались в одной категории с гражданами, репрессированными за контрреволюционную и шпионскую деятельность. В зависимости от места рождения и социального статуса представителей перечисленных национальностей, достигших призывного возраста, либо вовсе не призывали в армию, либо после призыва направляли в войсковые части внутренних округов или рабочие колонны⁷⁴⁴.

⁷⁴³ Даниялов А. Воспоминания. Махачкала, 1991. С. 233.

⁷⁴⁴ Главный военный совет РККА... С. 133, 134.

Ограничения призыва в конце 1930-х – начале 1940-х гг. нередко носили отчетливый отзвук репрессий по национальному признаку (так называемых «*национальных операций НКВД*», или операций «*по национальным линиям*»), впервые развернутых в августе 1937 г. и прокатившихся в следующем году по стране. Главная их задача состояла в выявлении и нейтрализации по национальному признаку «потенциально опасных элементов», «пятой колонны» ввиду реальной или мнимой активизации соответствующих иностранных разведок и перспектив втягивания СССР в широкомасштабную войну⁷⁴⁵. По оценкам российских историков, репрессиям в рамках *национальных операций НКВД* подверглись от 350 до 365 тыс. чел., причем около 70 % приговоров были вынесены по «первой категории», т.е. были смертными⁷⁴⁶. Эти операции были направлены против немцев, поляков, греков, турок, иранцев, японцев, представителей народов Прибалтики, болгар, румын и т.д.⁷⁴⁷

С января–февраля 1938 г. «национальные операции» стали главным направлением в репрессивной деятельности НКВД⁷⁴⁸. 24 июня 1938 г. в контексте «национальных операций» были изданы постановление Главного военного совета и приказ НКО № 200/ш, предписывавшие уволить из приграничных военных округов комначсостав следующих национальностей: немцы, поляки, латыши, эстонцы, корейцы, финны, литовцы, турки, румыны, венгры и болгары, а также передать всех командиров этих национальностей вне зависимости от места службы, если на них имеются компрометирующие материалы, органам НКВД.

Приказ НКО от 7 августа 1938 г., объявлявший очередной призыв, разрешал принимать в строевые пехотные части тех призывников из финнов, болгар, греков, латышей, эстонцев, турок, карелов и немцев, которые проживали во внутренних областях СССР. Их направляли в части внутренних округов, ЗакВО и САВО. А призывники упомянутых национальностей из западных и дальневосточных ре-

⁷⁴⁵ Главный военный совет РККА... С. 317.

⁷⁴⁶ Савин А. Национальные операции НКВД 1937/1938 // Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке. М., 2013. С. 317–320.

⁷⁴⁷ Большевицкий порядок в Грузии: большой террор в маленькой кавказской республике: В 2 т. Т. 1. М., 2015. С. 33.

⁷⁴⁸ Савин А. Указ. соч. С. 319.

гионов СССР после призыва поступали в распоряжение НКВД и зачислялись в строительные части. Призывники из числа японцев, китайцев и корейцев проходили процедуру призыва и сразу же переводились в категорию *вневоинских*⁷⁴⁹. В следующем, 1939 г. в приказе об очередном призыве перечень ограничений по этническому признаку несколько изменился: в него добавили литовцев и румын, но исключили карелов. Граждан указанных национальностей – жителей приграничных областей нельзя было призывать, а из внутренних областей СССР их по-прежнему призывали и распределяли в воинские части внутренних округов⁷⁵⁰.

К 1940 г. репрессивные акции НКВД в рамках *национальных операций* завершились. Вслед за этим были значительно ослаблены ограничения в отношении граждан СССР «иностранцев», как их тогда называли, национальностей. Инициатором послаблений выступал Наркомат обороны, заинтересованный в расширении ресурсной базы для укомплектования непрерывно растущей Красной армии. Карелов и финнов отбирали для намечавшегося в тот период формирования карело-финской дивизии. В РККА принимали и не служивших ранее в польской армии жителей бывших польских территорий, отошедших к СССР (Западной Украины и Западной Белоруссии). Литовцев, латышей, эстонцев, немцев, поляков, болгар и греков вне зависимости от места рождения, *кроме вновь присоединенных* к СССР территорий, призывали в РККА и отправляли в части внутренних, южных округов и 1-й и 2-й Отдельных Краснознаменных армий (директива заместителя наркома обороны № 182738 от 3 сентября 1940 г.⁷⁵¹). В отношении граждан перечисленных национальностей, но рожденных *на вновь присоединенных территориях* (Латвия, Литва, Эстония, Северная Буковина, Бессарабия) в декабре 1940 г. и в марте 1941 г. перед председателем правительства В.М. Молотовым ходатайствовали сначала заместитель наркома обороны маршал С.М. Буденный, а затем нарком обороны маршал С.К. Тимошенко. Они настаивали на необходимости поставить на учет, приписать к военкоматам и в общем порядке призвать в 1941 г.

⁷⁴⁹ РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

⁷⁵⁰ Там же.

⁷⁵¹ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 92.

молодежь этих национальностей, в связи с тем, что накопилось уже четыре молодых возраста (1919, 1920, 1921 и 1922 годов рождения) лиц, не служивших ни в национальных, ни в советской армиях. А между тем, отмечал в своем докладе Молотову Буденный, «эти возраста очень ценны с точки зрения накопления обученных запасов мобресурсов»⁷⁵². Запрет на службу в строевых частях РККА сохранялся только для призывников из числа турок, румын, японцев, корейцев и китайцев, которых направляли на службу в рабочие батальоны⁷⁵³.

Анализ документов позволяет утверждать, что, как только отменялись ограничения на призыв граждан какой-либо национальности, как правило, призывались не только те, чей возраст соответствовал назначенному для очередного призыва, но также и родившиеся раньше, но не призванные в связи с действовавшим прежде ограничением. Например, в 1939 г. был практически приостановлен призыв в армию поляков, зато в 1940 г. их призвали сразу в количестве 27,8 тыс. чел., в основном с присоединенных к СССР территорий⁷⁵⁴ (таблица 9).

Таблица 9. Призыв советских граждан, этнически родственных гражданам сопредельных стран и жителей присоединенных к СССР территорий, чел.⁷⁵⁵

Национальности	Годы призыва / годы рождения			
	1936 / 1914–1915	1937 / 1915–1916	1939 и допризыв начала 1940 / вторая половина 1918, 1919, 1920 и 1921	1940 / 1920, 1921 и 1922
Немцы	4243	3954	14321	13657
Эстонцы	404	579	577	1651
Латыши	399	337	571	1095
Литовцы	Нет данных	Нет данных	Нет данных	427
Поляки	2040	2716	1517	27798
Финны	213	Нет данных	994	1608
Греки	766	33	1879	2194
Болгары	482	141	Нет данных	1045
Корейцы	383	Нет данных	Нет данных	Нет данных

Примечание. В 1939 и в 1940 гг. призывники 1920–1921 гг. рождения призывались только со средним образованием.

⁷⁵² ЦАМО. Ф. 2. Оп. 11569. Д. 333. Л. 8–11.

⁷⁵³ Там же. Д. 21. Л. 248.

⁷⁵⁴ Там же. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 13. Л. 92.

⁷⁵⁵ Составлено автором по: РГВА. Ф. 39415. Оп. 1. Д. 11. Л. 3–15; Д. 71. Л. 91–95 об, 336–345; Д. 13. Л. 52, 77.

В условиях массовых призывов, часть граждан, попадавших под категорический запрет на призыв в РККА, все же оказывалась в войсках. Так, в декабре 1939 г. в 1-ю Отдельную Краснознаменную армию Дальневосточного фронта с пополнением прибыло около 180 немцев, поляков, латышей, эстонцев, греков и болгар⁷⁵⁶. Из САВО, несмотря на категорический запрет, по итогам призыва осени 1940 г. в западные военные округа было отправлено 204 новобранца по национальности немцев, поляков, литовцев, латышей, эстонцев, поляков, греков⁷⁵⁷. Из МВО таковых оказалось 113 чел., из ХВО – 202 чел., из ЗапОВО – 789 чел., из СКВО – 207 чел. и т.д.⁷⁵⁸

Выводы по параграфу 3.2

Анализ документов позволил определить новый этап (1929–1941 гг.) в деятельности органов государственной власти СССР и военного управления, направленной на последовательное расширение обученного мобилизационного резерва государства за счет представителей нерусских народов. Установлено, что в этот период, как и в 1920-е гг. этнонациональную основу отечественных Вооруженных Сил составлял русский народ. Удельное представительство русских в рядах РККА превышало их удельный вес среди населения Советского Союза. Таким образом, русскими компенсировался недобор в армию представителей других советских народов, которым требовались те или иные формы адаптации для службы в армии или же чье присутствие в рядах войск считалось нежелательным по политическим мотивам.

Рассмотренный период характеризовался расширением масштабов военного призыва в национальных регионах. Однако, как показал анализ источников, развернутый на рубеже 1920–1930-х гг. регулярный обязательный призыв в национальных регионах, вошел в противоречие с ограниченной штатной емкостью национальных формирований. Большая часть нерусской призывной молодежи ежегодно после процедуры призыва зачислялась во *вневойсковики*, фактически

⁷⁵⁶ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 35.

⁷⁵⁷ Там же. Л. 124.

⁷⁵⁸ Там же. Л. 140.

освобождаясь от строевой службы и получая лишь азы военных знаний. До середины 1930-х гг. указанное противоречие было не критичным, поскольку годовой контингент призывников восточнославянских национальностей покрывал потребности в комплектовании армии новобранцами. Но со второй половины 1930-х гг. был взят курс на быстрый прирост численности РККА, совпавший с объективным ухудшением демографических условий комплектования армии. Значение ресурсов национальных регионов для комплектования войск быстро росло.

Предвоенный период (1939–1941 гг.) характеризовался принятием нового призывного закона и введением начиная с осени 1939 г. действительно всеобщего обязательного призыва на территории всех союзных и автономных республик СССР и РСФСР с зачислением призванных в кадровый состав войск. Многократный прирост численности РККА в предвоенные годы был обеспечен, в числе прочих мер, сотнями тысяч новобранцев нерусских национальностей. Их удельный вес в рядах РККА достиг своего максимального значения за весь изучаемый период, а удельный вес русских, напротив, в первый и последний раз на короткий отрезок времени опустился ниже их удельного веса среди населения.

Установлено, что многократный прирост численности военнослужащих нерусской национальности (по ряду национальностей – в десятки раз) не мог не обернуться серьезными издержками, к которым органы управления НКО оказались неготовыми. Главной среди них стала языковая проблема, для решения которой до начала войны не хватило времени. Последние предвоенные годы характеризовались не только резким расширением масштаба комплектования войск представителями нерусских народов, но и сознательным отказом от приема в армию целого их ряда. Причиной этого являлись слабая общеобразовательная и языковая подготовка (народы Средней Азии) или подозрения в политической нелояльности (народы, родственные населению приграничных Советскому Союзу и буржуазных стран).

3.3. Комплектование РККА представителями нерусских народов в годы Великой Отечественной войны

22 июня 1941 г., в первый день Великой Отечественной войны, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом объявил всеобщую мобилизацию военнообязанных 14 возрастов – с 1905 по 1918 гг. рождения включительно⁷⁵⁹. 10 августа 1941 г. Государственный Комитет Обороны издал постановление № 452сс о мобилизации военнообязанных 1890–1904 гг. и призывной молодежи 1922–1923 гг. рождения⁷⁶⁰. Масштабы мобилизационных мероприятий первых месяцев войны были поистине колоссальными и никогда в истории нашей страны не виданными. По данным Главного управления формирований и комплектования РККА, в период мобилизации согласно мобплану летом 1941 г. было призвано в ряды армии *3900 тыс. чел.* В последующем, до конца 1941 г. для новых формирований и маршевых пополнений было призвано еще без малого *7150 тыс. чел.*⁷⁶¹

Летом 1941 г. удар частей вермахта приняли на себя достаточно подготовленные кадровые соединения РККА западных военных округов. Однако размах развернувшегося противостояния, масштабы потерь Красной армии, темпы наступления противника превзошли все самые худшие ожидания. Уже к 1 декабря 1941 г. общие потери (убитыми, умершими от ран, попавшими в плен, пропавшими без вести, ранеными, заболевшими и обмороженными) достигли *2571,9 тыс. чел.*⁷⁶²

В связи с выбытием в первые же месяцы войны из строя значительной части кадрового состава и наиболее подготовленных резервистов молодых возрастов все острее становилась проблема пополнения действующей армии людьми. До конца декабря 1941 г. действующая армия получила 286 новых стрелковых дивизий и 159 стрелковых бригад общей численностью *1954,1 чел.*⁷⁶³, около 9500

⁷⁵⁹ Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945): Цифры, документы. М., 2002. С. 492–493.

⁷⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 140–141.

⁷⁶¹ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133в. Л. 133.

⁷⁶² Там же. Л. 134.

⁷⁶³ Там же. Л. 5.

маршевых единиц (рот, эскадронов, батарей) численностью свыше 2,2 млн чел.⁷⁶⁴ (Для сравнения: к 22 июня 1941 г. в составе РККА числилось 198 стрелковых, горнострелковых и мотострелковых дивизий и 2 бригады⁷⁶⁵). К 1 декабря 1941 г. численность действующей армии была доведена до 4200 тыс. чел.⁷⁶⁶ Только за первый период Великой Отечественной войны, т.е. до начала декабря 1942 г., Красная армия получила вновь сформированными и переформированными 420 стрелковых и горнострелковых дивизий, 237 стрелковых бригад, 84 кавалерийские дивизии и т.д.; численность действующей армии была доведена до 5281 тыс. чел.⁷⁶⁷

Приведенные данные убедительно показывают, насколько сложной оказалась задача комплектования Красной армии людскими ресурсами в условиях крупномасштабной войны, потребовавшей максимального напряжения всех сил Советского государства. Довоенный запас *обученных* военнообязанных почти полностью был исчерпан за первые полгода войны: если в июне 1941 г. он достигал 12 млн чел., то к январю 1942 г. остаток людских ресурсов, годных к строю в возрасте до 40 лет, составлял лишь 950 тыс. чел.⁷⁶⁸

Весенне-летняя кампания вермахта 1942 г. вновь складывалась для советских войск неудачно и сопровождалась новыми огромными потерями личного состава Красной армии и военнообязанного населения оккупируемых врагом областей Нижнего Дона, Нижней Волги и Северного Кавказа. В течение 1942 г. ситуация с состоянием людских ресурсов, годных для военной службы, значительно осложнилась. Так, по состоянию на 15 сентября 1942 г., без учета лиц, имевших отсрочку и забронированных за промышленностью⁷⁶⁹ в составе семи военных округов⁷⁷⁰, трех невоюющих фронтов⁷⁷¹ и трех воюющих, но имевших собствен-

⁷⁶⁴ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133в. Л. 97.

⁷⁶⁵ Там же. Ф. 15а. Оп. 162. Д. 8. Л. 3.

⁷⁶⁶ Великая Отечественная война Советского Союза: 1941–1945: Краткая история. М., 1970. С. 579.

⁷⁶⁷ ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 162. Д. 8. Л. 6–10; Оп. 1848. Д. 7. Л. 48–50.

⁷⁶⁸ Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133в. Л. 133.

⁷⁶⁹ Таковых на эту дату числилось 2377,5 тыс. чел. (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 145. Л. 142).

⁷⁷⁰ Московский, Архангельский, Приволжский, Уральский, Южно-Уральский, Сибирский, Среднеазиатский.

ные органы комплектования и подчиненные им военкоматы⁷⁷² оставалось призывников 1922–1924 гг. рождения и военнообязанных до 50 лет: 1160,6 тыс. чел. – годных к строевой службе и 463,8 тыс. чел. – ограниченно годных к строевой службе⁷⁷³. По состоянию на 1 ноября 1942 г. эти цифры составляли уже 1003 тыс. чел. и 336,3 тыс. чел. соответственно⁷⁷⁴. На 15 декабря 1942 г. – 866,7 тыс. чел. и 37,3 тыс. чел. соответственно⁷⁷⁵. Отрицательная динамика в данном случае очевидна.

Анализ статистических данных о комплектовании РККА личным составом по национальностям показывает, что основная нагрузка в первый период войны легла в основном на плечи *русского народа*, чье абсолютное и удельное представительство в войсках резко выросло. С января 1941 г. по январь 1943 г. удельный вес русских среди всех народов СССР в рядах Красной армии поднялся с 56,4 до 71,1 %, т.е. на 14,7 %. В абсолютном значении этот прирост выразился цифрой 4389 тыс. чел. За два года относительный прирост составил 214,9 % (с 2033,8 тыс. чел. до 6722,8 тыс. чел.)⁷⁷⁶.

Прямо противоположная ситуация наблюдалась с представительством в РККА *украинцев и белорусов*, чьи территории расселения на длительный период с осени 1941 г. и вплоть до второй половины 1943 г. были полностью утеряны. Особенно резко упало представительство украинцев, которые традиционно составляли пятую часть личного состава армии (см. *диаграмму 2*⁷⁷⁷).

В абсолютном исчислении количество украинцев к январю 1943 г. выросло лишь на 213 тыс. чел. (с 782,9 тыс. чел. до 995,8 тыс. чел., относительный прирост – 21,4 %) ⁷⁷⁸, иными словами, темп прироста численности русских в рядах РККА был в *10 раз выше*, чем украинцев.

⁷⁷¹ Забайкальский, Дальневосточный, Закавказский (недействующие войска).

⁷⁷² Закавказский, Ленинградский и Карельский.

⁷⁷³ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 145. Л. 158–159.

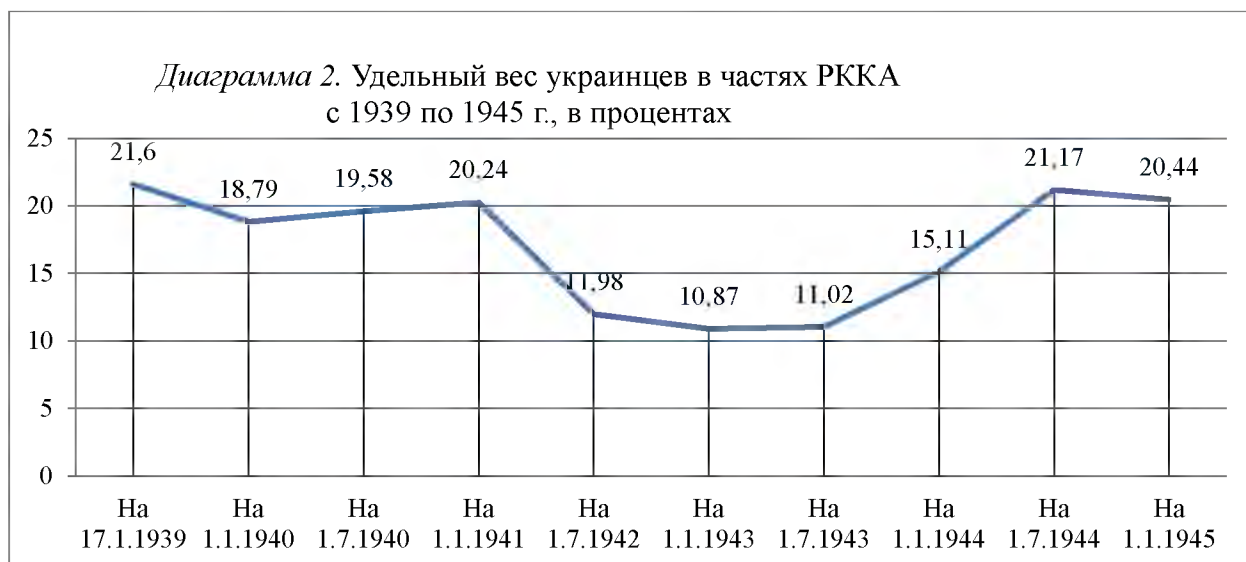
⁷⁷⁴ Там же. Л. 173–174.

⁷⁷⁵ Там же. Л. 294–295.

⁷⁷⁶ Подсчитано автором по: там же. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 220. Л. 29–48.

⁷⁷⁷ Составлено автором по: там же. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

⁷⁷⁸ Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 220. Л. 29–48.

Еще худшую динамику показывали белорусы: их удельный вес в РККА сократился с 4,35 % в январе 1941 г. до 1,96 % в январе 1943 г., а прирост военнослужащих белорусской национальности за два года в абсолютных значениях составил лишь 11,3 % (т.е. показал динамику в *19 раз ниже*, чем у русских)⁷⁷⁹. Таким образом, резкое сокращение поступления в армию украинцев и белорусов в первой половине войны частично компенсировалось *усилением использования ресурсов русских военнообязанных*.

Другим важным источником для пополнения рядов действующей армии, особенно в 1942–1943 гг., становятся *республики Закавказья и Средней Азии*. При этом в Закавказье, оказавшемся вследствие особенностей развития стратегической обстановки на советско-германском фронте, сначала главным «донором» для войск, сражавшихся в Крыму, а затем своего рода «эксклавом», отрезанным от остальной территории страны, людские ресурсы местных этносов (армян, азербайджанцев и грузин) наиболее интенсивно расходовались с первых месяцев войны⁷⁸⁰. В конце 1941 г. из состава Закавказского военного округа было выделено новое фронтовое управление – Кавказский фронт, преобразованное позднее в

⁷⁷⁹ Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 220. Л. 29–48.

⁷⁸⁰ В первые же месяцы войны Закавказский военный округ отправил на фронт 7 кадровых соединений, 377 маршевых рот, 756 танковых экипажей. В августе–октябре 1941 г. в округе было начато формирование еще 18 стрелковых дивизий (Краснознаменный Закавказский: История Краснознаменного Закавказского военного округа. Тбилиси, 1977. С. 54).

Крымский фронт. Этот фронт, а также войска Отдельной Приморской армии, оборонявшие Севастополь, в значительной степени были укомплектованы соединениями, сформированными в Закавказье. После разгрома весной 1942 г. противником Крымского фронта и эвакуации остатков Отдельной Приморской армии Закавказскому военному округу (с мая 1942 г. – фронту), вновь опираясь в основном на собственные ресурсы, пришлось строить оборону Северного Кавказа и Закавказья. В течение 1942 г. Закавказским фронтом, оборонявшим Северный Кавказ, из ресурсов всего Кавказа было сформировано и передано действующим войскам 35 стрелковых дивизий, 33 стрелковые бригады и сотни специальных частей и подразделений⁷⁸¹. Уже к осени почти все людские ресурсы фронта были исчерпаны. На 1 ноября 1942 г. на территории Закавказья (все Закавказье и неоккупированная часть Северного Кавказа) числилось лишь 110 тыс. чел., годных к строевой службе, и 97,2 тыс. чел. годных к нестроевой службе⁷⁸². Динамика численности в составе РККА трех титульных закавказских наций показана в *таблице 10*.

Таблица 10. Изменение абсолютного числа и удельного веса представителей закавказских народов в рядах РККА в период Великой Отечественной войны⁷⁸³

Дата	Армяне		Азербайджанцы		Грузины		Всего	
	Чел.	В % в РККА	Чел.	В % в РККА	Чел.	В % в РККА	Чел.	В % в РККА
В % по Всесоюзной переписи 1939 г.		1,26		1,33		1,37		
На 1.1.1941	40305	1,18	39319	1,09	49250	1,37	128874	3,62
На 1.7.1942	127363	1,31	112983	1,16	119604	1,23	359950	3,7
На 1.1.1943	99026	1,1	87767	0,98	101493	1,13	288286	3,14
На 1.7.1943	128928	1,12	98806	0,86	117822	1,02	345556	2,99
На 1.1.1944	112210	1,0	72834	0,67	103852	0,92	288896	2,56
На 1.7.1944	103279	0,86	59104	0,49	95225	0,8	257608	2,15
На 1.1.1945	104493	0,85	56989	0,46	93489	0,76	254971	2,08

На отдельных участках фронта сосредоточение представителей кавказских этносов было значительно выше. Особенно большим оно было в период оборони-

⁷⁸¹ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 703. Л. 79.

⁷⁸² Там же.

⁷⁸³ Составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

тельного сражения на Северном Кавказе осенью и зимой 1942–1943 гг. Например, в начале сражения за Кавказ по состоянию на 1 августа 1942 г. в составе трех армий Закавказья (44, 45, 46-й) числилось без малого 175,5 тыс. представителей только крупнейших закавказских народов – армян, грузин и азербайджанцев⁷⁸⁴. В конце ноября 1942 г. в войсках Северной группы войск Закавказского фронта удельный вес представителей народов Закавказья составлял 30,51 % (68,4 тыс. чел.), в то время как русских, украинцев и белорусов – 57,53 % (см. таблицу 11). Количество неславян достигало в Северной группе войск 42 %⁷⁸⁵.

Таблица 11. Национальный состав войск Северной группы войск Закавказского фронта на 20 ноября 1942 г. (без учета войск 37-й армии), чел.⁷⁸⁶

Национальности	9-я армия	58-я армия	44-я армия	4-я воз-душная армия	4-й гв. кав-корпус	275-я сд	Всего	Удельный вес, %
Русские	54273	7630	11922	10547	8720	1979	95071	43,85
Украинцы	13544	2162	2472	6578	1910	812	27479	12,67
Белорусы	1372	119	224	400	174	12	2201	1,01
Азербайджанцы	8121	13541	18478	127	80	129	40476	18,67
Армяне	11742	417	1338	211	140	48	13896	6,41
Грузины	2808	702	10241	123	109	94	14077	6,43
Горцы Северного Кавказа ⁷⁸⁷	1225	206	1339	26	133	62	3950	1,82
Турки	8	Н.д.	139	12	51	16	219	0,1
Калмыки	Н.д.	Н.д.	9	Н.д.	236	Н.д.	245	0,11
Узбеки	3425	542	1224	56	48	15	5548	2,56
Таджики	17	Н.д.	Н.д.	11	Н.д.	Н.д.	28	0,01
Киргизы	52	Н.д.	Н.д.	4	20	Н.д.	76	0,03
Казахи	629	Н.д.	196	40	77	38	975	0,44
Мордвины, чувашаи	1057	Н.д.	Н.д.	100	48	207	1412	0,65
Татары	1404	227	103	141	101	12	1988	0,92
Евреи	1526	433	Н.д.	833	140	108	3095	1,43
Прочие	3323	963	2323	65	241	97	6922	3,19
ВСЕГО	104518	26942	50008	19465	12228	2827	216800	100

⁷⁸⁴ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 294. Л. 15.

⁷⁸⁵ Там же. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1286. Л. 26.

⁷⁸⁶ Там же. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 42. Л. 1569.

⁷⁸⁷ Включая 1188 горцев в составе 37-й армии.

В течение 1941 и особенно 1942 г. при комплектовании воинских частей в Закавказье и на Северном Кавказе в руководящих документах нередко оговаривался перечень используемых для этого этносов, иногда регламентировалось их соотношение между собой. В период обороны Кавказа летом и осенью 1942 г. штабы Северо-Кавказского военного округа и Закавказского фронта при формировании новых стрелковых соединений придерживались принципа отдельного комплектования народами Кавказа и так называемыми «европейскими» национальностями (в перечень которых включались русские, украинцы, белорусы и, как правило, евреи). Так, в семнадцати соединениях, сформированных Закавказским фронтом в период обороны Кавказа⁷⁸⁸, удельный вес народов Закавказья составил треть от общего числа военнослужащих. При этом кавказский элемент был в основном сосредоточен в нескольких соединениях (77, 261, 242, 271, 276, 349-я и некоторые другие стрелковые дивизии)⁷⁸⁹. Из других формирующихся соединений кавказский элемент, напротив, изымался. Например, из 61-й стрелковой дивизии в августе 1942 г. распоряжением Генштаба РККА были предварительно изъяты 3736 армян, 2721 азербайджанец и 510 дагестанцев. Образовавшийся некомплект покрывался за счет русских, украинцев и белорусов.

Этническая сегрегация при формировании воинских частей объективно способствовала формированию их неформальной иерархии, в которой дивизиям с преобладанием уроженцев Кавказа отводилось место после славянских по составу соединений. В документах периода обороны Кавказа нередко можно встретить просьбы командармов вышестоящему командованию о выделении им соединений, укомплектованных именно славянами. Тем не менее, избавиться от кавказского контингента в тех условиях было невозможно.

Также были установлены ограничения на укомплектование разного рода специальных воинских частей представителями кавказских национальностей. В период боев за Крым зимой и весной 1942 г. по инициативе представителя

⁷⁸⁸ 77, 151, 236, 242, 261, 271, 276, 317, 319, 320, 328, 337, 349, 351-я стрелковые дивизии и 1, 16, 103-я стрелковые бригады.

⁷⁸⁹ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 31. Л. 37.

Ставки ВГК на Крымском фронте Л.З. Мехлиса уроженцы Кавказа заменялись на славян в таких подразделениях стрелковых полков, как автоматные, разведывательные, минометные, истребительно-противотанковые, заградительные⁷⁹⁰. В период обороны Кавказа уроженцы Кавказа не использовались в комплектовании горных отрядов и рот, полков морской пехоты⁷⁹¹.

В отличие от Закавказского фронта *Среднеазиатский военный округ* ко второму году войны сохранял достаточно большой запас годных к строевой службе военнообязанных запаса местных национальностей. Это было связано с особенностями расхода людских ресурсов в период мобилизации и в первые месяцы войны. Проведенный соискателем анализ показал следующее. К началу войны на воинском учете состояло свыше 2 млн. военнообязанных, из которых 493,2 тыс. чел. (23,62 %) представляли восточные славяне (русские, украинцы и белорусы), а 1594,8 тыс. чел. – местные национальности (в том числе 400,3 тыс. казахов, 128,1 тыс. киргизов, 762,4 узбеков, 193,6 таджиков, 110,4 туркмен⁷⁹²). Структура ресурсов военнообязанных накануне войны в целом соответствовала структуре населения. Согласно переписи 1939 г. славянское население (русские, украинцы и белорусы) Средней Азии составляло 4,52 млн чел. из 16,63 млн чел., или 27,2%, а удельный вес коренных народов составлял: узбеков – 29 %, казахов – 16,2 % таджиков – 7,5 %, туркмен – 4,4 %, киргизов – 5,9 %⁷⁹³. По состоянию на 1 октября 1942 г. в САВО числилось 841,4 тыс. годных к строю военнообязанных запаса, из которых узбеков – 378,6 тыс. чел. (45 %), таджиков – 109,4 тыс. чел. (13 %), казахов – 92,5 тыс. чел. (11 %), туркменов – 54,7 тыс. чел. (6,5 %), киргизов – 50,5 тыс. чел. (6 %), а русских, украинцев и белорусов – лишь 84,1 тыс. чел. (10 %)⁷⁹⁴. Сопоставление удельных значений остатков ресурсов САВО по национальностям и национального состава Среднеазиатского региона позволяет прийти к выводу о том, что в первый период войны расход военнообязанных восточно-

⁷⁹⁰ ЦАМО. Ф. 215. Оп. 1199. Д. 9. Л. 4–6.

⁷⁹¹ Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 99. Л. 134.

⁷⁹² *Сухарь М.Я.* Указ. соч. С. 230.

⁷⁹³ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 99. Л. 164.

⁷⁹⁴ Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 145. Л. 163.

славянских национальностей в регионе происходил почти *в три раза быстрее*, чем представителей большинства местных этносов. Исключение составляли казахи, чей запас в удельном значении к осени 1942 г. также сократился, а также киргизы, чей расход соответствовал их удельному весу среди населения. Однако темпы призыва в РККА и казахов, и киргизов все равно существенно отставали от расхода ресурсов военнообязанных граждан славянских национальностей.

Пик мобилизаций представителей коренных народов Средней Азии пришелся на 1942 г.: в войска РККА, а также на работу в промышленности было мобилизовано 1339 тыс. чел. – это больше, чем в 1941 и 1943 гг. вместе взятых⁷⁹⁵. Осенью 1942 г. основная масса ресурсов призывников и военнообязанных запаса из САВО была призвана и переброшена для военной подготовки во внутренние военные округа (МВО, ПриВО, УрВО, ЮжУрВО). Они пополняли части Красной армии в течение 1943 г., благодаря чему к концу 1943 г. абсолютный и удельный вес народов Средней Азии достиг максимума за всю войну. В 1943 г. интенсивность мобилизаций и формирований новых частей в САВО резко падает, что связано с исчерпанием основной массы пригодных для комплектования воинских частей ресурсов военнообязанных. Наглядно этот тезис иллюстрируют показатели формирования округом новых соединений: в течение 1941–1942 г. в САВО было сформировано 24 стрелковые дивизии, 47 стрелковых бригад, 35 кавалерийских дивизий. А в 1943 г. – только одна стрелковая и две минометные бригады⁷⁹⁶. Представительство титульных народов Средней Азии в РККА отражено в *таблице 12*.

Сравнение *таблиц 10 и 12* наглядно показывает расхождение пиков комплектования РККА двумя группами народов: если у закавказских этносов пиковые значения пришлись на первый период войны, то у среднеазиатских – на второй.

⁷⁹⁵ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 145. Л. 294–295.

⁷⁹⁶ Там же. Д. 199. Л. 167.

Таблица 12. Изменение удельного веса представителей народов Средней Азии в рядах РККА в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны⁷⁹⁷

	Казахи		Узбеки		Киргизы		Таджики		Туркмены		Всего	
	В абс. цифрах	В % в РККА	В абс. цифрах	В % в РККА	В абс. цифрах	В % в РККА	В абс. цифрах	В % в РККА	В абс. цифрах	В % в РККА	В абс. цифрах	В % в РККА
Удельный вес по Всесоюзной переписи 1939 г.		1,83		2,84		0,5		0,72		0,48		6,37
На 1.1.1940	21777	1,07	22204	1,09	Н.д.	Н.д.	4152	0,2	5387	0,27	53520	2,63
На 1.1.1941	50372	1,39	67679	1,87	11462	0,32	12435	0,34	10682	0,3	152630	3,95
На 1.7.1942	59717	1,66	88368	2,45	14749	0,41	16885	0,47	11849	0,33	191568	1,96
На 1.1.1943	184753	1,9	123476	1,27	27391	0,28	18464	0,19	22946	0,24	377030	4,12
На 1.7.1943	194339	2,16	155641	1,73	45011	0,5	24953	0,28	27436	0,31	447380	3,87
На 1.1.1944	219445	1,9	265336	2,3	53166	0,46	55929	0,48	48560	0,42	642436	5,7
На 1.7.1944	156939	1,39	169909	1,51	33000	0,29	36450	0,32	31521	0,28	427819	3,57
На 1.1.1945	124109	1,04	121422	1,01	23180	0,19	26057	0,22	23021	0,19	317789	2,59

Другой особенностью использования контингентов из Закавказья и Средней Азии, которую позволяет выявить анализ статистических данных, является то, что в составе *действующих фронтов* их было заметно больше, чем в целом по РККА, а, в свою очередь, в действующих войсках они в большей степени были представлены среди *рядового состава*. Так, на 1 января 1943 г. их удельный вес в РККА в целом составлял 7,26 %. Численность *действующих войск* в этот момент составляла 5105 тыс. чел., а численность представителей указанных народов в них составляла 444,7 тыс. чел. или 8,71 % от списочного состава действующей армии. Среди *рядового состава действующих войск* удельный вес представителей народов Закавказья и Средней Азии был еще выше – 10,06 %⁷⁹⁸ (1 % численности РККА на тот момент составлял 9153,7 чел.). Эти данные свидетельствуют о том, представителями закавказских и среднеазиатских национальностей преимущественно комплектовались стрелковые части, которые несли самые высокие потери среди всех родов войск. Объяснение этому соискатель видит в том, что основная масса призванных по мобилизации контингентов из числа коренных националь-

⁷⁹⁷ Составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

⁷⁹⁸ Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48.

ностей Закавказья и Средней Азии не имела опыта военной службы до войны, обладала низким образовательным цензом и проходила в учетных документах по военно-учетным специальностям (ВУС) «годные необученные» (ВУС-133) или «ограниченно годные (необученные)» (ВУС-134а). Исходя из этого, освоение ими военно-учетной специальности стрелка (ВУС-1) было наименее сложным делом из десятков других специальностей рядового состава, как правило, требовавших более высокой общеобразовательной подготовки и знания русского языка.

В подтверждение выдвинутого тезиса уместно обратиться к анализу объективного показателя, косвенно характеризующего интенсивность участия представителей различных этносов непосредственно в боевых действиях, а именно – к численности и удельному весу раненых и больных (*ранбольных*), находившихся на излечении в лечебных учреждениях. Соискателем установлено, что уровень санитарных потерь среди уроженцев Закавказья и Средней Азии в среднем был выше, чем по РККА. Так, при общем количестве *ранбольных* на 1 января 1943 г. 620,2 тыс. чел., совокупная численность представителей народов Закавказья и Средней Азии составляла 72,7 тыс. чел. или 11,72 % от всего состава этой категории военнослужащих. По состоянию на 1 июля 1943 г. на 676,0 тыс. *ранбольных* приходилось 76,7 тыс. представителей народов Закавказья и Средней Азии, или 11,35 %⁷⁹⁹.

Полученные данные коррелируют с расчетами, сделанными в свое время советским историком А.П. Артемьевым на материалах около двухсот стрелковых дивизий. По его данным, к январю 1943 г. доля армян в стрелковых частях составляла 1,49 %, в то время как по переписи 1939 г. среди всего населения этот показатель не превышал 1,27 %. Эти же цифры для грузин составили 1,82 и 1,33 % соответственно, азербайджанцев – 1,75 (на 1 июля 1943 г. – 1,57) и 1,34 %, узбеков – 2,42 (на 1 июля 1943 г. – 4,44) и 2,86 %, казахов – 3,05 (на 1 июля 1943 г. – 2,77) и 1,83 % и т.д.⁸⁰⁰. Общий удельный вес национальностей Закавказья и

⁷⁹⁹ Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48.

⁸⁰⁰ Артемьев А.П. Указ. соч. С. 58.

Средней Азии в изученных А.П. Артемьевым стрелковых соединениях составил на 1 января 1943 г. – 11,6 %.

В *таблице 13* сведены данные санитарных потерь по состоянию на 1 января 1943 г., 1 июля 1943 г. и 1 января 1944 г., а также данные об этническом представительстве в стрелковых дивизиях, рассчитанные А.П. Артемьевым в сравнении с данными Всесоюзной переписи 1939 г. Оба показателя в 1943 г. превышали удельный вес реди населения, а с 1944 г. стали ниже его.

Таблица 13. Удельный вес представителей народов Закавказья и Средней Азии среди раненых, больных и личного состава стрелковых дивизий в 1943–1945 гг., в процентах⁸⁰¹

Национальности	Раненные по РККА в целом			В стрелковых соединениях (по А.П. Артемьеву)			Среди всего населения СССР по Всесоюзной переписи На 17.1.1939
	На 1.1.1943	На 1.7.1943	На 1.1.1944	На 1.1.1943	На 1.7.1943	На 1.1.1944	
Армяне	1,37	1,47	1,14	1,49	1,40	1,36	1,26
Грузины	1,31	1,64	0,89	1,82	1,17	1,52	1,32
Азербайджанцы	1,31	1,12	1,13	1,75	1,57	1,48	1,33
Казахи	3,5	2,92	2,13	3,05	2,77	1,57	1,83
Узбеки	2,76	2,78	3,05	2,42	4,44	2,02	2,84
Киргизы	0,55	0,64	0,53	0,52	0,57	0,36	0,52
Таджики	0,42	0,43	0,68	0,25	0,87	0,46	0,72
Туркмены	0,51	0,34	0,53	0,30	0,33	0,40	0,48
Всего	11,72	11,35	10,08	11,6	13,12	9,17	10,35

Во второй половине 1943 г. произошли существенные изменения в системе комплектования войск, связанные с коренным изменением стратегической обстановки на фронтах. После Курского сражения началось грандиозное контрнаступление советских войск, результатом которого стало освобождение от оккупантов огромной территории страны. К регионам Северного Кавказа и Нижнего Дона, освобожденным в ходе зимней кампании 1942–1943 гг., добавились Левобережная Украина и центральные области РСФСР. Пропорционально стремительным темпам наступления советских войск возрастал контингент граждан, подлежа-

⁸⁰¹ Составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 57; Артемьев А.П. Указ. соч. С. 58.

ших призыву в Красную армию, согласно продолжавшему действовать приказу Ставки ВГК № 089 от 9 февраля 1942 г.⁸⁰², определявшему упрощенный и ускоренный порядок призыва граждан в РККА на освобожденных территориях. По мере освобождения территории УССР особенно быстро рос удельный вес в войсках украинцев. Приток в действующую армию в течение второй половины 1943 и в 1944 гг. сотен тысяч жителей УССР позволил восполнить тяжелые потери летне-осенней кампании Красной армии 1943 г. 25 января 1944 г. было издано дополнявшее приказ Ставки ВГК № 089-1942 постановление ГКО № 5026 «О мобилизации советских граждан в освобождаемых от немецкой оккупации районах Западной Украины и Западной Белоруссии». Мобилизации и призыву подлежало фактически все мужское население в трудоспособном возрасте более чем тридцати возрастов – с 1894 по 1926 годов рождения⁸⁰³. Для скорейшего военного обучения таких масс военнослужащих из Западной Украины и Западной Белоруссии в марте пришлось сформировать сразу четыре запасных бригады в Киевском и Харьковском военных округах (постановление ГКО от 23 марта 1944 г. № 5460сс⁸⁰⁴).

За полтора года – с 1 января 1943 г. до 1 июля 1944 г., – когда была освобождена вся территория УССР, удельный вес украинцев в рядах Красной армии вырос в 2 раза – с 10,87 до 21,17 %⁸⁰⁵. Как видно из *диаграммы 2*, этот показатель к концу войны возвращается к традиционной пятой части от всего личного состава РККА, но при этом значительно выше стали темпы прироста абсолютного числа украинцев в Красной армии – с 995,8 тыс. чел. в январе 1943 г. до 2534,5 тыс. чел. в июле 1944 г. (прирост за полтора года составил 254 %) ⁸⁰⁶. Общий прирост численности РККА за этот же период шел в 2 раза медленнее и составил 134 % (с 9153,7 тыс. чел. до 12 259,8 тыс. чел.)⁸⁰⁷.

⁸⁰² ЦАМО. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 3. Л. 150.

⁸⁰³ Русский архив. Т. 17 (6). С. 263.

⁸⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 220. Л. 225.

⁸⁰⁵ Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48; Д. 319. Л. 1.

⁸⁰⁶ Подсчитано автором по: Там же.

⁸⁰⁷ Подсчитано автором по: Там же.

Удельный вес украинцев особенно высоким был в составе *действующих фронтов*, что свидетельствует о том, что они попадали в войска в основном в результате так называемых *войсковых мобилизаций*, осуществлявшихся фронтовыми и армейскими комплектовочными органами непосредственно в прифронтовой полосе⁸⁰⁸. По данным Оргучетного управления Главного организационного управления Генерального штаба РККА, по состоянию на 1 июля 1944 г. количество украинцев в составе действующих фронтов достигло 1,7 млн чел., а удельный вес составлял 23,3%, в то время как в составе недействующих фронтов и военных округов их удельный вес составлял 19,1%⁸⁰⁹. При этом в действующих фронтах в этот период существенно изменилось соотношение двух основных этнических групп военнослужащих – русских и украинцев. Если в целом по Красной армии оно составляло 3:1, то в действующих войсках – 2,72:1. Особенно высоким удельный вес украинцев был в составе 1, 2-го и 3-го Украинских фронтов – там соотношение русских и украинцев составляло 1,5:1, 1,2:1 и 1,75:1 соответственно⁸¹⁰. В ряде армий, сражавшихся на территории Украины, число украинцев значительно превысило число русских и достигало 50–80 % личного состава⁸¹¹. Например, в 4-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта к весне 1944 г. насчитывалось 57 % украинцев, 35 % русских, 0,8 % белорусов, 1,3 % татар, 1,5 % евреев, 1,4 % представителей республик Закавказья, 1,7 % представителей народов Средней Азии и 1,3 % других народов⁸¹².

Кроме украинцев, в последний период войны в рядах РККА росла абсолютная и относительная численность еще пяти этносов, проживавших в западных об-

⁸⁰⁸ Подробнее об этом см.: *Рибченко Л.В.* Радянські військові мобілізації 1943 року (Київська область, Обухівський район) // *Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст.* 2009. Вип. 12. С. 103–112; *Она же.* Персональний облік людських військових втрат Червоної армії у Великій Вітчизняній війні. // *Київські адреси сповіщень про загибель: дослідження, документи, свідчення.* К., 2013. С. 77; *Она же.* Документальний фонд з обліку людських втрат Національного музею історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 років як джерело з вивчення проблеми радянських військових мобілізацій 1943–1944 років // *Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів.* Т. 19 (2). К., 2009. С. 129–139.

⁸⁰⁹ Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 319. Л. 1–16.

⁸¹⁰ Подсчитано автором по: Там же.

⁸¹¹ *Військове будівництво в Україні у XX столітті: Історичний нарис, події, портрети.* Киев, 2001. С. 196.

⁸¹² ЦАМО. Ф. 320. Оп. 4532. Д. 58. Л. 283.

ластях Советского Союза, – белорусов, молдаван, латышей, литовцев и эстонцев, хотя их удельный вес был не столь велик. Нарастание численности этих этносов в рядах РККА так же, как и в случае с украинцами, коррелировало с продвижением советских войск на запад страны и соответствующим смещением акцентов в комплектовании (см. *таблицу 14*).

Таблица 14. Изменение удельного веса белорусов, молдаван, эстонцев, литовцев, латышей в рядах РККА в 1943–1945 гг., в процентах⁸¹³

Национально-сти	На 1.1.1943 чел.	Удельный вес в %	На 1.7.1943, чел.	Удельный вес в %	На 1.1.1944, чел.	Удельный вес в %	На 1.7.1944 чел.	Удельный вес в %	На 1.1.1945 чел.	Удельный вес в %
Белорусы	176262	1,96	199698	1,73	256723	2,28	271268	2,27	524752	4,28
Молдаване	4170	0,05	5431	0,05	4970	0,04	82345	0,69	189505	1,55
Эстонцы	19882	0,22	23627	0,2	24452	0,22	25519	0,21	34730	0,28
Латыши	8557	0,1	10068	0,09	9611	0,09	6631	0,06	25547	0,21
Литовцы	5373	0,06	5028	0,04	3812	0,03	3721	0,03	33995	0,28
Всего	214244	2,39	243852	2,11	299568	2,66	389484	3,26	808529	6,6

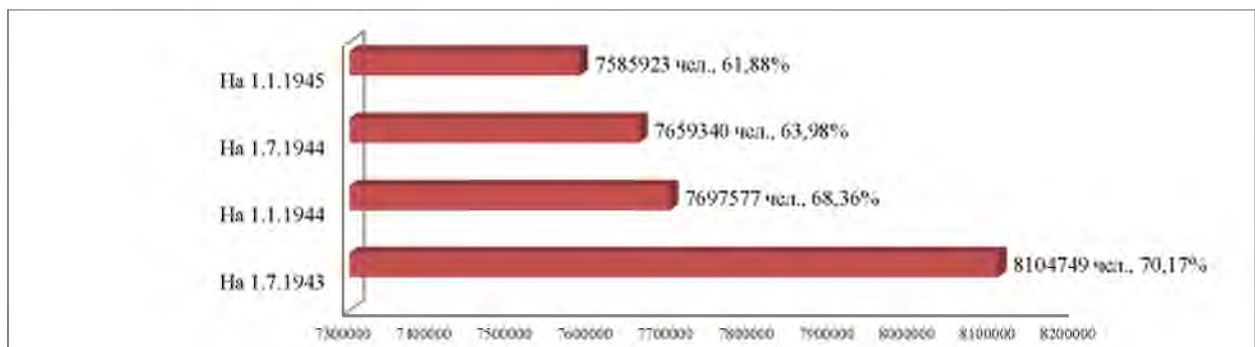
Из *таблицы 14* видно, что совокупный рост численности пяти этносов, проживавших в западных регионах СССР, составил по сравнению с показателями 1943 г. трехкратную положительную динамику в относительных значениях и почти четырехкратную – в абсолютных. Анализ показывает, что резкий рост пришелся на последний период войны – со второй половины 1944 г., достигнув максимума в январе 1945 г. – *808,5 тыс. чел.* или *6,6 %* списочной численности РККА. Особенно резко за два года войны в рядах РККА выросла численность молдаван – в 31 раз.

Быстрый прирост численности украинцев, а затем белорусов, молдаван и жителей Прибалтики, позволил *осенью 1943 г. вообще отказаться от очередного призыва молодежи из Закавказья и Средней Азии* и предоставить им годовую отсрочку на оздоровительные мероприятия, допризывную подготовку и изучение русского языка. Кроме того, подобно тому, как в первый период войны опережающий рост численности русских возместил потерю западных регионов страны, в

⁸¹³ Подсчитано и составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 317. Л. 1–8об; Д. 366. Л. 1–17.

последний период войны, напротив, резкий прирост численности украинцев, белорусов, молдаван и жителей Прибалтики сглаживал демографическую перегрузку русского мужского населения. На *диаграмме 3* показана абсолютная и относительная отрицательная динамика численности русских в войсках с середины 1943 г. по начало 1945 г.

Диаграмма 3. Динамика численности русских военнослужащих в рядах РККА с июля 1943 г. по январь 1945 г.⁸¹⁴

Из данных *диаграммы 3* и *таблиц 10, 12* и *14* следует, что совокупный удельный вес русских, а также этносов, которые условно можно назвать «восточными» (титульные народы закавказских и среднеазиатских союзных республик), в конце войны (к 1 января 1945 г.) сократился до 66,6 % (1 июля 1943 г. он составлял 78,15 %), в то время как удельный вес этносов, которые условно можно назвать «западными» (украинцы, белорусы, молдаване, латыши, литовцы, эстонцы), вырос за этот же период более чем вдвое – с 13,13 % до 27,04 %⁸¹⁵.

Подводя итог статистическому анализу использования народов СССР в комплектовании частей Красной армии, следует подчеркнуть, что в целом, несмотря на достаточно сильные колебания между представителями различных национальностей, основу РККА неизменно составляли русский, украинский и белорусский этносы, удельный вес которых в рядах РККА, как показано в *таблице 15*, в течение всего изучаемого периода составлял 86–89 %. Существенное сокращение их представительства наблюдалось лишь перед войной в связи с много-

⁸¹⁴ Подсчитано и составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Д. 317. Л. 1–8 об; Д. 366. Л. 1–17.

⁸¹⁵ Подсчитано автором по: там же.

кратным приростом призыва в армию неславянских народов и в первые два года войны, в связи с резким сокращением призыва украинцев и белорусов. Лишь в эти периоды удельный вес восточных славян в рядах войск несколько приближался к их совокупному удельному весу среди населения (около 78 %), однако все остальное время – существенно превышал этот уровень⁸¹⁶.

Таблица 15. Представительство русских, украинцев и белорусов в РККА с 1920 по 1945 г., в процентах⁸¹⁷

Дата	Русские	Украинцы	Белорусы	Всего восточных славян
На 28.8.1920 (по военной переписи)	78,61	5,8	2,2	87,6
На 1.1.1925	64,8	18,9	4,5	88,2
На 1.1.1926	63,2	18,8	4,6	86,6
На 17.12.1926 (по военной переписи)	64,5	18	4,1	86,6
<i>Всего по Всесоюзной переписи 17.12.1926</i>	<i>52,9</i>	<i>21,2</i>	<i>3,2</i>	<i>77,3</i>
На 1.1.1931	64,55	18,43	4,9	87,88
На 1.1.1936	66,16	19,39	3,69	89,24
На 6.1.1937 (по военной переписи)	66,22	19,53	3,76	89,51
На 1.2.1938	66,14	18,94	3,41	88,49
На 17.1.1939 (по военной переписи)	66,22	18,98	3,64	88,84
<i>Всего по Всесоюзной переписи 17.1.1939</i>	<i>58,39</i>	<i>16,49</i>	<i>3,1</i>	<i>77,97</i>
На 1.1.1940	63,98	18,79	3,67	86,44
На 1.7.1940	60,97	19,58	4,13	84,68
На 1.1.1941	56,39	20,24	4,35	80,98
На 1.7.1942	68,98	11,98	1,91	82,87
На 1.1.1943	71,11	10,87	1,96	83,94
На 1.7.1943	70,17	11,02	1,73	82,92
На 1.1.1944	68,36	15,11	2,28	85,75
На 1.7.1944	63,98	21,17	2,27	87,42
На 1.1.1945	61,88	20,44	4,28	86,6

⁸¹⁶ До революции также отмечался не менее чем десятипроцентный разрыв между удельным весом русских (великороссов, малороссов, белорусов) по Всероссийской переписи 1897 г. (66,06 %) и их представительством в армии (76,76 % среди нижних чинов и 85,8 % среди офицеров по данным за 1910 г.). *Источники*: Военно-статистический ежегодник Армии за 1911 г. СПб., 1913. С. 172–173; Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Табл. XIII: «Распределение населения по родному языку».

⁸¹⁷ Подсчитано и составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 167. Л. 2, 5; Д. 114. Л. 2; Д. 87. Л. 1–39; Д. 3. Л. 3; Д. 17. Л. 7–117, а также: *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Указ. соч. С. 86–88; Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 57; Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Т. 1. Вып. 3. С. 1–19.

Достигнутые цифры мобилизованных в западных регионах СССР давались нелегко. По мере продвижения Красной армии на запад страны выполнение нарядов на мобилизацию освобождаемого населения становилось все более сложным делом. Мобилизационные мероприятия в западных областях Украины и Белоруссии, в Молдавии, Латвии, Литве, Эстонии проходили, как правило, «в обстановке активного противодействия со стороны националистических банд»⁸¹⁸.

Местным органам военного управления давались завышенные плановые задания по мобилизации. Так, оценочная численность военнообязанных в западных областях Белоруссии составляла 60 тыс. чел., в западных областях Украины – в 86 тыс. чел., и в Молдавской ССР – в 28 тыс. чел.⁸¹⁹ А по расчету Управления мобилизации НКО, сделанному 25 июля 1944 г., только из Западной Белоруссии планировалось мобилизовать и отправить во внутренние военные округа 105 тыс. чел.⁸²⁰

Летом 1944 г. территория Западной Украины (в основном она была включена в состав образованного в мае 1944 г. Львовского военного округа) являлась прифронтовой зоной и была плотно насыщена войсками. В сентябре–октябре 1944 г. линия фронта значительно отодвинулась, однако на территории Львовского военного округа оставались крупные войсковые соединения, выведенные в резерв Ставки Верховного Главнокомандования и фронтов. Все это время армейские части активно привлекались не только в помощь войскам НКВД в борьбе с вооруженным антисоветским повстанчеством, но и оказывали содействие военкоматам. Само по себе нахождение на территории Западной Украины большого количества советских войск способствовало успеху мобилизации. Как отмечал в своем докладе 7 декабря 1944 г. начальнику Главупраформа РККА генерал-полковнику И.В. Смородину командующий войсками ЛВО генерал-лейтенант И.К. Смирнов, «для ускорения мобилизации и насильственного изъятия уклоняющихся от призыва 1-м Украинским и 4-м Украинским фронтами в помощь воен-

⁸¹⁸ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 7.

⁸¹⁹ Там же. Л. 31.

⁸²⁰ Там же. Л. 30.

коматам было выделено несколько тысяч вооруженных бойцов, сержантов и офицеров. С их помощью райвоенкомы проводили облавы с одновременным охватом (полным оцеплением) нескольких населенных пунктов и сплошным прочесыванием крупных лесных массивов». В связи с проведением мобилизации и «для уничтожения бандитских отрядов выделялись целые части с артиллерией, броневыми автомобилями и танками. После проведения одной из таких операций силами частей 1-го Украинского фронта в Яворовских лесах (Львовская область), ранее резко отстававшие Краковецкий, Яворовский, Яновский райвоенкоматы в течение нескольких дней в основном закончили мобилизацию молодых возрастов», – подчеркивал Смирнов⁸²¹.

К началу зимы 1944 г. ситуация осложнилась. По мере отдаления линии фронта от западноукраинских областей значительно сократилась насыщенность территории войсками, что способствовало быстрой активизации и росту националистического антисоветского повстанческого движения ОУН-УПА. В отдельных районах Прикарпатья советская власть пала или была полностью парализована (Жабьевский, Яримчанский, Солотвинский, Косовский и другие районы Станиславской области). В боестолкновениях с повстанцами военкоматы ЛВО потеряли без малого 48 офицеров.

Поэтому мобилизация граждан старших возрастов, проходившая в этих регионах в ноябре–декабре 1944 г., осуществлялась значительно сложнее, чем мобилизация призывной молодежи, проходившая ранее, в августе–сентябре 1944 г. 17 декабря 1944 г. командующий войсками Львовского военного округа генерал-лейтенант И.К. Смирнов докладывал в Главупраформ о ходе мобилизации военнообязанных запаса русских и украинцев возрастов с 1900 по 1927 годов рождения. По его данным, по семи облвоенкоматам (Волынский, Дрогобычский, Львовский, Ровенский, Станиславский, Тернопольский, Черновицкий) явилось подлежащих призыву военнообязанных 33 896 чел., в то время как 20 774 чел. (или 37,1%) уклонились от призыва⁸²². В Станиславском облвоенкомате цифра уклони-

⁸²¹ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 13–14.

⁸²² Там же.

стов достигала 73,5%. Добровольцев уже практически не было. В отношении оставшихся граждан Смирнов докладывал начальнику Главупраформа, что «остались только контингенты военнообязанных, которые приходится брать лишь силой, путем неоднократных облав и вылавливания уклоняющихся...»⁸²³. В связи с этим командующий войсками округа запрашивал «немедленную помощь военкоматам вооруженной силой» в количестве «*двух-трех стрелковых дивизий*» (выделено мной. – *Авт.*), иначе наряды на мобилизацию выполнить было невозможно⁸²⁴. Имевшиеся в округе воинские части (63-й и 64-й учебные стрелковые полки, 43-я запасная стрелковая дивизия), по словам Смирнова были полностью заняты в конвоировании мобилизованных до областных сборных пунктов и охране на железных дорогах.

Командованию округа пришлось прибегать к хитрости для выполнения наряда. Например, молодежь 1927 года рождения первоначально была вызвана на учебные сборы, по окончании которых, без роспуска по домам, сразу же призвана (таким образом удалось собрать 9596 призывников)⁸²⁵.

Однако было бы неправильно считать, что население Западной Украины все как один уклонялось от мобилизации, проявляя тем самым нелояльность советской власти и Красной армии. Достаточно широким было и добровольческое движение. Так, в декабре 1944 г. 4-й Украинский фронт сообщал о принятых 11 тыс. добровольцев и об ожидаемом приеме еще 13–15 тыс. добровольцев из числа жителей Закарпатской Украины⁸²⁶.

Серьезные трудности возникли и у военкоматов, созданных в *прибалтийских советских республиках*. Кадры уездных военкоматов для них формировались заранее, еще до освобождения уездов и городов. Они вступали на освобожденную территорию одновременно с частями Красной армии и сразу же разворачивали регистрацию военнообязанных запаса с выдачей на руки гражданам воинских документов. Работы по проведению мобилизации граждан мужского пола возрастом

⁸²³ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 13–14.

⁸²⁴ Там же. Л. 8, 17.

⁸²⁵ Там же. Л. 17.

⁸²⁶ Там же. Л. 12–13.

до 35 лет были начаты с подворных обходов и составления списков силами офицерского состава городских, уездных военных комиссариатов и партийно-советского актива. Так, в Литовской ССР на списочный учет было взято 187 725 чел. На каждого учтенного выписывались повестки о явке их на мобилизационные пункты с указанием сроков и мест явки.

Как и в Западной Украине, учетные и мобилизационные мероприятия встречали противодействие значительной части местного населения, нелояльного советской власти. В Литве явилось на мобилизационные пункты 136 025 чел., а не явилось – 51 700 чел. Основной причиной этого в итоговом докладе Литовского республиканского военкомата была названа «вражеская работа и запугивание со стороны антисоветских элементов»⁸²⁷. Километры, а нередко – десятки километров расстояния из уездвоенкоматов до пересыльных пунктов мобилизованные преодолевали пешком. За это время «бандитские группы разгоняют сопровождающий состав, а мобилизованным под страхом угроз приказывают разойтись по домам и не являться в уездвоенкоматы»⁸²⁸. В результате только на Вильнюсский пересыльный пункт из трех уездов не явилось 3352 чел. Дезертирство с пересыльных пунктов наблюдалось и в связи с несвоевременной подачей подвижного состава и скученностью мобилизованных сверх нормы, вследствие чего среди них развивались болезни и завшивленность.

В январе 1945 г. начальник Главупраформа генерал-полковник Смородинов в категорической форме потребовал ускорить работу по «проверке и выявлению непризванных еще в армию ресурсов военнообязанных запаса в возрасте до 35 лет»⁸²⁹. В ответ 20 января 1945 г. латвийский республиканский военный комиссар генерал-майор В.А. Малаховский доносил, что молодого мужского населения в Латвии почти не осталось, поскольку «немцам удалось призвать значительную часть молодых возрастов... и угнать в Германию часть населения, и многих уничтожить»⁸³⁰. Имелось множество уклонистов (на каждый уездный военко-

⁸²⁷ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 207. Л. 61.

⁸²⁸ Там же. Л. 62.

⁸²⁹ Там же. Л. 6.

⁸³⁰ Там же. Л. 7.

мат таковых числилось от 100 до 400 чел.⁸³¹). Кроме того, не было точных учетных сведений о количестве населения. Самые предварительные оценки показывали, что население республики за годы войны резко сократилось. Паспортизация граждан проводилась до конца января 1945 г.

Несмотря на все трудности, с августа 1944 г. по конец января 1945 г. по Латвийской ССР удалось мобилизовать и направить в запасные полки 46 910 чел. 1926–1908 годов рождения⁸³². В Эстонии эта цифра составила 14 472 чел. В Литве от начала мобилизации по 1 января 1945 г. было мобилизовано 66 146 чел., в том числе 41 501 литовец, 11 834 поляка (остальные – в основном бывшие военнопленные)⁸³³. К декабрю 1944 г. военные комиссариаты прибалтийских республик при поддержке партийно-советских органов власти, органов внутренних дел в основном наладили систему воинского учета, бронирования и разбронирования, отработали мобилизационные мероприятия, борьбу с дезертирством и уклонением от службы, организовали лечебно-оздоровительные мероприятия для нуждающихся, наладили гособеспечение семей военнослужащих и т.д. Для борьбы с дезертирством и уклонением от службы в волостях создавались истребительные отряды и делался упор на советский актив и семьи призванных в РККА⁸³⁴. Шло выявление лиц, служивших в немецкой армии, которые передавались в распоряжение НКВД. Только по Эстонии таковых было выявлено 5324 чел.⁸³⁵ В то же время общей для всех прибалтийских военкоматов стала неопытность начальствующего состава, вследствие чего специальные мероприятия по постановке на учет военнообязанного населения и каждодневный планомерный учет и изучение контингентов военнообязанных велись слабо, с многочисленными недочетами и упущениями. Например, было установлено, что военкоматами в числе призванных военнообязанных запаса направлено до 2 тыс. эстонцев, ранее служивших в немецкой армии, что категорически не допускалось.

⁸³¹ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 207. Л. 21.

⁸³² Там же. Л. 16.

⁸³³ Там же. Л. 45.

⁸³⁴ Там же. Л. 23.

⁸³⁵ Там же. Л. 30.

Отдельной проблемой на исходе войны стала мобилизация призывников и военнообязанных *польской* национальности. В связи с развертыванием в течение 1944 г. Войска Польского всех поляков надлежало направлять только в польские части. В случае отправки таковых в части Красной армии ошибка, как правило, исправлялась. В западнобелорусских и западноукраинских областях нередкой проблемой была этническая идентификация мобилизуемых контингентов. Некоторые военкоматы (например, Молодеченской и Барановической областей Белорусской ССР), стремясь выполнить наряд на пополнение в Красную армию, набирали граждан польской национальности и отправляли их в запасные части, оформляя белорусами. Между тем большинство поляков отказывались служить в Красной армии и требовали направления их в Войско Польское. Находясь уже в запасных частях, они выражали свой протест тем, что «не берут оружия, не выходят на занятия и отказываются принимать военную присягу»⁸³⁶. При этом, как отмечал в своем политдонесении начальнику Главного политуправления РККА генерал-полковнику С.А. Щербакову заместитель начальника Политуправления Белорусско-Литовского военного округа подполковник Чистогов, «значительная часть пополнения польской национальности заражена реакционно-националистической пропагандой»⁸³⁷. В их среде считалось, что Польша как государство будет восстановлена в довоенных границах, что Красная армия в борьбе с немцами ослабится и тогда ее можно будет изгнать из страны. Если ситуация доходила до конфликта и поляки ультимативно требовали отчислить их из Красной армии, то, по специальному указанию Главупраформа, они изымались «из запасных частей округа и направлялись на лесозаготовки»⁸³⁸.

В связи с набором граждан в польскую армию немалое число белорусов и украинцев выдавали себя за поляков⁸³⁹. Поэтому на местах приходилось создавать специальные комиссии районного масштаба, в которые включались представители райвоенкоматов, райисполкомов и райкомов партии. Пользуясь поселковыми

⁸³⁶ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 207. Л. 163.

⁸³⁷ Там же.

⁸³⁸ Там же. Л. 165.

⁸³⁹ Там же. Л. 164.

книгами, паспортами и другими документами, они устанавливали действительную национальность местных жителей. При этом, как отмечалось в одном из докладов командующего войсками Белорусско-Литовского военного округа генерал-лейтенанта В.Ф. Яковлева в феврале 1945 г., в этой работе в первую очередь «обращалось внимание не на вероисповедание (так как и настоящие белорусы имеют католическое вероисповедание), а на оседлость, быт, где родился и где проживал сам призывник и его семья»⁸⁴⁰. При этом, по крайней мере декларативно, при отсутствии у призывника необходимых для определения национальности документов, комиссии руководствовались личным заявлением призываемых о национальности, и «никаких мер... стесняющих военнообязанных в определении их национальности, не применялось»⁸⁴¹.

Кроме проанализированных крупных этносов, представлявших собой главным образом, титульные народы союзных республик СССР, следует отметить вклад в комплектование РККА в годы войны еще нескольких групп этносов, в основном населявших РСФСР: тюркские и финно-угорские народы, относимые обычно к народам Поволжья (татары, башкиры, чуваша, удмурты, мордвина, марийцы), а также евреев. Динамика их представительства в рядах РККА отражена в *таблице 16* (см. **приложение 2**). Сведенные воедино диссертантом статистические данные свидетельствуют о том, что наибольшее представительство в абсолютных и относительных значениях имели татары и евреи, а также чуваша и мордвина. Совокупный удельный вес представителей этих четырех этносов в первый период войны (к 1 июля 1942 г.) составлял 6,14 % от списочной численности РККА, а в конце войны (на 1 января 1945 г.) – 4,71 %⁸⁴².

Данные *таблицы 16* позволяют сделать вывод, что у этой группы этносов представительство в рядах РККА на разных этапах Великой Отечественной войны всегда было близко к усредненному демографическому показателю – удельному весу среди населения Советского Союза по Всесоюзной переписи 1939 г.

⁸⁴⁰ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 67.

⁸⁴¹ Там же.

⁸⁴² Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 366. Л. 1–17.

Все эти народы (за исключением карелов и, частично, евреев) проживали в глубоком тылу, территории их расселения не подвергались оккупации врагом. Они не испытали постоянного демографического стресса, подобно русским, резких временных демографических перегрузок, как украинцы, белорусы или молдаване. В отношении их государством не осуществлялись репрессивные акции. Представители этих народов в высокой степени обрусели и не имели проблем общения на русском языке. В связи с этим они не нуждались в особых формах комплектования в виде национальных формирований или национального квотирования. Этим следует объяснять достаточно равномерное распределение демографической нагрузки на эти народы на протяжении всей войны.

Если применить к указанной группе этносов тот же подход, что и к народам Закавказья и Средней Азии, и дополнительно проанализировать их удельный вес в стрелковых соединениях, а также среди раненых и больных, то выяснится тенденция на снижение их удельного веса в последний период войны (*таблица 17*). Как и в случае с русскими, уменьшение их удельного веса в рядах РККА компенсировалось ростом представительства «западных» народов (украинцев, белорусов, молдаван, уроженцев Прибалтики).

Таблица 17. Изменение удельного веса тюркских и финно-угорских народов РСФСР, а также евреев среди раненых, больных и среди личного состава стрелковых дивизий в 1943–1945 гг.⁸⁴³

Национальности	Раненые по РККА в целом			В стрелковых соединениях (по А.П. Артемьеву)			Среди населения на 1939 г.
	1.1.1943	1.7.1943	1.1.1944	1.1.1943	1.7.1943	1.1.1944	
Татары	3,0	2,66	2,41	2,69	2,58	1,83	2,53
Чуваши	1,0	0,78	0,64	0,90	0,79	0,58	0,8
Мордвины	0,78	0,62	0,52	0,95	0,82	0,62	0,85
Марийцы	0,35	0,27	0,21	0,31	0,28	0,19	0,28
Удмурты	0,4	0,32	0,22	0,30	0,28	0,20	0,36
Башкиры	0,58	0,46	0,44	0,60	0,57	0,35	0,49
Буряты	0,09	0,11	0,06	0,14	0,14	0,09	0,18
Коми	0,24	0,12	0,13	0,20	0,16	0,14	0,25
Карелы	0,12	0,12	0,08	0,12	0,08	0,06	0,15
Евреи	1,23	1,47	1,19	1,50	1,35	1,28	1,78
Всего	7,79	6,93	5,9	7,71	7,05	5,34	7,67

⁸⁴³ Подсчитано и составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

Исследование показало, что руководство Советского Союза и его Вооруженных Сил в течение всей Великой Отечественной войны предпринимало чрезвычайные усилия для обеспечения непрерывного потока пополнений для частей Красной армии. Изыскание людских ресурсов, пригодных для укомплектования войск, имело свой этнонациональный аспект, который учитывался при комплектовании войск.

До сих пор речь шла о позитивном аспекте этих усилий, направленных на максимально возможное вовлечение народов СССР в вооруженную борьбу с врагом. Однако в годы войны существовала и противоположная по смыслу и содержанию деятельность органов власти и военного управления, целью которых было, напротив, *ограничить* или *вовсе прекратить поступление в ряды войск представителей тех или иных этносов*. Если в первом случае решалась задача *массовости и непрерывности потока людских пополнений*, то во втором, напротив, Вооруженные Силы лишались части людских ресурсов. В данном случае органами государственного и военного управления преследовалась иная цель: путем отсева части военнослужащих и ограничения призыва в отношении этносов, по тем или иным характеристикам считавшихся непригодными для военной службы в условиях войны, должна была решаться задача *повышения моральных и боевых качеств* личного состава.

Исследование документальной базы позволяет классифицировать ограничения в комплектовании войск по этническому признаку на две большие категории – по политическому характеру и в связи с культурно-языковыми особенностями национальных контингентов.

Ограничения по политическому характеру вызывались нелояльностью советской власти со стороны представителей ряда этносов (выражающейся в анти-советском повстанческом движении, уклонении от призыва и мобилизации), или компрометирующим этническим родством с народами воюющих с СССР государств. Политические критерии при допуске этносов в ряды РККА широко использовались и в довоенный период. Они не являлись догмой и применялись довольно гибко, в зависимости от изменений векторов внутренней и внешней поли-

тики государства. В годы Великой Отечественной войны эта тенденция продолжилась: перечень непризываемых народов корректировался и уточнялся в соответствии с обстановкой на фронте и реальной социально-политической ситуацией в национальных регионах СССР. Эти меры носили превентивный, внесудебный и всеобщий (т.е. единый для представителя одного этноса) характер.

Диссертантом выявлен и проанализирован сформированный за весь период войны корпус руководящих документов, связанных реализацией мероприятий по ограничению приема в Красную армию граждан СССР по этническому признаку. Это имевшие совершенно секретный гриф постановления ГКО и приказы НКО, а также директивы начальника Главного управления формирований и укомплектования РККА, ограничивавшие призыв и мобилизацию на военную службу значительному числу народов СССР, среди которых были представители этносов, воюющих с СССР, народов, относимых к родственным с воюющими с СССР народами, а также народы, чье отношение к советской власти в условиях войны было сочтено «предательским».

В первые месяцы Великой Отечественной войны очередные призывы и мобилизации граждан осуществлялись без ограничений по этническому признаку. Таковы были: первый после начала войны очередной призыв граждан 1922 и 1923 годов рождения, объявленный 15 сентября 1941 г. (постановление ГКО № 675с⁸⁴⁴ и приказ НКО № 0355⁸⁴⁵), а также эвакуационные призывы граждан 1904–1895 годов рождения и новобранцев 1922 и 1923 годов рождения, осуществлявшиеся с августа по октябрь 1941 г. в угрожаемых оккупацией областях УССР и РСФСР (постановления ГКО № 452сс от 10 августа, 459сс от 11 августа, 488сс от 15 августа, 506сс от 18 августа, 585сс от 28 августа; 763сс от 11 октября; 807сс от 16 октября, 836сс от 25 октября 1941 г.⁸⁴⁶).

Однако одновременно с призывами и мобилизациями в войсках разворачивались чистки от представителей «неблагонадежных» народов. Уже 22 июля

⁸⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151–153; Д. 7. Л. 16, 70; Д. 8. Л. 34; Д. 9. Л. 127–129; Д. 12. Л. 78, 162, 197–198.

⁸⁴⁵ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 178, 353.

⁸⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151–153.

1941 г. директивой НКО № 090 было предписано: «Очистить все части от *сомнительных людей* (курсив мой. – Авт.), учтя при этом, что среди призванных в западных областях Украины, Белоруссии, а также среди призванных в Молдавии, Буковине и Прибалтике оказалось значительное число изменников»⁸⁴⁷.

Недвусмысленно и публично (путем открытой публикации) политическая мотивация власти была артикулирована лишь однажды, когда одной из первых в начале войны была репрессирована этническая группа советских немцев. Характерный ход мысли руководства страны демонстрирует указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. о выселении немцев Поволжья из мест традиционного проживания и ликвидации государственной автономии советских немцев. Здесь безапелляционно было заявлено, что, «по достоверным данным», среди них «имеются *тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов* (курсив мой. – Авт.), которые по сигналу, полученному из Германии должны произвести взрывы». Однако, указывалось в документе, остальное население из числа немцев, якобы, не оповещает об этом советские власти, чем содействует шпионской деятельности. Поэтому правительство вынуждено «принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья»⁸⁴⁸.

Логическим продолжением депортации немецкого населения стала зачистка от них рядов Вооруженных Сил. Первоначальный вариант приказа НКО, подготовленный Главупраформом повторял дух и лексику указа Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г. В частности, в нем указывалось, что «эти лица (т.е. военнослужащие-немцы. – Авт.)... *не могут и не должны пользоваться каким-либо доверием* (выделено мной.– Авт.) бойцов и командиров Красной армии», поскольку могут быть использованы в провокациях германского командования. Проект приказа предлагал изъять весь рядовой и младший начальствующий состав из числа немцев, «установив за ними строжайшее наблюдение», а начальствующий состав – уволить из армии⁸⁴⁹. Однако в итоговом варианте при-

⁸⁴⁷ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 182.

⁸⁴⁸ История СССР. 1991. № 1. С. 144–145.

⁸⁴⁹ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 108. Л. 220–221.

каза об изъятии немцев мотивировочная часть была опущена. Изучение распорядительных документов по депортации ряда народов СССР и изъятию их представителей из рядов Красной армии показало, что после репрессии в отношении советских немцев все остальные аналогичные акции в отношении других советских народов всегда реализовывались в условиях строгой секретности. Ни в одном распоряжении органов власти и военного управления более не содержалось мотивировочной части, которая бы давала объяснение репрессивному императиву о чистке армии от представителей того или иного этноса или же о недопущении их в ряды Вооруженных Сил.

8 сентября 1941 г. директивой наркома обороны № 35105 было оформлено решение, предписывавшее «изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной армии, как на фронте, так и в тылу, всех военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа для направления в строительные батальоны»⁸⁵⁰.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что директива НКО № 35105 допускала представление мотивированных ходатайств на оставление немцев в частях от командиров и комиссаров соединений военным советам фронтов. Однако это было исключением. В дальнейшем и до конца войны распоряжения об изъятии того или иного этноса из армейских рядов, как правило, носили тотальный характер и не предусматривали компромиссов.

10 января 1942 г. постановлением ГКО № 1123сс «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» было решено 120 тыс. немцев, уже выселенных в Сибирь и Казахстан, организовать в рабочие колонны «на все время войны» и использовать на лесозаготовках и строительстве железных дорог⁸⁵¹. Постановлениями ГКО 1123сс от 10 января 1942 г. и № 1281сс от 14 февраля 1942 г. они были мобилизованы и использовались на строительстве железных дорог Сталинград–Саратов и Ульяновск–Свияжск⁸⁵².

⁸⁵⁰ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 108. Л. 220–221.

⁸⁵¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 49–50.

⁸⁵² ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 129–130.

Одновременно с немцами в сентябре 1941 г. проходило изъятие из воинских частей, учреждений и заведений представителей других «*зарубежных национальностей*», в числе которых в это время относили: поляков, болгаров, греков, чехов, иранцев, а также эстонцев, латышей, литовцев и молдаван⁸⁵³. Директивой заместителя наркома обороны и начальника Главупраформа Е.А. Щаденко № 0477 от 9 декабря 1941 г. о формировании рабочих колонн среди контингентов, определенных на их укомплектование, были и этнические группы граждан СССР, родственные воюющим с Советским Союзом или недружественным ему странам: немцы, болгары, финны, румыны, турки, японцы, китайцы, корейцы, западные украинцы и белорусы, народы Прибалтики, уроженцы Северной Буковины⁸⁵⁴.

В первых директивных документах об изъятии из войск немцев и уроженцев западных областей (так называемых *западников*) и представителей *зарубежных национальностей* их этничность прочно увязывалась с мотивом политического недоверия к ним со стороны советской власти и общества. Для латышей репрессия (изъятие из воинских частей как неблагонадежных) парадоксальным образом наложилась на *одновременно* протекавшее формирование национальной латышской дивизии. Последняя мера, безусловно, имела поощрительную политическую коннотацию, ибо в тех условиях не могла быть истолкована не как иначе, чем как знак доверия латышскому народу со стороны советского правительства. В дальнейшем эта парадоксальная ситуация повторялась и с другими народами Прибалтики. Например, в начале 1942 г. из эстонцев комплектовались лесозаготовительные отряды, работавшие в Архангельской области, и одновременно комплектовались сразу две эстонские стрелковые дивизии (7-я и 249-я). В конечном итоге эстонцев из рабочих колонн стали направлять на комплектование стрелковых частей, тем самым, две противоположных тенденции сомкнулись.

Большой комплекс мероприятий по ограничению комплектования РККА по этническому признаку пришелся на 1942 г. Особенностью этого периода являлось то, что если в 1941 г. ограничения касались прежде всего *военнослужащих* ряда

⁸⁵³ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 195.

⁸⁵⁴ Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 105. Л. 8.

национальностей, то теперь они стали распространяться на массы и *молодежь призывного возраста* и *военнообязанных* граждан старших возрастов

В начале апреля 1942 г. был приостановлен призыв чеченцев и ингушей. Причиной этого стал неудачный ход мобилизации, а затем – провал попытки свести мобилизованных чеченцев и ингушей в рабочие колонны. В конце концов все мобилизованные были распущены по домам⁸⁵⁵. В первой половине 1942 г. по признаку этнического родства с враждебными Советскому Союзу народами отсеву также подвергся ряд народов, населявших Закавказье, – аджарцы, хевсурцы, курды, мохевцы, сваны ряда районов Грузии.

В июле 1942 г. в порядке реализации распоряжения заместителя наркома обороны № М/1/2926⁸⁵⁶ велись мероприятия по изъятию из рядов Красной армии выходцев из западных областей СССР (украинцев, белорусов, поляков, уроженцев Бессарабии и Северной Буковины), немцев, финнов (кроме уроженцев СССР, «не вызывавших сомнений»), итальянцев, румын, венгров, болгар, греков, турок, японцев, китайцев, корейцев «и других национальностей воюющих с нами стран». Всех их предписывалось отсеять из войсковых частей, уволить из Вооруженных Сил и немедленно отправить в распоряжение треста «Молотовуголь» (Томская железная дорога)⁸⁵⁷. При этом допризывная молодежь «советских» национальностей (западные украинцы и белорусы, представители народов Прибалтики, молдаване, карело-финны) приписывалась к призывным участкам наравне со своими

⁸⁵⁵ 1 апреля 1942 г. заместитель начальника Главупраформа генерал-майор Беляков после телефонного разговора с командующим СКВО генерал-лейтенантом В.Н. Курдюмовым докладывал члену ГКО Г.М. Маленкову: «1) Мобилизация по Чечено-Ингушской республике прекращена. 2) Со сборных пунктов военкоматов мобилизованные отпускаются. 3) Формирование рабочих колонн прекращено и мобилизованные отпускаются. 4) [Командующий округом] дает дополнительное указание о роспуске из запасных и других частей мобилизованных по Чечено-Ингушской республике» (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 228). 2 апреля 1942 г. заместитель наркома обороны армейский комиссар 1-го ранга Е.А. Щаденко приказал всех военнослужащих младшего и рядового состава по национальности чеченцев и ингушей, призванных по ЧИАССР, уволить в запас и отправить к месту своего жительства». Увольняемым в военных билетах делали отметки: «Уволен в запас до особого распоряжения» (ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 93. Л. 222).

⁸⁵⁶ Оригинал распоряжения НКО и точную его дату пока обнаружить не удалось. Документ приводится в изложении начальника штаба Приволжского военного округа № орг 6/15198 от 27 июля 1942 г. (ЦАМО. Ф. 8-й технической бригады. Оп. 92516. Д. 13. Л. 95)

⁸⁵⁷ ЦАМО. Ф. 8-й технической бригады. Оп. 92516. Д. 13. Л. 95.

русскими сверстниками⁸⁵⁸. При объявлении очередных призывов граждане перечисленных национальностей призывались на военную службу, но также направлялись в рабочие колонны. Правда, для лиц определенного социального происхождения (чьи родители или они сами работали на партийной или советской службе) допускалось зачисление их в воинские части, а не в рабочие колонны⁸⁵⁹.

26 июля 1942 г. постановлением ГКО № 2100сс была объявлена общегосударственная кампания по призыву в армию «полностью всех граждан» 1924 года рождения⁸⁶⁰. Постановление ГКО не содержало ограничений по этническому признаку. Через несколько дней, 30 июля, в приказе НКО № 0585, разъяснявшем порядок реализации постановления ГКО, было внесено уточнение: «Призыву не подлежат призывники горских национальностей Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Дагестана, а также национальностей, не призывавшихся по Закавказью» (т.е. аджарцы, хевсурцы, курды, мохевцы, сваны)⁸⁶¹. Эта норма в несколько модифицированном виде («не призывать до особых указаний») была повторена в приказе НКО № 0974 от 21 декабря 1942 г., разъяснявшем порядок очередного призыва граждан 1925 года рождения⁸⁶². Характерно, что и в этом случае норма об ограничении призыва не содержалась в исходном постановлении ГКО № 2640 от 20 декабря 1942 г.⁸⁶³, а появилась лишь в разъясняющем приказе НКО.

Ограничения в призыве северокавказских народов, введенные еще в 1941–1942 гг., сохранялись до конца войны. В 1943 г. они распространились также на осетин, адыгейцев, черкесов, которых первоначально не затрагивали⁸⁶⁴. Причины ограничений этого никак не объяснялись государством, однако их следует напрямую связывать с ростом социально-политической напряженности в горских регионах, со срывом мобилизационных мероприятий в ряде из них и фактами массового дезертирства (прежде всего в Чечено-Ингушетии и отчасти – в Дагестане и

⁸⁵⁸ ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 32. Л. 8.

⁸⁵⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 9. Л. 734.

⁸⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 48. Л. 19–24.

⁸⁶¹ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 9. Л. 543.

⁸⁶² Там же. Л. 733.

⁸⁶³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 73. Л. 119–124.

⁸⁶⁴ ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 220. Л. 240 об.

Кабардино-Балкарии). В дальнейшем, в конце 1943 – начале 1944 гг., факт ограничения призыва в армию учитывался при принятии решений о выселении ряда народов, объявленных «предательскими»⁸⁶⁵.

В результате приостановки призыва среди северокавказских горцев образовался большой резерв граждан горских национальностей военнообязанных возрастов. Уже на 1 сентября 1942 г. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа В.Н. Курдюмов в своем докладе начальнику Главупраформа оценивал общее количество не призываемых горцев в 88 729 чел.⁸⁶⁶ Как минимум трижды – 14, 21 декабря 1942 г. и в январе 1943 г. – начальник Главупраформа Е.А. Щаденко по ходатайству Военного совета Закавказского фронта (генерала армии И.В. Тюленева и члена Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича), а также обкомов ВКП(б) ЧИАССР и ДАССР выходил с докладом на И.В. Сталина с просьбой отменить постановление ГКО № 2114 от 28 июля 1942 г., запрещавшее использовать в укомплектовании воинских частей, сформированных в СКВО, горцев из Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР. Щаденко подготовил проект постановления ГКО за подписью Сталина, в котором предлагалось призвать в двух республиках по 15 тыс. призывников 1925 года рождения и военнообязанных старших возрастов при условии комплектования ими не более 25% личного состава воинской части⁸⁶⁷. Однако добиться отмены запрета не удалось до самого конца войны. В 1942 г. из всех северокавказских народов ограничение в призыве не коснулось только осетин, однако в следующем году призывать перестали и их⁸⁶⁸.

В начале 1943 г., в ответ на настойчивые просьбы республиканских обкомов партии, наиболее многонаселенным национальным регионам Северного Кавказа – Чечено-Ингушетии и Дагестану – вместо обязательного призыва было предложено провести вербовку добровольцев. Районам республики была выдана разверстка

⁸⁶⁵ Подробно об этом см.: Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Проблемы истории, историографии, источниковедения. М., 2012. С. 127–172.

⁸⁶⁶ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 194. Л. 185.

⁸⁶⁷ Там же. Д. 152. Л. 30–45.

⁸⁶⁸ Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 317. Л. 87–89.

на ожидаемое число добровольцев, после чего вербовка фактически превратилась в принудительный призыв. К середине марта 1943 г. по ЧИАССР удалось завербовать 4208 чел., в основном чеченцев. Но в войска (в 112-й запасный стрелковый полк и 30-ю кавалерийскую дивизию) было отправлено только 1850 чел.⁸⁶⁹ в связи с высоким уровнем дезертирства, уклонения от явки на сборные пункты и укрывательства вербуемых. Благоприятнее положение складывалось в Дагестане. В течение 1943 г. отсюда в войска было отправлено 4315 чел., представлявших местные национальности при наряде в 4850 чел.⁸⁷⁰ Результаты кампании оценивались в Москве не только с военной, но и с политической точки зрения и легли в основу решений о дальнейшей судьбе чеченцев и ингушей.

В целом же кампания вербовки добровольцев существенно не изменила картину использования людских ресурсов северокавказских горцев. По материалам органов комплектования СКВО и Закфронта соискателем установлено, что по состоянию на 1 ноября 1943 г. по военкоматам Ставропольского края, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской АССР (все относились к СКВО) и Дагестанской АССР (относился к Закфронту) на учете состояло 91 543 военнообязанных и 30 073 призывника 1926 года рождения горских национальностей, не призываемых в РККА по национальному признаку. Общая численность непризываемых граждан горских национальностей составила к концу 1943 г. *121 616 чел.*⁸⁷¹ В последний период войны эта цифра скорректировалась за счет убытия в места нового поселения и снятия с воинского учета чеченцев, балкарцев, карачаевцев (около 54 тыс. чел.) и постановкой на воинский учет горской молодежи 1927 года рождения (8856 чел.)⁸⁷², не призванной осенью 1944 г. Призыв горских народов до конца войны не возобновлялся.

Проанализированный комплекс мер, связанный с ограничением комплектования войск представителями ряда народов, безусловно, являлся актом политиче-

⁸⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 220. Л. 51.

⁸⁷⁰ Народы Дагестана в Великой Отечественной войне: (1941–1945). Документы и материалы. Махачкала. С. 529–530.

⁸⁷¹ Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 408. Л. 419; Д. 407. Л. 260.

⁸⁷² Представителей народов Дагестана 4666, кабардинцев 1414, северных осетин 1896, адыгейцев 448, черкесов 257, ногайцев 175 (ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 49. Л. 210–211.)

ского недоверия в отношении их и мог стать первым шагом репрессии против всего народа, как это произошло с советскими немцами, чеченцами, ингушами, крымскими татарами и рядом других народов, а мог и не становиться таковым (народы Дагестана, осетины, кабардинцы и др.). В отдельных случаях репрессивную акцию против всего народа не предваряла приостановка его призыва в армию, как, например, это было с калмыками, которые без ограничений призывались до конца 1943 г. Военнослужащие, относившиеся к репрессированному этносу, как правило, изымались из воинских частей и увольнялись из РККА. Первоначально их отправляли в запасные части, во внутренние округа или по прежнему месту жительства. 18 ноября 1944 г. Военный совет Главупраформа РККА издал директиву № М/1/1746, в которой разъяснял военным советам фронтов и округов, что выселенные народы при увольнении из рядов РККА должны были отправляться не по месту жительства, а в места нового поселения. Если же такое место было неизвестно – то в распоряжение НКВД Казахстана и Узбекистана⁸⁷³.

Если же этнос не подвергался тотальному выселению, приток новобранцев из числа этносов, чей призыв был приостановлен, почти прекращался (исключение могло делаться добровольцам), однако лица, призванные ранее, продолжали военную службу без ограничений до самого Дня Победы.

Проведение регулярных приписок допризывной молодежи и перерегистрации военнообязанных непризываемых национальностей сохраняло возможность возобновления их призыва в последующем, что иногда случалось. Для некоторых народов война начиналась широкими чистками из рядов РККА, но с изменением политической конъюнктуры в дальнейшем их призывали без ограничений или с незначительными ограничениями (эстонцы, латыши, литовцы, поляки, западные украинцы и белорусы). И, напротив, прекращение приписки и перерегистрации (например, в отношении репрессированных этносов) означало окончательный отказ государства от их использования для комплектования армии, поскольку лишало органы военного управления актуальных учетных данных о состоянии военнообязанного контингента.

⁸⁷³ ЦАМО. Ф. 8259. Оп. 116526. Д. 3. Л. 54.

Проведенное соискателем изучение статистических материалов по личному составу РККА позволяет утверждать, что, несмотря на категорический характер требований о недопуске или изъятии из войск представителей того или иного этноса, таковые никогда не выполнялись полностью. Директивы приходилось повторять по несколько раз. До самого конца войны всегда находились лазейки для того, чтобы оставить в войсках отдельных представителей репрессированных народов, а также для попадания на фронт добровольцев из числа народов, чей призыв был запрещен или приостановлен.

Как видно из данных *таблицы 18* (см. **приложение 3**), к началу войны удельный вес ряда народов в целом соответствовал их удельному весу среди населения СССР (финны, калмыки, северокавказские народы); доля других (немцы, греки, болгары, китайцы) уже была значительно ниже вследствие предвоенных зачисток РККА по этническому признаку.

К концу войны в абсолютных значениях представительство этих народов существенно не изменилось (60,8 тыс. чел. в 1941 г. и 63,5 тыс. чел. в 1945 г.), но удельный вес и тех и других был уже многократно ниже довоенного уровня (например, калмыков – в 4 раза, народностей Дагестана – в 6,25 раза, чеченцев и ингушей – в 30 раз). При этом только у одного этноса – немцев – он стремился к нулю. Все остальные этносы, чей призыв был прекращен, сохраняли порой многотысячное представительство в Вооруженных Силах.

В годы Великой Отечественной войны широко практиковался и другой тип *ограничений* в комплектовании РККА, связанный с *культурно-языковыми особенностями* военнообязанных определенных национальностей. Как и ограничения по политическим мотивам, он применялся в течение всей войны, но имел своего рода перерыв, вызванный крупномасштабным экспериментом по воссозданию и боевому применению национальных частей (конец 1941 – первая половина 1943 г.). Целью этого типа ограничений было нивелировать негативное влияние культурно-языкового фактора на боеспособность многонационального воинского коллектива Красной армии. Судя по проанализированным диссертантом документам, эти ограничения *не носили репрессивного характера*, но имели более значительный

масштаб, чем ограничения по политическим мотивам. Как и первый тип, второй был апробирован еще в довоенный период.

Ограничения в комплектовании войск гражданами определенных национальностей, связанные с их культурно-языковыми особенностями, практиковались уже в первые месяцы войны, в ходе первого же планового призыва, состоявшегося осенью 1941 г. Во исполнение приказа НКО № 0355 и директивы заместителя наркома обороны армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко за № /1/1875 от 21 сентября 1941 г. надлежало до 15 октября 1941 г. призвать в ряды РККА всех граждан, родившихся в 1922 году, а также граждан 1921 года рождения и старше, не призванных ранее, и граждан 1923 года рождения с полным средним и высшим образованием. При этом по Среднеазиатскому военному округу годные к строевой службе призывные ресурсы надлежало использовать следующим образом: на укомплектование запасных и иных частей Красной армии направлялись граждане только перечисленных девяти национальностей: русские, украинцы, белорусы, мордвины, евреи, армяне, грузины, казанские татары, а также азербайджанцы, владевшие русским языком⁸⁷⁴. Во исполнение приказа десятки тысяч призывников местных национальностей пяти союзных республик – Казахской, Узбекской, Таджикской, Киргизской, Туркменской ССР – проходили общую для всех процедуру призыва, однако для укомплектования строевых частей не использовались. Несмотря на это, повсеместно призыв обставлялся как торжественное мероприятие; на митингах призывники выступали, записывались добровольцами, требуя скорее отправить их на фронт.

Одновременно с призывом, в конце сентября 1941 г., распоряжением командующего войсками Среднеазиатского военного округа⁸⁷⁵ «в целях очистки запасных частей от морально-разложившихся, политически неустойчивых и физически непригодных к службе элементов», из запасных частей увольнялись в запас представители среднеазиатских народов, а также лица, имевшие судимость, род-

⁸⁷⁴ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 229.

⁸⁷⁵ Там же. Д. 16. Л. 139–139 об.

ственников за границей и т.п.⁸⁷⁶ Увольнению в запас подлежали узбеки, таджики, туркмены, казахи, каракалпаки, киргизы, уйгуры, дунгане и бухарские евреи. Таких только по пяти запасным частям САВО (79-му запасному стрелковому полку, 32-й запасной стрелковой бригаде, 16-му запасному кавалерийскому полку, 13-му запасному автомобильному полку и 86-му запасному зенитному артиллерийскому полку) насчитывалось 12 295 чел.⁸⁷⁷

Первоначально все лица коренных национальностей, прошедшие призыв, а также отчисляемые из воинских частей, отправлялись в распоряжение военкоматов для дальнейшего увольнения в долгосрочный отпуск (запас) и отправки по месту жительства. Однако уже в начале октября 1941 г. было объявлено о формировании в САВО предназначенных для использования в народном хозяйстве рабочих колонн штатной численностью в 1000 чел. каждая⁸⁷⁸. С этого времени новобранцы среднеазиатских национальностей обращались на укомплектование рабочих колонн, причем представители коренных национальностей не назначались в колонны, предназначенные для работы на территории САВО, т.е. комплектование колонн велось экстерриториально⁸⁷⁹. Поскольку штатная емкость рабочих колонн была невелика, а сами они только начинали формирование, национальные контингенты надолго оставались без дела в запасных частях, у командиров которых возникал вопрос: «А кормить их кто будет?»⁸⁸⁰

По результатам призыва в САВО призывников перечисленных девяти национальностей 1922 года рождения и граждан старших возрастов, подавляющее большинство из которых составляли русские и украинцы, было выявлено 18 189 чел. В то же время в рабочие колонны было зачислено в 7,5 раза больше призывников – 135 327 чел. всех оставшихся 56 национальностей, в том числе: 58 346 узбеков, 28 776 казахов, 14 955 таджиков, 11 532 киргиза, 10 016 туркмен, 2109 каракалпаков, 531 уйгур и многих других представителей коренных наро-

⁸⁷⁶ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 1.

⁸⁷⁷ Там же. Д. 42. Л. 16; Д. 16. Л. 150.

⁸⁷⁸ Там же. Д. 16. Л. 121–122.

⁸⁷⁹ Там же. Л. 32, 59.

⁸⁸⁰ Там же. Л. 119.

дов⁸⁸¹. Часть из этих призывников военкоматы успели отправить в запасные части, и теперь они подлежали отчислению. В документах такие лица именовались обобщающими термином с негативной коннотацией: «*контингент, не являющийся полноценным в политическом и боевом отношении*»⁸⁸² и даже «*неполноценный личный состав*»⁸⁸³ и «*неполноценный контингент*»⁸⁸⁴.

Безусловно, отказ от приема на комплектование представителями среднеазиатских национальностей продолжал довоенную тенденцию ограничения их призыва, начатую в последние предвоенные годы в связи с выяснением низкого качества местных ресурсов. В то же время в мероприятиях штаба САВО в сентябре–октябре 1941 г. проявилась недооценка масштабов развернувшейся войны и, как следствие – расточительное отношение к людским ресурсам среднеазиатских союзных республик. Очевидно, первоначально руководство страны и Вооруженных Сил полагало, что по традиции можно будет обойтись без проблемного национального контингента, требовавшего дополнительных усилий для адаптации к военной службе.

Складывалась парадоксальная ситуация: десятки тысяч молодых людей не должны были быть допущены в строевые части по признаку этнической принадлежности. Первоначально не принимались во внимание никакие их социально-культурные характеристики. Между тем нередко они обладали хорошим образованием в 7–8 классов, прошли длительную допризывную военную и спортивную подготовку, сдавали нормы ГТО, обучались русской грамоте и разговорному русскому языку. Штабом округа особо подчеркивалось, что «*национальный контингент [направляется] только в рабочие колонны* (выделено мной. – Авт.); в запасных частях использовать их не можем. Как крайняя мера: если не будет места в рабочих колоннах, можно передавать [их] в запас»⁸⁸⁵. Многие войсковые начальники, пребывая в затруднении, запрашивали у штаба САВО разъяснения. В свою

⁸⁸¹ На осень 1941 г. пришелся период наибольшей численности рабочих колонн. К началу ноября в их составе насчитывалось 777 тыс. чел. (ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 33).

⁸⁸² ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 31.

⁸⁸³ Там же. Л. 51.

⁸⁸⁴ Там же. Л. 54.

⁸⁸⁵ Там же. Л. 118.

очередь, окружной штаб фактически предоставлял право решать самим начальникам: «В отношении призывников [местных национальностей] решите сами: наиболее ценный для вас контингент можете отобрать, остальных вернуть в военкоматы»⁸⁸⁶. Еще в одном распоряжении заместителя начальника штаба САВО полковника Коничева⁸⁸⁷ содержалось положение о том, что представители национальностей, предназначенных к отсеву, *служившие ранее в Красной армии*, должны были оставаться в составе частей. Это же касалось и лиц, выписывавшихся из госпиталей⁸⁸⁸.

В ноябре 1941 г., когда на государственном уровне было принято решение о формировании десятков национальных соединений, часть оставшихся в запасных частях военнообязанных среднеазиатских национальностей, не успевших пополнить рабочие колонны, была обращена на их укомплектование.

По постановлению ГКО № 1575сс от 11 апреля 1942 г. наиболее качественный контингент призывников среднеазиатских национальностей 1922 и 1923 годов рождения, а также военнообязанных не старше 30 лет в количестве 150 тыс. чел. (50 тыс. казахов и 100 тыс. узбеков) все-таки был призван в РККА⁸⁸⁹. Во исполнение решения ГКО командующий войсками округа приказал военным комиссарам Казахской и Узбекской ССР подбирать прежде всего граждан, ранее служивших в армии или прошедших подготовку в системе Всевобуча, обеспечив партийно-комсомольскую прослойку среди них не менее 20 %. В начале августа 1942 г. в САВО также были призваны граждане 1924 года рождения без ограничения по национальному признаку («полностью все граждане»)⁸⁹⁰. Таким образом, молодежь, имевшая более высокий образовательный ценз по сравнению с военнообязанными старших возрастов, в основном была призвана в армию.

Дальнейшее формирование рабочих колонн и передача их гражданским наркоматам была прекращена еще в начале весны 1942 г. в связи с кампанией по

⁸⁸⁶ ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 19–21.

⁸⁸⁷ Инициалы не установлены.

⁸⁸⁸ ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 366, 371, 375.

⁸⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 2–3.

⁸⁹⁰ Рассекреченная война... С. 321.

изысканию дополнительных людских ресурсов для комплектования действующей армии⁸⁹¹. Однако многие, уже сформированные и переданные гражданским наркоматам рабочие колонны, просуществовали почти всю войну. Во второй половине 1944 г. они были расформированы, но их военнослужащие остались закреплены за теми предприятиями, на которых работали⁸⁹². Всего за годы войны в САВО на работы было мобилизовано 628,9 тыс. военнообязанных, трудившихся на 681 предприятии⁸⁹³.

Коренной перелом в Великой Отечественной войне, обозначенный грандиозными победами советских войск в начале 1943 г. под Сталинградом, а летом 1943 г. – на Курской дуге, серьезно отразился на структуре комплектования РККА людскими ресурсами. Быстрое продвижение советских войск на запад в 1943 г. способствовало значительному притоку в войска славянских контингентов с освобожденных территорий России и Украины. Снятие угрозы с национальных регионов, прежде всего с Кавказа, значительно уменьшило политическую актуальность национальных частей. Годные к строевой службе людские ресурсы, удовлетворяющие требованиям строевой службы по физическому развитию, уровню образования, знания русского языка, к началу 1943 г. в союзных республиках Закавказья и Средней Азии значительно сократились. Например, по Закавказскому фронту к исходу 1943 г. в Красную армию было призвано 1 290 658 призывников 1922–1925 годов рождения и военнообязанных, в том числе по Грузии 538 025, Азербайджану 424 772, Армении 205 861 чел.⁸⁹⁴ Так, по Закавказью число военнообязанных до 50 лет и призывников 1926 г. рождения составляло на 1 декабря 1943 г. лишь 255 тыс. чел.⁸⁹⁵. Особенно тяжелая демографическая ситуация сложилась в Армении. На 15 октября 1943 г. на общем учете Армянского РВК оставалось немногим более 18 тыс. мужчин в возрасте от 18 до 50 лет и еще 12,5 тыс. чел. состояли на спецучете (т.е. были забронированы за народным хо-

⁸⁹¹ С этой целью была издана серия постановлений ГКО и приказ НКО (ГОКО № 1475с, 1476с от 21 марта 1942 г., ГОКО № 1526сс от 3 апреля 1942 г., НКО № 0242 от 5 апреля 1942 г.)

⁸⁹² Рассекреченная война... С. 512.

⁸⁹³ *Сухарь М.Я.* Указ. соч. С. 153–154.

⁸⁹⁴ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 501. Л. 365–367.

⁸⁹⁵ Там же. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 58.

зайством)⁸⁹⁶. Молодые возрасты (до 35 лет) военнообязанных были исчерпаны практически полностью. На комплектование войск поступал некачественный контингент. Вот типичная жалоба того периода от одного из строевых командиров: «Для покрытия некомплекта наших частей Упраформ Закфронта необходимого контингента пополнения не дает, предлагая людей необученных, старых возрастов, местных национальностей и не владеющих русским языком»⁸⁹⁷.

Между тем требования к профессионализму бойцов Красной армии к концу войны значительно возросли. В соответствии с опытом войны усложнялись программы обучения личного состава воинским специальностям. Вводились новые боевые уставы и наставления. Появилось большое количество сложных видов техники и вооружения. С середины 1942 г. было строго запрещено направлять в действующие части красноармейцев, прошедших курс подготовки в запасных частях сроком менее трех месяцев, а с середины 1943 г. – менее шести месяцев⁸⁹⁸. С 1944 г. в части направлялись только годные к строевой службе, т.е. физически здоровые военнослужащие.

Совокупность изложенных обстоятельств позволила диссертанту сделать вывод о том, что именно послужило причиной того, что перед очередным призывом молодежи 1926 года рождения, 9 октября 1943 г., директивой начальника Главупраформа генерал-полковника Е.А. Щаденко № М/1/1493 был «до особых распоряжений» приостановлен призыв молодежи «местных национальностей»: Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской, Киргизской, Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР. Этой директивой также продлевалась приостановка призыва из автономных республик и областей РСФСР: Дагестанской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской АССР, Адыгейской, Карачаевской и Черкесской АО⁸⁹⁹. Положения этой директивы были развиты в специальном постановлении ГКО № 4322 от 13 октября 1943 г. (в котором в отношении перечисленных этносов использовался более категоричный императив:

⁸⁹⁶ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 521. Л. 260.

⁸⁹⁷ Там же. Оп. 1063. Д. 689. Л. 127.

⁸⁹⁸ Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 199. Л. 365.

⁸⁹⁹ Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 332. Л. 142.

«призыву не подлежат»)⁹⁰⁰ и в директиве Главупраформа № М/1/1498 от 16 октября 1943 г. Фронтам были разосланы частные разъяснения этих документов. Например, штабу Закавказского фронта было указано, что на укомплектование соединений и частей фронта надлежит призывать лиц 1926 года рождения «только русской, украинской, белорусской и других некавказских национальностей»⁹⁰¹.

По всему Советскому Союзу к осени 1943 г. на учете состояло 1115 тыс. призывников 1926 года рождения всех национальностей. В связи с тем, что часть из состоявших на общем учете не подлежала призыву (забронированные за промышленностью, негодные по болезни), по расчетным данным Главупраформа призвать намечалось 745 тыс. чел.⁹⁰². В ходе призывных мероприятий явилось на призыв 824,5 тыс. чел., из которых было признано годными к строевой службе 692,2 тыс. чел., а отправлено в войска – 599 тыс. чел. Освобождению по национальному признаку подлежало *146,5 тыс. призывников* из числа коренных национальностей Закавказья, Средней Азии и автономных республик и областей РСФСР. Еще 4883 чел. не были призваны с формулировкой «по национальному признаку», т.е. как представители «иностранных» этносов⁹⁰³. В совокупности удельный вес освобожденных по национальному признаку призывников достигал 21,9 % к общему числу молодежи, признанной годной к строевой службе, и 25,3 % к числу отправленных в войска.

Молодежь 1926 года рождения национальностей Закавказья и Средней Азии получила годичную отсрочку и была призвана следующей осенью, в 1944 г., вместе с общесоюзным призывом граждан 1927 года рождения. Их число по САВО составило 65,9 тыс. чел., по Закфронту – 57,9 тыс. чел.⁹⁰⁴ Результаты призыва показали, что отсрочка пошла на пользу: большинство призывников успели пройти необходимые учебные и оздоровительные мероприятия⁹⁰⁵.

⁹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–3.

⁹⁰¹ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 29. Л. 190–191.

⁹⁰² Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 199. Л. 279.

⁹⁰³ Там же. Оп. 12216. Д. 10. Л. 33–35 об.

⁹⁰⁴ Там же. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 31–32.

⁹⁰⁵ Рассекреченная война... С. 546.

В свою очередь, молодежь местных национальностей Средней Азии и Закавказья 1927 года рождения осенью 1944 г., также получила годичную отсрочку и до конца войны уже не успела призваться. Осенью в 1944 г. от призыва молодежи 1927 года рождения по этой причине было освобождено около *130 тыс. призывников*, что составило почти 10 % от всех призывников этого года рождения, состоявших на воинском учете (1360 тыс. чел.), и около трети от всех освобожденных в этом году от призыва (всего было освобождено 501 тыс. чел., большинство из которых – учащиеся, студенты и работники оборонных отраслей). В то же время происходили частичные призывы молодежи указанных возрастов в интересах добывающих, промышленных и строительных наркоматов, т.е. фактически речь шла о мобилизации рабочей силы по типу мобилизаций в рабочие колонны в 1941–1942 гг.⁹⁰⁶

Введенная в октябре 1943 г. приостановка призыва местных национальностей Закавказья и Средней Азии в полной мере распространялась и на категорию *военнообязанных* (т.е. лиц старших возрастов). Их обязательный призыв, в отличие от молодежи, более не возобновлялся до конца войны, хотя добровольные формы набора для них были открыты. Это был наименее качественный с точки зрения годности к военной службе контингент – как правило, люди, не обученные военному делу, физически слабые, не владевшие русским языком, неграмотные и малограмотные. По Закавказью по состоянию на 15 октября 1943 г. числилось 63 875 чел. строевых и 86 442 чел. нестроевых, а всего – *150 317 военнообязанных* местных национальностей общего учета (т.е., не забронированных за народным хозяйством) в возрасте до 50 лет⁹⁰⁷. К окончанию войны этот показатель незначительно изменился, сократившись до *145,9 тыс. чел.*⁹⁰⁸ В свою очередь, по САВО по состоянию на 1 июля 1944 г. числилось *385,7 тыс. чел.* годных к строевой

⁹⁰⁶ Рассекреченная война... С. 512–513.

⁹⁰⁷ В том числе: по Грузии – 28 825 строевых и 43 722 нестроевых, по Азербайджану – 30 059 строевых и 30 547 нестроевых, по Армении – 4991 строевых и 12 573 нестроевых (Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 407. Л. 260–262).

⁹⁰⁸ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 731. Л. 13, 57.

службе военнообязанных, призыв которых в армию не осуществлялся⁹⁰⁹. Таким образом, число военнообязанных по Закавказью и САВО национальностей, чей призыв был приостановлен, в последний период войны *превысил полмиллиона человек*.

Таким образом, в практике ограничений призыва различных этносов в годы Великой Отечественной войны продолжили свое развитие довоенные тенденции, а именно: призыв в армию представителей того или иного народа мог быть ограничен или отменен либо в связи с функциональным несоответствием значительной его части требованиям военной службы (физическая негодность, невладение русским языком, низкий уровень грамотности и т.д.), либо по мотивам политического недоверия со стороны государства.

Соискателем установлено, что отказ или ограничение (в той или форме) в призыве в Красную армию в течение войны в конце концов постиг *все без исключения* коренные народы Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии. По подсчетам соискателя, общее по стране число национальностей, не призывавшихся в армию по различным основаниям, к концу 1943 г. достигло 40⁹¹⁰. Это было очень близко аналогичному показателю в армии императорской России (45 национальностей⁹¹¹). В постановлениях ГКО № 6784сс⁹¹² и 6786сс⁹¹³ от 25 октября 1944 г. перечислялось 32 непризываемых народа (включая полиэтничный этноним «дагестанцы»).

⁹⁰⁹ Сухарь М.Я. Указ. соч. С. 127.

⁹¹⁰ Немцы, венгры, австрийцы, румыны, болгары, китайцы, корейцы, турки, греки, поляки, чехи, словаки, польские евреи, иранцы, ассирийцы, айсоры, удины, аварцы, кумыки, лезгины, другие народы Дагестана (подавались одной категорией), горские евреи, ногайцы, осетины, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы, черкесы, адыгейцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, киргизы, казахи, узбеки, таджики, туркмены, армяне, азербайджанцы, абхазы, тавлины (составлено автором по: ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 49. Л. 210–219, 308; Ф. 209. Оп. 999. Д. 731. Л. 57).

⁹¹¹ Кирсанов Н.А. В боевом строю... С. 29.

⁹¹² «О призыве на военную службу призывников 1927 года рождения».

⁹¹³ «О призыве на военную службу призывников, родившихся в 1926 г., местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской и Киргизской союзных республик».

Однако, как и в довоенный период, у ограничений имелся и обратный ход. Например, в 1944 г. безо всяких ограничений призывались ранее не призываемые народы: латыши, литовцы, эстонцы, молдаване, советские поляки, карелы.

Постепенное, происходившее в течение всей войны расширение перечня непризываемых этносов имело следствием усложнение терминологии, которой органы военного управления пользовались для их обозначения в руководящей и делопроизводственной документации. Она отражала дифференцированный подход государства к непризываемым этносам. В постановлениях ГКО № 6784сс и 6786сс от 25 октября 1944 г., регламентировавших порядок очередного призыва граждан 1927 года рождения, перечислялись три группы народов, не призываемых в РККА:

1) *«освобожденные от призыва»* граждане *«местных национальностей»* 1927 года рождения (к этой категории были отнесены: коренные народы закавказских и среднеазиатских союзных республик, а также Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР, Адыгейской и Черкесской АО РСФСР);

2) *«временно освобожденные от призыва до особого указания»* (репрессированные народы СССР, а также поляки, чехи, словаки и польские евреи);

3) *«совсем не призываемые»* – советские граждане, этнически родственные народам, чьи государства находились с Советским Союзом в состоянии войны или были недружественны ему (немцы, венгры, австрийцы, румыны, болгары, китайцы, корейцы, турки, греки)⁹¹⁴.

Исходя из установленных в данном параграфе данных, общую численность людских ресурсов (военнообязанных и призывников) коренных национальностей Закавказья, Средней Азии, Северного Кавказа и ряда других регионов, которые по национальному признаку были выведены из процесса комплектования Вооруженных Сил СССР, по состоянию на вторую половину 1944 г. соискатель оценивает не менее, чем в *800 тыс. чел.* В эту оценку не входят советские граждане, относимые к категории *«совсем не призываемые»*, и граждане *«европейских»* национальностей из категории *«временно освобожденные от*

⁹¹⁴ Рассекреченная война... С. 514.

призыва до особого указания», которые или не ставились на воинский учет вовсе, или относились к особым формам учета (например, как мобилизованные для работе в промышленности или для оборонных работ).

Выводы по параграфу 3.3

Исследование источников показало, что практика комплектования рядов Красной армии представителями нерусских народов СССР в годы войны развивалась в двух направлениях. С одной стороны, получила дальнейшее развитие тенденция последних предвоенных лет, связанная с апробированной в 1939–1940-х гг. практикой массового призыва нерусских военнообязанных на военную службу. Эта мера сыграла важную компенсаторную функцию, заместив в первый и второй периоды Великой Отечественной войны⁹¹⁵ дефицит славянских ресурсов в связи с оккупацией противником многонаселенных территорий Украины, Белоруссии и европейских областей РСФСР. Национальные регионы Советского Союза внесли свой весомый исторический вклад в дело Великой Победы над фашизмом.

С другой стороны, получило дальнейшее развитие ограничение приема в армию ряда этносов, которые по различным причинам считались руководством государства и Вооруженных Сил неподходящими для военной службы.

Эти противоположные по смыслу и содержанию тенденции отражали столь же противоречивые потребности воюющего государства: с одной стороны – критически важную необходимость быстрого возмещения невиданных ранее в истории войн потерь действующей армии. С другой – стремление государства отгородить армию от элемента, по тем или иным критериям признаваемого некачественным, небоеспособным, отрицательно влияющим на исход вооруженной борьбы.

Изменения стратегической ситуации на советско-германском фронте напрямую влияли на этнические акценты в комплектовании РККА. Неизменной

⁹¹⁵ Согласно общепринятой в исторической науке периодизации Великой Отечественной войны, ее первый период приходится на 22.6.1941–18.11.1942 гг., второй – на 19.11.1942 – конец 1943 г. (Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 36, 40).

оставалась роль станового хребта Красной армии, которую исполнял русский этнос, испытывавший демографическую перегрузку в течение всей войны. Под перегрузкой соискатель понимает превышение доли представителей этноса в рядах войск (и, как следствие, чрезмерные боевые потери) над долей этого этноса среди всего населения Советского Союза. Кроме русских ряд других этносов также испытали в разные периоды войны резкие перегрузки, носившие, однако, временный характер. Они обуславливались прежде всего изменениями стратегической обстановки, влиявшими на усиление нагрузки на людские ресурсы в том или ином регионе СССР. В 1942 г. это были народы Закавказья; следом, в 1942–1943 гг. – народы Средней Азии; с середины 1943 г. повышенная демографическая нагрузка выпала на плечи освобождаемых народов – украинцев, к которым в 1944 г. присоединились белорусы, молдаване, жители Прибалтики. Тюркские и финно-угорские народы РСФСР, а также евреи, проживавшие в основном глубоко в тылу, в течение войны также активно пополняли ряды армии, но чрезмерных перегрузок не испытывали.

Реализация второй (ограничительной) тенденции, как показал анализ, выразилась в приостановках обязательного призыва среди ряда этносов, количество которых к концу войны достигло нескольких десятков. Для целого ряда этносов приостановка призыва в армию стала первым звеном в цепи репрессивных акций, окончившейся принудительным выселением всего народа в отдаленные регионы СССР и обернувшейся для них тяжелыми демографическими потерями. В то же время исследование показало, что многократное сокращение представительства репрессированных народов на фронте объективно сокращало уровень их боевых потерь и в определенной степени компенсировало демографические потери, связанные с депортацией.

Выводы по главе 3

Общей целью органов государственного и военного управления в области комплектования Вооруженных Сил в 1920 – первой половине 1940-х г., было расширение доступной на случай мобилизации базы людских ресурсов. Исследо-

ванием установлено, что одним из главных путей решения этой задачи виделось расширение комплектования войск представителями нерусских народов СССР.

Анализ показал, что за короткий исторический период в течение двух десятилетий (1920–1930-е гг.) был пройден сложный путь от эпизодических вербовок добровольцев в национальных регионах в первой половине 1920-х гг. к первым экспериментальным призывам в конце 1920-х гг. и затем – к массовому общеобязательному призыву практически во всех национальных окраинах СССР в конце 1930-х гг. Доказано, что эти результаты были бы невозможны без планомерной работы государственных и военных органов по налаживанию в национальных регионах работы местных органов военного управления, постановке персонального воинского учета и допризывной подготовки.

Исследование показало, что в годы Великой Отечественной войны политическое руководство Советского Союза и его Вооруженных Сил прикладывало чрезвычайные усилия для обеспечения непрерывного потока пополнений в части Красной армии. Изыскание людских ресурсов, пригодных для комплектования войск, имело свое этническое измерение, остававшееся до настоящего времени практически неисследованным. Объективный анализ статистических материалов по комплектованию РККА за весь период войны убедительно показал, что основную нагрузку в вооруженной борьбе с агрессором вынес на своих плечах русский народ. Сравнение удельного веса представительства русских в рядах РККА в разные периоды войны и среди населения иллюстрирует перманентное перенапряжение демографических ресурсов русского народа в течение всей войны. Своего максимума – 71,1 % (в абсолютном значении – 8104,7 тыс. чел.) этот показатель достиг к началу 1943 г.

Доказано, что кроме русского многие народы СССР также испытывали демографические перегрузки, однако лишь кратковременно, в связи с усилением мобилизаций на их территориях их расселения в разные периоды войны. Все остальное время их удельный вес в рядах войск не превышал удельного веса среди населения или же был ниже этого уровня. Усиление или ослабление мобилиза-

ционной нагрузки на тот или иной этнос СССР зависел прежде всего от стратегической обстановки на советско-германском фронте. Потеря фактически на два первых года войны всей территории Украины, Белоруссии и многонаселенных западных областей России обусловила усиление использования людских ресурсов Закавказья и Средней Азии (к середине 1943 г. их удельный вес в РККА достиг 8,6 %, а в стрелковых подразделениях – 10,4 %). После коренного перелома в войне важным источником пополнений действующей армии стали освобождаемые территории Украины, Белоруссии, Молдавии, прибалтийских республик. Предпринятый в диссертации анализ статистических материалов убедительно показал быстрый абсолютный и относительный прирост численности в войсках украинцев, а последний год войны – белорусов, молдаван и жителей Прибалтики. Это позволило к концу войны сократить удельный вес русских, чей ресурс граждан, годных к строевой службе, фактически был исчерпан.

Наряду со стремлением к расширению мобилизационных ресурсов за счет уроженцев национальных регионов диссертантом выявлена и проанализирована устойчивая политика государственных и военных органов по ограничению комплектования Красной армии по этническому признаку. Такие ограничения установлены в течение всего изученного в диссертационном исследовании периода. В 1920-х гг. ограничения диктовались утилитарными соображениями, связанными с культурной неготовностью ряда этносов, вошедших в состав Советского Союза, к несению военной службы и отсутствием у них таковой исторической традиции. В 1930-х гг. в ограничениях по этническому признаку на первый план выдвигаются политические мотивы. Однако такие ограничения не были абсолютными и тотальными. До середины Великой Отечественной войны политические мотивы безраздельно господствуют, но с осени 1943 г. вновь проявляется культурно-языковая отбраковка ряда этносов, и до конца войны оба этих мотива сосуществуют, что приводит к отстранению от призыва в армию нескольких десятков этносов, что вполне сопоставимо с результатами аналогичной практики в дореволюционной армии.

ГЛАВА 4. ПОДГОТОВКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КАДРОВ

4.1. Подготовка и комплектование частей РККА национальными кадрами командно-начальствующего состава в межвоенный период

В дореволюционный период в отечественных вооруженных силах среди офицерского состава традиционно доминировал русский суперэтнос (великороссы, малороссы, белорусы), что объяснялось их лучшим доступом к образованию, отсутствием культурно-языковых барьеров, привилегированным положением русских (православных) при продвижении по службе и ограничениях в приеме на военную службу для целого ряда народов. В 1910 г. (последний раз в имперскую эпоху этнический состав армии публиковался в этом году) в рядах Русской императорской армии числилось 76,8 % славян среди нижних чинов и 85,8 % – среди офицеров⁹¹⁶. В то время как, согласно данным Центрального статистического комитета МВД Российской империи, по состоянию на 1913 г. русские (включая 43,4% великороссов, 17,4% малороссов и 4,6% белорусов) составляли лишь 65,5% населения империи⁹¹⁷.

Хотя со сменой в России государственного строя национальная политика коренным образом изменилась в пользу прежде ущемленных в правах этносов, в первые годы советской власти в армии нового типа господствующее положение русских (уже в узком смысле великороссов) среди командного состава не только сохранилось, но даже усилилось. Теперь это было связано не с политическими предпочтениями русским, как раньше, а тем, что первоначальное ядро Советской России составили русские губернии, в то время как национальные окраины в большинстве своем пришлось завоевывать силой в ходе Гражданской войны. Часть территорий, традиционно дававших Русской армии большую прослойку офицеров (Польша, Прибалтика), добились государственной независимости.

⁹¹⁶ Военно-статистический ежегодник Армии за 1911 г. С. 136–137, 172–173, 278–279.

⁹¹⁷ Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). СПб., 1914. С. 63–65.

Резкая убыль среди командного состава по национальности поляков, немцев, латышей, литовцев, эстонцев была компенсирована русскими.

В начале 1920-х гг., до принятия программы национальных формирований и развертывания сети национальных военных школ, среди начальствующего состава РККА значительно преобладали русские. Согласно материалам переписи РККА, состоявшейся 15 марта 1923 г., их удельный вес достигал 83 %⁹¹⁸. В совокупности три восточнославянских народа – русские, украинцы и белорусы – давали подавляющее большинство командного состава – 92,18 % (таблица 19).

Таблица 19. Командно-начальствующий состав РККА по национальности по состоянию на 15 марта 1923 г.⁹¹⁹

Национальности	В абсолютных значениях, чел.	В относительных значениях, проц.
Великороссов	25497	82,92
Украинцев	2138	6,95
Белорусов	710	2,31
Евреев	256	0,83
Татар	174	0,57
Чувашей	41	0,13
Латышей	329	1,07
Мордвин	25	0,08
Немцев	173	0,56
Поляков	393	1,26
Прочих	1016	3,30
Всего	30752	100

В связи с этим задача подготовки достаточного количества национальных кадров начальствующего состава, прежде всего его командного звена, изначально стояла во главе угла программы строительства национальных формирований РККА. Еще в мае 1923 г., до принятия программы, наркомвоенмор Л.Д. Троцкий назвал эту задачу «первой и основной»⁹²⁰. В эти же дни ближайший соратник В.И. Ленина и И.В. Сталина, редактор газеты «Правда», обсуждая проект

⁹¹⁸ Красная армия в 1920-е годы. С. 50.

⁹¹⁹ Там же.

⁹²⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 197. Л. 1.

платформы партии по национальному вопросу, писал Сталину, что в военном разделе проекта нужно «основным поставить создание крепкого коммунистического кадра военных, безусловно, преданного»⁹²¹. В резолюции IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, проходившего в июне 1923 г., содержался раздел «О практических мерах по организации войсковых частей». Здесь была подчеркнута первостепенная необходимость «создания военных школ в республиках и областях для выработки в известный срок командного состава из местных людей, могущих послужить потом ядром для организации национальных воинских частей». Там же, где имелись «старые кадры из местных людей» (Татария, Башкирия, Закавказье, Украина), предлагалось немедленно приступить к формированию национальных дивизий на милиционных началах⁹²². Как справедливо отмечалось в 1925 г. в еженедельнике «Военный вестник», «подготовить командный состав для будущих [национальных] формирований, это значит решить наполовину задачу создания самих частей»⁹²³.

Особенно важной представлялась задача воспитания кадров у этносов, прежде не привлекавшихся к военной службе, для которых накопление минимального количества лиц начальствующего состава являлось отправной точкой для строительства самих национальных формирований. Этой задаче придавалось не только военное, но и важнейшее политическое значение, поскольку национальный командно-начальствующий состав мыслился как наиболее надежный проводник коммунистических идей в национальных регионах Советского Союза. В 1923 г. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа К.Е. Ворошилов, обосновывая необходимость организации кавалерийской школы для горских народов, писал И.В. Сталину и Л.Д. Троцкому: «Курсы, если их правильно поставить, могут стать местом

⁹²¹ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. М., 2005. С. 116.

⁹²² КПСС в резолюциях и решениях... Ч. 1. М., 1953. С. 765–766.

⁹²³ *Мирошников С.Н.* Вопросы национальных вуз // Военный вестник. 1925. 11 апреля. С. 14–16.

фабрикации того надежного советски-крепкого молодняка, который... станет приличной опорой советской власти»⁹²⁴.

Хотя на подготовку национальных кадров в системе военно-учебных заведений РККА органами военного управления возлагалась главная надежда, в первые годы реализации пятилетней программы на них нельзя было рассчитывать, поскольку национальные военные школы дали первый выпуск средних командиров только в 1928 г.⁹²⁵. Поэтому изыскивать кадры для укомплектования национальных частей приходилось и иными способами:

– выявлением *национального начальствующего состава в воинских частях* с последующим их переводом в соответствующие национальные воинские части⁹²⁶;

– выявлением *кадров запаса* на воинском учете командного состава РККА с призывом их в армию для прохождения службы в национальных частях;

– *выдвижением* из числа наиболее способных *младших командиров*;

– *использованием военспецов* (начсостава дореволюционной подготовки и национальных армий периода Гражданской войны). Исследованием установлено, что у некоторых национальностей, намеченных в пятилетней программе национальных воинских формирований в начале 1920-х гг., имелся достаточно многочисленный запас военных специалистов, получившийся благодаря традиции несения военной службы в Русской императорской армии представителями имущих слоев ряда этносов (северокавказские народы, грузины, армяне и др.). В 1920-х гг. и даже в начале 1930-х гг. армянские и грузинские национальные части РККА в основном комплектовались бывшими офицерами Русской императорской армии и армий периода государственной независимости Грузии и Армении (1918–1921 гг.)⁹²⁷. Однако комплектование целых соединений РККА *военспецами*, было скорее исключением, вызванным конкретно-историческими условиями во-

⁹²⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 138. Л. 141.

⁹²⁵ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 27. Л. 31–32.

⁹²⁶ Катухов В. Указ. соч. С. 21.

⁹²⁷ РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 2195. Л. 69 об.

енного строительства в данном регионе. В других республиках запас командного состава местных национальностей, напротив, исчислялся единицами.

В целом после Гражданской войны советское руководство имело твердое намерение *воспитать собственные кадры*. Основной расчет строился на подготовку новых командных кадров в специализированных военных школах РККА. Как отмечал в вышеупомянутом письме К.Е. Ворошилов, «нам нужно иметь свои кадры [командиров] и политвоенных работников в этих народностях. До тех пор, пока мы будем базироваться на... старых офицерских кадрах, нам будет грозить немалая уголовная и политическая ответственность»⁹²⁸.

Уже в декабре 1923 г. по поручению заместителя председателя РВС СССР Э.М. Склянского были намечены конкретные военные школы, предназначенные к «национализации», т.е. перепрофилированию для обучения нерусских курсантов⁹²⁹. В начале 1924 г. процесс национализации был запущен. Приказом наркома Л.Д. Троцкого от 9 июня 1924 г. «О национализации военно-учебных заведений» было объявлено об организации на базе различных курсов новых национальных вузов для подготовки командного состава на родном языке⁹³⁰. Создание национальных военных школ РККА началось раньше, чем была принята пятилетняя программа национальных формирований (декабрь 1924 г.), таким образом решалась задача опережающей подготовки командиров для национальных частей.

Как показало изучение документов, создание нацшкол проходило частично заново, частично – за счет реформирования в национальные *нормальных* школ и курсов. Если на 1 марта 1924 г. национальных заведений было 7 с общей численностью постоянного состава 2248 чел. и переменного (курсантов) – 2973, то к 1 ноября 1924 г. их число почти удвоилось: на 13 национальных вузов приходилось 4240 чел. постоянного и 4961 чел. – переменного состава⁹³¹. Уже к концу 1924 г. сеть национальных военно-учебных заведений в стране чрезмерно разрослась и составила без малого 21,3 % от всех военно-учебных заведений. По моти-

⁹²⁸ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 138. Л. 128.

⁹²⁹ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1419. Л. 5.

⁹³⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 39.

⁹³¹ Там же. Л. 174.

вам политической целесообразности расширение численности и штатной емкости национальных вузов проводилось даже на фоне общего сокращения всех остальных военных школ. «Учитывая надобность в более интенсивной подготовке национального комсостава, – отмечалось в октябре 1924 г. в докладе врид начальника Управления военно-учебных заведений (УВУЗ) РККА В.С. Лазаревича в РВС СССР, – нельзя к емкости нацвуз применять нормальную мерку... и следует допустить определенное увеличение емкости нацвуз»⁹³². В угоду политическим требованиям с мест организовывались школы даже для тех народов, для которых не намечалось создавать национальных частей. Например, с 1924 г. в Крымской (татарской) кавалерийской школе имелся один эскадрон (142 чел.) курсантов крымских татар, хотя крымско-татарских формирований вовсе не планировалось⁹³³. Как отмечал в своем докладе в РВС СССР 11 мая 1926 г. начальник УВУЗ РККА В.К. Путьна, в начальный период «при определении действующей емкости национальных школ... приходилось считаться и с чисто политическими соображениями отдельных республик»⁹³⁴.

К началу 1925 г. количество курсантов национальных военных школ выросло до 9460 чел., среди которых лица нерусской национальности составляли 76,6 %⁹³⁵. Количество национальных вузов составило 18 (14 командных и 4 военно-политических)⁹³⁶. Комплектование школ шло за счет коммунистов, комсомольцев и членов профсоюзов, а также рядовых и младших командиров нерусской национальности, уже проходивших службу в войсках. Наиболее ценным контингентом считались младшие командиры и красноармейцы, которые осо-

⁹³² РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1432. Л. 1.

⁹³³ Там же. Л. 2.

⁹³⁴ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 573.

⁹³⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 112. Л. 26.

⁹³⁶ Грузинская, Армянская, Азербайджанская объединенные школы, Грузинская и Армянская военно-политические школы, Закавказская военно-пролетарская школа, Среднеазиатская школа комсостава, 5-я объединенная школа червонных старшин, 5-я кавалерийская школа им. т. Зиновьева (Украина), Военно-подготовительная школа (Украина), 7-я объединенная Белорусская школа, Кавалерийская школа горских национальностей Северного Кавказа, 6-я объединенная Татаро-Башкирская школа, Тюркская военно-политическая школа, 8-я объединенная Киргизская школа, 2-я объединенная школа красных коммунаров (Крым), 3-я объединенная интернациональная школа (Крым) (Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 310).

знанно выбирали военную карьеру⁹³⁷. «Свои» вузы или отделения в военных школах обрели польский, украинский, белорусский, татарский, башкирский, киргизский, грузинский, армянский, азербайджанский народы, а также народы Средней Азии и горские народы Северного Кавказа, для которых были открыты объединенные школы. Еще для ряда народов – мордвин, вотяков (удмуртов), немцев, чувашей, зырян (коми), молдаван – предусматривалось квотирование мест в военных вузах в местах их компактного проживания⁹³⁸. В течение 1925 г. открылось еще две национальных школы: Интернациональная объединенная военная школа на 500 курсантов (карелы, финны, эстонцы, корейцы) и Объединенная военная школа коммунаров им. Уншлихта на 450 курсантов (поляки)⁹³⁹.

Уже во второй половине 1920-х гг. стало очевидным, что количество национальных школ значительно превышает штатные возможности разворачиваемых национальных формирований. Содержание их для военного бюджета было непомерно дорогим, а нехватка преподавателей, уставной и учебно-методической литературы на местных языках делала обучение малоэффективным. К тому же постоянно уточнялась штатная емкость начсостава национальных формирований, для которых готовились кадры. Поэтому в последующем ежегодно шла коррекция в сторону объединения национальных школ и сокращения их штатов и отделений (прежде всего артиллерийских и кавалерийских). Так, к 1926/1927 учебному году число школ оставалось прежним, но емкость переменного состава сократилась до 4387 штатных единиц. А к 1927/1928 учебному году число школ сократилось до 9, в то время как емкость переменного состава – до 3927 штатных единиц (пехота – 1650, кавалерия – 962, артиллерия – 700, политсостав – 40, подготовительные отделения – 575)⁹⁴⁰. В число национальных школ входили: Объединенная татаро-башкирская школа (штатная численность курсантов – 442); Объединенная белорусская школа (500 курсантов); Школа червонных старшин (350 курсантов); Объединенная среднеазиатская школа (795 курсантов); Украинская кавалерийская

⁹³⁷ РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 3155. Л. 111.

⁹³⁸ Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 45.

⁹³⁹ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 573.

⁹⁴⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 89.

школа (320 курсантов); Киевская артиллерийская школа (200 курсантов); Закавказская подготовительная школа (450 курсантов); Северо-Кавказская горских национальностей кавалерийская школа (320 курсантов) и Закавказская пехотная школа (550 курсантов)⁹⁴¹.

В дальнейшем продолжилась тенденция к оптимизации национальных школ и их специализации в соответствии со штатными потребностями национальных частей. Так, уже к лету 1929 г. оставалось 6 национальных школ, но в то же время дополнительно открылось 10 национальных отделений в военных школах общей сети⁹⁴².

Национальные военные школы готовили командиров среднего звена в пехоте и кавалерии (командиры взводов, эскадронов), а также политсостав первичного звена по программам *нормальных* военных школ. Главной задачей национальных школ было воспитать грамотного, политически развитого командира, в совершенстве знающего военное дело, хорошо владеющего формами и методами партийно-политической работы с подчиненными и инструкторскими навыками в области боевой подготовки⁹⁴³. Но в целом – и это следует особо подчеркнуть – талантливая, высокообразованная и здоровая молодежь любой национальности могла поступить не только в национальную школу, но и на *любое отделение любого военно-учебного заведения (нормальных школ)*, в том числе школ военно-морского и военно-воздушного профиля, технических родов войск, военных факультетов гражданских вузов⁹⁴⁴. Младший командно-начальствующий состав готовился непосредственно в национальных частях – в полковых школах. Старший и высший командно-начальствующий состав нерусской национальности проходил подготовку на курсах усовершенствования командного состава (КУКС) и в военных академиях по общим программам; в этом звене военного обучения национальных квот не предусматривалось.

⁹⁴¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 88 об–89.

⁹⁴² Красная армия в 1920-е годы. С. 188.

⁹⁴³ Назих Э.-Б.Р. Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923–1939 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 14–15.

⁹⁴⁴ Всего таковых к концу 1920-х гг. насчитывалось 37.

18 февраля 1926 г. циркуляром народного комиссара по военным и морским делам № 21 были утверждены «Программы приемных испытаний с объяснительными к ним записками для поступающих в военные, военно-специальные, национальные военные и военно-политические школы РККА». Программа приемных испытаний в нацвузы предполагала выявление уровня политической грамотности абитуриента (по разделам: «Красная армия и вуз», «Февральская и Октябрьская революции», «Союз Советских Социалистических Республик», «Союз трудящихся СССР и мирового пролетариата»); знаний основ русского языка (минимальный набор слов для устной речи, основы чтения и письма на русском языке; знание всех букв русского алфавита и умение складывать простейшие фразы); знаний по географии (умение объяснить основные географические; астрономические понятия; знание карты страны и умение читать карту; основные сведения о политическом и социально-демографическом положении СССР); знаний по арифметике (устная и письменная нумерация, сложение, вычитание, умножение, деление чисел первой сотни в уме; знание о долях и арифметические действия с ними; старые и новые меры длины и веса). Пятым экзаменом являлся родной язык, требования к знанию которого варьировались. С учетом большого разброса культурно-образовательного уровня абитуриентов-«националов» и первичности социально-классового отбора будущих командиров перед общеобразовательным, циркуляр допускал «необходимые отступления» от требований программы, как в сторону усложнения испытаний, так и в сторону их «значительного упрощения» и сокращения объема вопросов⁹⁴⁵.

Соискателем установлено, что единые подходы в развития военного образования для народов СССР и методы подготовки национальных военных кадров были выработаны и утверждены на проходившем в марте 1926 г. представительном совещании работников военно-национальных вузов под председательством начальника Управления военно-учебных заведений (УВУЗ) РККА В.К. Путны⁹⁴⁶. На совещании обсуждался широкий круг вопросов, связанных с подготовкой ко-

⁹⁴⁵ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1184. Л. 1, 18–24.

⁹⁴⁶ Полную стенограмму и резолюции совещания см.: РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 527. Л. 1–158.

мандно-политических кадров для национальных частей: подводились первые итоги работы и строительства национальных вузов, определялись их перспективы и выслушивались мнения представителей с мест, которые затем учитывались в докладе начальника УВУЗ в РВС СССР⁹⁴⁷. В совещании участвовали представители следующих школ: Казахской, Татаро-Башкирской, Среднеазиатской, Закавказской военно-подготовительной, Северо-Кавказской горских национальностей, Азербайджанской, Армянской, Грузинской, Крымской кавалерийской, Бухарской. Также в совещании участвовали представители Совета национальностей ЦИК СССР, отдела нацменьшинств ЦК ВКП(б), ПУ РККА, инспекций РККА, окружных политуправлений.

В итоговых резолюциях и постановлениях совещания были охвачены все практические вопросы деятельности национальных школ: обязательное обучение курсантов родному и русскому языкам, причем в случае с последним – в объеме достаточном для подготовки в рамках курса нормальной школы; адаптация учебных программ и учебного процесса под потребности и культурные особенности контингентов; подготовка учебников и военных пособий на местных языках; обеспечение потребного количества вакансий для «националов», не имеющих своих школ и расширение их приема в нормальные школы на общие отделения и т.д.⁹⁴⁸ Эти решения были положены в основу развития национальных военно-учебных заведений на последующие годы.

По итогам совещания начальник УВУЗ В.К. Путьна поставил задачу более тщательного подхода к отбору абитуриентов: «Строго согласовывать емкость национальных школ и количество вакансий с реальными потребностями нацчастей, резко повысить требования к подготовке кандидатов из нацмен и не заполнять вакансии абы кем, даже оставляя их незаполненными; увеличить партийную прослойку и улучшить социальный состав»⁹⁴⁹.

⁹⁴⁷ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 12.

⁹⁴⁸ Реформа в Красной армии. Кн. 1. С. 575.

⁹⁴⁹ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 23.

Национальным вузам были разработаны недельные и годовые почасовые раскладки учебно-строевых занятий. Для кавалерии и пехоты предлагался четырехлетний курс обучения, а для артиллерии – пятилетний. Первый курс был подготовительным, поскольку общеобразовательная подготовка и знание русского языка курсантов-«националов» в большинстве случаев были низкими. Общее число учебно-строевых занятий в неделю в подготовительном классе должно было составлять в среднем 34 часа, в последующих классах – не более 44–45 часов.

Классные предметы подразделялись на три группы: общеобразовательная группа (русский язык, родной язык, математика, природоведение, география, рисование и черчение); военная группа (тактика, топография, артиллерия, инженерное дело, администрация); группа обществоведения (обществоведение и курс политической подготовки). В кавалерийских школах большое место уделялось конной подготовке – изучению лошади и ухода за ней, вольтижировке, джигитовке, преодолению препятствий, рубке лозы и стрельбе с коня⁹⁵⁰. Вследствие низкой общей грамотности большинства курсантов на младших курсах наибольшее количество часов (в среднем по пять в неделю) уделялось общеобразовательным предметам – русскому и родному языкам, математике, обществоведению. Военное образование (общевойсковая подготовка, изучение технических средств борьбы, стрелковое дело, полевые тактические занятия, физическая подготовка) постепенно наращивалось к старшим курсам, составляя 10 часов в неделю на подготовительном курсе и 20 часов – на выпускном⁹⁵¹.

На первом основном курсе обучения преобладали общеобразовательные предметы. В зимний период в основном проходили классные занятия, а летом курсанты вели боевую подготовку в полевых лагерях. Учебный год продолжался десять с половиной месяцев. На первом и втором курсах были месячные стажировки в войсках: в первый год – в должности командира отделения, во второй – командира взвода⁹⁵².

⁹⁵⁰ Харазия Х.Л. Дорогами мужества. М., 1984. С. 11.

⁹⁵¹ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 19–20.

⁹⁵² Харазия Х.Л. Указ. соч. С. 10.

Анализ деятельности национальных военных школ на конкретном документальном материале показывает, что, несмотря на определенные льготы при поступлении, к курсантам предъявлялись высокие требования. Тех, кто не соответствовал требованиям красного командира по своим физическим, образовательным или морально-психологическим характеристикам, приходилось отсеивать. Например, для Северо-Кавказской кавалерийской школы горских национальностей с первого же набора, состоявшегося в 1924 г., серьезной была проблема высокого отсева курсантов. На стадии приема кандидатам предстояло выдержать целый ряд экзаменов по общеобразовательным предметам и физической подготовке, самыми сложными из которых были математика и русский язык⁹⁵³. Было решено при ежегодных наборах держать сверхкомплект в 60 чел. с учетом большого отсева курсантов в период обучения⁹⁵⁴. Практика подтвердила правильность этой меры. В последующем отсев курсантов оставался стабильно высоким. Так, в 1925 г. было набрано 102 курсанта, а в 1928 г. выпущено из этого набора только 35 курсантов и еще 22 чел. были оставлены на второй год в разных классах. Отсеяно таким образом 45 чел. (44 %). В 1926 г. было набрано 60 курсантов, из которых в 1929 г. выпустились только 12, оставлены на второй год – 15, отсеяно – 33 чел.⁹⁵⁵. В среднем по военным школам РККА процент отсева в связи с неуспеваемостью, состоянием здоровья, политико-моральным причинам также был высок, но не настолько, как в приведенном примере (за 1928–1937 гг. из всех военных школ было отчислено 23,4 % курсантов⁹⁵⁶). В национальных школах большой отсев объяснялся более низкими культурно-образовательными характеристиками курсантов, недостаточным знанием русского языка. По воспоминаниям бывшего курсанта школы, впоследствии генерал-лейтенанта абхаза по национальности

⁹⁵³ Харазия Х.Л. Указ. соч. С. 9–10.

⁹⁵⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 10. Л. 70 об.

⁹⁵⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1155. Л. 40.

⁹⁵⁶ Там же. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 17. Л. 189.

Х.Л. Харазия, занятия отличались большой интенсивностью, плотностью и сложностью курсов. Не все курсанты выдерживали такую нагрузку⁹⁵⁷.

Боевая учеба начальствующего состава продолжалась непрерывно в течение всей службы в национальных частях. Для всех частей Красной армии основными элементами боевой учебы являлись: тактическая, общевойсковая, стрелковая и физическая подготовка. Тактические занятия проводились с начальствующим, курсантским и рядовым составом в течение года по планам боевой подготовки. Они подразделялись на теоретическую учебу и практические действия в поле. С командным составом занятия проводились дифференцированно, по должностным категориям. Средний комсостав и политработников обучали командиры и комиссары батальонов, полков или бригад. Их, в свою очередь, – вышестоящие начальники. Полученные знания проверялись и закреплялись на батальонных, полковых, дивизионных и окружных военных играх и учениях.

О возросших боевых возможностях командного состава национальных воинских формирований свидетельствует самостоятельное проведение ими во второй половине 1920-х гг. крупных военных игр с большим количеством вводных, требовавших достаточно высоких тактических знаний. Например, такая военная игра была проведена в Азербайджанской дивизии с 21 по 28 августа 1928 г.⁹⁵⁸ В 1927 г. в Закавказье прошли учения по противодесантной обороне Черноморского побережья, где каждая национальная дивизия имела свои участки обороны. Аналогичные учения проводились в Среднеазиатском военном округе. Национальный командный состав также активно привлекался и к окружным военным играм. В них нередко участвовал весь руководящий состав до командиров полков включительно. В 1928 г. Реввоенсовет СССР подвел итоги военной подготовки старшего и среднего начальствующего состава. Было отмечено, что в целом в национальных воинских формированиях произошел заметный сдвиг в лучшую

⁹⁵⁷ Харазия Х.Л. Указ. соч. С. 11–15. Следует добавить, что немалая часть лучших выпускников школы (по 10 чел. в 1928 и 1929 гг.) отбиралась в войска ОГПУ. Таким образом, в конницу РККА попадала лишь незначительная часть первоначального набора курсантов.

⁹⁵⁸ РГВА. Ф. 928. Оп. 1. Д. 18. Л. 11.

сторону. К слабым сторонам относились: недостаточное овладение современными типами вооружения, организацией боя, топографией и теорией стрельбы⁹⁵⁹.

Исследованием установлено, что в результате принятого руководством РККА комплекса мер число командных кадров из числа «националов» и соотношение национальностей командных кадров постепенно менялись, численность начсостава нерусской национальности росла. В абсолютных значениях это выразилось в следующих данных. На 1 июля 1926 г. в РККА числились командиры и начальствующий состав 29 национальностей. Подавляющее их большинство (88 %) по-прежнему относилось к трем восточнославянским народам – русским, украинцам и белорусам. Из общего числа 49 018 чел. начальствующего состава числилось: 36 042 русских, 4496 украинцев, 2585 белорусов, 958 евреев, 807 грузин, 798 латышей, 463 армянина, 350 немцев, 281 татарин, 261 эстонец, 260 тюрков (азербайджанцев), 178 литовцев, 59 мордвинов, 24 узбека, 20 осетин, 19 киргизов, 11 лезгин, 8 киргизов-казаков, 7 ингушей, 7 калмыков, 4 чеченца, 4 мегрела, 3 черкеса, 3 аварца, 2 ногайца, 2 кабардинца, 2 абхаза, 1 имеретинец, 1 даргинец⁹⁶⁰.

Анализ выявленной соискателем статистики национального состава начсостава РККА с 1923 по начало 1927 гг. показывает постепенное сокращение удельного веса русских и рост удельного веса командного состава других национальностей. При росте численности украинцев и белорусов общее представительство восточных славян среди начсостава сократилось с 92,6 % до 85,4 %, что в целом соответствовало аналогичному дореволюционному показателю среди офицеров (таблица 20).

Сравнение национального состава начсостава к январю 1927 г. с доступными по переписи РККА на 17 декабря 1926 г. данными о числе курсантов военно-учебных заведений говорит о безусловном приоритете в подготовке нерусских военных кадров. Так, если русских среди начальствующего состава числилось 71,1 %, то среди курсантов – только 61,1 %, зато у украинцев это соотношение

⁹⁵⁹ Назих Э.-Б.Р. Указ. соч. С. 15.

⁹⁶⁰ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 33.

составляло 9,7 % и 15,5 %, у белорусов – 4,6 % и 6,0 %, у армян – 1,1 и 1,8 %, у грузин – 1,5 и 1,8 %, у азербайджанцев – 0,5 и 1,0 %, у татар – 0,7 и 1,1 %⁹⁶¹. Более того, удельный вес русских курсантов в эти годы имел тенденцию к сокращению (с 63,8 % в апреле 1925 г. до 60,1 % в декабре 1927 г.).

Таблица 20. Динамика численности начсостава РККА по национальности в 1923–1927 гг., в процентах⁹⁶²

Го- ды	Национальности							
	русские	украин- цы	белорусы	поляки	евреи	латыши, литовцы, финны, эстонцы	армяне, грузи- ны	прочие
1923	83,2	7,0	2,4	1,7	1,4	2,5	1,6	0,2
1924	78,5	6,5	3,9	1,3	1,7	2,6	2,9	2,6
1925	74,1	8,6	5,6	1,4	1,9	2,8	2,7	2,9
1926	73,5	9,2	5,3	1,4	2,0	2,9	2,6	3,1
1927	71,1	9,7	4,6	1,4	2,1	Н.д.	2,6	6,1

Примечание. По евреям за 1927 г. показан только командный состав.

В начале 1930-х гг. выявленные соискателем тенденции в подготовке национальных кадров начсостава РККА продолжились. Их относительные значения отражены в *таблице 21*. По состоянию на январь 1931 г. списочная численность РККА составляла 607 570 чел., начальствующего состава – 84 531 чел., младшего начальствующего состава – 103 423 чел., курсантов вузов – 27 438 чел.⁹⁶³

Данные *таблицы 21* важны тем, что отражают исторический период строительства Советских Вооруженных Сил, относящийся к пику развития национальных формирований и подготовки национальных военных кадров в межвоенный период. Однако уже в этот период определился закат национального сегмента РККА, связанный с его несовместимостью с развернувшейся *технизацией* и численным развертыванием РККА. В таблице наиболее показательны соотношения *столбцов 3, 5 и 6*, которые демонстрируют соотношение командного состава к ря-

⁹⁶¹ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3. Л. 3.

⁹⁶² Составлено автором по: РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 231. Л. 98; ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3. Л. 3.

⁹⁶³ Там же. Д. 17. Л. 7.

довому по каждой национальности, а также состояние подготовки национальных кадров в военно-учебных заведениях.

Таблица 21. Личный состав РККА по национальности на 1 января 1931 г., в процентах⁹⁶⁴

Национальности	Всего по РККА (без переменного состава вуз)	Начальствующий состав	Младший начальствующий состав	Рядовой состав	Переменный состав военных школ
1	2	3	4	5	6
Русские	64,57	69,47	65,05	63,46	64,92
Украинцы	18,43	11,66	19,55	19,28	18,53
Белорусы	4,94	4,82	5,06	4,94	5,11
Татары	1,33	0,73	1,18	1,73	1,20
Чуваши	0,33	0,16	0,27	0,37	0,26
Мордвины	0,57	0,14	0,44	0,68	0,27
Марийцы	0,09	0,02	0,07	0,12	0,03
Удмурты	0,13	0,01	0,11	0,16	0,01
Коми (Зыряне)	0,15	0,05	0,17	0,17	0,08
Башкиры	0,17	0,05	0,14	0,20	0,27
Евреи	2,17	4,19	1,99	1,81	2,82
Армяне	1,15	1,05	1,12	1,17	1,09
Грузины	1,23	1,41	1,27	1,19	1,08
Азербайджанцы	0,45	0,47	0,39	0,46	0,43
Казахи	0,15	0,06	0,13	0,17	Н.д.
Узбеки	0,35	0,15	0,23	0,42	0,23
Таджики	0,06	0,02	0,04	0,07	0,04
Туркмены	0,18	0,06	0,14	0,21	0,14
Эстонцы	0,15	0,55	0,10	0,08	0,18
Латыши	0,25	1,19	0,14	0,09	0,27
Карелы	0,15	0,11	0,12	0,16	0,09
Немцы	0,68	0,57	0,54	0,73	0,31
Поляки	0,74	1,28	0,65	0,65	0,97
Осетины	0,14	0,10	0,11	0,16	0,31
Горцы Северного Кавказа	0,15	0,05	0,07	0,19	Н.д.
Другие	1,29	1,61	0,90	1,32	1,36

Анализ этих данных показывает, что по значительному количеству национальностей, активно вовлеченных в процесс строительства нацчастей (белорусы, армяне, грузины, азербайджанские тюрки, карелы, осетины), был достигнут пари-

⁹⁶⁴ Подсчитано и составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 7–117.

тет между этими тремя показателями. Еще у целого ряда народов (украинцы, татары, чувашаи, башкиры, узбеки, туркмены) достижение паритета ожидалось в ближайшие годы. В пользу этого тезиса свидетельствует то, что, несмотря на отставание относительных значений численности начальствующего состава к рядовому, оно компенсировалось опережающим к рядовому составу темпом подготовки военных кадров в военных школах. У ряда так называемых «европейских» народов (эстонцы, латыши, немцы, поляки, а также евреи) в силу традиций показатели *столбцов 3 и 6* превышали показатели *столбца 5*. Также таблица демонстрирует высокий удельный вес русского командного состава, хотя удельный вес русских курсантов вузов уже сбалансировался и соответствовал общему удельному весу русских в армии. Следует отметить, что для всех перечисленных этнических категорий показатели *столбца 4* (младший начальствующий состав) также стремятся к балансу с рядовым составом, причем младших командиров у большинства этносов, как правило, было относительно больше, чем средних и старших (*столбец 3*), что несколько уравнивало дисбаланс *столбцов 3 и 5*.

Эффективной балансировке всех составов (начальствующего, младшего начальствующего, рядового, а также переменного состава вузов) способствовала стабильность штатной и списочной численности РККА. В начале 1930-х гг. численность РККА в целом поддерживалась в рамках лимита, установленного еще после окончания Гражданской войны. Рост численности Красной армии происходил медленно и составил за 10 лет лишь 11,7 %.

В 1930-х гг. в связи с развернувшейся *технизацией* РККА, совершенствованием организации и тактики войск постоянно усложнялись программы обучения, возрастали требования к кандидатам в военные школы. Еще в 1930 г. для поступления в национальную школу на пехотное или кавалерийское отделение достаточно было знания лишь азов русской и родной грамоты, математики, обществознания, географии и природоведения и затем курсант получал недостающие знания по общеобразовательным предметам в период учебы на подготовительном

курсе⁹⁶⁵. С начала 1930-х гг. общеобразовательный уровень кандидатов стал быстро расти. Если в 1932 г. в целом по всем военным школам только 22,3 % из них имели законченное среднее образование, то в 1934 г. уже 77 % имели образование не ниже семилетней школы⁹⁶⁶. А в 1936 г. нарком обороны потребовал во все прекратить прием в школы лиц с образованием ниже 7 классов⁹⁶⁷. С 1934 г. в военных школах было введено обучение иностранным языкам. С 1935 г. большинство из них перешли на 3,5-летнее обучение⁹⁶⁸. 16 марта 1937 г. приказом НКО № 36 сухопутные военные школы были переименованы в училища. По сравнению с 1920-ми гг. существенно вырос престиж военной специальности. Например, в 1936 г. отмечалось почти десятикратное превышение числа поданных абитуриентами заявлений над штатным количеством мест в военных школах⁹⁶⁹. Масштабы подготовки командного состава непрерывно росли: за 1930-е гг. сеть военных школ (училищ) выросла в несколько раз.

Структура военного образования перестраивалась под требования дня, что не могло не сказываться на национальных школах. Так, в течение 1930-х гг. неуклонно сокращалось число пехотных и кавалерийских школ, среди которых было несколько национальных. Если в 1926 г. в РККА было 26 пехотных школ и 5 кавалерийских, то в 1935 г. оставалось 15 пехотных школ и 1 кавалерийская⁹⁷⁰. Удельный вес пехотинцев и кавалеристов, готовившихся военными школами за этот период, сократился более чем вдвое (с 60,5 % в 1927 г. до 25,5 % в 1935 г.)⁹⁷¹. Под сокращения в 1933 г. попала Украинская кавалерийская школа, в 1934 г. – Северо-Кавказская кавалерийская школа горских национальностей, в 1935 г. реорганизации подверглись Закавказская пехотная и Татаро-Башкирская объединенная школы и т.д.⁹⁷² На этом фоне военное образование все более унифицировалось. Во второй половине 1930-х гг. национальные военные школы (с 1937 г. –

⁹⁶⁵ Красная Татария. 1930. 3 апреля.

⁹⁶⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 51. Л. 444–451.

⁹⁶⁷ Там же. Л. 194–197.

⁹⁶⁸ Там же. Ф. 40442. Оп. 3а. Д. 17. Л. 189.

⁹⁶⁹ Там же.

⁹⁷⁰ ЦАМО. Ф. 54. Оп. 12301. Д. 1. Л. 1.

⁹⁷¹ Там же. Л. 17.

⁹⁷² Там же. Л. 127–129.

училища) фактически утратили свой национальный статус, принимая на обучение граждан всех национальностей.

К началу 1938 г. в составе РККА насчитывалось 10 военных училищ, в которых обучался значительный по численности национальный контингент (Киевское пехотное, Одесское артиллерийское, 1-е и 2-е Киевские артиллерийские, Одесское пехотное, Киевское военное училище связи, Сумское артиллерийское, Бакинское пехотное, Тбилисское и Ташкентское военные училища)⁹⁷³. Все эти училища дислоцировались в союзных республиках (Украинская, Азербайджанская, Грузинская, Узбекская ССР), но ни одно из них уже не носило в своем наименовании этнонима, а назывались по городу, в котором оно располагалось.

В быстро растущей в 1930-х гг. организационно и численно Красной армии сами рамки национальных формирований становились тесными для перспективных командиров-«националов», для которых служебное продвижение вне своей части было затруднено. Так, в 1938 г. комиссия Генштаба РККА, работавшая в Отдельной кавалерийской бригаде горских национальностей Северного Кавказа (развернута в 1936 г. на базе Нацкавполка горских национальностей Северного Кавказа), выявила «явное занижение состава бригады в военных званиях и служебном использовании». Например, 6 старших лейтенантов имели стаж службы в РККА с 1924–1925 гг., 12 лейтенантов – с 1929–1930 гг., 21 лейтенант – с 1931–1932 гг. Из-за узости штата эти командиры по многу лет «перехаживали» в своих званиях и должностях, не имея карьерных перспектив⁹⁷⁴. С другой стороны, хорошо подготовленные командиры нерусской национальности из *номерных* частей, как правило, не желали переходить для продолжения службы в нацчасти, мотивируя это тем, что «в русской части у них больше перспектив для продвижения»⁹⁷⁵.

Формальную черту под планомерной подготовкой национальных командно-начальствующих кадров в предвоенный период подвело перераспределение кур-

⁹⁷³ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 46.

⁹⁷⁴ Там же. Л. 96.

⁹⁷⁵ Левин. Политическая работа в национальных частях (По опыту Приволжского военного округа) // Военный вестник. 1929. 28 декабря. С. 26.

сантского состава нерусских национальностей десяти перечисленных выше военных училищ, компактно готовивших национальные кадры. Это произошло в рамках реализации совместного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О национальных частях и формированиях РККА» от 7 марта 1938 г., санкционировавшего расформирование национальных частей. 16 апреля 1938 г. по прямому распоряжению наркома обороны Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова курсантский состав нерусской национальности «без особого приказа и шумихи, в порядке перераспределения» был переведен для продолжения обучения в другие училища⁹⁷⁶. В рамках реализации этого же постановления командно-начальствующий состав переформируемых национальных соединений подлежал обязательному «рассредоточению», которое выразилось в принудительном переводе для продолжения службы в другие военные округа⁹⁷⁷. Замена национальных кадров составила суть реорганизации национальных частей, поскольку штатной структуры частей она не затрагивала. Таким образом, за три года до начала Великой Отечественной войны национальный командно-начальствующий состав целенаправленно был «растворен» в господствующей в РККА русской культурно-языковой среде.

Исследование национальных процессов в РККА показало, что окончательный отказ от специализированной подготовки и использования национальных командно-начальствующих кадров в 1938 г. произошел в общем контексте мероприятий по упразднению национальных формирований и перехода к экстерриториальному комплектованию РККА. В основе этих мероприятий лежало озвученное в постановлении от 7 марта 1938 г. представление руководства страны и Красной армии о достижении выравнивания культурного уровня граждан всех национальностей, подлежавших мобилизации, в связи с чем отпала необходимость в особой организации национальных контингентов (национальных воинских формирований) и подготовки для руководства ими национальных командно-начальствующих кадров. Целенаправленное рассредоточение командного состава и

⁹⁷⁶ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 46

⁹⁷⁷ Там же. Л. 9–11.

курсантов нерусской национальности, осуществленное в первой половине 1938 г., преследовало цель ускорить его адаптацию к условиям службы вне своего региона. В дальнейшем подготовка военных кадров велась без различия национальностей в военно-учебных заведениях всех типов: академиях, курсах усовершенствования, военных училищах, краткосрочных курсах младших лейтенантов. Учебный процесс повсеместно осуществлялся только на русском языке. По распоряжению наркома обороны в училищах, дислоцированных в союзных республиках, норма курсантов местных национальностей теперь не должна была превышать 7–10%⁹⁷⁸.

В последние предвоенные годы сеть военно-учебных заведений и их штатная емкость продолжали быстро расти, удовлетворяя потребности столь же быстро растущей Красной армии. Если в 1937 г. насчитывалось 49 военных училищ сухопутных войск со штатной численностью курсантов 36,1 тыс. чел.⁹⁷⁹, то к началу войны командно-начальствующие кадры для армии готовили 19 академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, 203 военных училища и 68 курсов усовершенствования, в которых обучалось свыше 300 тыс. чел. Создан был запас командного и начальствующего состава. Количество выпущенных всеми типами военно-учебных заведений лиц комначсостава за неполный 1941 г. превысило показатели 1937 г. в 20 раз (с 2185 чел. до 43 445 чел.)⁹⁸⁰. Запас комначсостава вырос в 1940 г. по сравнению с 1937 г. более чем в 6 раз⁹⁸¹.

В 1938 – первой половине 1941 г. мероприятия военного ведомства по подготовке и накоплению кадра комначсостава в значительно меньшей степени учитывали национальный фактор, чем раньше. В основном этот учет был связан с ограничительной политикой в отношении представителей ряда этносов. В предвоенный период был запрещен прием в военные училища уроженцев вновь присоединенных к СССР западных регионов: Западной Украины и Западной Белорус-

⁹⁷⁸ РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 47.

⁹⁷⁹ *Комал Ф.Б.* Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 25.

⁹⁸⁰ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 27. Л. 31–32.

⁹⁸¹ Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1963. С. 10.

сии, Бессарабии, Северной Буковины, Латвии, Литвы, Эстонии⁹⁸².

Сворачивание квотированного набора нерусских граждан в военные училища шло на фоне быстрого численного роста РККА и стало причиной растущей разбалансировки национального представительства между тремя категориями военнослужащих – командно-начальствующим, рядовым и курсантским составами.

Особенно наглядно этот тезис иллюстрируется данными *таблицы 22* (см. **приложение 4**), в которой представлено удельное представительство четырех самых многочисленных в РККА этносов – русских, украинцев, белорусов и евреев – в сравнении с остальными народами СССР в течение 15 лет. Материалы таблицы свидетельствуют о том, что максимально сбалансированными между собой удельные значения командно-начальствующего, рядового и курсантского составов у этой совокупной категории военнослужащих оказались к 1931 г., когда развитие национальных формирований и национальных военных школ достигло максимума (*строка 6*). В дальнейшем удельный вес рядового состава в этой категории военнослужащих рос, а командного и курсантского – сокращался, достигнув к 1941 г. трехкратной разницы. У четырех доминирующих в РККА этносов (русских, украинцев, белорусов, евреев) росла доля командного состава и курсантов, в то время как у остальных народов – доля рядового состава (*столбцы 1–3 и 10–12*).

Преимущество трех восточнославянских этносов и евреев в служебном росте по отношению к другим советским этносам диссертант объясняет наличием общей платформы, тесно их объединявшей – русского языка – и готовности трех этносов (за исключением, собственно, русских) к максимальной русификации. Этот феномен этнополитического «компаньонства» с русскими и наличия в советской армии «глубоко русифицированной национальной среды», отмечался в западной историографии еще в 1970-е гг., в частности, Т. Раковски-Хармстоун и Э. Каррер д'Анкосс⁹⁸³. Правда, исследователи того периода не обладали сколько-нибудь серьезной эмпирической базой для развития этого тезиса. Издавшая в

⁹⁸² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 38. Л. 2–3.

⁹⁸³ *Rakowska-Harmstone T.* Red Army as an Instrument of National Integration. Carlisle Barracks, 1978. P. 22; *Kapper d'Анкосс Э.* Расколота империя: Национальный бунт в СССР. Лондон, 1982. С. 201–202.

1979 г. труд, посвященный национальным проблемам в СССР, французская исследовательница Э. Каррер д'Анкосс достаточно точно определила место русского языка в Советских Вооруженных Силах как универсального инструмента «переваривания» разных культур в армейском коллективе. С другой стороны, русский язык и сопутствующие его носителю культурно-образовательные преимущества, объективно ранжировали военнослужащих, ограничивая служебный рост менее адаптированных к русской культурно-языковой среде «инородцев». Поэтому последние представлены среди рядового состава шире, чем среди офицерского, а среди офицерского состава, в свою очередь, доля русских возрастала по мере повышения воинских званий военнослужащих⁹⁸⁴.

Оценить национальный состав кадра командного и начальствующего состава РККА перед войной в абсолютных и относительных значениях позволяют *таблицы 23 и 24*, составленные соискателем по материалам Организационного управления Генерального штаба РККА. На 1 января 1941 г. Красная армия насчитывала по списку 3 866 760 чел., из которых лиц командного и начальствующего состава – 513 768 чел., младшего начальствующего состава – 575 473 чел., рядового состава – 2 517 321 чел., слушателей академий – 26 260 чел., курсантов военных училищ и курсов младших лейтенантов – 233 938 чел.⁹⁸⁵

Таблицы 23 и 24 подводят итог межвоенному этапу подготовки кадров РККА в национальном разрезе. Они отражают состояние Красной армии предмобилизационного периода, когда численность армии за счет внеочередных призывов и задержек демобилизаций была доведена почти до 4 млн чел. Как показал предыдущий анализ, предвоенный прирост численности личного состава РККА был обеспечен за счет усиления мобилизационной нагрузки на все советские народы. Но распределение этой нагрузки было крайне неравномерным: как видно из приведенных данных, подготовка командного состава этих национальностей заметно отставала. Для тюркоязычных и финно-угорских народов, бурятов, а также жителей Закавказья разрыв между удельным весом командного и рядового со-

⁹⁸⁴ Каррер д'Анкосс Э. Указ. соч. С. 200–202.

⁹⁸⁵ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21.

става (столбцы 2 и 6) по сравнению с 1931 г. (см. таблицу 21) вырос в 2–3 раза, а для народов Средней Азии – в десятки раз.

Таблица 23. Списочная численность начальствующего состава РККА по национальностям на 1.1.1941 г., чел.⁹⁸⁶

Национальность	Командный состав	Начальствующий состав						Итого командно-начальствующего состава	Слушатели академий	Курсанты военных училищ и курсов мл. лейтенантов
		Военно-политический	Военно-технический	Военно-хозяйственный и админ.	Военно-медицинский	Военно-ветеринарный	Военно-юридический			
Русские	179635	40765	60359	36338	11930	2883	1004	329914	18136	143722
Украинцы	63582	11824	17185	11490	3856	1001	269	109207	4176	53839
Белорусы	13553	2112	3262	2555	943	279	106	22810	958	11224
Татары	2740	634	538	355	161	42	9	4479	190	2819
Чуваши	967	229	211	207	103	19	9	1745	120	1405
Мордвины	970	252	259	146	68	20	6	1721	79	1187
Марийцы	221	36	45	83	29	2	4	420	22	275
Удмурты	263	50	50	87	27	5	2	484	31	481
Коми	319	88	91	82	25	4	1	610	25	325
Башкиры	494	108	79	52	28	6	1	768	21	420
Буряты	107	34	41	48	6	1	-	237	17	138
Евреи	6515	3377	3385	2320	2449	113	173	18332	1915	7251
Армяне	1874	422	554	394	274	39	18	3577	177	1765
Грузины	1831	285	276	287	261	25	8	2973	63	1156
Азербайджанцы	458	104	69	52	128	7	5	823	24	387
Казахи	362	80	50	53	35	6	2	588	20	1112
Узбеки	177	36	20	27	45	1	1	307	9	520
Киргизы	29	6	1	1	1	1	-	39	3	96
Таджики	51	2	4	3	10	-	-	70	-	101
Туркмены	69	9	3	10	2	-	-	90	3	71
Калмыки	59	14	5	15	3	4	-	100	1	60
Молдаване	237	56	53	33	6	2	-	387	13	288
Эстонцы	1552	35	170	289	64	20	1	2131	6	88
Латыши и латгальцы	1712	30	178	242	79	28	1	2270	9	598
Литовцы	1343	16	111	187	67	26	2	1752	2	412
Финны	123	32	29	46	13	-	1	244	1	27
Карелы	194	73	39	63	17	4	1	391	11	242
Немцы	290	16	66	44	27	8	1	451	16	260
Греки	164	37	45	23	17	1	-	287	12	112
Персы	-	1	4	1	1	-	-	7	-	5
Корейцы	14	2	3	1	1	-	-	21	1	14
Китайцы	-	4	-	2	-	-	-	6	2	1
Поляки	607	35	136	108	45	3	2	931	32	168
Болгары	81	19	20	12	4	2	1	139	10	39
Румыны	7		2		1			10	1	4
Осетины	807	138	135	58	58	5	4	1205	72	1319
Кабардинцы и балкарцы	88	23	7	7	4	1	-	130	5	98
Чеченцы и ингуши	57	10	5	7	5	-	-	84	2	70
Народности Дагестана	201	35	19	28	27	3	2	315	16	426
Другие	432	71	90	47	51	3	3	697	58	1204
ВСЕГО	282193	61100	87602	55798	20872	4566	1637	513768	26260	233938

⁹⁸⁶ Составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21.

Таблица 24. Относительная численность личного состава РККА по национальности на 1.1.1941 г.⁹⁸⁷

Национальность	Всего начсостава	Слушателей академий	Курсантов военных училищ и курсов мл. л-тов	Младшего начсостава	Рядового состава
1	2	3	4	5	6
Русские	64,21	69,06	61,44	62,75	53,34
Украинцы	21,26	15,9	23,01	21,44	19,56
Белорусы	4,44	3,65	4,8	4,29	4,34
Евреи	3,57	7,29	3,1	1,58	1,54
Первые четыре национальности	93,48	95,9	92,35	90,06	78,78
Татары	0,87	0,72	1,21	1,42	2,35
Чуваши	0,34	0,46	0,6	0,77	0,91
Мордвины	0,33	0,3	0,51	0,57	0,81
Марийцы	0,08	0,08	0,12	0,21	0,28
Удмурты	0,09	0,12	0,21	0,25	0,32
Коми	0,12	0,1	0,14	0,21	0,23
Башкиры	0,15	0,08	0,18	0,33	0,46
Буряты	0,05	0,06	0,06	0,08	0,11
Армяне	0,7	0,67	0,75	0,92	1,25
Грузины	0,58	0,24	0,49	0,86	1,64
Азербайджанцы	0,16	0,09	0,17	0,37	1,45
Казахи	0,11	0,08	0,48	0,8	2,17
Узбеки	0,06	0,03	0,22	0,52	3,38
Киргизы	0,01	0,01	0,04	0,1	0,56
Таджики	0,01	0	0,04	0,11	0,64
Туркмены	0,02	0,01	0,03	0,09	0,45
Калмыки	0,02	0	0,03	0,05	0,09
Молдаване	0,08	0,05	0,12	0,1	0,18
Эстонцы	0,41	0,02	0,04	0,2	0,28
Латыши и латгальцы	0,44	0,03	0,26	0,37	0,37
Литовцы	0,34	0,01	0,18	0,33	0,44
Осетины	0,23	0,27	0,56	0,19	0,12
Кабардинцы и балкарцы	0,03	0,02	0,04	0,06	0,12
Чеченцы и ингуши	0,02	0,01	0,03	0,04	0,18
Народности Дагестана	0,06	0,06	0,18	0,15	0,41
Другие	0,62	0,55	0,89	0,76	1,9

Опережающий прирост численности командно-начальствующего состава относительно рядового состава отмечен только у семи этносов – русских, украин-

⁹⁸⁷ Составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21.

цев, белорусов, евреев, осетин, эстонцев и латышей (в таблице 24 выделено полужирным шрифтом). Совершенно не случайно большинство перечисленных народов относилось к лидерам по числу лиц мужского пола, обладавших средним и высшим образованием⁹⁸⁸. Именно из этой категории населения перед войной рекрутировалась образованная молодежь для военных училищ, составляя подавляющую массу курсантов.

Требования к социальным и образовательным характеристикам кандидатов в военные училища в предвоенный период были наиболее жесткими. Кандидаты проходили двойной отбор – в районных военкоматах или в воинских частях (если кандидат был военнослужащим), а затем держали экзамен в самом училище. Партийно-комсомольская прослойка курсантского состава училищ должна была составлять не менее 70 %⁹⁸⁹. Значительное число слушателей и курсантов рекрутировалось из тех этносов, которые были наилучшим образом встроены в русскоязычную культурно-социальную среду, имели хорошую образовательную базу. И напротив, представительство в военно-учебных заведениях культурно отстающих народов значительно сократилось, квотирование мест для них было отменено.

Образовавшийся разрыв между командно-начальствующим и рядовым составами нерусской национальности накануне войны ликвидировать не удалось. Во многих западных военных округах дисбаланс к 1940 г. он стал очень значительным. Например, в Прибалтийском особом военном округе на 35 922 красноармейца с Кавказа и из Средней Азии насчитывалось лишь 18 командиров казахской национальности, 1 киргиз, 4 таджика, 13 узбеков, 26 азербайджанцев, 109 грузин и 153 армянина. В Ленинградском военном округе на 41 717 уроженцев Кавказа и Средней Азии имелось 2 командира-казаха, 3 узбека, 3 азербайджанца, 11 грузин, 41 армянин. Аналогичная ситуация складывалась и в других

⁹⁸⁸ Число мужчин с законченным средним образованием превышало 100 чел. на 1000 жителей у девяти народов СССР: украинцев, евреев, грузин, армян, эстонцев, латышей, литовцев, осетин, поляков. Русские занимали десятое место, имея 90,2 чел. со средним образованием на 1000 чел. Среднее число по стране составляло 88,7 чел. на 1000 чел.

⁹⁸⁹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 38. Л. 20–21.

приграничных западных военных округах (Западном особом, Киевском особом, Одесском)⁹⁹⁰.

Более того, никаких специальных организационных мер в связи с возникшим дисбалансом национальностей в предвоенный период не предпринималось. Ведь сосредоточение красноармейцев одной национальности в одной воинской части и подбор им командиров той же национальности означал бы не что иное, как возврат к национальным формированиям, совсем недавно реорганизованным и считавшимся изжившими себя. Единственным шагом в этом направлении, предпринятом в самом низовом звене армейского руководства, можно считать то, что с объявлением очередного осеннего призыва 1940 г. наркомом обороны Маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко в полковых школах была определена квота в 3–4 % для нерусских военнослужащих для подготовки младших командиров⁹⁹¹. Но в целом диссертантом не выявлено никаких специальных мероприятий по перераспределению командиров и политработников-«националов» в воинские части с большим количеством нерусских красноармейцев. Также в предвоенный период не было предпринято попытки оценить количество и качество комначсостава, владеющего языками народов СССР. Об этом можно судить по тому, что, когда на рубеже 1940–1941 гг. во всех военных округах прошел полный переучет комначсостава запаса (приказ НКО № 0325 от 19 ноября 1940 г.), среди задач этого мероприятия выяснения национальных и языковых характеристик контингента не предусматривалось, в том числе в военных округах, полностью или частично дислоцировавшихся на территории союзных республик (САВО, ЗакВО, ПриВО)⁹⁹². Планировавшиеся на лагерный период 1941 г. (лето–осень) учебные 45–90-дневные учебные сборы комначсостава и приписного состава 108 стрелковых дивизий и других частей и учреждений (всего должно было быть привлечено 975,9 тыс. чел.) также не предусматривали учета национально-языковых особенностей запасных контингентов при комплектовании ча-

⁹⁹⁰ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 123. Л. 3–7.

⁹⁹¹ Там же. Д. 12. Л. 96.

⁹⁹² Там же. Ф. 158. Оп. 12843. Д. 6. Л. 1–12.

стей и военной подготовке⁹⁹³. Таким образом, на рубеже 1930–1940-х гг., с расформированием национальных частей, прекращением специальной подготовки национальных кадров, переходом на экстерриториальное комплектование войск при одновременном многократном увеличении призыва в национальных регионах СССР, возникла острая проблема дисбаланса между рядовым и командно-начальствующим составом нерусской национальности.

Выводы по параграфу 4.1

Исследование показало, что в межвоенный период подготовка национальных кадров командно-начальствующего состава была непосредственно увязана с программой национальных воинских формирований, являлась необходимым условием реализации этой программы. Национальные кадры командно-начальствующего состава готовились именно для укомплектования частей. В то же время представители подавляющего большинства этносов, населявших СССР, могли беспрепятственно поступать в любое военно-учебное заведение и овладеть любой военной специальностью. В этом случае этнокультурные и языковые особенности командира нерусской национальности не принимались в расчет и он проходил обучение, а затем военную службу на общих основаниях.

Анализ показал, что изыскание национальных кадров для укомплектования национальных частей, особенно в первые годы реализации программы национальных формирований, осуществлялось несколькими способами (перевод в национальную часть из других частей, призыв из запаса, мобилизация *военспецов* и др.). Однако безусловно предпочтительным для советской власти с самого начала было воспитание кадров в военно-учебных заведениях. Это стало причиной развертывания широкой сети национальных военных школ, число которых и штатная емкость постепенно были синхронизированы с развитием национальных формирований. Установлено, что наибольшего развития национальное военное образование достигло на рубеже 1920–1930-х гг. Однако, быстрый численный рост Красной армии, переход к массовому призыву и экстерриториальному комплектованию войск во второй половине 1930-х гг. сделали национальные военные учили-

⁹⁹³ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 11569. Д. 333. Л. 12–15.

ща, как и национальные воинские формирования, излишними. В то же время в предвоенный период были воспитаны тысячи национальных командно-начальствующих кадров, проявивших себя затем в годы Великой Отечественной войны.

4.2. Национальные кадры РККА в период Великой Отечественной войны

В период Великой Отечественной войны движение командно-начальствующего (с 1943 г. – офицерского) состава РККА приняло колоссальные масштабы. Согласно обобщающей справке Учетно-статистического управления Главного управления кадров НКО, на 22 июня 1941 г., общая списочная численность кадров комначсостава (без учета политсостава и ВВС) составляла 435 915 чел. За годы войны офицерского состава прибыло: 2 224 884 чел., а убыло – 1 047 676 чел. и к концу войны состояло в рядах РККА – 1 382 115 чел.⁹⁹⁴

Основными источниками пополнения войск командно-начальствующим составом в период Великой Отечественной войны стали: призыв комначсостава запаса (674,2 тыс. чел.), подготовка в военных училищах и приравненных к ним заведениях (702,6 тыс. чел.), а также на окружных, фронтовых, армейских курсах младших лейтенантов (414,8 тыс. чел.), выдвижение из рядового и младшего командно-начальствующего состава (257,4 тыс. чел.⁹⁹⁵), перевод на командную работу из политсостава – (137,8 тыс. чел.), перевод из ВМФ, НКВД, ВВС – 21,5 тыс. чел.⁹⁹⁶

Перечисленные источники использовались в годы войны неравномерно. Комначсостав запаса в основном был исчерпан уже в первые ее месяцы. Только на мобилизационное развертывание Красной армии потребовалось 652,3 тыс. чел.⁹⁹⁷. В последующие периоды войны три четверти потребности в пополнении средним командно-начальствующим составом, в том числе нерусской

⁹⁹⁴ ЦАМО. Ф. 9. Оп. 309. Д. 5. Л. 65.

⁹⁹⁵ Еще 38,1 тыс. чел. младших командиров (сержантов) и рядовых, стоявших на офицерских должностях, выбыло из строя до получения офицерских званий.

⁹⁹⁶ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 89. Л. 50.

⁹⁹⁷ Военные кадры Советского государства... С. 86.

национальности, покрывали выпуски из военных училищ и курсов младших лейтенантов. Наибольшего размаха подготовка средних командиров в училищах и на кратковременных курсах достигла в 1942 г. К этому времени сеть военно-учебных заведений была расширена и перестроена под массовую подготовку кадров. Сроки обучения были предельно сокращены, а учебные программы оптимизированы до необходимого минимума профессиональных знаний. Подготовка курсантов и слушателей шла под девизом: «Учить только тому, что потребуется на войне»⁹⁹⁸. Из-за прогрессирующей нехватки физически здоровой, хорошо образованной молодежи требования к кандидатам, особенно к фронтовикам, в первый период войны были существенно снижены.

С 1943 г. острота в комплектовании войск офицерскими кадрами стала спадать. Этому способствовал коренной перелом в войне и сокращение убыли офицерского состава в результате боевых потерь, а также налаживание системы военно-учебных заведений всех уровней, готовивших командно-начальствующий состав в количестве достаточном не только для покрытия текущих потребностей войск, но и для выделения резерва офицерского состава⁹⁹⁹. Это позволило сократить количество курсантов военных училищ и часть самих училищ, одновременно улучшив качество подготовки кадров: с июня 1943 г. были повышены сроки обучения (в пехотных училищах – до одного года, в других училищах – до двух лет), а с октября 1943 г. изменен порядок комплектования военных училищ курсантами: прием гражданской молодежи призывного возраста резко сократился в пользу красноармейцев и младших командиров, предпочтительно фронтовиков и выздоравливающих из госпиталей. В 1944–1945 гг. происходила планомерная замена преподавателей училищ фронтовиками. К концу войны в основном были восстановлены довоенные сроки обучения, комплектование училищ осуществлялось военнослужащими, в то время как прием гражданской молодежи практически прекратился.

⁹⁹⁸ Военные кадры Советского государства... С. 87–88.

⁹⁹⁹ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Оп. 366. Л. 1–17.

Осуществленное соискателем исследование этнонационального аспекта подготовки и комплектования войск командно-начальствующим (офицерским) составом в годы Великой Отечественной войны потребовало как учета описанных общих тенденций в развитии военных кадров РККА, так и выявления и анализа особенных черт, связанных с реализацией национальной политики государства в подготовке и использовании военных кадров.

Анализ массива документальных данных, связанных с формированием воинских частей и соединений, а также маршевых подразделений в первые месяцы войны, позволяет утверждать, что их комплектование командным и начальствующим составом, призванным из запаса в военных округах, так же как и комплектование военных училищ и курсов переменным составом (курсантами), осуществлялось без учета национально-языковых особенностей. Таким образом, неукоснительно соблюдался довоенный порядок, установленный после упразднения национальных формирований в 1938 г. В этот период военкоматы не вели учета комначсостава запаса по национальностям, а военные училища округа не отражали национальность курсантского состава в сводных отчетных документах. Окружные штабы, в свою очередь, таких сведений не требовали.

Однако негативное влияние национального фактора, проявлявшегося прежде всего в сфере языковой коммуникации в воинском коллективе, определилось уже в период мобилизационного развертывания армии. Если на большей части территории РСФСР, Белоруссии и Украины языковые особенности мобилизуемых контингентов не имели особого значения, то в союзных республиках Закавказья, Средней Азии, ряде национальных автономий РСФСР они скоро привели к серьезным осложнениям из-за возникавшего между командным и рядовым составом языкового барьера. Командирами рот, взводов и отделений в начале войны, как правило, назначали русских и украинцев, поскольку именно они составляли основную массу комначсостава. По образному выражению советского поэта Б.А. Слуцкого, бывшего политработника и сотрудника трибунала, в первый период войны, комплектуемые в Закавказье, Средней Азии воинские подразделения «напоминали войско Чингиза или Тимура – косоглазое, широкоскулое и много-

язычное, а командиры рот – плантаторов и мучеников сразу, надсмотрщиков на строительстве вавилонской башни на другой день после смешения языков»¹⁰⁰⁰.

Решение Государственного Комитета Оборона о масштабном воссоздании национальных формирований, принятое в ноябре 1941 г., являлось, в числе прочего, попыткой решить проблему языковой коммуникации между командным и рядовым составом в воинских частях, куда на укомплектование поступали уроженцы Кавказа и Средней Азии. В короткий период времени было развернуто формирование свыше 50 национальных соединений. Их имманентной чертой являлась этноязыковая монолитность рядового и командно-начальствующего состава. Поэтому подбор командиров стал краеугольным камнем всего процесса формирования национальных формирований и от решения этой задачи в значительной мере зависели их боевые качества.

Анализ документальной базы, предпринятый соискателем, позволяет утверждать, что единой программы укомплектования национальных дивизий и бригад комначсоставом в годы войны принято не было. Государственный Комитет Оборона, объявивший в своем постановлении № 894сс от 13 ноября 1941 г. о сформировании 20 кавалерийских дивизий и 15 стрелковых бригад, возложил эту заботу на военные советы округов (САВО, СКВО, УрВО), которым было предписано: «Начальствующим составом обеспечить *по возможности также из местных национальностей, недостающих пополнить русскими* (выделено мной. – Авт.)»¹⁰⁰¹. Фактически это означало, что полагаться местным органам военного управления нужно было, прежде всего, на собственные ресурсы военных кадров. Несколько позднее аналогичная обязанность была возложена и на Военный совет ЗакВО, который приступил к формированию нацчастей в феврале 1942 г. Отдельно комплектовались комначсоставом прибалтийские соединения.

Приняв за основу действовавшие на рубеже в конце 1941 г. и в первой половине 1942 г. штаты стрелковых и кавалерийских соединений¹⁰⁰², диссертант

¹⁰⁰⁰ Слуцкий Б.А. О других и о себе. С. 120.

¹⁰⁰¹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 85–85 об.

¹⁰⁰² Для стрелковой дивизии – штат 04/750 (командно-начальствующего состава – 963 чел., младшего начальствующего состава – 1811 чел., рядового состава – 8420 чел.); для стрелковой

оценил общую потребность национальных формирований в командно-начальствующем составе в период их формирования (хотя предложенный расчет носит условный характер в силу того, что многие соединения в связи с изменениями штатов переформировывались по нескольку раз¹⁰⁰³). Для установленного соискателем количества национальных формирований, созданных в начальный период войны (19 национальных стрелковых дивизий, 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 национальных стрелковых бригад) требовалось: 33 422 чел. командно-начальствующего состава и 61 164 чел. младших командиров и начальников.

Проблема подбора национальных кадров решалась различными способами: подготовкой командиров в военных училищах и на курсах младших лейтенантов, переводом и взаимообменом командиров и политработников нужных национальностей между частями и учреждениями, призывом комначсостава запаса, выдвижением на командные должности наиболее достойных младших командиров и красноармейцев из числа «националов». Особенно интенсивно эта работа развернулась в 1942 г. Чаще всего подбор необходимого национального состава велся в масштабах одного военного округа (фронта). Усилия высших кадровых органов и органов комплектования РККА выявлены соискателем только в тех случаях, когда изыскание и сосредоточение в местах формирования или в запасных частях лиц нужных национальностей или воинских специальностей требовало координации между войсковыми объединениями (округами и фронтами) или же требовалась подготовка командиров дефицитной специальности, например кавалеристов. Так было в отношении командиров прибалтийских национальностей, а в конце войны – поляков. Командный состав иных национальностей из других войсковых объединений распоряжениями Главного управления кадров РККА не перебрасывал-

бригады – штат 04/330 (командно-начальствующего состава – 407 чел., младшего начальствующего состава – 845 чел., рядового состава – 3138 чел.); для кавалерийской дивизии – штат 06/230 (командно-начальствующего состава – 406 чел., младшего начальствующего состава – 704 чел., рядового состава – 3347 чел.).

¹⁰⁰³ Например, национальные стрелковые бригады, сформированные в САВО по штату 04/601 от 15 октября 1941 г., затем были переформированы еще трижды по штатам: 04/730 от 11 марта 1942 г., 04/230 от 17 апреля 1942 г. и 04/330 от 30 июля 1942 г. (ЦАМО. Ф. 1919. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

ся, хотя в марте 1942 г. такое мероприятие, вероятно, готовилось в отношении армян и грузин. На это указывает то, что все фронты и военные округа подготовили и подали в ГУК РККА именные списки комсостава этих двух национальностей¹⁰⁰⁴.

В системе военно-учебных заведений основная масса национального командного состава готовилась пехотными училищами, как правило имевшими три отделения, готовившими специалистов, наиболее востребованных в пехоте: стрелков, пулеметчиков и минометчиков. Также значительная часть командиров взводов в звании младший лейтенант выпускалась курсами младших лейтенантов и кратковременными курсами, создававшимися специально для национального контингента. Командный состав в звене рота–батальон, а также штабные работники для нацчастей готовились курсами усовершенствования командного состава «Выстрел» и военными академиями (в общем порядке).

Наиболее масштабный характер подготовка национальных кадров приняла в *Закавказье*. В Закавказском военном округе (28 апреля 1942 г. развернут в Закавказский фронт) большинство национальных соединений создавалось путем перегруппировки личного состава по национальностям между уже сформированными или формируемыми дивизиями. По расчету отдела кадров округа, на укомплектование национальных стрелковых дивизий первой очереди (223, 392, 402, 406, 408, 409-я) требовалось 3426 лиц комсостава¹⁰⁰⁵. В ходе формирования дивизий отделом кадров фронта в регулярном режиме составлялись специальные сводки об укомплектованности начсоставом дивизий по национальностям, о наличном и потребном количестве командиров стрелковых рот, взводов и т.п.¹⁰⁰⁶. Перегруппировка не касалась организационно-штатной структуры самих соединений, что упростило и ускорило решение задачи по формированию и сколачиванию подразделений, позволив сформировать национальные дивизии в течение двух недель¹⁰⁰⁷. Перегруппировками командиров и выпуском курсантов из воен-

¹⁰⁰⁴ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11454. Д. 109, 110.

¹⁰⁰⁵ Там же. Ф. 209. Оп. 995. Д. 6. Л. 450.

¹⁰⁰⁶ Там же. Л. 176–182; Д. 7. Л. 1–114.

¹⁰⁰⁷ Там же. Оп. 999. Д. 107. Л. 95.

ных училищ для этих дивизий было изыскано 2603 средних командиров по национальности армян, грузин и азербайджанцев. Однако полностью это не решило кадровой проблемы. Некомплект покрывался за счет славян, которые по мере возможности заменялись «националами»¹⁰⁰⁸. Несмотря на нехватку ресурсов, уже 3 марта 1942 г. ЗакВО приступил к формированию национальных дивизий второй очереди (89, 414, 416, 417, 418, 419-й).

На должности старшего комначсостава активно выдвигались начальники училищ, оперативные работники, комначсостав, состоявший в резерве, и т.д. Например, начальник штаба 41-й кавалерийской бригады подполковник А.С. Саркисян был назначен командиром 89-й армянской стрелковой дивизии, начальник Телавского пехотного училища полковник Г.И. Купарадзе – командиром 406-й грузинской стрелковой дивизии, находившиеся в распоряжении комфронта азербайджанцы полковники В.П. Зюванов и А.-Н.М.-Г. Гусейнов – командирами 223-й и 402-й азербайджанских стрелковых дивизий соответственно и т.д.¹⁰⁰⁹ Результатом этих мер было то, что по состоянию на 1 июня 1942 г. в 30 соединениях, входивших в состав Закавказского фронта, командирами закавказских национальностей были 7 чел., начальниками штабов – 5 чел., комиссарами – 12 чел.¹⁰¹⁰

Наиболее острой была проблема укомплектования национальных дивизий средним командным составом в звеньях взвод – рота – батальон. Для ее решения в Закавказском военном округе (фронте) была развернута система дополнительной подготовки национальных кадров. 10 февраля 1942 г. начальником штаба округа генерал-майором Я.А. Ищенко была утверждена программа подготовки командиров по национальности армян, грузин и азербайджанцев на базе военно-учебных заведений, курсов и запасных частей ЗакВО¹⁰¹¹. При Окружных курсах младших лейтенантов в Тбилиси были сформированы отделения: начальников штабов полков (на 25 чел.), помощников начальников штабов полков и адъютантов батальонов старших (на 125 чел.), командиров батальонов пехоты (на 75 чел.), коман-

¹⁰⁰⁸ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 107. Д. 16. Л. 94.

¹⁰⁰⁹ Там же. Оп. 995. Д. 6. Л. 166.

¹⁰¹⁰ Там же. Л. 371–375.

¹⁰¹¹ Приказание войскам ЗакВО № 01 от 10 февраля 1942 г.

диров рот пехоты (на 155 чел.), командиров взводов пехоты (на 500 чел.) и лейтенантов-специалистов (артиллеристов, минометчиков, саперов, танкистов, связистов) – на 420 чел. При шести пехотных училищах (Бакинском, Буйнакском, Телавском, Сухумском, Тбилисском и Махачкалинском¹⁰¹²) были открыты курсы командиров стрелковых взводов – всего на 1000 чел. При запасных частях сформированы курсы специалистов (кавалеристов, связистов, сапер, интендантов) – всего на 600 чел. Общая емкость всех национальных курсов составила 2900 чел. Они комплектовались прежде всего за счет комсостава запаса, а также рядового состава и младших командиров из числа участников войны. Срок обучения начинался с 20 февраля 1942 г. и был рассчитан на три месяца¹⁰¹³. Курсанты содержались за счет штатной численности национальных соединений, командировавших их на обучение. За счет этого штаты училищ и курсов не увеличивались и обеспечивалась адресная подготовка командиров для конкретных национальных дивизий.

Помимо специальных курсов, в 1942 г. средний командный состав из граждан закавказских национальностей готовился общим порядком в военных училищах и на курсах младших лейтенантов. *Таблица 25*, составленная на основе материалов отдела формирования и комплектования войск Закавказского фронта и отдела кадров Закавказского фронта, отражает национальный состав всех 11 училищ фронта по состоянию на 1 июня 1942 г. В училищах одновременно обучалось от четырех до семи потоков курсантов, первые из которых набраны на рубеже 1941–1942 гг. Это позволило оценить национальный отбор в вузы Закавказского фронта (Закавказского фронта) в течение всего первого полугодия 1942 г., т.е. периода, когда формировались, комплектовались и вводились в бой национальные соединения Закавказского фронта.

Данные *таблицы 25* убедительно свидетельствуют о том, что закавказские этносы не были ограничены в возможности зачисления и обучения в военные училища. По состоянию на 1 июля 1942 г. численность курсантов по националь-

¹⁰¹² С первых месяцев войны приказом наркома обороны, во избежание путаницы, эвакуируемые с постоянных мест дислокации военные училища не меняли своих наименований.

¹⁰¹³ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 108. Л. 40–43.

ности армян, грузин и азербайджанцев составила 9101 чел., а их удельный вес среди курсантского состава составил 38 %.

Таблица 25. Сведения о национальном составе курсантов военных училищ Закавказского фронта по состоянию на 1 июня 1942 г., чел.¹⁰¹⁴

Наименование училища	Дислокация	Количество курсантов	Русских	Украинцев	Белорусов	Армян	Грузин	Азербайджанцев	Евреев	Других
Бакинское зенитной артиллерии	Баку	1641	450	248	8	330	189	162	171	83
Тбилисское артиллерийское	Тбилиси	1601	667	76	30	254	157	56	66	95
1-е Бакинское пехотное	Баку	2382	893	328	14	527	115	340	43	122
2-е Бакинское пехотное	Баку	2502	700	180	14	334	62	640	39	533
3-е Бакинское пехотное	Баку	1982	705	186	16	462	142	260	58	153
Махачкалинское пехотное	Манглиси	2346	821	249	24	295	521	133	39	264
Сухумское пехотное	Сухуми	1646	395	220	11	267	460	56	Н.д.	240
Телавское пехотное	Телави	2402	666	343	22	252	534	167	39	379
1-е Тбилисское пехотное	Тбилиси	2493	561	1067	315	267	1	1	Н.д.	247
2-е Тбилисское пехотное	Тбилиси	2495	837	269	15	613	481	116	36	128
Буйнакское пехотное	Степанакерт	2500	1057	325	19	535	264	114	46	140
Всего курсантов, чел.		23990	7752	3491	488	4136	2926	2045	537	2384
В процентах		100,00	32,31	14,55	2,03	17,24	12,20	8,52	2,24	9,94

Практически такого же уровня к этому времени достиг удельный вес представителей закавказских национальностей среди комначсостава соединений фронта – 37 % (таблица 26). Для сравнения в целом по РККА общий удельный вес военнослужащих трех закавказских национальностей был в 10 раз меньше и составлял на эту дату лишь 3,7 %, а командно-начальствующего состава – еще меньше – 2,4 %¹⁰¹⁵. Приведенные данные позволяют сделать вывод об осуществлении Военным советом Закавказского фронта целенаправленной массовой под-

¹⁰¹⁴ Подсчитано и составлено автором по: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 72. Л. 295, 300, 301, 315, 322, 336, 342, 345, 360, 362.

¹⁰¹⁵ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 194, 199.

готовки и укомплектования воинских частей командным и начальствующим составом закавказских национальностей.

Таблица 26. Сведения о национальности комначсостава соединений Закавказского фронта по состоянию на 5 июля 1942 г., чел.¹⁰¹⁶

Должность	Русские	Украинцы	Белорусы	Грузины	Армяне	Азербайбай-	Другие	Всего по списку
Командиры дивизий и бригад	11	3	1	2	2	2	1	22
Начальники штабов дивизий и бригад	11	3	2	2	2	1	1	22
Командиры полков	33	7	2	8	9	5	3	67
Начальники штабов полков	24	20	3	6	4	2	8	67
Командиры батальонов	76	33	26	20	26	24	8	213
Остальной комсостав:								
пехоты	3038	1205	108	1473	1200	768	746	8538
конницы	110	99	33	40	36	9	37	364
связи	428	119	26	64	77	12	51	777
химслужбы	83	39	4	33	46	7	27	239
Итого командного состава	3814	1528	205	1648	1402	830	882	10309
Итого начальствующего состава	460	185	37	81	210	51	79	1103
Всего комначсостава	4289	1713	242	1729	1612	881	961	11412
В процентах к общему числу	37,6	15,0	2,1	15,2	14,1	7,7	8,4	100

В то же время потребности в комначсоставе национальных соединений, коих на 1 июля 1942 г. в Закавказье насчитывалось 10¹⁰¹⁷, до конца удовлетворены не были: при штатной потребности 963 чел. комначсостава на стрелковую дивизию (по штату 94/750) национальным составом новые соединения были удовлетворены менее чем на половину. Формирование трех дивизий второй очереди (417, 418, 419-й) пришлось отменить из-за кадровых проблем, а их комначсостав обратить на укомплектование существующих дивизий. В наихудшем положении были азербайджанские соединения, в которые удалось подобрать менее трети командиров-азербайджанцев. В связи с этим замены славянского командного состава продолжались и после сформирования национальных дивизий, вплоть до июля 1942 г., когда многие из них отправились на линию фронта. Так, в июне 1942 г. на

¹⁰¹⁶ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 995. Д. 6. Л. 396.

¹⁰¹⁷ 89, 408, 409-я армянские, 223, 402, 416-я азербайджанские, 392, 394, 406, 414-я грузинские.

укомплектование нацформирований была обращена часть выпуска курсантов военных училищ Закавказья (450 армян, 592 грузина, 116 азербайджанцев¹⁰¹⁸). В июне 1942 г. по национальным дивизиям был распределен комначсостав, прибывший в Закавказье после эвакуации Крымского фронта (всего 201 чел.¹⁰¹⁹).

Расширению подготовки среднего комначсостава закавказских национальностей препятствовал недостаток подходящих требованиям кандидатов в военные училища. Уже к началу 1942 г. подбор курсантов из представителей местных национальностей представлял серьезную проблему. В начале апреля 1942 г. военком Грузинской ССР Хвичия¹⁰²⁰ доносил начальнику оргмоботдела штаба ЗакВО, что «ресурсы призывников и военнообязанных запаса, годных для зачисления в училища, в основном использованы и дальнейшем отбор и отправка кандидатов может носить лишь единичный характер», даже «несмотря на сниженность требований к образовательному цензу». Здесь же отмечалось, что основной проблемой сельской призывной молодежи являлось слабое владение русским языком¹⁰²¹. В марте 1942 г. начальник Буйнакского пехотного училища (дислокация – Степанакерт) подполковник Пискунов¹⁰²² докладывал начальнику УВУЗ РККА о невозможности укомплектования училища курсантами из ресурсов Закавказья и просил разрешить комплектовать на Северном Кавказе и в центральных областях РСФСР¹⁰²³. Пискунов информировал, что из обучающихся в училище 1526 курсантов «есть достаточно большой процент недостаточно владеющих русским языком... но в связи с тем, что в училище некомплект, мы вынуждены оставить таковых для обучения»¹⁰²⁴. В первый период войны наиболее качественный контингент отбирался среди молодежи призывного возраста, выгодно отличавшейся от старших возрастов в плане физической формы и общеобразовательного уровня. Однако и этот ресурс был ограничен. Согласно справке начальника Упрформа

¹⁰¹⁸ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 995. Д. 6. Л. 538–540.

¹⁰¹⁹ Там же. Л. 527.

¹⁰²⁰ Инициалы не установлены.

¹⁰²¹ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 995. Д. 6. Л. 30.

¹⁰²² Инициалы не установлены.

¹⁰²³ ЦАМО. Ф. 60023. Оп. 35101. Д. 2. Л. 16.

¹⁰²⁴ Там же.

Закфронта генерал-майора Н.Н. Биязи от 7 сентября 1942 г., по Закавказью в ряды РККА было призвано 28 251 граждан 1924 года рождения, из которых 70 % учились на родном языке. Из их числа удалось отобрать в училища 7500 чел. всех национальностей. Еще 9965 курсантов было набрано из числа призывников 1922–1923 годов рождения. «Таким образом, ресурс призывников исчерпан», – заключал Биязи¹⁰²⁵. Опыт показал, что самый подходящий контингент для комплектования военных училищ представляли собой военнослужащие (красноармейцы и, особенно, младшие командиры), отбираемые представителями училищ из воинских частей. Эта категория кандидатов давала наименьший отсев. Так, если из числа гражданских кандидатов во 2-е Бакинское училище в марте 1942 г. было отсеяно 34,4 % кандидатов, то среди военнослужащих – лишь 0,6 %¹⁰²⁶. Однако в 1941–1942 гг. этот источник пополнения использовался редко из опасения ослабить боеспособность воинских частей.

Специфика подбора курсантов в национальных регионах состояла в том, что часто приходилось отказываться от физически вполне здоровых молодых людей с законченным средним и даже высшим образованием, комсомольцев, но *не владевших русским языком* даже в минимальном объеме, вследствие чего они не могли усваивать учебную программу, преподававшуюся исключительно на русском языке¹⁰²⁷. Так, среди отсеянных весной 1942 г. приемной комиссией 2-го Бакинского пехотного училища кандидатов, 222 чел. имели высшее образование, а 151 чел. из них были по специальности педагогами¹⁰²⁸. О вынужденном массовом отсеивании кандидатов с высшим образованием сообщал и начальник Буйнакского пехотного училища¹⁰²⁹. Начальник Краснодарского пулеметно-минометного училища (дислокация – Ереван) комбриг А.И. Коновалов сообщал в Упразформ Закфронта об обстоятельствах укомплектования училища курсантами: «Поступавшие кандидаты Армянской, Азербайджанской, Грузинской ССР, ЧИАССР –

¹⁰²⁵ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 45. Л. 142.

¹⁰²⁶ Там же. Ф. 60010. Оп. 35017. Д. 1. Л. 15.

¹⁰²⁷ Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 72. Л. 23–25.

¹⁰²⁸ Там же. Ф. 60010. Оп. 35017. Д. 1. Л. 73.

¹⁰²⁹ Там же. Ф. 60023. Оп. 35101. Д. 2. Л. 16.

слабо владевшие ли не владевшие русским языком, в результате чего мною было отсеяно много кандидатов». В результате отсева в училище образовался комплект в 210 курсантов¹⁰³⁰.

Ввиду недобора курсантов сразу отказывали, как правило, только совершенно не владевшим русским языком кандидатам, а владевших слабо нередко зачисляли на курс в расчете на то, что обучить русскому языку их удастся в процессе учебы¹⁰³¹. В некоторых училищах в инициативном порядке открывались дополнительные языковые курсы. Значительная часть таких курсантов отчислялась уже в ходе учебы в связи с низкой успеваемостью. Сведения о массовом отчислении курсантов встречаются в документах в течение всего 1942 г., из-за чего во многих училищах образовывалась большая текучесть переменного состава, нарушавшая нормальный учебный процесс¹⁰³². Так, из Телавского пехотного училища с 1 июня по 5 июля 1942 г. было отчислено 365 курсантов, по тем или иным причинам не соответствовавших требованиям учебы в военном училище; значительная часть отчислялась в связи с незнанием русского языка¹⁰³³. Чтобы улучшить качество курсантского состава, в практику вошло командирование начальниками училищ своих ответственных представителей непосредственно в военкоматы для отбора кандидатов. Это давало возможность отсеивать неподходящих кандидатов на месте. Например, в феврале 1942 г. представители Буйнакского пехотного училища в военкоматах Армении из 550 предложенных кандидатур отобрали только 102 чел.¹⁰³⁴ 28 мая 1942 г. обязанность выезда в военкоматы представителей училищ для отбора кандидатов была закреплена директивой начальника штаба Закавказского фронта генерал-майора А.И. Субботина¹⁰³⁵.

30 июля и 3 августа 1942 г. были изданы два приказа командующего войсками Закавказского фронта генерала армии И.В. Тюленева, потребовавшего коренного улучшения работы комиссий училищ и военкоматов при отборе канди-

¹⁰³⁰ ЦАМО. Ф. 54. Оп. 12301. Д. 221. Л. 12.

¹⁰³¹ Там же. Ф. 60023. Оп. 35101. Д. 2. Л. 16.

¹⁰³² Там же.

¹⁰³³ Там же. Ф. 60086. Оп. 35168. Д. 18. Л. 70–97.

¹⁰³⁴ Там же. Ф. 60023. Оп. 35101. Д. 2. Л. 9.

¹⁰³⁵ Там же. Л. 59.

датов. Также были уточнены социально-демографические параметры самих кандидатов (возраст – до 35 лет, хорошее владение русским языком, образование – не ниже 8 классов)¹⁰³⁶.

Как следует из *таблицы 27*, несмотря на большой отсев кандидатов и курсантов кавказских национальностей, удельный вес выпускников вузов Закавказья среди них по итогам 1942 г. составил 34,2 % (7892 лейтенанта и младших лейтенанта¹⁰³⁷).

Таблица 27. Справка о количестве командно-начальствующего состава, выпущенного военными училищами и курсами Закавказского фронта в 1942 и 1943 гг., чел.¹⁰³⁸

	Год	По училищам	По курсам младших лейтенантов	По курсам «Выстрел»	Всего
Грузин	1942	2191	691	117	2999
	1943	373	121	104	598
	Всего	2564	912	221	3697
Армян	1942	2716	709	135	3560
	1943	571	112	140	823
	Всего	3287	821	275	4383
Азербайджанцев	1942	970	366	27	1363
	1943	176	108	42	326
	Всего	1146	474	69	1689
Всего закавказских национальностей	1942	5877	1766	249	7892
	1943	1120	341	286	1747
	Всего	6997	2207	565	9639
Остальных	1942	11965	2436	799	15200
	1943	6334	383	2424	9141
	Всего	18299	2819	3223	24341
Всего	1942	17842	4202	1078	23122
	1943	7454	724	2710	10888
	Всего	25292	4926	3788	34006

¹⁰³⁶ ЦАМО. Ф. 60010. Оп. 35017. Д. 1. Л. 104–105, 125.

¹⁰³⁷ Окончившим курс с общей оценкой «отлично» и «хорошо» присваивалось воинское звание лейтенанта, а «посредственно» – младшего лейтенанта.

¹⁰³⁸ Подсчитано и составлено автором по: ЦАМО. 209. Оп. 995. Д. 246. Л. 23.

В последующие годы войны интенсивность подготовки офицеров закавказских национальностей стала сокращаться, что отражало общую тенденцию сокращения внимания к закавказским национальным формированиям после изгнания врага к февралю 1943 г. с большей части территории региона. Уже к апрелю 1943 г. курсанты закавказских национальностей составляли 23,5 % от общего числа обучающихся (2115 из 9146 курсантов), и в дальнейшем их число лишь сокращалось. По итогам 1943 г. выпуск курсантов местных национальностей составил лишь 16 % (1747 чел.) от общего числа молодых офицеров.

В мае 1944 г. в четырех оставшихся в Закавказском фронте военных училищах (Махачкалинском, Буйнакском, Грозненском пехотных и Краснодарском пулеметно-минометном), а также на фронтовых курсах «Выстрел» и курсах младших лейтенантов обучалось 5031 чел., 1801 чел. (35,8 %) представляли закавказские национальности¹⁰³⁹. Таким образом, в удельных значениях масштабы подготовки офицеров закавказских национальностей вернулись к уровню 1942 г., однако в абсолютных – многократно им уступали.

Усилия по подготовке национальных военных кадров предпринимались командованием Закавказского фронта до самого конца войны. Причиной этому было то, что целый ряд стрелковых дивизий фронта считались национальными (349-я и 406-я – грузинскими, 402-я – азербайджанской, 296-я – армянской), хотя официально статус национальных носили только 402-я и 406-я дивизии. В декабре 1944 г. Военный совет фронта издал специальное постановление, в котором отмечал, что «новые офицерские кадры для национальных частей готовятся в недостаточном количестве, а также имеет место медленное продвижение некоторой части офицеров местных национальностей по службе, особенно в специальных подразделениях и частях». Он потребовал от отдела кадров фронта проработать мероприятия «по усилению укомплектования национальных частей офицерами соответствующих национальностей и подготовке необходимого количества национальных кадров через училища и курсы фронта»¹⁰⁴⁰.

¹⁰³⁹ Подсчитано по: ЦАМО. 209. Оп. 995. Д. 246. Л. 172.

¹⁰⁴⁰ Там же. Д. 75. Л. 59.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны командование Закавказского военного округа (фронта) предприняло серьезные усилия по изысканию и дополнительной подготовке военных кадров для укомплектования многочисленных национальных соединений. Особенно интенсивными эти усилия были в 1942 г., когда кадры готовились как в общем порядке (в штатных местах в училищах), так и в особом – на разного рода специальных курсах.

В *Среднеазиатском военном округе* накануне войны запас командно-начальствующего состава местных национальностей в округе был крайне незначителен. На 1 июня 1941 г. в САВО насчитывалось командиров запаса по национальности: казахов – 280 чел., узбеков – 248 чел., киргизов – 27 чел., туркмен – 90 чел., таджиков – 48 чел. В общей сложности представители этих пяти национальностей составляли лишь 7,7 % от запаса командного состава округа¹⁰⁴¹. Большинство национальных командных кадров запаса было обращено на укомплектование формируемых в округе воинских частей еще в первые месяцы войны. При комплектовании военных училищ САВО предпочтение отдавалось славянской молодежи. Данные *таблицы 28* (см. **приложение 5**), в которых собраны сведения по национальному составу курсантов военных училищ САВО на рубеже 1941–1942 гг., свидетельствуют о том, что местные национальности имели мизерное представительство в военно-учебных заведениях – всего лишь 1 % от общего числа курсантов.

Проблема национальных кадров командно-начальствующего состава впервые отражена в документации САВО (штаба округа, отдела кадров, отдела комплектования) в ноябре 1941 г., когда Государственный Комитет Оборона принял решение о формировании здесь сразу 29 национальных соединений (14 кавалерийских дивизий и 15 стрелковых бригад). С ноября 1941 г. штаб САВО потребовал отражать национальный состав командиров запаса и курсантов, причем дифференцированно – по воинским специальностям¹⁰⁴².

¹⁰⁴¹ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 47. Л. 343.

¹⁰⁴² Там же. Оп. 12843. Д. 82. Л. 290–291.

В отличие от ЗакВО в САВО все национальные соединения формировались заново, что значительно осложнило решение кадрового вопроса. Хотя в РККА имелся определенный запас командиров среднеазиатских национальностей¹⁰⁴³, однако специальных мер по их выявлению в других фронтах и округах, кроме САВО, диссертантом не выявлено. Исходя из действующих штатов, можно рассчитать, что на укомплектование всех национальных соединений одновременно требовалось 11 789 лиц командно-начальствующего состава и 22 531 младших командиров. Командиры нужных национальностей переводились из других частей округа, из военкоматов, курсов всеобуча, запасных частей, призывались из запаса. Из-за фрагментарности первоисточников (фондов соединений САВО) персональный анализ комначсостава удалось провести лишь по материалам одной национальной кавалерийской дивизии – 97-й туркменской. Он показал, что для заполнения штатных должностей командиров сабельных взводов приходилось прибегать к назначениям лиц туркменской национальности, имевших из военного образования только курс полковой школы и даже лиц вообще не имевших военного образования, только прошедших срочную военную службу¹⁰⁴⁴. При назначении им присваивались звания младших лейтенантов. Однако и это не позволило заполнить все вакансии. В 97-й кавалерийской дивизии и других соединениях они замещались славянами. Например, в 96-й казахской кавалерийской дивизии только 20 командиров из 111 были титульной национальности, в 97-й отдельной узбекской стрелковой бригаде – 68 чел. из 217¹⁰⁴⁵, в 94-й узбекской стрелковой бригаде – 146 чел. из 384¹⁰⁴⁶ и т.д.

Наилучшим образом национальным комначсоставом были укомплектованы лишь некоторые стрелковые соединения. Например, в 100-й казахской стрелковой бригаде из 402 штатных должностей комначсостава только 100 были заняты командирами европейских национальностей, а остальные – казахами. Численность

¹⁰⁴³ По состоянию на 1 июля 1942 г. по всей Красной армии числилось командно-начальствующего состава: казахов – 4312, узбеков – 2609, киргизов – 462, таджиков – 588, туркмен – 680 (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 35).

¹⁰⁴⁴ ЦАМО. Ф. 3601. Оп. 1. Д. 3. Л. 55–60.

¹⁰⁴⁵ Там же. Ф. 158. Оп. 12843. Д. 82. Л. 290–291.

¹⁰⁴⁶ Там же. Ф. 1907. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

командного состава казахской национальности была наибольшей из всех среднеазиатских этносов. Это позволило достаточно монолитно укомплектовать две казахские стрелковые бригады (100-ю и 101-ю), которые в последующем прошли достаточно длительный боевой путь.

Недостающий командный состав для национальных дивизий САВО готовили училища других округов, однако большинство их выпускников были славянских национальностей. Так, на укомплектование национальных кавалерийских дивизий была обращена значительная часть состоявшегося 20 февраля 1942 г. выпуска курсантов Новочеркасского кавалерийского училища. Из 742 кавалеристов 419 были направлены в САВО в запасные полки при национальных соединениях для дальнейшего распределения в воинские части. Из 350 выпускников артиллерийского отделения Новочеркасского кавалерийского училища в распоряжение отдела кадров САВО было направлено 93 чел.

Младший комначсостав в большинстве своем готовился из рядовых местных национальностей. В 100-й бригаде из 868 должностей младшего комначсостава 228 были заняты младшими командирами, призванными из запаса, а остальные готовились из рядового состава¹⁰⁴⁷.

В связи с большим количеством командиров-славян повсеместно отмечалась необходимость вести боевую учебу и политзанятия через переводчика: «Это отнимает очень много времени, а переводчики из бойцов и младших командиров часто переводят неправильно»¹⁰⁴⁸. Частичное решение для национальных частей САВО, укомплектованных тюркоязычными военнослужащими (казахами, узбеками, туркменами, киргизами), было найдено в назначении на должности средних и младших командиров из числа родственников в языковом отношении поволжских татар, которые, как правило, еще и хорошо владели русским языком. Данные *таблиц 28 и 29* показывают достаточно высокий удельный вес татар среди кур-

¹⁰⁴⁷ ЦАМО. Ф. 1918. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁰⁴⁸ Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Т. III. Национальные формирования Красной армии. С. 37

сантов военных училищ САВО в 1942 г.¹⁰⁴⁹, что свидетельствует о том, что ими целенаправленно комплектовался переменный состав училищ.

Как и в Закавказье, в САВО на рубеже 1941–1942 гг. были предприняты специальные меры по подготовке средних командиров для национальных соединений в военно-учебных заведениях округа. 24 ноября 1941 г. распоряжением начальника штаба САВО генерал-майора М.И. Казакова были организованы месячные курсы для курсантов-«националов» (с 1 декабря 1941 г. по 1 января 1942 г.) в Ташкентском и Алма-Атинском пехотных училищах (на 170 и 160 мест соответственно), а также в Ташкентском кавалерийском училище (на 120 мест). Всего предусматривалось 450 мест. Кроме того, в начале декабря 1941 г. были открыты месячные курсы для комначсостава запаса из местных национальностей в Харьковском военном училище химзащиты (дислокация – Ташкент), а при Воронежском военном училище связи (дислокация – Самарканд) и 52-м отдельном полку связи – месячные курсы командиров взводов связи на 400 мест (180 – телефонных и 120 – радио)¹⁰⁵⁰. Начальникам училищ было предписано в кратчайшие сроки подготовить учебную базу и подобрать лучших преподавателей¹⁰⁵¹. Все занятия велись только на русском языке¹⁰⁵².

Из-за трудностей с подбором курсантов укомплектование курсов протекало с задержкой. Так, национальные курсы Ташкентского кавалерийского училища (46 узбеков, 29 казахов, 24 таджика, 11 киргизов, 3 туркмена) начали свою работу 16 декабря 1941 г.¹⁰⁵³ Причина задержки была той же, что и в Закавказье, – слабое знание русского языка и низкий уровень образования.

Обращает на себя внимание тот факт, что набранные на краткосрочные курсы командиры-«националы» готовились очень поспешно: на их обучение отводился лишь один месяц. Возможно, это объяснялось тем, что на курсы набирали не гражданскую молодежь, а младших командиров из войск, не нуждавшихся в

¹⁰⁴⁹ В САВО на 1 августа 1942 г. – 4,38 %, в среднем по РККА среди переменного состава вуз на 1 июля 1942 г. – 1,94 % (ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 194).

¹⁰⁵⁰ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12843. Д. 10. Л. 175, 181.

¹⁰⁵¹ Там же. Д. 82. Л. 199, 364.

¹⁰⁵² Там же. Д. 237. Л. 197.

¹⁰⁵³ Там же. Л. 373.

начальном военном обучении. Однако этого срока было явно недостаточно для качественной подготовки командира взвода или эскадрона. В этот период в пехотных военных училищах учебный процесс, даже по максимально сокращенной программе, занимал от четырех до шести месяцев, в зависимости от воинской специальности. По многим показателям уровень подготовки командиров «националов» оценивался как неудовлетворительный¹⁰⁵⁴. Это стало главной причиной того, что боевая подготовка новых частей, сформированных в САВО, растягивалась на долгие месяцы. 15 января 1942 г. директивой заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко № орг/7/780356 второй поток подготовки средних командиров был развернут на базе четырех пехотных училищ САВО, для чего были сформированы национальные батальоны курсантов в Ташкентском (200 узбеков и 100 таджиков), Гомельском (дислокация – Катта-Курган, 200 узбеков), Орловском (дислокация – Чарджоу, 100 туркмен) и Алма-Атинском (100 казахов) училищах¹⁰⁵⁵.

В САВО в 1941–1942 гг. также велась подготовка политсостава из представителей местных национальностей. В начале 1942 г. в семи гарнизонах были организованы десятидневные курсы для подготовки заместителей политруков в национальные части. Обучение прошли 1290 чел., 750 из которых распределили в формирующиеся национальные стрелковые бригады, остальных – в национальные кавдивизии. Также национальные кадры политработников готовило и размещавшееся в регионе Ленинабадское военно-политическое училище¹⁰⁵⁶.

В течение 1942 г. наращивался прием курсантов коренных национальностей Средней Азии – казахов, узбеков, таджиков, туркмен, киргизов – на *общие отделения* военных училищ САВО. В *таблице 29* показан национальный состав кур-

¹⁰⁵⁴ Русский архив. Т. 23 (12–2). С. 330–331.

¹⁰⁵⁵ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 93. Л. 39, 60.

¹⁰⁵⁶ *Исмаилов А.И.* И русские, и нерусские (Из опыта подготовки офицерских кадров в Среднеазиатском военном округе в годы войны) // Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С. 17.

сантов 7 училищ пехотного профиля¹⁰⁵⁷ по состоянию на 1 августа 1942 г. Данные таблицы охватывают наборы, начиная с марта 1942 г.

Таблица 29. Сведения об укомплектованности военных училищ САВО курсантами по национальностям по состоянию на 1 августа 1942 г., чел.¹⁰⁵⁸

Наименование училища	Сроки выпуска	Русских	Украинцев	Белорусов	Казахов	Киргизов	Таджиков	Узбеков	Туркмен	Армян	Евреев	Мордвин	Чувашей	Татар	Уйгуров	Кара-калпаков	Башкир	Других
Ташкентское пехотное	1.8.42 – 1.1.43	1038	416	33	63		6	136	2	20	229	6	6	125	1	-	12	17
Ташкент пулеметно-минометное	Сент. 42	1266	297	30	116	19	34	177	1	13	159	11	7	137	-	-	15	7
Харьковское пехотное	Авг.-дек. 42	842	256	33	167	27	33	383	9	17	206	8	6	169	9	23	21	9
Фрунзенское пехотное	Авг.-дек. 42	947	226	26	302	238	1	125	1	6	126	9	1	59	27	-	8	21
Ашхабадское пехотное	Август-сент. 42	1089	195	16	454	2	34	60	177	11	-	-	-	49	-	-	8	127
Орловское пехотное	Авг. 42 – янв. 43	1157	281	73	181	53	33	149	217	31	-	-	-	116	-	-	13	186
Алма-Атинское пехотное	Сент.-дек. 42	1287	410	25	543	6	5	38	2	1	74	13	10	44	5	-	4	21
Всего		7626	2081	236	1826	345	146	1068	409	99	794	47	30	699	42	23	81	392

Из материалов *таблицы 29* следует, что по сравнению с началом 1942 г. удельный вес уроженцев среднеазиатских республик многократно вырос и составил 3794 чел. или 23,8 % всех курсантов. При этом доля командно-начальствующего состава пяти титульных среднеазиатской национальностей *в целом по РККА* летом 1942 г. (на 1.7.1942 г.) была многократно ниже – 0,68 %, а удельный вес среди всего личного состава РККА – 3,67 %¹⁰⁵⁹. Таким образом, здесь, как и в случае с закавказскими этносами, очевидны специальные меры по расширению масштабов подготовки командиров местных национальностей.

В последующем, так же как и в Закавказье, интенсивность подготовки среднего командного состава в училищах округа сократилась, однако не столь радикально, как в Закавказье. Так, по состоянию на 1 апреля 1943 г. курсанты местных

¹⁰⁵⁷ Не обнаружены сведения по Тамбовскому, Гомельскому пехотным училищам и Окружным курсам младших лейтенантов.

¹⁰⁵⁸ Составлено по: ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12843. Д. 82. 33 об, 55 об, 57 об, 206 об, 209 об, 211 об, 213 об, 215.

¹⁰⁵⁹ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 194

национальностей в училищах САВО составляли 10,3 % курсантов (2296 чел. из 22 340)¹⁰⁶⁰, по состоянию на 1 января 1944 г. – 21,2 % (2651 чел. из 12 507). По всем военным училищам РККА количество уроженцев Средней Азии на 1 апреля 1943 г. – 3097 чел., а на 1 января 1944 г. – 3593 чел.¹⁰⁶¹ Таким образом, в отличие от закавказских народов, представительство народов Средней Азии в военных училищах в течение 1943 г. оставалось достаточно стабильным и даже несколькоросло. В предыдущей главе было показано, что в связи с особенностями мобилизации местного населения пик их представительства в РККА пришелся именно на рубеж 1943–1944 гг. Соответственно, находилось больше кандидатов, достойных для отбора в военные училища. В дальнейшем, в течение 1944 г. число курсантов среднеазиатских национальностей постепенно снижалось, что отражало общую тенденцию сокращения представительства этих этносов в РККА в связи с прекращением в конце 1943 г. их обязательного призыва. В апреле 1944 г. оно составило 3015 чел., в июле – 2336 чел., в сентябре – 1888 чел., а в ноябре 1944 г. – 1259 чел.¹⁰⁶²

В целом же представительство титульных народов Среднеазиатского региона среди командно-начальствующего (офицерского) состава в годы войны существенно уступало их удельному весу среди населения. За все годы войны на комплектование военных училищ из САВО поступило 114,9 тыс. чел., из которых 83,3 тыс. (72,47 %) чел. были русскими, украинцами и белорусами¹⁰⁶³. В Казахской ССР, титульный этнос которой дал наибольшее число комначсостава из всех среднеазиатских народов, в 1941–1944 гг. в военные училища было принято 42439 жителей республики, из которых казахов было лишь 8146 чел. (19,2 %)¹⁰⁶⁴, в то время как среди всех жителей республики казахи по переписи 1939 г. составляли 37,8 %. У других среднеазиатских народов разрыв между этими двумя статистическими показателями был еще выше.

¹⁰⁶⁰ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 469. Л. 196.

¹⁰⁶¹ Там же. Л. 180, 196; Д. 700. Л. 14.

¹⁰⁶² Там же. Д. 805. Л. 56; Д. 700. Л. 14, 92, 150, 174.

¹⁰⁶³ Там же. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 47. Л. 283, 347, 372.

¹⁰⁶⁴ *Исмаилов А.И.* Указ. соч. С. 16.

Особенности динамики подготовки курсантов закавказских и среднеазиатских национальностей в военных училищах хорошо видна в обобщенной таблице удельных значений курсантского состава по национальностям за годы войны (таблица 30).

Таблица 30. Удельный вес курсантского состава военных училищ по национальностям за годы войны¹⁰⁶⁵

Национальность	На 1.1.1941	На 1.7.1942	На 1.7.1943	На 1.1.1945
Русские	61,44	69,78	72,30	74,88
Украинцы	23,01	12,49	12,22	12,30
Белорусы	4,8	2,14	2,00	2,02
Татары	1,21	1,94	1,64	1,59
Чуваши	0,6	0,88	0,55	0,60
Мордвины	0,51	0,69	0,49	0,52
Марийцы	0,12	0,27	0,13	0,16
Удмурты	0,21	0,27	0,15	0,19
Коми	0,14	0,18	0,21	0,15
Башкиры	0,18	0,35	0,35	0,26
Буряты	0,06	0,16	0,18	0,12
Евреи	3,1	2,87	3,71	2,57
Армяне	0,75	1,66	1,17	0,79
Грузины	0,49	1,25	0,83	0,58
Азербайджанцы	0,17	0,73	0,42	0,35
Казахи	0,48	1,28	1,25	0,94
Узбеки	0,22	0,71	0,70	0,44
Киргизы	0,04	0,18	0,16	0,11
Таджики	0,04	0,20	0,17	0,13
Туркмены	0,03	0,21	0,13	0,09
Калмыки	0,03	0,06	0,05	0,03
Молдаване	0,12	0,04	0,04	0,04
Эстонцы	0,04	0,06	0,05	0,07
Латыши и латгальцы	0,26	0,03	0,08	0,11
Литовцы	0,18	0,01	0,05	0,09
Осетины	0,56	0,22	0,18	0,16
Кабардинцы и балкарцы	0,04	0,03	0,04	0,03
Чеченцы и ингуши	0,03	0,02	0,02	0,02
Народности Дагестана	0,18	0,35	0,12	0,06
Другие	0,89	0,94	0,61	0,61

Примечание. Полужирным шрифтом в таблице выделены этносы, из представителей которых в годы войны формировались национальные соединения.

¹⁰⁶⁵ Подсчитано и составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

Существенный прирост удельного веса курсантов кавказских и среднеазиатских национальностей в 1942 г. был вызван большим количеством пополнений из этих регионов и возобновлением строительства национальных частей. В 1943 г. этот показатель корректировался вниз, однако остался выше довоенных значений. Совокупный удельный вес курсантов трех титульных этносов закавказских и пяти среднеазиатских союзных республик по сравнению с довоенным периодом вырос с 2,22 % в довоенный период до 6,22 % в середине 1942 г. В 1943 г. у закавказских народов этот показатель существенно снижался, а у среднеазиатских оставался достаточно стабильным. Однако, масштабы подготовки командного состава местных национальностей так и не стали пропорциональными численности военно-обязанного населения и количеству рядового состава этих национальностей (удельный вес рядового состава перечисленных восьми титульных этносов союзных республик составлял в середине 1942 г. 9,39 %).

В *Северо-Кавказском* и *Сталинградском военном округах*, где формировались четыре национальные кавалерийские дивизии: 114-я чечено-ингушская и 115-я кабардино-балкарская – в СКВО; 110-я и 111-я калмыцкие – в СтВО. Подбор командно-начальствующего состава нужных национальностей для этих соединений был особенно сложной задачей, поскольку командиров необходимых национальностей в РККА служило немного (на 1 июля 1942 г. калмыков – 471, чеченцев и ингушей – 437, кабардинцев и балкарцев – 624¹⁰⁶⁶), а из их числа командиров кавалерийской специальности и вовсе насчитывались единицы. Например, для укомплектования 114-й кавдивизии командировались командиры самых различных специальностей: пехотинцы, танкисты, летчики, инженеры и др. Всего удалось изыскать 33 командира по национальности чеченца и ингуша¹⁰⁶⁷. Поэтому в основном командный состав для этих дивизий подбирался отделами кадров из имевшихся в наличии славян, к тому же нередко – пехотинцев. Так, в 114-й чечено-ингушской дивизии большая часть командиров, поступивших на укомплектование дивизии (190 чел.), имела пехотные специальности. А в 110-й калмыцкой

¹⁰⁶⁶ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 194, 199.

¹⁰⁶⁷ Там же. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

кавалерийской дивизии среди командно-начальствующего состава было 52 % русских, 20 % украинцев, 1,5 % белорусов, 16,5 % калмыков и 10,5 % представителей других национальностей¹⁰⁶⁸. На укомплектование национальных кавалерийских дивизий была обращена часть выпуска курсантов Новочеркасского кавалерийского училища, состоявшегося 20 февраля 1942 г.: по 20 чел. кавалерийского отделения были направлены в две калмыцких дивизии, по 15 чел. – в кабардино-балкарскую и чечено-ингушскую дивизии. Из выпускников артиллерийского отделения Новочеркасского кавалерийского училища в СтВО было направлено 23 чел., в 114-ю чечено-ингушскую кавалерийскую дивизию – 13 чел., в 115-ю кабардино-балкарскую кавалерийскую дивизию – 14 чел.¹⁰⁶⁹ Местными национальностями в основном комплектовался политсостав, подбиравшийся обкомами ВКП(б) из гражданских партийных организаций республик. За редкими исключениями политработники не имели опыта военной службы.

Для подготовки недостающего количества средних командиров, на основании директивы заместителя наркома обороны армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко № орг/7/78035 от 15 января 1942 г., 20 января 1942 г. при Новочеркасском кавалерийском училище был сформирован национальный эскадрон на 150 чел. (100 калмыков и 50 кабардинцев и балкарцев)¹⁰⁷⁰. Занятия начались 19 февраля 1942 г.¹⁰⁷¹ Национальный эскадрон просуществовал до 6 августа 1942 г., после чего распоряжением заместителя начальника штаба округа полковника Л.С. Глушкова он был расформирован, а его курсанты переведены в другие подразделения училища¹⁰⁷². Несколько ранее, 9 декабря 1941 г., директивой заместителя НКО № орг/542242 национальное кавалерийское отделение на 50 курсантов было открыто и в Грозненском пехотном училище¹⁰⁷³. Сюда были отобраны

¹⁰⁶⁸ Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2015. С. 23.

¹⁰⁶⁹ ЦАМО. Ф. 60107. Оп. 35421. Д. 27. Л. 20.

¹⁰⁷⁰ Там же. Д. 5. Л. 32.

¹⁰⁷¹ Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 100. Л. 237.

¹⁰⁷² Там же. Л. 387–388.

¹⁰⁷³ Там же. Ф. 60008. Оп. 35020. Д. 2. Л. 1.

чеченцы и ингуши, обладавшие достаточной общеобразовательной подготовкой, состоявшие в комсомоле или Коммунистической партии¹⁰⁷⁴.

Для *прибалтийских* стрелковых дивизий ситуация с замещением должностей командно-начальствующего состава складывалась особым образом. Для укомплектования 201-й латышской, 16-й литовской, 7-й и 249-й эстонских дивизий, сформированных в период с августа 1941 по февраль 1942 г., был использован кадровый состав бывших территориальных стрелковых корпусов, созданных в 1940 г. на основе национальных армий, после присоединения прибалтийских государств к СССР. Многие из лиц командного состава бывших территориальных корпусов успели приобрести боевой опыт в первые месяцы войны. Часть бывших офицеров национальных армий (особенно эстонцы) к этому моменту были мобилизованы в рабочие батальоны и командировались из них вместе с рядовым составом. В усиление кадровому составу бывших национальных армий добавлялись работники республиканских НКВД, партийные, советские работники, кадровые командиры РККА из числа советских граждан литовской, латышской и эстонской национальностей¹⁰⁷⁵. Военные кадры подбирались при содействии центральных органов управления НКО, поскольку командно-начальствующий состав перечисленных национальностей был рассеян по территории всей страны. Начальник Главного управления кадров НКО поручил всем кадровым органам фронтов и округов выявлять командиров перечисленных национальностей и командировать их в места формирования дивизий¹⁰⁷⁶. Кроме того, на укомплектование дивизий были обращены выпуски Вильнюсского пехотного училища, эвакуированного в город Новокузнецк, Рижского пехотного училища (Стерлитамак) и Таллинского пехотного училища (Тюмень)¹⁰⁷⁷. По распоряжению ГУК РККА после излечения в госпиталях офицеры прибалтийских национальностей должны были возвращаться в свои национальные части. Военные училища обязаны были доносить в ГУК о наличии курсантов-выпускников прибалтийских национальностей за месяц до их

¹⁰⁷⁴ ЦАМО. Ф. 3623. Оп. 1. Д. 5. Л. 145.

¹⁰⁷⁵ 16-я Литовская. Книга воспоминаний. Вильнюс, 2008. С. 243–244.

¹⁰⁷⁶ Там же.

¹⁰⁷⁷ *Петренко А.И.* Прибалтийские дивизии Сталина. М., 2010. С. 8.

выпуска для своевременного распоряжения о распределении в национальные части¹⁰⁷⁸.

Таким образом, комначсостав сформированных в 1941–1942 гг. прибалтийских соединений в социальном плане представлял собой пеструю картину: от обрусевших советских граждан, убежденных коммунистов, до лиц, недавно принявших советское гражданство, получивших военное образование не в СССР (некоторые – в Европе), не знавших русского языка. Например, командиром 16-й литовской стрелковой дивизии был назначен комбриг Ф. Балтушис-Жемайтис – участник Гражданской войны, в 1930-е гг. – преподаватель Военной академии им. М.В. Фрунзе, с 1940 г. – командующий Литовской народной армией. Начальником штаба дивизии – полковник В. Киршинас, ранее служивший в Литовской армии. Среди командного состава дивизии были ветераны Гражданской войны, кадровые военнослужащие Красной армии, бывшие офицеры Литовской армии.

Как показал анализ статистических источников, в целом прибалтийские национальные соединения не испытывали острого дефицита командно-начальствующего состава, как кавказские или среднеазиатские. По состоянию на 1 июля 1942 г. в РККА числилось комначсостава: 2425 эстонцев, 1633 латыша и 781 литовец¹⁰⁷⁹. Усилия центральных органов управления НКО по сосредоточению командиров в местах формирования дивизий и значительный запас командиров-эстонцев позволили уже в феврале 1942 г. приступить к формированию второй эстонской дивизии (249-й) и образованию корпусного управления. Также постепенно был накоплен значительный запас командиров-латышей. К июлю 1943 г. в 1-м отдельном латышском запасном стрелковом полку накопилось без малого 495 офицеров, большинство которых были латышами или выходцами из Латвии¹⁰⁸⁰. Запас офицерского состава латышской национальности был учтен при принятии решения о формировании второй латышской дивизии в июле 1944 г. (308-й) и образовании корпусного управления.

¹⁰⁷⁸ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 11204. Д. 753. Л. 13.

¹⁰⁷⁹ Там же. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 35.

¹⁰⁸⁰ Там же. Ф. 1-го отдельного латвийского запасного стрелкового полка. Оп. 597942. Д. 3. Л. 188.

С лета 1942 г. текущая подготовка среднего командного состава осуществлялась на базе Подольского пехотного училища (дислокация – г. Иваново), в котором был развернут национальный батальон. Батальон был сформирован распоряжением заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко 14 июня 1942 г. и состоял из трех рот курсантов – эстонской, латышской и литовской по 125 чел. в каждой¹⁰⁸¹. В отличие от закавказских и среднеазиатских национальных соединений, специальная подготовка комначсостава для которых была свернута в уже к середине 1942 г., программа подготовки национальных кадров для прибалтийских частей в это время только разворачивалась. В течение 1943 г. и в январе 1944 г. Подольское пехотное училище выпустило на должности командиров взводов: 111 латыш, 122 литовца, 177 эстонцев¹⁰⁸². В апреле 1943 г. по ходатайству секретаря ЦК КП Эстонии Н.Г. Каротамма штат эстонской роты был доведен до 200 курсантов¹⁰⁸³. Кроме того, в июле 1943 г. в Подольском училище была сформирована еще одна эстонская рота для переподготовки замполитов рот и батарей к службе на командных должностях после упразднения должностей замполитов в войсках¹⁰⁸⁴.

Кроме Подольского училища, средний командный состав готовился на курсах, открывавшихся при национальных запасных частях. Так, с 4 марта 1942 г. по 29 сентября 1943 г. курсы младших лейтенантов действовали при 1-м отдельном латвийском запасном стрелковом полку, подготовив за этот период 528 офицеров¹⁰⁸⁵. Кроме того, определенная часть наиболее подготовленных младших командиров получала воинские звания без обучения, пройдя несколько испытаний в запасных частях.

Проведенный анализ показал, что комплектование кавказских, среднеазиатских, прибалтийских национальных соединений командно-начальствующим (офицерским) составом было той сферой, в которой его этноязыковые качества не

¹⁰⁸¹ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 93. Л. 78.

¹⁰⁸² Там же. Д. 700. Л. 7.

¹⁰⁸³ Там же. Д. 374. Л. 91, 104.

¹⁰⁸⁴ Ларин П.А. Указ. соч. С. 181.

¹⁰⁸⁵ ЦАМО. Ф. 1-го отдельного латвийского запасного стрелкового полка. Оп. 614498. Д. 1. Л. 2.

только принимались во внимание, но и являлись определяющей характеристикой при назначении на должность. Этничность имела определяющее значение также и в случае наложения ограничений на службу на командных должностях представителей тех или иных народов. Во всех остальных случаях командно-начальствующий (офицерский) состав РККА всех национальностей проходил службу на равных условиях.

Перечень этносов, подлежавших ограничениям на занятие должностей командно-начальствующего состава и сами эти ограничения в целом совпадали с мерами, применяемыми в отношении рядового состава и массы военнообязанных, подробно рассмотренными в предыдущем параграфе. Так, после выселения с исторической родины ряда этносов (калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар и др.) в войсках, в том числе в действующей армии, оставалось немалое количество офицеров этих национальностей¹⁰⁸⁶. 24 мая 1944 г. телеграммой ГУК НКО № 1159-1175/ш фронтам и округам было дано указание об их немедленном откомандировании в тыловые округа (СибВО, САВО, УрВО и ЮжУрВО) для использования на штатных должностях в частях и учреждениях округов¹⁰⁸⁷. Однако вскоре выяснилось, что среди откомандируемых оказалось много опытных, заслуженных боевых офицеров. Поэтому 5 июня 1944 г. последовало новое указание ГУК № 1192/ш, в котором военным советам указанных округов было предложено пересмотреть всех прибывших офицеров и выявить из них «лучших, хорошо аттестованных, проверенных, участников Великой Отечественной войны», имея в виду вернуть их в действующую армию. Вскоре было выявлено 155 офицеров, относившихся к репрессированным национальностям, из которых 76 чел. было предложено вернуть в действующую армию, 60 чел. – использовать на должностях, прежде всего на преподавательской работе, как опытных фронтовиков и лишь 15 подлежали увольнению в запас. В дальнейшем откомандирования с фронтов продолжались и в сентябре 1944 г. начальник Организа-

¹⁰⁸⁶ Так, на 1 января 1944 г. по РККА числилось: 384 офицеров чеченцев и ингушей, 545 калмыков, 388 крымских татар и т.д.

¹⁰⁸⁷ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 808. Л. 1.

онно-мобилизационного управления Главного управления кадров РККА генерал-майор В.Н. Загладин предложил решать вопрос о возможности оставления таких офицеров на должностях на усмотрение военных советов фронтов¹⁰⁸⁸.

Общую картину, отражающую в относительных величинах динамику развития командно-начальствующего состава по национальностям за весь период Великой Отечественной войны, соискатель свел в *таблице 31*.

Таблица 31. Командно-начальствующий (офицерский) состав РККА по национальностям за 1941–1945 гг., в процентах¹⁰⁸⁹

Национальность	На 1.1.1941	На 1.7.1942	На 1.1.1943	На 1.7.1943	На 1.1.1944	На 1.1.1945
	1	2	3	4	5	6
Русские	64,21	68,28	68,89	68,78	68,58	68,17
Украинцы	21,26	15,89	15,59	15,89	16,18	16,70
Белорусы	4,44	3,13	3,08	3,02	3,09	3,08
Татары	0,87	1,18	1,22	1,16	1,14	1,15
Чуваши	0,34	0,44	0,47	0,46	0,44	0,44
Мордвины	0,33	0,37	0,42	0,41	0,37	0,36
Марийцы	0,08	0,10	0,13	0,11	0,11	0,10
Удмурты	0,09	0,17	0,18	0,17	0,15	0,16
Коми	0,12	0,18	0,18	0,15	0,15	0,15
Башкиры	0,15	0,20	0,20	0,20	0,18	0,18
Буряты	0,05	0,09	0,10	0,09	0,09	0,09
Евреи	3,57	5,43	5,22	5,22	5,30	5,33
Армяне	0,7	1,10	0,96	1,01	1,05	1,03
Грузины	0,58	0,94	0,84	0,83	0,84	0,83
Азербайджанцы	0,16	0,36	0,30	0,32	0,33	0,32
Казахи	0,11	0,34	0,47	0,44	0,41	0,42
Узбеки	0,06	0,21	0,29	0,27	0,23	0,24
Киргизы	0,01	0,04	0,06	0,04	0,05	0,04
Таджики	0,01	0,05	0,07	0,06	0,06	0,06
	На 1.1.1941	На 1.7.1942	На 1.1.1943	На 1.7.1943	На 1.1.1944	На 1.1.1945
Туркмены	0,02	0,05	0,07	0,05	0,05	0,05
Калмыки	0,02	0,04	0,03	0,03	0,04	0,02
Молдаване	0,08	0,06	0,06	0,05	0,05	0,05
Эстонцы	0,41	0,19	0,17	0,15	0,15	0,14
Латыши и латгальцы	0,44	0,13	0,13	0,12	0,11	0,10
Литовцы	0,34	0,06	0,06	0,06	0,05	0,04
Осетины	0,23	0,20	0,16	0,18	0,18	0,19
Кабардинцы и балкарцы	0,03	0,05				0,04
			0,06	0,03	0,04	
Чеченцы и ингуши	0,02	0,03	0,03	0,02	0,02	0,02
Народности Дагестана	0,06	0,09	0,08	0,07	0,08	0,07
Другие	0,62	0,58	0,50	0,51	0,49	0,43

¹⁰⁸⁸ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 808. Л. 54.

¹⁰⁸⁹ Подсчитано и составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

Сравнение *столбцов 1 и 2* показывает, что резкие изменения в национальной структуре командно-начальствующего состава произошли лишь единожды – в первый год войны. Вследствие неблагоприятного развития фронтовой обстановки и высоких боевых потерь на 7,69 % вырос удельный вес русских, евреев, татар, представителей закавказских и среднеазиатских национальностей. Одновременно произошло почти равноценное (на 7,49 %) сокращение удельного веса командного состава пяти национальностей, чьи республики были полностью оккупированы в начале войны и освобождены только во второй половине 1943 – начале 1945 г.: украинцев, белорусов, эстонцев, латышей, литовцев.

Наиболее осязаемое перераспределение удельных показателей за годы войны произошло между тремя славянскими этносами – русскими, украинцами и белорусами. Это хорошо видно также на материалах самой многочисленной категории командного состава – комсостава пехоты (они понесли за годы войны 58,6% потерь всего офицерского состава). Удельный вес русских среди командиров пехоты за период войны вырос на 7,1 %, а у украинцев и белорусов, напротив, сократился в совокупности на 9,4 % (см. *таблицу 32 в приложении 6*).

Данные *таблиц 31 и 32* позволяют сделать вывод о том, что в последний период войны удельного роста численности среди офицеров РККА по национальности украинцев, белорусов, молдаван, а также народов Прибалтики, подобно тому, как это отмечалось в случае с красноармейским составом, не произошло. Это означает, что военное ведомство не ставило перед собой специальной задачи увеличить численность офицерского состава этих национальностей и целенаправленно не наращивало набор в военно-учебные заведения представителей данных этносов. Изучение документального материала позволяет дать этому явлению комплексное объяснение. Рядовым составом армия достаточно быстро пополнялась в ходе войсковых мобилизаций, в то время как для подготовки комсостава в училищах и на курсах младших лейтенантов требовалось достаточно продолжительное время.

В последний период войны безусловное преимущество при наборе в военные училища отдавалось кандидатам из числа красноармейцев и сержантов из

войск, прежде всего, фронтовикам (в конце войны курсанты, вышедшие из гражданской молодежи, составляли лишь 6,1 % против 71 % в январе 1943 г.¹⁰⁹⁰), поэтому среди новобранцев, мобилизуемых в освобождаемых областях Украины и Белоруссии, кандидатов в военные училища отбирали мало. С 1943 г. сроки обучения во всех училищах Сухопутных войск были увеличены до 1–2 лет, а к 1945 г. в основном были восстановлены довоенные сроки обучения¹⁰⁹¹. Таким образом, курсанты с освобождаемых территорий Украины, Белоруссии, Молдавии, принятые в военные училища в 1944 г., фактически не имели шансов оказаться на фронте до окончания войны. Наконец, существовал прямой запрет набирать в училища лиц, побывавших под оккупацией¹⁰⁹².

Из *таблицы 33* (см. **приложение 7**) видно, что это обстоятельство существенно сказывалось на национальной структуре войск, пополнявшихся людьми на территории Украины, Белоруссии, Молдавии. Если по семи фронтам украинского и белорусского направлений¹⁰⁹³ у русских соотношение военнослужащих трех составов – офицерского, сержантского и рядового – складывалось в пропорции 1:1,8:3,4, то у белорусов – 1:1,9:4,7, у украинцев – 1:2:6,7, у молдаван – 1:4,5:193. На украинских фронтах, где численность рядовых-украинцев почти сравнялась с рядовыми-русскими (1, 2, 4-й Украинские фронты) диспропорция удельных значений украинцев-офицеров и украинцев-рядовых достигала 7–8-кратных значений. Такое же положение складывалось с белорусами на 1, 2-м и 3-м Белорусских фронтах.

Анализ национального состава старших офицеров и генералитета РККА наглядно показывает, что чем выше было воинское звание, тем выше был удельный вес русских, а также – если брать шире – квартета, состоявшего из трех восточнославянских этносов и евреев, базой которому служил, как отмечено выше,

¹⁰⁹⁰ Военные кадры Советского государства... С. 227–228.

¹⁰⁹¹ Там же. С. 229–230.

¹⁰⁹² ЦАМО. Ф. 1-го отдельного латвийского запасного стрелкового полка. Оп. 597941. Д. 1. Л. 74.

¹⁰⁹³ 1, 2, 3, 4-й Украинские, 1, 2, 3-й Белорусские фронты.

русский язык и готовность национального командного состава к полной русификации ради карьерного роста.

В *таблице 34* (см.: **приложение 8**) представлены сведения о полковниках, подполковниках и майорах всех родов войск по национальностям по состоянию на 1 мая 1944 г. В *таблице 35* представлено состояние генералитета РККА в последний предвоенный год, начиная с июня 1940 г., т.е. вскоре после введения в РККА генеральских званий (без учета генералитета ВМФ, ВВС, медицинского, ветеринарного и юридического состава). В *таблице 36* представлен генералитет всех видов и родов войск (без учета ВМФ) за период Великой Отечественной войны¹⁰⁹⁴. Так, среди майоров русских числилось 66,83 %, среди подполковников – 68,86 %, среди полковников – 73,47 %, среди генералов (в конце войны) – 77,45 %. Аналогичные показатели трех восточнославянских этносов и евреев составляли следующий возрастающий ряд удельных значений: 94,74 %, 95,18 %, 95,36 % и 96,85 % соответственно.

Объясняется это явление тем, что, в отличие от среднего командного состава, подавляющее число представителей старшего и высшего командного состава РККА начинало служебную карьеру в довоенный период – в 1920-х и начале 1930-х гг., а некоторые – и ранее, т.е. в те периоды развития отечественных Вооруженных Сил, когда среди командного состава значительно преобладали русские и славяне. Они несли существенно меньшие боевые потери и были более стабильной социально-профессиональной группой, чем средний командный состав. Более высокий средний уровень образования представителей этих этносов, отсутствие языкового барьера способствовали более динамичному повышению квалификации и карьерному росту командиров, представлявших три восточнославянских этноса и евреев. Все перечисленное способствовало не просто устойчивости национального состава социально-профессиональной группы старшего и высшего командного состава, но и ее удельному росту среди прочих советских этносов.

¹⁰⁹⁴ В таблицу не вошли данные о боевых и небоевых потерях генералитета РККА, составившие 539 чел. (ЦАМО. Ф. 9. Оп. 309. Д. 5. Л. 118).

Таблица 35. Справка о численности генералов Красной армии по родам войск и национальностям за период с 6.1940 по 22.6.1941 г. (без ВВС, медицинского, ветеринарного и юридического состава), чел.¹⁰⁹⁵

	Русские	Украинцы	Белорусы	Евреи	Татары	Мордвины	Чуваши	Армяне	Калмыки	Поляки	Латыши	Литовцы	Эстонцы	Финны	Итого
Общевойсковой генералитет	328	31	23	7	3	1	3	1	1	2	2	3	1	1	407
Генералитет артиллерии	68	1	7	-	-	-	-	1	-	-	2	-	-	-	79
Генералитет БТ и МВ	22	6	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	30
Генералитет войск связи	19	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	21
Генералитет инж. войск	23	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	25
Генералитет тех. службы	23	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	25
Генералитет интенд. службы	27	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	30
Всего	510	43	33	9	3	1	3	2	1	2	5	3	1	1	617
В процентах	82,66	6,97	5,35	1,46	0,49	0,16	0,49	0,32	0,16	0,32	0,81	0,49	0,16	0,16	100

Таблица 36. Национальный состав генералитета РККА за период Великой Отечественной войны (без учета потерь), чел.¹⁰⁹⁶

Национальность	Маршалов Советского Союза, маршалов видов и родов войск	Генералов армии	Генерал-полковников	Генерал-лейтенантов	Генерал-майоров	Всего	В % ко всему генеральскому составу
Русские	20	9	112	527	2248	2916	77,45
Украинцы	3	-	10	77	290	380	10,1
Белорусы	-	-	3	38	160	201	5,34
Евреи	-	-	7	18	124	149	3,96
Поляки	1	-	-	8	13	22	0,58
Армяне	1	1	1	5	21	29	0,77
Грузины	-	-	1	1	18	20	0,53
Мордвины	-	1	-	-	4	5	0,13
Чуваши	-	-	1	-	4	5	0,13
Осетины	-	-	1	1	8	10	0,26
Латыши	-	-	1	5	17	23	0,61
Калмыки	-	-	1	-	2	3	0,08
Азербайджанцы	-	-	-	-	1	1	0,03
Литовцы	-	-	-	-	1	1	0,03
Итого	25	11	138	680	2911	3765	100

¹⁰⁹⁵ ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11454. Д. 206. Л. 59.

¹⁰⁹⁶ Составлено автором по: ЦАМО. Ф. 9. Оп. 309. Д. 5. Л. 104–106.

Сравнение двух таблиц, отражающих этнический состав генералитета, также позволяет сделать вывод о том, что в течение Великой Отечественной войны эта социально-профессиональная категория военнослужащих Красной армии существенно расширилась за счет украинцев и евреев. В абсолютных значениях значительный вклад также внесли белорусы, поляки, армяне, грузины, латыши. В то же время в национальном составе генералитета с наибольшей силой проявилась тенденция гегемонии трех славянских этносов (русских, украинцев и белорусов) и евреев, на которые в совокупности перед войной приходилось 96,44 % (или 595 чел. из 617 чел.) всего генеральского состава, а за период Великой Отечественной войны – 96,85 % (или 3646 чел. из 3765 чел.)

Выводы по параграфу 4.2

Исследование показало, что в первые месяцы Великой Отечественной войны определились этнокультурные особенности контингентов из Закавказья, Средней Азии, ряда национальных регионов СССР (незнание русского языка, низкий уровень образования), послужившие причиной принятия государственных решений о возврате к национальным формированиям. Соискателем доказано, что необходимой и обязательной чертой национальных воинских формирований являлось единство этноязыковой среды, которое достигалось за счет моноэтничного комплектования частей красноармейским и командно-начальствующим составом. Вследствие предвоенного расформирования национальных частей и мобилизации комначсостава в начале Великой Отечественной войны, военные округа, формировавшие в конце 1941 – начале 1942 г. национальные соединения, не располагали достаточными ресурсами кадров командного и начальствующего состава местных национальностей. Это потребовало срочных мер по изысканию национальных кадров, а также дополнительной подготовки командиров из местных национальностей на базе военных училищ и разного рода курсов.

Установлено, что достаточно глубоко и масштабно эта работа была осуществлена Военным советом Закавказского фронта, сумевшим в целом удовлетворительно укомплектовать десять национальных стрелковых дивизий, боль-

шинство из которых впоследствии приняли активное участие в боевых действиях. Худший результат показал Среднеазиатский военный округ, где резерв и качество национальных людских ресурсов, годных для обучения в военных училищах, был ниже. Неудовлетворительное укомплектование нацсоединений САВО командным составом было одной из главных причин их низкой боеспособности и последующего расформирования большинства из них еще до отправки на фронт.

Автор установил особое положение с комплектованием кадрами прибалтийских соединений, которые в силу исторических обстоятельств (резерва офицерского состава бывших национальных армий) и постоянной поддержки со стороны центральных органов военного управления, способствовавших сосредоточению кадров в местах формирования прибалтийских соединений и в запасных полках, не испытывали столь острого дефицита командных кадров. Это позволило не только поддерживать стабильный кадровый состав прибалтийских стрелковых дивизий, но и развертывать новые части и соединения.

Доказано, что тенденции укомплектования войск красноармейским и командно-начальствующим (офицерским) составом хотя и коррелировали, однако не всегда совпадали. Особенно сильно это проявилось на последнем этапе войны с представителями условно «западных» народов СССР (украинцев, белорусов, молдаван, литовцев, латышей, эстонцев). Быстрый абсолютный и относительный прирост численности рядового состава не сопровождался аналогичным приростом офицерского состава. В этом проявились особенности подготовки офицерского состава в последний период войны (специальный отбор в училища из фронтовиков, ограничение на прием граждан, бывших под оккупацией, длительные сроки обучения), не совпадавшие с условиями и сроками подготовки красноармейского состава. Это выразилось в прогрессирующем дисбалансе в конце войны между представительством в действующих войсках красноармейцев и офицеров «западных» национальностей.

Выводы по главе 4

Исследование показало, что в 1920 – середине 1940-х гг. кадры командно-начальствующего состава в большинстве случаев проходили военную службу без

различия национальности. Национальность командно-начальствующего состава или кандидатов в военные школы (с 1937 г. – училища) учитывалась в двух случаях. Во-первых, при комплектовании национальных формирований, в связи с тем, что принципиально важным было создание единой культурно-языковой среды в воинском коллективе. Во-вторых, при наложении ограничений на прием в РККА по этническому признаку. Во всех остальных случаях советские граждане, обладавшие достаточным уровнем образования и хорошей физической подготовкой, могли поступать в любое военно-учебное заведение страны.

Установлено, что в силу достаточно высоких культурно-образовательных характеристик и отсутствия языкового барьера наиболее успешную карьеру делали представители четырех советских этносов: русские, украинцы, белорусы и евреи. Весь изученный в диссертации период они, безусловно, доминировали среди командно-начальствующего состава, причем их доля росла по мере повышения воинского звания, что отражало их более высокие профессиональные компетенции и способности к их совершенствованию.

В предвоенный период предпринимались целенаправленные меры для расширения представительства нерусских народов среди командно-начальствующего состава. Для этого была создана сеть военно-учебных заведений, готовившая средний командно-начальствующий состав. Однако, существуя в парадигме развития национальных формирований, в условиях предвоенного наращивания численности и организационной перестройки РККА, система военного образования для нерусских народов оказалась такой же узкой, как и сами национальные формирования. Несение службы в одной национальной части сдерживало профессиональный и служебный рост командира, поэтому целеустремленные командиры из числа нерусских народов стремились перейти в обычные (*номерные*) части, где они имели больше возможностей для карьерного продвижения.

В межвоенный период развитие национальных формирований и обучение национального комсостава стимулировались политическими задачами советизации национальных регионов. Это на долгие годы обеспечило внимательное отношение к национальным кадрам и заботу об их подготовке. Во время Великой Оте-

чественной войны кадровая проблема приобрела сугубо утилитарный характер в связи с необходимостью скорейшего укомплектования формируемых национальных соединений и их качественную боевую подготовку. Поэтому специальная подготовка национальных кадров была четко привязана к штатным потребностям национальных соединений и прекращалась тогда, когда эта потребность исчерпывалась. В то же время, в диссертации на статистическом материале доказано, что представители большинства народов без ограничений принимались в военные училища и в последующем проходили службу на командно-начальствующих должностях, если соответствовали единым требованиям по общеобразовательной подготовке, знанию русского языка и физическому состоянию.

ГЛАВА 5. ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ПОЛИТИКО-МОРАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И ПОВЫШЕНИЮ БОЕВОЙ ВЫУЧКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НЕРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

5.1. Постановка партийно-политической работы с представителями народов СССР в 1920–1930-х гг.

Моральный дух воина, его высокая стойкость в бою, правильная мотивация, готовность к самопожертвованию представляют собой те качества, которые ценились всегда, во всех армиях мира. Исключительная ценность таких качеств у воина и воинского коллектива вполне очевидна, как очевиден и неизбежный вред общему делу в случае их нехватки или отсутствия. По словам основателя Советского государства В.И. Ленина, «во всякой войне победа, в конечном счете, обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести...»¹⁰⁹⁷. Воспитание и поддержание высоких морально-волевых качеств военнослужащих было и остается предметом усилий органов государственного и военного управления всех стран и всех эпох. Однако едва ли где-либо эта деятельность получала такой размах, всеохватность и научную глубину, как в Советском Союзе. Целенаправленная и систематическая деятельность по формированию у военнослужащих духовной способности и готовности успешно решать боевые задачи по достижению победы в войне получила наименование «политико-моральная подготовка» и считалась одним из важнейших элементов строительства Вооруженных Сил Советского Союза. Ближайший современный аналог этого термина – «морально-психологическое обеспечение». Политическая подготовка пронизывала всю боевую учебу военнослужащего. В этом процессе был задействован весь командно-начальствующий состав Крас-

¹⁰⁹⁷ Цит. по: Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР. 1918–1973 гг.: исторический очерк. М., 1974. С. 9.

ной армии. Однако ведущая роль в нем отводилась партийно-политическим органам.

Анализ исторического опыта армейских политических органов Красной армии по работе (в 1920-х гг. она именовалась партийной и политико-просветительной, а в последующем – партийно-политической работой) с личным составом нерусской национальности потребовал глубокого анализа документальной базы, без которого понимание хода и результатов строительства Вооруженных Сил и военных успехов СССР будет неполным, а ценный опыт воспитательной работы останется невостребованным.

Партийно-политическая работа с личным составом в частях РККА по характеру задач была широка и многогранна. Важнейшими ее составными частями являлись *идеологическая* работа (включавшая в себя многообразную агитационно-пропагандистскую и культурно-просветительскую деятельность) и *организационно-партийная* (работа с коммунистическими, а позднее и комсомольскими организациями). Два этих направления деятельности партполиторганов представляли собой тесно взаимосвязанные и взаимопроникающие процессы. Руководство ими осуществлялось Коммунистической партией через армейские политические органы. Национальный аспект в партийно-политической работе проявлялся прежде всего в идеологической деятельности армейских политорганов, в то время как организационно-партийная деятельность была стандартизированной и не имела этнонациональной специализации.

Политорганы РККА были вовлечены во весь цикл военной службы гражданина – от допризывной подготовки до его увольнения в запас. В изданном в 1925 г. положении «О политическом аппарате стрелкового полка»¹⁰⁹⁸ на политорганы возлагались вопросы укрепления воинской дисциплины, проведения политических, общеобразовательных и санитарно-просветительских занятий, а также собраний на бытовые темы, руководство первичной массовой и кружковой рабо-

¹⁰⁹⁸ В политический аппарат полка входили: комиссар полка, секретарь полкового бюро партии, организатор работы комсомола, политруководители по числу рот и команд полка, школьные учителя, начальники клуба и библиотеки.

той в ленинских уголках (в казармах) и ленинских палатках (в период лагерных сборов), ведение политпросветработы среди населения в месте дислокации части, курирование работы военкоров, содействие в бытовых вопросах семьям командного состава¹⁰⁹⁹.

Партийно-политическая работа с *нерусским контингентом военнослужащих*, имея дело с огромным языковым и этнокультурным многообразием контингента военнослужащих, объективно требовала развития особых подходов в работе политических органов РККА. С другой стороны, организационно и методически эта работа на протяжении всего изучаемого периода оставалась прочно увязанной с общим, «усредненным» курсом деятельности партийно-политических органов. Как отмечено в монографии Дж.А. Сэнберна, в первое десятилетие советской власти военное ведомство было увлечено семейно-братской риторикой, пропагандой армии как крепкой боевой семьи. В этой семье находилось достойное место всем ее членам – представителей разных национальностей, объединенных классовым единством¹¹⁰⁰.

Основные теоретические установки и практические рекомендации по организации партийно-политической работы с военнослужащими нерусской национальности были сформулированы в 1920-х гг. в связи с развертыванием национальных воинских формирований. К этому периоду относится основной корпус руководящих документов Политуправления, регламентировавших работу с этой категорией военнослужащих. По итогам XII съезда РКП(б) 30 июня 1923 г. был издан циркуляр начальника Политуправления В.А. Антонова-Овсеенко № 119/35, в котором в общем виде формулировались цели и задачи по решению национального вопроса в РККА. В циркуляре, в частности, подчеркивалось, что строительство нацчастей нельзя вести по единой программе во всех нерусских регионах, а необходимо будет применяться к различным местным обстоятельствам, учитывая отношение населения к воинской повинности в прежнюю эпоху, общекультурный

¹⁰⁹⁹ Партийно-политическая работа в Красной армии: 1921–1929 гг. С. 339–340.

¹¹⁰⁰ *Sanborn J.A.* Drafting the Russian nation. Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. Northern Illinois University Press, 2003. P. 63–95.

уровень масс, качество и глубину их советизации¹¹⁰¹.

В декабре 1924 г. ПУ РККА предложило развернутый план по реализации пятилетней программы строительства национальных воинских формирований, взяв на себя организацию учета национальностей в армии, подготовку политических кадров для национальных частей, участие в развитии национальных вузов, разработку пособий, уставной и политической литературы на национальных языках, подготовку директив военным округам о сосредоточении национальных меньшинств, разработку планов распределения призывов «националов» 1902 и 1903 гг. рождения, работу с допризывным контингентом и т.д.¹¹⁰² Многие пункты плана выходили далеко за рамки функций военно-политического ведомства и означали, что последнему были делегированы более широкие права и полномочия в области национального военного строительства. В этом была своя логика: на политорганы возлагались задачи политического воспитания в войсках, в числе которых было и решение национального вопроса (устранение фактического неравенства представителей разных национальностей, межнациональной напряженности). Поэтому национальные воинские формирования, являясь функцией национальной политики государства в армии, на первых порах фактически курировались Политуправлением РККА. Особенно это заметно в первые годы реализации программы национальных формирований, когда надежды на них, как на особый политический институт были особенно велики.

Конкретная программа воспитательной работы с бойцами нерусских национальностей была сформулирована в циркуляре ПУ РККА от 10 мая 1924 г. № 62. Документ был издан в преддверии первого призыва в РККА мирного времени молодежи 1902 года рождения, в связи с чем ожидалось, что в воинские части вольется значительное количество лиц нерусской национальности, «главным образом, украинцев, татар, башкир, отчасти немцев, вотяков, чувашей»¹¹⁰³. В связи с этим Политуправление потребовало «с самого начала создать обстановку для взаимно-

¹¹⁰¹ Партийно-политическая работа в Красной армии: 1921–1929 гг. С. 152–153.

¹¹⁰² ЦАМО. Ф. 7. Оп. 28. Д. 462. Л. 30–30 об; Оп. 40. Д. 10. Л. 393 об–394; Д. 13. Л. 87–88.

¹¹⁰³ Партийно-политическая работа в Красной армии. 1920–1929 гг. С. 206.

го уважения национального чувства различных национальных групп», «приспособить к ним политическую и политико-просветительскую работу»¹¹⁰⁴. При этом требовалось вести работу с разными национальностями не по единому шаблону, а с учетом степени их близости к русскому языку и русской культуре. Понятно, что украинцы в этом отношении существенно отличались от башкир или татар, а те, в свою очередь, от якутов или киргизов. Указывалось также на то, что «крайне важно» иметь в политаппарате воинских частей политработников соответствующих национальностей, для чего рекомендовалось изыскивать их в войсках и запрашивать у гражданских властей. Также предписано было организовать культурно-просветительскую работу среди «националов» (национальные песни и пляски, кино, театральные постановки и иные массовые действия) через адаптацию клубной работы под их «бытовые особенности». Наконец, в библиотеках частей надлежало организовать национальные уголки («уголок татарина», «уголок украинца» и т.д.)¹¹⁰⁵.

В июне 1924 г. во все военные округа и фронты был разослан циркуляр ПУ РККА за подписью начальника его агитпропотдела М.Г. Рафеса «О работе в национальных формированиях и урегулировании национальных отношений в частях Красной армии», содержащий видение постановки совместной работы отделов Политуправления, управлений Наркомвоенмора и Штаба РККА, местных органов военного управления (военкоматов) и партийных и советских органов по организации учета, допризывной подготовки и прохождения военной службы представителями народов СССР. Ставились конкретные задачи перед окружными и фронтовыми политуправлениями о переброске работников, знающих местные языки, налаживании издания военной литературы, пособий и уставов на языках народов Советского Союза, расширении употребления национальных языков в военном обучении и политпросветработе и т.д.

Большая резолюция под названием «Национальное строительство в Красной армии и флоте» была принята Всесоюзным совещанием начпуокров,

¹¹⁰⁴ Партийно-политическая работа в Красной армии: 1921–1929 гг. С. 207.

¹¹⁰⁵ Там же.

начпуфронт, военкомкоров, военкомдивов и начподивов, проходившим 17–22 ноября 1924 г.¹¹⁰⁶ В документе рассматривались как общие вопросы развития национальных частей, порядка их комплектования представителями различных народностей, так и особенности партийно-политической работы с нерусским личным составом и подбора кадров политических и культурно-просветительских работников (учителей, библиотекарей, клубных работников). В кадровом вопросе, указывалось в резолюции, требовалось подключение местных властей и партийных органов. Работа политорганов должна была быть *специализированной*, конкретной и направленной именно на те национальности, которые представлены в части: «Специализация политорганов дает возможность производить постепенный подбор политработников... облегчить выработку форм и методов работы по постановке школьной и внешкольной работы, организовать и подобрать национальные библиотечки...» – отмечалось в резолюции¹¹⁰⁷. Тема *индивидуализации* работы с национальными контингентами военнослужащих, обязательного учета их интересов, обусловленных этническими особенностями, проходит красной нитью через все руководящие документы Политуправления РККА в 1920-е гг.

Как показало исследование источников, специфика партийно-политической работы с контингентами военнослужащих из числа представителей народов СССР обуславливалась *социальными, культурно-бытовыми и языковыми особенностями* самих военнослужащих. К важнейшим из них, учитываемым политорганами в своей работе, относились: более низкая, чем в *номерных* частях, рабочая прослойка в нацчастях (на 1 января 1927 г. – 9,7 % против 16,5 % по РККА); представители рабочего класса в нацчастях в основном представляли собой не промышленный пролетариат, а наемных сельхозработчиков – батраков; высокая религиозность национальных контингентов, особенно мусульман и связанные с этим устойчивые морально-этические и бытовые стереотипы (этические нормы, распорядок дня, недели, религиозные обряды и праздники, пищевые предписания и запреты и т. д.); низкая грамотность как на русском, так и на родном языке пополнений из

¹¹⁰⁶ Всесоюзное совещание начпуокров... С. 209–215.

¹¹⁰⁷ Там же. С. 211.

национальных регионов (на 1 января 1926 г. – 24,6 %, а по РККА – 6,8 %¹¹⁰⁸); слабое владение красноармейцев из национальных регионов русским языком.

Работа партийно-политических органов с представителями народов СССР была сопровождала весь период обязательной военной службы гражданином СССР, подразделявшийся в трактовке законов о военной службе 1925 и 1930 гг. на три этапа – *допризывной подготовки, действительной военной службы и состояния в запасе (долгосрочном отпуске)*.

На этапе *допризывной подготовки* в межвоенный период одной из главных повседневных задач военных политорганов было пробуждение и стимулирование интереса у нерусского населения Советского Союза к участию в вооруженной защите молодого социалистического отечества. Именно армейские политработники (особенно с учетом слабости государственных и партийных аппаратов на местах) становились толкователями и проводниками новой власти не только для допризывной молодежи, но и для их родных и близких. Тем более что во многих местностях набор в армию проводился впервые в истории.

Поэтому «разъяснительная работа среди трудящихся» стала «первым практическим мероприятием» в области национального военного строительства¹¹⁰⁹. Ноябрьским 1924 г. совещанием начпуокров, начпуфлотов, военкомкоров, военкомдивов и начподивов именно агитационная работа с населением и допризывниками была названа неременной подготовительной процедурой на пути к развертыванию военного призыва среди прежде не отбывавших воинской повинности народов¹¹¹⁰. Еще ранее, в октябре 1923 г., на III Всесоюзном совещании политработников Красной армии и флота для налаживания диалога с местным населением было признано нужным обязать командный и политический состав изучать обычаи и традиции народа, историю края, в котором дислоцировалась воинская часть¹¹¹¹. Учетливое отношение к жителям национальных регионов, особенно старикам, всегда имело хороший эффект. «Путь к “сердцу” горца лежит через стари-

¹¹⁰⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 15 об.

¹¹⁰⁹ Всесоюзное совещание начпуокров... С. 12.

¹¹¹⁰ Там же. С. 214.

¹¹¹¹ Всеармейские совещания политработников... С. 88–89.

ков, – вспоминал свой опыт службы в Дагестане один из красных командиров. – В практике мы это учитывали: предупредительность, внимательность к старикам... Давали положительные результаты»¹¹¹².

Армейские политорганы вели работу по разъяснению населению национальной политики большевиков, преодолению проявлений великодержавного шовинизма и местного национализма и сделали много для становления толерантных взаимоотношений с жителями национальных окраин. Широко использовались массовые мероприятия, призванные закрепить связь Красной армии с местным населением. Таковыми «формами сближения» назывались шефство трудовых коллективов над армией и армии над населением, взаимное участие в революционных праздниках, митинги, концерты и театрализованные постановки и т.д.¹¹¹³. Личный пример, бравый, подтянутый внешний вид красноармейцев также играл очень важную роль. Еще задолго до начала призыва разворачивалась активная агитационно-пропагандистская кампания, главным объектом которой был допризывник. В идеале военная пропаганда виделась повсеместной, тотальной: «Ни одного клуба, ни одной избы-читальни, ни одной чайханы без военуголка, ни одной библиотеки, ни одной читальни без военной книги и военных газет; ни одной стенной газеты без военного отдела»¹¹¹⁴.

Исследование показало, что мощным стимулирующим мероприятием становились продолжавшиеся от недели до месяца сборы (чаще всего на казарменном положении) допризывников, в ходе которых осуществлялось не только первое знакомство нерусской молодежи с Красной армией и азами военной службы, но нередко и с самой советской властью. Особенно это важно было в тех регионах, где поступление в национальные части было добровольным (Средняя Азия, Сибирь, Северный Кавказ). Здесь сборы допризывников носили характер показательных учений, в который кроме военкоматов вовлекались партийные и государственные органы, общественные организации. Мероприятия проводились в тор-

¹¹¹² Сафроненко. Опыт работы среди дагестанцев // Военный вестник. 1927. № 32. С. 50–51.

¹¹¹³ Всеармейские совещания политработников... С. 89.

¹¹¹⁴ Черкис Н. Опыт проведения допризподготовки в Казакстане // Военный вестник. 1927. № 6. С. 58–59.

жественной, праздничной обстановке. Как правило, молодые люди проявляли большой интерес к военным мероприятиям. Работник кантонного военкомата Каракольского кантона Казакской (Казахской) АССР Козинцев¹¹¹⁵ свидетельствовал, что вызванные молодые люди 1906 года рождения являлись в военкомат организовано, в сопровождении председателей сельсоветов, «в стройном порядке, с красными знаменами и пением революционных песен». Съехалось также много молодежи других годов рождения «с просьбой принять их на учебу или в ряды Красной армии»¹¹¹⁶. По свидетельству другого красного командира Ильинского¹¹¹⁷, участвовавшего в 1926 г. в аналогичном мероприятии в Узбекистане, помимо вполне удовлетворительных результатов в первичном военном обучении узбекской молодежи, сборы дали мощный социальный и политический эффект: допризывники прошли «достаточно серьезную школу политграмоты», успели закончить курс ликбеза, получили элементарные санитарно-гигиенические знания, познакомились с физкультурно-оздоровительными мероприятиями и спортивными играми (например, большой их интерес вызвал футбол). Все это в совокупности давало надежду на социально-культурное сближение жителя «темного, далекого, еще не культурного и суеверного кишлака» с советской властью¹¹¹⁸.

В период несения представителями народов СССР *действительной военной службы* большую проблему представляли прием и адаптация к трудностям военной службы *молодого пополнения*. Не случайно к встрече так называемого «*молодняка*» воинская часть готовилась специально, стараясь обставить прибытие пополнения как можно более торжественно, создать для него в казарме наиболее комфортную и дружелюбную среду. Именно этот, маргинальный по отношению к основной массе военнослужащих контингент нес в себе комплекс отрицательных настроений и навыков, именовавшихся *крестьянскими* и *домашними настроениями*. Пик *крестьянских* (для Средней Азии – *кишлачных*) *настроений* пришелся на

¹¹¹⁵ Инициалы не установлены.

¹¹¹⁶ Козинцев. Допризывная подготовка в Каракольском кантоне Казакской АССР // Военный вестник. 1928. № 28. С. 19–20.

¹¹¹⁷ Инициалы не установлены.

¹¹¹⁸ Ильинский. Допризывная подготовка в Узбекистане // Военный вестник. 1927. № 3. С. 52.

рубеж 1920–1930-х гг. и был связан с масштабным кризисом на селе, связанным с государственными кампаниями по раскулачиванию, организации колхозов, хлебозаготовкам и последовавшим за ними голодом в ряде регионов СССР. Благоприятной средой для распространения таких настроений являлась сама система территориального комплектования войск личным составом, благодаря которому в дивизиях сосредотачивались земляки, а воинская часть со временем приобретала «законченный тип чисто крестьянских формирований»¹¹¹⁹.

В национальных регионах их специфика была связана с особенностями проводившихся в них хозяйственных кампаний. Например, в Средней Азии на политические настроения новобранцев негативно влияли не только кампания хлебозаготовок, но и реализация государственной хлопковой программы. Во всех случаях, ссылаясь на письма из дома, красноармейцы жаловались на разорение деревни, даже бедняцких хозяйств¹¹²⁰. Среди красноармейцев часто встречались демобилизационные настроения, вызванные желанием помочь голодающей семье. Вести о жестоком голоде в ряде регионов Украины, Северного Кавказа, Казахстана доносили прибывавшие с очередным призывом молодые красноармейцы. Один из них (168-й арtpолк УВО) свидетельствовал в начале 1933 г.: «Мы прошлую зиму чуть не подошли от голода, весной умерло очень много людей, и эта зима будет такой же, потому что хлеб сдали государству, а сами снова будем без хлеба»¹¹²¹. Нередко рядовые бойцы, сопоставляя советскую действительность с недавним прошлым, давали простой, но точный анализ происходящего. Так, красноармеец Ата-Сахатов из 4-й туркменской горнокавалерийской дивизии заявлял в кругу сослуживцев: «Все говорят, что у нас хорошо, а в капиталистических странах плохо... Как раз наоборот: у них все есть, а у нас – ничего. Колхозов не было – все было, на базаре можно было купить все. А тут понастроили колхозы, открыли колхозный базар, а все равно крестьянину нечего покупать, колхозники голодают...»¹¹²².

¹¹¹⁹ Красная армия в 1920-е годы. С. 173.

¹¹²⁰ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 28. Д. 491. Л. 17.

¹¹²¹ Там же. Л. 513.

¹¹²² РГВА. Ф. 35875. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

Армейские политорганы тщательно отслеживали настроения как *молодняка*, так и старослужащих красноармейцев, подробнейшим образом документируя все «отрицательные настроения», отмечая их масштаб и тенденции развития. Реакцией на *крестьянские настроения* становилось усиление разъяснений красноармейцам государственных программ на селе с одновременным усилением бдительности и выявлением классовых врагов. Основной формой разъяснительной работы стало проведение собраний и митингов, целью которого было формирование определенного общественного мнения в красноармейской среде. С «отрицательными» настроениями борьба велась пропагандой позитивных высказываний красноармейцев о положении в деревне, трансляции официальных новостей о хозяйственных успехах. Всячески поощрялся перенос «живого опыта классовой борьбы в деревне против кулацкого влияния в казарме»¹¹²³. На практике это означало втягивание красноармейцев из числа сельских активистов в работу по выявлению в своем подразделении «классовых врагов» и «социально чуждых лиц». Широко практиковалось написание классово выдержанных писем домой и массовое их зачитывание перед воинским коллективом на красноармейских конференциях. Здесь же подвергались проработке бойцы, допускавшие сомнения в правильности предпринимавшихся на селе мер. На них легко навешивались ярлыки: «дашнак», «мусаватист», «меньшевик», «бай» и т.п.

Часто источники упоминают так называемые «*домашние настроения*», типологически близкие к *крестьянским*, но имевшие более личную природу. *Домашние настроения* вызывались неизбежными сложностями привыкания новобранца к новой обстановке. Для бойца нерусской национальности, часто впервые в жизни покинувшего свое село, аул или кишлак, стресс адаптации в инокультурной среде был еще выше. Иногда тоска по дому провоцировала новобранца к серьезным воинским проступкам и преступлениям, таким как самовольные отлучки и даже дезертирство. Эти действия были вполне осуществимы, поскольку национальные части всегда дислоцировались на территории своих республик. Нередко источники подчеркивают, что новобранцы-«националы» не осознавали преступ-

¹¹²³ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 491. Л. 34.

ности своих деяний: они просто отлучались домой на праздник, похороны, повидать родителей или по иным семейным делам. Например, в Нацкавполку горских национальностей Северного Кавказа в 1927 г. без малого 16 % личного состава совершили самовольные отлучки¹¹²⁴. Часть новобранцев имела необоснованные ожидания о материальной или иной выгоде от военной службы (распространению таких ожиданий часто способствовали работники военкоматов во время вербовочных кампаний) и ошибочно полагала, что в любой момент может покинуть армейские ряды¹¹²⁵. У большинства бойцов *домашние настроения* проходили самостоятельно, по мере втягивания их в жизнь воинской части и освоения военной специальности. Источники отмечают, что число самовольных отлучек и дезертирств в национальных частях у красноармейцев второго года службы резко шло на убыль¹¹²⁶.

Отдельной специфической особенностью поведения молодого пополнения было так называемое «*культурничество*», выражавшееся в стремлении пришедшей в армию нерусской молодежи к усвоению новых знаний, культурных кодов и поведенческих паттернов, связанных прежде всего с русской культурно-языковой традицией. Распространение *культурничества* отмечалось буквально всеми политработниками из всех уголков Советского Союза и, очевидно, являлось одним из наиболее мощных и артикулированных мотивов притока нерусской молодежи в армию. «Взгляд на Красную армию лишь как на школу является у красноармейцев-националов общераспространенным», – отмечало Политуправление РККА¹¹²⁷. «Вся красноармейская масса приходит в армию с определенным мнением – учиться; в их понятии армия – это школа... ликвидации неграмотности», – говорилось на совещании политработников при Политуправлении Кавказской Краснознаменной армии в мае 1926 г.¹¹²⁸ «Кишлак не может удовлетворить запросов молодежи и для некоторых народностей (особенно киргизов и таджиков) армия яв-

¹¹²⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 321. Л. 48 об.

¹¹²⁵ Там же. Д. 489. Л. 8 об.

¹¹²⁶ Там же. Д. 491. Л. 19.

¹¹²⁷ Там же. Д. 321. Л. 48 об.

¹¹²⁸ Там же. Л. 378.

ляется единственной возможностью просвещения», – отмечалось в одной из аналитических записок ПУ РККА¹¹²⁹. Интерес к знаниям у красноармейцев-«националов» чаще всего носил прагматическую подоплеку: «Большинство интересуется вопросами, могущими принести пользу в деревне... с тем, чтобы по возвращении применить все это в жизни»¹¹³⁰. К ним относились молодые люди, занимавшиеся отхожим промыслом в российских регионах, жившие по соседству с русскими селами, а также сельские активисты, рассчитывавшие по возвращении домой продолжить карьеру по партийной, советской или хозяйственной линии¹¹³¹.

Отношение к «*окультуриванию нацмен*» со стороны армейского политаппарата было неоднозначным. С одной стороны, нельзя было не признавать его позитивный социальный заряд¹¹³². Однако по отношению к задачам боевой подготовки и классового воспитания, стремление к *окультуриванию* было глубоко вторичным; желание «молодняка» овладевать знаниями и традициями русской цивилизации приветствовалось только в совокупности с пролетарскими формами культуры: «Кзыл-аскер должен быть культурным классово-сознательным человеком – вот та основная задача, которая должна быть поставлена перед воспитательной работой», – отмечалось в плановой директиве на летний период 1926 г. начальника ПУ Туркестанского фронта Н.Н. Кузьмина¹¹³³.

В 1920-х гг. политработа с красноармейским составом подразделялась на *школьную* и *внешкольную*. В школьную входили политзанятия и занятия по ликвидации безграмотности (ликбез). К внешкольной работе относились различные культурно-просветительские занятия – самоподготовка в ленинских уголках, посещение библиотек, музыкальные, танцевальные, театральные и прочие кружки, спортивные занятия, читка газет и военкоровская работа и др.

Наиболее важными и по объему отводимого учебного времени, и по методическому значению являлись *политические занятия* с красноармейцами. До

¹¹²⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 16.

¹¹³⁰ Там же.

¹¹³¹ Там же. Л. 379.

¹¹³² Там же.

¹¹³³ Там же.

1924 г. политзанятия проводились в масштабах роты, а в последующем – в масштабе взвода, что значительно повышало эффективность охвата личного состава¹¹³⁴. Было установлено, что состав группы для политзанятий не должен был превышать 25 человек. Руководителями групп политической подготовки (групповодами), как правило, назначались лица начальствующего состава и заместители политруков. В масштабе части под руководством комиссаров, работников политорганов, инструкторов пропаганды с групповодами регулярно проводились занятия, семинары, на которых подробно разбирались очередные темы и подводились итоги прошедших занятий.

Методически политические занятия строились по следующей схеме: краткий рассказ групповода по теме, самостоятельное чтение, итоговая беседа, контрольно-проверочное задание¹¹³⁵. При этом среди методов политпросветработы с личным составом нерусских национальностей ведущим считалась *наглядность*, считавшаяся «самой естественной формой обучения», как вследствие низкого культурного уровня контингентов нерусских национальностей, так и в связи с проблемой языка обучения, поскольку квалифицированных преподавателей, владевших местными языками, остро не хватало¹¹³⁶. Поэтому в методическом арсенале политработника всегда преобладали визуальные средства: наглядные формы агитации (лозунг, плакат), художественные инсценировки, личный пример.

Важнейшим звеном политаппарата были внештатные агитаторы, работавшие без отрыва от основных обязанностей в каждом подразделении с небольшими группами бойцов. Они подбирались из числа коммунистов, комсомольцев и «беспартийных большевиков». Агитаторская сеть охватывала весь без исключения личный состав, и поддержание ее стабильности являлось одной из важнейших задач политорганов.

¹¹³⁴ Гужва Е.Г. Основные тенденции развития политико-воспитательной работы в РККА в ходе военной реформы 1924–1925 годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-практической конференции 13–15 мая 2015 г. Ч. II. СПб., 2015. С. 34–45.

¹¹³⁵ Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах... С. 167–168.

¹¹³⁶ Захаров М. Особенности обучения и быта в национальных частях // Военный вестник. 1925. № 22. С. 10.

В связи с недостатком опытных командиров-коммунистов из числа местных национальностей групповоды для политзанятий и агитаторы в значительной мере подбирались из числа красноармейцев, нередко беспартийных. Например, в 1926 г. в нацчастях САВО 40 % групповодов являлись красноармейцами, окончившими ликбез уже в армии и не имевшими никакого опыта ведения политико-просветительской работы¹¹³⁷. Часто они не знали русского языка, что резко сужало возможности освоения ими учебной литературы, которая в основном приходила на русском языке. В Кавказской Краснознаменной армии большинство групповодов подбиралось из комсостава (85% – из числа комвзводов), однако их методический уровень также был невысок. Если же занятия поручались русскоговорящим командирам, то их эффективность также была низкой из-за необходимости использовать услуги переводчика.

Слабость групповодов отражалась на содержании занятий, часто сводившихся к формальному времяпрепровождению или обсуждению лишь тех вопросов, к которым тот оказывался готов¹¹³⁸. Недостаточные методические навыки групповодов и слабая инструкторская помощь со стороны политрука приводили к тому, что нередко они неверно или неполно передавали смысл беседы. Национальный вопрос и проблемы местной жизни рассматривались на занятиях слабо. «В результате редко какой групповод может заинтересовать красноармейцев, хотя последние проявляют интерес к занятиям», – отмечалось на совещании политработников ККА в мае 1926 г.¹¹³⁹ Учебному процессу также вредил острый недостаток или даже полное отсутствие литературы и пособий на местных языках, карт, таблиц, лозунгов, плакатов. Особенно плохо в этом отношении было в САВО и СКВО.

С середины 1920-х гг. была развернута специальная подготовка политработников для национальных частей. При военных округах были открыты отделения Высшей партийной школы (ВПШ). Кроме того, места для представителей

¹¹³⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 237. Л. 380.

¹¹³⁸ Там же. Л. 386.

¹¹³⁹ Там же. Л. 383.

нацменьшинств, для которых не предусматривалось специальных отделений в округах, квотировались в самой ВПШ¹¹⁴⁰. Использовался и более простой способ изыскания необходимых кадров политработников. Так, в 1924 г. был проведен учет политработников, владевших тюркскими языками и языками народов Кавказа. В соответствии с этим была проведена переброска работников в Отдельную Кавказскую армию, Северо-Кавказский военный округ, Туркфронт¹¹⁴¹. Подобные ротации регулярно проводились и в последующие годы.

Партийно-комсомольская прослойка из представителей местных национальностей, понимавшаяся как кадровый резерв, из которого можно было черпать кандидатов на командные и политические должности, в 1920-х гг., как правило, была очень тонка, а число активистов из этой среды и вовсе исчислялось единицами. Слабость актива среди «нацмен» считалась главным препятствием на пути углубления воспитательной работы среди военнослужащих нерусских национальностей, изучения их запросов и настроений, индивидуализации работы¹¹⁴². К тому же нередко коммунисты и комсомольцы понимали свою роль в качестве защитников («толкачей») узкогрупповых интересов той этнической, родственной или земляческой группы, которую они представляли в национальной части. Поэтому они выступали в авангарде групповых протестов, подавали так называемые «коллективки» (коллективные письма) и т.п. Как отмечали проверяющие Политуправления РККА, работавшие в частях САВО, вследствие того, что налицо был «значительно более низкий культурно-политический уровень комсомольцев нацчастей», они часто «подпадают под влияние беспартийных и становятся рупором выявления их настроений, а иногда и авангардом». Хотя комсомольская прослойка в нацчастях часто была велика численно, ее актив, напротив, был «чрезвычайно узок и много комсомольцев совершенно не используются в работе»¹¹⁴³. В дисциплинарном отношении партийный и особенно комсомольский состав также мало чем выделялся среди всей красноармейской массы.

¹¹⁴⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 462. Л. 136.

¹¹⁴¹ Берхин И.Б. Военная реформа в СССР 1924–1925 гг. М., 1958. С. 125.

¹¹⁴² РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 237. Л. 226.

¹¹⁴³ Там же. Л. 19.

В директиве ПУ РККА от 27 апреля 1926 г. подчеркивалась острая необходимость «выращивания актива среди нацмен»¹¹⁴⁴. Для этого требовалось привлекать лучших красноармейцев в комсомол и партию, отказаться от национального высокомерия со стороны русского комполитсостава и, в свою очередь, от излишне болезненного реагирования со стороны национальных работников.

Особенностью партичек в нацчастях в 1920-х гг. было преобладание в них красноармейцев, поскольку эти части комплектовались на основе добровольной вербовки и среди добровольцев было много партийцев. Но в целом *партнасыщенность* национальных частей была ниже *номерных*. По состоянию на 1 января 1927 г. она составляла 11,3 против 15,1 % в целом по РККА. На 1 июля 1926 г. парторганизации нацчастей ККА, СКВО и САВО в совокупности насчитывали лишь 2017 чел.¹¹⁴⁵ Одним из способов повысить плотность и качество партийно-комсомольской прослойки в нацчастях становились разверстки на призыв партийцев и комсомольцев, выполнение которых возлагалось на плечи местных гражданских властей. Например, в 1930-х гг. по нацчастям САВО предписывалось набирать в составе нового пополнения не менее 50% членов ВКП(б) и ВЛКСМ. Однако из-за малочисленности партийно-комсомольских организаций на местах это предписание далеко не всегда выполнялось¹¹⁴⁶.

Партийная ячейка роты была средоточием организационных инициатив и конкретной работы с партийным и беспартийным активами в подразделениях. Вот как описывалась деятельность ячейки в одной из национальных частей Краснознаменной Кавказской армии (ККА), в которой командиром роты был армянин Кипосян, а секретарем ротной ячейки ВКП(б) грузин Ломадзе. Актив ячейки организовал прикрепление передовых коммунистов роты к отстающим красноармейцам, которым они оказывали индивидуальную помощь в освоении учебных предметов и боевой техники. Ячейка помогла организовать несколько техниче-

¹¹⁴⁴ Нацмен – *сокр.* национальное меньшинство.

¹¹⁴⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 19.

¹¹⁴⁶ Там же. Д. 491. Л. 15.

ских кружков. Она контролировала успеваемость партийцев на занятиях¹¹⁴⁷. Аналогичным образом работали комсомольские ячейки. Так, ячейка осетинской роты в одной из грузинских частей добилась от комсомольцев стопроцентного выполнения стрельб из всех видов оружия. Была организована тщательная проработка данного групповодом материала по политзанятиям и партийному просвещению. К неуспевающим комсомольцам прикреплялись наиболее сильные. Для изучения истории партии ячейкой были организованы две группы, проводившие регулярные занятия.

Огромное значение в политическом воспитании бойца играло *культурное и художественное просвещение*. Несмотря на большую загрузку войск боевой и политической учебой, политические органы находили время для театральных представлений, художественных постановок, кинопоказов, хоровых и танцевальных вечеров и т. д. Задачей политработы вовсе не являлось вытеснять национальную культуру и обычаи и заменять их советскими образцами. Речь шла об органичном вовлечении национальных культур в советское культурное строительство. Иногда национальная структура воинской части была особенно сложной, что требовало значительных усилий со стороны партполитаппарата. Так, в Национальном кавалерийском полку горских национальностей Северного Кавказа были представлены все крупные горские народы Северного Кавказа. Задачей политорганов было соблюсти национальные интересы если не всех, то по крайней мере большинства представленных в части национальностей. В период лагерных сборов организовывались хоровые кружки на шести языках народов Северного Кавказа. В лагерях выступали национальные ансамбли танца из Дагестана, Чечни и Адыгеи, велись стенгазеты на нескольких языках и т. д.¹¹⁴⁸

Исключительно важное значение в политической и просветительской работе имели *литература и периодическая печать* на языках народов СССР. Как справедливо отмечал преподаватель Института красной профессуры

¹¹⁴⁷ Сидоров И. Партийно-политическая работа в национальных частях РККА // Военный вестник. 1932. № 17–18. С. 74.

¹¹⁴⁸ РГВА. Ф. 40714. Оп. 1. Д. 5. Л. 209.

А. Аршаруни, «до тех пор, пока не будет переведена на национальные языки необходимая военно-педагогическая и политическая литература – большая часть пожеланий и постановлений останутся “разговорчиками”»¹¹⁴⁹.

Публикация военно-политической литературы для красноармейцев нерусских национальностей началась в середине 1920-х гг. На 1925/1926 бюджетный год в смету ПУ РККА было заложено издание 12 наименований книг и брошюр на 20 языках общей стоимостью около 143 тыс. рублей¹¹⁵⁰. Тиражи военно-политической литературы были незначительными и соответствовали численности военнослужащих (татарский – 3000 экз., бурят-монгольский, якутский, киргизский, немецкий, чувашский – по 1 тыс. экз., еврейский, польский – по 500, коми и марийский – по 200, чеченский, осетинский, ингушский – по 50 экз. и т.д.) Номенклатура военно-политических изданий охватывала прежде всего биографии вождей партии и РККА (В.И. Ленина, М.В. Фрунзе, членов РВСР), красноармейские песни, памятки для *терармейцев*, общеобразовательные (букварь с военным уклоном) и общественно-просветительские темы («Памятка допризывника», «Что должен знать молодой красноармеец?», «Льготы красноармейцам и их семьям», «Памятка отпускнику», «Художественные рассказы по истории Гражданской войны»)¹¹⁵¹.

Особенно сложно складывалась публикация уставной и учебной литературы. Научно-уставной отдел (НУО) Штаба РККА, занимавшийся обобщением опыта Первой мировой и Гражданской войн и составлением на его основе новых уставов, был перегружен работой, вследствие чего подготовка уставов на национальных языках была передана соответствующим округам, которым НУО лишь давал руководящие указания и утверждал годовые планы работ. НУО также распределял кредиты на подготовку уставов.

В некоторых национальных частях пытались самостоятельно переводить соответствующие военные материалы на национальные языки, привлекая для это-

¹¹⁴⁹ Аршаруни А. Указ. соч. С. 9.

¹¹⁵⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 462. Л. 77–80.

¹¹⁵¹ Там же. Л. 55–75.

го местные культурно-образовательные ресурсы. Специфической трудностью работы с военной литературой было то, что требовался не только перевод как таковой, но и проверка, редакция специалистом, владеющим как военной терминологией, так и русским, и местными языками одновременно. А таковые насчитывались единицами. Более того, многих уставных понятий и определений в местных языках вообще не существовало, они формулировались впервые¹¹⁵². Военная терминология считалась более или менее устоявшейся только на грузинском и армянском языках¹¹⁵³. К концу 1925/1926 бюджетного года часть уставов (гарнизонной и внутренней службы, боевой пехоты, описания винтовки, пулемета) была переведена на грузинский, армянский, тюркский (азербайджанский), татарский, узбекский, туркменский, казакский (казахский), украинский и белорусский языки.

Однако в целом дело двигалось крайне медленно. Общая нехватка средств заставляла финансировать подготовку уставов на национальных языках по остаточному принципу: в 1927 г. округа получили на эти цели лишь 40 % отпущенных средств. В январе 1927 г. ПУ РККА констатировал, что «во всех частях ощущается острый недостаток или даже полное отсутствие литературы на нацязыках, пособий, особенно географических карт, таблиц и т.п. Особенно плохо в этом отношении в частях САВО, СКВО»¹¹⁵⁴. В другом документе отмечалось: «ПУ РККА отмечает очень острую нужду в массовой политической и художественной литературе, рассчитанной на рядового красноармейца. Очень бедна сельскохозяйственная и военная литература. В САВО военной литературы на языках нет вообще»¹¹⁵⁵.

Совершенно особое место в политико-пропагандистской работе занимала красноармейская *периодическая печать*, хотя и признавалось, что газета не заменяет книгу и не способна привить красноармейцу навык индивидуального чтения на самостоятельной подготовке¹¹⁵⁶. Но газете отводилась роль «коллективного

¹¹⁵² Захаров М. Особенности обучения и быта в национальных частях. С. 10.

¹¹⁵³ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 8.

¹¹⁵⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 1.

¹¹⁵⁵ Там же.

¹¹⁵⁶ Там же. Д. 237. Л. 379.

пропагандиста и агитатора»¹¹⁵⁷. Как отмечал в 1925 г. журнал «Военный вестник», при крайнем недостатке литературы на языках нацменьшинств периодическое издание «не только выполняет роль газеты, но и служит в армии часто единственным материалом для чтения и занятий по политической и технической грамоте»¹¹⁵⁸. Общее руководство всей военно-издательской деятельностью было сосредоточено в руках Политуправления РККА. Уже к 1925 г. на национальных языках выходило шесть газет (по одному – в УВО, ПриВО и ТуркВО и три – в ККА)¹¹⁵⁹: «Кзыл армеец» (на азербайджанском языке), «Цители армиели» (на грузинском языке), «Кармир зинзор» (на армянском языке), «Кзыл аскер» (на азербайджанском языке), «Кзыл юлдуз» (на узбекском языке) и «Красная армия» (на украинском и русском языках). Разовый суточный тираж национальных газет составлял 1–1,5 тыс. экз., а некоторых доходил до 2 тыс. экз.¹¹⁶⁰ Во второй половине 1920-х гг. национальная печать заняла видное место в армейской прессе. Так, в 1926–1927 гг. в Красной армии кроме центральной «Красной звезды» выходили 10 окружных, 5 национальных, 3 территориальные и 2 краснофлотские газеты¹¹⁶¹.

Политорганы всячески поощряли не только чтение газет бойцами-«националами», но и вовлечение их в создание самих газетных материалов. В середине 1920-х гг. в связи с возросшей политической активностью красноармейцев, а также расширением красноармейских печатных и стенных газет (последние издавались в каждой роте) широко развернулось *военкоровское* движение. *Военкором* считался каждый красноармеец, пишущий в периодическое издание (военную или гражданскую печатную либо стенную газету). Уже в 1925 г. количество *военкоров* по РККА достигало 40–50 тыс. чел.¹¹⁶² Регулярно проводились окружные и всеармейские совещания *военкоров*, на которых наиболее талантливые пишущие бойцы делились своим творческим опытом.

¹¹⁵⁷ Митяев Д. Красноармейская печать: (К 3-му Всесоюзному совещанию работников красноармейской печати) // Военный вестник. 1925. № 38. С. 18.

¹¹⁵⁸ Там же. С. 20.

¹¹⁵⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 462. Л. 76.

¹¹⁶⁰ Митяев Д. Указ. соч. С. 18.

¹¹⁶¹ Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах... С. 131.

¹¹⁶² Митяев Д. Указ. соч. С. 20.

Национальные красноармейские газеты распространялись и среди гражданского населения национальных регионов, что способствовало подъему общей культуры, прежде всего на селе. Некоторые газеты (например, грузинская «Цители армиели») становились настолько популярными, что на них открывалась подписка и они переходили на ежедневный выпуск¹¹⁶³.

Национальным газетам были присущи определенные недостатки. В апреле 1927 г. Политуправление РККА разослало циркуляр редакторам окружных и национальных изданий, в которых на основе анализа газет «Кзыл аскер», «Цители армиели» и «Кармир зинзор» были выделены слабые стороны национальной печати. В циркуляре отмечалось, что национальная периодика в целом слабее, чем русскоязычная красноармейская печать, «газеты отстают от роста культурных запросов красноармейцев»: эти издания не всегда выделяют главное в международных событиях и жизни страны, слабо освещены вопросы военного дела и боевой учебы. Газеты оторваны от национальных проблем, явления национального шовинизма и национализма затрагиваются вскользь, «редакции не имеют выдержанной линии при разъяснении этого вопроса читателю». Не освещались бытовые вопросы, проблемы с питанием, религиозность. Есть «боязнь заострить внимание на том или ином отрицательном явлении... замазывание этих явлений»¹¹⁶⁴.

В резолюции 2-го Всеармейского агитационно-пропагандистского совещания в июле 1930 г. национальная красноармейская печать была охарактеризована как «отсталый участок», «не всегда дающий выдержанное и четкое разъяснение генеральной линии партии, недостаточно отражающий задачи классового и интернационального воспитания...»¹¹⁶⁵ В связи с развернувшейся на рубеже 1920–1930-х гг. борьбой с «уклонами» национальной военной печати ставилась задача «усилить систематическое разоблачение идеологии и практики антисоветских партий», борьбу с проявлениями великодержавного и местного шовинизма¹¹⁶⁶.

¹¹⁶³ Митяев Д. Указ. соч. С. 20.

¹¹⁶⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 24–26.

¹¹⁶⁵ Партийно-политическая работа в Красной армии: Июль 1929 – май 1941 гг. ... С. 94–95.

¹¹⁶⁶ Киверцев А. Об основных задачах окружной и национальной красноармейской печати // Военный вестник. 1930. 15 августа. С. 37–38.

В то же время от национальной армейской печати требовалось качественно улучшить освещение боевой подготовки войск, оперативно реагировать на новейшие тенденции в развитии РККА, в частности в связи с растущим техническим оснащением «во всю ширь развернуть пропаганду военной техники, борьбу за овладение ею бойцом, за умелое тактическое взаимодействие с техникой в условиях современного боя»¹¹⁶⁷.

Предметом особой заботы армейских политических органов и командного состава являлась сфера *быта* и *повседневного общения* военнослужащих, где также имелось немало сложностей. Если этим аспектам жизни воинского коллектива командно-политическим составом не уделялось должного внимания, это оборачивалось осложнением межнациональных отношений внутри подразделения, коллективными жалобами, выступлениями против бытовых условий и даже стремлением покинуть армейские ряды.

Политработникам нередко приходилось сталкиваться с проявлениями *межнациональной напряженности* и *конфликтов* и разрешать эти ситуации. Анализ документов позволяет утверждать, что в течение всего изучаемого периода явления межнациональной напряженности были постоянным фоном казарменной жизни, как в национальных воинских частях, так и в *номерных* частях с многонациональным составом. В то же время эти проблемы, как правило, не выходили за рамки бытовых проявлений. Межэтническую напряженность и конфликты в Красной армии можно классифицировать следующим образом.

Во-первых, трения и конфликты между «националами» и русскими (часто первые являлись красноармейцами, а вторые – командирами), отмечавшиеся повсеместно – в Закавказье и на Северном Кавказе, в Средней Азии и в Поволжье. Это наиболее распространенный тип межэтнической напряженности в РККА в течение всего изучаемого периода. Особенностью межэтнических конфликтов с участием русских (часто к ним присоединялись украинцы) военнослужащих было то, что чаще всего они возникали в воинских частях со смешанным национальным составом, в которые невозможно было подобрать соответствующий командно-

¹¹⁶⁷ Киверцев А. Указ. соч. С. 97–98.

политический состав и обеспечить комфортную языковую среду. Нерусские красноармейцы чувствовали себя брошенными, ущемленными, жаловались на проявления русскими сослуживцами шовинизма, заключавшегося в навешивании ярлыков и присвоении обидных кличек.

Представители различных этносов нередко спекулировали на мотивах угнетения со стороны русских, толкуя как русский шовинизм бытовую неустроенность и острую нехватку тех или иных элементов красноармейского быта. Например, как отмечалось в одной из сводок ПУ РККА в мае 1926 г., «несвоевременная выдача обмундирования, случайно выпавшая на татарскую роту, вызвала явления “нас угнетают”. [Вообще] пополнение из нацменьшинств, в том числе и парткомсомольское, чутко реагирует на все недостатки, относя их к отрицательному отношению к нацменьшинствам и требуя усиления внимания к ним со стороны командования»¹¹⁶⁸. «Это положение приводит к яркому выделению в нацчастях нацменьшинств болезненного настроения о “трудностях” службы, о «подавлении» мелких национальностей, захватывая ими комсомольцев и партийцев», – отмечалось в докладе заместителя начальника ПУ СКВО Гринберга¹¹⁶⁹.

Причины напряженности лежали в неизбежном межцивилизационном столкновении в стенах казармы представителей этносов, пути которых, вполне вероятно, при других условиях никогда бы не пересеклись. Для русских красноармейцев, многие из которых прибывали из глухих деревень, встреча с «националами» была первой. Сами русские бойцы нуждались в определенных адаптационных и ознакомительных мероприятиях – беседах, разъяснениях, митингах. Взаимные насмешки и остроты нужно понимать как своеобразный защитный механизм. «Не мудрено, – отмечалось в одном из докладов ПУ РККА, – что татары в 24-й [стрелковой] дивизии [ПриВО] были встречены с большим любопытством; на них смотрели как на какую-то диковинку и при этом позволяли себе по их адресу насмешки и остроты»¹¹⁷⁰.

¹¹⁶⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 804. Л. 13.

¹¹⁶⁹ Там же. Оп. 26. Д. 180. Л. 49–53.

¹¹⁷⁰ Там же. Д. 476. Л. 250.

Особо негативное отношение у русских и украинских красноармейцев отмечалось к татарам, немцам и евреям. В меньшей степени (пропорционально численности в войсках) неудобства терпели башкиры, чувашаи, черемисы (марийцы), представители среднеазиатских народов. В основном притеснения состояли в насмешках, третировании, оскорблениях, связанных с внешним видом и национальными обычаями. Реже происходили драки, отказ от совместного пребывания в помещении, приема пищи и т.д.

Вообще, говоря о численно преобладавших в войсках национальностях – русских и украинцах, – ПУ РККА отмечало, что «им еще во многих случаях присущ национальный шовинизм и великодержавное отношение к тем нациям, которые при царизме больше всех угнетались»¹¹⁷¹. В сводке ПУ РККА от 26 мая 1926 г. отмечалось, что «до сих пор со стороны красноармейцев по отношению к национальным меньшинствам употребляются оскорбительные прозвища»¹¹⁷².

С другой стороны, степень ранимости представителей национальных меньшинств от несправедливых обвинений и оскорблений была значительно выше, чем у славян: «Национальные меньшинства энергично реагируют на всякую не тактичность, насмешки, случались драки и даже поножовщина»¹¹⁷³. В документах первой половины 1920-х гг. неоднократно упоминается явно провокационный со стороны русских красноармейцев обычай осенять крестным знаменем татар, на что те реагировали всегда чрезвычайно болезненно¹¹⁷⁴. Иногда представители нерусских народов слишком буквально принимали безобидное подтрунивание, что приводило к настоящим конфликтам¹¹⁷⁵, а иногда и к трагедиям. Например, голословные обвинения красноармейца туркмена Б. со стороны русского отделенного командира Ф. в половом извращении за несколько дней довели примерного бойца, уже готовившегося к увольнению, до самоубийства¹¹⁷⁶.

¹¹⁷¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 476. Л. 250.

¹¹⁷² Там же. Оп. 28. Д. 804. Л. 13.

¹¹⁷³ Там же.

¹¹⁷⁴ Там же. Д. 462. Л. 86.

¹¹⁷⁵ Там же. Д. 476. Л. 250 об.

¹¹⁷⁶ Там же. Оп. 26. Д. 491. Л. 262.

Во-вторых, там, где военнослужащие разных национальностей проходили службу вместе (особенно в национальных военных школах), трения возникали между представителями крупных нерусских этносов. Так, в Объединенной среднеазиатской школе, в которой проходило обучение около восьмисот курсантов местных национальностей, противоречия проявлялись между казахами, узбеками и туркменами¹¹⁷⁷. В большинстве случаев межнациональная напряженность не выходила за рамки бытовых трений. Однако в армейских рядах встречались представители тех народов, которые много веков враждовали друг с другом и неизбежно привносили эту вражду в воинский коллектив. Особенно острые ситуации возникали в Закавказье. Так, в «Политическом обзоре молодняка 1904 года рождения», подготовленного специалистом ПУ РККА Миловым¹¹⁷⁸ в 1926 г., констатировались серьезные трения между армянами и тюрками (азербайджанцами) в Армянской стрелковой дивизии Краснознаменной Кавказской армии (ККА). Армяне говорили, что «тюрки – их вековые враги и что, если будет война, тюрки направят на них свое оружие». Сильны были воспоминания об этнических чистках, в которых пострадали близкие родственники красноармейцев.

В-третьих, имели место конфликты между этнографическими группами, родами, фамилиями внутри одной этнической общности. Этот вид напряженности возникал в относительно этнически монолитных национальных частях (хотя полной монолитности при комплектовании не удавалось добиться никогда). Так, в «Характеристике молодняка 1907 года рождения» Политуправления САВО в январе 1930 г. отмечалось, что в частях Туркменской бригады молодые бойцы-туркмены зовут друг друга не по фамилиям, а по роду и племени, смеются над формой головы и диалектов друг друга. Новобранцы из Мерва притесняли черкинских и чарджуйских новобранцев на том основании, что якобы последние – «не чистые туркмены, а с примесью»¹¹⁷⁹.

¹¹⁷⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 491. Л. 262.

¹¹⁷⁸ Инициалы не установлены.

¹¹⁷⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 491. Л. 18.

В-четвертых, широкое распространение во всех частях Красной армии имел антисемитизм. Он отмечался в документах 1920-х гг. как самое «больное место» межнациональных отношений в войсках¹¹⁸⁰. Особенно сильными его проявления были в частях Украинского и Белорусского военных округов, где с пополнениями поступало значительное число евреев. Масштабы антисемитизма не подвергались замерам при помощи статистического инструментария, однако, как констатировалось в сводке ПУ РККА от 26 мая 1926 г., «антисемитизм проявляется во всех частях»¹¹⁸¹. Многие красноармейцы считали всех евреев «торгашами», «спекулянтами» и «приспособленцами», утверждали, что те сидят в штабах, на канцелярских должностях (и это признавали авторы доклада), что в строю их нет, что они из конъюнктурных соображений вступают в партию и т.п.¹¹⁸²

В-пятых, представители так называемых «европейских» народов, «развивавшихся в условиях развитого капитализма», такие как немцы, эстонцы, литовцы и поляки, отличались относительно высоким достатком, хорошим образованием, зачастую неплохим знанием русского языка и «внешне почти не отличались от русских»¹¹⁸³. Эти этносы проявляли «национальные особенности» иного рода: «В их поведении сквозят иногда нотки национального самомнения, обидчивости, национальной гордости», – отмечалось в одном из обзоров ПУ РККА¹¹⁸⁴. Такие военнослужащие, оказываясь в *номерной* части, нередко стремились обособиться от других бойцов, вели себя высокомерно по отношению к коллективу.

Иногда межнациональная напряженность не имела «исторической» природы, а возникала искусственно, в результате особой политики советских властей. Так, при национализации частей Красной армии в 1920-х гг. (имевшей конкретные формы *украинизации*, *белорусизации* и т.п.) национальный язык непременно становился господствующим в ущерб русскому. Насаждение национальных языков происходило нередко с помощью административного нажима и порождало

¹¹⁸⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 261. Л. 92 об.

¹¹⁸¹ Там же. Оп. 28. Д. 804. Л. 13.

¹¹⁸² Там же. Д. 476. Л. 251.

¹¹⁸³ Там же. Оп. 26. Д. 321. Л. 127.

¹¹⁸⁴ Там же. Оп. 28. Д. 476. Л. 249 об.

напряженность между военнослужащими основных национальностей, что особенно характерно для славянских частей¹¹⁸⁵.

Наиболее остро проблема межнациональной напряженности в РККА стояла в 1920-х гг. Ее именовали «борьбой на два фронта»¹¹⁸⁶, поскольку одновременно велось наступление и на проявления русского великодержавного шовинизма, и на местный национализм. Политорганам приходилось прилагать значительные усилия для разъяснительной работы среди красноармейцев. 30 марта 1926 г. заместитель председателя РВС СССР И.С. Уншлихт вынужден был издать специальную директиву командующим войсками ККА, Туркфронта и УкрВО, в которой подчеркнул, что «недопущение в ряды армии элементов трений между отдельными национальностями... является первостепенной обязанностью всего начальствующего состава». Он призвал «проявить максимальную осторожность в вопросах отношений между военнослужащими различных национальностей, усилить разъяснение национальной политики СССР и задач строительства национальных частей Красной армии. Принять все меры к установлению необходимой спайки между *номерными* и национальными частями с одной стороны и *номерными* частями и коренным населением с другой»¹¹⁸⁷.

В целях налаживания межнационального диалога внутри воинской части, политорганами предпринимались меры для взаимного знакомства бойцов с представленными в части национальными культурами, языками. На «теоретическом» уровне это происходило на политзанятиях, специальных лекциях и беседах, куда приглашались преподаватели и работники культуры и образования. Наглядное знакомство было не менее важным. С этой целью создавались творческие национальные коллективы (танцевальные, хоровые и театральные). Практиковались ознакомительные поездки в города, где бойцы нерусских национальностей посещали музеи, театры, ходили на предприятия, устанавливали взаимные деловые контакты, в том числе шефские с теми или иными населенными пунктами или

¹¹⁸⁵ Борисёнок Е.Ю. Указ. соч. С. 202.

¹¹⁸⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 491. Л. 260.

¹¹⁸⁷ Там же. Д. 266. Л. 280.

трудовыми коллективами. Также посещались русские части; особенно это было распространено во время летних лагерных сборов, когда в одном месте сосредоточивалось значительное количество воинских частей из разных гарнизонов. Например, Отдельный кавполк горских национальностей Северного Кавказа и Кавалерийская школа горских национальностей на протяжении многих лет на период летних лагерных сборов в полном составе сосредоточивались в Персиановских лагерях (в районе Новочеркасска, ныне – Ростовской области), что давало возможность организовать посещение расположения горской части и школы русскими бойцами и командирами и организовывать ответные визиты. Каждый из них сопровождался богатой культурной и пропагандистской программой, способствовал налаживанию взаимных связей и завязыванию личной дружбы между красноармейцами и командирами разных национальностей, а также помогало горским бойцам осваивать русскую разговорную речь¹¹⁸⁸. Одновременно использовалась возможность познакомить горцев с бытом и культурой русских городов и сел, для чего организовывались их посещения и культурный взаимообмен и политические «смычки» в форме митингов и прочих массовых мероприятий¹¹⁸⁹.

Особые усилия политорганов, работавших с национальными контингентами, были направлены на *антирелигиозную пропаганду*, которая считалась «корнем всех бед»: религиозными предписаниями, как правило, диктовались особенности поведения и питания бойцов различных национальностей, несоблюдение которых приводило к конфликтам, массовым отказам от приема пищи и даже дезертирству. Особой религиозностью отличались украинцы, а также народы, исповедующие ислам. Отправления религиозных обрядов в армии не предусматривались, и с проявлениями религиозности велась ожесточенная борьба. ПУ РККА активно участвовало в мероприятиях организованного в 1925 г. Союза безбожников (в 1929 г. переименован в Союз воинствующих безбожников). В 1920-х гг. было издано не менее десятка циркуляров Политуправления, регламентировавших борьбу с религиозностью бойцов в войсках. Главная задача антирелигиозной пропаганды

¹¹⁸⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 180. Л. 49–53.

¹¹⁸⁹ Там же. Л. 53.

в армии сводилась к тому, чтобы «в возможно большей степени подорвать и расшатать [их] религиозные убеждения»¹¹⁹⁰. Как правило, политорганы стимулировали молодое поколение записываться в кружки безбожников (хотя это не было общеобязательным), где антирелигиозная проработка личного состава велась наиболее интенсивно.

Политсостав не всегда адекватно реагировал на проявления религиозности со стороны красноармейцев. Отмечались случаи радикального «кавалерийского наскока» на религиозную молодежь, стремление вытравить в них это чувство еще в вагонах, по пути следования в часть. Сразу по прибытии устраивались антирелигиозные спектакли и представления, шокировавшие неподготовленную сельскую молодежь. Имелись случаи осмеивания «религиозников», срывание крестиков и обыски для выявления священных книг и т.д.¹¹⁹¹ Довольно быстро политработники пришли к выводу о том, что антирелигиозную борьбу нельзя осуществлять методами грубого администрирования и категорических запретов. Уже в 1924–1925 гг. в ряде циркуляров начальника ПУ РККА А.С. Бубнова предлагалось применять более мягкие методы, расширяя через просвещение политический и естественно-научный кругозор бойцов¹¹⁹², «решительным образом ликвидировать нетактичность в антирелигиозной пропаганде: насмешки над верующими, голосования вроде: «кто за религию, кто против», постановку неподготовленных докладов и спектаклей...»¹¹⁹³ В то же время предписывалось «освещать классовую сущность религии», «использовать материалы по истории классовой борьбы, роли церкви в ней»¹¹⁹⁴. На борьбу с религиозностью красноармейцев были направлены просветительские и образовательные программы, стимулирование посещения библиотек. Бывший красноармеец украинской национальной части Д. Гойченко уже в эмиграции вспоминал, как, будучи до армии глубоко религиозным парнем из религиозной семьи, попав на двухнедельный антирелигиозный се-

¹¹⁹⁰ Партийно-политическая работа в Красной армии: 1921–1929 гг. С. 287.

¹¹⁹¹ Там же. С. 214.

¹¹⁹² Там же. С. 215.

¹¹⁹³ Там же. С. 287.

¹¹⁹⁴ Там же.

минар в Доме Красной армии, устроенный как раз перед Пасхой, уже через некоторое время «был очень доволен возможностью “научно” вооружиться против Бога». «Полученную мною... “науку” я с большим усердием применял для “просвещения” “заблудших” красноармейцев. Впоследствии я также посещал антирелигиозные семинары и помогал политруку и партийной ячейке в их антирелигиозной работе»¹¹⁹⁵.

В случае с мусульманами «главным затруднением в деле политического воспитания красноармейцев» были массовость и искренность верующих¹¹⁹⁶. Идеологическая сложность состояла в том, что еще недавно, в годы Гражданской войны советская власть активно заигрывала с исламом, ища опоры в мусульманских регионах. Тогда была сформулирована если не общая платформа коммунизма и ислама, то, по крайней мере, обозначены точки соприкосновения двух мировоззрений (идея справедливости и помощь бедным по Корану и шариату, отсутствие у мусульман религиозной иерархии и т.д.). В 1920–1930-х гг., в условиях активного наступления советской власти на религию, эти идеи были отброшены. Задача армейских политработников состояла в том, чтобы разъяснить новобранцам «классовую сущность религии», переубедив их в том, что «Магомет и Коран “защищают” будто бы интересы бедняков»¹¹⁹⁷.

Особой проблемой стали *пищевые императивы и ограничения нерусских контингентов военнослужащих*, связанные как с многовековым укладом жизни того или иного народа, так и с канонами религии, прежде всего ислама. Например, как сообщалось в одной из сводок ПУ РККА, «были случаи, когда части, укомплектованные красноармейцами-мусульманами, снабжались свиным салом, которого мусульмане не едят... Туркмены совершенно не едят квашеной капусты, а в пайке она отпускалась... Буряты едят вяленое сырое мясо и в большом количестве, а их... кормили вареным, которое они считают испорченным. Тюрки-

¹¹⁹⁵ Гойченко Д. Красный апокалипсис: сквозь раскулачивание и голодомор. Мемуары свидетеля. Киев, 2013. С. 33–35.

¹¹⁹⁶ Левин. Политическая работа в национальных частях (По опыту Приволжского военного округа) // Военный вестник. 1929. 28 декабря. С. 25.

¹¹⁹⁷ Там же.

талыши вместо хлеба едят рис и первое время они отказывались от хлеба...»¹¹⁹⁸
 В 8-й пехотной школе ПриВО, частично укомплектованной курсантами-киргизами, последние отказывались есть суп или борщ, а однажды собрали из тарелок листья лаврового листа и послали их председателю Киргизского ЦИК как доказательство того, что «их с наступлением осени кормят падающими с деревьев листьями, которые не могут есть даже верблюды»¹¹⁹⁹. Особенно часто красноармейцы-мусульмане отказывались от обедов, приготовленных на свинине или свином сале¹²⁰⁰. Принципиальностью в этом отношении отличались поволжские и крымские татары, северокавказские горцы.

13 мая 1924 г. приказом РВС СССР № 037 командующим войсками округов и равных им объединений было предоставлено право заменять «некоторые продукты» красноармейского пайка «другими, применительно к обычаям и вкусам национальных войск». Замену допускалось производить в пределах отпущенных средств, без нарушения стоимости и калорийности красноармейского пайка¹²⁰¹. 25 марта 1925 г. новым постановлением РВС СССР было решено «ввести для национальных частей национальные блюда», для чего дополнительно отпускалось 124 тыс. рублей¹²⁰². В САВО вместо ржаной крупы стали выдавать рис, вместо ржаного хлеба – пшеничный, перестали заменять мясо рыбой, ввели в рацион уксус и т.д.¹²⁰³ В ККА взамен крупы четырежды в неделю выдавали рис, и в то же время прекращен был отпуск макарон.

Однако в целом особые пайки для нацчастей считались обременительными для военного ведомства. Например, рис являлся экспортным товаром, и к тому же «остро дефицитным», а закупки его за границей влекли расход валюты. В феврале 1929 г. врид начальника снабжений РККА В.Е. Гарф в своем отношении наркомвоенмору К.Е. Ворошилову настойчиво проводил ту мысль, что «вопрос о единомобразном питании национальных частей и остальных частей РККА следует раз-

¹¹⁹⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 14 об.

¹¹⁹⁹ Там же. Оп. 28. Д. 476. Л. 249 об.

¹²⁰⁰ Там же.

¹²⁰¹ Там же. Ф. 4. Оп. 12. Д. 41. Л. 348.

¹²⁰² Там же. Оп. 1. Д. 133. Л. 157.

¹²⁰³ *Захаров М.* Особенности обучения и быта в национальных частях. С. 12.

решать... в плоскости перевода национальных частей на нормы единого основного красноармейского пайка, дабы тем самым, заблаговременно приучить национальные части, порвав с бытовыми предрассудками, употреблять на довольствие общие для всей РККА продукты, тем более, что в условиях военного времени довольствие специальными национальными пайками будет неосуществимым»¹²⁰⁴. Это мнение поддерживало и Военно-санитарное управление РККА. В течение 1930-х гг., по мере угасания организованного национального военного строительства, шел обратный процесс: меню пайков постепенно уравнивалось с обычными частями РККА.

Последний этап действительной службы, связанный с *увольнением* красноармейца-«национала» в *долгосрочный отпуск (запас)*, также являлся предметом особой заботы политорганов. Красная армия понималась не местом отбывания воинской повинности. Из армии молодой человек должен был вернуться вполне сложившимся строителем новой жизни, окрепшим физически и выросшим морально и политически. Как отмечал в 1923 г. председатель ЦИК Дагестанской АССР Н. Самурский, после службы в армии «мы получим тот элемент, который будет навсегда прикреплен к советской власти»¹²⁰⁵. Многочисленные документальные данные подтверждают правоту этого тезиса.

Вот характерный пример такой метаморфозы из еженедельника «Военный вестник» (1932 г.): «Т[оварищ] Шамоев – курд... Недавно еще он пас скот в горах Армении, потом попал в Тифлис, стал мушой¹²⁰⁶, таскал на своей спине мешки, тюки, шкафы. Попал Шамоев в армию – круто перевернулась его жизнь. Научила его армия грамоте, поставила в ряды большевиков – теперь Шамоев член ВКП(б). Он, бывший пастух и муша, – лучший курсант в роте. Он не знает ни одной отметки “слабо”, хорошо стреляет, хорошо знает свою технику – винтовку, пулемет, гранаты. Командир роты отзывается о нем как о лучшем курсанте-ударнике. И таких много...»¹²⁰⁷ Немало было примеров и более впечатляющего карьерного

¹²⁰⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 490. Л. 3–3об.

¹²⁰⁵ Тайны национальной политики ЦК РКП(б)... С. 194.

¹²⁰⁶ Муша (от армянск. «мшак» – рабочий) – носильщик, грузчик.

¹²⁰⁷ Сидоров И. Указ. соч. С. 74.

толчка, который дала армия. Например, казах Н.С. Сеитов, сельский сирота, 1904 года рождения, пришел в РККА в 1924 г. рядовым красноармейцем, затем окончил военную школу. Уволился в запас в 1932 г. с должности политрука эскадрона Казахского кавалерийского полка, после чего стал продвигаться сначала по комсомольской, затем – по партийной линии и уже в 1940 г. был назначен наркомом легкой промышленности Казахской ССР¹²⁰⁸.

В родное село или аул возвращался другой человек. «Знакомство с целями, задачами, жизнью, бытом, учебой, работой национальных частей, – писал специалист ГУ РККА М. Захаров о формировании национальных частей в Средней Азии, – заставляет трудящиеся массы дехкан решительно отбросить свое предубеждение против этих частей... Еще бы не отбросить! Ведь дехкане собственными глазами убеждаются в том, что национальные части возвращают в кишлаки, взамен взятых при наборе темных, невежественных, порою забитых молодых парней – грамотных людей, умеющих не только читать и писать»¹²⁰⁹. Местные жители удивлялись: «Наши ребята возвращаются из армии неузнаваемыми, прямо не верится, что они за такой срок могли так перевоспитаться»¹²¹⁰. Особо подчеркивался политический аспект «перевоспитания», приобретенное в армии умение «разбираться в окружающей обстановке, отличать подлинных друзей от врагов»¹²¹¹. «До армии я их силой таскал на сходы, а теперь они каждый день по несколько собраний ведут», – удивлялись односельчане азербайджанских красных аскеров¹²¹².

Упомянутый украинец Д. Гойченко, в годы НЭПа волею судьбы оказавшийся «в таком большевистском котле, как армия», с удивлением вспоминал, как его, до призыва в армию убежденного антибольшевика и религиозного человека, постепенно, день за днем обращали в свою «веру» политруки и командиры. «Будучи “просвещаем” коммунистическими “науками”, – вспоминал Гойченко, – я прими-

¹²⁰⁸ Таран О. Великий нарком. Предатель... Велением времени // Mangi El. Международный научно-популярный исторический журнал (Астана, Казахстан). 2016. № 3. С. 117.

¹²⁰⁹ Захаров М. Третий Съезд Советов... С. 7.

¹²¹⁰ РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 692. Л. 63 об.

¹²¹¹ Захаров М. Третий Съезд Советов... С. 7.

¹²¹² РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 692. Л. 63 об.

рился с большевизмом, а потом, шаг за шагом стал воспринимать его идеи, пока окончательно не перешел на его платформу»¹²¹³. Он признавался, что «за два года я так усвоил коммунистическое учение, и оно так мне понравилось, что, казалось, я и родился коммунистом»¹²¹⁴. По его наблюдениям, «несомненно, таким путем шло большинство красноармейцев»¹²¹⁵. При этом автор подчеркивает роль командира и политработника в успехе пропагандистской работы с рядовым составом: на начальном этапе знакомства с армией большое значение имело искренне теплое и товарищеское отношение со стороны непосредственных командиров и политработников. В частности, «очень симпатичным оказался политрук роты, всегда веселый, улыбающийся и, казалось, проявлявший большую заботу и попечение о красноармейцах...»¹²¹⁶.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, пройдя идеологическую «перековку» в Красной армии, демобилизованный фактически становился агентом государства и убежденным проводником политической линии советского правительства на местах. Этот мотив всегда подчеркивался руководством политических органов РККА как один из главных смыслов военной службы советского гражданина. Совсем не случайно, казалось бы, рутинному процессу увольнения очередного возраста отслуживших бойцов в долгосрочный отпуск (запас) уделялось значение не менее важное, чем очередному призыву. Армейские политические органы тщательно готовили красноармейцев к увольнению, участвовали в определении их дальнейшей судьбы. В 1920–1930-х гг. целенаправленно готовились кадры для деревни. Особенно сильной эта тенденция в конце 1920-х гг., когда государство остро нуждалось в надежных кадрах «по проведению линии на организацию колхозов»¹²¹⁷. В армии бойцы получали азы специальностей, необходимых в новом советском селе, – руководящих работников (руководителей колхозов, колхозников-активистов), работников «на фронте культурной револю-

¹²¹³ Гойченко Д. Указ. соч. С. 33–35.

¹²¹⁴ Там же. С. 35.

¹²¹⁵ Там же.

¹²¹⁶ Там же. С. 33.

¹²¹⁷ РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 692. Л. 6 об.

ции» (политпросветработников, рабселькоров, ликвидаторов неграмотности, антирелигиозников, киномехаников, радистов), профактив, кооператоров, специалистов сельского хозяйства (трактористов, счетоводов, агроуполномоченных, чаеводов, виноградарей, шелководов, животноводов, полеводов, садоводов). Например, только в ККА из уволенных красноармейцев и младших командиров 1906 года рождения было подготовлено 7986 гражданских специалистов и активистов, из которых 3562 – в нацчастях¹²¹⁸. В 1930-х гг., с развертыванием индустриализации, поощрялось трудоустройство уволенных в запас красноармейцев на индустриальных стройках. Например, среди демобилизованных из состава 18-й туркменской горно-кавалерийской дивизии в 1936 г. приобрело профессии или были завербованы на индустриальные стройки 429 чел., или 61 % к составу уволенных. Среди профессий наиболее популярными были массовики (119 чел.), советские и комсомольские работники (67 чел.), затем шли: трактористы, шоферы, химинструкторы, телефонисты-монтеры, радисты и др.¹²¹⁹ Таким образом, армия становилась подлинной школой социалистического строительства: она «ковала» самый ценный его элемент – кадры.

Особенно востребованными бывшие красноармейцы были на руководящих должностях на селе. Очень желательным считалось, чтобы уволенные в бессрочный отпуск возвращались именно в свою деревню, аул, кишлак – именно там, среди односельчан и родственников они наилучшим образом могли реализовать авторитет советской власти. В 1928 г. в одном из интервью наркомвоенмор К.Е. Ворошилов проиллюстрировал карьерный трамплин для вчерашних красноармейцев конкретными цифрами: по РСФСР без малого 66,7 % председателей волостных исполкомов, 49,3 % председателей сельсоветов, а также до половины членов волисполкомов и треть членов сельсоветов – ядро сельского актива – являлись бывшими красноармейцами. В национальных регионах в связи с дефицитом грамотных и социально активных кадров эти показатели были еще выше. Напри-

¹²¹⁸ РГВА. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 692. Л. 348.

¹²¹⁹ Там же. Ф. 35875. Оп. 1. Д. 45. Л. 60.

мер, в Татарской АССР 70 % председателей сельсоветов и 64 % председателей волисполкомов являлись бывшими красноармейцами¹²²⁰.

Выводы по параграфу 5.1

Исследование показало, что партийно-политическая работа с военнослужащими нерусских национальностей в 1920–1930-х гг. обуславливалась и социально-культурными особенностями (низкий уровень грамотности и владения русским языком, невысокая пролетарская прослойка, отсутствие у многих этносов исторической традиции службы в армии по призыву) и была идеологически заострена, нацеливалась на формирование из преимущественно сельской молодежи, поступавшей в ряды РККА из национальных регионов страны, зрелого, целеустремленного строителя новой жизни, носителя коммунистической интернациональной идеи. Армия являлась наиболее эффективным и удобным для советской власти институтом идеологической обработки и политического просвещения малограмотной крестьянской массы. В межвоенный период была определена специфика и сложности адаптации к военной службе нерусских контингентов и были отработаны подходы в партийно-политической работе с ними.

Установлено, что в межвоенный период, и прежде всего в 1920-х гг., сложилась система политико-воспитательной работы с красноармейцем-«националом», в котором участвовал весь командно-начальствующий состав. Ведущая роль в формировании требуемого политико-морального облика военнослужащего нерусской национальности принадлежала армейским партийно-политическим органам, которые вели непрерывную и многопрофильную работу с бойцами и командирами, заполняя политическими занятиями, партийными, комсомольскими мероприятиями и художественно-просветительской работой все их свободное время, обеспечивая тотальность и непрерывность пропагандистского воздействия на сознание и волю бойца. Плотная опека армейских политических органов сопровождала молодого человека от допризывной стадии до самого увольнения из войск и даже после него. Предпринимались большие усилия по гармонизации межнациональных отношений, сокращению влияния религиозности и связанных с ней мо-

¹²²⁰ Военный вестник. 1928. № 6. С. 14.

рально-бытовых привычек военнослужащих.

По сравнению с дореволюционным периодом, когда военнослужащим-«инородцам» безальтернативно предлагалась только русификация, учет национальных особенностей в воспитательной работе с личным составом в Красной армии был огромным шагом вперед. Исследованием доказано, что увольняемый в запас военнослужащий нерусской национальности, как правило, возвращался домой высокомотивированным строителем новой жизни и в дальнейшем активно включался в советское строительство в национальных регионах СССР.

5.2. Проблемы языковой адаптации военнослужащих нерусских национальностей (1920-е – 1941 г.)

Воинское обучение и воспитание – сложный и многогранный процесс, требующий быстрого и максимально полного взаимопонимания командира и бойца. В условиях боя задачи управления подразделением и взаимодействия с соседями многократно усиливают значение фактора простой вербальной коммуникации, возможность общения на одном языке между товарищами по оружию. И напротив, отсутствие или недостаток таковой препятствуют выполнению боевой задачи и ведут к излишним потерям. Таким образом, языковой барьер, если он возникает в воинском коллективе, самым непосредственным образом негативно отражается как на уровне боевой подготовки и морально-психологических качествах одиночного бойца, так и на боеспособности целых частей и соединений. В исследуемый в диссертации период языковой вопрос рассматривался современниками как ключевая проблема при выборе форм и способов комплектования воинских частей нерусским контингентом, организации самих воинских частей и выборе форм и методов воспитательной работы с личным составом.

Национальная политика всегда тесно связана с языковой политикой, поскольку язык является важнейшим средством и символом национальной идентичности¹²²¹. Языковой вопрос в Красной армии играл большую роль в течение всего исследованного в диссертации периода. Особенно большое внимание ему уделя-

¹²²¹ Определение дано по: Словарь социолингвистических терминов. М., 2006. С. 141.

лось в 1920–1930-х гг., когда степень владения русским языком, игравшим интегрирующую роль, в национальных регионах СССР была невысока. Проблема языка команд, обучения, общения стояла во главе угла национального военного строительства, являлась предметом дискуссии командного и политического состава. Языковой вопрос затрагивал все виды боевой и политической подготовки бойца и командира нерусской национальности, служебное и бытовое общение, прямо влиял на политико-моральное состояние личного состава. Сказанное делает уместным и необходимым специальный анализ языковой проблемы в РККА в этот период в рамках главы об укреплении политико-морального состояния и боевой выучки военнослужащих нерусской национальности.

Дилемма выбора между русским и родными языками, сферами и объемом их употребления встала на повестку дня с первого дня реализации пятилетней программы национальных формирований. В период активного строительства национальных формирований в 1920-х и в большей части в 1930-х гг. языковая проблема лежала в плоскости поиска оптимального соотношения между родным и русским языками в главных сферах общения в воинском коллективе: военном обучении, командовании, политпросветработе, общеобразовательном обучении и бытовом общении. У языкового вопроса в армии в этот период можно выделить два аспекта: *политический* и *собственно военный*.

Поскольку национальные формирования являлись инструментом *национальной политики* Советского государства, органы государственного и военного управления не могли не учитывать политических интересов этносов, участвовавших в их создании. В 1920-х гг. общий контекст образовательной политики в национальных регионах был не в пользу русского языка. В рамках политики *коренизации* безусловный приоритет в национальных школах отдавался родному языку, а русский изучался как второй или даже третий (иностраный) язык, а где-то не изучался вовсе. Таким образом, реализовывалась ленинская формула в области языковой политики: «Мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только

одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной»¹²²². В свою очередь, И.В. Сталин в марте 1929 г. настаивал на том, что «миллионные массы народа могут преуспевать в деле культурного, политического и хозяйственного развития только на родном, на национальном языке»¹²²³. Исходя из этого, длительное время сам дискурс вокруг необходимости изучения русского языка в национальной школе квалифицировался как проявление «великорусского шовинизма», требующего «самого решительного отпора»¹²²⁴. *Коренизация* часто реализовывалась за счет негативной повестки: «элементарной дерусификации, производившей глубокое впечатление на “местных людей”»¹²²⁵. Этот способ поддержки национальных меньшинств путем подавления культурно-языкового диктата метрополии известный специалист по истории *коренизации* в СССР Т. Мартин называет принципом «позитивной дискриминации»¹²²⁶.

Национальный сегмент РККА был немислим внутри русского языкового пространства. Поэтому первоначально чаша весов однозначно склонялась в пользу родного языка. «Создание индивидуально развитого и политически воспитанного, грамотного бойца немисливо без обучения его военному делу на родном языке», – такой подход, озвученный М. Захаровым, курировавшим в Главном управлении РККА в 1920-х гг. национальные формирования, был безусловным императивом в середине 1920-х гг.¹²²⁷ В связи с этим считался необходимым перевод на местные языки военной терминологии, уставной литературы, пособий и наставлений с тем, чтобы занять родным языком как можно больше вербального пространства военнослужащего-«национала».

С другой стороны, в *военном* отношении языковая среда в РККА должна была, безусловно, обеспечивать единство командования войсками и управления

¹²²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 24. М., 1973. С. 57–58.

¹²²³ Сталин И.В. Соч. Т. 11. М., 1955. С. 354.

¹²²⁴ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1939 гг. М., 2005. С. 640–641.

¹²²⁵ Кульчицкий С. Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 окт. 2013 г. М., 2014. С. 14.

¹²²⁶ Мартин Т. Указ. соч. С. 31–32.

¹²²⁷ Захаров М. Особенности обучения и быта в национальных частях. С. 9.

боем. Как отмечалось в докладе заместителя начальника Штаба РККА С.А. Пугачева в РВС СССР в апреле 1927 г., национальные формирования являлись составной частью общего армейского организма и в боевой обстановке вполне возможны были замены командиров, пополнение подразделений маршевыми ротами, переброска, объединение частей во временные отряды и даже хаотичное перемещение частей в ходе боя¹²²⁸. «В организации национальных частей не должно быть ничего такого, что ограничивало бы их оперативное использование в любой обстановке, на любом фронте и в любом сочетании», – отмечал в 1925 г. в своей статье в «Военном вестнике» работник штаба Туркфронта В. Кувшинов¹²²⁹. В 1926 г. Главное управление РККА и Штаб РККА в совместном докладе в РВС СССР высказывали тревогу о том, что «тенденция перевода национальных частей в области управления на национальный язык может привести к большим недоразумениям в вопросах управления национальными частями и комплектования их в военное время»¹²³⁰. Таким образом, использование русского языка в национальных частях, хотя концептуально и противоречило идеалам *коренизации*, все же признавалось неизбежным. Оставалось определить сферу и объем обязательного использования русского языка в национальных частях.

Как показало исследование документальной базы, в первой половине 1920-х гг., когда строительство национальных формирований только разворачивалось, разграничение сфер употребления русского и местных языков мыслилось схоластически, без учета реалий: уровня развития местных языков, в том числе военной терминологии, уровнем владения русским языком «националами», наличия командного состава местных национальностей и т.д. Резолюция, принятая III Всесоюзным совещанием политработников Красной армии и Красного флота, проходившим 21–26 октября 1923 г. требовала всемерного культурного сближения между народами путем интенсивного изучения истории, культуры и языка друг друга, а также «обеспечения отдельным национальным группам внутри Красной

¹²²⁸ Реформа в Красной армии. Кн. 2. С. 65.

¹²²⁹ Кувшинов В. О языке в нацчастях среднеазиатских республик // Военный вестник. 1925. № 6. С. 62.

¹²³⁰ ЦАМО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 53 об.

армии необходимых национально-бытовых и культурных условий: речь на родном языке, национальные празднества и развлечения, связь с родными»¹²³¹. В области языковой интеграции совещание ставило трудновыполнимые задачи. К ним, например, можно отнести требование к командному и политическому составу «изучить один из языков основных национальностей района расположения» войсковой части или рекомендацию обучать красноармейцев нерусской национальности на родных языках¹²³². Порой меры по национализации казались избыточными самим бойцам национальных частей, особенно если они обрусели и частично утратили свою национальную идентичность в виде языка, обычаев и проч. Например, в середине 1920-х гг. политорганы отмечали в Белорусской дивизии «сопротивление *белорусизации* или, по меньшей мере, пассивность в этом вопросе», вызванное неприятием основной массой бойцов белорусского языка как языка устаревшего, излишнего («нам надо переучиваться, т.к. в школе мы учились русскому языку»; «белорусский язык – мужицкий язык, литература на нем очень бедная, белорусская литература читается очень слабо»)¹²³³. До половины личного состава белорусских частей вообще не владело родным языком. Аналогичные настроения отмечались в немецких частях, особенно среди командного состава¹²³⁴, а также в ряде украинских соединений¹²³⁵.

18 февраля 1925 г. вопрос употребления языков в национальных частях обсуждался в Президиуме РВС СССР, который не пришел к единому мнению, поручив Штабу РККА запросить реввоенсоветы заинтересованных войсковых объединений (СКВО, ККА, ПриВО, УВО, Туркфронт)¹²³⁶. Единодушного мнения не было и здесь: большинство реввоенсоветов высказались в пользу дифференцированного использования русского и местных языков: отдача распоряжений и делопроизводственная переписка, а также преподавание военных предметов в командной

¹²³¹ Всеармейские совещания политработников... С. 89.

¹²³² Там же.

¹²³³ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 16.

¹²³⁴ Там же. Л. 29.

¹²³⁵ Борисёнок Е.Ю. Указ. соч. С. 203.

¹²³⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 71.

школе должно было быть на русском, в то время как обучение и воспитание красноармейцев и младшего комначсостава, равно как и издание уставной, учебной и военной литературы, надлежало вести на местных языках. Реввоенсоветы объединений, где велось наиболее интенсивное строительство национальных частей – Кавказской Краснознаменной армии и Туркестанского фронта (с июня 1926 г. – Среднеазиатского военного округа), – с некоторыми оговорками высказались за то, что без русского языка в боевой и политической подготовке возможно обойтись совсем. Говорилось о том, что в отдаленной перспективе, когда «будет создан подготовленный резерв для развертывания [национальных] армий, а не отдельных частей», можно будет отказаться от русского языка и в управлении боем¹²³⁷.

31 июля 1925 г. языковая проблема вновь была вынесена на обсуждение Президиума РВС СССР. С учетом мнений реввоенсоветов было принято компромиссное решение, разработанное Политуправлением РККА. Предлагалось заместительное использование русского языка для тех этносов, у которых военная терминология была не развита (языки северокавказских горцев и частично среднеазиатских народов), или, напротив, там, где местные языки были близки русскому и использование местного языка было избыточным (украинский и белорусский). В национальных подразделениях, создававшихся в порядке *концентрации* национальных меньшинств в составе *номерных* соединений, язык управления, обучения и командования устанавливался русский. Своего рода «золотой серединой» представлялись языки закавказских народов, считавшиеся достаточно развитыми, отчасти имевшие специальную военную терминологию, в связи с чем обучение красноармейцев и подача команд были возможны целиком на родном языке. В то же время было признано, что весь командный состав, безусловно, должен владеть русским языком и этот предмет должен быть обязателен в нацвузах¹²³⁸.

В 1926 г. Штаб РККА и ГУ РККА предложили РВС СССР шире втягивать командный состав нацчастей в употребление русского языка в служебной дея-

¹²³⁷ Кувшинов В. Указ. соч. С. 62.

¹²³⁸ ЦАМО. Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 71–72.

тельности, перевести письменное делопроизводство на русский (при сохранении подачи исполнительных команд бойцам на национальных языках), открепить командный состав от национальных частей и «включать его в общие кандидатские списки РККА», чтобы он имел возможность карьерного роста в *номерных частях*¹²³⁹.

Предложения Штаба РККА и ГУ РККА легли в основу принятого в апреле 1927 г. постановления РВС СССР «О национальном строительстве РККА», в котором один из трех разделов был посвящен специально языковому вопросу. Русский язык был объявлен языком командования и управления в нацчастях, в связи с чем для командного состава знание русского языка стало общеобязательным. Обучение красноармейского состава и подача исполнительных команд продолжали вестись на местных языках¹²⁴⁰.

В 1920–1930-х гг. освоение русского языка в зимний период боевой учебы проходило в рамках общеобразовательной работы по ликвидации неграмотности и малограмотности и велось во внешкольном порядке. В летний период боевой учебы во время сведения большого количества воинских частей в лагерях и естественного соприкосновения «националов» с русскими бойцами и командирами, а также с русским населением, большее внимание уделялось практике русского языка. Нередко в сводных общеобразовательных группах в лагерях занятия проводились на русском языке.

Что касается мотивации самих красноармейцев-«националов», то, как свидетельствуют документы, их стремление к изучению русского языка было высоко и укладывалось в парадигму *культурничества*, феномен которого был рассмотрен выше. «Тяга к изучению русского языка больше, чем к родному», – отмечалось в одном из отчетов ПУ СКВО, обследовавшего Отдельный кавалерийский полк горских национальностей Северного Кавказа в марте 1926 г.¹²⁴¹ В Дагестанском национальном кавэскадроне «обучение на русском языке ведется по просьбе са-

¹²³⁹ ЦАМО. Ф. 9. Оп. 26. Д. 394. Л. 56.

¹²⁴⁰ Там же. Л. 58.

¹²⁴¹ Там же. Д. 237. Л. 300.

мих красноармейцев», – подчеркивалось в политдонесении ПУ СКВО в июне 1924 г.¹²⁴²

Однако часто камнем преткновения на пути к качественному изучению русского языка красноармейской массой становились организационные и кадровые затруднения: на внешкольную работу выделялось мало времени; охват красноармейцев из-за нарядов, работ, полевых занятий был неполным; к преподаванию нередко привлекались случайные люди, не владевшие методикой преподавания языка и к тому же не располагавшие необходимыми пособиями. Поэтому результаты обучения, как правило, были невысоки и не выходили за рамки приобретения общих навыков русской разговорной речи.

В национальных военных школах освоение русского языка курсантами изначально было обязательным. В части обучения русскому языку допускались различные подходы, но результат ожидался один: «Каждый курсант должен знать русский язык». Объединение во второй половине 1920-х гг. большинства национальных школ воедино (например, в Закавказье, в Средней Азии, в Поволжье) неизбежно ставило на повестку дня обязательное освоение русского языка не только как языка преподавания, но и как средства межнационального общения. Так, с объединением с 1926/1927 учебного года Армянской, Азербайджанской и Грузинской пехотных школ в единую Тифлисскую пехотную с тремя национальными отделениями на обучение на местных языках отводилось только 25 % учебного времени¹²⁴³. В 6-й объединенной татаро-башкирской школе четверть курсантов составляли русские, а среди преподавателей они преобладали. Поэтому, несмотря на взятый в середине 1920-х гг. курс на *татаризацию* преподавания в школе, на татарский язык были переведены только курс обществоведения и политработы. Военные предметы преподавались только на русском языке¹²⁴⁴. Среди курсантов также был велик интерес к русскому языку. В Тифлисской пехотной школе проверяющие также отмечали большой интерес курсантов к русскому язы-

¹²⁴² РГВА. Ф. 25896. Оп. 2. Д. 51. Л. 31 об.

¹²⁴³ Там же. Ф. 25873. Оп. 1. Д. 3155. Л. 91.

¹²⁴⁴ *Кадыров Б.* Национальные военно-учебные заведения на территории Татарской республики в 1920–1930-е гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 1. С. 85–86.

ку, овладение которым значительно расширяло возможности усвоения ими военных знаний за счет обширной русской специальной литературы.

В отдельных воинских частях и учреждениях были достигнуты заметные успехи в области межъязыковой коммуникации. Полковник рейхсвера Гальм¹²⁴⁵, в апреле 1930 г. наблюдавший ход учебного процесса в Закавказской пехотной школе и на артиллерийских курсах Кавказской Краснознаменной армии, где были представлены артиллерийские части национальных стрелковых дивизий, в целом дал высокую оценку уровню их боевой подготовки, продуманности учебного процесса. Особый интерес у него вызвала языковая ситуация в ККА, своеобразие которой состояло в «большом количестве разных племен». Немецкий офицер отмечал, что все красные командиры, начиная со среднего звена, в достаточной мере владеют русским языком, а для низшего звена необходимые руководящие документы быстро переводятся на родной язык. Гальм обратил внимание на вполне слаженную работу командиров «разных племен», общавшихся между собой на русском языке. В то же время в закавказских национальных соединениях, по свидетельству Гальма, все приказания и команды были переведены на национальные языки, в читальных залах имелись газеты и литература на местных языках. «Так что простой солдат даже вдали от своей родины не должен испытывать чувства, будто он попал под иноземное владычество», – заключал немецкий наблюдатель¹²⁴⁶.

Сложнее обстояло дело в среднеазиатских и северокавказских частях, где незнание большинством военнослужащих русского языка сочеталось с крайне низким уровнем общей грамотности. В Средней Азии еще в начале 1930-х гг. не удавалось переломить массовую неграмотность населения и подавляющая часть молодого пополнения приходила в войска неграмотными ни на родном, ни на русском языках. Современной военной терминологии на местных языках не существовало, в связи с чем обучение и управление войсками возможно было на русском языке при одновременном освоении команд на родных языках. Анало-

¹²⁴⁵ Инициалы не установлены.

¹²⁴⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 681. Л. 229–231.

гичная ситуация складывалась на Северном Кавказе, где состав нацчастей этнически был исключительно пестрым, в связи с чем уже вскоре пришли к выводу о том, что «язык командования и управления должен быть установлен общий, каковым несомненно должен будет являться русский язык»¹²⁴⁷.

Рассмотрев источниковую базу, диссертант пришел к выводу о том, что, несмотря на определенные успехи, в целом в течение 1920–1930-х гг. желаемого языкового сближения в нацчастях не произошло. Степень освоения русского языка командным и, особенно, красноармейским составом оставалась невысокой. В 1920-х и значительную часть 1930-х гг. статистических замеров владения нерусскими военнослужащими русским языком не велось. Это означает, что языковой вопрос вообще длительное время не осознавался как проблемный. Однако оценочные суждения представителей высших органов военного управления свидетельствуют о неблагополучии в языковом вопросе. Командиров, знавших русский язык, или русских командиров, владевших местными языками, не хватало. Как подчеркивалось в одном из материалов ПУ РККА в 1930 г., «крайне слабо обстоит дело с изучением командирами-националами русского языка, что создает большие трудности в деле повышения ими своей военной и политической подготовки»¹²⁴⁸. В ноябре 1937 г. командующий войсками Закавказского военного округа комкор Н.В. Куйбышев сообщал на Военном совете при НКО, что значительная масса командиров местных национальностей не владела русским языком и не могла самостоятельно работать с уставами и прочей литературой. Это «страшно мешает уровню боевой подготовки, – отмечал он. – Сами посудите: как может [профессионально] расти командир, который не может прочесть устав?»¹²⁴⁹ Что касается красноармейского состава нерусских национальностей, то до самого момента упразднения национальных формирований в марте 1938 г. вопрос об усвоении им русского языка в объеме большем, чем команды и азы разговорной речи, вообще не ставился.

¹²⁴⁷ РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 22.

¹²⁴⁸ Там же. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 104.

¹²⁴⁹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М., 2006. С. 76.

Но и на местных языках профессиональная подготовка нередко пробуксовывала. Подготовка и публикация уставов и пособий на местных языках очень затянулась, а в ряде случаев издание не было осуществлено вплоть до самого упразднения национальных формирований в 1938 г. «В отношении пособий, особенно на национальном языке, мы находимся в очень тяжелом положении. Переведенных учебников у нас нет, а националы плохо знают русский язык, средств нет», – подтверждал на том же Военном совете при НКО заместитель командующего Среднеазиатского военного округа комкор О.В. Городовиков¹²⁵⁰.

Анализ документальной базы военного ведомства дает основание сделать вывод о том, что до второй половины 1930-х гг. языковой вопрос не воспринимался руководством Вооруженных Сил СССР как острая проблема. Относительно небольшие масштабы призывов «националов», большинство из которых направлялись в национальные части, не оставляли серьезной почвы для языкового барьера между военнослужащими. С другой стороны, национальные части невольно становились своеобразными языковыми «резервациями», за пределами которых военнослужащие-«националы» не могли полноценно реализовать свои профессиональные навыки.

Однако непосредственно перед войной отношение к языковому вопросу со стороны органов государственного и военного управления коренным образом изменилось. После упразднения в 1938 г. национальных формирований и многократного расширения масштабов призыва из республик СССР и РСФСР командование и политорганы столкнулись с проблемой массового поступления на укомплектование войск призывной молодежи, не владевшей или слабо владевшей русским языком. Массы национальной молодежи теперь вливались в обычные части РККА, где для них не предусматривалось никаких языковых льгот и послаблений. Национальным языкам вовсе не осталось места в армии, и от нерусских бойцов теперь требовалось знание русского языка.

Анализ выявленной диссертантом документальной базы позволяет утвер-

¹²⁵⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 274.

ждать, что в последние предвоенные годы проблема освоения русского языка стала ключевой в работе политорганов с нерусскими контингентами допризывников и военнослужащих. Накануне войны пришло тревожное осознание того, что, говоря словами начальника ГлавПУ Л.З. Мехлиса, «красноармеец, не владеющий русской речью, если он даже со средним образованием, представляет для армии бóльшую трудность, чем совсем неграмотный боец, с которым можно объясниться»¹²⁵¹. ЦК ВКП(б) и Политуправление РККА (с 29 июля 1940 г. – Главное управление политической пропаганды РККА) предпринимали усилия по обучению допризывной молодежи и прибывшего пополнения русскому языку, а также усилению антирелигиозной пропаганды, как фактору, стимулирующему тягу красноармейца к просвещению и языковой ассимиляции.

Однако проблема знания русского языка уроженцами союзных и автономных республик носила застарелый и системный характер и не могла быть решена «наскоком». В условиях господства политики *коренизации* внимание к русскому языку в национальной школе стало расти лишь к середине 1930-х гг. Еще в начале 1930-х гг. русский язык не был обязателен в национальной школе. Учебник русского языка для национальных школ был издан только в 1933 г. Как отдельные предметы русский язык и литература были введены лишь в 1934 г.¹²⁵² Результат здесь не мог быть скорым, ибо проблема упиралась в кадровый голод, нехватку методик, учебников и пособий. Специально кадры преподавателей русского языка для национальных школ не готовились. В связи с этим качество обучения было низким. В октябре 1937 г. на Пленуме ЦК ВКП(б) И.В. Сталин поставил вопрос об обязательном изучении русского языка во всех школах страны. Причем необходимость этого он напрямую связал с намечаемым «большим актом призыва красноармейцев в армию» и необходимостью в дальнейшем маневрировать войсками и людскими ресурсами в интересах государства, «а не отдельных респуб-

¹²⁵¹ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

¹²⁵² *Блитштейн П.Э.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах: 1938–1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 310–311.

лик»: «Мы встали перед вопросом о том, что призываемые в армию, например в Узбекистане, Казахстане, в Армении, в Грузии, в Азербайджане, не владеют русским языком. При таком положении приходится их оставлять на месте, и тогда наши дивизии и бригады превращаются в территориальные. Это не армия. Мы не так смотрим на армию... Украинцы, призванные на Украине, обязательно должны стоять на Украине. Интересы государства могут подсказать: набранных на Украине перевести, скажем, на Кавказ или в Сибирь и т.д. Иначе у нас не будет армии. У нас будет территориальная и национальная армия, которую никуда не передвинешь и которая не составляет части той армии, которая является армией СССР, а не каких-либо отдельных армий»¹²⁵³. Фактически это был манифест против территориальной системы комплектования войск с его неременной привязкой места службы гражданина к региону его призыва. Языковой вопрос здесь напрямую связывался с намеченным на 1938 г. экстерриториальным распределением молодого пополнения и необходимостью изъясняться на едином, понятном всем языке, каковым мог быть только русский. Таким образом, задачи обороны страны, многократного наращивания численности Вооруженных Сил актуализировали и решения по изучению нерусской молодежи русского языка.

Между тем изучение русского языка оказалось в запущенном состоянии. «Справлялись в Наркомпросе, – продолжал на том же пленуме Сталин. – Но ничего ясного мы не могли добиться: где со второго класса начинают изучать русский язык как обязательный предмет, где с третьего, где с четвертого, а где и вовсе не вводили»¹²⁵⁴. При ближайшем знакомстве ситуация оказалась значительно хуже, чем можно было предположить. «Русский язык в подавляющем большинстве национальных школ вообще не преподается (выделено мной. – Авт.)», – докладывал в феврале 1938 г. нарком просвещения РСФСР П.А. Тюркин секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и А.А. Жданову. В большинстве же национальных школ, где русский язык преподавался, по словам Тюркина, «уровень преподавания остается крайне неудовлетворительным и в результате этого успеваемость

¹²⁵³ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 298.

¹²⁵⁴ Там же. С. 299.

учащихся – крайне низкой»; а «в организации обучения учащихся нерусских школ русскому языку существует огромный разрыв». И все это – на фоне острого недостатка преподавательских кадров¹²⁵⁵. Например, в 1938 г. 77,7% армянских школьников обучались в школах только на родном языке и лишь 2,8 – на русском¹²⁵⁶. Аналогичная ситуация была и в других республиках. В атмосфере репрессий легко нашлась причина грандиозного провала в области изучения русского языка. «Буржуазные националисты немало поработали над тем, чтобы вытравить изучение русского языка в национальных республиках», – отмечал в одном из докладов наркомучебполупромышленности начальник ГлавПУ Л.З. Мехлис¹²⁵⁷.

Вследствие всего сказанного 24 января 1938 г. в постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) «О реорганизации национальной школы» большинство национальных школ было объявлено «очагами буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей» и упразднено¹²⁵⁸. А 13 марта 1938 г., спустя несколько дней после решения о расформировании национальных частей РККА, вышло совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик по единой программе. В постановлении были подчеркнуты его оборонные задачи: «Знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы...»¹²⁵⁹ Согласно программе, по окончании неполной средней школы (семи классов) ученик должен был свободно владеть русской разговорной речью, чтением и письмом¹²⁶⁰.

Несмотря на то что реализация постановления от 13 марта 1938 г. была поставлена на постоянный контроль высшего руководства страны, образовательный процесс оказался слишком громоздким и дорогостоящим для осуществления столь резких поворотов. Нехватка учителей, программ, учебных пособий и учеб-

¹²⁵⁵ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 347–348.

¹²⁵⁶ Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С. 46.

¹²⁵⁷ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

¹²⁵⁸ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 342.

¹²⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 997. Л. 103–107.

¹²⁶⁰ Там же.

ников на десятках языков народов СССР – все это, несмотря на мощный административный нажим Наркомпроса, на многие годы затормозило реальное решение проблемы. Еще в сентябре 1940 г., менее чем за год до начала войны, Наркомпрос констатировал, что издание учебников провалено, а преподавание русского языка во многих школах даже не началось из-за отсутствия педагогов. Квалификация самих учителей из числа «националов» вследствие слабой методической поддержки оставалась крайне низкой, нередко назначаемые на эти должности учителя сами плохо знали русский язык¹²⁶¹.

Со своей стороны руководство РККА предпринимало посильные меры для обучения военнослужащих русскому языку уже непосредственно в войсках. Требование обязательного освоения русского языка военнослужащими было сформулировано в приказе НКО от 6 апреля 1938 г. № 4/1/33791, объявлявшем о расформировании национальных частей и распределении их личного состава по другим округам. На военные советы округов и начальника Политуправления РККА возлагалась задача организовать при домах Красной армии и клубах специальные группы для командиров и красноармейцев, слабо владевших русским языком, обеспечив их преподавателями и пособиями. На два часа слушатели ежедневно освобождались от других занятий. Освоение русского языка было предписано закончить к 1 января 1939 г.¹²⁶²

Однако по мере расширения масштабов призывов в союзных республиках поток военнослужащих, не владевших русским языком, только нарастал. Поэтому 3 января 1939 г. была издана директива начальника ПУ РККА «О порядке проведения занятий по общеобразовательной подготовке и изучению русского языка с красноармейцами нерусской национальности». Для бойцов нерусской национальности первого года службы, не владевших русским языком, было предписано в течение трех месяцев выделить 120 учебных часов за счет времени, предназначенного на изучение уставов, спецподготовку и самостоятельное чтение по политзанятиям. О чрезвычайном характере положения говорит то, что этой же директи-

¹²⁶¹ Блитштейн П.Э. Указ. соч. С. 320–321.

¹²⁶² РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 14.

вой строжайше запрещалось проводить занятия по ликвидации неграмотности и малограмотности в учебное время, однако для нерусских бойцов было сделано исключение¹²⁶³. Напоминание об особом внимании к изучению русского языка повторилось в директиве Главного управления политической пропаганды (ГУПП, переименовано в 1940 г. из ПУ РККА) в октябре 1940 г.¹²⁶⁴

В воинских частях был накоплен определенный положительный опыт работы с массами красноармейцев, не владевших русским языком. В тех воинских частях и соединениях, где политаппарат отличался активностью и настойчивостью, в дело овладения нерусскими бойцами русским языком втягивался буквально весь воинский коллектив и это приносило свои положительные плоды даже в условиях полного отсутствия педагогических кадров, учебников и пособий. Так, в конце 1940 г. батальонный комиссар П. Кизивадзе на страницах журнала «Партийно-политическая работа в РККА» делился опытом работы с новым пополнением. В первые же дни прихода нового пополнения все бойцы нерусской национальности были взяты на учет и разбиты на несколько групп для политзанятий и изучения русского языка. Групповодами выделили наиболее подготовленных военно-служащих, с которыми регулярно проводили инструктаж. Уроки русского языка проводились групповодами и полковыми учителями, как в часы классной работы, так и в часы массовой работы. Бойцы почти ежедневно, за час-полтора перед отбоем собирались в ленинской комнате или в классе, где, в отсутствие иных пособий, читались газеты. Групповод Емельянов медленно читал текст на русском языке, а бойцы, представлявшие различные национальности, старались усвоить каждое слово, помогая друг другу с переводом: «Достаточно бывает понять то или иное слово одному из слушателей, как мгновенно это слово воспринимается всеми остальными»¹²⁶⁵. Чтению на русском языке Емельянов учил, выбирая в газете наиболее понятный и знакомый бойцам текст. Еще более эффективным оказалось обучение чтению по плакатам. По плакатному тексту бойцы относительно

¹²⁶³ Партийно-политическая работа в Красной армии: Июль 1929 – май 1941 гг. С. 364–365.

¹²⁶⁴ Там же. С. 440.

¹²⁶⁵ *Кизивадзе П.* Воспитание красноармейцев нерусской национальности // Партийно-политическая работа в РККА. 1940. № 22–23. С. 47.

быстро запоминали буквы русского алфавита и отдельные слова. Весь командный и политический состав всячески поощрял бойцов нерусской национальности к ведению повседневного общения на русском языке, старался привить им дружбу с русскими красноармейцами для активизации общения¹²⁶⁶.

Несмотря на определенные успехи в обучении бойцов нового пополнения русскому языку, в целом дополнительная учебная нагрузка отвлекала весь воинский коллектив от боевой учебы. Военное ведомство справедливо указывало на то, что пополнения должны поступать в войска из национальных регионов уже подготовленными в языковом отношении и выражало недовольство работой гражданских органов с допризывниками. Требование хорошо владеть русским языком было обязательным для допризывников, но в таких людях испытывался дефицит. Эта категория оценивалась в предвоенные годы не более чем в 25–30 % от всего состава новобранцев¹²⁶⁷. 23 мая 1940 г. начальник ПУ РККА армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис писал наркомом обороны Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко: «Партийные организации национальных республик продолжают относиться беззаботно к тому, какое пополнение они дают Красной армии. Вопросы допризывной подготовки в Средней Азии и Закавказье, со включением в нее изучения русского языка, требуют своего разрешения»¹²⁶⁸. 26 мая 1940 г. нарком обороны, в свою очередь, обратился к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову с просьбой «во избежание ненормальностей» предыдущего призыва, дать необходимые указания об обязательном привлечении к изучению русского языка допризывной молодежи, которая таковым не владеет¹²⁶⁹. 6 июля 1940 г. поступило указание Оргбюро ЦК ВКП(б) обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка»¹²⁷⁰.

Проверка в начале 1940 г. знаний допризывников 1921–1922 годов рожде-

¹²⁶⁶ Кизивадзе П. Указ. соч. С. 47–49.

¹²⁶⁷ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1091. Д. 4. Л. 250.

¹²⁶⁸ Там же.

¹²⁶⁹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 552.

¹²⁷⁰ Там же. С. 559.

ния показала весьма тревожную картину: по восьми союзным республикам Средней Азии и Закавказья было выявлено 132,9 тыс. призывников, не владевших или плохо владевших русским языком, из которых обученными к концу мая 1940 г. считались 21,9 %; 67,9 % призывников проходили обучение, и 10,2 % еще не начинали его¹²⁷¹. Через месяц, в июне 1940 г., число не владевших русским языком по тем же республикам было уточнено в сторону увеличения – до 152,7 тыс. чел.¹²⁷² При этом статистика лиц, не владевших русским языком, неграмотных и малограмотных, по признанию отдела по укомплектованию штаба САВО, страдала «пробелами и недостатками и нередко не отражала действительного положения дел»¹²⁷³.

Однако фактически в связи с тем, что в 1940 г. обучение во многих местах началось очень поздно, всего за два-три месяца до осеннего призыва 1940 г., результаты его оказались неудовлетворительными. За это время даже не удалось подобрать необходимого педагогического состава. От четверти до половины призывников по разным республикам показали неудовлетворительный результат по русскому языку при отправке в войска¹²⁷⁴.

По мере того как напряженность на западных границах СССР нарастала и ожидание войны становилось все острее, языковая проблема осознавалась уже как угроза мобилизации. 23 мая 1940 г. Л.З. Мехлис докладывал наркомму обороны, что в части укомплектования войск политсоставом «в случае мобилизации в этих округах (речь шла о ЗакВО и САВО. – *Авт.*) могут встретиться трудности из-за отсутствия политсостава запаса, владеющего одновременно русским языком и языками народов Средней Азии и Закавказья»¹²⁷⁵. Мехлис считал нужным обратить внимание ЦК компартий республик «на то, что партийный актив этих республик не знает русского языка»¹²⁷⁶. На тот момент в ЗакВО и САВО работали

¹²⁷¹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 552–533.

¹²⁷² Там же. С. 556–557.

¹²⁷³ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 209.

¹²⁷⁴ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 606.

¹²⁷⁵ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

¹²⁷⁶ Там же.

специальные курсы, где обучалось «значительное количество» политработников среднеазиатских и закавказских национальностей.

Проходившая в январе–феврале 1941 г. приписка допризывников 1922 года рождения, а также учащихся старших классов средних школ и студентов вузов и техникумов 1923 года рождения показала, что до решения языковой проблемы было еще далеко. Так, по САВО было выявлено 64 500 чел., не владевших русским языком, 18 476 – по Грузии, 7758 – по Армении, 1683 чел. – по Чечено-Ингушетии и т.д.¹²⁷⁷ К этому количеству следует прибавить около 60 тыс. красноармейцев (до 1,5 % всего личного состава РККА), уже проходивших военную службу, – именно в эту цифру начальник Главного управления политической пропаганды РККА А.И. Запорожец оценивал количество военнослужащих, не владевших русским языком. При этом, по признанию Запорожца, для их обучения армейские политорганы до сих пор не имели программы и учебника¹²⁷⁸.

Не дала ожидаемого эффекта и годичная отсрочка, предоставленная осенью 1940 г. всем призывникам САВО 1921 года рождения. Лишний год должен был быть употреблен на обучение грамоте и русскому языку¹²⁷⁹. Вновь констатировались неорганизованность учебного процесса, низкий охват допризывников, плохая посещаемость занятий, неудовлетворительное состояние помещений, оборудования, необеспеченность учебниками и т.д.¹²⁸⁰ Всего подлежало обучению (включая неграмотных и малограмотных) 626,7 тыс. допризывников, из которых к началу войны в разных округах было охвачено обучением от 61 до 99 %¹²⁸¹. В директиве штаба САВО военным республиканским комиссарам от 20 февраля 1941 г. констатировалось, что обучение неграмотных, малограмотных и не владеющих русским языком оказалось «наиболее отстающим участком в работе по подготовке к призыву», для которого была характерна «бесплановость в работе,

¹²⁷⁷ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 606.

¹²⁷⁸ Там же. С. 619.

¹²⁷⁹ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 206.

¹²⁸⁰ Там же. Л. 154.

¹²⁸¹ Подсчитано автором по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 623.

чрезвычайная неповоротливость, расчет на самотек»¹²⁸². Здесь же отмечалось, что «в области обучения призывников из местной коренной национальности русскому языку ни одна республика не имеет значительных достижений»¹²⁸³. С учетом прошлогоднего опыта, в 1941 г. решено было начинать обучение русскому языку сразу после прохождения приписки допризывников (с января–февраля 1941 г.), а обучение проводить в специальных школах для неграмотных и малограмотных призывников, а также в групповом и индивидуальном порядке – ежедневно по два-три часа без отрыва от производства¹²⁸⁴.

Однако проблема не исчерпывалась одной лишь нерусской молодежью призывного возраста. Уже непосредственно перед началом войны, с 10 апреля по 15 мая 1941 г., в соответствии с положениями мобилизационного плана МП-41 проводилась приписка к воинским частям и соединениям младшего и рядового состава запаса 1917–1904 годов рождения. В ходе приписки были уточнены качественные параметры массы резервистов, на которые прежде всего можно было рассчитывать в случае мобилизации. Приписка дала определенный качественный срез мобресурсов сразу 14 возрастов. В кавказских и азиатских республиках картина оказалась еще более безрадостной, чем она представлялась ранее. Так, например, было установлено, что в САВО из 2088 тыс. чел., состоявших на военном учете, 76 % относились к местным национальностям и 67,8 % из них не были обучены военному делу, а огромное количество не владело русским языком. В связи с этим только в Узбекской ССР 271,1 тыс. чел. не были приписаны по причине незнания русского языка, неграмотности и проч.¹²⁸⁵

Таким образом, из-за особенностей национальной и языковой государственной политики в межвоенный период на рубеже 1930–1940-х гг., стоя на пороге войны, Советский Союз располагал в качестве мобилизационного ресурса сотнями тысяч людей призывного возраста и военнообязанных старших возрастов, которые или вовсе не владели, или слабо владели русским языком. Проблем-

¹²⁸² ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 148.

¹²⁸³ Там же. Л. 149.

¹²⁸⁴ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. С. 606.

¹²⁸⁵ Сухарь М.Я. Указ. соч. С. 93–94.

ность этих контингентов была выявлена в последние предвоенные годы при комплектовании ими воинских частей западных военных округов.

Выводы по параграфу 5.2.

Исследованием установлено, что в период активного развития национальных формирований в 1920-х и в большей части в 1930-х гг. языковая проблема лежала в плоскости определения оптимального соотношения сфер употребления русского и национальных языков в главных сферах общения в воинском коллективе: военном обучении, командовании, политпросветработе, общеобразовательном обучении и межличностном общении военнослужащих. В 1920-х и первой половине 1930-х гг. языковой вопрос в РККА развивался в парадигме политики *коренизации*, поэтому чаша весов однозначно склонялась в пользу местных языков. Русский язык обязан был изучать только начальствующий состав, в связи с необходимостью осуществления им коммуникации с командованием *номерных* частей.

Однако анализ показал, что языковые предпочтения национальным меньшинствам вошли в противоречие с системой единообразного комплектования войск, командования и управления боем. Масштаб проблемы в полной мере стал очевиден только в конце 1930-х гг., когда призыв представителей народов СССР в РККА многократно вырос, и выяснилось, что национальная школа в 1920–1930-х гг., фактически отказавшаяся от русского языка, не давала достаточных знаний по этому предмету, важнейшее значение которого для успешного военного строительства в этот период не раз подчеркивали руководители страны и Вооруженных Сил.

Исследованием установлено, что сложная и закоренелая проблема не была решена в краткие сроки и вызвала негативные последствия в годы Великой Отечественной войны.

5.3. Особенности партийно-политической работы в условиях языкового и этнокультурного многообразия личного состава РККА в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны коммунистическая идеология, построенная за более чем двадцать лет существования советской власти, пережила тяжелейшее испытание на прочность в невиданной по масштабам в истории человечества войне. Пропагандистское противостояние идеологических антагонистов в этой войне было не менее ожесточенным, чем военное. По мнению советского историка Г.Д. Комкова, именно в годы Великой Отечественной войны идеологическая борьба выделилась в самостоятельный фронт, от состояния которого в немалой степени зависела судьба воюющих государств¹²⁸⁶. Немецкий историк Р. Зульцман, в свою очередь, рассматривает ее наравне с любым другим оружием – как по степени эффективности воздействия на собственные войска и противника, так и по глубине наносимых «ран»¹²⁸⁷. Бескомпромиссная тотальная борьба в духовной сфере выражалась формулой: «Там, где мы не работаем, там работает враг, ибо пустоты в природе не бывает»¹²⁸⁸.

Достижения советских военно-политических органов в годы войны были внушительны, что признавали и сами нацисты. Осенью 1943 г., обобщая советский опыт, немецкий специалист в области пропаганды Гиммел писал: «Большевистский солдат с его фанатизмом, твердостью и равнодушием к смерти понятен только в том случае, если известно, что он подвергается постоянному, неслыханно эффективному политико-пропагандистскому воздействию... Одна только работа политического аппарата, значение которой ставится в один ряд со значением военно-технического обучения или даже выше, придает Красной армии ударную силу»¹²⁸⁹.

¹²⁸⁶ Комков Г.Д. Идеино-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965. С. 11.

¹²⁸⁷ Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне // Итоги второй мировой войны. М., 1999. С. 516.

¹²⁸⁸ ЦАМО. Ф. 228. Оп. 536. Д. 27. Л. 61.

¹²⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 169. Л. 185–186.

Столь важное значение идеологической борьбы в годы Великой Отечественной войны потребовало от соискателя тщательного анализа проблем партийно-политической работы с личным составом РККА.

В период Великой Отечественной войны руководящим политическим органом в РККА являлось Главное политическое управление, начальник которого (армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис; с 12 июня 1942 г. – А.С. Щербаков) имел статус заместителя наркома обороны. В войсках политработой руководили члены военных советов фронтов (округов) и начальники политуправлений фронтов (округов). Политуправления состояли из отделов, занимавшихся конкретными направлениями партийно-политической работы: организационно-инструкторского, пропаганды и агитации, кадров, комсомольской работы, спецпропаганды, печати, партучета и ряда других. Аналогичную структуру имели политотделы армий и дивизий.

В первые недели войны, 16 июля 1941 г., был возрожден институт военных комиссаров (в ротах и батареях – политруков). Это решение диктовалось необходимостью помочь командиру в организации боевой деятельности части (подразделения), расширить и углубить партийно-политическую работу в войсках. В подразделениях опорой политработников и комиссаров была сеть внештатных агитаторов, которыми назначали наиболее грамотных и развитых бойцов, а также первичные партийные и комсомольские организации, создававшиеся во всех низовых армейских структурах – в ротах и батареях. Коммунисты и комсомольцы считались стеновым хребтом воинского коллектива.

В сфере государственной идеологии в годы войны получила развитие тенденция предвоенного периода, связанная с поворотом от интернационализма к державному патриотизму, основу которого составила пропаганда культуры, традиций, военной истории русского народа как государствообразующего этноса. Русская тематика надолго стала стержнем пропагандистской работы в войсках. По справедливому замечанию американского историка Д.Л. Бранденбергера, постепенно «слияние дореволюционного и советского прошлого, неслыханное десятилетием ранее, становились общим местом, когда призывы к обороне социалисти-

ческой отчизны восполнялись обсуждениями боевых традиций, многие из которых зародились еще до революции»¹²⁹⁰. Возвращение русскому народу доминирующего идеологического статуса (после полярного по смыслу и содержанию периода политики *коренизации* 1920–1930-х гг.) диссертант трактует как признание советским правительством того, что именно на плечи русских легла основная тяжесть войны. И.В. Сталин прямо провозгласил русских «руководящей», «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»¹²⁹¹.

В чрезмерном культивировании русского патриотизма соискатель видит причину того, что главный армейский политический орган длительное время после начала Великой Отечественной войны не уделял должного внимания проблемам политико-морального состояния и воспитания бойцов нерусских национальностей. «Восхваляли все русское и мало говорили о своих героях-нацменах – прорусских и антинемецких», – вспоминал свой собственный опыт политработника в первый период войны известный советский поэт Б.А. Слуцкий¹²⁹².

В первый год войны фронты и военные округа, где призывались и куда в основном поступали для прохождения службы контингенты нерусской национальности (прежде всего, Закавказский, Крымский, Кавказский, Южный, Юго-Западный фронты, Северо-Кавказский и Среднеазиатский военные округа), не получали руководящих указаний Главного политуправления РККА, регулировавшего воспитательную работу с ними. Национальный компонент на политзанятиях специально не выделялся¹²⁹³.

Однако необходимость выработки особых подходов в воспитательной работе становилась очевидной уже в силу неизбежно возникавшего языкового барье-

¹²⁹⁰ Бранденбергер Д.Л. «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма»: Споры в сталинских идеологических кругах: 1941–1945 гг. // Государство наций... С. 338.

¹²⁹¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2000. С. 151.

¹²⁹² Слуцкий Б.А. Указ. соч. С. 45.

¹²⁹³ Например, в кавалерийских и стрелковых национальных соединениях САВО на рубеже 1941–1942 гг. изучались следующие темы: «Доклад тов. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1941 г.», «Великая Отечественная война советского народа против озверелого немецкого фашизма», «Провал гитлеровского плана “молниеносной войны” против Советского Союза» и т.п. (Великая Отечественная война: Документы и материалы. Т. III: Национальные формирования Красной армии... С. 32).

ра, проявления культурно-бытовых особенностей нерусского контингента и возникших вследствие этого проблем в боевой и политической подготовке. Эти факторы резко снижали эффективность партийно-политической работы с нерусскими бойцами, делали ее формальной и бессмысленной без применения специальных подходов. Характерную картину застали осенью 1941 г. проверяющие фронтового политуправления в 388-й стрелковой дивизии Закавказского фронта (I формирования): групповод-армянин с трудом, по слогам читал русский текст сводки Совинформбюро, пытаясь донести его содержание до слушателей, большинство из которых русским языком вообще не владели. «Сам не понимает и бойцам ничего не дает», – отмечалось в документе¹²⁹⁴.

Изучением документальной базы установлено, что значительную часть первого периода Великой Отечественной войны военные советы и политуправления фронтов и округов принимали решения, исходя из собственного видения национально-языковой проблемы и путей ее решения. Уже 20 сентября 1941 г. Военный совет Закавказского фронта выпустил постановление, требовавшее наладить в частях бесперебойное изучение русского языка, мобилизовать из Закавказья 1 тыс. «двуязычных» политработников на должности замполитруков рот и просил наркома обороны нарядить недостающий комсостав из других округов. 20 октября и 6 ноября 1941 г. начальник Политуправления Закавказского фронта бригадный комиссар П.М. Соломко своими директивами предписал немедленно реагировать на проявления настроений великодержавности со стороны русских командиров и строго наказывать провинившихся. Одновременно он требовал усилить работу по пропаганде дружбы народов СССР, «сталинской национальной политики»¹²⁹⁵. На Закавказском фронте имелось немало примеров инициативного, творческого подхода командиров и политработников к интеграции нерусского пополнения в воинский коллектив. Так, в 34-м запасном артиллерийском полку ежедневно в форме обыгрыша изучалось 10–15 русских слов. Через полтора месяца красноармейцы сносно понимали военные термины и команды. В 106-м запасном

¹²⁹⁴ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1091. Д. 145. Л. 189.

¹²⁹⁵ Там же. Д. 137. Л. 100–101.

стрелковом полку, где бойцы-азербайджанцы не знали даже родной грамоты, было организовано 160 учебных групп, которые ежедневно по два часа изучали русский язык. В 25-м запасном отдельном батальоне связи на должность преподавателя русского языка был приглашен университетский профессор¹²⁹⁶.

В *действующей армии*, в условиях боевой обстановки практика межнационального общения в частях Красной армии еще больше требовала деятельного вмешательства политорганов. Особенно требовалась помощь политработника новобранцу, в период знакомства нерусского бойца с фронтовой обстановкой, когда, говоря словами очевидцев, «все казалось им новым, непонятным, порой даже странным»¹²⁹⁷, когда такой боец «сплошь и рядом испытывал ощущение степного полудикого человека, внезапно попавшего в ад – в ад сложных и шумных машин, непривычных для него масс людей, неожиданной для него быстроты в смене впечатлений»¹²⁹⁸. Однако в первый период войны политработники нередко сами оказывались в растерянности без столь нужной им методической помощи. Забота о таких контингентах зависела от личной инициативы и чуткости командиров и политработников среднего звена, непосредственно работавших с личным составом. Примеров такого отношения было немало. Южный и Юго-Западный фронты еще до начала войны и в первые ее месяцы приняли большое количество пополнений из числа коренного населения Кавказа и Средней Азии. Положительный опыт воспитательной работы с этим контингентом имел политотдел 40-й армии Юго-Западного фронта. Во входивших в ее состав 121, 159, 160-й стрелковых дивизиях сражалось много казахов, узбеков, калмыков, армян, грузин и проч. Многие из них не говорили по-русски. Это обстоятельство учитывалось армейскими и дивизионными политорганами и партийными организациями. Чтобы бойцы из нового пополнения не чувствовали себя одиноко, им устраивали торжественную встречу, на которой информировали о замыслах врага поссорить между собой народы СССР. В другой воинской части выделялось 12 дней для военной доподготовки

¹²⁹⁶ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1113. Д. 96. Л. 324.

¹²⁹⁷ Аманжолов С. Опыт политико-воспитательной работы в действующей армии. Усть-Каменогорск, 2010. С. 12.

¹²⁹⁸ Слуцкий Б.А. Теперь Освенцим часто снится мне... СПб., 1999. С. 17.

пополнения. В полку имелся резерв нерусских политработников. В тех подразделениях, где имелась значительная прослойка бойцов нерусской национальности, из их среды подбирались агитаторы, заместители политруков рот и батарей, руководители политзанятий, переводчики. Так, в 160-й дивизии 17 бойцов и младших командиров были назначены замполитруками, 77 – агитаторами и переводчиками, 11 – парторгами, 10 – комсоргами¹²⁹⁹. Бойцы воспитывались на конкретных примерах. Приводился подвиг 16 героев батареи лейтенанта С.М. Оганова¹³⁰⁰, армянина по национальности. В составе батареи были русские, украинцы, армяне, азербайджанцы и татары. Все они пали в неравном бою с немецкими танками, но не дрогнули¹³⁰¹. Таким образом, бойцы быстро втягивались в жизнь части, становились эпицентром всеобщего внимания. Такое отношение к нерусским красноармейцам приносило положительные результаты.

Испытывая дефицит политработников, знающих языки нерусских бойцов, военные советы фронтов напрямую обращались в центральные комитеты компартий соответствующих республик с просьбой о выделении им необходимого числа коммунистов нужной национальности для назначения на должности политсостава. Как правило, республиканские партийные органы союзных республик Закавказья, Средней Азии, автономных республик РСФСР шли навстречу. Например, в ответ на просьбу командующего войсками Дальневосточного фронта генерала армии И.Р. Апанасенко 1 ноября 1941 г. ЦК КП(б) Казахстана принял решение о мобилизации и командировке 250 «проверенных и стойких коммунистов-казахов, хорошо знающих русский язык, для прохождения военной службы в должностях

¹²⁹⁹ Мурадян В.А. Указ. соч. С. 39–40.

¹³⁰⁰ Оганов Сергей Мамбреевич (1921–1941) – командир артиллерийской батареи 606-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии 56-й армии Южного фронта, лейтенант. 17–18 ноября 1941 г., управляя огнем батареи на кургане Бербер-Оба у с. Большие Салы (Мясниковский р-н Ростовской обл.), отбил три контратаки танков и пехоты противника, уничтожив за два дня боев 22 фашистских танка. Все воины батареи во главе с командиром погибли, но не пропустили врага. 22 февраля 1943 г. посмертно удостоен звания Героя Советского Союза (Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 2. М., 2015. С. 210).

¹³⁰¹ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 832. Д. 17. Л. 443–467.

политбойцов и политических работников» среди воинов казахских национальностей, многие из которых не знали русского языка¹³⁰².

Однако если у командиров подразделений со смешанным национальным составом не было должной воспитательной помощи со стороны политсостава, то создавалась благоприятная почва для разного рода негативных проявлений в форме национального размежевания в воинском коллективе, межнациональной напряженности и проявлений национализма, а со стороны нерусских военнослужащих отмечались факты тяжких воинских преступлений. Особенно это проявилось в период боев войск Крымского фронта на Керченском полуострове и в Севастополе в первой половине 1942 г., сложившихся крайне неудачно для советской стороны. У части русскоязычного командного состава, в том числе высшего, сложилось устойчивое мнение о том, что «националы» и, в частности, кавказцы являются «в основном всегда больными, малодушными, неустойчивыми, постоянно ссылались на плохое состояние здоровья...»¹³⁰³. Под «неустойчивостью» понималась склонность к таким преступлениям, как добровольная сдача в плен, оставление позиций без приказа, членовредительство. Это мнение имело определенные статистические подтверждения. Например, согласно справке начальника оргинструкторского отдела ГлавПУ РККА только по Приморской армии, в значительной мере укомплектованной уроженцами Кавказа, за период с февраля по апрель 1942 г. «среди изменников Родине лица нерусской национальности составляют 79,8 %». Среди перебежчиков в справке перечислялись 71 лезгин, 75 армян, 111 грузин, 135 азербайджанцев¹³⁰⁴.

Политработники Крымского фронта признавали, что «проявления отдельными бойцами всевозможных [отрицательных] настроений приписывались безразлично всем бойцам нерусских национальностей»¹³⁰⁵. Чаще всего это случалось из-за того, что в смешанных по национальному составу подразделениях бойцы, не знавшие русского языка, оказывались изолированными. Отстающими станови-

¹³⁰² Рассекреченная война... С. 130–131.

¹³⁰³ ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 22. Л. 140.

¹³⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 85. Л. 58, 59, 66–68.

¹³⁰⁵ ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9905. Д. 19. Л. 53.

лись даже те, кто в мирное время являл собой образец советского человека, такие как парторг одной из рот Исмаилов из 386-й стрелковой дивизии Приморской армии, до призыва несколько лет проработавший председателем передового колхоза, или боец Ф. Кварацхелия из той же дивизии – член ВКП(б), колхозный бригадир-стахановец, участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Оба они не владели русским языком, и «никто ими не занимается»¹³⁰⁶. Таким образом, в воинских частях со *смешанным национальным составом* нерусские бойцы часто оказывались заброшенными, предоставленными самим себе. Специальная воспитательная работа зачастую с ними не велась или велась формально.

В соединениях, изначально формировавшихся как *национальные*, по определению не имелось серьезной почвы для возникновения языкового барьера и межнациональной напряженности, поскольку на должности командного, политического и рядового состава в основном подбирались лица одной национальности. Однако, как показало исследование документов политорганов, а также материалов о боевом пути национальных соединений, в условиях фронтовой обстановки здесь также возникали острые проблемы с воинской дисциплиной, сказывавшиеся на боевых качествах частей. В бою эти проблемы проявились осенью 1942 г., когда на линию фронта были выведены закавказские национальные дивизии. В случае с национальными формированиями одной из основных проблем была низкая квалификация национального командного и политического состава. В худшую сторону отличался политсостав национальных частей, поскольку он в подавляющем числе призывался из запаса. При формировании национальных соединений подбор основной массы политработников возлагался на республиканские партийные органы, которые спускали разрядку военным отделам обкомов партии, непосредственно отбиравшим работников партийных, комсомольских, хозяйственных и советских организаций на должности политруков рот, батарей и эскадронов. Кандидаты, которые должны были быть «политически грамотными и проверенными, физически здоровыми», в возрасте до 35 лет, владеющими рус-

¹³⁰⁶ ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9905. Д. 19. Л. 151–152.

ским языком¹³⁰⁷, проходили утверждение ЦК компартий и призывались в армию. Отделы кадров и военные отделы самих центральных комитетов подбирали кандидатов на должности комиссаров дивизий, бригад, полков и батальонов¹³⁰⁸. Предпочтение отдавалось работникам, прошедшим службу в РККА, однако таких не хватало. Многие политработники не имели никакого военного опыта. Воинские звания им присваивались уже после призыва¹³⁰⁹. Для военной подготовки мобилизованные коммунисты направлялись на месячные курсы при военных училищах и воинских частях.

Исследованием установлено, что на уровне высшего руководства армейскими политорганами необходимость выработки единых подходов и форм партийно-политической работы с нерусскими военнослужащими стала очевидной к исходу первого года войны. В определенной степени этому способствовал субъективный фактор: произошедшая 4 июня 1942 г. отставка начальника Главного политуправления РККА. Л.З. Мехлиса, не уделявшего воспитательной работе с «националами» должного внимания (хотя причины отставки были иные). На его место был назначен секретарь ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков, занимавший эту должность до конца войны¹³¹⁰. Именно с этого времени дело постановки воспитательной работы с военнослужащими нерусской национальности сдвинулось с «мертвой точки».

Со сменой руководства ГлавПУ РККА национальный вопрос вошел в повестку дня военно-политического ведомства. Постепенно был издан комплекс руководящих документов, регламентировавших воспитательную работу с нерусскими военнослужащими. Уже в июне 1942 г. вопрос о работе с нерусскими бойцами обсуждался на незадолго до этого созданном Совете военно-политической пропаганды при ГлавПУ РККА, в состав которого вошли секретари ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков, А.А. Жданов, члены ЦК ВКП(б) Е.М. Ярославский, Д.З. Ману-

¹³⁰⁷ Рассекреченная война... С. 181.

¹³⁰⁸ Там же. С. 138.

¹³⁰⁹ Великая Отечественная война: док. и материалы. Т. III: Национальные формирования Красной армии... С. 26–27.

¹³¹⁰ Умер 10 мая 1945 г.

ильский, Л.З. Мехлис, И.В. Рогов и др. Один из выступивших на Совете политработников так резюмировал накопленный на тот момент негативный опыт работы с военнослужащими кавказских национальностей: «Мы оказались в этой работе не подготовленными, не знали, что работа с ними вызовет ряд особенностей... Оказалось, что некоторые наши политработники начали работу с мата. А нужно было знать, что обругать человека кавказской национальности, это значит нанести ему оскорбление, унизить его достоинство, это значит – кровная месть. А наши низовые политработники не понимают этого: раз русского человека обругает матом и ничего от этого не получается, то почему и другого не обложить. Затем наши политработники стали распространять [слухи], что они не знают русского языка, что с ними трудно работать, они ничего не понимают, забывая о том, что, рассуждая таким образом, они отталкивают от себя людей, а не привлекают»¹³¹¹. Начальник ГлавПУ РККА А.С. Щербаков также отмечал: «Я работал среди национальностей Средней Азии, это же касается и народов Закавказских республик, и я знаю, что для них мат является смертельным оскорблением. Такое выражение о матери он принимает за счет своей родной матери. Один может не обратить внимания, а другой болезненно воспримет, смертельно обидится»¹³¹².

21 августа 1942 г. в директиве А.С. Щербакова «Об усилении партийно-политической работы в запасных частях», в частности, отмечалось, что партийно-политическая работа с личным составом не дифференцируется с учетом возраста, национальности и района комплектования. Военным комиссарам и начальникам политотделов запасных частей было приказано «особое внимание уделить воспитанию бойцов нерусской национальности. Решительно пресекать проявления национализма и великодержавного шовинизма, воспитывая и укрепляя дружбу бойцов всех национальностей»¹³¹³.

¹³¹¹ Документальная коллекция фундаментальной военно-исторической библиотеки НИИВИ ВАГШ ВС РФ.

¹³¹² Цит. по: *Ларионов А.Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизни в РККА 1941–1945 гг. М., 2015. С. 55.

¹³¹³ Русский архив. Т. 17 (6). С. 164–165.

17 сентября 1942 г., т.е. на пятнадцатый месяц войны, наконец была издана специальная директива начальника ГлавПУ РККА № 012 политуправлениям всех фронтов и округов, подробно регламентировавшая воспитательную работу с военнослужащими нерусских национальностей. В преамбуле документа А.С. Щербаков констатировал, что «среди личного состава большинства соединений Красной армии имеется значительная прослойка красноармейцев и младших командиров нерусской национальности», зачастую плохо или совсем не говорящих на русском языке. Между тем политорганы и военные комиссары «забыли, что у каждого из них есть родной язык, свои обычаи, устоявшийся уклад национальной жизни, и стригут всех под одну гребенку, не учитывая национальных особенностей». «Бойцы нерусских национальностей не чувствуют должного внимания и заботы к себе со стороны начсостава. Некоторые командиры и политработники нечутко, а порой и бездушно относятся к ним, игнорируют их нужды, запросы и настроения». Начальник ГлавПУ РККА объявил, что специальная работа с бойцами нерусских национальностей (прежде всего закавказских и среднеазиатских) «имеет огромное политическое значение», и потребовал от всех политработников и комиссаров уделять им первоочередное внимание. С этой целью в частях надлежало иметь достаточное число внештатных агитаторов, владеющих национальными языками. Требовалось организовать переводы и публикацию газет, листовок, брошюр, а также отдельных докладов и бесед на темы дружбы народов СССР, расистской сущности нацизма. Также выделялась внештатная должность замполитруков, знающих родной язык красноармейцев нерусской национальности, для проведения с ними партийно-политической работы (ранее такую должность в инициативном порядке вводили на Закавказском фронте). А.С. Щербаков потребовал ввести в повседневную пропагандистскую работу конкретные примеры героизма на фронтах текущей войны, проявленные бойцами различных национальностей. Надлежало подчеркивать этническую принадлежность героев. Воспрещались всякие проявления великорусского шовинизма, пренебрежения к нерусским военнослужащим; предписано было всячески поощрять дружбу между солдатами различных национальностей. В то же время в директиве № 012 особо

была подчеркнута роль «великого русского народа как старшего брата народов Советского Союза»¹³¹⁴.

29 октября 1942 г. в развитие директивы № 012 начальник Главного политуправления издал директиву № 169, предписывавшую начальникам политуправлений фронтов «в целях усиления политико-воспитательной работы среди бойцов нерусской национальности» систематически доносить в ГлавПУ о бойцах, командирах и политработниках нерусской национальности, проявивших отвагу, мужество и героизм в боях с оккупантами, с описанием подвигов. Одновременно эти материалы надлежало направлять соответствующим ЦК и обкомам союзных и автономных республик и автономных областей для популяризации подвигов героев и массовой агитации у них на родине¹³¹⁵.

Исследование документальной базы позволило прийти к выводу о том, что директива № 012 имела важные последствия для постановки работы с военнослужащими нерусских национальностей. В порядке ее реализации в частях стали широко пропагандироваться история, традиции и культура тех национальностей, которые в них были представлены, причем не среди бойцов и командиров нерусской национальности, но и среди русских сослуживцев, плечом к плечу, воевавших рядом с ними. С этой целью широко использовались такие формы работы, как доклады, беседы, печатная пропаганда и художественная самодеятельность. На фронты с выступлениями выезжали театральные и музыкальные коллективы из советских союзных республик. Практиковались массовые формы работы, такие как митинги, слеты бойцов нерусских национальностей, положительным моментом которых была возможность для их участников говорить на родном языке, без переводчика.

В ряде соединений была проведена перестановка кадров командиров и политработников, с тем чтобы более рационально использовать командно-политический состав, владеющий национальными языками. Например, в сформированных

¹³¹⁴ Русский архив. Т. 17 (6). С. 173–175.

¹³¹⁵ Великая Отечественная война: Док. и материалы. Т. III: Национальные формирования Красной армии... С. 46–47.

рованной в САВО 316-й стрелковой (знаменитой «панфиловской») дивизии кадры были перераспределены таким образом, чтобы в каждом подразделении оказались командиры и политработники (командир роты, политрук, заместитель политрука, комсорг) разных национальностей и каждый из них был способен курировать определенную группу бойцов-«националов»¹³¹⁶. Произошли перемещения политсостава и в запасных частях, готовивших маршевое пополнение для фронта. Так, путем кадровых перестановок в запасных полках и бригадах САВО прослойка политсостава местных национальностей была доведена до 25–30 %, а в некоторых – до 50 %¹³¹⁷. В связи с тем, что переменный состав запасных частей часто менялся, пришлось сформировать резерв политработников, владевших местными языками. Например, только в 32-й запасной стрелковой бригаде САВО таковых имелось 40 чел.¹³¹⁸ Там, где не имелось возможности для маневра кадрами политработников, предпринимались меры для выдвижения коммунистов и комсомольцев из числа младших командиров на должности помощников заместителей командиров подразделений по политчасти.

Хотя директива ГлавПУ РККА № 012 и не содержала требования приступить к обучению нерусских бойцов русскому языку (в военной обстановке ГлавПУ не могло обеспечить столь сложное и протяженное по времени дело педагогическими кадрами и учебно-методическими ресурсами), однако иногда в смешанных по национальному составу частях комполитсостав в инициативном порядке приступал к обучению пополнения русскому языку, что незамедлительно положительно сказывалось на его боевой подготовке. Так, боец одной из воинских частей Северной группы войск Закавказского фронта комсомолец Сахновский жил до войны в Армении и понимал разговорную армянскую речь. За 15 дней ежедневных занятий он обучил своего второго номера по пулеметному расчету бойца Захаряна командам на русском языке, научил его разбирать и соби-

¹³¹⁶ Мурадян В.А. Указ. соч. С. 75.

¹³¹⁷ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12819. Д. 129. Л. 141–142.

¹³¹⁸ Там же.

рать пулемет, называть его части. В дальнейшем Захарян помогал сослуживцам-армянам в освоении русского языка¹³¹⁹.

В рамках выполнения положений директивы № 012 с осени 1942 г. при Главном политуправлении РККА развернула работу редакционно-издательская группа по изданию брошюр, журналов, листовок на языках народов СССР. До конца июня 1943 г. на 13 языках было издано 318 брошюр общим тиражом 5735 тыс. экз., 724 лозунга общим тиражом 6461 тыс. экз., 364 листовки общим тиражом 11 764 тыс. экз.¹³²⁰ На языках народов СССР дважды в месяц стал издаваться журнал «Блокнот агитатора Красной армии», в котором в доходчивой форме разъяснялись актуальные положения текущей политики и ситуации на фронтах. В последующем интенсивность публикаций агитационных материалов на языках народов СССР сокращалась в связи с общим сокращением числа военнослужащих восточных и кавказских национальностей в РККА. С октября 1943 по январь 1945 г. общий тираж листовок на языках народов СССР составил 3370 тыс. экз.¹³²¹

С октября–ноября 1942 г. началось централизованное массовое издание *фронтовых газет* на языках народов СССР, хотя в инициативном порядке еще в мае 1942 г. Политуправление САВО, а в июне 1942 г. – Политуправление Брянского фронта развернули издание газет на языках народов Средней Азии и Закавказья¹³²². Газеты играли большую роль в боевой и политической подготовке красноармейцев нерусской национальности. Они на конкретных примерах пропагандировали передовой боевой опыт, героизм и стойкость, показывали эпизоды боевого содружества представителей различных народов в бою. К началу 1943 г. на узбекском языке выходило 11 фронтовых газет, на казахском – 10, татарском – 8, азербайджанском – 6, грузинском – 5, армянском – 4, таджикском – 2, туркмен-

¹³¹⁹ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1286. Л. 30.

¹³²⁰ Артемьев А.П. Указ. соч. С. 102.

¹³²¹ Политорганы Советских Вооруженных Сил: историко-теоретический очерк. М., 1984. С. 234.

¹³²² Сухарь М.Я. Указ. соч. С. 277–278; Мурадян В.А. Указ. соч. С. 82–83.

ском, киргизском, башкирском – по одной газете¹³²³ (для сравнения всего в действующей армии в 1943 г. издавалось 128 ежедневных газет и несколько сотен газет, выходящих с периодичностью три раза в неделю¹³²⁴).

К работе по публикации газет, брошюр и плакатов активно подключались центральные комитеты партии союзных республик. Издательские и типографские возможности республик были переориентированы на фронтовые нужды. Национальным дивизиям передавались готовые редакторские коллективы и типографское оборудование. Большим потоком в войска шла печатная продукция – от ежедневных газет до целых библиотек. Например, когда в октябре 1942 г. ГлавПУ РККА приняло решение об издании газеты Закавказья «Боец РККА» не только на русском, но и на азербайджанском языках. Для этой работы ЦК КП(б) Азербайджана направил группу подготовленных журналистов, выделил соответствующее типографское оборудование. Также было решено систематически высылать в войска 5–10 % тиражей издаваемой в Азербайджане массовой, политической и художественной литературы¹³²⁵.

Главной воспитательной задачей газетной пропаганды было затронуть душу бойца-«национала», укрепить его моральный дух, нацелить его на победу над врагом. Эмоционально сильным и предельно наглядным средством убеждения для красноармейцев нерусских национальностей были документальные материалы о зверствах фашистов на оккупированной территории. Заменяя собой много общих патриотических слов, часто они подавались натуралистично, не щадя чувств читающего материал бойца. Так, газета «Патриот Родины» 271-й стрелковой дивизии 44-й армии Южного фронта (здесь служило много уроженцев Закавказья) в одном из номеров опубликовала статью «Помни об этом и мсти», в которой рассказывалось, как в одном из освобожденных сел в яме было обнаружено 18 обезображенных трупов советских бойцов и командиров. Среди них были опознаны Кязимов Азим, у которого были выколоты глаза и отрезан язык, красноармеец Ра-

¹³²³ Мурадян В.А. Указ. соч. С. 82.

¹³²⁴ Кононыхин Н.М. Партийная печать в период Великой Отечественной войны. М., 1960. С. 14.

¹³²⁵ Мурадян В.А. Указ. соч. С. 80–81.

гимов Рагим (вывернуты руки и разmozжен череп), Алиев Месир (переломаны ноги и проломлен череп), Велиев Шамсутдин (отрублены рука и нога) и т.д.¹³²⁶ В другом номере рассказывалось, как фашисты в одном из горняцких поселков убили и сбросили в шахту 3,5 тыс. ни в чем не повинных местных жителей. Многие были брошены в ствол шахты живыми. Перед казнью гитлеровцы брали у наиболее здоровых арестованных кровь для нужд своих госпиталей¹³²⁷. Газета призывала к мести. Такие публикации обязательно обсуждались на митингах и политинформациях, в которых бойцы клялись отомстить врагу за муки своих сограждан.

Большинство материалов газет, выходивших на национальных языках, представляли собой переводы статей, опубликованных в «головных» русскоязычных газетах соединений и объединений. Руководители национальных газет занимали должности заместителей редакторов газет, выходивших на русском языке. Однако, будучи переведенными с русского языка, даже качественные тексты часто теряли убедительность, экспрессию и краски первоисточника, становились выхолощенными и пресными, неспособными выполнить свою главную функцию – морально мобилизовать красноармейца, не являющегося носителем русского языка. Не говоря о том, что нередко в литературном отношении перевод был некачественным. Таким образом, проблема состояла не только в том, чтобы наладить массовый выход фронтовых газет и литературы на языках народов СССР, но и сделать их интересными бойцам, а здесь вступали в силу факторы качества перевода и редактуры, которые далеко не всегда учитывались армейскими политорганами, нацеленными прежде всего на выполнение плана по наименованиям и тиражам национальных газет. Литературно богато одаренный комбат 8-й гвардейской стрелковой («панфиловской») дивизии казах Баурджан Момыш-улы так формулировал проблему: издателям национальной фронтовой прессы следовало не заниматься построчным переводом, «не русские слова произносить по-казахски», а «заставить автора заговорить доступным, понятным казахским язы-

¹³²⁶ ЦАМО. Ф. 1563. Оп. 40025. Д. 1. Л. 12.

¹³²⁷ Там же.

ком, по сути и содержанию оригинала с такой же силой, как и на русском языке»¹³²⁸. Однако нередко в газетах выходили однообразные, «суконные» материалы, оставлявшие его равнодушным: «Замполитрука приносит газеты. Боец берет “Социалистик Казахстан”. Видно, что-то ища, пробежав страницу, разочарованно отдает обратно, приговаривая: «Опять “помощь фронту”. Вся газета исписана... Для души-то что-нибудь напечатали бы...»¹³²⁹. Формальные «газетные и прочие попытки разбудить в них дух “доблестных сынов Кавказа” мало к чему приводят», – свидетельствовал, в свою очередь, офицер разведотдела штаба 383-й стрелковой дивизии Черноморской группы войск Закавказского фронта дивизии В.И. Стеженский, характеризуя качество газетной пропаганды¹³³⁰.

Кроме вопросов содержания национальной прессы, важно было правильно и оперативно доставить газету адресату. Для этого требовался постоянный переучет национального состава воинских частей с тем, чтобы снабжать их газетами на национальных языках по актуальной потребности. Иначе бывало так, что, «оставив вначале правильную разрядку, некоторые политорганы на полгода – год забывают о пересмотре ее», не беря в расчет того, что в ходе боев национальный состав части, как и потребности в национальных газетах могли кардинально поменяться¹³³¹.

Во второй половине 1942 г. наиболее напряженная обстановка в национальном вопросе складывалась в частях Закавказского фронта, сражавшихся на территории Северного Кавказа. Удельный вес представителей неславянских национальностей в полосе обороны, действовавшей на грозненско-махачкалинском направлении Северной группы войск Закавказского фронта (9, 37, 44, 58-я армии, 4-я воздушная армия и части усиления), по состоянию на 20 ноября 1942 г. достигал 42,5 %, в том числе 33,3 % составляли народы Закавказья и Северного Кавказа¹³³². Почти все национальные формирования Закавказского фронта осенью 1942 г. и зимой

¹³²⁸ *Момьши-улы Б.* Психология войны... С. 29–30.

¹³²⁹ Там же. С. 26.

¹³³⁰ *Стеженский В.И.* Солдатский дневник. М., 2005. С. 102.

¹³³¹ *Аманжолов С.* Указ. соч. С. 26.

¹³³² Подсчитано автором по: ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 42. Л. 1569.

1942–1943 гг. были задействованы в оборонительных и наступательных операциях и вели непрерывные кровопролитные бои.

Само появление на свет директивы ГлавПУ № 012 в значительной степени было вызвано осложнением ситуации на Кавказе. Однако выход директивы значительно запоздал, он пришелся на период тяжелых оборонительных боев, в которых осенью оказались многие части Закавказского фронта, в том числе национальные. Работа с бойцами нерусской национальности в частях фронта находилась в запущенном состоянии. 18 октября 1942 г. начальник политотдела Северной группы войск бригадный комиссар Х.С. Надоршин признавал, что повсеместно командование и партполитаппарат «все еще мало общаются с бойцами нерусской национальности, плохо изучают их нравы и обычаи, их запросы и требования», поэтому допускают в работе с ними формализм, а порой и бездушие и грубость¹³³³. Сама директива ГлавПУ № 012, как выяснилось позднее, даже не дошла до войск. Начальники политотделов 89-й армянской, 223-й азербайджанской, 414-й грузинской стрелковых дивизий (все они входили в состав 44-й армии Северной группы войск Закавказья) эту директиву «подшили к делу, но до частей не довели, на партийных и комсомольских собраниях не обсудили»¹³³⁴. В результате «многие политработники соединений и частей *даже не знают о существовании директивы ГлавПУ РККА № 012*» (курсив мой. – Авт.)¹³³⁵.

Все это стало причиной тому, что в течение осени и зимы 1942 г. положение с дисциплиной в национальных соединениях Закавказья только ухудшалось. Это оборачивалось массовым распространением тяжких воинских преступлений. В первых же боях из 89-й армянской и 392-й грузинской дивизий на сторону врага перешло несколько сотен человек¹³³⁶. 408-я армянская, 402-я азербайджанская, 414-я грузинская стрелковые дивизии, введенные в бой на разных участках фронта, были частично рассеяны, частично уничтожены врагом, потеряв к тому же

¹³³³ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. М., 2000. Т. 3. Кн. 2: От обороны к наступлению: 1 июля – 31 декабря 1942 г. М, 2000. С. 399.

¹³³⁴ Русский архив. Т. 17 (6). С. 206.

¹³³⁵ Там же.

¹³³⁶ Органы государственной безопасности... Т. 3. Кн. 2. С. 400.

значительную часть бойцов и командиров пленными. Из 223-й азербайджанской дивизии на марше в тылу дезертировало с оружием 168 человек¹³³⁷. Эти факты свидетельствовали о глубоком кризисе воспитательной работы с военнослужащими нерусской национальности, который был очевиден и противнику. Еще 12 августа 1942 г., анализируя состояние советских войск на южном крыле советско-германского фронта, начальник штаба вермахта генерал Ф. Гальдер заключил: «Русская кавказская армия... идет навстречу полному разложению...»¹³³⁸. Ища слабые звенья в обороне советских войск, он целенаправленно сосредоточивал пропагандистские усилия на военнослужащих кавказских национальностей. Стараясь вбить клин в единство народов СССР, нацисты убеждали уроженцев Кавказа в национальной, социальной и конфессиональной чуждости им славянской культуры и советского государственного строя¹³³⁹. Многочисленные листовки и радиопередачи, обращения бывших сослуживцев, уже оказавшихся в плену, многочисленные посулы оказывали разлагающее воздействие на часть нерусских бойцов. По данным известного исследователя коллаборационизма Й. Хоффманна уже до осени 1942 г. немецкое командование направило на фронт по два азербайджанских, армянских и грузинских батальонов и по одному черкесскому, осетинскому и дагестанскому. Всего было сформировано и отправлено на фронт 8 азербайджанских, 8 грузинских, 9 армянских и 9 северокавказских батальона¹³⁴⁰. Так, подразделения 89-й армянской дивизии, занимавшей участок обороны по реке Терек, в конце сентября 1942 г. подверглись пропагандистской обработке армянскими легионерами немецкого коллаборационистского батальона «Бергманн». По свидетельству очевидца, «со стороны немецких окопов почти круглые сутки шумело радио, выставленное в окопах [и призывавшее], чтобы армяне переходи-

¹³³⁷ Органы государственной безопасности... Т. 3. Кн. 2. С. 400.

¹³³⁸ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (КТВ/ОКВ). Band II. 1.1.1942–31.12.1942. Frankfurt am Main, 1963. S. 576.

¹³³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 94. Л. 55.

¹³⁴⁰ Hoffmann J. Ostenlegionen 1941 bis 1943. Freiburg, 1976. S. 79–80.

ли к немцам»¹³⁴¹. Накладываясь на неудовлетворительное бытовое обслуживание частей дивизии (перебои с пищей, заменой обмундирования, нерегулярное банно-прачечное обслуживание), это создало благоприятную почву для разлагающей пропаганды противника. В конце сентября 1942 г. стали отмечаться массовые переходы на сторону противника¹³⁴². После отвода 89-й дивизии во второй эшелон и замены ее частями 414-й грузинской стрелковой дивизией последние также немедленно подверглись пропагандистскому воздействию, теперь уже со стороны грузинских легионеров батальона «Бергманн». После передач через громкоговорители на грузинском языке на сторону немцев перешла значительная часть 3-го батальона 375-го стрелкового полка и личный состав одной из артиллерийских батарей. История повторилась и после замены грузинских частей азербайджанскими¹³⁴³.

В немецкой литературе о битве за Кавказ, напротив, данные о количестве пленных бойцов Красной армии привлекаются для иллюстрации временных успехов немецко-фашистской армии и поэтому встречаются часто. По данным немецкого генерала Э. фон Макензена, командовавшего летом и осенью 1942 г. 3-м танковым корпусом, наступавшим на нальчикском направлении, а затем 1-й танковой армией, только за первые два месяца кавказской кампании его корпус пленил 5 тыс. советских бойцов и командиров, причем 2465 чел. из них являлись перебежчиками¹³⁴⁴. Во время наступления на Нальчик (25 октября – 2 ноября) в плен

¹³⁴¹ Серов А.И. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016. С. 159.

¹³⁴² Немецкие авторы так описали эти события: «Продолжавшиеся бои не приносили успеха ни той, ни другой стороне. Атакующие русские истекали кровью. Число перебежчиков росло. Кавказцы использовали любую возможность, чтобы перебежать на сторону немцев. Часто русских направляли в подразделения, для того, чтобы предотвратить их развал. Только 27 сентября в полосе корпуса (имеется в виду 40-й танковый корпус вермахта. – Авт.) на сторону немцев перебежало 14 офицеров и 523 солдата...» (Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943. М., 2005. С. 177). В дневнике командира одного пехотного подразделения 111-й пехотной дивизии, переброшенного на северный берег Терека, было записано, что в его распоряжение «при каждой возможности приходят перебежчики, главным образом, представители кавказских народов, не говорящие по-русски» (Muskulus F. Geschichte der 111. Infanterie Division 1940–1944. Hamburg, 1980. S. 160).

¹³⁴³ Абрамян Э. Кавказцы в Абвере. М., 2006. С. 109–111.

¹³⁴⁴ Mackensen E. von. Vom Bug zum Kaukasus: Das III. Panzerkorps in Feldzug gegen Sowjetrußland 1941/42. Neckargemünd, 1967. S. 102.

сдалось 16 тыс. чел.¹³⁴⁵ Немецкие авторы нередко с удовлетворением отмечают, что большинство перебежчиков были представителями кавказских народов¹³⁴⁶. Подразделения Красной армии, укомплектованные кавказцами, немцы считали «явно неустойчивыми»¹³⁴⁷, «имеющими невысокую боевую ценность по сравнению с «русскими» частями¹³⁴⁸.

Недостаточно высокая боеспособность национальных частей послужила причиной дальнейшего распространения среди русскоязычного командного состава националистических настроений. Как сообщал в начале декабря 1942 г. в своем докладе заместителю начальника ГлавПУ РККА дивизионному комиссару И.В. Шикину руководитель группы агитаторов ГлавПУ РККА бригадный комиссар В.П. Ставский, «среди руководящего командно-политического состава довольно свободно и безнаказанно гуляет “теория”, что якобы кадры нерусской национальности не умеют и не хотят воевать»¹³⁴⁹. Будущий первый председатель КГБ СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга И.А. Серов, работавший в августе–сентябре 1942 г. с правительственными заданиями в ранге замнаркома НКВД на Кавказе, приводит как общее место мнение командиров об армянах, азербайджанцах «и других национальностях» как о «неполноценных войсках», которые «не обучены, трусливы...». Сам он вполне разделял это мнение¹³⁵⁰.

Реагируя на складывавшуюся ситуацию, 14 октября 1942 г. Военный совет Северной группы войск Закавказского фронта принял постановление «Об усилении партийно-политической и воспитательной работы в национальных частях». В частности, было решено организовать курсы по подготовке политработников на 150 мест. Прошли соответствующие семинары, и был пересмотрен репертуар художественной самодеятельности. Политотделы четырех общевойсковых армий,

¹³⁴⁵ Ibid. S. 108.

¹³⁴⁶ Tiede W. Der Kaukasus und das Öl: Der deutsch-sowjetische Krieg in Kaukasien 1942/43. Osnabrück, 1967. S. 200.

¹³⁴⁷ Geschichte der 3. Panzer-Division. Berlin-Brandenburg 1935–1945. Berlin, 1967. S. 344.

¹³⁴⁸ Ibid. S. 340.

¹³⁴⁹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 706.

¹³⁵⁰ Серов И.А. Указ. соч. С. 136–137.

входивших в состав Северной группы войск (9, 37, 44, 58-й), были усилены национальными кадрами для непосредственной работы в частях. По просьбе Военного совета фронта нацкомпартии закавказских союзных республик мобилизовали в действующую армию тысячу коммунистов и комсомольцев. В этих же целях была создана группа внештатных инструкторов-агитаторов. В октябре 1942 г. в частях Закавказья с нерусскими бойцами работало 2 тыс. политработников и агитаторов¹³⁵¹. В течение сентября–ноября 1942 г. было прочитано 905 лекций и докладов на темы: «Благородные и возвышенные цели Великой Отечественной войны», «Фашизм – злейший враг человечества», «Советская армия – армия братства всех народов СССР», «Что дала советская власть народам СССР», «Роль великого русского народа в борьбе за независимость и свободу народов СССР» и др.¹³⁵² Особое внимание отводилось интернациональному воспитанию командного состава. В расчете на более высокий, чем у рядовых солдат, культурный и образовательный уровень тематика просветительских лекций на офицерских политзанятиях о Кавказе и его коренных народах была обширной. Немало тем было посвящено героическому прошлому кавказских народов, их нравам и обычаям, борьбе кавказцев с гитлеровскими захватчиками. Отдельно даже изучались биографии царских и советских генералов кавказского происхождения¹³⁵³.

В конце 1942 г. Главное политуправление РККА отправило в Черноморскую и Северную группы войск Закавказского фронта комиссию, подтвердившую факты запущенности партийно-политической работы с военнослужащими нерусской национальности. По итогам работы комиссии 24 января 1943 г. была издана директива начальника ГлавПУ генерал-лейтенанта А.С. Щербакова № 01 члену Военного совета Закавказья генерал-майору П.И. Ефимову и начальнику Политуправления Закавказья генерал-майору К.Л. Сорокину¹³⁵⁴ «О недостатках в аги-

¹³⁵¹ ЦАМО. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1286. Л. 27.

¹³⁵² Там же. Л. 28.

¹³⁵³ Там же. Ф. 209. Оп. 989. Д. 41. Л. 86–88.

¹³⁵⁴ 16 января 1943 г., за несколько дней до публикации директивы ГлавПУ РККА № 01, вопросы материально-бытового обслуживания бойцов Красной армии обсуждались на специальном заседании Совета военно-политической пропаганды при ГлавПУ РККА под председательством А.С. Щербакова. Большое место было уделено бойцам нерусской национальности.

тационно-пропагандистской работе в Черноморской и Северной группах», в которой он потребовал от политработников Закавказского фронта немедленно покончить с проявлениями бездушия, бюрократизма в отношении нерусских бойцов, возобновить борьбу с проявлениями великорусского национализма, строить работу строго в соответствии с указаниями директивы № 012. Внимание к нуждам бойцов было поставлено в директиве во главу угла. «Первейшей обязанностью политработника, – подчеркнул Щербаков, – является забота о бытовых нуждах бойцов и командиров», ибо «политработники, оторванные от красноармейских масс, не знающие их быта, запросов – не могут иметь должного авторитета, не будут на практике душой своих частей и подразделений, а вся партийно-политическая работа может превратиться в болтовню»¹³⁵⁵. Щербаков потребовал строго наказывать командиров и политработников, допускающих пренебрежительное отношение к бойцам нерусской национальности. Особое внимание в директиве было обращено на состояние санитарно-бытового обслуживания и питания воинов. «Видимо, – отмечал А.С. Щербаков, – многие командиры и политработники не понимают, что от повседневной заботы о бойце, от того, как боец одет, обут и накормлен, как организован его отдых, во многом зависит боеспособность войск»¹³⁵⁶.

Директива ГлавПУ РККА № 01 увидела свет в наиболее кризисный период истории кавказских национальных формирований, когда обсуждался вопрос о целесообразности их дальнейшего существования, а политическая благонадежность и способность кавказцев к защите родины с оружием в руках немалым числом русскоязычных командиров ставились под сомнение. На некоторое время после этих событий проблема национальных дивизий оказалась в центре внимания органов военного управления, партийных и советских руководителей закавказских союзных республик. Военный совет Северной группы войск Закавказского фронта, первоначально выступивший перед И.В. Сталиным с инициативой о расформировании национальных дивизий как

¹³⁵⁵ Русский архив. Т. 17 (6). С. 208.

¹³⁵⁶ Там же. С. 206.

«небоееспособных», был вынужден «признать свою ошибку» и обязался покончить с «недооценкой» национальных контингентов. Им была выработана и принята обширная программа из четырнадцати пунктов, в которую, в частности, входили меры по укреплению партийно-комсомольских организаций, существовавших во время боев только формально, усилению пропаганды на языках народов Закавказья, расширению подготовки командных кадров из среды националов и т.д. Все национальные дивизии были подвергнуты чисткам от «неблагонадежного и морально неустойчивого элемента» и укрепления личного состава коммунистами и комсомольцами. Отдельным пунктом было указано на необходимость улучшения питания и бытовых условий бойцов, причем рацион должен был быть пересмотрен с учетом их национальных традиций. Для непосредственной работы в частях туда были направлены члены Военного совета группы¹³⁵⁷. Со своей стороны, Военный совет Закавказского фронта, в лице своего члена видного государственного и партийного деятеля Л.М. Кагановича – одновременно члена Политбюро ЦК ВКП(б) и члена ГКО, отслеживал состояние национальных дивизий. Начальники политотделов дивизий лично докладывали Кагановичу о текущих делах.

Исследование показало, что в 1943 г. продолжилась реализация директивы начальника Главного политуправления РККА № 012-1942 г., направленной на улучшение партийно-политической работы военнослужащими нерусской национальности. Для постоянной помощи им при отделе агитации Управления агитации и пропаганды ГлавПУ РККА было создано специальное отделение, в которое подбирались опытные офицеры, видные литературные, научные работники из союзных республик. В задачу и функции этих сотрудников входило: составление и выпуск специального журнала «Блокнот агитатора Красной армии» на языках народов СССР (на русском языке издавался с мая 1942 г.), перевод и выпуск приказов и докладов наркома обороны, составление и выпуск листовок, военных брошюр и выдержек из уставов. Работники отделения систематически командировались на различные фронты для чтения лекций, докладов, проведения бесед с

¹³⁵⁷ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 27. Л. 9–10.

бойцами нерусской национальности, изучения опыта работы агитаторов. Как армейские и фронтовые агитаторы, так и сотрудники упомянутого отделения на местах проводили семинары для низовых агитаторов, помогали им в овладении новыми материалами, новыми методами и формами работы¹³⁵⁸.

После коренного перелома в войне усилия руководящих политических органов, направленные на постоянное совершенствование квалификации политработников, стали приносить плоды. Часто проводились армейские и фронтовые слеты, семинары политработников, на которых они делились друг с другом опытом воспитательной работы с бойцами нерусской национальности. В целях популяризации опыта лучших работников материалы таких слетов всегда публиковались во фронтовой прессе. Особенно интенсивной обобщающая аналитическая работа стала с 1943 г. В документах политотделов за этот период часто встречаются аналитические доклады, содержавшие разбор работы конкретного положительного политработника или политотдела. Они так и именовались: «Опыт такого-то» или «Результаты работы такого-то». Кроме того, широкое распространение получило «встречное» знакомство среднего командного состава с нерусским пополнением, традициями, обычаями, политической и военной историей народов, поступавших в часть. Так, средним командирам (в звене рота – взвод), непосредственно работавшим с личным составом, а также сержантскому составу на семинарах читались лекции и доклады «О воспитательной работе с бойцами нерусской национальности», «История и героические традиции народов Средней Азии», «Дружба народов СССР – залог победы над врагом» и т.д.¹³⁵⁹

Наряду с увеличением количества армейских и фронтовых штатных агитаторов для работы среди бойцов нерусской национальности, а также с ростом наименований фронтовых газет на языках народов СССР во всех соединениях, частях и подразделениях была развернута широкая сеть внештатных агитаторов. Основной задачей агитатора было донести в доступной форме и разъяснить бой-

¹³⁵⁸ Аманжолов С. Указ. соч. С. 11.

¹³⁵⁹ Хасанов А. Воспитание бойцов нерусской национальности // Партийно-политическая работа в Красной армии. Вып. 6. М., 1946. С. 113.

цу-«националу» приказы командования и агитационно-пропагандистский материал. В связи с этим от него требовалось знать язык той национальности, с которой он назначен работать. Если в национальных соединениях подбор агитаторов не представлял проблемы, то в смешанных по этническому составу частях, где могли быть представлены бойцы многих национальностей, это было непростым делом. Число внештатных агитаторов должно было соответствовать числу национальностей или хотя бы родственных языковых общностей (например, тюркских, финно-угорских, кавказских, иранских), представленных в части. Для этого от командного и политического состава требовались определенные усилия по определению национально-языковых особенностей бойцов, степени их грамотности и владения русским языком и соответствующая их группировка. Назначение агитатором бойца, даже грамотного и хорошо развитого, только потому, что он нерусский, могло не дать ожидаемого эффекта.

Особенно велико значение внештатных агитаторов стало во втором и третьем¹³⁶⁰ периодах Великой Отечественной войны, когда советские войска в основном наступали. В наступлении доступный набор форм и методов агитационно-пропагандистской работы (политзанятия, читки газет, лекции на политические и исторические темы, групповые и индивидуальные беседы) значительно сужался. Более всего это сказывалось на работе с бойцами нерусской национальности, поскольку в условиях боев собрать красноармейцев одной национальности в одном месте и в одно время было практически невозможно. Поэтому большое значение приобретала работа в период подготовки к наступлению. Проводились беседы с разъяснением последних приказов Верховного главнокомандующего, отдельно разъяснялись вопросы тактики предстоящих боев применительно к специфике предстоящих боев (например: «Уличный бой», «Действия в болотисто-лесистой местности» и т.п.). Обстановка наступления требовала корректировать и конкретное содержание политработы. Например, на первое место выдвигалась пропаган-

¹³⁶⁰ Согласно общепринятой в исторической науке периодизации Великой Отечественной войны, ее третий период приходится на январь 1944 – 5.9.1945 гг. (Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 42).

да героических подвигов бойцов всех национальностей. В период наступления поступление газет в части запаздывало, а их распределение подвергалось сбоям и путанице. Национальные газеты нередко не доходили до адресата. Поэтому значительно возрастала роль устной агитации и пропаганды. В эти периоды политработники и, особенно, агитаторы, работавшие с нерусскими бойцами, не ограничивались читкой или пересказом сводок Совинформбюро. Они сами являлись первоисточниками информации. Основным рабочим материалом для них являлись достоверные сведения о героических подвигах бойцов своей части и соседей, которые они вносили в свои рабочие дневники¹³⁶¹.

Умелый политработник и агитатор учитывал не только языковые, но и этнокультурные особенности бойцов. Например, зная, что у представителей народов Кавказа и Средней Азии большим почетом пользуются люди старшего поколения, целесообразно было при общении, постановке какой-то задачи обращаться к старшему в группе, который, как правило, оказывался самым авторитетным для соплеменников бойцом. Через него задача решалась легче и быстрее. Полезно было также создавать кружки самодеятельности, вовлекая в них как можно больше солдат одной национальности. Совместное хоровое пение, народные пляски напоминали бойцам, особенно из нового пополнения, об их национальной культуре, помогали им быстрее раскрепоститься и найти свое место в коллективе, познакомиться с земляками. Говоря словами одного из бойцов, выразившего свое эмоциональное состояние, «каждый раз, когда мы поем свою казахскую песню, у нас буквально у всех появляется радость, как будто свежий ветер веет»¹³⁶².

Важной вехой в развитии партийно-политической работы с нерусскими военнослужащими РККА стало прошедшее в июле–августе 1943 г. в Москве 20-дневное Всеармейское совещание агитаторов, работающих с бойцами нерусских национальностей. Оно было созвано ГлавПУ РККА специально для обмена политработниками накопленным опытом в этой специфической сфере воспитательной деятельности. В мероприятии участвовало 192 агитатора 24 национальностей.

¹³⁶¹ Аманжолов С. Указ. соч. С. 40.

¹³⁶² Цит. по: Аманжолов С. Указ. соч. С. 35.

Все они были фронтовиками, многие имели ранения и награды. Агитаторам был прочитан ряд лекций о национальной политике в СССР, особенностях партийно-политической работы с военнослужащими нерусских национальностей и т.д. Лекторами выступили видные политические деятели (А.С. Щербаков, М.И. Калинин, Д.З. Мануильский и др.), ученые-историки (И.И. Минц, А.М. Панкратова и др.), руководители республик.

Закрывавший совещание М.И. Калинин в своем выступлении поднял вопрос о языке. Признав, что «без русского языка в армии не обойдешься», он в то же время отметил, что это не снимает с политработника обязанности вести с бойцом работу на его родном языке: «Русский язык изучайте, но путь к сердцу бойца, особенно на первых порах, прокладывайте на родном языке... Родной язык дойдет до их сердца, передаст им все оттенки вашей мысли»¹³⁶³. Похожую мысль высказал и член ЦК ВКП(б) академик Е.М. Ярославский: «Очень важно поставить хорошо агитацию на языке того народа..., к которому обращаешься. Редко когда даже самый лучший перевод речи вполне соответствует сказанному на другом языке»¹³⁶⁴. Совещание было высоко оценено его непосредственными участниками как редкая и крайне необходимая возможность для политработников с разных фронтов обмена специфическим опытом работы с бойцами нерусских национальностей¹³⁶⁵.

Материалы совещания в последующем широко распространились среди политработников, имевших дело с нерусскими бойцами. По свидетельству участников совещания, оно «дало очень многое», поскольку «показало наличие многообразных форм и методов работы»¹³⁶⁶. В дальнейшем многие участники совещания были командированы на различные фронты, где при содействии фронтовых политуправлений встречались с агитаторами, работавшими с нерусскими бойцами, знакомя их с итогами обсуждения, делясь озвученным на форуме опытом, передовыми формами и методами работы. По итогам форума был издан приказ

¹³⁶³ Цит. по: *Артемьев А.П.* Указ. соч. С. 82.

¹³⁶⁴ *Ярославский Е.М.* Советы агитаторам. М., 1942. С. 17.

¹³⁶⁵ *Аманжолов С.* Указ. соч. С. 9.

¹³⁶⁶ Там же.

Е.А. Щаденко о подготовке кадров политсостава для работы среди красноармейцев кавказских и среднеазиатских национальностей, для чего с 1 октября 1943 г. надлежало провести месячные сборы политработников запаса, призванных по решению ЦК ВКП(б) на руководящую партийно-политическую работу в РККА в количестве 160 чел.¹³⁶⁷

Перелом в войне, произошедший после победы советских войск под Сталинградом, коренным образом изменил и боевую судьбу воинов кавказских и среднеазиатских национальностей. В течение 1943 г. их приток на фронт стал слабеть; осенью 1943 г. прекратился призыв в армию военнообязанных старших возрастов закавказских и среднеазиатских национальностей, а призывникам была дана годичная отсрочка. Оставшийся в строю костяк фронтовиков-«националов» возмужал, окреп и, напротив, становился примером для прибывавшего пополнения. Как отмечал в одном из докладов комдив-320 полковник А.Н. Зажигалов, «в результате проведенных боев в дивизии *остался хороший костяк* (выделено мной. – Авт.) как бойцов, так и командиров, получивших опыт» (в дивизии было много армян и азербайджанцев)¹³⁶⁸.

Бывший политработник Б.А. Слуцкий вспоминал, что «к концу войны самые невоенные нации научились воевать» (выделено мной. – Авт.). Выжившие с начала войны казахи и другие нацмены приучились не только ругаться, но и изъясняться по-русски... акклиматизировались в окопах. Совместное наступление сгладило, а позже стерло общий страх перед фрицем и повысило самоуважение, сначала общее, потом взаимное. Народы сжились – в расчетах, отделениях, экипажах танков и самолетов – и посмеивались друг над другом уважительнее, чем раньше... Заработали извечные качества русского человека – его антишовинизм». Не случайно в последний период войны воинам-«националам» доверяли учить новичков. Например, зимой 1944 г. в 65-й армии 2-го Белорусского фронта к новобранцам-молдаванам, призванным в РККА, прикрепляли ветеранов-казахов, узбеков и

¹³⁶⁷ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 306.

¹³⁶⁸ ЦАМО. Ф. 1633. Оп. 1. Д. 7. Л. 65.

представителей других национальностей. Хотя эти бойцы не знали молдавского языка, своим примером они передавали новичкам все, что нужно было для действий в бою¹³⁶⁹.

Диссертантом установлено, что среди факторов, положительно влиявших на политико-моральное состояние военнослужащих нерусской национальности, одно из первых мест занимало улучшение бытовых условий. Среди документов стрелковых дивизий за период 1943–1945 гг. содержится немало отчетов, справок и прочих материалов, отражавших состояние быта солдат. Уже в 1943 г. питание солдат значительно улучшилось. Нормой стала подача на передовую горячей пищи и горячего чая дважды в сутки и выдача сухого пайка с колбасой и консервами в обед. Меню стало разнообразным. Если этот режим не выдерживался, работа снабженческих органов считалась неудовлетворительной¹³⁷⁰. Точно также оперативно ремонтировалось или заменялось изношенное обмундирование¹³⁷¹. Установлен обязательный периодический отдых для войск передней линии обороны. Если прежде марши и преследования противника в период наступления надолго нарушали систему снабжения соединений и многократно снижали уровень их боеспособности, то в последние годы войны они почти не отражались на ней. Например, после длительного марша 414-й грузинской дивизии в апреле 1944 г. уже в первый же день сосредоточения на новом месте было организовано трехразовое горячее питание¹³⁷².

Наряду с налаживанием солдатского быта огромное воспитательное значение имела система *поощрений и награждений* за проявленные в бою мужество и доблесть. Командир 223-й азербайджанской стрелковой дивизии Северо-Кавказского фронта полковник Н.Н. Шкодунович, обобщая опыт поощрений и награждений в своей дивизии, подчеркивал: «Поощрение у бойца нерусской национальности его успехов и достижений, его дисциплинированности, его радости перед другими, широкая популяризация нашими агитаторами успехов бой-

¹³⁶⁹ Аманжолов С. Указ. соч. С. 40.

¹³⁷⁰ ЦАМО. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 6. Л. 189.

¹³⁷¹ Там же. Д. 54. Л. 9.

¹³⁷² Там же. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 47. Л. 109–110.

цов нерусской национальности – основные факторы успеха в нашей работе»¹³⁷³. Политорганы стремились к комплексному воздействию на политико-моральное состояние личного состава, в котором участвовал бы весь командный и партийно-политический аппарат части или соединения. Например, политотдел дивизии выпустил листовку о герое, агитатор переводит его на национальный язык и организует беседу с личным составом подразделения или выступает с рассказом. Командир или его заместители пишут поздравительную открытку или благодарственные письма на родину и на имя отличившегося бойца. Парторг или комсорг организуют митинг, популяризуют имя героя, оформляют дело о его приеме в партию или в комсомол. Все это в конечном итоге создает такой авторитет отличившемуся бойцу, что его сослуживцы не могут не подражать ему. Политорганы часто фиксировали положительные результаты такой слаженной работы по популяризации подвигов¹³⁷⁴. В практику вошли беседы и выступления героев перед личным составом, в которых они делились своим ценным боевым опытом. Даже когда герои выбывали из состава части, уважение к ним сохранялось. Особо отличившиеся бойцы и командиры, павшие в боях, навечно зачислялись в состав своей части. Их имя произносилось на ежедневных поверках личного состава, а оружие, как особая святыня, передавалось лучшим бойцам. Так, рядовой-артиллерист 5-го гвардейского казачьего кавалерийского корпуса адыгеец Айдамир Ачмизов, 2 декабря 1942 г. в одиночку принявший бой с немецкими танками, был посмертно награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза и навечно зачислен в списки своей части.

Во втором периоде Великой Отечественной войны¹³⁷⁵ быстрое развитие получила система награждения орденами и медалями особенно отличившихся бойцов и командиров. Если в начале войны наградная политика представляла собой

¹³⁷³ ЦАМО. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 6. Л. 160–161.

¹³⁷⁴ Аманжолов С. Указ. соч. С. 41.

¹³⁷⁵ Согласно общепринятой в исторической науке периодизации Великой Отечественной войны, ее второй период приходится на 19.11.1942 – конец 1943 г. (Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 40).

чрезвычайно громоздкий механизм¹³⁷⁶, то с 10 ноября 1942 г., осознавая стимулирующий эффект боевых наград, руководство страны предоставило право награждения орденами и медалями отличившихся от имени Президиума Верховного Совета СССР командному составу вплоть до командиров дивизий, бригад и полков¹³⁷⁷. Число награжденных по РККА стало быстро расти. В то же время масштабы награждений нерусских бойцов и командиров оставались невысокими. Так, диссертантом установлено, что за период стратегической обороны Кавказа, к январю 1943 г. число награжденных по пяти армиям Закавказского фронта, в рядах которых сражались десятки тысяч представителей кавказских этносов, составило 10 450. При этом азербайджанцев среди них было лишь 78, армян – 153, грузин – 231¹³⁷⁸.

С июля 1943 г. предписывалось не позднее суток награждать личный состав роты, первой ворвавшейся в окопы противника и обеспечившей успех других подразделений, орденами Александра Невского, Красной Звезды, Отечественной войны и медалями в зависимости от проявленной доблести¹³⁷⁹. Активизировалось награждение отличившихся бойцов и командиров в национальных частях. Командир 414-й грузинской стрелковой дивизии полковник Г.Г. Курашвили награждал отличившихся бойцов и командиров прямо на поле боя. В дни наступательных операций число награжденных многократно возрастало. Например, в 77-й азер-

¹³⁷⁶ Отличившегося бойца или командира представлял к награде командир полка; представление утверждал комдив. Затем требовалось заключение военного совета армии и приказ военного совета фронта. Награждение утверждалось Президиумом Верховного Совета СССР. Только после этого военнослужащий получал награду. Промежуток между совершением подвига и награждением нередко растягивался на несколько месяцев, когда порой сам награжденный выбывал из строя части, нередко погибал в бою. Кроме того, награды раздавались весьма скупно, только за подвиги, беспримерные по храбрости. Поэтому даже наиболее активные в наградной политике фронты (например, Западный или Брянский) к сентябрю 1941 г. имели лишь по 350–400 награжденных (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 78. Л. 59–60). Естественно, что пропагандистский эффект от такого рода работы оставался ничтожным, хотя значение его было очевидным.

¹³⁷⁷ Русский архив. Т. 13 (2–2). С. 360–361.

¹³⁷⁸ Учтены данные награждений Военными советами 9, 18, 46, 47, 58-й армий, частями и соединениями, входившими в состав этих армий, а также Военными советами Закавказского фронта и Северной группы войск (ЦАМО. Ф. 209. Оп. 995. Д. 306. Л. 21, 33, 37, 38, 42–43 об, 50, 52, 57).

¹³⁷⁹ ЦАМО. Ф. 1572. Оп. 1. Д. 8. Л. 111.

байджанской стрелковой дивизии 4-го Украинского фронта за четыре недели апреля 1944 г. было награждено 942 человека. Еще 10 человек были представлены к званию Героя Советского Союза¹³⁸⁰. Нормой стало награждение «по совокупности заслуг» бойцов и командиров, несколько лет пробывших на фронте или имевших ранения. К середине 1944 г. во многих частях число награжденных достигало показателя 80–90% личного состава; многие были награждены дважды и трижды¹³⁸¹. Наблюдавший эту картину нацистский специалист по пропаганде В. Рейхард осенью 1943 г. замечал, что «награды и премии сыплются как из рога изобилия на красноармейцев и партизан»¹³⁸².

Итоги наградной практики за годы Великой Отечественной войны показаны в *таблице 37*¹³⁸³.

Данные таблицы подтверждают тезис о многократном увеличении числа награждений за период войны. Темпы этого роста были не одинаковы для различных этносов. Если число награжденных среди русских к окончанию войны выросло по отношению к январю 1943 г. в 26,6 раза, у евреев – в 20,5 раза (при этом и русские, и евреи потеряли в удельном весе), то у многих этносов эта динамика была еще более впечатляющей: у казахов – в 49,5 раза, у азербайджанцев – в 66,2 раза, у узбеков – в 92,7 раза, у туркмен – в 123,5 раза и т.д. Таким образом, опережающая по отношению к русским динамика награждений нерусских военнослужащих очевидна и неоспорима.

¹³⁸⁰ ЦАМО. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 94. Л. 111–112.

¹³⁸¹ Там же. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 39. Л. 15–16.

¹³⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 166. Л. 74.

¹³⁸³ Составлено по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2... С. 713–715, 1006–1008; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992; Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 205; Официальный сайт Министерства обороны РФ: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11917775%40cmsArticle>. (Дата обращения: 1.12.2017). Сведения о награжденных были подготовлены отделом по учету и регистрации награжденных при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР для официальной открытой публикации по просьбе Госполитиздата. Поэтому данные о награжденных среди представителей *репрессированных народов* отсутствуют. Очевидно, они объединены в графе «Другие национальности СССР». Сведения о присвоении высшей степени отличия в СССР – звания Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда» уточнены по новейшему научно-справочному изданию Научно-исследовательского института военной истории ВАГШ ВС РФ, в подготовке которого принимал участие автор диссертации (Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: В 2 т. М., 2015).

Таблица 37. Сведения о награжденных орденами и медалями СССР и удостоенных звания Героя Советского Союза за годы Великой Отечественной войны по национальностям (по состоянию на 1 апреля 1946 г.)

Национальность	Число награжденных к 1.1.1943 г., чел.	В %	Число награжденных, чел. за весь период войны, чел.	В %	В том числе Героев Советского Союза, чел.	В %	В % к населению СССР по переписи 1939 г.
	1	2	3	4	5	6	7
Русские	187178	71,18	4985449	68,00	8160	70,52	58,41
Украинцы	44344	16,86	1305584	17,81	2069	17,88	16,56
Белорусы	7210	2,74	211804	2,90	309	2,67	3,11
Азербайджанцы	450	0,17	29746	0,41	43	0,37	1,34
Грузины	1322	0,50	42868	0,58	90	0,78	1,33
Армяне	1306	0,50	57073	0,78	90	0,78	1,27
Туркмены	93	0,04	11482	0,16	18	0,16	0,48
Узбеки	666	0,25	61899	0,84	69	0,60	2,82
Таджики	103	0,04	11070	0,15	14	0,12	0,72
Казахи	1620	0,62	76061	1,03	96	0,83	1,83
Киргизы	142	0,05	11064	0,15	12	0,10	0,52
Карелы	505	0,19	6437	0,09	9	0,08	0,15
Молдаване	193	0,07	9896	0,13	2	0,01	0,04
Литовцы	29	0,01	3318	0,05	15	0,13	-
Латыши	617	0,23	8644	0,12	13	0,11	-
Эстонцы	73	0,03	5895	0,08	8	0,07	-
Евреи	6767	2,57	141502	1,93	108	0,93	1,78
Татары	4384	1,67	138632	1,89	161	1,39	2,54
Мордвины	1742	0,66	44980	0,61	61	0,53	0,86
Башкиры	687	0,26	22798	0,31	39	0,34	0,50
Чуваши	1362	0,52	41143	0,56	44	0,38	0,81
Удмурты	400	0,15	15309	0,21	10	0,09	0,50
Коми	381	0,14	11287	0,15	10	0,09	0,24
Марийцы	356	0,14	14696	0,20	18	0,16	0,28
Бурят-монголы	202	0,08	5542	0,08	5	0,04	0,13
Якуты	28	0,01	1715	0,02	3	0,03	0,14
Абхазы	47	0,02	1117	0,02	5	0,04	0,03
Осетины	471	0,18	10678	0,15	32	0,28	0,21
Кабардинцы	112	0,04	2784	0,04	7	0,06	0,13
Дагестанцы	132	0,05	8490	0,12	15	0,13	0,50
Адыгейцы	60	0,02	2830	0,04	6	0,05	0,05
Другие национальностей СССР	524	0,19	11847	0,18	31	0,27	3,02
Национальностей других стран	692	0,26	16875	0,23	33	0,23	Н.д.
ВСЕГО	264198	100	7330519	100	11605	100	100

Не меньшее значение для морально-боевого духа бойцов и командиров имело и поощрение всей части. С середины 1943 г. было санкционировано при-

своение частям почетных наименований по названиям тех населенных пунктов, в освобождении которых они особо отличились.

Одновременно активизировалось награждение частей и соединений орденами. Наименование дивизии становилось солидным, гордым, праздничным. К концу войны, например, 414-я грузинская дивизия имела полное название «414-я Анапская Краснознаменная стрелковая дивизия», 77-я азербайджанская – «77-я Симферопольская Краснознаменная ордена Суворова дивизия им. Серго Орджоникидзе» и т.п. Многочисленные документы свидетельствуют, что награждение части орденом или присвоение ей почетного наименования неизменно встречалось с огромной радостью всем личным составом, становилось предметом их гордости¹³⁸⁴. Большое значение имели благодарности наркома обороны или военных советов фронтов частям за их доблесть. Весть об этом молниеносно распространялась среди бойцов, а читка праздничного приказа сопровождалась громовыми аплодисментами¹³⁸⁵.

Важным фактором высокого боевого духа советских солдат были регулярные контакты бойцов со своей малой родиной – представителями партии, советской власти, культуры, передовиками производства из своих республик. Делегации рабочих, колхозников, деятелей культуры и искусства часто посещали воинские части, выступали на митингах, обеспечивали культурный досуг бойцов и командиров.

Не менее важной была непосредственная материальная помощь фронтовикам. Республиканские делегации никогда не приезжали на фронт с пустыми руками. Их сопровождали десятки вагонов с подарками, собранными трудящимися. После издания 18 мая 1942 г. постановления ГКО, разрешившего населению и организациям направление адресных посылок¹³⁸⁶, главный поток посылок из национальных регионов был перенаправлен в национальные дивизии. Например, только в ноябре 1942 г. делегация Азербайджана привезла азербайджанским частям Се-

¹³⁸⁴ См., например: ЦАМО. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 39. Л. 16; Д. 47. Л. 50.

¹³⁸⁵ Там же. Д. 47. Л. 50.

¹³⁸⁶ Там же. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 412. Л. 100.

верной группы войск Закавказья 51 вагон подарков, в том числе: 32,6 тыс. индивидуальных посылок, 6 тыс. индивидуальных швейных пакетов, 8 вагонов теплых вещей, 26 вагонов продуктов питания¹³⁸⁷. В это же время трудящиеся Грузии передали войскам фронта около 100 вагонов подарков¹³⁸⁸.

В обычай вошли взаимные коллективные письма. Причем письма-наказы из национальных республик подписывали сотни тысяч человек¹³⁸⁹, что не могло не оказывать на бойца сильнейшего морального впечатления, ибо они «звучали как призыв матери-Родины... как присяга, как завет отца и матери», услышав который каждый боец «не мог не поклясться, что он не только ни на шаг не отступит, но и пойдет на разгром врага»¹³⁹⁰. Партийные организации республик, подвергшихся оккупации, извлекали мощный пропагандистский эффект, посылая бойцам, призванным в этих республиках, индивидуальные письма с описанием и фотоотчетами о злодеяниях фашистов на их малой родине. Коллективные и личные письма, содержащиеся в них указы и обязательства изучались в национальных частях и способствовали «воспитанию жгучей ненависти к врагу»¹³⁹¹. Умелый и опытный агитатор извлекал из писем с родины двойной пропагандистский эффект, если организовывал обсуждение писем, побуждал бойцов к написанию ответных посланий своим народам с индивидуальными подписями под клятвами храбро сражаться с врагом. В целом постоянная связь с земляками и соплеменниками придавала бойцу дополнительные моральные силы, положительно влияла на его мотивацию защиты общей советской и своей малой родины в независимости от того, на каком бы фронте он ни находился.

Не меньшее значение имела связь бойца со своей семьей. Политработники не раз обращали внимание на то, что на красноармейцев нерусской национальности самое удручающее влияние оказывала потеря контактов с женой, детьми, родителями. Нередко причиной тому становились досадные мелочи, например, боец

¹³⁸⁷ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 8. Л. 241–242.

¹³⁸⁸ Там же. Оп. 1019. Д. 412. Л. 175.

¹³⁸⁹ Азербайджанская ССР в период Великой Отечественной войны... Т. 1. С. 389.

¹³⁹⁰ Аманжолов С. Указ. соч. С. 37, 49.

¹³⁹¹ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 1019. Д. 420. Л. 10–15; Ф. 144. Оп. 13199. Д. 32. Л. 160.

не мог правильно написать по-русски домашний адрес. Простая помощь в написании письма, контроль за его доставкой и восстановление контактов с семьей буквально преображали воина, значительно поднимали его боевой настрой. Письма из дома часто зачитывались коллективно. Контакты с семьей, особенно родителями, политработники использовали и для воздействия на нерадивых бойцов¹³⁹².

Анализ документальной базы показал, что с 1943 г. актуальность специальной воспитательной работы с нерусским контингентом из среднеазиатских и кавказских республик СССР стала ослабевать. Но по мере продвижения Красной армии на запад, перед политическими органами РККА встала новая сложная задача. Со второй половины 1943 г. войска стали интенсивно пополняться за счет освобождаемого местного населения Левобережной Украины, а с начала 1944 г. – западных областей Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики, а также граждан польской национальности. Часть этих земель была присоединена к СССР накануне войны, жители которых стали советскими гражданами лишь несколько лет назад. Подавляющее большинство мобилизуемых несколько лет прожили под оккупацией. Одновременному призыву по мобилизации подлежало население более трех десятков возрастов¹³⁹³, что само по себе несло дополнительные трудности политического характера для их адаптации в войсках. Среди мобилизованных было много уклонистов и дезертиров¹³⁹⁴.

Несмотря на кардинальные изменения социальных характеристик пополнения, в работе политорганов были чрезвычайно сильны сила инерции, стремление к шаблону и упрощению. В начале 1944 г. Главное политуправление РККА констатировало, что армейские политорганы не учитывают новых реалий, «зачастую

¹³⁹² *Ахмадеев Ш.* Как я веду работу среди бойцов, не знающих русского языка // Партийно-политическая работа в Красной армии. Сборник статей и документов. Вып. 3. М., 1943. С. 151–154.

¹³⁹³ Русский архив. Т. 17 (6). С. 263.

¹³⁹⁴ Подробнее см.: *Гриневич В.* Военные мобилизации в Украине в 1943–1944 годах: «Вы должны смыть своей кровью вину перед Родиной и ее великим вождем товарищем Сталиным». URL:

http://gazeta.zn.ua/SOCIETY/voennye_mobilizatsii_v_ukraine_v_19431944_godah_vy_dolzheny_smyt_svoey_krovyu_vinu_pered_rodinoy_i_ee.html (дата обращения: 30.07.2016).

работают с пополнением из освобожденных от врага районов также, как и со всеми бойцами, не понимая того, что эти люди в течение длительного времени находились под воздействием вражеской пропаганды...»¹³⁹⁵. Аналогичную ситуацию соискатель установил в случае с уроженцами с Кавказа и из Средней Азии за два года до этого. Большинство политработников предпочитало простой путь формального следования общим руководящим установкам, не обращая внимания на национально-культурные особенности личного состава своей части.

В директиве от 22 марта 1944 г. № 42080 «Об организации воспитательной работы среди воинов, призванных из западных районов Украины» были оговорены формы и методы работы с этим контингентом военнослужащих. Политорганам было предложено «воспитательную работу с призванными из освобождаемых районов западных областей Украинской ССР рассматривать как важнейшую политическую задачу, имеющую первостепенное значение». Особое внимание было обращено на размещение и организацию бытового обслуживания бойцов и культурно-массовой работы среди них. От политработников и командиров категорически требовалось «проявлять к бойцам нового пополнения чуткость и заботу, не допускать ущемления их прав, оскорбления их национальных чувств и религиозных убеждений»¹³⁹⁶. Вся агитационно-пропагандистская работа должна была быть направлена на то, чтобы «вытравить из сознания бойцов следы гитлеровской и буржуазной националистической клеветы и провокационных измышлений на советский строй». Успешность такой работы и «воспитание неукротимой ненависти» к врагу должны были обеспечить многочисленные примеры зверств фашистов на оккупированной территории, в том числе Украины. Политуправления должны были поправить тематику политзанятий, политинформаций и бесед.

В ряде запасных частей работу по реализации положения директивы № 42080 начали уже в апреле 1944 г. Работа велась под руководством инструкторов окружных политуправлений. Армейское руководство и политорганы старались по мере возможности встретить новое пополнение достойно, разместить в

¹³⁹⁵ Тартаковский Б.Г. Указ. соч. С. 215–216.

¹³⁹⁶ Там же. С. 264.

оборудованных землянках, предоставить горячую пищу. Уже на второй день после прибытия разворачивалась боевая и политическая подготовка, ознакомление пополнения с положениями Конституции СССР, структурой государственного устройства Советского Союза, основополагающими приказами и докладами И.В. Сталина и других руководителей государства, военной присягой. Вновь прибывших знакомили с успехами Красной армии и злодеяниями немецких фашистов на территории РСФСР, Украины, Белоруссии. Большое внимание уделялось «разъяснению сущности предательской политики украинских националистов, которые являются врагами украинского народа, пособниками немецко-фашистской банды»¹³⁹⁷. Партийно-политическая работа строилась традиционно для всех частей Красной армии в форме политзанятий, политинформаций и индивидуальных бесед. В документах отмечается, что на политзанятиях так называемые «западники» внимательно слушали выступавшего политработника, искренне пытались постичь советское государственное устройство и хозяйственный строй, делая собственные выводы из услышанного¹³⁹⁸.

С другой стороны, как показал анализ документальной базы, как и в случае с директивой ГлавПУ № 012-1942 г., в 1944 г. имелись случаи формального выполнения распоряжений Главного политуправления о постановке воспитательной работы с пополнением из западных областей. После серьезных чрезвычайных происшествий, как это было в августе 1944 г. в 28-й запасной стрелковой дивизии СКВО, где уроженцы Западной Украины объединились в группу и напали на красноармейцев, выяснялось, что руководящие политработники запасного полка, в котором случилось ЧП, директиву ГлавПУ № 42080 «не знают и не читали», а «организация политработы с красноармейцами-западниками велась по общим планам и установкам, что и для всего состава части. Красноармейцы-западники не знают основных положений Конституции СССР, не могут объяснить – почему их

¹³⁹⁷ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 194. Л. 35.

¹³⁹⁸ Там же. Л. 52.

родина – СССР, не знают руководителей партии и правительства, не имеют понятия о колхозах...»¹³⁹⁹.

Нередко политорганы не имели объективной возможности начать полноценную политработу со вновь прибывшими, поскольку просто не имели с ними общего языка. Так, в 38-й запасной стрелковой дивизии партполитаппарат фактически две недели не мог организовать работу, поскольку не располагал ни одним человеком, владевшим бы молдавским языком. Чтобы развернуть хоть какую-то деятельность, «политработники, увидев у красноармейцев-молдаван кресты на шее, молитвенники и евангелии в вещевых мешках, решили заняться исключительно антирелигиозной пропагандой», но при этом «ударилась в крайность», допуская оскорбление религиозных чувств молдаван (отбирали священные книги, кресты, насмехались и т.п.)¹⁴⁰⁰.

На повестку дня встала настоятельная задача тщательного изучения прибывавшего пополнения для выяснения их социального облика, настроений, культурно-образовательного уровня и степени владения русским языком. В конце апреля 1944 г. Военный совет Белорусского военного округа докладывал о результатах изучения нового пополнения, поступившего в запасные части из областей Западной Украины (всего изучению подверглось около 11 тыс. чел.). Первое знакомство со вновь прибывшими оставляло благоприятное впечатление: «На первый взгляд – это люди с мягким, покорным характером, дисциплинированные», – отмечалось в докладе Военного совета БВО начальнику ГлавПУ А.С. Щербакову (18-я запасная стрелковая бригада)¹⁴⁰¹. Мобилизованные из Западной Украины также «все без исключения» вели себя дисциплинированно, были «исполнительными, подтянутыми, прилежными в учебе» (9-я запасная стрелковая дивизия ОрВО)¹⁴⁰².

С другой стороны, отмечалось, что контингент *западников* оказался сложным для интеграции в русскоговорящий воинский коллектив и не всегда был го-

¹³⁹⁹ Там же. Л. 125.

¹⁴⁰⁰ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 233. Л. 119.

¹⁴⁰¹ Там же. Д. 194. Л. 43.

¹⁴⁰² Там же. Л. 238.

тов к восприятию коммунистической идеологии, за которую многим из них предстояло умереть в бою. Бывший сотрудник политотдела 38-й армии 4-го Украинского фронта Б.Г. Тартаковский вспоминал, как в конце 1944 г. армия, наступавшая на южном участке советско-германского фронта, получила пополнение из молдаван: «Большинство из них – крестьяне, не владевшие русским языком, никогда не имевшие дела с оружием и ничего не понимавшие в армейских порядках»¹⁴⁰³. Эти слова подтверждаются архивными данными. Например, в 38-й запасной стрелковой дивизии, получившей пополнение в июле 1944 г. пополнение из 6300 молдаван, только 11% владели русским языком – ими оказались те лица, которые служили еще в Русской императорской армии¹⁴⁰⁴. Также пополнение из западных областей отличалось исключительно низкой грамотностью. Например, среди молдаван 38-й запасной стрелковой дивизии числилось 45 % неграмотных и 43 % малограмотных¹⁴⁰⁵. Среди западнобелорусского пополнения 20-й запасной стрелковой дивизии Киевского военного округа имелось 17 % неграмотных и 53 % малограмотных¹⁴⁰⁶. В социальном отношении прибывавшее из западных регионов СССР население также существенно отличалось от прочих граждан. Большинство пополнений (до 60%) относилось к середняцкому и зажиточному слоям крестьянства¹⁴⁰⁷.

Некоторая часть западноукраинского пополнения имела опыт срочной военной службы в польской, румынской, Русской императорской армиях; численность же лиц, служивших до войны в РККА, была на порядок ниже¹⁴⁰⁸. Среди молдавского пополнения число лиц, прошедших службу в румынской армии, также преобладало. Например, среди пополнения 38-й запасной стрелковой дивизии таковых оказалось 55 %, а у 47 % родственники продолжали службу в румынской армии¹⁴⁰⁹.

¹⁴⁰³ Тартаковский Б.Г. Указ. соч. С. 215–216.

¹⁴⁰⁴ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 233. Л. 118.

¹⁴⁰⁵ Там же.

¹⁴⁰⁶ Там же. Л. 127.

¹⁴⁰⁷ Там же. Д. 233. Л. 112.

¹⁴⁰⁸ Там же.

¹⁴⁰⁹ Там же. Л. 118.

Политические настроения пополнения нередко были не в пользу СССР, хотя вслух они высказывались редко. У прибывших «характер замкнут в сугубо индивидуальные рамки»; сильно развито землячество. Отдельные земляческие группы «были полностью поражены украинско-националистическим движением, поддерживаемым органами немецкой разведки и немецкими властями», прежде проходили регулярное обязательное военное обучение инструкторами Украинской повстанческой армии (УПА)¹⁴¹⁰. Иногда это были сразу десятки односельчан. В то же время среди значительной части *западников* (белорусов, молдаван, поляков), натерпевшихся за годы немецкой и румынской оккупации, политработники отмечали глубокую ненависть к врагу, желание мстить и сопереживание успехам Красной армии. В лучшую сторону характеризовались поляки. Так, в 31-й запасной стрелковой дивизии в сентябре 1944 г. числилось свыше 3,8 тыс. поляков, и «все они в военном отношении хорошо подготовлены, грамотны и воинственно настроены против немецких захватчиков»¹⁴¹¹. В меньшей степени эти чувства были присущи западным украинцам.

Существенной социальной характеристикой пополнения из западных регионов СССР было наличие большого числа религиозных граждан (*религиозников*), в том числе представителей разного рода христианских сектантских течений, с которыми советским политработникам еще не приходилось иметь дела и чьи убеждения были для них неожиданными. Например, евангелисты из Западной Белоруссии и Западной Украины отказывались участвовать в войне с оружием в руках, а представители течения богоявленцев не только не брали оружия, но и отказывались надевать военную форму. Командиры и политработники как о небольшой победе сообщали о том, что им удалось убедить евангелистов взять в руки оружие и даже пострелять из него¹⁴¹². Однако в конце концов упорство евангелистов взяло верх: по предложению члена Военного совета Белорусского военного

¹⁴¹⁰ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 233. Л. 43–44.

¹⁴¹¹ Там же. Л. 132.

¹⁴¹² Там же. Л. 52.

округа генерал-майора артиллерии Новикова они были откомандированы из запасных частей в тыл для работы в промышленности¹⁴¹³.

Процесс изучения пополнения командно-политическим составом и органами военной контрразведки сопровождался выявлением и изъятием «враждебных и политически неблагонадежных элементов – бандеровцев, гестаповцев, полицейских, украинских буржуазных националистов»¹⁴¹⁴. Например, только в частях 13-й запасной дивизии Южно-Уральского военного округа таковых органами военной контрразведки «СМЕРШ» было изъято 987 уроженцев западных областей¹⁴¹⁵. Отсев проводился негласно, чтобы не спровоцировать среди мобилизованных подозрения и недоверие к советской власти. Отсеянных просто не отправляли с маршевым пополнением на фронт¹⁴¹⁶.

Жителей прибалтийских республик старались направлять в национальные запасные части, а затем – в национальные соединения. Однако, если этого не происходило, они оказывались в чуждой языковой среде, где почти отсутствовало взаимопонимание между русскоговорящим командным составом и рядовыми красноармейцами из числа местных жителей. Как отмечалось в докладе начальнику Главупраформа РККА генерал-полковнику И.В. Смородину в конце декабря 1944 г., в 63-и и 220-м запасных полках, в которых были размещены мобилизованные эстонцы, офицерский и сержантский состав эстонским языком не владел, в итоге «в полку все занятия с бойцами проводятся через плохо владеющих русским языком переводчиков – по одному на взвод». Воспитательная работа в полках была поставлена плохо, литературы и газет на эстонском языке не было. В частях отмечалось массовое дезертирство.

Весной 1944 г. была существенно скорректирована работа фронтовой прессы на национальных языках. В начале 1944 г. Главным политическим управлением было созвано совещание заместителей редакторов газет,

¹⁴¹³ Там же. Л. 53.

¹⁴¹⁴ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 194. Л. 113.

¹⁴¹⁵ Там же.

¹⁴¹⁶ Там же. Л. 121–125.

издающихся на языках народов СССР, а также организована проверка ряда газет. По итогам этих мероприятий 4 апреля 1944 г. была издана директива ГлавПУ РККА № 2, в которой национальные газеты подверглись резкой критике, с одной стороны, за поверхностное отношение к военным вопросам, «крикливость и военную неграмотность», с другой – за косность и безынициативность, механическую публикацию переводных статей, оторванных от жизни национальной части. Газеты издавались без учета реального представительства тех или иных национальностей на фронтах, часто распределялись с большим опозданием. Начальник ГлавПУ генерал-полковник А.С. Щербаков приказал кардинально повысить качество материалов национальных газет, в том числе за счет собственных оригинальных статей и привлечения авторского актива из числа бойцов и командиров нерусской национальности. Щербаков потребовал уточнить национальный состав фронтов, чтобы выяснить подлинную потребность личного состава в национальных газетах и уточнить тиражи газет из расчета: одна газета на пять бойцов (и в дальнейшем такие уточнения производить систематически). Приказано было строго следить за тем, чтобы газеты выходили в установленном объеме (на четырех полосах) и вовремя доставлялись в части. Редакторы русских газет (чьи заместители по национальной части занимались национальными газетами) были строго предупреждены о том, что они несут полную ответственность как за содержание, так и за своевременный выход газет для военнослужащих нерусской национальности.

Таким образом, в последний период войны Главное политическое управление оперативно и достаточно гибко реагировало на изменение национальных и социальных характеристик поступающих в действующую армию пополнений и старалось соответствующим образом скорректировать работу. В то же время на местах политорганы нередко работали шаблонно, по инерции не выделяя национальный сегмент.

Выводы по параграфу 5.3

Изучение документальной базы показало, что в годы Великой Отечественной войны содержание, формы и методы партийно-политической работы не были

постоянной величиной, корректировались в соответствии с развитием обстановки на фронте. Однако гибкость в подходах и быстрота реакции политорганов на протяжении войны не были одинаковыми. В первые годы войны жесткий централизм в работе партполитаппарата становился причиной нередких пробуксовок, проявлений формализма и равнодушия в работе, недостатка гибкости и инициативы. Особенно негативно это сказывалось на работе с нерусскими военнослужащими. Главное политическое управление РККА длительное время не реагировало на значительный приток в войска военнослужащих нерусской национальностей и возникавшие в связи с этим проблемы межнациональных отношений, языковой коммуникации и т.д.

Поиск особых методов и форм воспитательной работы с воинами нерусской национальности сначала велся в инициативном порядке политорганами тех фронтов, которые принимали наиболее многочисленные пополнения нерусскими красноармейцами. Со второго года войны эта работа была централизована и обрела определенную гибкость, особенно после издания директивы Главного политуправления № 012 от 17 сентября 1942 г. В последующем и до конца войны политорганы требовали более чуткого подхода и вариативности в работе с воинами нерусских национальностей. Об эффективности партийно-политической работы с бойцами и командирами нерусской национальности говорит то, что, приобретая боевой опыт, адаптируясь в воинском коллективе, воины-«националы» со временем переставали нуждаться в специальной воспитательной опеке и сами становились наставниками молодых бойцов.

Выводы по главе 5

Исследованием установлено, что Красная армия в изученный в диссертации период стала одним из наиболее эффективных институтов советской власти, осуществлявший идеологическую обработку и политическое воспитание граждан. Целью партийно-политической работы с контингентом военнообязанных и военнослужащих нерусской национальности являлось формирование сознательного,

целеустремленного защитника нового социалистического строя, носителя и проводника интернационалистической идеи.

Анализ документальной базы показал, что в структуре военно-политического ведомства (Политуправления/Главного политуправления РККА) в течение всего изучаемого периода не было выделено руководящего органа, ответственного за партийно-политическую работу с нерусским личным составом РККА. Вследствие этого работа армейских политорганов в этой сфере строилась не в *плановом*, а в *реактивном* режиме. Установлено, что важнейшие изменения в ее содержании происходили в ответ на фундаментальные сдвиги или критические осложнения в состоянии национального вопроса в РККА. Чаще всего они были вызваны резким, многократным расширением круга граждан нерусской национальности, привлекаемых к военной службе, и связанным с этим обострением языковой проблемы. Доказано, что на эти периоды пришлась основная масса руководящих документов ЦК ВКП(б) и Политуправления (Главного политуправления) РККА по организации партийно-политической работы с нерусским контингентом военнослужащих. По результатам исследования определено три таких фундаментальных этапа.

Первый этап охватил середину и вторую половину 1920-х гг. Он был связан с реализацией программных решений XII съезда РКП(б) в области строительства национальных формирований и развертывания военного призыва среди представителей нерусских народов. Этот период отличался открытым обсуждением проблем политического воспитания бойцов нерусской национальности на страницах военной печати, на совещаниях политработников и т.д. Конкретные формы и методы политической работы характеризовались стремлением к индивидуализации работы с каждым бойцом, учету национальных особенностей и удовлетворению запросов нерусских военнослужащих.

В диссертации доказана достаточно высокая эффективность политической работы с нерусскими военнослужащими в этот период. Документально подтверждено, что за период срочной службы из малограмотной сельской молодежи часто удавалось воспитать сознательных и целеустремленных строителей новой

жизни, а увольнение в запас часто становилось для них началом карьерного подъема по хозяйственной, советской или партийной лестнице.

Второй этап относится к рубежу 1930–1940-х гг., когда в связи с переходом к массовому обязательному призыву в национальных регионах СССР и экстерриториальному комплектованию войск в ряды РККА хлынул поток призывников, не владевших русским языком, в массе своей неграмотных или малограмотных. В связи с этим потребовались срочные меры по адаптации этой категории военнослужащих к военной службе, прежде всего обучению русскому языку, а также развертывание дополнительной допризывной общеобразовательной подготовки молодежи из национальных регионов. Содержание работы армейских политических органов на этом этапе становится сугубо прикладным и нацеливается на усвоение нерусскими военнослужащими минимума требований программы боевой и политической подготовки. С учетом краткости этого периода глубоких результатов до начала Великой Отечественной войны добиться не удалось.

Третий этап относится ко времени Великой Отечественной войны, охватив период с середины 1942 г. до окончания 1944 г. Перед армейскими политорганами вновь стояла сугубо прикладная задача: максимально быстро и эффективно адаптировать к условиям военной службы массы нерусских военнослужащих, призванных в армию по мобилизации. Установлено, что в 1942–1943 гг. наиболее проблемным контингентом являлись военнослужащие среднеазиатских и кавказских национальностей, а в последний период войны – уроженцы Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии, Прибалтики. Первые имели культурно-языковые особенности, вторые, кроме этого, отличались еще и недостаточной лояльностью Советскому государству. Как следствие, это вызывало отрицательные явления в дисциплинарной практике, вплоть до тяжких воинских преступлений.

Проблема не исчерпывалась только особенностями контингента. Анализ документов показал, что жесткий централизм в организации работы армейского партполитаппарата стал причиной серьезного запаздывания в реагировании на возникавшие проблемы, недостатка гибкости и инициативы в обращении с нерусскими военнослужащими, проявлений формализма и равнодушия к их нуждам со

стороны командного состава и политработников. Главное политуправление начало реагировать на обострение положения нерусских военнослужащих в войсках только к середине 1942 г., а программная директива, регламентирующая партийно-политическую работу с этим контингентом, была издана только в сентябре 1942 г. К концу войны скорость реакции на новые вызовы значительно сократилась, хотя формализм в работе низовых политорганов отмечался и в этот период. В то же время нередко политработники армейского, дивизионного и более низких звеньев в инициативном порядке брали на себя организацию работы с нерусскими бойцами и достигали в этом немалых успехов, добиваясь быстрой адаптации нерусских бойцов к фронтовой обстановке, освоения ими русского языка и формирования толерантных отношений между сослуживцами разных национальностей.

Доказано, что в течение всего изученного в диссертации периода одной из главных проблем, стоявших перед командным и политическим составом, был языковой вопрос. Поиск и выработка подходов к решению языковой проблемы являлись движущей силой развития партийно-политической работы с военнослужащими нерусской национальности. Решение языкового вопроса лежало в плоскости поиска оптимального соотношения между родным и русским языками во всех сферах общения в воинском коллективе: военном обучении, командовании, политпросветработе, общеобразовательном обучении и межличностном общении военнослужащих. В диссертации доказано, что игнорирование или недостаточное внимания вопросам межнациональной коммуникации оборачивалось снижением боеспособности частей и воинской дисциплины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Достижение цели исследования обусловлено решением научной проблемы, поставленных исследовательских задач, а также совокупностью полученных научных результатов, положений и выводов.

1. Охарактеризована отечественная и зарубежная научная литература по теме, а также источниковая база.

Анализ *отечественной историографии* показал, что, несмотря на обилие работ по ряду частных вопросов, в целом национальный аспект строительства Вооруженных Сил СССР в 1920-х – первой половине 1940-х гг. не стал предметом специального исследования. Анализом установлены:

- догматизм и идеологическая заданность выводов во многих исследованиях, прежде всего советского периода;

- узость военно-национальной тематики в советской и современной историографии, ограниченной в основном исследованиями боевого пути национальных воинских формирований, а также героическими сюжетами, связанными с представителями той или иной национальности. Практически неисследованными остаются многообразные вопросы, связанные с принципами и формами комплектования войск представителями народов СССР, организацией прохождения ими военной службы, особенностями партийно-политической и культурно-просветительской работы с этим контингентом военнослужащих;

- отсутствие обоснованных оценок политических целей и мотивов в решениях органов государственного и военного управления о призыве или, напротив, об ограничении призыва в армию представителей того или иного советского этноса;

- отсутствие объяснений взаимосвязи и взаимозависимости между эволюцией государственной национальной политики в СССР в 1920 – первой половине 1940-х гг. и развитием национального сегмента Вооруженных Сил, не говоря уже о выявлении региональных особенностей этой взаимозависимости;

– несмотря на радикальное расширение объема документальных источников в последние десятилетия и упрощение доступа исследователей к ним, – недостаточное использование архивного материала по теме, даже в докторских диссертациях;

– крайне редкое и бессистемное обращение к статистическим источникам, нередко – небрежный и некритичный подбор статистических материалов. Чаще всего анализу подвергаются случайные цифры из разнородных источников, с опорой на которые делаются столь же необоснованные, нерепрезентативные выводы и суждения. Нерелевантность привлекаемого к исследованиям статистического материала является благоприятной средой для политизированных домыслов и спекуляций о масштабах участия различных этносов в войнах Советского Союза, их вкладе в дело победы, потерях, дисциплинарной и наградной практике, воинских подвигах и преступлениях представителей того или иного этноса и т.д.

Анализ **зарубежной литературы** показал, что:

– иностранными авторами, особенно в последние десятилетия, был выдвинут ряд плодотворных идей о связи государственной национальной политики с процессом строительства Вооруженных Сил СССР. Однако ими рассмотрены лишь отдельные частные аспекты темы. Общего взгляда на национальный вопрос в военном деле не предложено;

– в большинстве случаев зарубежные исследования существенно уступают отечественным по обеспеченности первоисточниками, что нередко ведет их авторов к необъективным и необоснованным выводам;

– как и в отечественной историографии, в фокусе внимания зарубежных исследователей находятся национальные формирования; другие вопросы, связанные с военной службой представителей народов СССР, остаются на периферии их интереса. Несколько более широкий взгляд на национальный аспект строительства Вооруженных Сил предлагает современная украинская историография (с 1992 г.);

– установлена этнополитическая ангажированность зарубежной литературы, прежде всего на пространстве бывшего Советского Союза. Рассмотренный историографический материал убедительно показывает, что историческое прошлое

нередко ставится на службу современным политическим задачам и из него выбирается то, что для их решения наиболее подходит.

Анализ степени изученности национального аспекта строительства Вооруженных Сил СССР в 1922–1945 гг. показал, что эту тему нельзя считать изученной и раскрытой отечественной и зарубежной исторической наукой. Недостаточное исследование национального аспекта строительства Вооруженных Сил СССР послужило ключевым фактором, который предопределил выбор соискателем данной темы диссертационного исследования.

Работа по выявлению, анализу и обобщению **источников по теме** привела к следующим выводам:

– проблематика национального аспекта строительства Вооруженных Сил СССР хорошо обеспечена разнообразными архивными материалами и опубликованными источниками, которые разделены автором по их функциональному назначению на четыре категории: нормативная правовая база, делопроизводственная документация, источники личного происхождения и периодическая печать. Подавляющая часть документальных материалов по теме к настоящему времени рассекречена и доступна исследователям, что позволило соискателю сформировать достаточную источниковую базу для проведения диссертационного исследования;

– установлена неодинаковая ценность для диссертационного исследования перечисленных категорий источников: наибольшее значение имели нормативная база и делопроизводственная документация, в то время как материалы двух последних категорий (личные источники и периодические издания) носили вспомогательный характер.

Принципиально новым в подходе к источникам в данном диссертационном исследовании являются:

– проведенные по опубликованным и неопубликованным источникам реконструкция и анализ нормативно-правовой базы национальной политики, реализованной в строительстве Вооруженных Сил СССР в 1920 – середине 1940-х гг. Это позволило определить целеполагание, логику, темпы, способы решения орга-

нами государственного и военного управления национального вопроса в военном деле;

– опора на впервые вводимый в научный оборот обширный массив делопроизводственной документации, позволившей реконструировать организационную и управленческую деятельность государственных органов власти и военного руководства в области решения национальных проблем в строительстве Вооруженных Сил;

– использование широкого круга учетно-статистических материалов государственных и военных органов управления, позволивших сформулировать обоснованные, объективные, нередко – математически точные выводы о национальных процессах в строительстве Вооруженных Сил СССР в 1920 – середине 1940-х гг.;

– широкое привлечение воспоминаний, дневников, иных документов личного происхождения, отражающих межнациональные отношения и национальную политику в армии в изученный период. Эти материалы позволили яркими, убедительными примерами и суждениями очевидцев дополнить анализ нормативно-правовой и делопроизводственной документации;

– привлечение материалов периодической печати для анализа особенностей партийно-политической работы с военнослужащими нерусской национальности, определения хронологических рамок, содержания и трансформации пропагандистских кампаний, нацеленных на укрепление политико-морального состояния этой категории военнослужащих.

Накопленная источниковая база позволила провести полный и всесторонний анализ национальных процессов в строительстве Вооруженных Сил СССР в период 1922–1945 гг., дать оценку национальной политике Советского государства в строительстве Вооруженных Сил в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны.

Избранная диссертантом **методологическая основа исследования** позволила последовательно и полно рассмотреть содержание предмета исследования, выявить сущность и причинно-следственные связи событий, связанных с этнона-

циональным аспектом в строительстве Вооруженных Сил СССР, обеспечить решение научной проблемы. В работе в полной мере отражены общенаучные принципы и методы исследования, использован весь арсенал методологических приемов современной исторической науки, а также методы смежных гуманитарных дисциплин.

Соискателем определены и уточнены многие термины, не имеющие единого толкования в современной исторической науке и нормативно-правовом обороте, в том числе такие, как *национальные воинские формирования РККА*, *национальная политика*, *национальный аспект строительства Вооруженных Сил* и т.д.

2. Проанализированы мероприятия органов государственного и военного управления в области развития национальных воинских формирований РККА.

Исследование показало, что с первых лет существования советской власти органы государственного и военного управления привлекали граждан различных национальностей к несению военной службы, основной формой организации которой были национальные части и соединения. В 1920-х гг. чаще всего инициаторами формирования национальных частей выступали региональные органы власти. Партийно-государственное руководство национальных регионов СССР и РСФСР воспринимало собственные воинские формирования как один из важнейших символов государственного суверенитета своих регионов и признак их состоятельности как этнополитических субъектов.

Доказано, что принципиально вопрос о развитии национального сегмента РККА был решен в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б), резолюция которого по национальному вопросу стала своего рода политическим договором между центральной властью и вошедшими в состав Советского Союза республиками. Решения съезда в военной сфере были конкретизированы в принятой Реввоенсоветом СССР в декабре 1924 г. пятилетней программе национальных формирований РККА. Данную программу соискатель расценивает как важнейший шаг на пути к целенаправленной, планомерной, взаимовыгодной для союзного центра и национальных регионов интеграции нерусского населения в общее дело вооруженной

защиты социалистического отечества. Установлено, что с учетом корректировки программы, состоявшейся в 1927 г., ее реализация затянулась до середины 1930-х гг.

Помимо национальных частей, автором выявлен и охарактеризован второй важнейший способ организации воинских частей с участием нерусских контингентов – *концентрации*. В отличие от частей, создававшихся в рамках пятилетней программы нацформирований, *концентрации* возникли явочным порядком, широко распространились в войсках с середины 1920-х гг. и были одобрены руководством РККА. Этот тип организации, заключающийся в сосредоточении национальных пополнений в мелких подразделениях не национальных (*номерных*) соединений, выполнял корректирующую функцию в отношении пятилетней программы нацформирований, за рамками которой осталось множество относительно небольших по численности этносов.

Изучение документов центральных органов Наркомата по военным и морским делам (с 1934 г. – Наркомата обороны СССР) показало, что за весь изученный период в структуре наркомата не было создано руководящего органа, ответственного за национальный участок строительства Вооруженных Сил. Это обстоятельство диссертант считает одним из ключевых обстоятельств, воспрепятствовавших последовательной институционализации национальных формирований. Сама по себе практика *концентраций*, развивавшаяся в 1920–1930-х гг. хаотично и практически бесконтрольно со стороны центральных органов военного управления, служит доказательством этого тезиса. Отсутствие общей линии руководства развитием нацформирований сделало их уязвимыми перед конъюнктурными реорганизациями, каковой явилось и поспешное решение об их упразднении в 1938 г.

Проведенный анализ позволил соискателю выявить основные функции национальных воинских формирований, возлагавшиеся на них государством в межвоенный период. Соотношение этих функций не являлось неизменным, а, напротив, менялось с развитием внутренне- и внешнеполитической ситуации.

Первое. С точки зрения интересов *строительства Вооруженных Сил* ко-

нечной целью государственной программы национальных формирований являлось привитие советским этносам, особенно официально считавшимся «культурно отсталыми», устойчивой социально-культурной традиции несения обязательной военной службы по призыву и формирования на случай мобилизации в национальных регионах обученного запаса рядовых и комначсостава. Исследованием установлено, что к концу 1920-х и в первой половине 1930-х гг. большинство национальных формирований по боевым качествам достигли уровня *номерных* частей и соединений РККА. Однако, в силу своей незначительной штатной емкости, в межвоенный период они не обеспечили и объективно не могли обеспечить выполнения возлагавшейся на них органами государственного и военного управления мобилизационной задачи, а именно накопления в мирное время массы военнообученного запаса граждан нерусской национальности.

Второе. С точки зрения интересов *внутренней политики* Советского государства программа национальных формирований, безусловно, являлась продолжением общего курса национальной политики советского правительства на *коренизацию*, с ее широкими преференциями титульным этносам в национальных регионах и целенаправленной дерусификацией общественной и культурной сфер. В 1920-х гг. программа национальных формирований стала олицетворением *коренизации* в военном строительстве, переняв у нее принцип максимально возможного удовлетворения запросов самых незначительных национальных меньшинств (именно отсюда возник суррогат национальных формирований в виде практики *концентраций*).

Третье. С *внешнеполитической* точки зрения национальные формирования нацеливались руководством страны и военного ведомства на дальнейшую революционную экспансию СССР в сопредельные страны, особенно на Востоке. Усилиями прежде всего наркомвоенмора М.В. Фрунзе национальные части были органично вплетены в концепт мировой революции, в осуществлении которой им отводилась роль застрельщиков, передового отряда, особого национального эшелона советских войск.

Установлено, что в 1920-х гг. господствовали *вторая* и *третья* функции

нацформирований, расценивавшиеся как важный политический инструмент для решения внутренних и внешних задач молодого социалистического государства. В этот период советское политическое и военное руководство допускало даже временное ухудшение уровня боеспособности РККА в период становления нацчастей, ради реализации с помощью них политических целей (дальнейшая советизация окраинных народов и народов сопредельных стран). Внешнеполитическая и внутривнутриполитическая функции национальных формирований в советской политике 1920-х гг. не противоречили друг другу, а, напротив, составляли синкретическое единство. Конечно, вся Рабоче-Крестьянская Красная армия была институтом политическим, классовым, однако у национальных частей их политическое предназначение нередко превалировало над собственно военными. Это уникальное качество отличает их от всех прочих воинских частей Красной армии.

Соискателем доказано, что с рубежа 1920–1930-х гг. и до конца Великой Отечественной войны заметно доминировала *первая*, собственно военная функция национальных формирований, в основе которой были стоявшие перед руководством военного ведомства практические задачи повышения боеспособности Вооруженных Сил и поиск рационального способа комплектования войск нерусским контингентом военнообязанных. В начале 1930-х гг. *коренизация* как тип национальной политики и нацформирования стали препятствием на пути мобилизационной модели развития государства, предполагавшей форсированную организационную перестройку, перевооружение и увеличение численности его Вооруженных Сил, создание большого обученного запаса военнообязанных и кадров командного состава. Как показал анализ документальных материалов, в среде политического и военного руководства страны в этот период возобладало скептическое отношение к возможности надлежащего комплектования национальных частей в случае общей мобилизации и дальнейшего поддержания их национального баланса в ходе боевых действий. Поэтому в 1938 г. в рамках общей реформы системы комплектования Красной армии национальные формирования безо всякого обсуждения были упразднены.

Однако, как показало исследование, уже в первый год Великой Отечествен-

ной войны формирование национальных частей и соединений не только было возобновлено, но и существенно расширено по сравнению с довоенным периодом. Уже в ходе мобилизации 1941 г. выяснилось, что военнообязанные нерусской национальности старших возрастов в массе своей слабо владели русским языком, имели низкий уровень грамотности, не были обучены военному делу. Все это – последствия того, что до войны срочную военную службу прошла лишь незначительная часть военнообязанных из национальных регионов, а обязательное обучение русскому языку в национальной школе было введено лишь в конце 1930-х гг. Эти обстоятельства сделали решение высших государственных и военных органов управления о возвращении к мононациональному комплектованию частей и соединений в тех экстремальных условиях единственно возможным. Исследованием установлено, что за короткий период времени – с ноября 1941 по февраль 1942 г. – было сформировано 54 национальных соединения из представителей титульных народов 12 союзных республик и 4 автономных республик РСФСР. Общая штатная численность соединений достигала 370 тыс. чел.

Изучение исторического пути всех национальных соединений, созданных в период Великой Отечественной войны, позволило диссертанту разделить их на две группы: *первая*, бóльшая (30 соединений) была расформирована еще до отправки на фронт, причинами чему послужило то, что их не удалось привести в боеспособное состояние, а также общие реорганизации, особенно в кавалерии. Ко *второй* группе (24 соединения) отнесены национальные формирования, принявшие участие в вооруженной борьбе на фронте. Особенности их боевого пути позволили выделить внутри второй («фронтной») группы три подгруппы. К *первой подгруппе* отнесены соединения, понесшие большие боевые потери, вслед за этим расформированные и более не воссоздававшиеся или переформированные в обычные (не национальные) соединения, вследствие этого утратившие национальный статус; ко *второй* и *третьей* отнесены соответственно: закавказские, два казахских, одно башкирское соединения и прибалтийские соединения, чей боевой путь в качестве национальных формирований оказался наиболее длительным и плодотворным.

Во время войны ярко проявились по крайней мере две из трех сформулированных диссертантом функций нацформирований – военная и внутривойсковая, хотя экстремальные условия военной обстановки сделали доминирующим их собственно военное предназначение. В ряде операций и сражений (таких, как оборона Крымского полуострова в начале 1942 г., битва за Кавказ 1942–1943 гг. и ряд других) национальные соединения использовались массово и сыграли важную роль в противоборстве с врагом. Но политическая «нагрузка» на них и в годы Великой Отечественной войны была весьма сильна, и именно она, как доказано в диссертации, способствовала тому, что органы государственного и военного управления целенаправленно поддерживали моноэтничность личного состава и сохраняли национальный статус некоторых соединений них до самого конца войны. Установлено, что таким политическим мотивом в 1941–1945 гг. являлась *оборона* или *освобождение родного края*, ибо участие национальных формирований в боях за малую родину носило, помимо решения задач вооруженной борьбы, также и характер политической демонстрации. Оно имело большое моральное значение, как для военнослужащих нацформирований, так и для местного населения, особенно когда отмечались проблемы с политической лояльностью местного населения Советскому государству. Национальные формирования зримо и непосредственно олицетворяли вклад своего этноса в общее дело борьбы с немецким нацизмом.

И напротив, когда идеологический концепт защиты родного края исчерпывался (например, в случае с кавказскими национальными соединениями с окончанием оборонительного сражения за Кавказ) или же не актуализировался вовсе (в случае со среднеазиатскими соединениями), то интерес государственных и военных органов управления к национальным частям как к особым политическим субъектам неминуемо утрачивался. В этом случае запускался необратимый процесс этнической энтропии личного состава соединения, вызванный постоянным его перемешиванием маршевыми пополнениями в ходе доукомплектования и перестроения. В конечном итоге это вело к утрате национальной идентичности (а часто – и формального статуса) таких соединений. Поддержание баланса

титального этноса в национальных формированиях иногда в инициативном порядке брали на себя республиканские власти, заинтересованные в продлении их идеолого-пропагандистской функции.

3. Обобщен опыт деятельности органов государственного и военного управления по комплектованию РККА военнослужащими из числа представителей народов СССР.

Исследование источниковой базы позволило соискателю определить содержание и этапы деятельности центральных и местных органов государственного и военного управления, направленной на последовательное расширение мобилизационной базы государства за счет демографического ресурса народов СССР. Установлено, что на всех этапах этот процесс коррелировал с развитием призывного законодательства и общими тенденциями в строительстве Вооруженных Сил.

Первый этап (начало 1920-х гг. – 1928 г.) в комплектовании армии характеризовался опорой на традиции, унаследованные от дореволюционной Русской армии, трансляцию которых обеспечили *военспецы*, которыми в этот период были в значительной мере укомплектованы организационно-мобилизационные органы РККА. Диссертантом установлено, что в первой половине 1920-х гг. в РККА не призывалось около ста этносов, населявших СССР. Их перечень во многом повторял аналогичный дореволюционный список. Большинство не призываемых этносов относились к официально установленной категории «культурно отсталых» и считались по своим социально-культурным параметрам неготовыми к службе в армии. В то же время для граждан всех национальностей был открыт индивидуальный прием в армию на основе добровольной вербовки. Именно за счет добровольцев комплектовались первые национальные части.

Переход из категории непризываемых народов в категорию призываемых в середине 1920-х гг. происходил, главным образом, под настойчивым политическим давлением местных национальных партийно-советских элит, трактовавших военный призыв среди своих народов как символ эмансипации и признания их политической зрелости, а отказ в призыве – как продолжение великодержавной

угнетательской политики со стороны доминирующей русской нации. В принятый в сентябре 1925 г. закон «Об обязательной военной службе» была включена компромиссная формула: военная служба объявлялась общеобязательной для всех советских граждан, но предусматривалась отсрочка по этническому признаку для народов, перечень которых надлежало согласовывать между Наркомвоенмором и местными властями перед каждым призывом.

Анализ данных первых после окончания Гражданской войны пяти призывов мирного времени – с 1924 по 1928 г. – показал, что войска в этот период до 90 % пополнялись призывниками славянских национальностей (русскими, украинцами, белорусами) при общем удельном весе восточных славян среди населения, достигшим 77,3 %. Это превышало аналогичные дореволюционные показатели и в корне противоречило курсу центральных и местных органов государственного и военного управления на расширение представительства в армейских рядах всех народов СССР. Первый практический шаг в реализации этого курса удалось сделать только в ходе всесоюзного призыва в РККА 1928 г., опыт которого диссертант считает революционным для строительства отечественных Вооруженных Сил, поскольку военный призыв *впервые в истории* был распространен на те национальные регионы (Средняя Азия, Кавказ и ряд других), где он не проводился никогда (в том числе до революции). Анализ источников показал, что призыву предшествовала большая работа центральных и местных военных, советских и партийных органов по учету, изучению, обучению допризывной молодежи. Широкая агитационно-пропагандистская работа, сопровождавшая допризывные мероприятия и сам призыв, были направлены на формирование позитивного образа военной службы в РККА не только у самих призывников, но и у членов их семей и у этносов в целом.

Как показал анализ учетно-статистических материалов по личному составу Красной армии, в конце 1920-х гг. удельный вес военнослужащих неславянских национальностей в войсках оставался незначительным, однако само по себе проведение всеобщего призыва уже на десятом году советской власти диссертант оценивает как большой шаг вперед в деле расширения мобилизационного ресурса

страны и втягивания окраинных народов в советское строительство, важной частью которого являлась военная служба в рядах РККА.

Второй этап (1929 – первая половина 1941 г.) был связан с быстрым приростом списочной численности личного состава РККА (с 1930 по 1940 г. она выросла в 5,8 раза) и последовательным наращиванием военнообученного мобилизационного резерва за счет представителей народов СССР. Вопрос расширения призыва среди этой категории граждан стоял тем острее, чем глубже становилась «демографическая яма», вызванная тем, что в начале 1930-х гг. в призывной возраст вступали малочисленные поколения, родившиеся в годы Первой мировой и Гражданской войн, и ужесточались критерии социально-классового отбора призывников в армию в связи с обострением социально-экономической ситуации в стране.

Анализ показал, что на пути роста военного призыва среди представителей нерусских народов стояла ограниченная штатная емкость национальных формирований, куда для прохождения службы направлялось большинство призванных из республик СССР и РСФСР. Комплектовать ими обычные воинские части мешал языковой барьер. Поэтому значительная часть призывников местных национальностей после процедуры военного призыва приходилось зачислять во *вневоинсковики*, фактически освобождая их от строевой службы и полноценной военной подготовки.

Исследование документальных материалов организационно-мобилизационных органов РККА позволило автору прийти к выводу о том, что до второй половины 1930-х гг. прирост численности Красной армии происходил в основном за счет расширения использования традиционного для комплектования отечественной армии ресурса – русских, украинцев и белорусов. К концу 1930-х гг. недоиспользование нерусских контингентов призывников стало оцениваться руководством страны и ее Вооруженных Сил как критическое. В связи с этим был предпринят ряд важных решений: упразднение национальных соединений, подлинно всеобщий (т.е. фактически *поголовный*) призыв с зачислением новобранцев в кадровый состав войск, снижение призывного возраста, экстерриториальное

распределение молодого пополнения. Эти меры позволили в ходе последних предвоенных призывов многократно (а по ряду этносам – в десятки раз) увеличить численность представителей неславянских этносов в войсках. Экстерриториальность распределения нового пополнения строго выдерживалась до начала Великой Отечественной войны и в первые ее месяцы. С точки зрения интересов строительства Вооруженных Сил экстерриториальность снимала зависимость комплектования войск от районов мобилизации (призыва). С политической точки зрения она должна была значительно ускорить процесс интеграции нерусских военнослужащих в русскоязычную среду, иными словами – русифицировать массу обученного запаса военнообязанных, готовившегося на случай мобилизации.

Одним из последствий массового призыва нерусских граждан в 1939 г. стало то, что удельный вес русских военнослужащих в РККА в первый и последний раз за весь изучаемый период опустился ниже их удельного веса среди населения страны (56,4 % в Красной армии против 58,4 % по Всесоюзной переписи 1939 г.).

Однако это вызвало серьезные трудности в адаптации нерусских новобранцев в войсках, в связи со слабым владением основной массой призванных русским языком. Ранее эта проблема недооценивалась: из-за незначительности масштабов призыва этой категории граждан ей не уделялось должного внимания. В последний предвоенный призыв 1940 г. Наркомат обороны вынужден был сократить призыв представителей местных народов Средней Азии и Кавказа и ограничить их распределение в войсках западных военных округов.

Исторический опыт комплектования советских войск в межвоенный период показал, что за короткий период, в течение двух десятилетий (1920–1930-е гг.), несмотря на издержки и ошибки, был пройден сложный путь от эпизодических вербовок добровольцев в национальных регионах в первой половине 1920-х гг. к первым экспериментальным призывам в конце 1920-х гг. и затем к массовому общеобязательному призыву практически во всех национальных окраинах СССР в конце 1930-х гг. В диссертации доказано, что эти результаты стали возможными благодаря целенаправленной и планомерной работе государственных и военных органов управления по налаживанию в национальных регионах сети военкоматов,

постановке мобилизационной работы, воинского учета и допризывной подготовки, а также общему подъему культурно-образовательного уровня и физического развития национальной молодежи.

Третий этап охватывает период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Исследование показало, что органы государственного и военного управления в течение всей войны прикладывали чрезвычайные усилия для обеспечения непрерывного и достаточного потока пополнений в действующую армию. Изыскание людских ресурсов, пригодных для укомплектования войск, имело свое этническое измерение.

В годы Великой Отечественной войны национальный фактор при укомплектовании войск личным составом, безусловно, учитывался. В то же время исследование показало, что в большинстве случаев национальность контингента, обращаемого на комплектование воинских частей, принималась в расчет в директивном порядке. Распоряжениями из центра внимание органов формирования и укомплектования фокусировалось на тех или иных национальностях, усиливая или, напротив, ослабляя (или вовсе перекрывая) доступ в войска тех или иных этносов. Если специальных распоряжений центральных органов военного управления не поступало, то проблемы, возникавшие на местах в связи с национально-культурными и языковыми особенностями контингентов, как правило, не влекли организационных решений, пока не принимали серьезного характера. За этим следовала очередная реакция центральных органов военного управления.

Стремясь обеспечить войска наиболее качественным в боевом и политико-моральном отношении пополнением, государство вынуждено было в течение всей войны корректировать условия комплектования действующей армии представителями различных народов СССР. Соискатель проанализировал развитие национальной политики государства в сфере строительства Вооруженных Сил в период Великой Отечественной войны и пришел к выводу о том, что в течение 1941–1944 гг. была сформирована особая нормативно-правовая база (комплекс совершенно секретных постановлений ГКО, приказов наркома обороны и его заместителей), регламентировавшая порядок комплектования РККА представителями народов

СССР и организации прохождения ими военной службы. Основными способами комплектования и организации войск стали:

- смешанное комплектование воинских частей на общих условиях, без учета национальной принадлежности личного состава;
- сведение военнослужащих одной национальности в моноэтнические (национальные) части и соединения;
- смешанное комплектование воинских частей на основе национального квотирования (долевого участия национальностей);
- комплектование определенными этносами небоевых (рабочих, строительных и т.п.) частей;
- приостановка призыва в армию по этническому признаку и полный отказ от призыва и увольнение из рядов РККА представителей определенных этносов.

Проведенный соискателем комплексный анализ учетно-статистических материалов, отражающих комплектование армии личным составом за весь период войны, убедительно показал, что основную тяжесть войны вынес на своих плечах русский народ, перманентно испытывавший демографическую перегрузку, выражавшуюся в значительном превышении удельного веса русских в рядах армии над их удельным весом среди населения (максимума удельный вес русских достиг к началу 1943 г. – 71,1 % в рядах РККА против 58,4 % среди населения).

В диссертации доказано, что кроме русских многие другие народы СССР также испытывали кратковременное усиление демографической нагрузки. Это зависело от стратегической обстановки на фронте, социально-политического положения в местах комплектования и иных факторов. В остальное время их удельный вес в рядах войск не превышал удельного веса среди населения или даже был ниже за счет повышенной нагрузки на русских.

Проведенное исследование позволило выделить пять условных моделей распределения демографической нагрузки на советские этносы в связи с комплектованием войск в течение Великой Отечественной войны:

- «русская», свойственная исключительно русскому народу, характеризовавшаяся перманентной демографической перегрузкой в течение всей войны;

– «западная» (украинцы, белорусы, молдаване, народы Прибалтики), отличавшаяся относительно слабым использованием людских ресурсов в первые годы войны и резким усилением нагрузки в последние годы войны;

– «закавказско-среднеазиатская» (армяне, азербайджанцы, грузины, казахи, узбеки, туркмены, таджики, киргизы), характеризовавшаяся усилением нагрузки на людские ресурсы в первую половину войны и ее резким ослаблением во вторую;

– «тюркско-угорско-еврейская» (народы Поволжья и восточных регионов РСФСР: поволжские татары, башкиры, мордвины, чувашаи, удмурты, марийцы, а также евреи), отличавшаяся относительно равномерным использованием людских ресурсов в течение всей войны;

– «ограничительно-репрессивная» (немцы, крымские татары, калмыки, корейцы, греки, горцы Северного Кавказа и др.), выделявшаяся среди прочих целенаправленным сокращением (вплоть до полного запрета) использования людских ресурсов определенных национальностей в течение всей войны.

В качестве необходимого комментария к описанным моделям нужно отметить, что оформление и функционирование *второй* и *третьей* моделей было напрямую связано с условиями стратегической обстановки на советско-германском фронте: ослабление использования ресурсов «западных» этносов СССР в начале войны было вызвано временной потерей значительной части европейской территории СССР в первые годы войны. Усиление использования ресурсов закавказских и среднеазиатских народов в этот период носило компенсаторный характер по отношению к первому. Во второй половине войны эти модели поменялись местами. Относительная сбалансированность удельных показателей призыва и доли среди населения страны по *четвертой* модели объяснялась тем, что включенные в ее состав народы не подвергались экстремальному воздействию фронтовой обстановки в местах их этнических ареалов – их территория не оккупировалась врагом и не подвергалась прямой угрозе оккупации. Функциональное назначение *пятой* модели состояло не в изыскании ресурсов для пополнения армии, как у первых четырех, а, напротив в их изъятии из общего массива

мобресурсов страны. Наконец, *первая*, «*русская*» модель, не только формировала несущий хребет Красной армии, но и за счет дополнительного напряжения этно-ресурса русских компенсировала недобор, образовывавшийся в результате реализации остальных четырех моделей.

Таким образом, в диссертации доказано, что за первые два десятилетия своего существования Советское государство преодолело огромную историческую дистанцию в деле привлечения нерусских народов к несению военной службы, прошло путь, на который царское правительство даже не решилось по-настоящему вступить, считая задачу распространения воинской повинности среди «дикого», «туземного» населения нерешаемой. Органы государственного и военного управления принципиально решили сложнейшую и многофакторную задачу интеграции народов СССР в военную организацию государства. Однако то, что этнический состав Вооруженных Сил так и не был сбалансирован с этническим составом населения и требовались его непрерывные корректировки, а недобор представителей нерусских народов компенсировался перенапряжением демографических ресурсов русского народа, свидетельствует о том, что задача была решена не до конца.

4. Выявлены и проанализированы особенности подготовки и использования в РККА национальных военных кадров.

Исследование показало, что в 1920 – середине 1940-х гг. кадры командно-начальствующего состава в большинстве случаев проходили военную службу без различия национальности. Национальность командно-начальствующего (с 1943 г. – офицерского) состава или кандидатов в военные школы (с 1937 г. – училища) учитывалась в двух случаях. Во-первых, при комплектовании национальных формирований, в связи с тем, что принципиально важным было создание единой культурно-языковой среды в воинском коллективе. Во-вторых, при наложении ограничений на прием в РККА по этническому признаку. Во всех остальных случаях советские граждане, обладавшие достаточным уровнем образования и хорошей физической подготовкой, могли поступать в любое военно-учебное заведение страны.

Установлено, что в силу достаточно высоких культурно-образовательных характеристик и отсутствия языкового барьера наиболее успешную карьеру делали представители четырех советских этносов: русские, украинцы, белорусы и евреи. Весь изученный в диссертации период они, безусловно, доминировали среди командно-начальствующего (офицерского) состава, причем их доля росла по мере повышения воинского звания, что отражало их более высокие профессиональные компетенции и способности к их совершенствованию.

В предвоенный период предпринимались целенаправленные меры для расширения представительства нерусских народов среди командно-начальствующего состава. Для этого была создана сеть военно-учебных заведений, готовившая средний командно-начальствующий состав. Однако, существуя в парадигме развития национальных формирований, в условиях предвоенного наращивания численности и организационной перестройки РККА, система военного образования для нерусских народов оказалась такой же узкой, как и сами национальные формирования. Несение службы в одной национальной части сдерживало профессиональный и служебный рост командира, поэтому целеустремленные командиры из числа нерусских народов стремились перейти в обычные (*номерные*) части, где они имели больше возможностей для карьерного продвижения.

В межвоенный период развитие национальных формирований и обучение национального комсостава стимулировались политическими задачами советизации национальных регионов, что на долгие годы обеспечило внимательное отношение к национальным кадрам и заботу об их развитии. Во время Великой Отечественной войны подготовка национальных военных кадров приобрела сугубо утилитарный характер и имела целью скорейшее укомплектование формируемых национальных соединений и их качественную боевую подготовку. Поэтому специальная подготовка национальных кадров была четко увязана со штатными потребностями национальных соединений и прекращалась тогда, когда эта потребность исчерпывалась. В то же время, как убедительно показано в диссертации на статистическом материале, представители большинства народов СССР без ограничений принимались в военные училища и в последующем проходили службу на

командно-начальствующими должностями, если соответствовали единым требованиям по общеобразовательной подготовке, знанию русского языка и физическому состоянию.

5. Определены этапы, особенности и результаты деятельности органов государственного и военного управления по укреплению политико-морального состояния военнослужащих нерусских национальностей.

Исследованием установлено, что Красная армия в изученный в диссертации период стала одним из наиболее эффективных институтов советской власти, участвовавших в идеологической обработке и политическом воспитании граждан. Ведущая роль в осуществлении этой деятельности принадлежала армейским политическим органам, партийным и комсомольским организациям, которые вели непрерывную многопрофильную работу с бойцами и командирами, заполняя организационно-партийной, агитационно-пропагандистской и художественно-просветительской работой все их служебное и личное время, обеспечивая этим тотальность и непрерывность политического воздействия на сознание и волю военнослужащих. Плотная опека армейских политических органов сопровождала гражданина от стадии подготовки к призыву до самого увольнения в запас.

Целью партийно-политической работы с контингентом военнообязанных и военнослужащих нерусской национальности являлось формирование сознательного, целеустремленного защитника нового социалистического строя, носителя и проводника интернационалистической идеи.

Анализ документальной базы показал, что в структуре военно-политического ведомства (Политуправления / Главного политуправления) РККА в течение всего изучаемого периода не было выделено руководящего органа, ответственного за партийно-политическую работу с нерусским личным составом РККА. Вследствие этого работа армейских политорганов в этой сфере строилась не в *плановом*, а в *реактивном* режиме. Установлено, что ключевые изменения в ее содержании происходили в ответ на фундаментальные сдвиги или критические осложнения в состоянии национального вопроса в РККА. Чаще всего они были вызваны резким, многократным расширением круга граждан нерусских нацио-

нальностей, привлекаемых к военной службе, и связанным с этим столкновением культур в армейских рядах, сопровождавшимся обострением языковой проблемы. Доказано, что на эти периоды пришлась основная масса руководящих документов ЦК ВКП(б) и Политуправления (Главного политуправления) РККА по организации партийно-политической работы с нерусским контингентом военнослужащих. По результатам исследования определено три таких фундаментальных этапа.

Первый этап охватил середину и вторую половину 1920-х гг. Он был связан с реализацией программных решений XII съезда РКП(б) в области строительства национальных формирований и развертывания военного призыва среди представителей нерусских народов. Этот период отличался открытым обсуждением проблем политического воспитания бойцов нерусской национальности на страницах военной печати, на совещаниях политработников и т.д. Конкретные формы и методы политической работы характеризовались стремлением к индивидуализации работы с каждым бойцом, учету национальных особенностей и удовлетворению запросов нерусских военнослужащих.

В диссертации доказана достаточно высокая эффективность политической работы с нерусскими военнослужащими в этот период. Документально подтверждено, что за период срочной службы из малограмотной сельской молодежи часто удавалось воспитать сознательных и целеустремленных строителей новой жизни, а увольнение в запас часто становилось для них началом карьерного подъема по хозяйственной, советской или партийной лестнице.

Второй этап относится к рубежу 1930–1940-х гг., когда в связи с переходом к массовому обязательному призыву в национальных регионах СССР и экстерриториальному комплектованию войск в ряды РККА хлынул поток призывников, не владевших русским языком, в массе своей неграмотных или малограмотных. В связи с этим потребовались срочные меры по адаптации этой категории военнослужащих к военной службе, прежде всего обучению русскому языку, а также развертывание дополнительной допризывной общеобразовательной подготовки молодежи из национальных регионов. Содержание работы армейских политических органов на этом этапе становится сугубо прикладным и нацеливается на

усвоение нерусскими военнослужащими минимума требований программы боевой и политической подготовки. С учетом краткости этого периода глубоких результатов до начала Великой Отечественной войны добиться не удалось.

Третий этап относится ко времени Великой Отечественной войны, охватив период с середины 1942 г. до окончания 1944 г. Перед армейскими политорганами вновь стояла сугубо прикладная задача: максимально быстро и эффективно адаптировать к условиям военной службы массы нерусских военнослужащих, призванных в армию по мобилизации. Установлено, что в 1942–1943 гг. наиболее проблемным контингентом являлись военнослужащие среднеазиатских и кавказских национальностей, а в последний период войны – уроженцы Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии, Прибалтики. Первые имели культурно-языковые особенности, вторые, кроме этого, отличались еще и недостаточной лояльностью Советскому государству. Как следствие, это вызывало отрицательные явления в дисциплинарной практике, вплоть до тяжких воинских преступлений (дезертирство, саморанения, сдача в плен).

Проблема не исчерпывалась только особенностями контингента. Анализ документов показал, что жесткий централизм в организации работы армейского партполитаппарата стал причиной сильного запаздывания в реагировании на возникавшие проблемы, недостатка гибкости и инициативы в обращении с нерусскими военнослужащими, проявлений формализма и равнодушия к их нуждам со стороны командного состава и политработников. Главное политуправление начало реагировать на обострение положения нерусских военнослужащих в войсках только к середине 1942 г., а программная директива, регламентирующая партийно-политическую работу с этим контингентом, была издана только в сентябре 1942 г. К концу войны скорость реакции на новые вызовы значительно сократилась, хотя формализм в работе низовых политорганов отмечался и в этот период. Таким образом, установлено, что эффективность работы политорганов с национальными контингентами в годы войны в целом была невысока. В то же время нередко политработники армейского, дивизионного и более низких звеньев в инициативном порядке брали на себя организацию работы с нерусскими бойцами

и достигали в этом немалых успехов, добиваясь быстрой адаптации нерусских бойцов к фронтовой обстановке, освоение ими русского языка и формирования толерантных отношений между сослуживцами разных национальностей.

Доказано, что в течение всего изученного в диссертации периода одной из главных проблем, стоявших перед командным и политическим составом, был языковой вопрос. Поиск и выработка подходов к решению языковой проблемы являлась движущей силой развития партийно-политической работы с военнослужащими нерусской национальности. Решение языкового вопроса лежало в плоскости поиска оптимального соотношения между родным и русским языками во всех сферах общения в воинском коллективе: военном обучении, командовании, политпросветработе, общеобразовательном обучении и межличностном общении военнослужащих. В диссертации доказано, что игнорирование или недостаточное внимание вопросам межнациональной коммуникации оборачивалось снижением уровня боеспособности частей и снижением воинской дисциплины.

6. На основе проведенного исследования сформулированы исторические уроки и выработаны рекомендации для органов государственного и военного управления.

По результатам исследования сформулированы следующие исторические уроки:

– целенаправленная и планомерная работа органов государственного и военного управления может принести фундаментальные сдвиги в структуре комплектования Вооруженных Сил личным составом за относительно короткий исторический период времени. Изученный опыт показал, что в межвоенную эпоху Советскому государству удалось сделать большой шаг в преодолении многовековой диспропорции в участии населявших страну этносов в вооруженной защите государства. Менее чем за два десятилетия был пройден путь от пробных наборов добровольцев в единичные национальные формирования к массовому всеобщему призыву в национальных регионах и комплектованию гражданами нерусских национальностей воинских частей на общих основаниях. Благодаря этому в годы Великой Отечественной войны советское правительство смогло опереться на

миллионы представителей коренных народов, населявших союзные и автономные советские республики;

– *учет этнического фактора при комплектовании Вооруженных Сил должен иметь целью достижение возможности призыва в армию представителей всех, населяющих нашу страну этносов на равных и пропорциональных началах. В особый период это позволит осуществить мобилизационные мероприятия во всех регионах страны в полном объеме и в установленные сроки.* В изученную в диссертации историческую эпоху процесс интеграции нерусских народов в Вооруженные Силы Советского Союза развивался достаточно успешно в межвоенный период. Однако он не был завершен эволюционно, будучи прерван Великой Отечественной войной, в связи с чем диспропорция в комплектовании армии в пользу русских не была преодолена;

– *установленные государством принципы комплектования войск имеют прямые этнодемографические последствия.* В изученный период становым хребтом Советских Вооруженных Сил был русский этнос, что выразилось в перманентной демографической перегрузке русских мобилизационных людских ресурсов при комплектовании РККА. В военный период эта нагрузка еще более возросла. Пропорционально выросли и потери. Как следствие, русская нация понесла самый тяжелый демографический урон в Великой Отечественной войне, последствия которого сказываются до сих пор;

– *форсирование процесса интеграции нерусских народов в военную организацию государства чревато издержками в адаптации военнослужащих этой категории в воинском коллективе и, как следствие, снижением боевых характеристик войск, укомплектованных нерусским контингентом.* В изученный в диссертации период форсированная интеграция выражалась в игнорировании или признании несущественными при комплектовании и организации войск этнокультурных характеристик людских ресурсов (национально-культурные, религиозные, языковые особенности) в ущерб их социально-демографическим данным (социально-классовое происхождение, возраст, образовательный уровень, семейное положение). Нельзя забывать, что интеграция представителей различных этносов в

воинский коллектив – не самоцель, она должна формироваться и развиваться в интересах общества, совершенствования строительства ВС РФ и интересов государства;

– этнокультурные особенности людских ресурсов могут являться самостоятельным фактором комплектования и организации войск, требующих особых подходов при организации военной службы граждан нерусской национальности. В области комплектования войск в исследованный период были опробованы различные способы стимулирования или, напротив, ограничения призыва в армию граждан по национальному признаку, а в сфере организации войск – разные типы национального квотирования, вплоть до комплектования частей исключительно представителями одного этноса или целенаправленное использование этнокультурных особенностей и традиций в интересах Вооруженных Сил (например, комплектование горцами горнострелковых и горнокавалерийских частей, степными этносами – кавалерии и т.п.). В тех конкретно-исторических условиях это стало единственно возможным способом эффективного использования людских ресурсов нерусских народов СССР для комплектования войск;

– важнейшее значение в работе с военнослужащими нерусской национальности имеет моральный фактор. Здоровый дух – это основа боеспособности многонационального воинского коллектива и армии в целом. В 1920-х – первой половине 1940-х гг. достаточно высокую эффективность показал опыт специальной работы политических органов РККА с воинами нерусской национальности. Житель самого отдаленного аула в воинском коллективе непрерывно находился под плотной воспитательной опекой командиров и политработников, возвращаясь домой совсем иным человеком – целеустремленным, волевым строителем новой жизни.

Выработаны основанные на историческом опыте конкретные практические рекомендации органам военного управления, федеральным и местным органам государственной власти, государственным средствам массовой информации:

– Главному организационно-мобилизационному управлению Генерального

штаба ВС РФ:

1. В мирное время в целях накопления резерва для комплектования войск максимально использовать на военной службе представителей всех этнических групп нашей страны, не допуская исключений по этническому признаку.

2. Учитывать национально-религиозные особенности, традиции, навыки народов России, полезные для комплектования специальных соединений и воинских частей (например, горных частей, специальных подразделений для выполнения задач вне пределов РФ на территориях, населенных мусульманами, и т.д.).

– Главному военно-политическому управлению МО РФ:

1. На всех этапах прохождения военной службы акцентировать внимание воспитательной работы с личным составом всех национальностей на поддержании в воинском коллективе здоровых межнациональных отношений, дружбы и взаимовыручки с учетом исторического опыта отечественных Вооруженных Сил.

2. В рамках работы с личным составом и морально-психологического обеспечения ВС РФ восстановить широко практиковавшиеся в РККА конкретные формы информационно-пропагандистской, психологической и культурно-досуговой работы, обеспечивающие взаимную адаптацию военнослужащих разных национальностей, знакомство с культурами, традициями, религиями личного состава, представленного в подразделении; способствовать укреплению дружбы и товарищеских отношений между сослуживцами разных национальностей.

3. Подготовить учебные фильмы о боевой дружбе народов России и СССР для ведения воспитательной работы с личным составом.

– Главному военно-политическому управлению и Главному управлению военной полиции МО РФ:

1. В рамках их полномочий по обеспечению укрепления правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах усилить контроль за соблюдением здоровых межнациональных отношений в войсках, оперативно реагировать на факты национальной напряженности и насилия, появления в подразделениях неформальных групп военнослужащих по национальному и религиозному признаку.

2. Провести всероссийскую научно-практическую конференцию с привле-

чением военных, ученых, политиков, общественных организаций, на которой обсудить проблемы концептуальных подходов совершенствования строительства ВС РФ и морально-психологической подготовки личного состава с учетом национального аспекта.

– *Местным органам власти и военного управления в национальных регионах РФ:*

1. Организовать системную разъяснительную и воспитательную работу с допризывной молодежью и их семьями по подготовке к призыву в армию и службе в составе многонационального воинского коллектива.

2. Непрерывно поддерживать связь военнослужащих из национальных республик РФ с их малой родиной посредством организации делегаций, писем, телеконференций. Для предупреждения девиантного поведения военнослужащих из национальных регионов, привлекать имеющих большой авторитет среди молодежи старших членов семьи и рода.

– *Архивной службе ВС РФ и Федеральному архивному агентству (Росархив):*

1. В целях противодействия попыткам фальсификации истории и содействия патриотическому воспитанию молодежи обеспечить историкам и заинтересованной общественности доступ ко всему хранящемуся в архивах массиву документов, отражающему национальный аспект строительства Вооруженных Сил СССР 1920-х – первой половины 1940-х гг.

2. Подготовить и издать научный сборник документов, отражающий единство народов СССР в вооруженной борьбе против немецкого фашизма в 1941–1945 гг.

– *Федеральным телеканалам с государственным участием (ВГТРК, 1 канал, «Звезда»):*

1. Основываясь на положениях диссертации, подготовить серию документальных фильмов, посвященных совместной службе народов России и СССР в Вооруженных Силах для защиты Отечества.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АзССР – Азербайджанская Советская Социалистическая Республика
АМУ – Административно-мобилизационное управление
БОВО – Белорусский особый военный округ
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВПШ – Высшая партийная школа
вуз – военно-учебное заведение
ВУС – военно-учетная специальность
ГКО – Государственный Комитет Оборона
ГлавПУ – Главное политическое управление
Главупраформ – Главное управление формирования и комплектования
ГОМУ – Главное организационно-мобилизационное управление
ГССР – Грузинская Советская Социалистическая Республика
ГУ РККА – Главное управление Рабоче-Крестьянской Красной армии
ГУК – Главное управление кадров
ДАССР – Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика
ЗакВО – Закавказский военный округ
ЗаповО – Западный особый военный округ
ЗСФСР – Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
КАССР – Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога
ККА – Кавказская Краснознаменная армия
КОВО – Киевский особый военный округ
МО – Министерство обороны
НИИ(ВИ) ВАГШ ВС РФ – Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
НУО – Научно-уставной отдел

ОУН – Организация украинских националистов

ПриВО – Прибалтийский военный округ

ПУ – Политическое управление

ПУ – Политическое управление

РВС СССР – Революционный военный совет Союза Советских Социалистических республик

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГВА – Российский государственный военный архив

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная армия

САВО – Среднеазиатский военный округ

СибВО – Сибирский военный округ

СКВО – Северо-Кавказский военный округ

СНК – Совет народных комиссаров

СтВО – Сталинградский военный округ

СТО – Совет Труда и Оборона

ТуркВО – Туркестанский военный округ

УВО – Украинский военный округ

УВУЗ – Управление военно-учебных заведений

УзССР – Узбекская Советская Социалистическая Республика

УПА – Украинская повстанческая армия

УрВО – Уральский военный округ

УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

ХВО – Харьковский военный округ

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦСУ – Центральное статистическое управление

ЮжУрВО – Южно-Уральский военный округ

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

Российский государственный военный архив (РГВА)

Ф. 4. Управление делами при народном комиссаре обороны СССР (Управление делами РВС СССР, Управление делами Наркомата по военным и морским делам СССР) (1918–1941).

Оп. 1 (Секретариат управления делами РВС СССР). Д. 20, 35, 38, 54, 58, 108, 111, 133, 311, 312, 313, 393, 562, 791, 792, 793, 823, 828, 829, 830, 905, 1028, 1035, 1038, 1055, 1153, 1154, 1155, 1297, 1365, 1370, 1385, 1402, 1421, 1522.

Оп. 2 (Секретариат управления делами РВС СССР. Секретная часть). Д. 10, 22, 39, 84, 112, 118, 176, 178, 231, 232, 233, 313, 490, 514, 531.

Оп. 3 (Кодификационный отдел. Законодательный отдел). Д. 362, 521, 559, 897, 956, 1437, 1702, 1704, 1824 (ч. 1), 1824 (ч. 2), 2167, 2259, 2927.

Оп. 5. (Центральный военно-статистический отдел). Д. 1, 7, 8, 23, 86, 95.

Оп. 8 (Общий отдел. Военно-законодательное совещание). Д. 423.

Оп. 18 (Управление делами при Народном комиссаре обороны СССР). Д. 13, 15, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33.

Ф. 7. Штаб РККА (1920–1935).

Оп. 7 (Мобилизационное управление (Мобилизационный отдел) Штаба РККА). Д. 7, 440, 442, 445, 446, 451, 465, 470, 520, 570, 574, 715, 718.

Оп. 14 (Отдел учета и контроля численности ВС Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба). Д. 2, 10, 15, 17.

Ф. 9. Политическое управление РККА (1918–1941).

Оп. 21 (Отдел Востока). Д. 1, 2, 5.

Оп. 26 (Информационно-статистический отдел). Д. 54, 68, 107, 108, 124, 125, 156, 159, 180, 182, 183, 223, 237, 243, 244, 251, 261, 266, 268, 321, 348, 393, 394, 489, 491, 493.

Оп. 28 (Политуправление). Д. 40, 54, 72, 81, 109, 167, 179, 188, 193, 197, 199, 218, 251, 324, 356, 420, 435, 441, 462, 464, 476, 492, 501, 510, 514, 516, 527, 546, 549, 568, 610, 715, 754, 770, 804.

Оп. 29 (Секретариат начальника политического управления РККА). Д. 26, 64, 129, 139, 141, 151, 178, 189, 195, 200, 285, 351, 441, 593.

Оп. 33 (Мобилизационный отдел). Д. 19, 54, 70, 77, 90, 94, 98, 176, 182, 191, 207, 227, 237, 241.

Ф. 54. Главное управление РККА (1924–1940).

Оп. 1 (Управление устройства и службы войск). Д. 52, 97а, 103, 1037, 1039, 1047, 1053, 1088, 1101, 1236, 1238.

Оп. 2 (Управление строевое и укомплектования). Д. 103.

Оп. 3 (Управление по войсковой мобилизации и по укомплектованию). Д. 28, 39, 41, 54, 78, 79, 81, 121.

Оп. 4 (Управление укомплектования и службы войск). Д. 62, 65, 69, 73, 74.

Оп. 5 (Управление учебно-строевое). Д. 1, 3, 9, 14, 19, 23, 60, 73.

Оп. 6 (Управление по военному законодательству и статистике). 262, 318, 432, 433.

Оп. 16 (Управление по укомплектованию). Д. 419.

Ф. 62. Главное управление военно-учебных заведений РККА (1917–1940).

Оп. 1 (Главное управление военно-учебных заведений) Д. 1184, 1419, 1432.

Оп. 3 (Главное управление военно-учебных заведений). Д. 101, 172, 181, 117, 118, 187, 188, 297.

Ф. 25873. Управление Закавказского военного округа (1938–1940).

Оп. 1 (Военный совет). Д. 104, 107, 127, 129, 132, 135, 145, 382, 447, 692, 1665, 2116, 2195, 2388.

Ф. 25896. Управление Северо-Кавказского военного округа (1921–1941).

Оп. 1 (Военный совет). Д. 8.

Оп. 2. Д. 27, 34, 35, 51.

Оп. 3 (Штаб округа). Д. 215, 223, 390, 948, 994, 1032, 1059, 1089, 1061.

Оп. 9 (Политуправление). Д. 1, 2, 9, 13, 14, 17, 19, 20, 22, 23, 24, 29, 30, 34, 50, 82, 89, 90, 95, 96, 103, 153, 170, 185, 186, 287, 310, 316, 317, 348, 350, 484, 496, 572, 588.

Ф. 31899. Инспекторат РККА.

Оп. 3 (Инспекторат РККА). Д. 1, 16, 64.

Оп. 4 (Инспекторат РККА). Д. 134, 167, 203, 221.

Ф. 33987. Секретариат председателя РВС СССР (1917–1934).

Оп. 1 (Секретариат председателя РВС СССР). Д. 5, 180, 420, 591, 593, 681.

Оп. 2 (Секретариат председателя РВС СССР). Д. 38, 43, 95, 168, 175.

Оп. 3 (Секретариат председателя РВС СССР). Д. 109, 143, 189, 245, 1180, 1189, 1312, 1350.

Оп. 3а (Секретариат председателя РВС СССР). Д. 320, 339.

Ф. 37837. Управление кадров РККА (1922–1941).

Оп. 6 (1-й отдел). Д. 4.

Оп. 7 (2-й отдел). Д. 201.

Оп. 10 (6-й отдел). Д. 72.

Оп. 11 (7-й отдел). Д. 2.

Оп. 14 (8-й отдел). Д. 16.

Оп. 24. Д. 165, 166, 167.

Ф. 35875. 4-я туркменская горнокавалерийская дивизия (1920–1940).

Оп. 1. Д. 9, 45.

Ф. 39415. Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (1932–1940).

Оп. 1 (Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии). Д. 7, 11, 12, 13, 21, 71.

Ф. 40442. Организационное управление Генерального штаба РККА (1920–1941).

Оп. 1 (Организационное управление Генерального штаба РККА). Д. 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 14, 667.

Оп. 1а (4-й отдел). 1408, 1769.

Оп. 2а (Организационное управление Генерального штаба РККА). Д. 4, 6, 8, 17, 37, 64, 57, 75, 117, 118, 119, 121.

Оп. 3а (Организационное управление Генерального штаба РККА). Д. 2, 4, 17.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (1917–1991).

Оп. 3 (Протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) и ВКП(б) за 1919–1952 гг.). Д. 1044, 1045, 1046, 1047.

Оп. 21. (Отдел руководящих партийных органов. Сектор информации). Д. 1002, 1021, 1022, 1068, 1069, 1075, 1076, 1077, 1222, 1278, 1279, 1284, 3368, 3370, 3379, 4032, 4039, 4054, 4055, 5717, 5718, 5720, 5724, 5769, 5770.

Оп. 22 (Организационно-инструкторский отдел). Д. 35, 36, 37, 124, 125, 126, 127, 532, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 673.

Оп. 43 (Организационно-инструкторский отдел. Материалы горкомов, обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик за 1942–1943 гг.). Д. 5, 6, 7, 8, 9,

318, 320, 321, 322, 325, 351, 380, 381, 383, 390, 471, 472, 474, 965, 985, 989, 1171, 1751, 1752, 1753, 1754, 1755, 1756, 1757, 1758, 1759, 1760, 1761.

Оп. 88 (Сектор информации организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б)). Д. 79, 80, 81, 82, 83, 189, 223, 224, 483.

Оп. 122 (Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б)). Д. 17, 41, 54.

Оп. 125 (Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)). Д. 27, 60, 78, 81, 82, 85, 94, 106, 127, 165, 166, 169.

Ф. 69. Центральный штаб партизанского движения (1941–1944).

Оп. 1 (Командование и оперативные отделы ЦШПД). Д. 645, 651, 653, 654, 655.

Ф. 74. К.Е. Ворошилов (1881–1969).

Оп. 1 (К.Е. Ворошилов). Д. 163.

Оп. 2 (К.Е. Ворошилов). Д. 5, 39, 41, 52, 55, 81, 82, 83, 84, 85, 92, 95, 124.

Ф. 81. Л.М. Каганович (1893–1991).

Оп. 3 (Л.М. Каганович). Д. 254, 255, 294, 309, 417, 420.

Ф. 82. В.М. Молотов (1890–1986).

Оп. 2 (В.М. Молотов). Д. 314, 316, 330.

Ф. 84. А.И. Микоян (1895–1978).

Оп. 3 (Микоян. Авторские и биографические документы). Д. 6, 217, 290, 293, 294, 295, 296.

Ф. 558. И.В. Сталин (1878–1953).

Оп. 11 (И.В. Сталин). Д. 483, 484, 485, 487, 712, 743, 762, 818.

Ф. 644. Государственный Комитет Обороны.

Оп. 1 (Протоколы и распоряжения ГКО). Д. 220.

Оп. 2 (Постановления и распоряжения ГКО (подлинники)). Д. 25, 83, 93, 96, 98.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ)

Ф. 7. Главное организационно-мобилизационное управление Генерального штаба РККА (1941–1945).

Оп. 24 (Отдел учета и статистики ГУ РККА). Д. 3, 6, 8, 14, 15, 17, 20, 25, 60, 87, 92, 102, 105, 106, 109, 114, 125, 134, 135, 167, 170.

Оп. 26 (Управление учета и контроля численности Вооруженных Сил ГОМУ ГШ). Д. 28, 29, 123, 164, 181, 234, 317, 319, 366.

Оп. 881806. (Управление мобилизации Главного организационного управления ГШ). Д. 205, 207, 208, 212.

Ф. 15. Военно-историческое управление Генерального штаба РККА (1941–1945).

Оп. 11600 (Группа офицеров Генерального штаба). Д. 1102, 1269, 1281, 1292, 1305, 1324, 1347, 1349, 1628.

Ф. 15а. Главное организационно-мобилизационное управление Генерального штаба ВС РФ (1940 – наст. вр.).

Оп. 82. Д. 513.

Оп. 162. Д. 8.

Оп. 1848. Д. 5, 7.

Оп. 1917. Д. 7.

Ф. 33. Главное управление кадров НКО (1941–1945).

Оп. 11454 (Учетно-статистическое управление). Д. 82, 89, 90, 93, 106, 126, 148, 172, 206, 271, 297, 350, 374, 380, 386, 395.

Оп. 11456 (Организационно-мобилизационное управление). Д. 1, 7, 9, 27, 33, 38, 51, 109, 110, 187, 469, 549, 689, 691а, 698, 700, 718, 790, 805, 808.

Ф. 54. Главное управление военно-учебных заведений (1941–1945).

Оп. 12301 (1-й отдел). Д. 1, 117, 120, 214, 221, 222, 239, 236, 255, 307.

Ф. 56. Главное управление формирования и укомплектования войск РККА (1941–1945).

Оп. 12214 (Главное управление формирований). Д. 356, 403, 404, 405, 406, 417, 470, 736, 932.

Оп. 12216 (Управление мобилизации и укомплектования (с 1943 г. – Мобилизационное управление). Д. 1, 2, 3, 5, 8, 9, 10, 25, 26, 28, 30, 31, 33, 47, 48, 49, 56, 59, 61.

Оп. 12234 (Секретариат заместителя начальника Главупраформа Красной армии). Д. 108, 121, 133а, 133в, 134, 145, 152, 194, 199, 233.

Оп. 12236 (Управление запасных частей). Д. 5, 13, 68, 86, 87, 151, 384.

Оп. 12238 (Отдел инспектирования новых формирований (с 1943 г. – Управление инспектирования и боевой подготовки стрелковых частей и соединений). Д. 74, 144, 219, 298.

Ф. 144. Полевое управление Северо-Кавказского военного округа (I и II формирований) (1941–1942, 1943–1945).

Оп. 13181 (Военный совет). Д. 2, 5, 6, 10, 11, 14, 22, 26.

Оп. 13184 (Политическое управление). Д. 1, 13, 14, 32, 37, 38, 40, 41, 132.

Оп. 13187 (Военный совет). Д. 1, 2, 4, 9.

Оп. 13189 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба). Д. 10, 11, 22, 23, 32, 38, 39, 47, 48, 50, 51, 53, 54, 55, 86, 91, 92, 93, 102, 103, 107, 112, 118, 126, 131, 137, 142, 143, 147, 151, 152, 157, 159, 163, 167, 170, 207, 210, 218, 220, 226, 234, 237, 241, 257, 278, 281, 282, 285, 288, 290, 291.

Ф. 158. Полевое управление Среднеазиатского военного округа (1941–1945).

Оп. 12829 (Отдел укомплектования штаба). Д. 1, 16, 27, 28, 42, 47.

Оп. 12836 (Отдел кадров). Д. 1, 2, 5, 6, 10, 82, 236, 237, 308, 309.

Ф. 159. Полевое управление Южно-Уральского военного округа (1941–1945).

Оп. 13075 (Отдел кадров). Д. 36, 37, 60, 64, 147.

Оп. 13227 (Отдел комплектования и формирования). Д. 45, 46.

Ф. 209. Полевое управление Закавказского фронта (I и II формирований) (1941–1945).

Оп. 989 (Военный совет II формирования). Д. 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 14, 15, 20, 21, 23, 24, 27, 28, 29, 30, 39, 40, 41, 42, 45, 46, 49, 55, 59, 62, 70, 73.

Оп. 990 (Военный совет II формирования). Д. 2.

Оп. 995 (Отдел кадров). Д. 6, 7, 8, 75, 227, 229, 246, 261, 294, 306.

Оп. 999 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба II формирования). Д. 1, 3, 4, 6, 8, 14, 21, 26, 30, 31, 33, 35, 39, 40, 45, 49, 50, 51, 53, 56, 57, 65, 69, 72, 80, 98, 99, 100, 101, 107, 108, 117, 125, 127, 138, 139, 148, 151, 153, 156, 157, 171, 163, 165, 194, 206, 209, 213, 220, 233, 235, 246, 275, 278, 284, 288, 292, 293, 294, 300, 303, 313, 317, 326, 332, 333, 345, 346, 364, 366, 368, 370, 407, 408, 415, 417, 425, 429, 443, 446, 486, 487, 501, 513, 521, 526, 547, 578, 581, 600, 685, 690, 697, 703, 730, 731.

Оп. 1091 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба I формирования). Д. 4, 30, 65, 118, 138, 143, 145.

Оп. 1100 (Отдел кадров). Д. 22, 33.

Оп. 1113 (Политическое управление I формирования). Д. 1, 8, 11, 19, 26, 32, 44, 45, 47, 48, 49, 82, 93, 95, 96, 105, 111, 126, 127, 137.

Ф. 215. Полевое управление Крымского фронта (1942).

Оп. 1184 (Военный совет). Д. 2.

Оп. 1185 (Оперативный отдел штаба). Д. 7, 14, 18, 25, 26, 27, 28, 44, 45, 47, 59, 66, 67, 72, 85, 87, 98, 100, 103, 126, 151.

Оп. 1188 (Отдел укомплектования штаба). Д. 3.

Оп. 1199 (Политическое управление). Д. 3, 76, 9, 15, 35, 42, 44, 45, 89, 91.

Ф. 216. Кавказский фронт (1941).

Оп. 1144 (Отдел укомплектования штаба). Д. 16, 19, 20, 23.

Оп. 1166 (Политическое управление). Д. 3, 4, 6, 7.

Ф. 217. Ленинградский фронт (1941–1944).

Оп. 1221 (Оперативный отдел штаба). Д. 718, 719, 726, 727, 728, 729, 731, 849, 3841, 3844, 3846, 3848, 3849, 3850, 3851, 3853, 6237.

Ф. 224. Полевые управления Северо-Кавказского фронта (I формирования) и Черноморской группы войск Закавказского фронта (1941–1943 гг.).

Оп. 759 (Военный совет). Д. 1.

Оп. 763 (Отдел укомплектования и службы войск штаба). Д. 1, 44, 46, 52.

Оп. 783 (Политическое управление). Д. 24, 29, 30, 62, 77.

Оп. 832 (Политическое управление). Д. 2, 3, 17, 21, 64, 122, 133, 450.

Ф. 228. Южный фронт (II формирования) (1942–1943).

Оп. 536 (Политическое управление). Д. 27.

Ф. 233. 1-й Белорусский фронт (1944–1945).

Оп. 2338 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба).
Д. 91.

Ф. 236. 1-й Украинский фронт (1943–1945).

Оп. 2677 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба).
Д. 26, 71, 84.

Ф. 241. 3-й Белорусский фронт (1944–1945).

Оп. 2628 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба).
Д. 98.

Ф. 243. 3-й Украинский фронт (1943–1945).

Оп. 2917 (Отдел организационно-мобилизационный и укомплектования штаба).
Д. 43, 54, 142.

Ф. 273. Полевое управление Северной группы войск Закавказского фронта (1942–1943).

Оп. 875 (Военный совет группы). Д. 2, 4.

Оп. 882 (Отдел укомплектования и службы войск штаба). Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20.

Оп. 900 (Политический отдел). Д. 1, 5.

Ф. 288. Отдельная Приморская армия (I и II формирования) (1941–1942, 1943–1945).

Оп. 9905 (Военный совет). Д. 19.

Оп. 9925 (Политический отдел). Д. 4, 6, 44.

Оп. 9921 (Оперативный отдел штаба). Д. 48а.

Ф. 341. Полевое управление 7-й гвардейской армии (бывш. 64-й армии) (1942–1945).

Оп. 5312 (Оперативный отдел штаба). Д. 38, 46.

Ф. 399. Полевое управление 44-й армии (II формирование) (1942–1945).

Оп. 9385 (Оперативный отдел штаба). Д. 15, 17, 18, 20, 25, 27, 28, 29.

Ф. 400. Полевое управление 45-й армии (1941–1945).

Оп. 9450 (Оперативный отдел штаба). Д. 1, 5, 6, 11, 12, 13, 21, 22.

Ф. 401. Полевое управление 46-й армии (1941–1945).

Оп. 9511 (Оперативный отдел штаба). Д. 22, 30, 31, 32, 38, 41.

Ф. 414. Полевое управление 58-й армии (1942–1945).

Оп. 10945 (Разведывательный отдел штаба). Д. 2.

Ф. 464. Полевое управление 9-й армии (II формирование) (1942–1945).

Оп. 5689 (Оперативный отдел штаба). Д. 70, 74, 76, 77, 78, 84, 85, 160.

Ф. 827. 9-й стрелковый корпус (1941–1945).

Оп. 1. Д. 1, 5.

Ф. 832. 10-й гвардейский стрелковый корпус (1942–1945).

Оп. 1. Д. 18, 22.

Ф. 1063. 8-я гвардейская стрелковая дивизия (1941–1945).

Оп. 1. Д. 3, 17, 84, 89.

Ф. 1256. 91-я стрелковая дивизия II формирования (1941–1945).

Оп. 1. Д. 16, 70, 73, 76, 111, 144.

Ф. 1382. 151-я стрелковая дивизия II формирования (1942–1945).

Оп. 1. Д. 6, 39, 52, 58, 59.

Ф. 1495. 223-я азербайджанская стрелковая дивизия (1942–1945).

Оп. 1. Д. 1, 2, 4, 6, 8, 30, 47, 49, 54, 55.

Ф. 1563. 271-я стрелковая дивизия (1941–1945).

Оп. 1. Д. 1.

Ф. 1572. 276-я стрелковая дивизия II формирования (1942–1945).

Оп. 1. Д. 8, 79, 80, 82, 177.

Ф. 1633. 320-я стрелковая дивизия II формирования (1942–1945).

Оп. 1. Д. 7. Оп. 2. Д. 8.

Ф. 1671. 351-я стрелковая дивизия II формирования (1942–1945).

Оп. 1. Д. 1.

Ф. 1673. 353-я стрелковая дивизия (1941–1945).

Оп. 1. Д. 2.

Ф. 1713. 389-я стрелковая дивизия (1941–1945).

Оп. 1. Д. 8, 9.

Оп. 2. Д. 22.

Ф. 1842. 43-я стрелковая бригада (1941–1942).

Оп. 1. Д. 1, 6, 8, 9.

Ф. 1907. 94-я узбекская стрелковая бригада (1941–1942).

Оп. 1. Д. 1.

Ф. 1918. 100-я казахская стрелковая бригада (1941–1944).

Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

Ф. 1919. 101-я казахская стрелковая бригада (1941–1943).

Оп. 1. Д. 1, 2, 35.

Оп. 2. Д. 14.

Ф. 2056. 256-я стрелковая бригада (1941–1942).

Оп. 1. Д. 2, 9, 16, 19, 36.

- Ф. 3552. 16-я гвардейская (112-я башкирская) кавалерийская дивизия (1941–1945).
Оп. 1. Д. 1, 2, 80.
- Ф. 3562. 30-я кавалерийская дивизия (1941–1945).
Оп. 1. Д. 37, 38.
- Ф. 3608. 97-я туркменская кавалерийская бригада (1941–1943).
Оп. 1. Д. 1, 3, 6, 9.
- Ф. 3618. 107-я киргизская кавалерийская дивизия (1941–1942).
Оп. 1. Д. 4, 7, 8.
- Ф. 3623. 114-я чечено-ингушская кавалерийская дивизия (1941–1942).
Оп. 1. Д. 5, 7, 8.
Оп. 2. Д. 6.
- Ф. 3634. 115-я кабардино-балкарская кавалерийская дивизия (1941–1942).
Оп. 1. Д. 1.
- Ф. 255-го чечено-ингушского кавалерийского полка (1942).
Оп. 915461. Д. 1, 2, 3.
- Ф. 60001. Алма-Атинское пехотное училище (1941–1945).
Оп. 32002. Д. 11.
- Ф. 60008. Грозненское (Бакинское) пехотное училище (1939–1954).
Оп. 35021. Д. 3.
- Ф. 60010. 2-е Бакинское пехотное училище (1940–1945).
Оп. 35016. Д. 11.

Оп. 35017. Д. 1.

Ф. 60023. Буйнакское пехотное училище (1940–1945).

Оп. 35046. Д. 1, 2, 3.

Оп. 35101. Д. 2.

Ф. 60062. Подольское пехотное училище (1941–1945).

Оп. 35125. Д. 16, 43.

Оп. 35126. Д. 36.

Оп. 35162. Д. 14.

Оп. 35163. Д. 42.

Ф. 60078. Ташкентское пехотное училище (1918–1945).

Оп. 35156. Д. 1, 3, 5, 6, 7.

Оп. 35157. Д. 3, 4, 13, 14, 24, 31, 37, 59.

Ф. 60083. Махачкалинское пехотное училище (1941–1945).

Оп. 35162. Д. 14.

Оп. 35163. Д. 42.

Ф. 60086. Телавское пехотное училище (1941–1943).

Оп. 35168. Д. 16, 18.

Оп. 35169. Д. 25.

Ф. 60107. Новочеркасское кавалерийское училище (1941–1942).

Оп. 35421. Д. 5, 27.

Ф. 1-го отдельного латвийского запасного стрелкового полка (1942–1945).

Оп. 597941. Д. 1.

Оп. 597942. Д. 3.

Оп. 597945. Д. 1, 2.

Оп. 614498. Д. 1.

Ф. 13-го казахского запасного кавалерийского полка (1942).

Оп. 566140. Д. 2.

Ф. 14-го туркмено-таджикского запасного кавалерийского полка (1942).

Оп. 396609. Д. 3.

Ф. 24-й запасной стрелковой дивизии.

Оп. 87924. Д. 5, 6.

Оп. 94394. Д. 8, 9.

Ф. 26-й запасной стрелковой дивизии.

Оп. 113805. Д. 1, 2, 3, 4.

Оп. 113806. Д. 4.

Ф. 28-й запасной стрелковой дивизии.

Оп. 6362. Д. 4.

Оп. 32296. Д. 2.

Ф. 38-й запасной стрелковой дивизии.

Оп. 99452. Д. 10.

Оп. 106373. Д. 9.

Оп. 110662. Д. 4.

Ф. 8259. 50-я запасная стрелковая дивизия.

Оп. 101061. Д. 1.

Оп. 116526. Д. 3, 4.

Действующие нормативно-правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок) (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/).
2. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «О воинской обязанности и военной службе» (<http://legalacts.ru/doc/FZ-o-voinskoj-objazannosti-i-voennoj-sluzhbe/razdel-i/statja-1/>).
3. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (с изменениями и дополнениями) (<http://base.garant.ru/135907/#ixzz53DNot9CR>).
4. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909) (<http://base.garant.ru/70284810/#friends>).
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/).
6. Приказ Министерства образования и науки РФ от 3 августа 2006 г. № 201 «О концепции национальной образовательной политики Российской Федерации» (<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90016/#ixzz53CvW0vp5>).
7. Указ Президента Российской Федерации № 168 от 31 марта 2015 г. «О Федеральном агентстве по делам национальностей» (<http://base.garant.ru/70928316/>).
8. Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» (утв. Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 1532) (http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/455/original/%D0%93%D0%9F_%D0%9D%D0%B0%D1%86_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0.pdf?1484721859).

Нормативные документы, уставы, руководства, пособия, инструкции РККА

1. *Баневич Н.Л., Фадеев А.С.* Обязательная военная служба гражданина Союза С.С. Республик: (разъяснение закона 18 сентября 1925 г.). – М.: Гос. воен. изд-во, 1926. – 30 с.
2. *Бакланов Ф.П.* Призыв на действительную военную службу: пособие для ведения справ. работы в частях РККА. – М.: Военный вестник, 1927. – 32 с.
3. Временное руководство для учета военнообязанных. – Пг.: Военная типография, 1918. – 47 с.
4. Временное руководство для учета переменного рядового и младшего начальствующего состава территориальных войск РККА: приказ РВС СССР. 1927. № 624. – М.: Глав. управление РККА, 1928. – 22 с.
5. Временное руководство по приписке к призывным участкам и учету допризывников. – Ростов н/Д: Штаб 9-й Дондивизии, 1926. – 28 с.
6. Временный Полевой устав РККА (ПУ-36). – М.: Воениздат, 1936. – 215 с.
7. Инструкция по заполнению, пересылке и хранению карточек строевого учета. – М.: Центр. тип. им. К. Ворошилова, [1931]. – 7 с.
8. Комплектование и мобилизация армии: пособие для начальствующего состава: В 2 ч. М.: Главное управление РККА, 1930. – Ч. 1. – 200 с.
9. Мобилизация и ее политическое обеспечение. Приложение к «Настольной книге для районного (волостного военного делопроизводителя)». – М.: Издание Управления по войсковой мобилизации и укомплектованию Главного управления РККА, 1929. – 36 с.
10. Полевой устав РККА (1929). – М.; Л.: Гос. изд. Отд. военной лит-ры, 1931. – 263 с.
11. Полевой устав РККА (ПУ-39). – М.: Государственное военное издательство НКО, 1939. – 256 с.

12. Правила по переучету военнообязанных рядового и младшего начальствующего состава. – М.: Упр. по войсковой мобилизации и по укомплектованию Глав. упр. РККА, 1926. – 91 с.
13. Призыв 1908 года: методич. пособия для докладчиков и групп агитаторов. – Тифлис: Заккнига, 1930. – 37 с.
14. Призыв в Рабоче-Крестьянскую Красную армию: порядок призыва и льготы призываемым. – М.: Гос. воен. изд-во, 1925. – 32 с.
15. Руководство для призыва военнообязанных граждан на военную службу в Рабоче-Крестьянскую Красную армию. – М.: Изд. Мобилизационного управления Штаба РККА, 1921 (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1702).
16. Руководство для призыва по мобилизации в ряды Рабоче-Крестьянской Красной армии военнообязанных младшего начальствующего и рядового состава. – М.: Главное управление РККА, 1927. – 161 с.
17. Руководство по очередным призывам в РККА. – М.: Упр. по укомплектованию и службе войск ГУРККА, 1931. – 86 с.
18. Руководство по очередным призывам в РККА. – М.; Л.: Отд. изд-ва НКО Союза ССР, 1934. – 54 с.
19. Сборник декретов, приказов и распоряжений правительства по призывам в Красную армию и тыловое ополчение, по учету военнообязанных и солдат, по военно-конской и повозочной повинности. – М. [Б.и.], 1918. – 508 с.
20. Сборник законов, постановлений и приказов НКО о всеобщей воинской обязанности. – М.: Воениздат, 1942.

Опубликованные отчеты Наркомата по военным и морским делам и Наркомата обороны СССР

1. Итоги изъятия красноармейцев и младшего начсостава из РККА, проведенного в период с 1 ноября 1929 г. по 1 июня 1930 г. в порядке ст. 243 и 39 Закона «Об обязательной военной службе». – М.: Отдел статистики ГУ РККА, 1930.

2. Труды Центрального статистического управления. Т. XIII. Вып. 2: Итоги переписи Красной армии и флота 28 августа 1920 г.: Сер. 1. Вып. 1 [работ отдела военной статистики ЦСУ]. – М., 1921 (РГВА. Ф. 54. Оп. 6. Д. 432).
3. Отчет Народного комиссариата по военным делам за 1921 г. – М., 1922 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 32).
4. Отчет Народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/1923 гг. – М., 1925 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 35).
5. Отчет о призыве на действительную военную службу в 1924 г. граждан рождения 1902 г. – М.: Изд-во ГУ РККА, 1925 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 28).
6. Отчет о призыве на действительную военную службу в 1925 г. граждан рождения 1903 г. – М.: Изд-во ГУ РККА, 1926 (РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 37).
7. Отчет о допризыве граждан, родившихся в 1901 г., осенью 1922 г. – М., 1923.
8. Отчет о призыве на действительную службу в 1926 г. граждан рождения 1904 г. – М.: Изд-во ГУ РККА, 1927.
9. Предварительные итоги переписи РККА 1926 г., изданной Главным управлением РККА. – М.: Изд-во ГУ РККА, 1927 (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 356).
10. Призывные контингенты (1902–1905 годов рождения). – М.: Изд-во ГУ РККА, 1928. – 214 с.
11. Политико-моральное состояние РККА: (Состояние дисциплины, самоубийства, чрезвычайные происшествия): 1929/30 г.: Стат. ежегодник. Издательство ГУ РККА. – М., 1931 (РГВА. Ф. 54. Оп. 4. Д. 69).
12. Стенографический отчет Пленума революционного военного совета СССР с участием командующих войсками и членов Реввоенсоветов округов 24 ноября – 1 декабря 1924 г. – М., 1924 (РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 531).
13. Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной армии (социально-демографическая): Кн. 3. – М.: Изд-во ГУ РККА, 1931 (РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2).
14. Характеристика контингента призыва 1928 г. (1906 г. р.) / сост. Статистический отдел ГУ РККА. – М.: Изд-во ГУ РККА, 1929 (РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1238).

15. Штатное и списочное состояние войск Красной армии на 1 января 1922 г. – М., 1922 (РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1824. Ч. 1).

Документальные публикации

1. XVI съезд партии о борьбе с уклонами в национальном вопросе // Военный вестник. – 1930. – № 24. – 25 августа. – С. 54–60.
2. «По решению правительства Союза ССР...»: (Депортация народов: Документы и материалы). – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 926 с.
3. Заседание Верховного Совета Азербайджанской ССР. Пятая сессия 6–8 марта 1944 г.: Стенографический отчет. – Баку: Изд. Верховного Совета Азерб. ССР, 1947. – 145 с.
4. Боевое братство народов СССР: Дружба и массовый героизм народов СССР в боях за Советскую Украину в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. – Киев: Наук. думка, 1984. – 455 с.
5. Большевистское руководство. Переписка, 1912–1927. Сборник документов. – М.: РОССПЭН, 1996. – 423 с.
6. Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Т. III. Национальные формирования Красной армии. – М.: Изд. центр «Воевода», 2015. – 543 с.
7. СССР. Верховный Совет. Заседания Верховного Совета СССР, 1938–1991. Десятая сессия Верховного Совета СССР [1-го созыва], (28 января – 1 февраля 1944 г.): Стенографический отчет. – М.: Изд. Верховного Совета СССР, 1944. – 334 с.
8. ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). – М.: Воен. вестник, 1928. – 371 с.
9. Военно-статистический ежегодник Армии за 1911 г. – СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1913. – 582 с.

10. Военно-статистический ежегодник Армии за 1912 г. – СПб.: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой (в здании Главного Штаба), 1914. – 520 с.
11. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2008. – 624 с.
12. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: 1938, 1940 гг.: Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2006. – 336 с.
13. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: Декабрь 1934 г.: Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2007. – 511 с.
14. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: Декабрь 1935 г.: документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2008. – 568 с.
15. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2006. – 360 с.
16. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: Октябрь 1936 г.: Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2009. – 479 с.
17. Всеармейские совещания политработников: 1918–1940: (Резолюции). – М.: Наука, 1984. – 335 с.
18. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1929. Т. 17. – 40 с.
19. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. – М.: РОССПЭН, 2007. – 320 с.
20. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. – М.: Наука, 1992. – 254 с.
21. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги: Россия. – СПб.: БЛИЦ, 1999. – 204 с.
22. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог: В 2 т. Т. 1: 1941–1943; Т. 2: 1944–1945. М.: РОССПЭН, 2015. – Т. 1. – 1222 с.; Т. 2. – 1342 с.
23. Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1968. – 903 с.

24. Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е гг.). Ч. 1. Документальные источники Центрального Государственного Архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. – Л.; М., 1992. – 353 с.
25. Десятый съезд РКП(б): Март 1921 г: Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1963. – 915 с.
26. Двенадцатый съезд РКП(б): 17–25 апреля 1923 г.: Стеногр. отчет. – М.: Политиздат, 1968. – 921 с.
27. Иосиф Сталин – Лаврентию Бери: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии. – М.: Дружба народов, 1992. – 288 с.
28. К призыву бурят-монгол в Красную армию. – Верхнеудинск, 1925. – 85 с.
29. Командный и начальствующий состав Красной армии в 1940–1941 гг. Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. – М.; СПб.: Летний сад, 2005. – 272 с.
30. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – М.: Политиздат, 1983–1990. – Т. 2: 1917–1922. – 1983. – 606 с.
31. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы: 1917–1981. – М.: Воениздат, 1981. – 622 с.
32. Красная армия в 1920-е годы: Документы и материалы. – М.: Архив Президента Российской Федерации, 2007. – 270 с.
33. В.И. Ленин, КПСС о борьбе с национализмом: Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1985. – 289 с.
34. Народы Дагестана в Великой Отечественной войне: (1941–1945): Документы и материалы. – Махачкала: Ин-т ИАЭ, ЦГА РД, 2005. – 783 с.
35. Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1990. – 408 с.
36. Национальный вопрос и Советская Россия. – М.: Гос. изд-во, 1921. – 90 с.

37. О привлечении к отбыванию воинской повинности некоторых частей населения, освобожденного от нее до настоящего времени. Доклад военного министра в Государственную думу. Ноябрь 1915 г. – [Пг., 1915]. – 39 с.
38. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. – М., 2000. – Т. 2; Кн. 1: Начало: 22 июня – 31 августа 1941 г. – М.: Русь, 2000. – 724 с.
39. Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. – М., 2000. – Т. 3. Кн. 2: От обороны к наступлению: 1 июля – 31 декабря 1942 г. – М.: Русь, 2000. – 700 с.
40. Партийно-политическая работа в Красной армии: Документы: 1920–1929. – М.: Воениздат, 1981. – 576 с.
41. Партийно-политическая работа в Красной армии: Документы: Июль 1929 – май 1941. – М.: Воениздат, 1985. – 535 с.
42. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. – СПб.: Паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – 36 с.
43. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Труды ЦСУ. Т. 1. Вып. 3. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. – М.: 14-я типография Мос. Сов. Нар. Хоз., 1921. – 19 с.
44. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана, 1941–1945 гг. Сборник документов. – Алматы: Архив Президента Респ. Казахстан, 2010 – 603 с.
45. Репрессированные народы: чеченцы и ингуши: Документы, факты, коммент. М., 1994. – 260 с.
46. Реформа в Красной армии: Документы и материалы: 1923–1928 гг.: в 2 кн. М.; СПб.: Летний сад. 2006. – 720 с.

47. Русский архив: Великая Отечественная: приказы народного комиссара обороны СССР: 1937–1941 гг. Т. 13 (2–1). – М.: ТЕРРА, 1994. – 368 с.
48. Русский архив: Великая Отечественная: приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). – М.: ТЕРРА, 1997. – 448 с.
49. Русский архив: Великая Отечественная: приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. Т. 13 (2–3). – М.: ТЕРРА, 1997. – 456 с.
50. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942. Т. 16 (5–2). – М.: ТЕРРА, 1996. – 624 с.
51. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1943. Т. 16 (5–3). – М.: ТЕРРА, 1999. – 360 с.
52. Русский архив: Великая Отечественная: Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 17 (6). – М.: ТЕРРА, 1996. – 666 с.
53. Русский архив: Великая Отечественная: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 20 (9). – М.: ТЕРРА, 1999. – 668 с.
54. Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы: 1942 г. Т. 23 (12–2). – М.: ТЕРРА, 1999. – 328 с.
55. Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы: 1943 г. Т. 23 (12–3). – М.: ТЕРРА, 2000. – 523 с.
56. Русский архив: Великая Отечественная: Тыл Красной армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 25 (14). – М.: ТЕРРА, 1998. – 736 с.
57. Сборник Законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР 1938–1946 гг. – М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1946. – 74 с.
58. Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. – М.: РОССПЭН, 1999. – 519 с.

59. *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. – М.: Госполитиздат, 1951. – 207 с.
60. *Сталин И.В.* Сочинения: В 16 т. Т. 5. – М.: ОГИЗ, 1947. – 448 с.
61. Сталинград 1942–1943 гг.: Сборник документов. – М.: Библиотека, 1995. – 421 с.
62. Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. – М.: Звонница-МГ, 2000. – 496 с.
63. Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). – СПб: Издание ЦСК, 1914. – 122 с.
64. Тайны национальной политики ЦК РКП(б): четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г.: стеногр. отчет. – М.: Инсан, 1992. – 293 с.
65. Так это было: Национальные репрессии в СССР: 1919–1952 гг.: Художественно-документальный сборник 3 т. – М.: Инсан, 1993. – Т. 1. – 337 с.; Т. 2. – 336 с.; Т. 3. – 352 с.
66. *Фрунзе М.В.* Собр. соч. – М.: Госиздат. – Т. 2: 1924 г. – 1926. – 323 с.; Т. 3: 1925 г. – 1927. – 402 с.
67. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. – Кн. 1: 1918–1939 гг. – М.: РОССПЭН, 2005. – 783 с.
68. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. – Кн. 2: 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. – 1094 с.

Периодические издания

1. Известия Советов депутатов трудящихся: орган Президиума Верховного Совета СССР. М., 1941–1945.
2. Красная звезда: орган Народного комиссариата обороны СССР. М., 1941–1943.
3. Правда: орган ЦК и МК ВКП(б). М., 1941–1945.

Специальная справочная литература

1. Али-Заде А. Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – 400 с.
2. Боевой состав Советской Армии (июнь 1941 – сент. 1945 гг.). – Ч. I. – М.: [Типогр. Военной академии ГШ], [1963], – 88 с.; Ч. II. – М.: Воениздат, 1966. – 265 с.; Ч. III. – М.: Воениздат, 1972. – 336 с.; Ч. IV. – М.: Воениздат, 1988. – 376 с.; Ч. V. М.: Воениздат, 1990. – 216 с.
3. Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 639 с.
4. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.
5. Весь СССР: Экономический, финансовый, политический и административный справочник. – М.: Госиздат, 1926. – 1289 с.
6. Военная энциклопедия: В 8 т. – М.: Воениздат, 1997–2004.
7. Военные вопросы в документах КПСС и Советского государства: аннотир. биогр. указатель. – М.: Воениздат, 1980. – 461 с.
8. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.: Воениздат, 1963. – 624 с.
9. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в 2 т. – М.: Буки-Веди, 2015. – Т. 2. – 810 с.
10. Государственный Комитет Оборона СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Т.1: 1941–1943. Аннотированный каталог в двух томах. – М.: РОССПЭН, 2015. – 1222 с.
11. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 720 с.
12. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. – М.: Воениздат, 1993. – 415 с.

13. Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ: 1917–1960: Справочник. – М.: МФД, 1997. – 352 с.
14. Мигачев Ю.А., Тихомиров С.В. Военная служба: Поступление, призыв, прохождение, увольнение: справ. пособие. – М.: Юрлитинформ, 1999. – 299 с.
15. Общевоинские армии и их боевой состав за 1942 г.: в 4 ч. – М.: [Б.и., Б. г.].
16. Перечень № 5 стрелковых, горнострелковых, мотострелковых и моторизованных дивизий, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: [Б.и.], [1970]. – 218 с.
17. Перечень № 6 кавалерийских, танковых, воздушно-десантных дивизий и управлений артиллерийских, зенитно-артиллерийских, минометных, авиационных и истребительных дивизий, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: [Б.и.], 1956. – 77 с.
18. Перечень № 7 управлений бригад всех родов войск, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: [Б.и.], 1956. – 130 с.
19. Статистический справочник СССР за 1928 г. – М.: Статист. изд-во ЦСУ СССР, 1929. – 402 с.
20. Территориальное и административное деление Союза ССР на 1 января 1926 г.: Народный комиссариат внутренних дел: Статистический отдел. – М.: Издательство Главного управления коммунального хозяйства НКВД, 1926. – 285 с.
21. Торчинов В.А., Леонтьев А.М. Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. – СПб: Издательство Филологического факультета СПбГУ, 2000. – 608 с.
22. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). – М.: Европа, 2006. – 128 с.
23. Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. – М.: Кучково поле; Икс-Хистори, 2014. – 528 с.

Мемуары, дневники, письма, речи

1. «Кормят их гораздо лучше, чем нас»: Из дневника военнослужащего РККА, перешедшего на службу к гитлеровцам: 1943 г. // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 7. – С. 32–38.
2. *Аманжолов С.* Опыт политико-воспитательной работы в действующей армии. Усть-Каменогорск: ТОО печатное издательство-агентство «Рекламный Дайджест», 2010. – 120 с.
3. *Бекдемиров Г.В., Алиев А.* Трудящаяся молодежь и Красная армия. – Баку: Азгиз, 1930. – 23 с.
4. *Гойченко Д.* Красный апокалипсис: сквозь раскулачивание и голодомор. Мемуары свидетеля. – Киев: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА, 2013. – 399 с.
5. Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: Воспоминания участников: В 2 кн. – Махачкала: [Б.и.], 1960. – 708 с.
6. *Даниялов А.* Воспоминания. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1991. – 253 с.
7. *Даниялов Г.-А.Д.* Век моей судьбы. – Махачкала, 2003. – 277 с.
8. *Каганович Л.М.* Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профессора, партийного и советско-государственного работника. – М.: Вагриус, 1997. – 669 с.
9. *Калашник М.Х.* Испытание огнем. – М.: Мысль, 1985. – 412 с.
10. *Калинин Н.В.* Это в сердце моем навсегда. – М.: Воениздат, 1967. – 224 с.
11. *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. – Смоленск: Былина, 2001. – 456 с.
12. *Липкин С.И.* Сталинград Василия Гросмана. – Ann Harbor: Ardis, 1986. – 148 с.
13. *Мальцев Е.Е.* В годы испытаний. – М.: Воениздат, 1979. – 319 с.
14. *Манштейн Э.* Утерянные победы. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. – 896 с.
15. *Микоян А.И.* Так было. – М.: Вагриус, 1999. – 612 с.

16. *Ортенберг Д.И.* Год 1942. – М.: Политиздат, 1986. – 462 с.
17. *Ортенберг Д.И.* Сорок третий. – М.: Политиздат, 1991. – 414 с.
18. *Серов И.А.* Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. – М.: Просвещение, 2016. – 704 с.
19. *Стежеский В.И.* Солдатский дневник. – М.: Аграф, 2005. – 237 с.
20. *Слуцкий Б.* Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб.: Logos, 2000. – 352 с.
21. *Слуцкий Б.А.* О других и о себе. – М.: Вагриус, 2005. – 281 с.
22. *Тартаковский Б.Г.* Из дневников военных лет. – М.: АИРО-XX, 2005. – 270 с.
23. *Трояновский П.И.* На восьми фронтах. – М.: Воениздат, 1982. – 256 с.
24. *Тюленев И.В.* Через три войны. – М.: Воениздат, 1972. – 240 с.
25. *Харазия Х.Л.* Дорогами мужества. – М.: Воениздат, 1984. – 176 с.
26. *Хижняк И.Л.* Годы боевые: Воспоминания. – Краснодар: Кн. изд-во, 1957–1968. – 2 т. – Кн. 1. – 330 с. (1957); Кн. 2. – 239 с. (1968).
27. *Хрущев Н.С.* Люди. Время. Власть: Кн. 2. – Ч. 1. – М.: ИИК «Московские новости», 1999.

Исследования

1. *Абрамян Г.С.* Мощное оружие советских войск в боях за Крым: (1941–1942 гг.). – Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1975. – 198 с.
2. *Абрамян Э.* Кавказцы в Абвере. – М.: Издатель Быстров, 2006. – 352 с.
3. *Авторханов А.* Империя Кремля: Советский тип колониализма. Вильнюс: ИМОН, 1990. – 426 с.
4. *Мамедов Р.Г.* Азербайджанцы сражались за Родину. – Баку: Ширваннешр, 2005. – 160 с.
5. *Акульшин П., Гребенкин И.* Военная история: направления поиска, методы, проблемы // Исторические исследования в России–III: Пятнадцать лет спустя. М.: АИРО-XX, 2011. – С. 397–416.

6. *Аликберов Г.А.* Германские захватчики и советские народы Востока. – Махачкала: Изд-во газ. «Дагестанская правда», 1942. – 15 с.
7. *Аликберов З.М.* Защитники Кавказа: (По материалам Азербайджана и республик Северного Кавказа). – Баку: Азернешр, 1975. – 157 с.
8. *Аликберов З.М., Керимов И.К.* На фронте и в тылу: Патриотизм народов Дагестана в годы Великой Отечественной войны. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – 115 с.
9. *Аманжолов К.Р.* Под боевым знаменем: О мужестве и выполнении воинского долга соединениями Красной армии Казахстана (1918–1945 гг.). – Алма-Ата: Казахстан, 1991. – 174 с.
10. *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л.* Население Советского Союза: 1922–1991. – М.: Наука, 1993. – 143 с.
11. *Антонович А.* Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. – 1909. – № 11. – С. 241–274.
12. *Анучин Д.Н.* О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в Империи за 1874–1883 гг.), сравнительно с распределением роста в других странах. – СПб: Тип. В. Безобразова, 1889. – 206 с.
13. *Артамонов В., Васильев А.* Национальные воинские формирования в русской армии XV–XX веков // Отечество: Краеведческий альманах. – Вып. 3. – М., 1992. – С. 97–133.
14. *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: Мысль, 1979. – 199 с.
15. *Арутюнян К.А.* Участие армянского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945). – Ереван: Гитутюн, 2004. – 866 с.
16. *Арутюнян К.А.* Участие воинов-армян в Сталинградской битве (17 июля 1942 – 2 февраля 1943). – Ереван: Гитутюн, 2007. – 103 с.
17. *Арутюнян К.А.* Участие сынов армянского народа в битве под Москвой: (30 сентября 1941 г. – 20 апреля 1942 г.). – Ереван: Зангак, 2015. – 219 с.

18. *Аршаруни А.* Политработа в нацчастях: (к совещанию начпуокров) // Военный вестник. – 1924. – № 41. – 1 нояб. – С. 8–9.
19. *Атаев А.М.* Национальные формирования в Дагестане и зачем нужна обязательная военная служба. – Махач-Кала: Издание территориального управления ДССР, 1928. – 38 с.
20. *Ахмадеев Ш.* Как я веду работу среди бойцов, не знающих русского языка // Партийно-политическая работа в Красной армии. – Сборник статей и документов. – Вып. 3. – М.: Воениздат, 1943. – С. 151–154.
21. *Бабалашвили И.П.* Воины-грузины в боях за Украину в годы Великой Отечественной войны. – Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1969. – 254 с.
22. *Баберовски Й.* Враг есть везде: Сталинизм на Кавказе. – М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 855 с.
23. *Байдаров С.В.* Проблемы комплектования армии в России в конце XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 8. – С. 20–24.
24. *Баликоев Т.М.* Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: (1941–1945 гг.). – Владикавказ: Изд-во Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, 2000. – 186 с.
25. *Безугольный А.Ю.* «Источник дополнительной мощи Красной армии...»: Национальный вопрос в военном строительстве СССР 1922–1945. – М.: РОССПЭН, 2016. – 296 с.
26. *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны. – Stuttgart: Ibidem, 2005. – 267 с.
27. *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа и Красная армия: 1918–1945 гг.: политические аспекты военной службы. – М.: Вече, 2007. – 528 с.
28. *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Проблемы истории, историографии, источниковедения. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2012. – 479 с.
29. *Белосов С.С.* История формирования и боевые действия 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии на Нижнем Дону в воспоминаниях

- военнослужащих // Вестник Калмыцкого ин-та гум. иссл. РАН. – 2010. – № 1. – С. 22–31.
30. *Берхин И.Б.* Военная реформа в СССР 1924–1925 гг. – М.: Воениздат, 1958. – 460 с.
31. *Бикмеев М.А.* «Громить врага до полного его уничтожения»: Национальные воинские формирования башкирского народа периода Великой Отечественной войны. Специальный выпуск: «Башкортостан в составе России». – М.: [Б.и.], 2010. – С. 89–96.
32. *Бильдерлинг А.А.* К 25-летию всеобщей воинской повинности. [СПб.] : Воен. тип., [1899]. – 7 с.
33. *Блитстейн П.Э.* Национальное строительство или русификация? Обязательное изучение русского языка в советских нерусских школах: 1938–1953 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 310–335.
34. *Большевистский порядок в Грузии: Большой террор в маленькой кавказской республике: В 2 т. – Т. 1.* – М.: РОССПЭН, 2015. – 640 с.
35. *Бордюгов Г., Бухараев В.* Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах: Сборник статей. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 1999. – С. 21–73.
36. *Борисенок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006. – 256 с.
37. *Боярский А.Я.* Население и методы его изучения: Сборник научных трудов. – М.: Статистика, 1975. – 264 с.
38. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах: (20–60-е годы). – М.: Инсан, 1998. – 368 с.
39. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М.: Гриф и К, 2012. – 510 с.

40. Булатов Б.Б. Национальные формирования Красной армии на Северном Кавказе в годы гражданской войны // Гражданская война на Северном Кавказе. – Махачкала, 1982. – С. 194–196.
41. Бунятов З.М., Зейналов Р.Э. От Кавказа до Берлина. – Баку: Азернешир, 1990. – 224 с.
42. Бурназян Г.С. Участие национальных соединений закавказских республик в битве за Кавказ и последующих операциях Красной армии в Великой Отечественной войне. – Ростов н/Д: Ростовское высшее командно-инженерное училище им. М.И. Неделина, 1967. – 204 с.
43. Бурятская Краснознаменная. Исторические очерки. Воспоминания. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1968. – 137 с.
44. В годы суровых испытаний. Боевой путь 110-й отдельной калмыцкой кавалерийской дивизии. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1981. – 238 с.
45. В огне закаленные: О боевых делах воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 210 с.
46. Варсонофьев В.В. Этноконфессиональные воинские формирования как важнейший механизм формирования национальной идеологии: исторический опыт и перспективы // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2013. – № 2. – С. 93–106.
47. Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны: мифы и реальность // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 8: История. – 2003. – № 5. – С. 24–54.
48. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: В 12 т. Т. 11: Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР в годы войны. М.: Кучково поле, 2015. – 864 с.
49. Исмаилов А. Война и Победа: (Из истории Казахстана в 1941–1945 годах). – Шымкент: Экспресс печать, 2010. – 180 с.

50. Военные комиссариаты: История создания и развития (1918–2018 гг.) – М.: АО «Красная Звезда», 2018. – 368 с.
51. Вооруженные и военизированные формирования в СССР: взгляды, позиции, документы. – М.: ИПИ РАУ, 1991. – 168 с.
52. *Георгиева Н.Г.* Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2016. – № 1. – С. 7–19.
53. *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. – М.: МСНК-пресс, 2007. – 576 с.
54. *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р.* История немцев России. – М.: МСНК-пресс, 2005. – 238 с.
55. *Горовский Ф.Я., Рымаренко Ю.И.* Национальный вопрос и социалистическая практика: Опыт историко-теоретического анализа. – Киев: Выща школа, 1991. – 253 с.
56. *Попов Н.А.* Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны. – М.: Воениздат, 1981. – 416 с.
57. *Градосельский В.В.* Национальные воинские формирования в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. – 2002. – № 1. – С. 18–24.
58. *Градосельский В.В.* Национальные воинские формирования в Красной армии (1918–1938 гг.) // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 10. – С. 2–6.
59. *Григорьев В.К.* Панфиловцы: 60 дней подвига, ставших легендой. – Алматы: [б. и.], 2013. – 280 с.
60. *Гришин Я., Сайфутдин М.* «Волевой командир с твердым характером» (Х.Б. Мавлютов) // Эхо веков. – 2011. – № 3/4. – С. 35–40.
61. *Грошев И.И.* Сущность национальной политики КПСС. – М.: Мысль, 1982. – 303 с.
62. *Гужва Е.Г.* Основные тенденции развития политико-воспитательной работы в РККА в ходе военной реформы 1924–1925 годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Шестой Международной научно-

практической конференции 13–15 мая 2015 года. Ч. II. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2015. – С. 34–45.

63. *Гучмазов А., Траскунов М., Цкитишвили К.* Закавказский фронт Великой Отечественной войны. – Тбилиси: Изд-во ЦК КП Грузии, 1971. – 310 с.

64. *Давыдов В.* Как изменяется лицо новобранца // Военный вестник. – 1927. – № 13. – 2 апреля. – С. 40–42.

65. *Дмитриев Т.А.* «Это не армия»: Национальное военное строительство в СССР в контексте советской культурно-национальной политики (1920–1930-е годы) // Время, вперед! Культурная политика в СССР. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. – С. 108–132.

66. *Дружба О.В.* Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. – Ростов н/Д.: Изд. центр ДГТУ, 2000. – 212 с.

67. *Дружба О.В.* Великая Отечественная война: проблемы современной историографии // Известия вузов Северо-Кавказского региона. – 1995. – № 1. – С. 70–94.

68. *Емельянов Ю.В.* Участие прибалтийских национальных воинских формирований в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. – 2011. – № 4. – С. 218–219.

69. *Жарков В.В.* Значение национальных воинских формирований в развитии Вооруженных Сил в 30-е гг. XX века // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. – № 4. – Т. I. – С. 27–31.

70. *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. – М.: Наука, 1996. – 152 с.

71. *Захаров И.З.* Дружба, закаленная в боях. – М.: Мысль, 1970. – 278 с.

72. *Захаров М.* Национальное строительство в Красной армии. – М.: Издание военной типографии Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. – 90 с.

73. *Захаров М.* Национальные формирования и их организация // Военный вестник. – 1925. – № 19. – 23 мая. – С. 5–8.

74. *Захаров М.* Особенности обучения и быта в национальных частях // Военный вестник. – 1925. – № 22. – 13 июня. – С. 9–12.
75. *Захаров М.* Третий Съезд Советов СССР о национальном строительстве в Красной армии // Военный вестник. – 1924. – № 39. – 25 октября. – С. 5–7.
76. *Захаров М.* Царское правительство и военная служба горцев и народов Средней Азии // Военный вестник. – 1925. – № 20. – 30 мая. – С. 8–11.
77. *Захаров П.* Горные национальные части // Военный вестник. – 1925. – № 9. – 7 марта. – С. 53.
78. *Зейналов Р.Э., Бородецкий Л.С.* 416-я Таганрогская (Военно-исторический очерк). – Баку: Азербайджанское государственное издательство, 1969. – 256 с.
79. *Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. – 277 с.
80. *Ибрагимов М.М.* Власть и общество в период Великой Отечественной войны: (На примере северокавказских республик). – М.: Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1998. – 462 с.
81. *Иванов В.Е.* Национальные воинские части в СССР: опыт строительства и применения. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. высш. шк. МВД РФ, 1996. – 136 с.
82. *Ильинский.* Допризывная подготовка в Узбекистане // Военный вестник. – 1927. – № 3. – 22 января. – С. 52.
83. *Иовлев А.М., Воропаев Д.А.* Борьба Коммунистической партии за создание военных кадров (1918–1941 гг.). – М.: Воениздат, 1956. – 119 с.
84. *Исмаилов А.И.* Война и Победа: (Из истории Казахстана в 1941–1945 годах). – Шымкент: Экспресс печать, 2010. – 180 с.
85. *Исмаилов А.И.* И русские, и нерусские (Из опыта подготовки офицерских кадров в Среднеазиатском военном округе в годы войны) // Военно-исторический журнал. – 1988. – № 11. – С. 11–18.
86. *Исмаилов А.И.* История Казахстана: народы и культуры. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 600 с.

87. История Узбекистана: Курс лекций. – Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2012. – 273 с.
88. Источниковедение / *И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков* и др. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
89. *Кадыров Б.Г.* Армия и национальный вопрос: (1921–1938 гг.). – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001. – 133 с.
90. *Кадыров Б.Г.* Армия и общество: национальный вопрос и военное строительство в межвоенный период // Балтийский гуманитарный журнал. – 2013. – № 4. – С. 83–86.
91. *Каррер д'Анкокс Э.* Расколота империя: Национальный бунт в СССР. – Лондон: Overseas publ. interchange, 1982 – 381 с.
92. *Катанчиев Т.М.* Правда о дивизии. К истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. – Нальчик: Эль-Фа, 1999. – 210 с.
93. *Катуков В.* Национальное военное строительство в Казахстане. – Алма-Ата: Издание Юбилейной комиссии 10-летия Казакстана, 1930. – 39 с.
94. *Кен О.В.* Мобилизационное планирование и политические решения: (Конец 1920-х – середина 1930-х гг.). – М.: ОГИ, 2008. – 258 с.
95. *Киверцев А.* Об основных задачах окружной и национальной красноармейской печати // Военный вестник. – 1930. – 15 августа. – № 23. – С. 37–38.
96. *Кизивадзе П.* Воспитание красноармейцев нерусской национальности // Партийно-политическая работа в РККА. – 1940. – № 22–23. – С. 46–49.
97. *Кирсанов Н.А.* В боевом строю народов-братьев. – М.: Мысль, 1984. – 263 с.
98. *Кирсанов Н.А.* Национальные формирования Красной армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. – 1995. – № 6. – С. 116–126.
99. *Кирсанов Н.А.* По зову Родины: Добровольческие формирования Красной армии в период Великой Отечественной войны. – М.: Мысль, 1974. – 277 с.

100. *Курсанов Н.А., Дробязко С.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. – 2001. – № 6. – С. 60–75.
101. *Козинцев.* Допризывная подготовка в Каракольском кантоне Казакской АССР // Военный вестник. 1928. – № 28. – 28 июля. – С. 19–20.
102. *Козлов В.И.* Национальности СССР: этнодемогр. обзор. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 303 с.
103. *Колесник А.Д.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. – М.: Наука, 1988. – 286 с.
104. *Комал Ф.Б.* Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 2. – С. 21–28.
105. *Комков Г.Д.* На идеологическом фронте Великой Отечественной. – М.: Наука, 1983. – 297 с.
106. Комплектование Красной армии. – Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926. – 78 с.
107. *Кононыхин Н.М.* Партийная и советская печать в период Великой Отечественной войны. – М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. – 103 с.
108. *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности: (Октябрь 1917–1923 гг.). – М.: ИРИ РАН, 2007. – 446 с.
109. *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П.* История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – 304 с.
110. Критика фальсификаций национальных отношений в СССР. – М.: Политиздат, 1984. – 496 с.
111. *Кувшинов В.* О языке в нацчастях среднеазиатских республик // Военный вестник. – 1925. – № 6. – 14 февраля. – С. 62.
112. *Ланда Р.Г.* Мирсаид Султан-Галиев // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 53–70.

113. *Латин В.В.* Солдаты имперской армии на окраинах империи // Военно-мобилизационная деятельность государства и российское общество в XVIII–XX веках: Сборник статей междунар. науч. конф. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – С. 36–42.
114. *Ларионов А.Э.* Фронтовая повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь в РККА 1941–1945 гг. – М.: Золотое сечение, 2015. – 295 с.
115. *Лахтиков М.* Советская Армия – армия братства и дружбы народов СССР. – М.: Госполитиздат, 1952. – 132 с.
116. *Левин.* Политическая работа в национальных частях (По опыту Приволжского военного округа) // Военный вестник. – 1929. – 28 декабря. – № 48. – С. 25.
117. *Левичев В.* Задачи очередной вербовки в военные школы // Военный вестник. – 1928. – 5 мая. – № 17. – С. 2–4.
118. *Липкин С.И.* Сталинград Василия Гросмана. – Ann Harbor: Ardis, 1986. – 148 с.
119. *Лукин Ф.* Очередной призыв и политработа // Военный вестник. – 1937. – № 31. – 20 августа. – С. 10–12.
120. *Максимов К.Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. – М.: Наука, 2010. – 406 с.
121. *Малых В.А.* Развитие советского законодательства о всеобщей воинской обязанности. – М.: ВПА, 1977. – 40 с.
122. *Мамедов Р.Г.* Азербайджанцы сражались за Родину. – Баку: Ширваннешр, 2005. – 160 с.
123. *Мамукелашвили Э.* Военно-организаторская и идеологическая деятельность КПСС в битве за Кавказ (1942–1943 гг.). – Тбилиси: Телав. ГПИ, 1982. – 182 с.
124. *Маркарян В.М.* Исторический опыт КПСС по организации и руководству национальными частями Красной армии в годы мирного социалистического строительства (1922–1938 гг.) – Баку: [б. и.], 1975. – 44 с.
125. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР: 1923–1939. – М.: РОССПЭН, 2011. – 663 с.

126. *Мирошников С.Н.* Вопросы национальных вуз // Военный вестник. – 1925. – № 14. – 11 апреля. – С. 14–16.
127. *Митяев Д.* Красноармейская печать: (К 3-му Всесоюзному совещанию работников красноармейской печати) // Военный вестник. – 1925. – № 38. – 17 октября. – С. 18–21.
128. *Мовчин Н.* Комплектование Красной армии. (Исторический очерк). – М.: Штаб РККА. Управление по исследованию и использованию опыта войн. Издание Военной типографии Управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. – 292 с.
129. *Мурадян В.А.* Боевое содружество. Деятельность армейских партийных организаций по воспитанию советских воинов в духе дружбы народов на фронтах Великой Отечественной войны: (по материалам Юго-Западного, Воронежского, Северо-Кавказского и Западного фронтов за 1941–1943 гг.). – Баку: Азернешр, 1964. – 216 с.
130. *Мурадян В.А.* Братство, скрепленное кровью. – М.: Воениздат, 1978. – 320 с.
131. *Мустафаев А.Х.* Национальные отношения в СССР в трудах турецких авторов: (Критический анализ националистических концепций). – Баку: Элм, 1990. – 210 с.
132. *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация: (1941–1944). – М.: Воениздат, 1974. – 387 с.
133. Население России в XX веке: истор. очерки: В 3 т. Т. 2: 1940–1959 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 416 с.
134. *Натмеладзе М.* К вопросу участия Грузии в битве за Кавказ в 1941–1943 годах в русской историографии // Некоторые вопросы грузино-русских взаимоотношений в современной историографии. – Тбилиси: Универсал, 2011. – С. 141–153.
135. *Натмеладзе М., Даушвили А.* Новейшая история Грузии. – Тбилиси: Универсал, 2010 – 485 с.
136. Национальные военные формирования: вчера... сегодня? Завтра? [Материалы обсуждения за круглым столом, проведенные редакцией «Военно-

- исторического журнала»] // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 5. – С. 47–51.
137. Национальный вопрос и Советская Россия. – М.: Государственное издательство, 1921. – 90 с.
138. *Некрич А.* Наказанные народы. – Нью-Йорк: Хроника, 1978. – 170 с.
139. *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. – М.: Военный университет, 2000. – 170 с.
140. Они сражались за Родину: Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны: книга-хроника. – М.: Новый хронограф, 2005. – 352 с.
141. *Осмачко С.Г.* Красная армия в локальных войнах и конфликтах (1929–1941 гг.): боевой опыт и военная политика. – Ярославль: ЯЗРИ ПВО, 1999. – 221 с.
142. *Очиров У.Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: события, люди, история. (Сборник научных статей). – Элиста: АПП «Джангар», 2001. – С. 45–64.
143. *Очиров У.Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: К 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа. Материалы Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г. – Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – С. 53–60.
144. *Очиров У.Б.* Эффективность применения национальных кавалерийских дивизий в Великой Отечественной войне: мифы и реалии // *Magna adsurgit: historia studiorum.* – 2016. – № 2. – С. 8–23.
145. *Ошаев Х.Д.* Слово о полку чечено-ингушском. Сборник документально-художественных произведений. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 493 с.
146. *Панин Е.Н.* Участие латышских формирований Красной армии в битве за Москву в декабре 1941 г. // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: История России. – 2007. – № 1. – С. 5–13.

147. *Песикина Е.И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. – М.: АОН при ЦК ВКП(б). Кафедра истории ВКП(б), 1950. – 155 с.
148. *Петренко А.И.* Прибалтийские дивизии Сталина. – М.: Вече, 2010. – 384 с.
149. *Петров В.Т.* Советское строительство в национальных областях и нацмеррайонах Северного Кавказа. – Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1930. – 64 с.
150. Под боевым знаменем: О мужестве и выполнении воин. долга соединениями Красной армии Казахстана (1918–1945 гг.). – Алма-Ата: Казахстан, 1991. – 174 с.
151. Подвиги кыргызстанцев в годы Великой Отечественной войны. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. – 432 с.
152. *Подобед И.М., Комский Б.Г.* Когда гремели бои...: Культурно-просветительная работа на фронте в годы Великой Отечественной войны. – М.: Воениздат, 1983. – 283 с.
153. *Подустов Ф.Н.* Национальные воинские формирования Красной армии в Сибири и на Дальнем Востоке (1919–1938 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та. – 2005. – № 288. – С. 165–169.
154. *Покровский С.Н.* Казахстанские соединения в битве на Курской дуге. – Алма-Ата: Наука, 1973. – 130 с.
155. Политорганы Советских Вооруженных Сил: Историко-теоретический очерк. – М.: Воениздат, 1984. – 400 с.
156. *Полян П.М.* Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ-Мемориал, 2001. – 328 с.
157. Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура. Проблемы источниковедения советской истории. – М.: [Институт российской истории РАН], 1994. – 401 с.
158. *Пятницкий Н.В.* Устройство войск Красной армии и ее доктрина. – Париж, 1933. – 247 с.
159. *Райнс А., Рейзин В., Эльвих П.* В воздухе Латышский Режицкий...: Латышские летчики в Великой Отечественной войне. – Рига: Лесма, 1965. – 269 с.

160. *Редкин*. Укомплектование частей и его влияние на воспитание и обучение // Военный вестник. – 1925. – № 22. – 13 июня. – С. 50–51.
161. Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – М.: РАГС, 1995. – 221 с.
162. *Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. – СПб.: Издание картографического заведения А.А. Ильина, 1875. – 352 с.
163. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 640 с.
164. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: стат. иссл. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 608 с.
165. *Рубцов Ю.В.* Alter ego Сталина: Страницы политической биографии Л.З. Мехлиса. – М.: Звонница-МГ, 1999. – 302 с.
166. *Русина Ю.А.* Источниковедение новейшей истории России. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. – 236 с.
167. *Рымшиан М., Алексинский К.* Национальные формирования в буржуазных государствах и в СССР. – М.-Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1928. – 54 с.
168. *Савченко В.И.* Гвардейская Латышская. – Рига: Издательство Академии наук Латвийской ССР, 1961. – 166 с.
169. *Савченко В.И.* Латышские формирования на фронтах Великой Отечественной войны. – Рига: Зинатне, 1975. – 577 с.
170. *Саркисьян С.М.* 51-я армия: (Боевой путь). – М.: Воениздат, 1983. – 286 с.
171. *Саттеруп Д.* Комплектование сухопутных вооруженных сил. – М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. лит-ры, 1930. – 210 с.
172. *Сафроненко*. Опыт работы среди дагестанцев // Военный вестник. – 1927. – № 32. – 27 августа. – С. 50–51.
173. *Селезнев И.А.* Война и идеологическая борьба. – М.: Воениздат, 1964. – 238 с.

174. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.
175. *Сенявская Е.С.* 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. – М.: Институт Российской истории, 1995. – 87 с.
176. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. – М.: РОССПЭН, 1999. – 383 с.
177. *Сиднев [А.Ф.]* Призыв национальностей // Война и революция. – 1927. – № 5. – С. 69–83.
178. *Сидоров И.* Партийно-политическая работа в национальных частях РККА // Военный вестник. – 1932. – № 17–18. – 1–15 сентября. – С. 72–78.
179. *Синицын Ф.Л.* Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. – М.: Центрполиграф, 2018. – 543 с.
180. *Смирнов А.* От червонных старшин к красным лейтенантам // Родина. – 2015. – № 1. – С. 81–83.
181. Советские Вооруженные Силы: История строительства. – М.: Воениздат, 1978. – 516 с.
182. Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 окт. 2013 г. – М.: РОССПЭН, 2014. – 685 с.
183. Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. – Элиста: КИГИ РАН, 2015. – 373 с.
184. *Сон Ж.Г.* Проблемы национальных меньшинств в Красной армии 1930-х годов (на примере корейцев в особой Краснознаменной дальневосточной армии) // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 107–114.
185. *Стеклов А.* Красная армия Азербайджана. – Баку: Азгиз, 1928. – 30 с.
186. *Сухарь М.Я.* От Ашхабада до Эльбы. – Ашхабад: [Б. и.], 1963. – 72 с.
187. *Тархова Н.С.* Красная армия и сталинская коллективизация: 1928–1933 гг. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 375 с.
188. *Тасбулатов А.Б., Аманжолов К.* Военная история Казахстана: Очерки. – Алматы: Рауан, 1998. – 175 с.

189. *Тшиков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
190. *Трайнин М.П.* СССР и национальная проблема. – М.: Красная новь, 1924. – 224 с.
191. *Убушаев В.Б., Шаранова Е.П.* О создании национальных дивизий в составе Красной армии в союзных и автономных республиках СССР в декабре 1941 г. // Вестник института истории, археологии и этнографии (Махачкала). – 2016. – № 1. – С. 62–67.
192. *Филимошин М.В.* Наши павшие как часовые...: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах и военных конфликтах // Военно-исторический журнал. – 2000. – № 2. – С. 16–25.
193. *Хаген фон М.* Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874–1917 годы // Отечественная история. – 2004. – № 5. – С. 37–49.
194. *Хасанов А.* Воспитание бойцов нерусской национальности // Партийно-политическая работа в Красной армии: Сборник статей. – Вып. 6. – М.: Военное издательство НКО, 1946. – С. 112–116.
195. *Хатукаев А.Т.* Боевой путь 115-й кавалерийской дивизии. – Нальчик, Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1965. – 106 с.
196. *Хмара Н.И.* Из опыта национального строительства в СССР (1920-е–1930-е годы) // Отечественная история. – 2006. – № 3. – С. 126–139.
197. *Царицын А.* Работа среди отсталых народностей // Военный вестник. 1927. – № 22. – 11 июня. – С. 49.
198. *Цкитшвили К.В.* Закавказье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Тбилиси: Изд-во ЦК КП Грузии, 1969. – 490 с.
199. *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики: 1917–1924. – М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 2003. – 851 с.
200. *Черкис Н.* Опыт проведения допризподготовки в Казакстане // Военный вестник. – 1927. – № 6. – 12 февраля. – С. 58–59.

201. *Чугунцова Н.А.* Органы власти Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / Н.А. Чугунцова. – Краснодар: Издательский Дом «Юг», 2008. – 237 с.
202. *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: ИМЦ «Академкнига», 2003. – 592 с.
203. *Шульга И.И.* «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде» // Родина. – 2010. – № 5. – С. 28–31.
204. *Шульга И.И.* Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. – М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008. – 176 с.
205. *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов СССР. – Ставрополь, Изд-во СтГАУ «АГРУС»; Ставропольсервисшкола, 2003. – 336 с.
206. *Эйдининкас И.* Национальные воинские формирования: исторические аспекты и современность // Коммунист (Вильнюс). – 1989. – № 10. – С. 41–46.
207. *Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М.* История Литвы. – Вильнюс: Eugrimas, 2013. – 318 с.
208. *Юденков А.Ф.* Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941–1944 гг.). – М.: Мысль, 1971. – 358 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. *Алеценко П.Б.* Партийно-политическая работа в войсках Северо-Кавказского и Закавказского фронтов во время битвы за Кавказ (июнь 1942 – октябрь 1943): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Даг. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Махачкала: [б. и.], 1972. – 24 с.
2. *Аманжолов К.* Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917–1945): Дисс. ... д-ра ист. наук. – Алма-Ата [б. и.], 1987. – 383 с.

3. *Арутюнян К.А.* 76-я (51-я гвардейская) стрелковая дивизия и ее роль в защите социалистического Отечества (1920–1945): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ереван [б. и.], 1979. – 28 с.
4. *Баликоев Т.М.* Национальная политика Советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2003. – 37 с.
5. *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны: Дисс ... канд. ист. наук. – Ставропольский гос. ун-т. – Ставрополь, 2004. – 236 с.
6. *Бондарь А.Н.* Украинизация и национальные формирования в войсках Украинского военного округа в 1922–1935 годах: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова. – Одесса, 1997. – 23 с.
7. *Бурцев Л.А.* Территориально-милиционная система в РККА в 1923–1928 годы: (на материалах Московского военного округа): Автореф. дисс ... канд. ист. наук. – Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2009. – 23 с.
8. *Василенко Т.В.* Исторический опыт Советского государства по формированию патриотического и интернационального сознания советского народа в годы Великой Отечественной войны: (на материалах Северо-Кавказского региона): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Рос. эконом. акад. им. Г.В. Плеханова. – М., 2005. – 23 с.
9. *Гшлязов И.А.* Коллаборационистское движение среди тюрко-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы второй мировой войны: Дисс. ... д-ра ист. наук. – Казанский государственный университет. – Казань, 2000. – 400 с.
10. *Гуружапов А.Х.* Партийное руководство формированием национальных частей Красной армии и оборонно-массовой работой в Советской Бурятии (1923 – июнь 1941 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Иркут. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Иркутск, 1974. – 25 с.

11. *Дробязко С.И.* Восточные формирования в составе Вермахта: 1941–1945 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М. [б. и.], 1997. – 208 с.
12. *Ибрагимов М.М.* Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: (на примере национальных республик Северного Кавказа): Дисс. ... д-ра ист. наук. – Московский педагогический гос. ун-т. – М., 1999. – 484 с.
13. *Иванов В.Е.* Деятельность партийных и государственных органов по строительству и боевому применению национальных воинских частей в СССР, 1917–1946 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Московский гос. ун-т им. М. Ломоносова – М., 1995. – 188 с.
14. *Кадыров Б.Г.* Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика: Дисс. ... д-ра ист. наук. – Казан. гос. ун-т. – Казань, 2002. – 431 с.
15. *Кузьмина В.М.* Участие туркменского народа в создании и укреплении Вооруженных Сил Советского Союза (1917–1928 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – АН ТССР. Ин-т истории им. Ш. Батырова. – Ашхабад, 1969. – 24 с.
16. *Ларин П.А.* Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945 гг.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Тартусский гос. ун-т. – Таллин, 1972. – 43 с.
17. *Ларькин В.В.* Политические репрессии командно-начальствующего состава Закавказского военного округа в 1937–1938 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – Иркутский гос. ун-т. – Иркутск, 2016. – 380 с.
18. *Манг К.Х.* Создание народной армии в ходе социалистической революции 1940 года в Эстонии: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ин-т истории партии при ЦК КП Эстонии. Филиал ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Таллин:, 1971. – 36 с.
19. *Маркарян В.М.* Коммунистическая партия – организатор и руководитель национальных воинских формирований Красной армии в период мирного социалистического строительства. (1922–1938 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Военно-полит. акад. им. В. И. Ленина. – М., 1975. – 23 с.

20. *Марченко Г.В.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе (1917–1945 гг.): военно-историч. аспект: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2004. – 564 с.
21. *Мурадян В.А.* Деятельность КПСС и ее армейских организаций, военного командования и политических органов по интернациональному воспитанию воинов Советских Вооруженных Сил на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Ин-т истории партии при ЦК КП Грузии – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Тбилиси, 1969. – 56 с.
22. *Мяги А.А.* Партийно-политическая работа в войсках Советской армии в ходе освобождения Эстонской ССР от немецко-фашистских захватчиков: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова – Л., 1970. – 23 с.
23. *Назих Э.-Б.Р.* Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923–1939 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. – Рос. гос. социал. ун-т. – М., 2011. – 174 с.
24. *Намнанов Д.Д.* Национальные формирования Красной армии в Бурятии в 1924–1939 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Бурятский ун-т. – Улан-Удэ, 1997. – 22 с.
25. *Никитин Д.Н.* Журнал «Революция и национальности»: Теория и практика национального строительства в СССР (1930–1937 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – МГУ им. М.В. Ломоносова – М., 1997. – 19 с.
26. *Панин Е.Н.* Деятельность латышских национальных формирований на территории СССР в годы Великой Отечественной войны: июнь 1941 г. – май 1945 г.: Дисс. ... д-ра ист. наук. – Рос. гос. социал. ун-т. – М., 2009. – 468 с.
27. *Подпрятков В.Н.* Национальные вооруженные формирования народов России и СССР в XVIII – первой половине XX вв.: Дисс. ... д-ра ист. наук. – Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2012. – 525 с.
28. *Рожков А.Ю.* Молодой человек в Советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты,

красноармейцы): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 2003. – 44 с.

29. *Сагынбаев О.* Посланцы Кыргызстана на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Опыт и уроки: преодоление стереотипов: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. - Бишкек: Национальная академия наук Кыргызской Республики. Институт истории, 1997 – 36 с.

30. *Саркисян С.М.* 408-я стрелковая армянская дивизия в битве за Кавказ: Дисс. ... канд. ист. наук. – АН Арм. ССР. Ин-т истории. – Ереван, 1966. – 24 с.

31. *Синицын Ф.Л.* Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2009. – 29 с.

32. *Синицын Ф.Л.* Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР: национальный и религиозный аспекты: Дисс. ... д-ра ист. наук. – НИИ(ВИ) ВАГШ ВС РФ. – М., 2018. – 548 с.

33. *Степанян В.Т.* Разрешение национального вопроса как фактор укрепления оборонной мощи СССР: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Воен.-полит. акад. им. В.И. Ленина. – М., 1989. – 20 с.

34. *Сухарь М.Я.* Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дисс. ... д-ра ист. наук. Ашхабад, 1981. – 464 с.

35. *Тархова Н.С.* Красная армия и коллективизация советской деревни 1928–1933 гг.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Саратовский гос. соц.-эконом. ун-т. – Саратов, 2006. – 43 с.

36. *Шульга И.И.* Воинская служба поволжских немцев и ее влияние на формирование их патриотического сознания: 1874–1945 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2001. – 22 с.

Литература на иностранных языках

На украинском языке

1. Безсмертя. Книга Пам'яті України. 1941–1945. – Київ: Пошуково-видавничче агентство «Книга Пам'яті України», 2000. – 944 с.
2. Від Рейхстагу до Івдзіми. У полум'ї війни. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. – 352 с.
3. Військове будівництво в Україні у ХХ столітті: Історичний нарис, події, портрети. – Київ: Видавничий Дім «Ін Юре», 2001. – 448 с.
4. Воєнна історія України від давнини до сьогодення. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. – 352 с.
5. Герої визволення України / Авт.-упорядник П.Л. Машовець. – Київ: Україна, 2007. – 111 с.
6. *Гриневич В.* Утворення Наркомату оборони УРСР у 1944 році: з історії однієї політичної гри // Укр. іст. журнал. – 1991. – № 5. – С. 29–35.
7. *Гриневич В.А.* Національні проблеми в Червоній армії в період визволення України від німецько-фашистських загарбників (грудень 1942 – жовтень 1944 рр.): Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. – Київ, 1994. – 21 с.
8. *Гриневич Л.В.* Військове будівництво в Україні у 20-ті – на початку 30-х рр. ХХ ст.: національний аспект: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. – Львов, 1995. – 23 с.
9. Історія українського війська (1917–1995). – Львів, 1996. – 840 с.
10. Історія українського війська. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. – 416 с.
11. *Коваль М.В.* Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.) – Київ, 1999. – 336 с.
12. *Легасова Л., Шевченко Н.* Друга світова війна і Україна. Музейний аспект теми / // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. – 2008. – Вип. 11. – С. 20–31.

13. *Лисенко О.Є.* Важкий шлях до миру: українське суспільство та влада у середині 1940 – на початку 1950-х рр. // Український історичний журнал. – 2015. – № 5. – С. 19–42.
14. *Литвин В.* Історія України: підручник / Відп. ред. В. Смолій. НАН України. Інститут історії України. – Київ: Наукова думка, 2013. – 991 с.
15. *Мисечко А.І.* Методичні рекомендації та програма спеціального курсу «Історія українського війська» для студентів III курсу денного відділення історичного факультету. – Одеса, 2011. – 30 с.
16. *Папікян А.* До історії народного комісаріату оборони Української РСР (1944 – 1945 рр.) / // Українська національна ідея: реалії та перспективи розвитку: Зб. наук. пр. – Львів, 2008. – Вип. 20. – С. 109–114.
17. *Папікян А.* Збройні Сили України двадцятого століття. – Львів, Вид-во: ДУ «Львівська політехніка», 1999. – 320 с.
18. *Патриляк І.К., Боровик М.А.* Україна в роки Другої світової війни: спроба нового концептуального погляду. – Київ: Ніжин, 2010. – 590 с.
19. *Поле битви – Україна. Від «володарів степу» до «кіборгів».* Воєнна історія України від давнини до сьогодення. – Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. – 352 с.
20. *Рибченко Л.* Персональний облік людських військових втрат Червоної армії у Великій Вітчизняній війні // Київські адреси сповіщень про загибель: дослідження, документи, свідчення. – Київ: Аеростат, 2013. – С. 50–78.
21. *Рибченко Л.В.* Документальний фонд з обліку людських втрат Національного музею історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 років як джерело з вивчення проблеми радянських військових мобілізацій 1943–1944 років // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. – Т. 19 (2). – Київ, 2009. – С. 129–139.
22. *Рибченко Л.В.* Радянські військові мобілізації 1943 р. на території Лівобережної України: Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. – Київ, 2010. – 16 с.

23. *Рибченко Л.В.* Радянські військові мобілізації 1943 року (Київська область, Обухівський район) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. – 2009. – Вип. 12. – С. 103–112.
24. *Україна в полум'ї війни 1941–1945.* – Київ: Україна, 2005. – 560 с.
25. «Українізація» 1920–30-х років: Передумови, здобутки, уроки / *В.М. Даниленко, Я.В. Верменич, П.М. Бондарчук та ін.; В.А. Смолій* (відп. ред.). – Київ: НАН України. Ін-т історії України, 2003. – 392 с.
26. *Шевченко В.* До питання про характер боротьби українського народу проти фашистських агресорів (1939–1945 рр.) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. – 2008. – Вип. 11. – С. 42–53.

На казахском языке

27. Жеңіс сарбаздары. Қазақстан Ұлы Отан соғысы жылдарында 1941–1945. [б.о.ж.] : [б. ж.], 2015. – 181 б.
28. Қазақтар Ленинград майданында. – Астана: Елорда, 2005. – 179 б.
29. *Қалиев, БІ* Ұлы жеңістің 60 жылдығы – ерлік пен елдігіміздің мерекесі. – Қызылорда: Тұмар, 2005. – 248 б.
30. Өшпес даңқ: Қазақтың 100-және 101-ұлттық атқыштар бригадалары. – Алматы: Азия Арна, 2013. – 478 б.
31. Ұлы жеңістің 60 жылдығы – ерлік пен елдігіміздің мерекесі / *Қалиев, БІ, Ай-досов, А* – Қызылорда: Тұмар, 2005. – 248 б.

На английском языке

32. *Alexiev R., Wimbush S.* Ethnic Minorities in the Red Army. Asset or Liability? – Boulder and London: Westview Press, 1988. – 276 p.
33. *Altstadt A.L.* The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. – Stanford: Stanford University, 1992. – 331 p.

34. *Curran S.L, Ponomareff D.* Managing the Ethnic Factor in the Russian and the Soviet Armed forces: An Historical Overview. – Santa Monica: Rand, July 1982. – 41 p.
35. *Dallin A.* German Rule in Russia. 1941–1945: A Study of Occupation Policies. – London: Macmillan, 1957. – 695 p.
36. *Glanz D.M.* Colossus Reborn. The Red Army at War, 1941–1943. – Lawrence: University Press of Kansas, 2005. – 755 p.
37. *Hagen M.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship. The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. – Ithaca: Cornell University, 1990. – 397 p.
38. *Hassassian M.S.* Armenia's Struggle for Self Determination. – Jerusalem: Hai Tad publ., 1984. – 46 p.
39. *Jones E.* Red Army and Society. A Sociology of the Soviet Military. – Boston: Allen & Unwin, 1985. – 230 p.
40. *Lobinger J.H.* Minority Nationalities in the Soviet Armed Forces. – Oklahoma-city: University of Oklahoma, 1973. – 189 p.
41. *Merridale C.* Ivan's War. The Red Army 1939–1945. – London: Faber & faber, 2005. – 383 p.
42. *Rakowska-Harmstone T.* Red Army as an Instrument of National Integration. – Carlisle Barracks: US Army War College, 1978. – 190 p.
43. *Rakowska-Harmstone T.* "Brotherhood in Arms": The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces // Ethnic Armies: Polyethnic Armed Forces from the Time of the Habsburgs to the Age of the Superpowers. – Waterloo (Canada): Wilfrid Laurier Press, 1990. – P. 123–157.
44. *Rawkowska-Harmstone T.* Nationalities and the Soviet Military // The Nationalities Factor in Soviet Politics and Society. – Boulder, 1990. – P. 72–94;
45. *Reese R.* Stalin's Reluctant Soldiers: A Social History of the Red Army, 1925–1941. – Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1996. – 272 p.
46. *Reitlinger G.* The House built on Sand: The Conflicts of German Policy in Russia: 1939–1945. – London, 1960. – 459 p.

47. *Sanborn J.A.* Drafting the Russian nation. Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. – 278 p.
48. *Shnirelman V.* The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia. – Osaka: National Museum of Ethnology (Senri Ethnological Studies, № 57), 2001. – 465 p.
49. *Suny R.G.* The Making of the Georgian Nation. – London: Indiana University Press, 1978. – 232 p.
50. *Swientochowski T.* Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. – New York: Columbia University Press, 1995. – 290 p.
51. *Szayna Th.* The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces. The Muslim Dimension. – Santa Monica: Rand, 1991. – 59 p.
52. The Three Occupations of Latvia 1940–1991. Soviet and Nazi take-overs and their Consequences. OCCUPATION Rēga: Museum Foundation 2005. – 51 p.
53. *Walker C.J.* Armenia: The Survival of a Nation. – New York: Routledge, 1992. – 480 p.

На немецком языке

54. *Beckmann L., Buhlmann H.* [et. al.]. Die 13. Panzer-Division. 1935–1945. – Eggolsheim: Dörfler Verlag GmbH, 2003. – 176 S.
55. *Boog H., Rahn W.* [et. al.]. Der Globale Krieg: Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Inicitiawe 1941–1943. – Stutgard: Deutsche Verlags-Anstalt, 1990.
56. *Hoffmann J.* Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. – Freiburg: Verlag Rombach, 1974. – 214 S.
57. *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion (Einzelschriften zur Militärgeschichte) Sowjetunion. – Freiburg: Rombach Verlag KG, 1991. – 534 S.
58. *Hoffmann J.* Ostenlegionen 1941 bis 1943. – Freiburg: Rombach, 1976. – 197 S.

59. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (KTB/OKW). – Band I–II. 1.1.1942–31.12.1942. – Frankfurt am Main: Bernard & Graefe Verlag für Wehrwesen 1963. – 1528+800 S.
60. *Mackensen von E.* Vom Bug zum Kaukasus: Das III. Panzerkorps in Feldzug gegen Sowjetrußland: 1941/42. – Neckargemund: Kurt Vowinkel Verlag, 1967. – 197 S.
61. *Schwarz E.* Die Stabilisierung im Süden der Ostfront nach der Katastrophe von Stalingrad und dem Rückzug aus dem Kaukasus. – Köln: Universität Standort, 1981. – 401 S.
62. *Tieke W.* Der Kaukasus und das Öl.: Der deutsch-sowjetische Krieg in Kaukasien 1942/43. – Osnabrück: Munin, 1967. – 311 S.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица 7. Удельное представительство титульных народов союзных республик СССР в рядах РККА в 1931–1941 гг.

	Русские	Украинцы	Белорусы	Всего славян	Казахи	Узбеки	Киргизы	Таджики	Туркмены	Всего народов Средней Азии	Армяне	Азербайджанцы	Грузины	Всего народов Закавказья	Всего народов Закавказья и Средней Азии
На 1.1.1931	64,55	18,43	4,9	87,88	0,15	0,35	Н.д.	0,06	0,18	0,74	1,14	0,45	1,23	2,82	3,56
На 1.1.1936	66,16	19,39	3,69	89,24	0,24	0,29	Н.д.	0,09	0,17	0,79	0,78	0,52	0,63	1,93	2,72
На 6.1.1937 (по военной переписи)	66,22	19,53	3,76	89,51	0,24	0,2	0,02	0,07	0,13	0,66	0,79	0,52	0,8	2,11	2,77
На 1.2.1938	66,14	18,94	3,41	88,49	0,31	0,24	Н.д.	0,14	0,18	0,87	0,8	0,29	0,8	1,89	2,76
На 17.1.1939 (по военной переписи)	65,73	19,31	3,64	88,6	0,74	0,43	0,05	0,08	0,09	1,39	0,78	0,36	0,8	1,94	3,03
На 1.1.1940	63,98	18,79	3,67	86,44	1,07	1,09	Н.д.	0,2	0,27	2,63	0,93	0,54	1,07	2,54	5,17
На 1.7.1940	60,97	19,58	4,13	84,68	1,39	1,87	0,32	0,34	0,3	4,22	0,94	0,9	1,2	3,04	7,26
На 1.1.1941	56,39	20,24	4,35	80,98	1,66	2,45	0,41	0,47	0,33	5,32	1,18	1,09	1,37	3,64	8,96

Составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 3. Л. 3; Д. 87. Л. 1–39; Д. 114. Л. 2; Д. 167. Л. 2, 5.

Приложение 2

Таблица 16. Численность и удельный вес тюркских, финно-угорских народов РСФСР и евреев в рядах РККА в годы Великой Отечественной войны

	На 1.1.41	Уде льн ый вес в %	На 1.7.42	Удель ный вес в %	На 1.1.43	Удель ный вес в %	На 1.7.43	Удель ный вес в %	На 1.1.44	Удел ьный вес в %	На 1.7.44	Удель ный вес в %	На 1.1.45	Уде льн ый вес в %	Удельны й вес по Всесоюз ной перепис и 1939 г.
Татары	71702	1,99	243039	2,49	229196	2,55	276422	2,39	243157	2,16	217438	1,82	227076	1,85	2,53
Чуваши	28970	0,8	92413	0,95	80485	0,89	91420	0,79	80232	0,71	74662	0,62	74939	0,61	0,8
Мордвины	25341	0,7	85251	0,87	80557	0,9	92211	0,8	80322	0,71	76842	0,64	74541	0,61	0,85
Марийцы	8700	0,24	33182	0,34	27826	0,31	31074	0,27	26409	0,23	24324	0,2	23500	0,19	0,28
Удмурты	10101	0,28	33439	0,34	34087	0,38	34764	0,3	29392	0,26	26469	0,22	25822	0,21	0,36
Башкиры	14301	0,37	45556	0,47	40368	0,45	49322	0,43	41323	0,37	38784	0,32	36680	0,3	0,49
Буряты	3438	0,1	17028	0,17	16774	0,19	18983	0,16	16142	0,14	14974	0,13	15399	0,13	0,18
Коми	7592	0,21	22411	0,23	25013	0,28	24693	0,21	21505	0,19	19816	0,15	17803	0,15	0,25
Евреи	66279	1,84	178152	1,83	172118	1,91	208925	1,8	196576	1,74	201039	1,68	200552	1,64	1,78
Карелы	5617	0,16	11488	0,12	11585	0,13	12927	0,11	12146	0,11	10714	0,09	11695	0,1	0,15
ВСЕГО	242041	6,69	761959	7,81	718009	7,99	840741	7,26	747204	6,62	705062	5,87	708007	5,79	7,67

Подсчитано и составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

Приложение 3

Таблица 18. Численность и удельный вес представителей народов СССР, не призываемых в армию среди личного состава РККА в 1941–1945 гг.

	На 1.1.41	Удель ный вес в %	На 1.7.42	Удель ный вес в %	На 1.1.43	Удель ный вес в %	На 1.7.43	Удель ный вес в %	На 1.1.44	Удель ный вес в %	На 1.7.44	Удель ный вес в %	На 1.1.45	Удель ный вес в %	Удель ный вес по переп иси 1939 г.
Калмыки	2686	0,07	8740	0,09	5906	0,07	7306	0,06	6667	0,06	2351	0,02	2233	0,02	0,08
Финны	3115	0,09	2078	0,02	2266	0,03	1762	0,02	1929	0,02	1655	0,01	1785	0,01	0,09
Немцы	16576	0,46	322	0,003	1427	0,02	170	0,001	294	0,003	169	0,001	183	0,001	0,84
Греки	2529	0,07	2560	0,03	2012	0	2977	0,03	4215	0,037	3375	0,03	3069	0,03	0,17
Китайцы	59	0,002	238	0,002	291	0,003	658	0,006	810	0,007	592	0,005	567	0,005	0,02
Болгары	958	0,03	928	0,01	689	0,008	865	0,007	923	0,008	3516	0,03	2729	0,02	0,07
Поляки	9886	0,27	7212	0,07	5603	0,06	6795	0,06	8228	0,07	18871	0,16	24180	0,2	0,37
Осетины	5242	0,15	15388	0,16	12456	0,14	15425	0,13	14297	0,13	13177	0,11	13222	0,11	0,21
Кабардинцы и балкарцы	3406	0,09	10654	0,11	4810	0,05	5008	0,04	4570	0,04	3473	0,03	3565	0,03	0,11
Чеченцы и ингуши	4827	0,13	4446	0,04	3386	0,08	4008	0,03	3536	0,03	1720	0,01	1635	0,01	0,3
Народности Дагестана	11489	0,32	25739	0,26	18094	0,2	18292	0,16	12538	0,11	10962	0,09	10360	0,08	0,5
ВСЕГО	60773	1,68	78305	0,80	56940	0,66	63266	0,54	58007	0,52	59861	0,50	63528	0,52	2,66

Подсчитано и составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

Приложение 4

Таблица 22. Соотношение русских, украинцев, белорусов и евреев с остальными народами среди личного состава РККА в 1931–1941 гг.

	17.12.1926 г.			1.1.1931 г.			1.1.1936 г.			1.2.1938 г.			1.1.1941 г.		
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
	Начальствующий состав			Начальствующий состав			Начальствующий состав			Начальствующий состав			Начальствующий состав		
	Рядовой состав			Рядовой состав			Рядовой состав			Рядовой состав			Рядовой состав		
	Курсантский состав военных школ			Курсантский состав военных школ			Курсантский состав военных школ			Курсанты сухопутных военных училищ (без училищ ВВС)					
Русские	69,86	63,16	59,17	69,47	63,46	64,92	67,32	66,23	65,42	65,57	67,61	57,98	64,21	53,34	61,44
Украинцы	10,15	18,64	14,58	11,66	19,28	18,53	15,87	19,34	20,17	18,33	17,13	21,91	21,26	19,56	23,01
Белорусы	4,85	4,13	6,25	4,82	4,94	5,11	4,53	3,11	4,24	4,63	2,75	3,85	4,44	4,34	4,8
Евреи	4,7	1,63	3,53	4,19	1,81	2,82	5,06	1,27	3,36	4,93	2,79	3,43	3,57	1,54	3,1
ВСЕГО	89,56	87,56	83,53	90,14	89,49	91,38	92,78	89,95	93,19	93,46	90,28	87,17	93,48	78,78	92,35
Остальные национальности	10,44	12,44	16,47	9,86	10,51	8,62	7,24	10,05	6,81	6,54	9,72	12,83	6,52	21,22	7,65

Подсчитано и составлено автором по: ЦАМО. Ф. 7. Оп. 24. Д. 17. Л. 7–117; Д. 87. Л. 1–39; Оп. 26. Д. 123. Л. 2, 21.

Приложение 5

Таблица 28. Сведения о курсантском составе военных училищ САВО на 1.1.1942 г. (без учета курсантов национальных месячных курсов), чел.

Наименование училища	Место дислокации	Крайние сроки выпуска	Русских	Украинцев	Белорусов	Казахов	Киргизов	Таджик	Узбеков	Туркмен	Армян	Осетин	Мордвин	Чувашей	Евреев	Башкир	Уйгуров	Татар	Других
Орловское пехотное	Чарджоу	5.1 – 10.7.42	1453	260	35	28	3	1	11	-	43	6	19	10	23	-	2	313	21
Гомельское пехотное	Катта-Курган	25.3 – 25.5.42	1581	357	34	25	7	4	20	4	11	-	14	9	93	7	1	93	9
Харьковское училище химзащиты	Ташкент	Н.д.	175	926	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	34	-	-	2	2
Ташкентское пехотное	Ташкент	Янв. – июль 42	1410	145	21	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Н.д.
Воронежское военное училище связи	Самарканд	Май-авг. 1942	883	127	7	1	-	-	1	-	7	-	5	1	34	-	-	73	1
Ташкентское кавалерийское	Ташкент	Май 1942	699	192	-	3	-	5	2	1	11	3	9	-	-	4	-	52	18
Харьковское танковое	Чирчик	1.3 – 1.8.42	539	1260	26	-	-	-	-	-	5	2	-	1	138	-	-	4	12
Всего			6740	3267	123	63	10	10	34	5	77	11	47	21	322	11	3	537	63
В процентах			59,7	28,9	1,1	0,6	0,1	0,1	0,3	0,05	0,7	0,1	0,4	0,2	2,8	0,1	0,04	4,8	0,5

Подсчитано и составлено по: ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12843. Д. 82. Л. 158, 291, 294, 373, 375, 382, 382об, 384.

Приложение 6

Таблица 32. Характеристика офицерского состава Красной армии к началу Великой Отечественной войны и к концу войны по национальности (без учета политсостава и ВВС)

	Русских	Украинцев	Белорусов	Азербайджанцев	Грузин	Армян	Туркмен	Узбеков	Таджиков	Казахов	Киргизов	Карело-финнов	Молдаван	Литовцев	Латышей	Эстонцев	Евреев	Других
На 1 июня 1941 г.																		
Весь офицерский состав, чел.	229897	86353	19490	Н.д.	2592	2606	93	293	Н.д.	437	Н.д.	207	Н.д.	1556	1432	1510	15469	11085
В процентах	61,5	23,1	5,2	Н.д.	0,7	0,7	0,05	0,1	Н.д.	0,1	Н.д.	0,05	Н.д.	0,4	0,4	0,4	4,1	3,2
В том числе комсостав пехоты, чел.	70954	25596	5374	Н.д.	1092	972	38	107	Н.д.	200	Н.д.	115	Н.д.	440	599	630	3139	5474
В процентах	61,9	22,3	4,7	Н.д.	1,0	0,8	0,03	0,1	Н.д.	0,17	Н.д.	0,1	Н.д.	0,4	0,5	0,5	2,7	4,8
На 1 мая 1945 г.																		
Весь офицерский состав, чел.	923024	227324	4829	6285	11620	13385	3344	4441	1366	8028	9052	1113	931	982	2029	2493	63845	58024
В процентах	66,8	16,4	3,2	0,5	0,8	1,0	0,2	0,3	0,1	0,6	0,7	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	4,6	4,2
В том числе комсостав пехоты, чел.	341164	74750	12411	2568	4970	5197	2435	2931	727	5662	585	424	328	351	1024	1158	11904	26060
В процентах	69,0	15,1	2,5	0,5	1,0	1,0	0,5	0,6	0,1	1,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	2,4	5,3

Приложение 7

Таблица 33. Офицерский, сержантский и рядовой состав фронтовых объединений по национальностям на 1.1.1945 г., чел.

	Русские			Украинцы			Белорусы			Молдаване		
	Офицеры	Сержанты	Рядовые	Офицеры	Сержанты	Рядовые	Офицеры	Сержанты	Рядовые	Офицеры	Сержанты	Рядовые
3-й Белорусский фронт	70592	125010	260784	16710	27663	83281	3578	8235	46768	39	105	4531
2-й Белорусский фронт	83040	153849	306443	19155	34201	98395	4367	11730	58780	55	202	31688
1-й Белорусский фронт	98004	180460	344774	25568	51812	145236	4783	10579	64841	91	343	23533
1-й Украинский фронт	100231	184903	310823	27542	70573	244395	4532	5622	11536	85	470	10195
2-й Украинский фронт	53119	82828	166413	16908	30624	121922	2273	2369	7070	108	279	7512
3-й Украинский фронт	42910	69301	142052	13462	29307	99962	2079	2285	4032	49	507	3834
4-й Украинский фронт	27231	40299	83382	9068	18110	71526	1103	1334	3637	23	132	5584
Всего	475127	836650	1614671	128413	262290	864717	22715	42154	196664	450	2038	86877

Составлено автором по: ЦАМО. Ф. Оп. 26. Оп. 366. Л. 5–11.

Приложение 8

Таблица 34. Сведения о количестве полковников, подполковников, майоров всех родов войск (в том числе ВВС и политсостав)

по национальностям на 1 мая 1944 г. (без центральных управлений НКО СССР)

		Всего	Русские	Украинцы	Белорусов	Грузин	Армян	Азербайджанцев	Туркмен	Узбеков	Казахов	Киргиз	Таджиков	Карел	Молдаван	Латышей	Литовцев	Эстонцев	Евреев	Татар	Чувашей	Коми	Осетин	Марийцев	Башкир	Мордвин	Удмуртов	Бурят	Калмыков	Немцев	Поляков	Других
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
Полковник	Чел.	8763	6436	1044	364	65	64	20	-	2	-	2	3	7	3	48	19	40	507	47	13	4	6	3	9	12	1	-	1	2	22	19
	В %	100	73,47	11,93	4,17	0,77	0,75	0,23	-	0,01	-	0,02	0,03	0,07	0,03	0,55	0,21	0,46	5,79	0,53	0,14	0,04	0,06	0,03	0,09	0,13	0,01	-	0,01	0,02	0,26	0,22
Подполковник	Чел.	21915	15095	3301	957	158	200	44	2	9	8	1	7	36	11	65	31	68	1510	134	35	18	42	5	8	59	6	4	4	2	46	49
	В %	100	68,86	15,06	4,37	0,72	0,91	0,25	0,01	0,04	0,04	0,01	0,03	0,11	0,05	0,29	0,14	0,31	6,89	0,61	0,15	0,08	0,19	0,03	0,04	0,25	0,03	0,02	0,02	0,01	0,20	0,22
Майор	Чел.	78500	52464	12286	3110	636	868	216	12	85	104	11	54	113	64	111	56	160	6578	540	222	66	133	25	82	197	35	18	2	76	164	
	В %	100	66,83	15,65	3,83	0,82	1,08	0,27	0,01	0,10	0,13	0,01	0,07	0,14	0,07	0,14	0,07	0,20	8,38	0,68	0,28	0,08	0,16	0,03	0,09	0,28	0,04	0,02	0,02	0,01	0,09	0,21
Всего	Чел.	109178	73992	16631	4431	860	1122	280	14	95	112	14	64	156	76	224	106	268	8595	721	270	88	181	33	99	268	42	22	17	6	144	232
	В %	100	67,59	15,23	4,05	0,78	1,02	0,25	0,01	0,09	0,10	0,01	0,04	0,15	0,08	0,21	0,10	0,24	7,87	0,66	0,24	0,08	0,18	0,03	0,09	0,24	0,04	0,02	0,02	0,01	0,14	0,21

ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11454. Д. 148. Л. 65.